

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ
ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1947

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик *Б. Д. Греков* (ответственный редактор),
член-корреспондент АН СССР *Н. М. Дружинин*, *В. Д. Мочалов*,
член-корреспондент АН СССР *С. Д. Сказкин*
Ответственный секретарь *И. У. Будовниц*

А. Б. БЕРКЕВИЧ

КРЕСТЬЯНСТВО И ВСЕОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ИЮЛЕ 1914 Г.

I

Буржуазные историки и мемуаристы по совершенно понятным причинам обходят молчанием факты, характеризующие реакцию широких народных масс на объявление первой мировой войны в июле 1914 г. Ссылки на эти факты мы встречаем лишь в тех случаях, когда представителям той или иной группировки империалистических государств необходимо было доказать «правоту» своего лагеря. «Русский народ не испытывал подобного патриотизма с 1812 г.»,¹ — пишет в своих мемуарах посол Франции при петербургском дворе Морис Палеолог. Запись германского посла графа Пурталеса, наблюдавшего за событиями, происходившими в то же время и на тех же петербургских улицах, совершенно противоположна по содержанию. «Нигде не наблюдалось ни малейших признаков воинственного одушевления, — пишет Пурталес, — гораздо скорее можно было заметить признаки живой тревоги, как бы дело не дошло до войны».² Моральное состояние страны в духе воинственного энтузиазма было немаловажным условием будущей победы. Это прекрасно понимали все поджигатели войны. Отсюда диаметрально-противоположные оценки одних и тех же явлений представителями двух враждующих держав.

Наша задача заключается в том, чтобы восстановить действительную картину происходивших событий и, опираясь на конкретные факты, дать ответ на вопрос, как же была встречена народными массами империалистическая война 1914 г.? Трудность решения этой проблемы связана прежде всего с характером источников, которыми может располагать исследователь. Царское правительство, как и правительства других воюющих стран, с величайшей тщательностью скрывало каждый факт протеста против войны. «В одном отношении, — писал Ленин, — русское правительство не отстало от своих европейских собратьев: так же, как и они, оно сумело осуществить обман «своего» народа в грандиозном масштабе. Громадный, чудовищный аппарат лжи и хитро-сплетений был пущен в ход и в России...».³

¹ М. Палеолог. Царская Россия во время мировой войны, М.—П., 1923, стр. 73

² Граф Пурталес. Между миром и войной, М.—П., 1923, стр. 51.

³ В. И. Ленин. Соч., 3-е изд., т. XVIII, стр. 207.

Рабочая печать была разгромлена накануне войны. Для всей остальной периодической печати 20 июля 1914 г., в день опубликования манифеста о войне, была введена военная цензура, строго следившая за тем, чтобы в печать не проникали какие-либо сообщения о рабочих или крестьянских волнениях. Этот запрет, впрочем, совершенно был излишен для буржуазной печати, с восторгом встретившей начало империалистической войны.

Буржуазная печать не за страх, а за совесть помогала царскому правительству обманывать народ. Версия об единодушном порыве, охватившем всю страну, была нужна буржуазии прежде всего для создания видимости гражданского мира, в котором она усматривала не только залог победоносного исхода войны, но и оплот от революционных потрясений. Не говоря уже о рептильной печати типа «Нового времени», даже такая газета, как «День», стоявшая на левом фланге либеральной печати, в первые дни войны писала, что «на всей необъятной шири нашего отечества в настоящее время царит одно настроение, одна мысль выступить, как один человек, на защиту царя и родины». ⁴ Таков же был смысл выступлений и меньшевистских публицистов, которые беззастенчиво утверждали, что державы Антанты, в том числе и царская Россия, воюют «с огромным энтузиазмом при сочувствии широких слоев как своего населения, так и населения нейтральных держав». ⁵

Действительно правдивое изображение отношения народа к империалистической войне могла дать только большевистская нелегальная печать. Несмотря на свирепый военный террор, обрушившийся на страну, большевики в первые же дни войны сумели выпустить и распространить тысячи листовок и прокламаций, разоблачавших истинный смысл затеянной империалистами бойни. Большевистские листовки правильно отражали антивоенные настроения и революционную интернационалистскую позицию российского пролетариата, однако не содержали и не могли содержать фактических данных о выступлениях рабочих масс в связи с объявлением войны. Нелегальной же периодической печатью партия большевиков в первые дни войны не располагала. ⁶

Все же нелегальная большевистская печать вместе с обширной мемуарной литературой дает некоторые материалы о рабочем движении начала войны. Дополнив эти материалы данными правительственных, преимущественно полицейских, сводок, можно нарисовать сравнительно полную картину выступлений рабочих в связи с всеобщей мобилизацией и объявлением войны в июле 1914 г. ⁷

⁴ «День» от 23 июля 1914 г.

⁵ См. статью Череванина в «Нашей заре», № 7—9, 1914 г.

⁶ Издание центрального органа РСДРП(б) — газеты «Социал-демократ» возобновилось в Женеве после годичного перерыва только 19 октября 1914 г.

⁷ См. нашу статью «Петербургский пролетариат в дни объявления войны 1914 г.», — «Борьба классов», 1935, № 9.

Значительно сложнее обстоит дело с изучением конкретных фактов, показывающих реакцию крестьянства на объявление войны. Единственным источником для изучения крестьянских волнений является правительственная документация. Пользуясь ею, А. В. Шестаков еще в 1927 г. опубликовал работу, посвященную крестьянству в годы первой мировой войны.⁸ Поставив своей целью проследить ход крестьянского движения во время войны, А. В. Шестаков ограничивается общим утверждением, что в первый год войны это движение было сравнительно не велико.⁹ На вопрос, как война была встречена крестьянством, А. В. Шестаков отвечает лишь беглым замечанием, что «мобилизованное крестьянство совсем не было так патриотично настроено, как обычно изображалось буржуазной прессой».¹⁰

Значительно ближе подходит к решению вопроса другой исследователь крестьянского движения в годы первой мировой войны Я. Крастынь. Его небольшая работа содержит ряд ценных фактов, показывающих, что объявление войны 1914 г. сопровождалось значительными выступлениями крестьянства.¹¹ Я. Крастынь приходит к совершенно правильному выводу, что эти выступления свидетельствуют об отсутствии «патриотических чувств крестьян в пользу войны» и справедливо ставит их в прямую связь с предшествовавшим войне революционным движением крестьянства. Однако неполнота приведенных автором фактов не дает возможности составить полную картину крестьянских выступлений, непосредственно вызванных объявлением войны.¹²

В настоящей статье автор делает попытку восполнить этот пробел. Чтобы ближе подойти к решению задачи, поле наблюдения сознательно ограничено коротким сроком проведения всеобщей мобилизации (до 1 августа 1914 г.).¹³ Нам представляется, что такое ограничение правильно и по следующим соображениям. В эти первые дни войны механизм буржуазно-шовинистической пропаганды, влияние которой на мелкобуржуазные слои населения нельзя преуменьшать, вступал только в действие. Таким образом, настроения мелкобуржуазной крестьянской массы в этот промежуток времени были значительно менее отравлены ядом шовинизма, чем в последующие месяцы (до того, как началось отрезвление от шовинистического угара). И если

⁸ А. В. Шестаков (Никодим). Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г., Л., 1927.

⁹ К сожалению, автор не приводит ссылок на использованные документы.

¹⁰ Там же, стр. 9.

¹¹ Я. Крастынь. Революционная борьба крестьян в годы империалистической войны (1914—1916 гг.), М., 1932.

¹² Я. Крастынь на основании материалов департамента полиции установил 80 случаев крестьянских волнений, происходивших в 1914 г. (там же, стр. 46), но, описывая их, не всюду сообщает даты выступлений. Отсутствуют также ссылки на архивные дела.

¹³ Ряд приводимых ниже фактов был использован автором в статье «Крестьянские волнения в дни мобилизации и объявления войны в 1914 г.», напечатанной в журнале «Пропаганда и агитация», 1939, № 15.

говорить о непосредственной реакции народных масс на объявление войны 1914 г., то, разумеется, надо брать именно эти первые ее дни.

В основу работы положены материалы о ходе всеобщей мобилизации, причем автор, как и другие исследователи, вынужден был пользоваться преимущественно правительственными документами, вполне отдавая себе отчет в их несовершенстве и тенденциозности. Донесения, сводки, отчеты и доклады чинов царской администрации о народных волнениях во все времена носили характер кривого зеркала, искажавшего действительность. Для периода войны, особенно начальной ее стадии, это положение еще более усугублялось.

Царское правительство, вступив на путь широкого обмана народного общественного мнения, насаждало эту систему и внутри своего аппарата. Если низшие полицейские власти более или менее откровенно описывали отдельные выступления и настроения мобилизованных, то донесения губернаторов в министерство внутренних дел говорили уже обычным языком верноподданических реляций.

Губернские власти в донесениях в Петербург стремились продемонстрировать полное «благополучие». Не только в секретных правительственных сводках и докладах, но и в частных сообщениях губернского начальства тщательно скрывались размеры и характер волнений, вызванных мобилизацией. Характерным примером может служить Казанская губерния. В нашем распоряжении имеется обзор департамента полиции по Казанской губернии, личное письмо казанского губернатора Боярского в Петербург Палеологу и письмо члену Государственной думы Сверчкову от одного из казанских помещиков. Сопоставление этих документов чрезвычайно показательны. Отдавая себе отчет, какое значение имел французский посол при царском дворе, Боярский спешит похвалиться перед Палеологом образцовым проведением мобилизации: «Мобилизация у меня прошла исключительно хорошо. В то время, когда шли беспорядки у моих соседей, были убиты и ранены и всюду вызывались войска, я ни разу не требовал войска». ¹⁴

Сводка департамента полиции несколько меняет картину. Отмечая «незначительные беспорядки», произведенные «отдельными личностями из запасных», сводка вскользь упоминает о поджоге сена в одной помещичьей усадьбе и о некоторых «повреждениях» в других усадьбах Лаишевского уезда Казанской губ. ¹⁵

Письмо, присланное Сверчкову из того же Лаишевского уезда, рисует обстановку в Казанской губернии уже совершенно в ином свете. Автор письма с особенной тревогой пишет о положении, создавшемся в дни мобилизации в Чистопольском уезде, соседнем с Лаишевским: «Шесть дней подряд проходили мимо моей усадьбы и все шесть

¹⁴ ЦГИА, перлюстрация за 1914 г.

¹⁵ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, лл. 119—130.

дней поджигали мое имение в разных местах и только благодаря дождю у меня остался сосновый лес. Он был подожжен в 12 местах, 2 лесных караулки сгорели дотла, весь заготовленный лесной материал сожжен, заборы и плетни у усадьбы тоже сожжены и 20 стогов сена постигла та же участь, причем шума и крика было много, говорили все, что кричали в 1905 г., обвиняя во всем нас, которых нужно стереть с лица земли. Кроме меня, пострадали все по дороге лежащие усадьбы, но только там не жгли, а грабили рожь и овес в снопах и разбивали стекла в окнах». Корреспондент депутата Думы недоволен местными властями, которые, по его мнению, недостаточно активно защищали помещичьи интересы. «Губернатор у себя в кабинете хохотился и все уверял, что все это глупости в сравнении с тем, что делается в других местах, а у него безукоризненный порядок, а виноваты лишь мы и наши управляющие, делающие из мухи слона. Вообще заметно, что им нужно для донесения в Петербург, что у них был порядок...»¹⁶

Тон «благополучия», которым были искусственно пронизаны донесения губернских властей, министром внутренних дел Маклаковым в докладе царю повышается уже до победного марша. «Объявление войны и последовавшая затем мобилизация запасных,— пишет Маклаков во всеподданнейшем докладе за июль 1914 г.,— прошла при полном подъеме патриотических чувств населения, сопровождаясь сочувственными манифестациями...»

Полностью замалчивать волнения, вызванные мобилизацией, правительственные чиновники все же не могли. Волнения происходили на глазах у множества людей и не в одном, а во многих районах страны. К тому же выдрессированный полицейский аппарат автоматически их регистрировал, и сообщения о волнениях не могли миновать правительственных сводок и отчетов. Надо было подыскать им объяснение, и оно было найдено. Волнения, вызванные мобилизацией, были объявлены пьяными бунтами. Недовольные запрещением продажи спиртных напитков мобилизованные запасные и ратники разбивали казенки, и на этой почве у них происходили столкновения с полицией и воинскими частями—таков был смысл большинства официальных донесений и сводок. Разбитие казенок, которое в ряде мест действительно имело место, превращалось, таким образом, в исходный и конечный пункт волнений.

Приходится тщательно счищать все эти «водочные этикетки», чтобы разобраться в подлинном смысле каждого описанного в официальных документах события. При этом бросается в глаза одно обстоятельство. Там, где разгромы казенок даже имели место, мобилизованные не ограничивались схватками с полицейской охраной—они шли громить полицейские управления или помещичьи усадьбы. Это с такой ясностью вскрывало истинную подоплеку волнений

¹⁶ ЦГИА, перлюстрация за 1914 г., письмо от 30 июля 1914 г.

мобилизованных, что даже сами представители царской администрации не смогли до конца выдержать взятый ими тон. В сводке о ходе мобилизации министерство внутренних дел писало, что волнения среди мобилизованных происходили «главным образом на почве предшествовавших войне народных настроений». ¹⁷

В этой формуле, уже приближавшейся к истине, однако не все было досказано до конца. Царское правительство, разумеется, не хотело признать, что волнения в дни июльской мобилизации 1914 г. были в то же время стихийным выражением ненависти народных масс к грабительской войне, затеянной империалистами.

II

Война была объявлена в обстановке высокого революционного подъема в стране. Российский пролетариат под руководством партии большевиков с каждым месяцем усиливал свой натиск на царизм. Вместе с рабочим классом в революционную борьбу вступало и крестьянство. «Подъем рабочего движения и массовые стачки будили и тягивали в борьбу также крестьянские массы. Крестьяне снова поднимались на борьбу против помещиков, уничтожали помещичьи имения и кулацкие хутора. За 1910—1914 годы произошло свыше 13 тысяч крестьянских выступлений». ¹⁸

Июльские баррикады 1914 г. в Петербурге знаменовали высшую точку революционной борьбы годов подъема. Петербургский пролетариат в эти бурные дни революционной борьбы выступил также со столыпинской антивоенной демонстрацией, приуроченной к приезду в Россию французского президента Пуанкаре.

Близость революционной развязки чувствовали даже малоспособные к трезвой оценке событий царские министры. По словам неплохо информированного германского посла в Петербурге Пурталеса, в русском правительстве сильны были элементы, склонные в войне искать выхода из тревожного положения внутри страны. Ссылаясь на информацию, полученную от русского министра двора графа Фредерикса, Пурталес сообщает, что одним из доводов за частичную мобилизацию была необходимость подавления революционного движения. Министр внутренних дел Маклаков «сумел убедить императора Николая в том, что внутреннее положение в России настоятельно требует какого-нибудь выхода». ¹⁹ По свидетельству генерала Добровольского, при подписании указа о мобилизации министр внутренних дел совершенно недвусмысленно заявил о непопулярности войны. «У нас,— сказал Маклаков,— война не может быть популярной в народных массах, на

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. м-ва вн. дел, 1914, д. 1757.

¹⁸ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 143.

¹⁹ Грф Пурталес. Указ. соч., стр. 63.

которых революционные идеи действуют сильнее, чем мысль о победе над Германией». ²⁰

Даже такой человек, как Маклакоз, ничем не возвышавшийся над средним уровнем чиновника-бюрократа, не обманывался в истинном положении вещей. Достаточно привести несколько писем свидетелей мобилизации на местах, чтобы понять, как был в данном случае прав этот не отличавшийся ни умом, ни прозорливостью очередной царский министр.

Вот что пишет в Москву неизвестный корреспондент из Екатеринослава 5 августа 1914 г.: «Начну с настроения доблестных войск, или вернее мобилизованных рабочих и крестьян. Об энтузиазме речи быть, конечно, не может, даже прыткие корреспонденты и сотрудники «Русского Слова» черпают свой энтузиазм скорее в редакционных комнатах, чем от общения с воспылавшей патриотическим гневом толпы. Какой уж там энтузиазм! За все время мобилизации, шатаюсь по городу, могу сказать, что не видел не только энтузиазма, но даже не встречал просто веселой физиономии... Полная апатия по отношению к личности и намерениям внешнего врага и очень осмысленное и ярко враждебное отношение к внутреннему врагу — в первую очередь к полиции». ²¹

Корреспонденция из Рыбинска от 30 июля принадлежит человеку из другого лагеря, которого «несказанно радует... единение и воодушевление русского общества». Письмо его, однако, полно осуждения и тревоги: «Сначала здесь мужики с неудовольствием шли на призыв, даже бранили государя, говоря, что, вот, они идут на войну, а их семьи остаются без работников, голодные и «сырые»... Признаться, было грустно сознавать, что так слаб дух людей, должных пополнить ряды войск...» ²²

«Подъема у нас нет никакого», — подтверждает екатеринославские и рыбинские впечатления корреспондент с Воскресенского завода Уфимской губернии. ²³

Отсутствие «патриотических» настроений правительство стремилось восполнить самыми суровыми мерами военного террора, в котором царизм видел исчерпывающий рецепт против надвигающейся революции. Уже расправа с участниками июльских революционных выступлений в Петербурге проходила под знаком этого военно-террористического режима. 8 июля, на другой день после антивоенной демонстрации питерского пролетариата, была разгромлена большевистская «Правда». 10 июля Австрия предъявила ультиматум Сербии, и царское правительство на эту провокацию австро-германского блока отвечает прежде всего угрозой «внутреннему врагу»: 11 июля Петербург и

²⁰ Цит. по книге С. Фей. Происхождение мировой войны, т. II, 1934, стр. 291.

²¹ ЦГИА, перлюстрация за 1914 г., письмо без подписи.

²² Там же, письмо за подписью «твоя Катя».

²³ Там же, письмо от 27 июля 1914 г за подписью «А. Пашков».

Москва вместе с губерниями были объявлены на положении чрезвычайной охраны.

С 13 июля в Европейской России, а с 14 июля также на Кавказе, в Туркестане и в двух сибирских военных округах (Омском и Иркутском) было введено «положение о подготовительном к войне периоде». Это положение, помимо специальных мобилизационных мер, предусматривало значительное усиление функций полицейских властей. Полиции и жандармерии было предложено «особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок». Полицейские чины были освобождены от мобилизации в войска. 18 июля, в первый день всеобщей мобилизации, ряд местностей, в том числе и Петербург с пригородами, был объявлен на военном положении.

После объявления войны правительство еще больше усиливает полицейско-охранительные меры. С 20 июля, как уже сказано, была введена военная цензура для печати. 23 июля был опубликован указ, которым уложение о наказаниях дополнялось двумя новыми «военными» статьями (275² и 1012²). По одной из них (275²) уголовной ответственности подвергался «виновный в возбуждении к прекращению войны в публичной речи или докладе, или в произведениях печати, произнесенных и выпущенных в свет по объявлении мобилизации, или во время войны».

Как только в Петербург стали поступать сообщения о ходе мобилизации, заранее намеченные карательно-полицейские меры были дополнены новыми, направленными на подавление возникавших волнений. Министерство внутренних дел «по случаю имевших место в некоторых местностях империи крайне нежелательных выступлений»²⁴ вошло в Совет министров с предложением об объявлении на положении чрезвычайной охраны всех местностей, где до того не было введено военное или осадное положение. 24 июля указ о введении чрезвычайной охраны был по телеграфу сообщен всем губернским властям. Губернаторам, генерал-губернаторам и градоначальникам были предоставлены права главноначальствующих.

Действия гражданских властей, хотя они и были облечены чрезвычайными полномочиями, не удовлетворили, однако, верховного главнокомандующего в. кн. Николая Николаевича, с начала войны ставшего фактическим диктатором в стране. 27 июля начальник его штаба генерал Янушкевич потребовал от Маклакова усилить борьбу полиции с «внутренними беспорядками». Ссылаясь на сведения «о намеченных социал-демократическими партиями забастовочных движениях», Янушкевич писал министру внутренних дел, что «представляется крайне необходимой самая беспощадная борьба с зародышами такового движения с целью предупреждения даже единоличных разрывов забастовочного

²⁴ «Обзор деятельности департамента полиции в связи с текущими военными событиями с момента начала их развития» (ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 141, л. 129).

движения и локализации их, в случае проявления, в наикратчайший срок». ²⁵

Военные власти не ограничивались требованиями к полицейскому ведомству. Они сами принимали на себя инициативу в расправе с революционным движением. В последних числах июля Николай Николаевич предписал петербургскому градоначальнику закрыть на время войны все рабочие организации. 30 июля было опубликовано распоряжение военного министерства, запрещающее самовольный уход и переход на другой завод рабочих, получивших отсрочки по призыву в действующую армию. Это распоряжение давало возможность каждого забастовавшего рабочего судить за «самовольный уход» военным судом как дезертира.

К подавлению волнений на местах были привлечены воинские части, расположенные внутри страны. 29 июля командующим войсками всех военных округов была послана следующая циркулярная телеграмма за подписью Янушкевича: «Для решительного подавления в самом зародыше возникающих по каким-либо причинам беспорядков предлагаю вам по повелению верховного главнокомандующего оказывать военной силой самое энергичное содействие гражданским властям, дабы полным единением на местах военного и гражданского начальств пресечь сразу всякую попытку к смуте». ²⁶

Так начинало царское правительство войну. Еще не было сделано ни одного выстрела на фронте, а внутри страны уже шли военные действия против народа.

III

«Война,— указывал Ленин,— не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики». ²⁷ Среди потоков этих чувств, вызванных империалистической войной, Ленин различал следующие основные: 1) ужас и отчаяние, 2) ненависть к врагу, разжигаемая буржуазией, 3) ненависть к «своему» правительству и к «своей» буржуазии. Каждый поток имел свое классовое русло, но, конечно, не был изолирован от других потоков. Ненависть к «своему» правительству и к «своей» буржуазии были основными чувствами, которыми ответили на объявление войны пролетарские массы. Сознательные рабочие, указывал Ленин, «понимают, что война есть «продолжение политики» империализма, и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу...» ²⁸

Отдельные проявления буржуазно-шовинистических настроений

²⁵ «Петербургский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны», сборник материалов и документов, 1939, стр. 26.

²⁶ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 141, л. 12 (копия).

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 172.

²⁸ Там же, стр. 172—173.

задели только незначительную группу наиболее отсталых рабочих и совершенно не могли изменить общую отчетливо ясную картину позиции российского пролетариата. От мелкобуржуазного крестьянства такой отчетливой позиции нельзя было ожидать, именно в силу его мелкобуржуазности, природе которой свойственны постоянные колебания и шатания.

«В России,— писал Ленин в ноябре 1915 г.,— мелкобуржуазные народные массы, главным образом крестьянство, составляют попрежнему большинство населения. Они угнетены в первую голову помещиками. Они политически частью спят, частью колеблются между шовинизмом («победа над Германией», «оборона отечества») и революционностью».²⁹

У крестьянства все потски чувств, вызванных войной, оказались перемешанными. Невозможно, да было бы и неправильно, пытаться устанавливать какие-либо точные пропорции в этом смешении. Во всяком случае буржуазно-шовинистическая струя была наиболее слабой. На первое же место следует поставить те чувства, которые Ленин охарактеризовал, как ужас и отчаяние. На общей картине крестьянских настроений, вызванных войной, они проступают наиболее яркими красками. Но они никак не могут закрасить основного фона, на котором разворачиваются крестьянские выступления. Это — та историческая борьба, которая все более и более приближала русское крестьянство к роли активного союзника пролетариата в борьбе за решительную победу революции.

Непрерывно нараставший за годы столыпинщины антагонизм между трудящимся крестьянством, с одной стороны, и царским самодержавием и помещиками — с другой, обострил до предела ненависть крестьянских масс к своим угнетателям. Смешанная с ужасом и отчаянием, вызванными войной, эта ненависть и явилась основой стихийных крестьянских выступлений во время мобилизации. Для крестьянства, в отличие от пролетариата, характерным было как раз то обстоятельство, что действующими лицами крестьянских выступлений были главным образом мобилизованные запасные. Для мобилизованных крестьян новое проявление гнета и принуждения со стороны царского правительства вырастало не только в кровавый призрак ненужной и непопулярной войны, но и в страшную угрозу полного обнищания их семей.

Всеобщая мобилизация к тому же сама по себе до известной степени способствовала крестьянским выступлениям. Она вырвала из обычной крестьянской колеи огромные массы людей, свела их вместе и создала те «страшные» людские «скопища», которых так боялся всегда царизм. По первой мобилизации, объявленной 17 июля и начавшейся 18 июля, были призваны все запасные — 2500 тыс. человек. Уже 21 июля была объявлена вторая мобилизация, по которой с 22 июля начался призыв ратников государственного ополчения 1-го разряда;

²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 316.

было призвано 400 тыс. ратников, перечисленных из запаса, и 400 тыс. ратников призывных сроков 1913—1910 гг., не проходивших воинской службы.³⁰ Таким образом, первая же неделя войны поставила под ружье дополнительно к мирному составу армии 3300 тыс. человек. Если считать, что среди мобилизованных крестьяне составляли не менее 75%, то окажется, что деревня в первые же дни войны потеряла около 2.5 млн. человек, или 14% всей мужской полнорбочей силы (от 20 до 50 лет).

Война началась в самый разгар полевых работ. В центральных и южных губерниях уборка хлебов была на полном ходу, в северных губерниях к уборке должны были приступить через несколько дней. В этот самый ответственный для сельского хозяйства момент из деревни вырывалась огромная масса наиболее сильных и здоровых работников. Для многих бедняцких и середняцких хозяйств уход главного работника представлял собой угрозу немедленного и полного разорения. Вместе с мобилизацией людей проходила военно-конская мобилизация и реквизиция повозок и упряжи, под корень подламывавшие и без того нищенскую техническую базу бедняцко-середняцких хозяйств.

Тяжелое положение крестьянства усугублялось также тем, что для Европейской России 1914 год был неурожайным. Плохие виды на урожай даже в мирное время создавали напряженное положение в деревне. Тем более это должно было сказаться в условиях обрушившейся военной катастрофы. «Полный неурожай во многих местах губернии,— писал в докладе царю пензенский губернатор,— создал удрученное и несколько тревожное состояние духа».³¹ Разумеется, дело было не только в неурожае, как ни хотелось этого пензенскому губернатору, искавшему «приличное» объяснение для доклада царю. Перспектива неурожая со всеми его ужасными для русской деревни последствиями лишь добавляли еще одну гирию на весах бурных чувств, вызванных всеобщей мобилизацией и объявлением войны.

Крестьянские волнения в дни мобилизации имели место в губерниях и с плохим урожаем, и со средним, и в таких, например, районах, как Западная Сибирь, где урожай 1914 г. был очень хороший и даже превысил урожай предшествовавшего года почти на 42%. Территория крестьянских волнений в дни июльской мобилизации была исключительно обширна и охватывала самые разнообразные районы страны.

Составленная департаментом полиции в сентябре 1914 г. сводка о «беспорядках среди запасных нижних чинов во время мобилизации по случаю войны с Германией и Австро-Венгрией»³² насчитывает 43 губернии и области Европейской и Азиатской России, где в той или иной форме происходили волнения мобилизованных. Дополнительные данные, почерпнутые тоже из департаментских материалов, дают возмож-

³⁰ ЦГИАЛ, ф. м-ва вн. дел, д. 1757, л. 74.

³¹ ЦГИА, ф. Ч. С. К., д. 67, л. 73.

³² ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, лл. 119—130.

ность увеличить этот список до 49 из общего числа 101 губернии и области, которые насчитывались в Российской империи в 1914 г. Таким образом, только официальная документация говорит о том, что волнения среди мобилизованных в июле 1914 г. происходили в половине всех губерний России.³³

По форме, размерам и содержанию все выступления были чрезвычайно разнообразны. Одна общая черта роднит их: все они были стихийные. Это были типичные крестьянские выступления с присущими крестьянскому движению особенностями — неорганизованностью и отсутствием политических лозунгов.

Крестьянские волнения в дни мобилизации по своему содержанию могут быть разделены на две основные группы. 1) аграрные выступления против помещиков и 2) выступления против царских властей, связанные непосредственно с призывом в войска.

Были случаи и прямого отказа крестьян идти на войну. Случаи отказа от мобилизации, однако, были редки, единичны. Свой протест призванные на войну выражали иными путями и прежде всего предъявлением различных требований, связанных уже с самой мобилизацией.

Основным и главным было требование немедленно обеспечить семьи мобилизованных. Уходя на войну, запасные, охваченные тревогой за судьбы своих семей, обреченных на разорение и голод, требовали немедленной выдачи пособий. Часто запасные насильно заставляли власти тут же раздать деньги. В этих выступлениях деятельное участие принимали солдаты, провожавшие своих мужей на сборные пункты.

Питание на сборных пунктах в большинстве мест властями было организовано чрезвычайно плохо, и мобилизованные предъявляли также требования выдачи на руки кормовых денег. В некоторых случаях вопрос о питании перерастал в общие продовольственные волнения. Торговцы повсеместно реагировали на объявление войны резким повышением цен.³⁴ Разрозненные, несогласованные меры местных властей и городских самоуправлений только подогревали спекулятивный ажиотаж, охвативший рынок. В ответ на разыгравшуюся стихию спекуляции мобилизованные громили лавки и базары.

Чрезвычайное озлобление вызывало повсеместное освобождение полиции от призыва. В некоторых местах администрация даже вынуждена была на время спрятать полицейских, которым опасно было появляться на улицах городских пунктов, где был назначен сбор мобилизованных. Особенное возбуждение вызывали аресты среди мобилизован-

³³ Нами не использованы материалы местных архивов. Просмотр фондов губернских жандармских управлений, надо полагать, увеличил бы это число.

³⁴ «Вести о сильном повышении цен на продукты первой необходимости приходят со всей страны», — сообщали газеты уже через неделю после объявления войны (см., например, газету «День», № 201, от 28 июля 1914 г.).

ных. Как правило, арестованных не только отбивали от полицейских, но и заставляли освободить из-под ареста тех, кого полиции удавалось захватить. Были случаи и прямого нападения на тюрьмы.

Среди поводов выступлений мобилизованных были и такие, как протест против издевательского отношения властей, требование вежливого обращения, протест против плохих условий транспорта запасных и много других. Но очень часто мобилизованные крестьяне выступали и без всяких требований. Это был взрыв стихийной ненависти крестьянства к царскому правительству и помещикам. Крестьяне, собранные мобилизацией против своей воли в огромные толпы, как бы спешили использовать представившуюся возможность для того, чтобы свести старые счеты со своими угнетателями. Крестьяне разных деревень и даже волостей быстро находили общий язык, и легко возбудимые тысячные толпы нападали на полицию и казенные учреждения. На сборных пунктах разыгрывались форменные сражения с участием полицейских отрядов и спешно вызванных воинских команд. Мобилизованные крестьяне преимущественно действовали камнями, которыми они щедро награждали полицию. Однако в некоторых местах были и попытки разгромить оружейные магазины, чтобы получить в руки нечто более существенное, чем вырванный из мостовой булыжник.

IV

Наиболее сильные выступления против царских властей, связанные непосредственно с призывом в войска, имели место в восточной части Европейской России, главным образом в губерниях Самарской, Саратовской, Уфимской и Пермской. Здесь крестьянские волнения в дни июльской мобилизации не только охватывали большие массы людей, но сопровождались наиболее резкими столкновениями с полицией.

В Самарской губернии выступления мобилизованных крестьян происходили в четырех уездах: Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском и Ставропольском.³⁵ Наибольшей силы они достигли в Бугульминском уезде.

В Бугульме волнения среди мобилизованных, прибывших из уезда, продолжались в течение трех дней. 19 июля запасные, недовольные пищей, разгромили продовольственный пункт. На другой день волнения вспыхнули с новой силой. В это время в Бугульме скопилось до 10 тыс. запасных и вдвое больше провожавших их родственников и односельчан. «На сборном пункте,— сообщал самарский губернатор,— среди запасных возникли волнения из-за того, что они оторваны от своих семей, оставляют жен и детей без всяких средств и требовали

³⁵ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138. При описании волнений в различных районах в дальнейшем ссылка на это дело опускается.

немедленной выдачи их семьям пособий». ³⁶ К этому присоединились протесты против освобождения от призыва полиции на военную службу. Вооружившись кольями, толпа напала на полицейских стражников; нескольких из них избили. Камнями были ранены также помощник пристава и офицер со сборного пункта. В это же время несколько тысяч человек осадили здание полицейского управления. Вышедшему к толпе исправнику предъявили то же требование — немедленно выдать помощь семьям. Получив отказ, толпа начала громить полицейское управление. В окна полетели камни. Отряд стражников открыл стрельбу; двое было убито, несколько человек ранено.

21 июля запасные снова разгромили продовольственный пункт. На этот раз были вырваны даже котлы из очагов. От сборного пункта мобилизованные двинулись в торговые ряды, где начался разгром хлебных и овощных лавок. Против толпы была выслана воинская команда из «благоснадежных» запасных. Пока все мобилизованные не были отправлены из города, волнения в Бугульме не утихали. 31 июля вновь повторился разгром рынка. Из числа мобилизованных несколько человек было арестовано.

В Ставропольском уезде мобилизованные по пути на сборный пункт избили в одном селе урядника и сожгли сено в имении графа Орлова-Давыдова. В самом Ставрополе, где находился сборный пункт, поводом для волнений 21 июля послужило повышение торговцами цен на хлеб. Вместе с разгромом лавок и магазинов мобилизованные сделали попытку разгромить казначейство. Воинское присутствие вынуждено было прекратить прием запасных и возобновило работу только к ночи, когда волнения были подавлены. И здесь в ход были пущены с одной стороны оружие, с другой — камни. Выстрелами полицейской стражи двое из толпы были убиты. Но и полицейские потерпели урон: один стражник был ранен, несколько избито камнями. На помощь ставропольской полиции из Самары приехал вице-губернатор с 50 стражниками.

В Бузулуке мобилизация также сопровождалась разгромом лавок и нападениями на полицию. О том, какая напряженная обстановка сложилась в Бугурусланском уезде, свидетельствует следующая очень характерная для этих дней телеграмма, посланная 23 июля департаментом полиции самарскому губернатору: «Телеграфируйте, спокойно ли в Бугурусланском уезде. В случае беспорядков, возьмите под свое покровительство семью начальника главного управления по делам печати графа Татищева». ³⁷

При наличии даже этих отрывочных сведений, почерпнутых к тому же исключительно из полицейских документов, можно ли всерьез принять утверждение самарского губернатора о том, что мобилизация прошла у него в губернии «в полном порядке при сознательном глу-

³⁶ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, ч. 60, л. 19.

³⁷ Там же, л. 11.

боко-патриотическом воодушевлении»? ³⁸ Тем более, что на его же глазах в самой Самаре 20 июля произошли схватки запасных с полицией, закончившиеся, как и во многих других местах, кровавыми жертвами. Согнанные в Самару запасные протестовали против освобождения от мобилизации полицейских и потребовали немедленного призыва в армию стражников. Получив отказ, они напали на полицию и избili помощника пристава и офицера. Залпом по толпе было ранено трое запасных. ³⁹

Губернатор соседней Саратовской губернии, где количество убитых и раненых исчислялось не единицами, а десятками, при всем желании уже никак не мог прикрыться общей формулой благополучия. Единственное, в чем он находит утешение, это — относительное спокойствие городского населения, хотя наиболее крупные волнения мобилизованных в губернии и происходили в городах — Вольске и Царицыне. «Объявление мобилизации, — пишет саратовский губернатор, — сопровождалось высоким подъемом в городах и взрывом озорства и буйных наклонностей обычно спокойного населения сельских местностей. Крутые меры, вплоть до расстрела толпы в Царицыне и Вольске, обнародованные по телеграфу сведения об обеспечении семей запасных, а равно уничтожение казенного вина в течение нескольких дней восстановили порядок». ⁴⁰

В Вольске переусердствовавшие власти закрыли вместе с казенками также все городские чайные. Родственникам запасных, приехавшим проводить их на сборный пункт, негде было остановиться. При чрезвычайно повышенном настроении мобилизованных достаточно было и этого мелкого повода, чтобы 19 июля начался разгром полицейского управления. Толпа камнями бомбардировала здание. Были ранены пристав и четверо городских. Позже, в результате разгрома оружейного магазина, появилось и оружие. Помощник пристава был ранен пулей. Полицейская стража в упор расстреливала не желавшую отступить толпу. На месте расстрела остались лежать 18 раненых.

На другой день из Саратова на казенном пароходе в Вольск была прислана для усмирения команда Карского полка во главе с вице-губернатором.

В поисках подстрекателей прежде всего арестовали и отправили в саратовскую тюрьму редактора местной газеты. Желая продемонстрировать «полное успокоение», вольские власти устроили на площади молебен и манифестацию: перед главой местных черносотенцев продефилировали 30 членов союза русского народа. ⁴¹

³⁸ «Всепопданнейший отчет Самарского губернатора за 1914 г.» (ЦГИАЛ, ф. м-ва вн. дел, д. 39, л. 3).

³⁹ М. Ахун и В. Петров. Царская армия в годы империалистической войны, М., 1929, стр. 12.

⁴⁰ ЦГИА, ф. Ч. С. К., д. 67, л. 75.

⁴¹ ЦГИА, перлюстрация за 1914 г., письмо из Вольска от 24 июля 1914 г. на имя А. Ф. Керенского за подписью «В. Даватц».

В царицынских событиях главными действующими лицами были солдаты. Призывной пункт, устроенный в здании мужской гимназии, начал работать с 19 июля. Вокруг сборного пункта расположилось множество приехавших из уезда запасных и их жен. Настроение было чрезвычайно возбужденное. В толпе говорили, что надо требовать не только выдачи пособия, но и письменного удостоверения относительно дальнейшей выдачи пайка. Кого-то из полиции избили. На третий день призыва, 21 июля, толпа жен запасных, смяв охрану, ворвалась в помещение сборного пункта.

Телеграфная переписка саратовских властей с министерством внутренних дел следующим образом описывает ход событий.

Телеграмма начальника саратовского жандармского управления полковника Комиссарова директору департамента полиции от 22 июля 1914 г.: «Царицыне во время набора большинство жен и запасных ворвались в помещение сборного пункта требованием немедленной выдачи пособия, держали себя крайне вызывающе, при удалении их из помещения при содействии военной силы капитану Марцинкевичу нанесли удар голову, оторвали, унесли револьвер, выбив много окон, выломали двери, подоспевшую другую роту на все предупреждения разойтись толпа стала забрасывать камнями, был открыт огонь, есть много убитых и раненых, но число не установлено. Данное время беспорядок подавлен, сборный пункт временно приостановлен, настроение города сильно повышенное. Губернатор по телеграфу просит ввести чрезвычайную охрану».

Телеграмма полковника Комиссарова в департамент полиции от 23 июля 1914 г.: «Убито двенадцать, ранено двадцать четыре».

Телеграмма командующего Казанским военным округом барона Зельда министру внутренних дел от 23 июля 1914 г.: «Вполне присоединяюсь ходатайству саратовского губернатора, находя необходимым объявить Царицын, город, уезд положению чрезвычайной охраны».

Телеграмма саратовского губернатора князя Шахматова министру внутренних дел от 23 июля 1914 г.: «Царицыне наступило затишье, порядок, присутствие продолжает действовать, надеюсь успокоение. Экстренная надобность положению чрезвычайной охраны города пока миновала. Уезде, если полицейская охрана из казаков будет оставлена, надеюсь обойтись без введения исключительного положения».

Телеграмма князя Шахматова министру внутренних дел 23 июля 1914 г.: «Дополнительно доношу вашему высокопревосходительству, что подавлении Царицына 21 июля убитых двадцать и раненых двадцать четыре».

Телеграмма министра внутренних дел Н. А. Маклакова саратовскому губернатору от 25 июля 1914 г.: «Прошу изъяснить мою благодарность чинам полиции, особо отличившимся деле восстановления порядка».⁴²

⁴² ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, ч. 62.

По сообщению свидетеля событий, число жертв в Царицыне было значительно больше, чем по официальным данным — раненых было около 80 человек. Тот же свидетель описывает вид сборного пункта после расстрела толпы. «Окна в гимназии... выбиты... пулями, стены просверлены, на асфальте следы крови»⁴³.

На характер волнений в Уфимской губернии наложил отпечаток национальный состав населения, башкирского по преимуществу. Башкиры, испытывавшие на себе жестокий национальный гнет царизма, особенно остро реагировали на мобилизацию. Половина всех уездов губернии (три из шести) были охвачены волнениями мобилизованных крестьян. В Бирске, Белебее и Стерлитамаке, где находились уездные сборные пункты, собралось по 10—12 тыс. запасных. Поводом для волнений среди них, по сообщению уфимского губернатора, было недовольство питанием и протест против повышения базарных цен на хлеб⁴⁴. День призыва совпал к тому же с магометанским постом рамазан, во время которого мусульманам запрещалось принимать пищу до ночи. Запасные башкиры отказывались есть в дневные часы и требовали выдачи кормовых денег на руки. В Бирске запасные разгромили хлебные лавки и хлебный цейхгауз и избили полицию камнями. В Стерлитамаке после разгрома лавок толпа пыталась разгромить управление воинского начальника и казначейство. В полицейскую стражу полетели камни. На помощь полиции поспешили вооружившиеся торговцы. Пять человек запасных были ранены. Такой же характер имели волнения в Белебее, где семь полицейских были избиты камнями, а двое мобилизованных ранены выстрелами стражи.

Значительно более широкие размеры приняли волнения в Пермской губернии. По официальным подчетам, в Пермской губернии в эти дни было убито 47 человек и ранено 68.⁴⁵ На самом деле количество жертв расстрелов было больше, так как, по признанию самих властей, многие старались скрыть от полиции свои ранения. Волнения мобилизованных крестьян Пермской губернии сплетались с выступлением горнозаводских рабочих. Крестьянское и рабочее население было тесно связано между собой: многие заводские рабочие продолжали одновременно заниматься сельским хозяйством. Поэтому в выступлениях мобилизованных рабочих было много таких черт, которые свойственны крестьянским волнениям.

Наиболее крупным выступлением в дни объявления войны в Пермской губернии было восстание рабочих Лысьвенского завода, которое, по словам местного губернатора, явилось «тягчайшим преступлением, о котором Урал едва ли когда-либо и слышал».⁴⁶ Всю весну

⁴³ ЦГИА, иллюстрация за 1914 г., письмо из Царицына от 1 августа 1914 г. в Москву за подписью «Вера».

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. м-ва вн. дел, 1914, д. 25, л. 6.

⁴⁵ ЦГИАЛ, фонд м-ва вн. дел, 1914, д. 1757, лл. 7—8.

⁴⁶ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, ч. 50.

1914 г. 5 тыс. рабочих Лысьвенского завода вели напряженную стачечную борьбу с заводской администрацией. Истощенные тяжелой десятидневной стачкой, они 1 июля стали на работу, добившись только частичного удовлетворения своих требований. Рабочие, однако, говорили, что «уступили только на время, что за этой забастовкой последуют другие». В отдельных цехах столкновения с администрацией продолжались вплоть до самого объявления войны.⁴⁷ На этой чрезвычайно раскаленной почве и разыгрались события 20 июля. Весть о всеобщей мобилизации вызвала взрыв стихийного возмущения. О настроениях лысьвенцев свидетельствуют следующие слова одного из мобилизованных, обращенных к представителю заводской администрации вечером 19 июля: «Знайте, что мы умрем здесь, а не на войне, пусть родные знают наши могилы».⁴⁸

В связи с тем, что уходящие на фронт оставляли семьи обреченными на голод, рабочие потребовали выдачи денег, из-за которых с администрацией у них были давнишние споры. Получив отказ, несколько сот мобилизованных утром 20 июля собрались у здания управления горным округом. После провокационного выстрела полицейского надзирателя, рабочие осадили здание, подожгли его и перебили полицию и заводскую администрацию. Были убиты управляющий округом, помощник исправника и несколько полицейских стражников и служащих управления, всего 15 человек. Кроме здания управления, восставшие сожгли здание лесничества и несколько домов, разрушили железнодорожный мост и испортили телефонное и телеграфное сообщение.

Несмотря на стихийность развернувшихся в Лысьве событий, в них наблюдались и некоторые элементы организованности. После того как толпа осадила здание и начала боевые действия против администрации, рабочие расставили на улицах караулы. Из осажденного здания беспрепятственно выпускали служащих, к которым рабочие относились благожелательно. Женщины и дети подносили осаждавшим камни. Многие из рабочих вооружились также ружьями и револьверами. Когда местный священник хотел выйти из собора с образами, пытаясь таким путем спасти администрацию от расправы, ему это было запрещено, причем рабочие кричали: «Идите лучше душить полицию!». В толпе совершенно не было пьяных.

Восстание в Лысьве вызвало чрезвычайный испуг у губернских властей. Из Перми в Лысьву были посланы один за другим сперва отряд стражников, а потом две роты солдат Оровайского и Троицко-Сергиевского полка с пулеметами. Выехавшему для расправы в Лысьву вице-губернатору пермский губернатор Кошко телеграфировал 22 июля: «Соберите сход, объявите, что при малейшем беспорядке разгромлю селение артиллерией, церемониться больше не стану. Всякое сбо-

⁴⁷ Воспоминания участников стачки — «Искра», орган Лысьвенского горкома ВКП(б), от 1 августа 1934 г.

⁴⁸ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 38, ч. 50

рище, не расходящееся при первом требовании, расстрелять беспощадно». ⁴⁹

В Лысьве были арестованы 163 человека. Для устрашения местного населения 40 человек, которых власти считали главными виновниками, провели по всем улицам закованными в кандалы. Военному суду было предано 85 человек, пять из них были приговорены к смертной казни и казнены. Кроме того, 415 человек были высланы в административном порядке.

За три дня до восстания в Лысьве аналогичные события, правда, в значительно меньших размерах, произошли на Надеждинском заводе Верхотурского уезда. В день объявления мобилизации четырехтысячная толпа пыталась разгромить главную контору завода и канцелярию полицейского надзирателя. Толпа отступила лишь после того, как отряд стражников открыл стрельбу. Пять человек было убито и пять ранено. По сообщению свидетеля событий, число жертв расстрела было значительно большим, причем были убитые и среди полиции. «...Началась перестрелка со стражниками,— пишет корреспондент с Надеждинского завода в письме от 20 июля.— Восемь рабочих убито и 15 ранено, убиты два пристава. Бросали камни в полицию,— по улицам нельзя было ходить из боязни быть убитым или камнем или шальной пулей. Теперь спокойнее, из Перми присланы войска, часть рабочих уже уехала на войну». ⁵⁰

Выступления рабочих как на Надеждинском, так и на Лысьвенском заводе по своему характеру и по форме были очень близки к стихийным крестьянским волнениям, вызванным июльской мобилизацией. На Верхне-Сергинском заводе Красноуфимского уезда даже требования рабочих носили настоящий крестьянский характер. 27 июля в поселке был созван сход, на который был приглашен заводский лесничий. Ввиду того что мобилизованные в армию оставили свои семьи необеспеченными, рабочие потребовали от лесничего, чтобы он дал обязательство не составлять протоколов за самовольную порубку леса и самовольные покосы. Когда лесничий отказался дать обязательство, его тут же силой принудили подписать прошение об отставке и поручили волостному старшине отослать прошение главному лесничему.

Вопрос об обеспечении семей чрезвычайно волновал и сельское население Пермской губернии. В ряде мест мобилизованные крестьяне насильно заставляли сельские и волостные власти выдать денежное пособие. В Ольховской волости Шадринского уезда запасные, собранные для отправки в город, схватили волостного писаря и потребовали немедленно выдать кормовые деньги для себя и для своих семейств. При этом было разгромлено волостное правление. В деревне Новый

⁴⁹ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, л. 16.

⁵⁰ ЦГИА, перлюстрация 1914 г., письмо с Надеждинского завода Пермской губ в Петербург от 20 июля 1914 г. за подписью «твоя дочь Марья».

Артаул Осинского уезда волостного старшину заставили выдать 216 руб. для раздачи пособия семьям уходящих на сборный пункт. В деревнях Тюндюк, Аклуши и Бичурной Ялпачинской волости того же уезда, населенных башкирами, призванные по мобилизации согласились явиться на сборный пункт лишь после того, как было удовлетворено их требование о выдаче из мирского капитала кормовых на дорогу и пособий для семей.

Эти настроения осинских крестьян вылились в крупные волнения в Осе, где находился уездный сборный пункт. 19 июля сюда съехалось около 4500 мобилизованных. Они начали предъявлять различные требования, сопровождая их угрозами по адресу полиции. Во время разбивки по командам, запасные потребовали, чтобы их из Осы отправили не на лошадях, а на пароходе. Им отказали. Когда на другой день для отправки запасных были поданы 243 земских подводы, запасные заставили воинского начальника приостановить разбивку на команды и потребовали, чтобы воинское присутствие прекратило медицинский осмотр призванных. Запасные, к которым присоединились провожавшие их и местное городское население, выломали забор двора, где помещалось присутствие, и угрожали разгромить и самое здание. Конную стражу забросали камнями; земские подводы были частью поломаны, частью разогнаны. «Создавалось почти безвыходное положение, — пишет пермский губернатор в донесении министру внутренних дел. — Думая подействовать на психику русского народа, уездным исправником Шапшиевым и подполковником Троицким был приглашен священник для служения молебна на площади, с появлением коего гробовая тишина воцарилась всюду. Пользуясь моментом, уездный исправник сделал размещение стражи в тех местах, где считал это необходимым. По окончании молебна толпа вновь заволновалась».⁵¹ Часть толпы бросилась громить винный склад, остальные продолжали осаждать воинское присутствие. Толпа вооружилась палками, рычагами, кольями из разобранной изгороди. Камнями избили помощника исправника. Полицейская стража стреляла в упор, причем при первых же выстрелах двое было убито, а последующей стрельбой — многие ранены. Среди раненых большинство были башкиры. Воинское присутствие на время прекратило работу.

По подсчетам пермского губернатора, во время июльской мобилизации в восьми уездах губернии было более 20 случаев волнений мобилизованных (в том числе и связанных с разгромом казенных винных лавок). Когда в Пермь начали поступать одно за другим сообщения о волнениях в уездах, растерявшийся губернатор, ничего не видевший в них кроме требований водки, телеграфно ходатайствовал даже об открытии, хотя бы на несколько часов, казеннок. В помощь полицейской страже губернские власти пытались привлечь деревенских «десятских», но это мало помогло. Пермский губернатор, как и начальники других

⁵¹ ЦГИА. ф. деп. пол. 4-е делопр., 1914, д. 138, ч. 50, лл. 19—20

губерний, охваченных волнениями, главную надежду возлагал на содействие воинской силы.

В охваченные волнениями уезды Пермской, Самарской и Уфимской губерний, по просьбе министра внутренних дел Маклакова, были командированы казачьи части. 25 июля военный министр Сухомлинов отдал распоряжение командующему войсками Омского военного округа послать по одной сотне 5-го Сибирского казачьего полка в шесть уездов Пермской губернии: Соликамский, Осинский, Пермский, Оханский, Кунгурский и Красноуфимский. Командующий Казанским военным округом получил в тот же день предписание направить по сотне 7-го Оренбургского казачьего полка в Бугульминский и Бугурусланский уезды Самарской губернии и в Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский и Бирский уезды Уфимской губернии. Казачьи части командировались «в связи с происшедшими беспорядками» на время мобилизации в распоряжение уездных воинских начальников.⁵²

Мы описали подробно волнения среди мобилизованных в губерниях восточной части Европейской России, где столкновения с царскими властями во время июльской мобилизации имели наиболее широкое распространение. Многие численные выступления мобилизованных крестьян происходили в эти дни также в других губерниях.

На юге России по характеру и числу выступлений выделяются Екатеринославская губерния и Донская область. Как и в Пермской губернии, здесь несомненно сказалась близкая связь крестьянства с заводскими рабочими. Это имел в виду и екатеринославский губернатор Колобов, который в своем отчете за 1914 г. утверждал, что волнения на сборных пунктах произошли «не по инициативе призванных по мобилизации, а ввиду подстрекательства со стороны совершенно посторонних лиц».⁵³ Следуя установленной правительством формуле, губернатор все «беспорядки», разумеется, объяснял исключительно требованием водки. Однако это объяснение никак не вяжется с тем, что происходило на самом деле.

В волнениях, имевших место в самом Екатеринославе, явно проглядывала революционная настроенность съехавшихся в город запасных. 18 июля на сборный пункт при управлении воинского начальника явился с трехцветным флагом член союза русского народа, вожак местных черносотенцев Кузьма Мартынов. Попытка Мартынова призвать запасных к патриотической манифестации закончилась для него очень плачевно. Мартынова жестоко избили. Запасные избили также околоточного надзирателя, защищавшего «союзника», и с камнями напали на наряд полиции и стражников. Пристав Жила распорядился открыть стрельбу. Один человек был убит, шестеро ранены (по другим сведениям, было убито три человека). Телеграмма из Екатеринослава в

⁵² Там же, л. 17.

⁵³ ЦГИАЛ, ф. м-ва вн. дел, д. 28, л. 2.

Петербург, сообщавшая об этой схватке, заканчивалась словами: «Наблюдается сильное возбуждение против полиции...»⁵⁴

Уже цитированный выше корреспондент из Екатеринослава сообщает, что черносотенец Кузьма Мартынов за вторичный призыв к манифестации был еще раз избит запасными. «Полицию всюду встречали камнями и кошачьими концертами,— пишет корреспондент.— Здесь полицейских сняли со многих постов, дабы не возбуждать запасных». Он же рассказывает о следующем многозначительном факте, происшедшем в Екатеринославе в самые последние дни июля, когда запасные получили уже обмундирование и оружие. В связи с новым столкновением с полицией, возникшим по сравнительно мелкому поводу (из-за права проезда в трамвае), губернатор лично пригрозил запасным, что в случае повторения беспорядков стражники будут стрелять. «Запасные,— говорится в письме,— очень резонно ответили, что теперь и у них есть патроны».⁵⁵

В Луганске Екатеринославской губернии запасные разгромили магазин. Полицейских забросали камнями, ранили жандармского ротмистра и унтер-офицера. Против толпы действовал вызванный на помощь полиции воинский отряд, давший несколько залпов. На месте остались трое убитых и около 20 раненых. В Бахмуте мобилизованные тоже пустили в ход камни. Выстрелами полиции было ранено пять человек. На ст. Ясиноватая той же Екатеринославской губернии между запасными и полицией завязалась перестрелка, в результате которой два человека были ранены. Мобилизованные силой заставили пристава освободить двух арестованных.

В пос. Макеевка Таганрогского округа Донской области на этой же почве разыгралось форменное сражение. После того как запасные, забросав камнями полицейских и взвод казаков, убили жандармского унтер-офицера и полицейского надзирателя, 9 человек было арестовано. Запасные потребовали их освобождения и начали снова бомбардировать камнями полицию и казаков. Началась стрельба. Первым же залпом казаки убили троих и ранили двух. Но это не остановило запасных. Они бросились к железнодорожной станции Бузановка, выпустили пары из паровоза, приготовленного для отправки эшелона, и начали громить станцию. Толпа отступила лишь после того, как новыми залпами взвод казаков убил 10 и ранил 15 запасных. В Хрустальном горном районе Донской области мобилизованные разгромили канцелярию полицейского пристава и начали громить магазины и лавки. Здесь против запасных действовали совместно с полицией вооружившиеся торговцы. Двое запасных были убиты, шесть — ранены.

Разгромы лавок и магазинов, сопровождавшиеся схваткой с полицией, отмечают также донесения из Котельнича Вятской губернии и

⁵⁴ М. Ахун и В. Петров. Указ. соч., стр. 11—12.

⁵⁵ ЦГИА, перлюстрация 1914 г., письмо из Екатеринослава в Москву от 5 августа 1914 г. без подписи.

из Андижана Ферганской области. В Котельниче при этом выстрелами полицейских было убито 9 и ранено 12 человек, в Андижане — убито 3 и ранено 20.

Не менее острый характер носили волнения, вызванные издевательским отношением властей к мобилизованным. В Кирсанове Тамбовской губернии воинский начальник ударил запасного. В ответ на это остальные мобилизованные немедленно напали на сборный пункт. Окна воинского присутствия были разбиты камнями; воинский начальник с трудом спасся от самосуда. Занятия на сборном пункте были прекращены. В Симбирском уезде за грубое обращение запасные избili сельского старосту. На ст. Инсар Пензенской губернии у проезжавшей партии запасных произошло столкновение с командующим Казанским военным округом. Один из запасных набросился на генерала с ругательствами. Генерал двинул на усмирение запасных эскадрон драгун. Запасные отбивались от драгун камнями и палками. В Армавире Кубанской области на станции офицер набросился с кинжалом на неподчинившегося ему запасного. Толпа тут же на месте убила офицера и избилла защищавшего его другого офицера. Там же эшелон мобилизованных угрожал самосудом офицеру, оскорбившему запасного. Столкновения с военными властями при следовании эшелона запасных по железной дороге имели место также на станциях Прохладная, Беслан, Арапово, Токарево, Грязи, Краматорская и др.

Запасные, отправленные из Новониколаевска (ныне Новосибирск), громили вокзалы на всем пути следования по Томской губернии. Был разгромлен вокзал и в самом Новониколаевске, где происходили сильные волнения мобилизованных, сопровождавшиеся многочисленными схватками с полицией. На сборном пункте в Новониколаевске 21 июля над толпой запасных появился даже красный флаг. Повидимому, это была, однако, личная инициатива одного из запасных, так как в действиях мобилизованных никаких признаков организованности не наблюдалось.

Дальнейшие события в Новониколаевске развернулись так же, как и в других местах. Среди запасных, как сообщает полицейская сводка, «раздавались крики и брань по адресу воинского начальника». Офицер, с которым запасные хотели расправиться, открыл стрельбу. Это послужило сигналом для полиции, которая залпом по толпе убила четырех и ранила трех человек. Толпа не отступила, и началось форменное сражение. У запасных появилось оружие — был разгромлен оружейный магазин. Запасные обстреляли из ружей и забросали камнями взвод стрелков и конный артиллерийский патруль, посланные на помощь полиции, причем были ранены пристав, 9 полицейских, офицер и 4 стрелка. Мобилизованные с своей стороны в этой схватке потеряли двух человек убитыми и двух ранеными.

Волнения в городе приняли такие размеры, что была прекращена работа военно-конской приемной комиссии. Была прервана также переправа через Обь. После разгрома вокзала, где новыми залпами были

убиты 7 и ранены 4 запасных, следующая схватка произошла во время посадки мобилизованных в вагоны. Чтобы заставить запасных грузиться в эшелоны, военные власти вновь открыли стрельбу. На этот раз было убито 9 запасных и 22 ранено. Только после этого эшелон двинулся в путь.

Перестрелка запасных с воинской частью произошла также в Канском уезде Енисейской губернии. Мобилизованные захватили помещение охранной роты, разобрали винтовки и открыли стрельбу по воинской команде. Во время перестрелки один запасный был ранен. В Акмолинской области на сборном пункте в Кокчетаве призванные казаки двух полков подожгли офицерский барак и убили подъяесаула.

Описанные выше выступления далеко не исчерпывают всех случаев столкновений мобилизованных с полицейскими и военными властями.

Пользуясь очень неточными и неполными данными царских властей, стремившихся затушевать действительность и часто указывавших неясный адрес волнений («в ряде мест», «в некоторых уездах» и т. д.), можно все же установить, что во время июльской мобилизации был 21 случай разгрома на сборных пунктах лавок и магазинов (сюда не включены разгромы винных лавок) и 27 случаев нападений и разгромов правительственных зданий и учреждений. К последним относятся такие учреждения, как полицейские управления, казначейства, волостные правления, воинские присутствия и т. д. Особо следует остановиться на попытках разгрома тюрем. Полицейские донесения отмечают четыре таких случая. Всех же попыток (в том числе и увенчавшихся успехом) добиться освобождения арестованных по правительственным документам можно насчитать восемь. Следует также отметить официально зарегистрированные документацией шесть случаев прекращения работы воинских присутствий из-за волнений на сборных пунктах. Сюда попали только такие случаи, когда призыв мобилизованных приостанавливался распоряжением властей до окончания усмирения волнений. Более короткие перерывы работы воинских присутствий из-за волнений запасных в этот подсчет не вошли.

Правительственная документация зарегистрировала лишь два случая прямого отказа мобилизованных крестьян от явки на призывной пункт. В Новгородской губернии запасные одной из волостей Кирилловского уезда сплошь отказались подчиниться приказу о мобилизации. На призыв они явились лишь через сутки после назначенного срока, вынужденные к тому репрессиями местных властей. В самом Кириллове на сборном пункте произошла типичная для этих дней схватка с полицией. Запасные с камнями напали на полицейских, которые в упор стреляли по толпе. Залпами было убито двое и ранен один крестьянин.

Второй случай отказа от явки к призыву имел место в Ставропольской губернии. Перед войной крестьяне этой губернии вели упорную

борьбу против введения земства, учреждение которого несло с собой новые налоги для ставропольского крестьянства, находившегося и без того в чрезвычайно тяжелом экономическом положении. 27 сельских обществ губернии категорически отказались от раскладки земских сборов; крестьяне активно сопротивлялись также постройке земских учреждений. В с. Михайловском Ставропольского уезда на этой почве крестьянки в середине июня 1914 г. уничтожили фундамент строившегося здания земской школы и разбросали заготовленные для стройки материалы. В село приехал губернатор, пригрозивший, что «для усмирения найдутся розги и пули»; из Михайловского в губернскую тюрьму увезли 7 мужчин и 4 женщин.⁵⁶

Весь месяц до начала войны село находилось в страшном возбуждении, и когда была объявлена мобилизация, крестьяне с. Михайловского заявили, что не только сами не пойдут на войну, но и не позволят мобилизовать лошадей. Среди крестьян шли такого рода речи: «Вы — дураки; нужно воткнуть штык в землю и тогда пускай начальство воюет».⁵⁷ В день объявления мобилизации крестьяне Михайловского снова разгромили строящуюся земскую школу. Только когда стало известно, что в село двинут отряд полицейской стражи, запасные начали являться на сборный пункт.⁵⁸

Остановимся еще на одном случае, который вносит новую черту в общую картину настроений крестьянства в первые дни войны. 27 июля 1914 г. на волостном сходе в с. Писаревка Сумского уезда Харьковской губернии обсуждалось воззвание о сборе пожертвований в пользу раненых на войне. Трое участников схода, как доносил сумский уездный исправник, «начали сообщать собравшемуся сходу ложные сведения, возбуждающие враждебное отношение к правительству, о том, что пожертвованные в русско-японскую войну некоторыми обществами деньги не достигли своего назначения, и убеждали не производить пожертвований». Сход согласился с их доводами и решил не производить пожертвований из общественных сумм.⁵⁹

Напоминание о русско-японской войне в речах сельских ораторов весьма показательно: в дни июльской мобилизации и объявления войны мысль невольно обращалась к памятным годам первой русской революции.

V

Память о революции 1905 г. всегда вплоть до 1917 г. была для трудящихся источником надежды и бодрой уверенности в будущей победе, а царизму и буржуазно-помещичьим кругам постоянно напоминала о страшной для них угрозе. События, происходившие в связи со

⁵⁶ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 115.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138.

⁵⁹ «Красный Архив», 1936, № 3 (76), стр. 5—6.

всеобщей мобилизацией 1914 г., с новой силой заставляли вспоминать о первой русской революции.

В уже неоднократно приводимых нами письмах свидетелей июльской мобилизации на местах часто встречаются прямые ссылки на революцию 1905 г., влияние которой сказывалось и на выступлениях мобилизованных. Автор письма из Уфимской губернии пишет 27 июля 1914 г., что «запасные вздумали было буянить на местах, вспоминая конец японской войны. Говорят, что начинают появляться агитаторы (крайне низкого разряда), но тут много вообще говорят вздору, так еще близки тут в памяти 6—7 годы...»⁶⁰ «Вообще видно, что идеи 1905—6 гг. глубоко пустили корни в Чистопольском уезде, да и наши не прочь последовать их примеру»,⁶¹ — читаем мы в уже цитированном выше письме помещика Казанской губернии. Еще более определенно звучит фраза из письма помещика Кремнецкого уезда Киевской губернии: «Если это бедствие не будет прекращено в самом начале крупными мерами, то оно пойдет дальше Кремнецкого уезда, и нам придется опять пережить несчастья 1904—5 гг.»⁶²

Та же мысль сквозит и в официальных документах, исходивших от отдельных представителей царской бюрократии. Характерны в этом смысле рассуждения екатеринославского губернатора, который предвидит после окончания войны неизбежность повторения событий «по образцу 1905—1906 гг.». «Местная администрация,— писал губернатор в докладе царю,— должна быть готова встретить во всеоружии возможные неурядицы». Екатеринославский губернатор поэтому благодарит царя за мудрое распоряжение об освобождении от призыва полицейских чинов, «этих опытных, испытанных слуг престола, столь стойких при исполнении своих служебных обязанностей».⁶³

Томский губернатор приходит к тому же выводу, но с другой стороны. По его мнению, волнения крестьян во время мобилизации «являются последствием безнаказанности таковых в 1905 году». «Я полагаю бы,—приходит к заключению томский губернатор,— что в настоящее время следует применять самые строгие решительные меры».⁶⁴

На эти выводы царскую администрацию особенно наталкивало то обстоятельство, что в ряде районов во время июльской мобилизации происходили аграрные волнения. Аграрный вопрос, являвшийся центральным в первой русской революции и не разрешенный ею, приобрел

⁶⁰ ЦГИА, перлюстрация за 1914 г., письмо с Воскресенского завода Уфимской губ. от 27 июля 1914 г. за подписью «А. Пашков».

⁶¹ Там же, письмо из Ланшева Казанской губ. от 30 июля 1914 г. за подписью «Алексей».

⁶² Там же, письмо из Здолбунова от 8 августа 1914 г., подпись неразборчива.

⁶³ ЦГИАЛ, ф. м-ва вн. дел, деп. общ. дел, д. 28, всеподданнейший отчет за 1914 г.

⁶⁴ Телеграмма томского губернатора министру внутренних дел 24 июля 1914 г. (ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, л. 77).

в годы столыпинского землеустройства еще большую остроту. Земельный вопрос, как причину волнений во время июльской мобилизации, отмечают сообщения из ряда губерний, расположенных в различных краях страны. Свои опасения о неизбежности повторения событий «по образцу 1905—1906 гг.» екатеринославский губернатор обосновывал именно тем, что с самого момента объявления войны среди крестьян губернии начались упорные разговоры о прирезке им земли за счет немецких колонистов. Подобные же настроения наблюдались в Саратовской губернии. 25 июля 1914 г. товарищ министра внутренних дел телеграфировал саратовскому губернатору: «Получены сведения, во многих уездах особенно Сердобском, Байковской волости, агитация земельной почве, дерзкие выходы крестьян, распространение ложных слухов, прошу предложить вверенным вам чинам напрячь все усилия, чтобы ничего не могло ускользнуть от их внимания, и всякое попустуновое, всякий зародыш насилия или беспорядка был предупрежден и остановлен во время, а также принять меры к немедленному опровержению всяких нелепых слухов». ⁶⁵

По словам воронежского губернатора, одной из главных причин «массовых незаконных выступлений» в момент объявления войны были протесты против землеустроительной политики. Губернатор отмечает «стремление жен запасных использовать удобный для них момент — отсутствие мужей — для противодействия землеустроительным работам. Вообще в среде крестьянства, — продолжает губернатор, — резко заметно враждебное отношение к выходящим на отруба своим односельчанам, причем были случаи распространения вздорных слухов о землепользовании и препятствовании со стороны отдельных лиц нарезке отрубов, сопровождавшиеся угрозами чинам землеустройства». ⁶⁶

Крестьяне не только препятствовали землеустройству, но и громили уже выделившиеся на хутора кулацкие хозяйства. Так, в с. Козловка Воронежской губернии 12 августа двухтысячная толпа женщин и подростков разгромила жилые помещения и имущество 23 кулаков-хуторян, причинив им убыток почти на 18 тыс. руб. ⁶⁷ Протест против столыпинского землеустройства послужил основанием для выступления мобилизованных и в Ставропольской губернии. Как сообщает ставропольский губернатор, значительные волнения в июле 1914 г. имели место в с. Донском Ставропольского уезда «на почве опасения запасных, что землеустроительные и межевые работы могут существенно нарушить хозяйственные интересы оставшихся семей их». ⁶⁸

Аграрные выступления крестьян в дни июльской мобилизации были, однако, в первую очередь направлены против помещичьего землевладения. По сообщению пензенского губернатора, с начала войны

⁶⁵ Там же, ч. 62.

⁶⁶ ЦГИА, фонд Ч. С. К., 1914, д. 67, л. 67.

⁶⁷ Я. Крастынь. Указ. соч., стр. 50—51.

⁶⁸ ЦГИА, фонд Ч. С. К., 1914, д. 67, лл. 75—76.

«среди крестьян усилились мечтания о дополнительном наделении помещичьей землей». ⁶⁹ О том, что дело не ограничилось одними «мечтаниями», свидетельствует происшедший в дни мобилизации разгром имения крупной помещицы Чембарского уезда Мальберг. Крестьяне соседних с имением села Похвисневка и деревни Ростоши начали свозить снопы с поля помещицы, разломали паровую молотилку, выбили окна в жилых помещениях усадьбы и сожгли дом управляющего. На место с отрядом конной полицейской стражи прибыл исправник, который арестовал 29 участников разгрома. ⁷⁰

Выступление чембарских крестьян типично для начала войны. Здесь мы имеем налицо характерные черты аграрного движения: разгром и поджог помещичьей усадьбы, порча принадлежавших помещику сельскохозяйственных орудий, захват хлеба. В этих действиях проявлялось не только стремление крестьян свести старинные счеты с помещиками, но и ненависть к ним как представителям господствующих классов, затеявших ненавистную народу войну направляясь на сборный пункт, мобилизованные крестьяне нападали даже на отдаленные от их деревень усадьбы помещиков, с которыми до того никаких конфликтов у них не было.

Наиболее сильные аграрные волнения в дни июльской мобилизации 1914 г. имели место в белорусских губерниях, в районе правобережной Украины и в Томской губернии.

В Белоруссии в начале XX в. шел быстрый рост капиталистического помещичьего хозяйства; однако преобладающей формой здесь продолжало сохраняться крупное феодальное землевладение. Широко распространенные остатки крепостничества в виде сервитутов держали крестьян в тяжелой зависимости от помещиков. Частые конфликты с помещиками из-за сервитутных отношений тянулись годами и принимали острый характер. За годы столыпинской реформы процесс обезземеления и пролетаризации белорусского крестьянства чрезвычайно ускорился. Объявление всеобщей мобилизации в июле 1914 г. как бы сразу раскрыло весь этот сложный клубок социальных противоречий и привело к новому взрыву аграрных волнений. Могилевская, Минская и Витебская губернии были главной ареной, где происходили разгромы помещичьих усадеб. Характерно, что как раз в этих губерниях процесс обезземеления крестьянства проявлялся с наибольшей силой.

В Могилевской губернии уже 19 июля крестьяне деревни Борхово Телешевской волости Гомельского уезда разгромили усадьбу владельца имения «Борхов» Крушевского. Помещик вместе с семьей бежал из имения. Вслед затем разгромы помещичьих усадеб начались в других уездах. «Мобилизационный период,— сообщал в своем докладе могилевский губернатор,— сопровождался рядом учиненных запасными в различных пунктах губернии беспорядков и грабежей, принявших

⁶⁹ ЦГИА, фонд Ч. С. К., 1914, д. 67, л. 73.

⁷⁰ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 110—111.

особо острый характер в Сенненском уезде, где при содействии крестьян был разграблен ряд помещичьих усадеб и экономий. Благодаря принятым своевременно крупным мерам вплоть до телесного наказания некоторых громил, бесчинства были быстро прекращены». ⁷¹

В Сенненском уезде были разгромлены и подожжены усадьбы в экономиях «Быково» помещицы Бражниковой, «Рамишки» Бабица и «Ходцы» фон-Рентальна. В имении крупнейшего сенненского помещика графа Хребтовича-Бутуева мобилизованные, кроме разгрома усадьбы, произвели массовую порубку помещичьего леса. На место крестьянских волнений в Сенненский уезд выехал с карательным отрядом могилевский губернатор. По его распоряжению, несколько схваченных полицией человек были высечены нагайками. Несмотря на жестокую расправу, волнения среди мобилизованных продолжались. Партия запасных, направленная из Сенненского уезда на сборный пункт в Витебск, произвела там, как сообщают донесения, такой «беспорядок», что офицер, начальник партии, видя безвыходность положения, застрелился. Четырех участников разгромов имений в Сенненском уезде военно-полевой суд приговорил к смертной казни через повешение. Приговор был утвержден главнокомандующими военным округом генералом Ренненкампфом и 23 июля приведен в исполнение. По распоряжению Ренненкампфа, в крупнейших городах округа были расклеены объявления с извещением о казни «за погром и поджог» и с угрозой применять такую же меру ко всякому, кто «позволит себе идти на подобные преступления». ⁷²

В Минской губернии разгромы имений происходили три дня подряд — 20, 21 и 22 июля. Поджогу и разгромам подверглись помещичьи усадьбы в Бобруйском, Игуменском, Минском и Мозырском уездах. В Бобруйском уезде мобилизованные крестьяне 21 июля разгромили имение помещика Полферова; 44 участника разгрома были арестованы полицией. 20 и 21 июля были разгромлены три имения в Игуменском уезде «Смиловичи» помещика Ваньковича, «Корелищевичи» Прошинского и «Буда» Гомолицкого. Наибольшему разгрому подверглось имение Ваньковича, убытки которого расценивались местными властями в огромную сумму — 200 тыс. руб. Зачинщиками разгромов были проходившие по пути на сборный пункт запасные, к которым присоединились местные крестьяне. Минский губернатор, прибывший лично для расправы в город Игумен, арестовал 60 крестьян. Телеграммой в Петербург он ходатайствовал о предании арестованных в Игумене военно-полевому суду, так как «окрестные крестьяне бесчинствуют в усадьбах помещиков того же уезда». ⁷³ В Минском уезде в те же дни были разгромлены две помещичьи усадьбы: «Горки» Лучинского и «Новый двор» Бунге. Общий убыток обоих помещиков, по

⁷¹ ЦГИА, ф. Ч. С. К., 1914, д. 67, л. 71.

⁷² «День» от 27 июля 1914 г.

⁷³ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, ч. 40, л. 7.

официальным подсчетам, составил 17 тыс. рублей. И здесь разгром начали проходившие мимо имения запасные.

По числу разгромленных имений на первом месте в Минской губернии стоял Мозырский уезд. Официальные донесения регистрировали здесь шесть случаев нападений и разгромов помещичьих усадеб. Разгрому подверглись имения: 1) «Михалка» Илюгорских-Лепиевичей, 2) «Великий Бохов» Бржезовских и Марцинкевича, 3) «Люденевичи» Коцебу, 4) «Бухча» Лепиевича, 5) «Прудок» тоже Лепиевича и 6) «Буди-Софиевка» Маркварта. В усадьбе Маркварта крестьяне при поджоге строений стремились прежде всего сжечь деловые и судебные бумаги. Попытки уничтожить документы, формально закреплявшие зависимость от помещика, ясно свидетельствуют о смысле и характере выступления крестьян.

Всего в Белоруссии (по трем губерниям — Могилевской, Минской и Витебской) донесения местных властей насчитывают за дни июльской мобилизации 20 разгромов помещичьих усадеб. Аграрные волнения в Белоруссии, как и в остальных районах страны, сопровождались и другими формами выступлений мобилизованных — разгромами лавок, схватками с полицией и т. п. И здесь имела место стрельба полицейских команд в толпу (Полоцкий уезд Витебской губернии), а в одном случае (Велижский уезд той же губернии) оружие было применено помещиком вместе с «местными обывателями», стрелявшими по мобилизованным крестьянам и ранившими одного запасного.

Не меньшей остротой отличались аграрные волнения во время всеобщей мобилизации на Украине, преимущественно в Киевской губернии. Последняя по числу разгромленных и подожженных имений (20) стоит на первом месте не только на Украине, но и по всей России. Киевское крестьянство показало пример борьбы против помещиков и царских властей уже в первые дни империалистической войны. Киевская губерния принадлежала к тем районам России, где размеры крестьянского надела были наименьшие (менее 6 га на один двор), а процент безлошадных хозяйств — наивысший (более 50%). Источником постоянных столкновений с помещиками, кроме малоземелья, была острая нехватка у крестьян леса и выгонов для скота, захваченных помещиками. Крестьянство Киевской губернии проявляло высокую активность в борьбе против помещиков в революции 1905 г.

Аграрными волнениями в дни июльской мобилизации были охвачены три уезда губернии: Радомысльский, Каневский и Кремнецкий. Выступления крестьян носили такой острый и напряженный характер, что вызвали полную растерянность помещиков. «Наше положение трагическое», — телеграфировала 27 июля министру внутренних дел радомысльская помещица Маслова.⁷⁴ «В Кремнецком уезде, откуда я сейчас возвратился, творится беда. Крестьяне громят фольварки», — писал кремнецкий помещик в уже цитированном выше письме в канцелярию

⁷⁴ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, ч. 28, л. 2.

киевского генерал-губернатора. Автор письма приходит к выводу, что «разгром фольварков имеет несомненно аграрный характер: крестьяне не только разграбили движимость, но и увезли окна, двери, ворота и пр., чтобы пан не мог возвратиться в фольварк». Помещик просит, чтобы присланное вместе с письмом его прошение генерал-губернатору «о защите» получило «скорейший ход». ⁷⁵

В Кремнецком уезде были разгромлены пять фольварков, в том числе два принадлежавшие автору письма: «Княжи» и «Мартьяновка» Вишневецкого имения. Из разгромленных фольварков был также угнан скот.

В Каневском уезде были разгромлены помещичьи экономии, расположенные по пути следования запасных на сборный пункт в Канев. В донесении начальника киевского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов перечислены следующие четыре экономии, разгромленные 19 июля 1914 г.:

«1. Копиеватская экономия землевладельца Муравьева-Апостолова, где запасными была остановлена работавшая паровая молотилка, перерезаны на ней кожаные пасы, разогнаны рабочие и взято с собой овса и пшеницы в зерне.

2. Яхнянская ферма, арендуемая Марьяном Верещакой, на которой был перерезан у работавшей паровой молотилки кожаный пас и взято более трех пудов пшеницы в зерне и до 10 пудов последа, чем причинено убытка на 25 рублей.

3. Эмчинская экономия «Лозки» владелицы Муравьевой-Апостоловой, где ограблено овса в мешках на 70 рублей, взято пустых мешков на 30 рублей, разгромлены квартиры помощника заведующего экономией Песоцкого и машиниста Верещинского, в которых была перебита посуда и обстановка и изорвана одежда. Убытка причинено на 1137 рублей.

4. Рокитинская экономия графа Бутурлина, где чугунными гирями от весов попорчена паровая молотилка, перерезан кожаный пас этой молотилки, разбиты сортировочная машина, веялка и десятичные весы и взяты с собой более 100 пудов овса. Убытка причинено на 802 рубля». ⁷⁶

Более широкие размеры приняли разгромы помещичьих имений в Радомысльском уезде. Аграрные выступления здесь имели массовый характер и захватили почти все крестьянское население уезда. Крестьяне Радомысльского уезда, помимо захвата хлеба, рубили помещичий лес. В рапорте киевскому губернатору от 29 июля 1914 г. радомысльский уездный исправник сообщает, что порубки леса и захват помещичьего хлеба получили широкое распространение сразу же после объявления мобилизации. «С первого дня объявления мобилизации,—

⁷⁵ ЦГИА, перлюстрация за 1914 г., письмо от 8 августа 1914 г. из Здолбунова, подпись неразборчива.

⁷⁶ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, ч. 28, л. 16.

пишет исправник, — запасные каждого села и деревни, входящие в район 2 стана Радомысльского уезда, в целях обеспечения своих семейств отоплением и хлебом, все, сколько было в каждом населенном пункте, выезжали в помещичьи леса и на поля и брали дрова, строительные материалы, хлеб в копнах и зерне от экономических молотилок и увозили домой. Попытки лесников и администрации экономий остановить самоуправство успеха не имели, так как запасные угрожали побоями, а их родственники мщением. Многие лесники, боясь мести и быть избитыми, бежали из лесу, а другие были лишь свидетелями происходившего, не смея препятствовать самоуправствам и хищениям; в Коростышевском имении светлейшего князя Горчакова было подожжено 1½ копны пшеницы, после того, как полевые сторожа стали препятствовать хищению; случаем безнаказанного хищения пользовались и крестьяне не запасные. Убытки такими хищениями некоторым имениям причинены значительные». ⁷⁷

Вслед за тем начались разгромы помещичьих экономий. В Радомысльском уезде во время июльской мобилизации были разгромлены 10 экономий и один винокурный завод. Кроме того, пять усадеб были подожжены. На фольварке «Зарудье» Браницкого крестьяне сожгли дом, конюшню, воловню, ток и скирды овса в поле. В экономии помещика Бубнова разгром продолжался три дня подряд. Крестьяне разгромили также квартиру управляющего экономией. В одном имении выпустили из пруда воду, залившую хозяйственные строения.

Согнанные в местечко Коростышев мобилизованные крестьяне избили камнями полицию и разгромили 32 лавки, 15 домов «состоятельных лиц» и винокурный завод князя Горчакова. Против толпы, достигшей вместе с провожавшими 7 тыс. человек, полиция побоялась действовать оружием. На помощь был приглашен местный священник, который прошел по местечку с крестным ходом. «Но это также несколько не помогло», — констатирует в своем рапорте губернатору радомысльский исправник. Сразу же после окончания крестного хода толпа крестьян разгромила квартиру урядника, а затем начала громить почтово-телеграфную контору.

Столкновения радомысльских крестьян с помещиками и полицией из-за леса и выгонов происходили неоднократно и до войны. В глазах местных властей все крестьянское население уезда представляло собой «скопище преступного элемента», против которого следовало принять особые карательные меры. Волнения в дни мобилизации еще больше утвердили их в этой мысли. «Характер беспорядков в Радомысльском уезде и массовое участие в них местных жителей, — писал 29 июля начальник киевского жандармского управления командиру корпуса жандармов, — дает основание предполагать, что наложение даже строгих взысканий только на лиц, избличенных следствием, не даст возможности населению этого уезда почувствовать всю преступность их дей-

⁷⁷ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, ч. 28, л. 6

ствий в переживаемый государством момент чрезвычайной важности, и что если принять во внимание, что по отзывам лиц, заслуживающих полного доверия, население Радомысльского уезда представляет собой скопище преступного элемента всевозможных категорий, непрерывно проявляющее преступные действия в мирное время, в виде грабежей, конокрадства, убийств, похищения леса у помещиков и т. п., то настоящий момент является самым удобным для принятия особых карательных мер по отношению жителей всего Радомысльского уезда.»⁷⁸ К главнокомандующему Юго-западного фронта начальник киевского жандармского управления обратился с просьбой послать в Радомысльский уезд специальный карательный отряд.⁷⁹

Сводка департамента полиции отмечает также несколько случаев аграрных выступлений мобилизованных крестьян в Волынской и Подольской губерниях. В Овруче Волынской губернии были поломаны фруктовые сады и разгромлено здание земской управы. В Балтском уезде Подольской губернии была разгромлена помещичья экономия, откуда крестьяне вывезли хлеб. Когда полиция арестовала несколько участников разгрома, запасные ворвались в арестное помещение, разломали его и освободили арестованных. Местные власти, стремившиеся перед лицом высшего начальства продемонстрировать полный порядок во время мобилизации, ограничились регистрацией только этого случая; скрыть его, конечно, было невозможно. Надо полагать, однако, что в Подольской губернии аграрные волнения были значительно шире. Об этом свидетельствует следующее письмо из Балты уездного предводителя дворянства князя Гагарина своей матери: «Что здесь делается, трудно себе представить,—живем, как на вулкане. Свыше 12 000 запасных в городе, и я рвусь на части, чтобы предотвратить возможность беспорядков. Пока мой долг оставаться в Балте, и я чувствую, какое громадное влияние на благополучный исход мобилизации может оказать предводитель дворянства. За свою усадьбу я могу быть спокоен, так как у меня 35 человек окнинских запасных, но у других некоторые запасные безобразничают, бьют стекла, а усмотреть за ними невозможно».⁸⁰ В этом письме любопытна одна деталь: княжеское имение охраняла специальная воинская команда. Но такую роскошь мог себе позволить лишь предводитель дворянства; на охрану других поместий воинской силы не хватало.

Особый характер имели крестьянские волнения в Астраханской губернии в селах, расположенных на берегах Волги и Каспийского моря. Давняя борьба крестьян с рыбным надзором и частновладельческими фирмами, эксплуатировавшими рыбаков, во время мобилизации

⁷⁸ Там же, л. 21.

⁷⁹ Справиться с радомысльскими крестьянами местным властям оказалось, однако, не под силу. Весной 1915 г. в уезде вновь развернулись аграрные волнения (А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 121—122).

⁸⁰ ЦГИА, перлюстрация за 1914 г., письмо от 21 июля 1914 г. из Балты в Одессу княгине М. В. Гагариной за подписью «твой сын».

особенно обострилась. Крестьяне начали лов рыбы на участках купцов-рыбопромышленников, объясняя «облов» необходимостью помочь семьям мобилизованных. Крестьяне-ловцы нападали на посты рыбного надзора, поджигали частновладельческие суда. 22 июля 1914 г. рыбаки с. Карлата Астраханского уезда открыли стрельбу из дробовиков по брандвахтам, принадлежавшим рыбопромышленнику Исаеву, и сожгли их. 27 июля крестьяне с. Травино того же уезда напали на посты рыбного надзора и прогнали стражников. 1 августа между ловцами и рыбным надзором, охранявшим фирму бр. Сапожниковых, разыгралось настоящее сражение. Рыбаки действовали камнями и шестами, стражники стреляли. Несколько человек было ранено, 14 арестовано. Последовавшие затем массовые аресты и другие репрессии в ловецких районах не приостановили движения, которое продолжалось и после окончания июльской мобилизации.⁸¹

За пределами Европейской России наиболее крупные аграрные волнения во время мобилизации произошли в Алтайском округе Томской губернии. Около половины всей территории Томской губернии (39 млн. десятин) занимали кабинетские земли, являвшиеся личной собственностью царской фамилии. Алтайский округ целиком находился в ведении кабинета. На кабинетских землях жило значительное количество переселенцев, которым земля сдавалась в аренду. Эти арендные отношения и были постоянным источником конфликтов крестьян с местными властями. Крестьяне отказывались платить кабинету ежегодную плату и требовали передачи им земли в бесплатное пользование. Мобилизация дала новый толчок этому движению, захватившему почти все алтайские села и деревни.

Первая телеграмма, посланная из Томска в департамент полиции, перечисляла следующие пункты, где волнения начались уже 19 июля: города — Бийск, Змеиногорск, Колывань, села — Камень, Юдиха, Шелабола, Павловское, Кольчутино, Плосково, Богатское, Казаткуль, Екатерининск, Кабановск, Новоалейск. А 22 июля губернатор телеграфировал министру внутренних дел, что «запасные почти повсеместно в Томской губернии производят беспорядки». Перечисляя отдельные факты, губернатор сообщил, что из сел Юдихи и Тюменева волостные власти бежали, из Юдихи выгнали пристава, в с. Бутырках «пристав и урядник избиты, толпа намеревается разнести волость, настроение возбужденное», в с. Павловском «громят волостное правление, контору лесничего, магазины», в Кузнецке «толпа запасных высказывает намерение освободить арестантов»; помимо запасных, в разгромах принимают участие крестьяне. «Полиция, вследствие малочисленности, почти равной отсутствию ее, бессильна,— заканчивает свою телеграмму губернатор,— потому на месте беспорядков мною вызваны военные команды, но большинство их может прибыть не ранее пяти-десяти дней...»⁸² Паникой были

⁸¹ Я. Крастынь. Указ. соч., стр. 70—73.

⁸² ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914. д. 138, ч. 77, л. 5.

охвачены не только губернские власти, но и местные торговцы, которые умоляли Петербург «о немедленном содействии воинской защиты», так как даже «храмы божии в большой находятся опасности». ⁸³

В волнениях в Томской губернии нашли свое отражение все формы крестьянских выступлений во время мобилизации. требования обеспечения семей и кормовых и отказ ехать на подводах, разгромы винных лавок и магазинов, разгромы волостных правлений и казенных учреждений, нападения на тюрьмы и освобождение арестованных, избиение полиции, разгромы кордонов и лесничеств ведомства кабинета, массовые порубки леса и т. д. Для района кабинетских земель характерны и прямые выступления против царя, власть которого здесь крестьяне воспринимали как власть «своего» помещика. В с. Ребриха Барнаульского уезда при разгроме волостного правления крестьяне изорвали царский портрет. В с. Александровском Змеиногорского уезда среди крестьян велась агитация за то, чтобы не давать царю солдат, не идти на войну, причем крестьяне открыто ругали Николая II.

В Кузнецке и Мариинске запасные заставили воинское присутствие прекратить прием мобилизованных, причем в Мариинске само присутствие было разгромлено и все дела уничтожены.

На первом месте по силе и массовому характеру крестьянских волнений в Томской губернии находился Барнаульский уезд, где борьба крестьян за кабинетскую землю имела длительную историю. В отчетном докладе о настроении населения за февраль 1914 г томский губернатор писал: «Жители села Павловского (Барнаульского уезда), а главным образом разночинцы, будучи недовольны землеустройством, продолжают питать к учреждениям Алтайского округа ведомства е. и. в. скрытую злобу, причем в настоящее время среди населения упомянутого села стали циркулировать слухи о предполагающемся с наступлением весны новом (одно уже было в 1911 г.) разгроме конторы Павловского лесничества». ⁸⁴ В июне в нескольких селах Барнаульского уезда (Урлановское Боровской волости, Паломшанское Навичихинской волости) крестьяне решили отказаться от уплаты аренды и самовольно поделить луга для покоса. В первой половине июля начались массовые порубки в кабинетских лесах, а кое-где были разгромлены канцелярии лесничества.

Сводка департамента полиции о ходе мобилизации в России дает следующее описание крестьянских волнений в Барнаульском уезде: «Наиболее сильные беспорядки произошли в Барнаульском уезде, где произведены массовые порубки леса на землях кабинета его величества, сожжены две канцелярии лесничества, разгромлено несколько волостных правлений, кредитное товарищество, магазины и совершены насильственные действия над чинами полиции и должностными лицами крестьянского самоуправления. Во время погромов в г. Барнауле

⁸³ Там же, л. 16, телеграмма министру торговли и промышленности от торговцев с. Павловского — Пленкина, Павлова, Ердакова, Бесшапкина.

⁸⁴ Там же, л. 3.

многотысячная толпа запасных наступала на тюремный замок, хватая чинов полиции и угрожая разгромить все казенные учреждения. Загравивший громилам путь вооруженный взвод солдат был смят, причем толпа разбила и сожгла казенный винный склад, ранив жандармского офицера. Продолжая грабежи, запасные учинили поджог на трех улицах, на которых выгорели 32 больших здания, в том числе маслодельные и сельскохозяйственные конторы, русский для внешней торговли банк, торговый пассаж, два оружейных магазина, мануфактурные магазины и пристанские пакгаузы». ⁸⁵

Барнаул в течение суток фактически находился в руках многотысячной толпы мобилизованных крестьян, согнанных сюда со всего уезда. У многих из них появилось оружие, взятое из разгромленных оружейных магазинов. Местные власти попрятались, воинские караулы и полиция разбежались, чиновники и торговцы в панике бежали из города. С утра 23 июля в Барнауле начала действовать вызванная из лагеря рота местного гарнизона. 24 июля ей на помощь были посланы из Томска еще три роты, две сотни казаков и два орудия.

В результате ружейной перестрелки в Барнауле было убито 112 человек. 26 июля в город приехал томский вице-губернатор вместе с целым штатом судебных чиновников. За два дня были арестованы 160 человек, и так как все тюрьмы оказались переполненными, с остальных привлеченных к следствию была взята подписка о невыезде.

Крестьянские волнения в дни июльской мобилизации охватили следующие уезды Томской губернии: Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Каинский, Кузнецкий, Мариинский и Томский.

О масштабах и силе этих выступлений можно судить по тому, что в Томской губернии по делу о беспорядках во время июльской мобилизации было привлечено к суду до 1400 человек. Среди них, кроме запасных, было большое количество не подлежавших мобилизации крестьян. ⁸⁶

Волнения крестьян Томской губернии во время июльской мобилизации, имевшие под собой глубокую почву аграрных взаимоотношений, проходили так же стихийно, как и в других районах России. В одном лишь случае мы имеем свидетельство о революционной агитации, предшествовавшей выступлению мобилизованных крестьян. В Бийске местная большевистская группа провела большую работу среди крестьян, съехавшихся на сборный пункт. Было выпущено около 50 штук листовок, их перепечатали на гектографе и переписывали от руки. Рабочие-большевики ходили в казармы и на квартиры, где стояли приезжающие солдаты, вели агитацию против войны и за улучшение солдатского быта. Агитация действовала. При отправке мобилизованных из города они отказались садиться на пароходы и выставили требования немедленного обеспечения семей пособиями, выдачи обмундирования и т. п.

⁸⁵ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, ч. 77, лл. 119—130.

⁸⁶ Там же, 7-е делопр., 1914, д. 2659, л. 4.

Бийск, однако, был единственным исключением, никак не меняющим общей картины. Волнения крестьян во время мобилизации во всех их проявлениях были стихийным, неорганизованным протестом против царского крепостнического гнета и против навязанной царизмом народу ненавистой войны.

VI

Сильный полицейско-административный аппарат, подкрепленный воинской силой, еще не вышедшей из повиновения царизму, позволил правительству закончить всеобщую мобилизацию в назначенный срок, даже с выигрышем нескольких часов. В момент, когда война уже стала фактом, не только стихийные крестьянские выступления, но и широко организованное пролетарское движение, если бы оно имело место, не могли бы остановить пущенную в ход военную машину. «Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией...»⁸⁷, — писал Ленин, указывая, что единственным путем действительного выхода из войны является борьба за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

Карательные меры, которые применялись для подавления вызванных мобилизацией волнений в сельских и городских пунктах, не были продуктом творчества отдельных полицейских властей. Они представляли собой систему, которая применялась по указаниям и требованиям правительства. В основу этой системы было положено полное освобождение местных властей от всяких стеснительных рамок даже убогой царской законности. Самоуправство и превышение власти провозглашались как достойная похвалы добродетель. Чрезвычайный интерес в этом смысле представляет циркулярное письмо министра внутренних дел Маклакова, разосланное 31 июля 1914 г. всем губернаторам. Письмо начинается признанием серьезности происходивших крестьянских волнений. «Мною получены сведения, — пишет Маклаков, — что в некоторых местностях империи, под влиянием вздорных, возбуждающих и злонамеренных слухов, начинаются весьма нежелательные брожения в среде сельского населения. Явление это должно быть признано чрезвычайно опасным для благополучия государства, так как спокойствие всего населения во время войны и уверенность каждого в личной и имущественной безопасности служат лучшим залогом успеха русского оружия».⁸⁸ Министр требовал, чтобы для подавления волнений были мобилизованы все силы и средства местной власти, которая не должна считаться ни с какими «формальными соображениями». «Считаю необходимым высказать, как общее правило, — писал министр, — что при настоящих условиях, переживаемых Россией, представители государственной власти на местах должны действовать решительно и быстро, забывая о

⁸⁷ В. И. Ленин Соч., т. XVIII, стр. 70.

⁸⁸ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр. 1914, д. 138, лл. 9—11.

формальных соображениях там, где требуется во что бы то ни стало охранить общественный порядок и спокойствие. Вашему превосходительству надлежит помнить, что уголовный закон освобождает от ответственности лицо, принявшее меру, превышающую его власть, если подобное действие было вызвано чрезвычайными обстоятельствами. Ныне такие обстоятельства наступили для всей России, почему превышение власти, вызванное действительной необходимостью охранить жизнь и имущество мирных обывателей или подавить опасное движение, встретит всегда одобрение и поддержку со стороны министерства». ⁸⁹

Для борьбы с крестьянским движением Маклаков предлагал изменить дислокацию полицейской стражи: ее не следует распылять по всей площади уездов, а надо сосредоточить в станах и уездных городах, откуда перебрасывать отрядами в места волнений. Полицейская стража должна периодически объезжать территорию стана, а в «особенно неспокойных волостях» следует расположить для постоянного пребывания сильные команды.

Эти указания о предупредительных мерах дополнялись настойчивым и решительным требованием применять огнестрельное оружие против участников волнений. Именно в этом министр внутренних дел видел то «добродетельное» превышение власти, которое он рекомендовал губернаторам.

В ответ на первое сообщение о волнениях в Томской губернии Маклаков послал в Томск губернатору следующую классическую по цинизму телеграмму: «В случае беспорядков и необходимости надо стрелять не по звездам, бесчинства должны быть раздавлены». ⁹⁰

Телеграмма, посланная Маклаковым через два дня, на этот раз двум губернаторам — томскому и минскому — с такой же категоричностью требовала расстрелов: «Надо стрелять при усмирении беспорядков. Эти погромы не допустимы, они развращают и запасных и подрывают власть, их усмирять надо беспощадно». ⁹¹

Как видно из описанных выше случаев массовых выступлений, стрельба по безоружной толпе широко применялась повсеместно. Стреляли полицейские команды и воинские части, призванные на помощь полиции. Артиллерия, правда, в ход не была пущена, но судя по тому, что в Барнауле были отправлены два орудия, правительство готово было двинуть и пушки против участников июльских волнений.

За период мобилизации, с 19 июля по 1 августа 1914 г., при подавлении крестьянских волнений в 27 губерниях и областях было убито и ранено 505 участников волнений. Ответными действиями запасных и крестьян было ранено и убито 106 должностных лиц (полиции и воинских частей).

⁸⁹ ЦГИА, ф. деп. пол., 4-е делопр., 1914, д. 138, лл. 9—11.

⁹⁰ Там же, ч. 77, л. 6.

⁹¹ Там же, л. 26.

Раненые и убитые во время волнений в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г.⁹²

Губерния или область	Должностные лица		Прочие лица, в том числе запасные	
	ранено и избито	убито	ранено и избито	убито
Астраханская	2	—	2	—
Бакинская	—	1	—	—
Витебская	1	—	1	—
Вологодская	—	—	2	1
Вятская	—	—	13	13
Дагестанская	—	—	2	—
Донская	2	2	22	15
Екатеринославская	9	—	34	4
Енисейская	—	—	1	—
Киевская	—	—	2	1
Кубанская	1	1	1	—
Новгородская	—	—	1	4
Пензенская	2	—	7	1
Пермская	13	8	56	39
Подольская	1	—	—	—
Самарская	5	—	2	2
Саратовская	7	—	42	20
Семиреченская	1	—	—	—
Симбирская	1	—	4	5
Тамбовская	5	—	2	1
Терская	1	—	1	1
Тифлисская	2	—	—	—
Тобольская	—	—	1	1
Томская	31	—	33	136
Уфимская	9	—	7	—
Ферганская	—	—	20	3
Харьковская	1	—	2	—
	94	12	258	247
	106		505	

Приведенная таблица, разумеется, не может считаться исчерпывающей. Несмотря на то, что положенные в основу ее данные министерства внутренних дел нами исправлены и дополнены, все же полной считать ее нельзя. В таблице отсутствуют Минская и Могилевская губернии, по которым цифровых данных не удалось собрать. Цифры, относящиеся к Украине, явно преуменьшены. В некоторых документах говорится о том, что в результате стрельбы было «несколько» раненых; такие случаи в подсчеты попасть не могли. Нельзя поэтому судить на основании данных таблицы о силе, интенсивности и широте движения в отдельных районах страны.

⁹² В основу таблицы положены составленные 15 октября 1914 г. управлением воинской повинности министерства внутренних дел «Сведения о числе лиц, пострадавших во время бывших в июльскую мобилизацию 1914 г. беспорядков в некоторых местностях империи, II приложение к всеподданнейшему докладу от 18 октября» (ЦГИАЛ, ф. м-ва вн. д., 1914, д. 1757, лл. 7—8). В сведениях перечислены 17 губерний, причем общее количество пострадавших исчислено в 412 чел. Исправления и дополнения нами сделаны на основании сверки данных таблицы с другими документами.

И все же некоторые выводы из приведенной таблицы напрашиваются сами собой. Обращает на себя внимание соотношение цифр раненых и убитых. По группе «прочие люди» (участники выступлений) убитых числится столько же, сколько и раненых. Такое соотношение далеко превосходит даже норму, принятую для подсчета потерь в боевых действиях на войне. Учитывая, что многие раненые предпочитали скрывать свои ранения от полиции, можно сделать вывод о чрезвычайной жестокости расправы со стороны царских властей. Стреляли на близком расстоянии, в упор, «не по звездам». Низкий процент убитых в группе «должностных лиц» (12,7%) в то же время говорит о невооруженности участников волнений; их главным оружием были камни.

Несмотря на то, что мобилизованные крестьяне могли действовать только колющими и камнями, они проявляли в схватках с полицией чрезвычайное упорство и настойчивость. Об этом говорят цифры той же таблицы: на каждые пять человек раненых и убитых мобилизованных крестьян приходится один представитель власти.

* *

Подведем некоторые итоги нашему исследованию.

Волнения в дни июльской мобилизации 1914 г. до сих пор не были предметом специального исследования, что привело к неверной оценке развития крестьянского движения в годы империалистической войны. В исторической литературе преобладает общее утверждение, что 1914 год было годом упадка крестьянского движения, которое начинает вновь подниматься лишь под влиянием поражений на фронте и роста хозяйственной разрухи в стране. Нельзя отрицать, что военно-террористический режим в стране, а также шовинистическая пропаганда, которая не могла в известной мере не заразить склонные к колебаниям мелкобуржуазные слои населения, повлияли в сторону уменьшения числа крестьянских выступлений в первый период войны. Однако изученные нами факты позволяют утверждать, что до проявления этой тенденции к понижению в развитии крестьянского движения был короткий этап подъема, который был связан с проведением июльской всеобщей мобилизации.

Крестьянское движение в июле 1914 г. выразилось главным образом в выступлениях мобилизованных. Эта специфическая, обусловленная историческим моментом, форма движения, содержала в себе все типичные черты аграрно-крестьянских волнений: разгромы помещичьих имений, борьба против столыпинского землеустройства, избивание полицейских властей и т. д. То, что выступления мобилизованных сопровождались специальными требованиями, непосредственно связанными с мобилизацией, только подтверждает революционность крестьянства, так как все они в конечном счете были выражением протеста против царизма.

Общий характер крестьянских волнений во второй половине июля

1914 г. и их широкое распространение по стране позволяет утверждать, что крестьянство в целом, за исключением кулацких слоев, встретило объявление империалистической войны резко отрицательно. Несмотря на то, что крестьянские выступления не сопровождались прямыми политическими и антивоенными лозунгами, крестьянство стихийно заняло правильную классовую позицию отказа от гражданского мира, пропагандировавшегося буржуазией. Широкие массы крестьянства объективно восприняли войну, как продолжение царско-помещичьей внутренней политики и ответили на нее так, как подсказывал им опыт предшествовавших революционных боев.

Е. Н. КУШЕВА

ТОРГОВЛЯ МОСКВЫ В 30—40-Х ГОДАХ XVIII В.

Восемнадцатый век в истории Москвы остается одним из наименее изученных. Недостаточно выяснено и значение Москвы в экономической жизни России этого столетия. В течение XVIII в. в общем экономическом развитии страны происходят крупные сдвиги. Углубляется дифференциация районов, усиливается внутренний обмен, растет крупная промышленность мануфактурного типа; территория страны расширяется благодаря присоединению ряда областей, отстающих в развитии от центрально-промышленного района и имеющих характер колоний: выход к Балтийскому морю усиливает обмен с Западной Европой. Какое же положение заняла Москва в этой обстановке общего экономического подъема, подготовлявшего, в условиях расцвета крепостничества, развитие в России новых, капиталистических отношений?

До нас дошли высказывания современников, которым первенствующее значение Москвы в общерусской торговле представлялось бесспорным. «Московская торговля столь обширна, что она почти знатнейшую часть российской торговли в себе заключает, и чем прочие города Российской империи по частности славятся, то в Москве, будучи смешано во множестве, теряет вид и исчисление», — писал в 1780-х годах автор «Исторического и топографического описания городов Московской губернии» Х. А. Чеботарев.¹ Архивы сохранили нам материал первостепенного значения, который позволяет проверить отзывы, подобные вышеприведенному.

Лишь в 1754 г. были отменены в России внутренние таможенные и мелочные сборы. Среди обширной коллекции таможенных книг XVIII в., хранящихся в настоящее время в фонде Камер-коллегии в ЦГАДА, числятся и несколько десятков московских таможенных книг за 1720-е — 1750-е годы. Это драгоценный для экономической истории города архивный материал еще не был предметом монографического изучения. В дальнейшем даются общий очерк торговых связей Москвы и характеристика товарооборота московского рынка (без задачи подробной статистической обработки таможенных данных), основанные на просмотре ряда книг московских таможен 1730-х — начала 1740-х годов.

Московская Большая таможня помещалась в Китай-городе в «палате» Гостиного двора, главного центра оптовой торговли, своего рода

¹ М., 1787, стр. 6.

товарной бирже: иногородние купцы не имели права продавать товары иначе, как оптом, и основная масса привозных товаров складывалась на Гостином дворе, где иногородним предоставлялись, с платой «амбарного», специально охраняемые помещения.² Здесь же совершались торговые сделки. Вывезти с Гостиного двора товар можно было только с предъявлением специального «ярлыка», выданного таможенной. Находившийся также в Китае-городе Мытный двор ведал сбором пошлин с рогатой живой и колотой скотины, всевозможных лесных товаров, сена, соломы и некоторых других товаров.³ «Померная изба» собирала пошлины с привозного хлеба и круп.

В московских таможенных ежегодно велись книги около 30 типов, в которых регистрировался привоз в Москву и отпуск из Москвы разнообразных товаров с отметкой об уплате установленных таможенных пошлин. Книги различались то по роду товаров, как книги «медового сбора», «хмелевого сбора», «табашные», «холщевые сборы»; то по происхождению товаров — например, книги записные «привозным российским товарам», или «китайским и сибирским», «астраханским и персидским товарам», или «иностранным товарам, привозным от портов или из-за границ»; то по характеру сборов — с найма извозчиков, «с шелашей, что на Москве-реке на льду»; то по происхождению торговых — например, особо регистрировался отпуск из Москвы товаров московскими и особо иногородними жителями. Оживленность товарооборота нередко вызывала необходимость параллельного ведения записей одного рода двумя, тремя и более канцеляристами. Отсюда деление московских таможенных книг одного года и одного типа на так называемые «половины», которых иной раз бывало до шести, даже до семи. Полной коллекции книг ни за один год не сохранилось; материал дефектен и потому, что от того или иного года налицо книги далеко не всех типов, и потому, что из нескольких «половин» книги обычно сохранилась одна, редко две. В настоящем очерке в основу изучения положены книги 1740 г., от которого сохранилось семь книг пяти основных типов; для восполнения дефектности материалов 1740 г. привлекаются книги за более ранние или более поздние годы, начиная с 1736 и кончая 1744 г. Всего обследовано около 30 книг 18 типов, отражающих основные статьи привозной и отпускной московской торговли.

I

Город с многочисленным постоянным и значительным пришлым населением, Москва была в XVIII в. крупным потребляющим центром сельскохозяйственных и иных продуктов. По словам официального документа, «крестьян и прочих положенных в подушный оклад людей в города, особливо в Москву, зимою и летом, как всем известно, со вся-

² ПЗС, т. III, 1641.

³ Там же, 1646; Х. А. Чеботарев. Указ. соч., стр. 24.

кими съестными и прочими припасы своего домашнего приготовления, а не скупного завсегда в приезде бывает многое число и становятся по кресцам и по рынкам во многих местах...»⁴ При привозе продавцом товара «не более дву гривен ценою», он не подлежал записи в таможенную книгу — из Московской Большой таможни на крестцы и в иные места рыночной торговли высылались целовальники для мелочного сбора прямо «в ящик». «Книга записная Московской Большой таможни высыпкам мелочного кресцовского збору 1741 году»⁵ перечисляет «кресцы» Тверской, Арбатский, Таганский, высыпки сборов «из Ветошного Большого ряду», «из Рыбного живого ряду», «из-за Воскресенских ворот», «с Каменного мосту», «с Устретенки», «из Зубова» «з Болота и с Полянки», «со Вшивой горки», «от Красных ворот», «от Большого клейма», «из Новой» и «Немецкой» слобод, иной раз с пояснениями: «з живой» или «с свежей рыбы», «с яблок и с орехов», «с сотов и с протчего», «со льну». В дни «праздников» возникала рыночная торговля у церкви или у монастыря, привлекавшая сборщика-целовальника с его ящиком и дававшая ему несколько рублей сбора.

Глухие указания книг мелочного сбора не дают возможности проследить влияние Москвы как крупного города на ближайшие сельскохозяйственные районы. Но товар «более дву гривен ценою», как скупной, так и «свой», «своих огородов» или «своих садов», уже регистрировался таможенными книгами. Воспользуемся их данными для определения районов садоводства и огородничества, снабжавших продуктами московский рынок.

Много фруктовых садов, имевших промышленное значение, было в самой Москве и в Московском уезде — и не только помещичьих, но и крестьянских. В июле-августе урожай садов обычно «покупался» московскими купцами, которые его снимали и вывозили яблоки — «падалицу» и «щипанец» — возами для продажи в Москве.⁶ Таможенными книгами отмечен привоз в Москву яблок также из Дмитрова, Малоярославца, Коломны и Коломенского уезда.⁷ Но яблоки доставляли и из более далеких мест. «Книга записная Московской Большой таможни привозным российским товаром» 1740 г. (сохранилась только одна ее вторая «половина» из пяти или шести) называет двух калужских купцов, явивших в таможне в ноябре и декабре 12 и 9 возов «яблок садовых свежих» из Калуги и Севска, и тульского купца, доставившего в

⁴ ПСЗ, т. XIII, № 10164, указ 20 декабря 1753 г. об уничтожении внутренних пошлин.

⁵ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, тамож. книга № 98/850, 1741 г. В дальнейшем ссылки на таможенные книги делаются без указания места хранения и фонда.

⁶ Тамож. книга № 81/833, «Книга записная московским и уездным садам... 1738 года».

⁷ Тамож. книга № 87/839 1739 г.; она не имеет начала, поэтому не могу указать ее точного названия; книга регистрировала привоз в Москву «своего», а не скупного товара. Тамож. книга № 92/844, «Книга записная Московской Большой таможни привозным российским товаром...», вторая половина, 1740 г., под 5 февраля и 16 сентября.

марте обоз в 6 возов «яблок свежих» из Курска. Под 31 августа записана явка московским купцом 2-й гильдии 420 арбузов из Воронежа, купленных на месте по 2 рубля сто, а проданных в Москве по 5 рублей сто.⁸ Чеснок — своих огородов — доставлялся крестьянами «города Дмитрова подмонастырской слободы» и сел Поречья и Угодич Ростовского уезда, а также скупной из Ростова. Книга 1740 г. перечисляет 5 обозов в 40 возов чеснока, доставленных в разные месяцы из Ростова двумя ростовцами и двумя московскими купцами 2-й гильдии — один из них носил характерную фамилию Луковникова.⁹ На поставке в Москву лука специализировались другие районы. Просмотрим данные таможенной книги 1739 г. о привозе крестьянами в Москву луку «своих огородов» в течение января. За это время в Москву пришло 24 крестьянских обоза с луком — 179 возов. Обозы были доставлены — пять (14 возов) крестьянами сел Черкизова и Мячкова Коломенского уезда, пять же — 25 возов — крестьянами Пафнутьева монастыря Боровского уезда и 14 обозов — 140 возов — крестьянами сел Спасского, Купелиц, Вышгорода, Благовещенского с деревнями Верейского уезда. Иной день приходили обозы в 14, 16, даже в 25 возов лука.¹⁰ Особый состав имела партия «огородного товара», привезенная 11 марта 1740 г. из Муром местным посадским человеком, — в нее входили анис, кишнец, горчица, бобы и рассада.¹¹ Встречается специальное название «муромский анис».

В том, что приведенные известия о рассчитанном на московский рынок промышленном садоводстве и огородничестве не случайны, убеждает их сопоставление с данными уже XIX в., которые перечисляют те же специализированные районы, иной раз те же названия сел. Так, в московском районе славились фруктовыми, особенно яблочными, садами Малоярославец и Коломна. В верейском луковом районе XIX в. выделялась Вышегородская волость, продолжали специализацию по луку огородники Боровского уезда, по рассаде и семенам — Муром. Крестьяне сел Поречье и Угодичи Ростовского уезда считались в XIX в. первыми огородниками в России, и как раз эти села упомянуты в связи с характеристикой промышленного огородничества в труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Правда, в это время Поречье и Угодичи дают более разнообразный состав огородной продукции, рассчитанный на иной, более широкий рынок сбыта.¹²

Собирание пошлин «с привозного хмеля и отпускного из Москвы», с привозного меда и с «привозного табаку» было выделено в Москов-

⁸ Тамож. книга № 92/844, 1740 г., вторая половина, под 24 марта, 31 августа, 24 ноября, 21 декабря.

⁹ Там же, под 28 февраля, 13 марта, 2 и 24 августа и 25 ноября.

¹⁰ Тамож. книга № 87/839, 1739 г., январь.

¹¹ Тамож. книга № 92/844, 1740 г., вторая половина.

¹² К. Арсеньев. Статистические очерки России, СПб., 1848 (Московская губ., Ярославская губ.); Историко-статистический обзор промышленности России, т. I, СПб., 1883, отд. II, стр. 11—14; Производительные силы России, т. IV, стр. 49; В. И. Ленин, Соч., т. III 3-е изд., стр. 233.

ской Большой таможене в особые «сборы» — «хмелевой», «медовой», и «с табаку», что подчеркивает значение московской торговли медом, воском, хмелем и табаком, выходившей за рамки местной торговли. О размерах «хмелевого сбора» дает представление цифра откупной суммы, внесенной в 1741 г. в Московскую Большую таможену откупщиком Павлом Крупенковым «с отданного ему с привозного хмелю и отпускного из Москвы с явки денег таможенного збору на откуп», — 843 руб. за год.¹³ Хмелеводством занимались уже и тогда ряд сел и деревень Коломенского (с. Высокое, с. Спасское, д. Лашина) и Московского уездов, особенно известная и позже Гуслицкая волость. Тамошние крестьяне подвозили хмель в Москву партиями в 2—3 кипы по 10—14 пудов кипа и продавали его купцам «Медового ряда».¹⁴ Упоминаемый в привозе «арзамасский хмель», вероятно, собирался тогда дикорастущим. Мед-сырец шел обозами, главным образом из брянских и шацких лесов, и поступал в воскобойни московских купцов для «перетопки» и «перепуску». Так, в разные месяцы 1741 г. московские купцы 2-й гильдии Иван Тихонов, Федор Иванов и Мокей Гаврилов, купив оптом мед-сырец, отвезли его с Гостиного двора «для перетопки» на свои дворы в Алексеевской слободе — один партию меда «в 97 кадах», другой — «в 71-й кади и двух кринках», третий — «в 14 кадах».¹⁵ Вспомним, что и хмель и воск входили в XVIII в. в состав русского экспорта за границу.

На разведении табака специализировалась Украина: из роменских мест, «из слободских полков» через Курскую, Севскую и Брянскую пограничные таможи¹⁶ «черкасский папушный табак» поступал в Москву обозами в 5—10—25 возов, по 20 пудов на возу. Иногда их доставляли местные жители Нежина, Глухова, обычно же «российские купцы» из городов, расположенных по трактам от «главных пограничных таможен» к Москве: Козельска — на тракте от Севска, Орла, Мценска, Болхова, Тулы — по пути от Курска и некоторых других. В 1741 г., как видно из «книги записной... привозному табаку» этого года,¹⁷ табак почти целиком скупался в Москве первогильдийским купцом — монополистом Семеном Чекиным, а затем мелкими партиями в 1—2 воза расходился по городам и селам России, отпускаясь в Сибирь, в Дерпт.

Привоз хлеба и круп регистрировался особой Померной избой. Сохранившаяся таможенная книга Московской Померной избы 1737 г. послужила предметом специального исследования Б. Б. Кафенгауза, подготовляемого к печати.

Обратимся к сведениям о пригоне в Москву живой скотины и о

¹³ Тамож. книга № 98/850, 1741 г., стр. 27, 33, 77.

¹⁴ Тамож. книга № 87/839, 1739 г.; Историко-статистический обзор промышленности России, т. I, отд. I, стр. 133 и сл.

¹⁵ Тамож. книга № 99/851, «Книга записная спускным ярлыком с Гостиного двора товаром», 1741 г., третья половина.

¹⁶ ПСЗ, т. VIII, № 5573; т. XV, № 10825.

¹⁷ Тамож. книга № 97/849, 1741 г.

снабжении Москвы рыбой. Среди поставлявшихся в Москву продуктов питания скот и рыба, наряду с хлебом, были основными. Сбором пошлин с продажи скотины ведала в числе других многочисленных сборов Московская «Мытенная изба», откуда посылались целовальнички на «животинную площадку».¹⁸ Очевидно, при этой площадке и была составлена дошедшая до нас «книга записная 1736 году, в которой записывается торг продажной живой рогатой скотины».¹⁹ Записи «явок» товара — их всего 456 — идут с января по октябрь, распределяясь неравномерно по месяцам года: в январе — апреле пригона скота почти нет (42 явки за четыре месяца), в мае — июле записывались в среднем по 50 явок в месяц, август дает 83 явки, сентябрь — наибольшее количество — 109, в октябре опять снижение — 64, в ноябре и декабре пригона не было совсем. Среди «явок» встречается в виде исключения одна запись о продаже помещиком с. Корцово Каширского уезда 47 овец «домашнего кормления», во всех остальных случаях товар скупной — следовательно, продажи «своего» скота книга не отражает. Крупный рогатый скот пригонялся чаще всего партиями в 100—150 голов, что соответствует обычному размеру гурта;²⁰ партии из 200, 300, 450 голов составлены уже из нескольких гуртов. Овцы, бараны, козы поступали обычно отарами в 400—500, реже в тысячу голов.

Большой интерес представляют данные книги о составе скототорговцев (это купцы 19 городов) и о местах закупки ими пригнанного в Москву скота, список которых составляет 40 названий. Рассмотрим подробнее эти данные.

Места к западу и северу от Москвы почти не дают названий в этот список. Единичны указания на пригон скота из Вязьмы и Зубцова — вязьмитянами — и из Вереи — купцом Гжатской пристани. С северо-востока решемцы и юрьевчане гонят «унженских быков» (6 явок)²¹ из самой Унжи, Решмы и Юрьевца-Поволского, также «унженской ярмарочной покупки» (с ярмарки у Макарьева монастыря под Унжей). Остальной скот шел из мест к югу и юго-востоку от Москвы, главным образом с Украины, из степной южной и юго-восточной полосы, из воронежских и тамбовских мест.

Явки по выписям Брянской, Севской, Курской, Белгородской, Корочанской и Чугуевской таможен и таможни Валук (всего 276) отражают поступление скота с Украины и из Слободской Украины. Главные пункты закупок украинского скота — Курск (103 выписи) и Белгород (157 выписей).²² Через Белгородскую таможню шел скот и из

¹⁸ ПСЗ, т. III, № 1646.

¹⁹ Тамож. книга № 63/815, 1736 г.

²⁰ Хорошо знакомые с торговлей скотом коломенские купцы считали «по 100—120 скотин в гурте» (Л. Бакмейстер. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи, т. I, ч. 1, СПб., 1771, стр. 55).

²¹ Один гурт явлен москвичом.

²² В Севске, Брянске и Курске находились в это время «главные пограничные таможни». «по малороссийской границе» (ПСЗ, т. VIII, № 5573); далее на восток

татарских степей. Воронежские места представлены названиями Ельца, Ливен, Сокольска, Доброго, Коротояка, Боброва, Гороховки и Полатовки (56 выписей). Среди них выделяются Полатовка (18 выписей) и Бобров (28 выписей), очевидно как пункты закупок скота из донских казачьих станиц. Южнее по Дону отмечена одной выписью Крепость св. Анны. Поступал скот и из хоперских мест — из Борисоглебска, Хоперска и Ново-Хоперской крепости (17 выписей). Саратов (5 выписей) известен в XVIII в. как крупный пункт торговли калмыцким скотом.²³ Тамбов, Козлов, Раненбург, Ряжск, с. Благовещенское Шацкого уезда (14 выписей) лежали на пути прогона скота «из калмыцких улусов», с Дона и Хопра, и снабжали Москву не только местным скотом — в Козлове покупаются, например, «хоперские овцы».

Из более близких к Москве мест называются Калуга, Дедилов, Венев, Епифань, Серпухов, Кашира, Зарайск, Пронск, Переяславль-Рязанский (32 явки). Отсюда поступал главным образом мелкий рогатый скот — овцы, бараны, козы. Калуга и Серпухов лежали как раз на главных скотопрогонных трактах по пути к Москве: Калуга — на тракте из Курска и Серпухов — из Белгорода.

Московские купцы не принимали видного участия в операциях по закупке и пригону в Москву скота. Из 456 явок книги 1736 г. им принадлежат только 26. Единичны и явки купцов тех окраинных мест, откуда скот поступал в Москву — могу назвать только одного «жителя г. Гадяча» с Украины, явившего скот по белгородской таможенной выписи, и несколько явок посадских людей из Гороховки Воронежской губернии, места, близкого к границе Земли Войска Донского. Поставка в Москву скота находилась в руках купцов тех городов, которые лежали по пути от Москвы к пунктам закупок. Первые места среди них занимают калужане (102 явки), зарайчане (96 явок), туляне (97 явок) и коломенские купцы (27 явок); меньшую роль играли купцы Переяславля-Рязанского, серпуховчане, каширяне, посадские люди Болхова и Белева (по 9—5 явок), елатомцы и веневитяне (по 3—2 явки). Ското-торговцы разных городов имели свои районы действий. Калужане, белевитяне и болховитяне держали почти целиком в своих руках пригон скота, шедшего с Украины через Брянск, Севск и Курск.²⁴ Туляне-правослы, наоборот, в эти города почти не заезжали, но первенствовали в Белгороде (из 157 белгородских выписей тулянами явлено 83), заезжали в Чугуев, Валуйки, были связаны также с воронежскими и хоперскими местами. Операции зарайчан по пригону скота в Москву имели исключительно широкий радиус: они были связаны с Белгородом (37 выписей), действовали в разных пунктах Воронежского и Хопер-

пограничные таможи были в Белгороде, Хоперская на Хопре, в Воронеже и в Павловске (та же, т. XV, № 10825).

²³ Е. Кушева. Саратов в 3-й четверти XVIII века, Саратов, 1928, стр. 25 и др.

²⁴ В шести случаях книга содержит указание на явку скота по выписям пограничных таможен: в трех случаях Севской и в трех — Курской; каждый раз скот являли калужские купцы, ездившие, следовательно, для закупки скота на Украину.

ского районов, покупали скот в Крепости св. Анны в низовьях Дона и в Саратове, в Козлове, Тамбове и близких к Москве местах. Серпуховчане, купцы Переяславля-Рязанского, каширяне, вневитяне пригоняли скот, закупленный чаще всего в своем же городе.

О количественной стороне отраженного в книге 1736 г. пригона скота дают представление следующие цифры. За октябрь по 64 явкам было явлено и продано 8136 голов крупного рогатого скота за 30 711 руб. и 7950 голов мелкого за 3905 руб., всего на 34 616 руб.²⁵ При просмотре занесенных в книгу фамилий продавцов скота выделяются лица, которые в течение лета — осени 1736 г. появлялись периодически на «животинной площадке», являя большие партии скота, как, например, калужские 1-й гильдии купцы Филимон Мясников и Карп Бородин или тульский ямщик Тит Шелепов. Выручки в 500—600 руб. за партию скота обычны, нередко купец продавал скота на тысячу, полторы тысячи рублей. Книга дает нам картину крупной и специализированной скототорговли.

Обратимся к покупателям. Обычно явленный гурт скота распродавался тут же мелкими партиями купцам-москвичам (очевидно, мясникам) в мясные ряды в Москве — Арбатский, Таганский, Балчужный, Зубовский, Сретенский, Калужский, Покровский, Тверской, «Лафертов», «на Неглинную», «на Бережки», в слободах Ямской, Рогожской, Немецкой, Пушкарской, в подгородных селах Красном, Семеновском, Преображенском. Мясники появлялись на «животинной площадке» постоянно, покупая по нескольку голов крупного скота или по нескольку десятков мелкого. Изредка покупали скот иногородние купцы городов определенного района — Петербурга, Новгорода, Нарвы, Старой Руссы, Тихвина, Вышнего Волочка; в одном случае покупатель — ярославец. Прогон живого скота в другие нуждавшиеся в скоте районы шел главным образом минуя Москву.

Наряду с торговлей скотом важной статьей, которая заслуживает специального рассмотрения, была торговля рыбой. Мы не имеем материалов, которые давали бы полные сведения о годовом подвозе в Москву рыбы. Воспользуемся данными трех книг Московской таможни разных типов за годы 1738, 1739 и 1740. Каждая из них дает часть общей картины.

Для определения районов, из которых шли в Москву партии рыбы, и сортов поставляемого ими рыбного товара воспользуемся данными уже цитированной «Книги записной Московской Большой таможни привозным российским товаром»... 1740 г.²⁶

Сведения ее не полны, так как из 5 или 6 составлявшихся параллельно в течение года «половин» или частей этой книги до нас дошла только одна — вторая. Она содержит записи о привозе в Москву 85 партий

²⁵ Покупная цена в местах закупок составляет 27 766 руб. По определению В. О. Ключевского, рубль 1730—1740-х годов равнялся 10 рублям 80-х годов XIX в. (В. О. Ключевский. *Опыты и исследования*, сб. 1, М., 1912, стр. 211).

²⁶ Тамож. книга № 92/844, 1740 г., вторая половина.

рыбы. Недостаточные для статистических подсчетов, записи эти дают хороший материал для ответа на поставленный вопрос, так как идут через все месяцы года и содержат всякий раз указание на место покупки доставленной партии и происхождение продавца. Дополнительный материал берем из книги 1739 г., отмечающий явки рыбы «своего улова»²⁷ и из книги 1738 г. сбора «взвозных» пошлин на «Соляном рыбном дворе», где в 69 амбарах и шелашах складывалась после явки в таможене привезенная соленая рыба и икра для оптовой продажи — по издавна установленным правилам иногородние не имели права розничной торговли. Обширный материал последней книги (в ней 312 записей), называя происхождение продавца, не дает указаний на происхождение товара и не всегда может быть использован для нашей цели.²⁸

Начнем с более близких к Москве районов. На Оке отмечены записями книги 1740 г. Переяславль-Рязанский, откуда в июне приказчик московского купца доставил водой живую рыбу в «прорезном подчалке», и Муром — в декабре в книге были зарегистрированы два муромских обоза, 22 и 8 возов, со свежей крупной и мелкой рыбой, доставленные первый — работником муромского посадского человека, второй — крестьянином с. Карачарова Муромского уезда. Из Ростова ростовцем — посадским человеком и четырьмя крестьянами ростовских сел Поречья и Угодичи были доставлены 5 обозов (34 воза) свежей и соленой рыбы, которая чаще всего определяется записью, как «мелкая». Один из крестьян сказал, что привезенная им рыба «своей ловли». Из Переяславля-Залесского летом жители дворцовой рыбной слободы доставляли в «коробах» партиями по 5 тыс. штук «сельди паровые» «розничной покупки». В книге 1740 г. таких партий названо пять, один из продавцов доставил две партии — 25 июня и 23 июля. Те же три района — Окский, Ростовский и Переяславля-Залесского — выделяются записями о продаже рыбы «своего улова» крестьянами сел Переяславль-Рязанского, Муромского, Коломенского, Ростовского и Переяславля-Залесского уездов. Вероятно, из близких к Москве мест поставляется «живая» и свежая рыба, небольшие партии которой, оставшиеся «за обиходом» господ, являют для продажи «служители» дворян Ив. Ив. Вельяминова, Кат. Ив. Нарышкиной и др.

С верхней Волги книгой 1740 г. отмечен привоз четырьмя ярославцами свежей рыбы из Ярославля и Норской слободы, юрьевчанином — небольшой партии рыбы из Решмы и слободским жителем Нижегородского уезда из приволжского села Катунук. В партиях верхневолжской рыбы называются стерляди. Книга Соляного рыбного двора дает целый список купцов и крестьян верхней Волги — посадских людей Рыбной слободы, романовца, решемца, городчан, пучеженина, балахонцев, ниже-

²⁷ Тамож. книга № 87/839, 1739 г.

²⁸ Тамож. книга № 74/826, 1738 г.

городцев, но значительная часть привезенной ими рыбы, несомненно, не местного улова, а из нижележащих по Волге районов.

Северо-западный и северный районы имеют свой ассортимент рыбного товара. Отмечен привоз белозерцами свежей и соленой рыбы, в том числе сомов, с Белоозера. Из Пскова москвитин 3-й гильдии привез 13 возов сухих снетков уездного и городского сушенья, везли снетки и из Осташкова; из Новгорода и Петербурга доставлялись соленые сиги и икра сигаевая. С северных рек Онеги и Печоры, из Каргополя, Усть-Цильмы и Пустозерска по зимнему пути местные посадские люди — каргопольцы, архангелогородцы, мезенцы, пустозерцы, устьцилемцы — возили в Москву большие обозы (по несколько десятков и до сотни возов) «красной рыбы семги», уложенной в двадцатипудовых бочках. В книге 1740 г. таких обозов записано 10, один из них доставлен из Пустозерска работником московского купца 2-й гильдии торговца Семужного ряда Ив. Часовникова. Упоминается привоз трески из Холмогор и «соловецких сельдей» в бочках. Коломнятин привез 7 возов свежей рыбы по выписи таможи Ново-Хоперской крепости, т. е. с Хопра или Дона. Вероятно, того же происхождения доставленный москвичом из Тамбова обоз в 17 возов свежей тарани.

Но не перечисленные выше районы были главными поставщиками рыбных товаров в Москву. Основная масса, причем лучших сортов красной рыбы, шла с нижней Волги через Саратов — Коломну, с Яике через Самару, Сызрань и Муром и со средней Волги. Доставлялась рыба главным образом по зимнему пути обозами, осетры коренные сотнями, а иной раз и тысячами, белуги мерные, севрюги, вязига в пучках десятками тысяч, икра зернистая и соленая в бочках, боченках, лукошках, «посудах», кадках, кадушках, «кутырях», «пошвах». Из 85 рыбных явок книги 1740 г. 49 указывают на покупку товара на средней и нижней Волге или на Яике — в Самаре, Сызрани, в Надеине Усолье, Воскресейске в Змеевых горах, в Саратове, Астрахани и в «казацком городке Яике». Особенно выделяются Самара и Сызрань как пункты закупки яицкой рыбы.

Как уже упоминалось выше, книга Соляного рыбного двора не указывает на происхождение партий товара. Однако состав партий (крупная красная рыба, тешки, вязига, икра) и состав продавцов убеждают в том, что на Соляной двор поступала рыба главным образом с Волги и Яика. В поставке ее в Москву видную роль играли волжские купцы, рыбопромышленники и рыботорговцы, торгующие крестьяне приволжских крупных сел, яицкие казаки. По записям книги Соляного рыбного двора 1738 г., из 312 партий 94 были доставлены местными волжскими и яицкими жителями. Среди них два астраханских купца, один из которых доставил 5 партий рыбного товара, три черноморца, царицынец. 10 саратовских купцов со своими работниками и приказчиками ввезли в Соляной двор 18 партий. Двое саратовцев снимали на Московском Соляном рыбном дворе из оброка рыбные амбары. Сызранцы ввезли 6 обозов, симбирские купцы — 3, а крестьяне и пахотные солдаты сел Симбирского

уезда Малыковки (будущий Вольск), Сосновый Остров, (будущий Хвалынский), Воскресенское, Надеино Усолье и других — 21 обоз. 10 нижегородцев — посадских людей и крестьян доставили 16 партий. Нередко приволжские крестьяне имели своих работников и приказчиков и доставляли крупные партии: работники крестьянина с. Студенца Симбирского уезда Никиты Пантелеева привезли двумя обозами 213 белуг, 332 осетра, 162 севрюги, 70 тешек, 5 тыс. стерлядей и 4 бочки икры; крестьянин дворцового села Надеино Усолье Андрей Трубников со своими приказчиками и работниками ввез 8 партий; солдат с. Никольского Симбирского уезда и приказчик его товарища доставили 1580 и 1330 осетров. Очень активно действовали яицкие казаки: книга называет 13 лиц, доставивших с работниками и приказчиками 29 партий; среди них выделяются рыботорговцы, появляющиеся в Москве из года в год, доставляющие туда рыбу не только с Яика, но и из Астрахани и из Саратова, как яицкие казаки Ив. Корепин, Ив. Кривобоков, Борис Фомичихин, Василий Неустроев и др.

Но волжская и яицкая рыба привозится в Москву не только местными людьми. В этой торговле принимают оживленное участие купцы и крестьяне городов и районов, через которые проходят главные пути доставки рыбы. На тракте из Астрахани и Саратова в Москву выделяется рыбной торговлей Коломна. Тракт от Самары к Москве проходит через Арзамас, Арзамасский и Алаторский уезды. Это объясняет появление посадских людей арзамасцев и крестьян Арзамасского и Алаторского уезда в Самаре, Сызрани и даже Яике, где они покупали рыбу для доставки в Москву. Привозят в Москву рыбу из Самары ростовцы. Втянуты в торговлю волжской и яицкой рыбой и крестьяне более близких к Москве мест — Гуслицкой, Вохонской, Селинской, Куневской волостей Московского уезда, примыкающих к тракту Москва — Муром — Самара, ряда сел и деревень Переяславль-Залесского и Владимирского уездов. Одни из них продают волжскую рыбу «своего улова», «своего багрения», как крестьянин д. Бутковой Владимирского уезда, явивший в Московской таможне со своими товарищами в качестве «своего товару» 360 «осетров и белужек свежих багрёных» из Самары; для этих крестьян волжское рыболовство — отхожий промысел. Другие выступают уже в роли торговцев рыбой. Таков, например, крестьянин д. Новинской Московского уезда Осип Михайлов, доставивший в Москву через Самару свежую рыбу и икру — «товар, покупной в казачьем городке Яике».

Принимают участие в покупке и доставке рыбы в Москву и москвичи, но роль их не представляется по материалам первостепенной. Из 312 явок книги 1738 г. москвичами (чаще всего это купцы 2-й гильдии) явлена 31 партия рыбы. Из 85 явок книги 1740 г. только 6 явок московских купцов 2-й и 3-й гильдии, доставивших по одной партии товара из Переяславля-Рязанского, Пскова, Новгорода, Пустозерска, Саратова и с Воскресенского на Волге. Роль московских купцов иная: они скупают оптом привезенную иногородними рыбу: не редки сделки в несколько сот, в ты-

сячу рублей. Они же держат на Рыбном соляном дворе на оброке 43 амбара и шелаша из 69.²⁹ Купленная ими рыба поступала в Рыбный, Свежерыбный, Живорыбный, Икорный, Семужный ряды, где продавалась из лавок московским и иногородним жителям.

О количестве доставлявшейся в Москву рыбы могут дать представление такие цифры. По январским таможенным явкам 1738 г. на Рыбный соляной двор было ввезено 14 456 осетров, 6468 белуг, 3960 севрюг, 12 511 тешек, 34 020 стерлядей, 38 000 пучков вязиги, 60 бочек, 26 посуд и 17 лукошек икры. Цены на рыбу при оптовой продаже в этом году были такие: осетры продавались по 60—70 руб. за 100, белуги по 70—100 руб. за сто, севрюги по 18—20 руб. за сто, вязига по 2 руб. за тысячу пучков, икра по 1 руб.—1 руб. 70 коп. за пуд, цена теш доходила до 8 руб. за тешу матерую. Общая цена составит несколько десятков тысяч рублей.

Уже данные о пригоне скота и о доставке рыбы свидетельствуют об очень широких торговых связях Москвы.

Перейдем к другим «российским» товарам, которые доставлялись в Москву. Основной материал взят из второй половины книги «российских товаров» 1740 г.,³⁰ которая частично уже была использована выше для перечня поставок рыбы, фруктов, огородного товара. Ознакомление с характером записей в разных «половинах» за разные годы убеждает в том, что части одной и той же книги велись параллельно в течение года и что запись явки товара того или иного продавца в ту или иную «половину» была случайностью. Следовательно часть книги — одна из ее «половин» — может дать известное представление о целом. Данные книги 1740 г. проверены и дополнены на основании сохранившихся 7-й «половины» «российской» книги 1738 г., 6-й «половины» такой же книги 1739 г. и отдельных указаний некоторых других книг.³¹

Из книги 1740 г. извлекаем 150 явок. По роду привезенных товаров они распределяются таким образом: продукты скотоводства — 73 явки; меха — 19; мыло — 7; изделия из шерсти — 5; масло конопляное и семенное (льняное) — 9; пенька, пряжа пеньковая и льняная, веревки, светильно — 9; металлические изделия — 25; разные товары, не входящие в указанные группы, — 5 (общий итог не сходится, так как некоторые явки соединяют разные роды товаров). Общий характер привоза таков: продавцы являют в таможене чаще всего партии одного товара или товаров однородных, например, кож и овчин или сала и шерсти, иногда

²⁹ Как упоминалось, два амбара снимали саратовские купцы; девять амбаров и шелашей снимали крестьяне — преимущественно дворцовые, монастырские и синодальные; четыре соляных амбара были заняты под соль приказчиками Пысковского монастыря; остальные стояли в 1738 г. пустыми.

³⁰ Тамож. книга № 92/844, 1740 г.

³¹ Тамож. книга № 78/830, 1738 г., седьмая половина; № 83/835, 1739 г., шестая половина; № 87/839 г. 1739 г.; № 67/819, «Книга записная спускным ярлыкам с Гостина двора товаром»..., 1737 г.; № 99/851, третья половина такой же книги за 1741 г.

значительные. Анализ данных снова подтверждает далеко идущую дифференциацию разных районов страны.

Как видим, самое значительное место в списке товаров занимают продукты скотоводства: кожи сырые и выделанные, говяжьи, конские, олени, овчины русские, черкасские и калмыцкие, козлы, шерсть овечья или «рунная», рога, гривы, хвосты, щетина, сало. Кожи олени значатся привезенными каргопольцем из Каргополя и по выписи Керецкой таможни. Основные же районы, поставляющие продукты скотоводства, совпадают с теми, которые названы ранее как места закупки живого рогатого скота, и нет нужды снова перечислять их. Совпадает в значительной части и круг продавцов. По поставке кож и юфтей выделяются Калуга, Тула, Серпухов, Коломна, очевидно, как пункты забоя скота для той же Москвы, с развитой кожевенной промышленностью.

Но список мест закупки продуктов скотоводства намечает и иные районы, чем известные нам по торговле живой скотиной, и с иным обликом. Это города и сельские пункты в центральном районе к северо-востоку, северу и северо-западу от Москвы: Муром и с. Погост в Муромском уезде, Кляземский городок, Суздаль, Ново-Александровская сл. Переяславль-Залесского уезда, Кострома и Галич, Ярославль, Борисоглебская слобода на Волге, связанная по Шексне с Белозерским уездом и тамошними Сергиевской и Егорьевской ярмарками, Кашин и Кашинский уезд. Местные купцы и «жители» и работники и приказчики московских купцов скупают здесь овчины, щетины, кожи и т. п. Встречаются характерные указания на «розничную у крестьян покупку». С другой стороны, выделяются места развитой и специализированной промышленности — кожевенной и по обработке овчин. Романовец Евтропьев и четыре борисоглебца (Борисоглебская слобода против г. Романова на Волге) привезли в Москву овчины сырые и деланные, овчины «в шубный и рукавишный передел» — известие, заставляющее вспомнить о «романовских полушубках» (фамилия Евтропьевых значитса в XIX в. среди первых романовских купеческих фамилий).³² Семь павловцев — с. Павлова «жителей», среди них Бронников и Варыпаев, привозят через близкие к Павлову таможни «юфти деланные», «опойки», «козлы и бараны деланные цветные» по 1000, 900, 500 штук — свидетельство развитой кожевенной промышленности Павлова уже в эти годы.³³ В начале XIX в. Бронниковы и Варыпаевы — павловские «капиталисты» крестьяне, известные заводчики.³⁴

Особняком стоят три известия о доставке москвичами больших партий сырых кож и рогов «русской животины» из Петербурга и Кронштад-

³² К. Головщиков. Г. Романово-Борисоглебск и его историческое прошлое, Ярославль, 1889, стр. 26—27.

³³ Более поздние данные у П. Г. Любомирова «К истории Павловского промышленного района», «Труд в России», вып. 1, 1925.

³⁴ П. Фейнштейн. Село Павлово в начале XIX в., Л., 1926.

та. Видимо, этот товар скапливался там от забоя скотины, а местная кожаная промышленность еще не была развита.

Пересмотрим список пунктов, откуда доставляются в Москву русские меха. Он интересен тем, что дает для XVIII в. районы России, где пушной промысел еще сохранял некоторое значение. Из Арзамаса, Курмыля, Пензы, Саранска, Петровска, Сызрани привозят заячины, белок, хорьков, кошек. Из степных мест через Ново-Хоперскую крепость и Самару — опять заячины, волчьи и лисьи меха. В казанской и мамадышской партиях товаров к этим сортам прибавляются горностаи и норки. Того же состава партия мехов «базарной покупки» в Соли и Камской. В чухломской выписи названы заячины, медведны и лисицы. Упоминаются «уфимские бобры». Яренчане привозят по выписям Яренской и Усть-Сысольской таможен заячины, кожи оленя, горностаев, куниц, росомах и белок «яренской уездной у черносошных крестьян покупки». ³⁵ Заячины, дававшие заячий пух на экспорт, доставляются партиями в несколько тысяч штук и из более близких к Москве мест — из Муром, Тулы, Кинешмы, Владимира, Костромской провинции.

Специального внимания заслуживает как список купцов-москвичей, занимающихся через работников и приказчиков или лично скупкой продуктов скотоводства и мехов на местах, так и москвичей — покупателей привезенных в Москву товаров этого рода.

В 1740 г. приказчик московского купца 2-й гильдии Мих. Корнилова привозит в Москву из Кронштадта кожи, овчины, телятины и 2 тыс. пар рогов «русской животины». В параллель приведем известие о том, что в январе 1741 г. Корнилов вывез с Гостиного двора «в дом свой в Овчинники в приходе церкви Михаила Архангела» 1 тыс. пар рогов черкасских «для переделу в гребни». ³⁶ Работник московского купца Афанасия Алимпиева покупает в 1740 г. в Саранске 900 кошек, 1 тыс. мерлушки белой и черной, 5 пудов щетины, в Пензе — опять-таки щетину, заячины и хорьки. Щетину Алимпиев везет «в дом свой» для перечистки, а заячины — «для переправки». У известного московского первогильдейского купца, торгово-промышленника и шелкового фабриканта Данилы Земского «завод» под Андроньевым монастырем: здесь «передельывают» кожи в «аммуничные вещи», здесь же пересечка щетины — экспортного продукта — и переправка мехов. В поисках сырья Данила Земской рассылает своих торговых агентов в разные концы. В 1740 г. мы видим одного его работника в Петровске и Пензе, где он покупает щетину, заячины, кожи, козлины и меха; другой «прикащик», не удовлетворившись «грацкой покупкой» в Казани, едет в Казанский и Мамадышский уезды «для уездной покупки», т. е. у крестьян, разных мехов и калмыцких овчинок. В 6-й «половине» «российской» книги 1739 г. перечислены 11 работников крупного московского мехоторговца Гаврилы Журавлева,

³⁵ Тамож. книга № 91/843, 1740 г., под 22 января; № 90/842, 1740 г., под 3 марта.

³⁶ Тамож. книга № 99/851, 1741 г., под 15 января. В дальнейшем пользуюсь ее данными о промышленных заведениях московских купцов.

которые привезли партии мехов из Хлынова, Сызрани, Петровска, Козьмодемьянского уезда, Курмыша, Саранска, Владимира и Данилова Костромской провинции. Кожи и опойки, привезенные из Усмани, Остроужска и Воронежа тульским купцом Ив. Ник. Пирожниковым, покупаются первогильдейским московским купцом и «кожевенной фабрики» содержанием Ив. Сапоговым. Первогильдейские купцы Афанасий Корела и Яков Афанасьев везут с Гостиного двора кожи на свои «заводы» «в Кожевниках» для передела в аммуничные вещи. У москвича 1-й гильдии Петра Носырева кожевенный завод под Даниловым монастырем; 12 января 1741 г. он везет туда 1800 кож на 24 возах, 26 января — 1300 кож на 15 возах. 2-й гильдии Михаила Кунин закупает на свой завод «для переделу» хвосты и гривы. Сало-сырец десятками возов поступает на сосредоточенные в Красном селе салотопенные «заводы» «для перетопки» и «для переливки в бочки», чаны, лагуны и на «мыльные заводы» — «для употребления в мыло». Среди покупателей овечьей шерсти встречаем московских суконных фабрикантов. В сентябре 1740 г. приказчик «московской суконной фабрики содержания» Федора Серикова покупает 300 пуд. «шерсти рунной» за 460 руб. у тулянина Игнатия Герасимова, привезшего шерсть из хоперских мест. Второй гильдии Яков Фомин доставляет с Гостиного двора в свой дом 59 кулей шерсти «для переделу в войлоки», а 3-й гильдии Федор Яковлев — «для переделу в шляпы». У 1-й гильдии Михаила Хилкова «завод» в с. Покровском, где «переделываются» овчины. Его работники систематически скупают сырье — «овчины сырые» — в Новоалександровской слободе Переяславль-Залесского уезда.

Эти примеры можно продолжить, но и приведенные достаточно выразительны.

В других случаях купленные москвичами товары поступают с Гостиного двора прямо в соответствующие ряды — Шерстяной, Юхотный, Стрижальный Овчинный, меха — в Большой Ветошный, Скорняжный, где выделяются в нашем списке покупателей мехов первогильдейские купцы Мих. Ив. Кунин, Илья и Гаврила Журавлевы.

Наряду с продуктами скотоводства в сыром виде или в виде полуфабрикатов из некоторых определенных районов доставляются изделия из шерсти, овчин, сала. Из Ярославля поступают «попоны ярославские конные», «полсти красные коровьи», «чулки ярославские русские»; чулки привозятся также из Калуги (в трех известных нам случаях калужанками), «скупные» и «своей работы», и из Кашина — «лавочной покупки» — их покупают в Москве торговки «Чулошного ряду»; хлыновцем были привезены из Галича кафтаны шубные и сермяжные и сукно белое; москвич привез с Макарьевской ярмарки 100 концов «сукна черемисского»; борисоглебец доставил в Шубный ряд 100 шуб барановых на 5 возах. Из дальних мест привозятся «шнурок шерстяной киевского дела» и «гарус киевский». Отметим поступление с Яика изделий яицких казачек: «армяков яицких верблюжьей шерсти» и «кушаков яицких поло-

сатых», которые доставляются рыботорговцами из Самары и Яика вместе с рыбным товаром, кушаки партиями по тысяче, по 3 тыс. штук.

Семь явок «российской книги» 1740 г. отмечают подвоз в Москву местными и московскими купцами партий «мыла простого» и «мыла ядра» из Арзамаса, Муром, Сапожка, Коломны, Кляземского городка и Гороховца. В трех случаях продавцы — павловцы и везут мыло, вероятно, с павловских мыловаренных «заводов».³⁷ В ходу название «шуйское мыло». В мыле нуждается и московская суконная промышленность для мытья шерсти: «суконной фабрики содержатель Андрей Еремеев с товарищи» купил за 228 руб. у работника касимовца Алексея Полежаева 190 пуд. мыла ядра, привезенного на 10 возах из Мурома. Приказчик суконного фабриканта Федора Серикова купил 60 пуд. мыла простого за 60 руб. у работника суконной же фабрики Третьякова, купившего его в Сапожке.

Примеры подвоза в Москву масла конопляного и «семенного», т. е. льняного (по «российской» книге 1740 г. 9 партий), вводят нас в изучение имевших исключительно большое значение торговых связей Москвы с двумя районами центральной России — конопляным и льняным. Льняное масло было привезено суздальцами, вязниковцами и владимирцами, конопляное — из калужских мест (Белева, Козельска) в бочках по 15 ведер «калужской меры» бочка, одна партия — из Арзамаса. В двух случаях продавцы-скупщики — помещицы крестьяне князя Трубецкого Болховского уезда, привезшие по белевским выписям 455 и 375 ведер конопляного масла. В одном случае масло (60 ведер семенного) куплено конторским служителем «суконной фабрики содержателя Степана Болотина», очевидно, для промышленных целей. Московские полотняные и парусные фабриканты были связаны с намеченными двумя районами закупкой льняной и пеньковой пряжи. Костромитяне Ив. Боровиков и Ив. Восцын систематически снабжают полотняных фабрикантов Тамеса и Овошниковых «пряжей льняной суровой ровной» из Костромы и Плеса лавочной и «розничной покупки» партиями по 200—300 пудов. Из тех же сельскохозяйственных районов поступали и готовые изделия из пеньки и льна. Калужанин привез «пакольные веревки в кружках» и «ужища»; на двух возах привез в Москву веревок «своей работы» крестьянин Боровского Пафнутьева монастыря. Костромитин доставил из Костромы «светильно деланое» для свеч. Таможенный сбор «с привозных в Москву из городов и уездов по выписям (т. е. скупных) и без выписей (т. е. домашней работы) холстов, ...с крашенины, с пестреди» — к этой группе присоединены понитки (род сукна) и «сукна сермяжные» — был выделен в особый «Холщевой сбор», записных книг которого нам не удалось видеть.³⁸ В 1741 г. этот сбор находился на откупу у Ив. Крупеникова и Никиты Фатьянова за 2370 руб. в год. Сумма указывает на значительные

³⁷ Ср. П. Г. Любимиров. Указ. статья.

³⁸ Вероятно, по книгам «холщевое сбора» проходил привоз в Москву и готовой одежды из перечисленных материй — рубах, портков, балахонов, кафтанов, шуб.

обороты торговли холстом и подобными изделиями на московском рынке. Среди изделий этого рода отмечено ходким названием «ивановское полотно».

Особую и очень интересную статью привозных товаров «российской книги» 1740 г. составляют металлические изделия (25 явок). Определенный ассортимент идет из мест давней ручной выработки и обработки железа, из Твери и Тверского уезда — замки и гвозди, из Норской слободы Ярославского уезда — гвозди, петли, крюки, скобы, из Мологи и Углича — котлы, котлики, горшки, из Кашина и Кашинского уезда — гвозди, горшки, уклад, из Уломской волости Пошехонского уезда и Устюжны Железопольской — сковороды блинные, горшки, котлы, чумики, гвозди, топоры дровосечные, сохи, присошки. В XVIII в. в этих местах, особенно приволжских, употребляли уже не только местное, но и сибирское железо. Более изысканный ассортимент, к которому прибавляются и медные изделия, дает Ярославль — шандальцы луженые, яндовы и сковородки медные, луженые петли, кольца, гвозди. В этом большом районе скупают изделия для отправки в Москву местные посадские люди ярославцы, устюженцы, посадские люди Мологи и Твери, скупщики из крестьян Пошехонского и Белозерского уездов, работники московских купцов, торговцев Скобяного, Железного, Колокольного, Ножевого рядов. В Ярославском уезде выделяется как скупочный пункт, село Чамерово, в Пошехонском уезде — Шекино. Оптовые покупатели привезенных партий — купцы тех же московских рядов с характерными фамилиями Железниковых, Ножевщикова. Особенно широко, иной раз десятками возов, скупали железный товар и на местах и в Москве купцы 1-й гильдии П. М. Струговщиков, бывший приказчик Никиты Демидова, и А. Кожевщиков. А. Д. Соловьев — в 1738 г. приказчик Струговщикова и его агент по скупке на местах железных изделий; в 1740 г. он уже московский купец 1-й гильдии и ведет скупку на свое имя. В ряде случаев можно наблюдать устойчивые, налаженные связи между местными скупщиками и покупателями — москвичами. Петр Струговщиков купил в разные месяцы 1740 г. две партии железных изделий у ярославца Броунова; устюженцы Иван и Егор Поздеевы доставили в 1738 и в 1739 гг. товар 1-й гильдии Алексею Кондратьеву; два крестьянина слободы Дуткины Ярославского уезда привезли в 1739 г. два транспорта гвоздей, купленных в Норской слободе «у купецких людей», московскому купцу 2-й гильдии Якову Филиппову, который посылал в Норскую слободу и своего работника. И в 1738 и в 1740 г. работники петербургского «жителя» Афанасия Самойлова доставили железный товар 3-й гильдии кожевничкой полусотни Ивану Васильеву — в первом случае из Пошехонского уезда, во втором — из Устюжны Железопольской. Доставленные партии — разной стоимости, но преобладают небольшие суммы в несколько десятков рублей. В пяти случаях железный товар (по одному возу замков и гвоздей) был доставлен в Москву непосредственными производителями — тверитянами и крестьянами сел Михайловского и Ва-

сильевского Тверского уезда, остававшихся центрами мелкого железного производства в Тверском районе и в XIX в.³⁹

Ассортимент Павлова по данным наших книг — ножи столовые, складные, казахи, ножницы «мастерские» и «мелкие» (замки, обычные в известиях о Павлове других источников XVIII в., не встретились в записях обследованных таможенных книг, вероятно, случайно). Павловец, мастерской человек Федор Косов привез ножей и ножниц «своего мастерства, а не скупных», которые были куплены сидельцем того же Андрея Ножевщикова за 25 руб. 92 коп. И в 1740 и в 1741 г. доставили в Москву товар крестьяне с. Лыскова Козьма Леонтьев сын Рыбьев и Алексей Григорьев, которые покупали на Макарьевской ярмарке и в Казани «медь красную и зеленую, ветошь» и переделывали ее в «пути» и в Лыскове в кресты, пуговицы «крестьянские», запонки и перстни. Партия 1740 г. — 16 пудов — была продана за 138 руб. 2-й гильдии Алексею Кириллову, партия 1741 г. — 10 пудов — за 132 руб. 60 коп. 2-й гильдии Никите Евсееву.

Наряду с металлическими изделиями привозятся орудия производства: из Павлова — «кузнешные меха, которыми уголья дуют», из Тулы — наковальни и железные пилы.

Из других предметов крестьянской деревенской промышленности отмечены таможенными книгами 1730—1740-х годов «ложки керженские», доставленные москвичом 3-й гильдии с Макарьевской ярмарки,⁴⁰ ложки осинового и ольхового и ковшички ольховые, привезенные крестьянином Белозерского уезда,⁴¹ и изделия более близких к Москве мест, которыми торговали зимой в «шелашах, что на Москва-реке на льду», крестьяне сел и деревень (часто с указанием — монастырские, дворцовые, архиерейские) Московского, Коломенского, Клинского, Ярославского, Романовского уездов: чаны, деревянная посуда, лыжи, рогожи, сани. Два «горшечных места» были заняты московским купцом 2-й гильдии и крестьянином д. Фениной Гжельской волости Московского уезда, известной после своим глиняным и фарфоровым производством.⁴²

До сих пор в списке привозных изделий фигурировали изделия крестьянской и мелкой городской промышленности. Доставка в Москву изделий иногородних мануфактур, в то время еще совсем молодых, попадает в «Российской» книге редко. Весьма возможно, что эти указания случайны и что привоз фабричных и заводских изделий регистрировался в так называемой «фабричной явочной книге», образца которой не знаю. Перечислю все же эти отдельные указания.

³⁹ П. Фомин. Очерк истории гвоздарной промышленности в России, «Записки Харьковского университета», 1897, кн. 1; Промышленность великороссийских губерний, ст. 1-я: Тверская губ., «Библиотека для чтения», 1849, май; Н. Чулков. Московское купечество в XVIII и XIX вв. — «Русский архив», 1907, кн. 12, стр. 493.

⁴⁰ Тамож. книга № 95/847, 1741 г.

⁴¹ Тамож. книга № 83/835, 1739 г.

⁴² Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России, т. I, Гончарное производство, СПб., 1862, стр. 355 и сл.

В 1740 г. иноземец Богдан Яковлев сын Белой привез со своего завода в Переяславле-Рязанском 3 тысячи «посуд стеклянных» на 160 руб.⁴³ Приказчик крупного московского купца 1-й гильдии М. И. Кунина привез в Москву через Брянскую пограничную таможенную «покупное в Малороссии» стекло: 60 коп. «стекла простого питейного» и 3 копы «пузырьков мелких».⁴⁴ Калужский купец привез тем же путем «покупную в Малороссии» оберточную бумагу — 630 стоп.⁴⁵ Не ясно место изготовления 1540 стоп писчей бумаги, доставленной москвичом с Макарьевской ярмарки⁴⁶ и партии «сукна солдатского забракованного» — 1210 аршин, которую явил в Московской таможне петербургский житель.⁴⁷ Продукция крупной металлургии представлена обращающимися на московском рынке партиями «сибирского», т. е. уральского, железа (одна такая партия — 600 полос железа на 35 возах была продана Никитой Демидовым), «сталью бочковой тульской» и железом с Истинских железных заводов. Доставляются в Москву «зеркала круглые и угольчатые ямбургского стекла».⁴⁸ Наконец, надо упомянуть привозные из Астрахани изделия местных ткацких заведений — «кумачи астраханской работы», «пестредь астраханскую», бумагу пряденую «астраханской краски».⁴⁹

Если, забегая несколько вперед, сказать о доставлявшихся из Сибири мехах, оленьих кожах и рогах, мамонтовой и моржевой кости, рыбьем клее и «косящетою слюде», то перед нами пройдет основной список товаров, которые, по нашим материалам, поступали в Москву с внутреннего русского рынка. Украина дает преимущественно живой скот, продукты скотоводства в сыром виде и табак. Степные места по Дону, Хопру, Волге и Яику — также продукты скотоводства, меха степных зверей, красную рыбу и икру, лесные районы — мед и меха. Состав подвоза из Сибири только-что перечислен. С севера в Москву доставляются северные сорта рыбы, моржи, оленьи кожи. Из земледельческой черноземной полосы идут хлеб и продукты скотоводства. Сельское хозяйство центрального района в значительной мере специализировано на конопле (в местах к юго-западу и югу от Москвы) и на льне (в местах к северу, северо-западу и северо-востоку). В ближайших к Москве уездах рассчитано на сбыт в Москву огородничество, садоводство и хмелеводство. Мы наблюдали, как поступившее в Москву промышленное сырье иной раз прямо с Гостиного двора идет на московские промышленные предприятия.

Вместе с тем отчетливо выявляется значение для московской торговли центрального промышленного района — по нашим материалам 1730-х и 1740-х годов пока еще преимущественно мелкой городской и

⁴³ Тамож. книга № 89/841, 1740 г., под 19 мая.

⁴⁴ Тамож. книга № 92/840, 1740 г.

⁴⁵ Тамож. книга № 89/841, 1740 г.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Тамож. книга № 88/840, 1740 г.

⁴⁹ Тамож. книга № 93/845, 1740 г.

крестьянской промышленности. Отсюда поступают в Москву полотно, холст, пестредь, крашенина, нитки, изделия из шерсти, мыло, металлические изделия широкого потребления, деревянные изделия, полуфабрикаты — пряжа, выделанные кожи и овчины. Внутри района отдельные отрасли производства также специализированы в определенных пунктах. Поступление промышленных изделий с окраин — исключение и объясняется особыми местными условиями, например, в Астрахани — близостью рынка сырья (хлопчатой бумаги и шелка) для производства полушелковых и бумажных материй. Ищут в Москве рынка сбыта и владельцы иногородних предприятий еще молодой крупной русской промышленности.

Дифференциация районов страны и положение Москвы в центре промышленной области объяснит нам многое в картине отпускной московской торговли.⁵⁰

В операции по скупке на местах и доставке в Москву товаров внутреннего русского рынка втянут широкий круг лиц из разных пунктов и с разных концов страны. Особенно активно действует купечество провинциальных городов, лежащих между Москвой и производящими районами. Но появляются в Москве и торговцы-скупщики из других слоев населения: тульский ямщик выступает в роли крупного прасола, яицкие казаки — в роли крупных рыботорговцев. Проходят по нашим материалам и торгующие крестьяне. Их более точное определение не всегда указано, но чаще это монастырские, дворцовые крестьяне, чем помещичьи. Везут в Москву продукты сельского хозяйства и мелкой промышленности и непосредственные производители, главным образом крестьяне и мелкие посадские люди близких к Москве уездов.

Московские купцы участвуют в подвозе в Москву с мест товаров, но не очень активно. Рассылают своих агентов для скупки сырья владельцы московских промышленных предприятий. Москвичи выступают преимущественно в роли крупных оптовых покупателей уже доставленного в Москву товара. Характер наших материалов не позволяет полнее раскрыть взаимоотношения между продавцом — провинциалом и покупателем — москвичом. Примеры систематической связи, например, между владельцами московских полотняных фабрик и костромичом — поставщиком пряжи или крупными московскими железоторговцами и местными скупщиками железных изделий — дают основание полагать, что эти отношения не всегда были простым актом продажи-купли.

⁵⁰ Экономическое районирование России XVIII в. (но для более позднего времени — для 1760-х годов) дано в статье П. Г. Любомирова «Крепостная Россия», в «Энциклопедическом словаре» Граната, т. 36, ч. III. Картина, которая дается материалами таможенных книг 1730—1740-х годов, почти совпадает с данной проф. Любомировым картиной с той оговоркой, что развитие крупной промышленности за двадцатилетие 1740—1760 гг. усилило значение центрального промышленного района.

II

Книги «китайским и сибирским товарам», «Астраханская» и «Портовая» вводят нас в круг уже международных московских торговых связей. Начнем обзор с «китайской» 1740 г., которая сохранилась в составе двух «половин» полностью.⁵¹ На три ее явки — товаров «яренской уездной покупки» и «базарной покупки» в Соли Камской — было уже указано выше; четыре партии с Макарьевской ярмарки рассмотрим позже вместе с другими известиями о привезенных из Макарьева товарах. В нашей книге зарегистрированы 75 партий сибирских и китайских товаров, привезенных 66 купцами. Товары из Сибири, шедшие установленным путем через Верхотурье с его таможенной заставой, начинали поступать в Москву в декабре, главная масса их поступала в январе — феврале. В 1740 г. из 75 партий в эти зимние месяцы прибыла 51. Большинство партий шло северным путем через Устюг и Вологду, несколько — через Казань. Очевидно, товары, доставленные к осени водой в Вологду и по Каме в Казань, отправлялись в Москву обозами, когда устанавливался зимний путь. В конце марта, в апреле и в августе прибыли 10 партий с Ирбитской ярмарки, происходившей в январе. Несколько партий китайских товаров были привезены в Москву для допродажи из Петербурга, Архангельска, Вологды, Ярославля, Казани и Курска как не распроданные в этих городах.

Среди купцов-продавцов 10 москвичей из видных в те годы купеческих семей: гостиный сын Василий Евреинов, приказчик которого доставил партию из Кяхты, уже знакомый нам Данило Земской (его работник прибыл с Ирбитской ярмарки), крупнейший торговец мехами Гаврила Журавлев, приказчики которого прибыли из Якутска, Кяхты, Иркутска и Енисейска, и некоторые другие. Сибиряков немного: шестеро тобольских посадских людей, доставивших 4 партии из Тобольска и 2 — с Ирбитской ярмарки, томский посадский человек, приехавший из Кяхты, и трое енисейцев, среди них двое Самойловых, доставивших огромные партии товаров из Якутска и Енисейска с прикупкой в Нарыме. Перечень остальных купцов-продавцов отражает все этапы пути из Сибири в Москву: 10 лальских купцов доставили 11 партий; лальцы специализировались на торговле сибирскими мехами еще в XVII в., и одна из известных тогда лальских фамилий — Норицыных — повторяется и в наших материалах.⁵² Далее идут четверо яренчан, сольвычегодец, восемь устюжан (10 явок), семь вологодцев (9 явок), три ярославца (4 явки). Участвуют в доставке сибирских и китайских товаров в Москву и купцы других северных городов: Архангельска, Ваги, Каргополя, а также Хлынова (Вятки) и Казани. Особняком стоит один туляк, приказчик которого прибыл в Москву из Иркутска, и курский купец, доставивший товары

⁵¹ Тамож. книга № 91/843, «Книга записная китайским и сибирским товаром», 1740 г., первая половина; № 90/842, того же названия, 1740 г., вторая половина.

⁵² С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке, «Исторические записки», т. XIV, стр. 158.

из Сибири в Астрахань, затем в Курск и, наконец, в Москву. Как указывалось выше, почти все партии шли через Верхотурье. 23 партии были доставлены из Кяхты — пункта пограничного торга с Китаем, обычно с прикупками по пути в Иркутске, Енисейске, Нарыме, Тобольске, Тюмени; в других случаях местами закупок являются Иркутск, Тобольск, Енисейск, Туринск, Ирбитская ярмарка и Верхотурье. Некоторые русские купцы вместе со своим товаром привезли, по поручению, товары сибиряков.

Ассортименты товаров сибирского и китайского происхождения резко различаются. Из Сибири шли меха: соболи (главным образом из Енисейска), горностаи «якутские», белые песцы, росомахи, белки большими партиями и др., кость мамонтовая и моржовая, «карлушины и ровдуги оленьи» (оленьи кожи), клей осетровый и косячатая слюда; из Китая прежде всего различные материи бумажные и шелковые и небольшое количество шелка. Основную статью китайского импорта составляла бумажная ткань — китайка разных сортов, главным образом простая, так называемая тюневая, в то время, повидимому, чаще всего желтого цвета,⁵³ которая доставлялась большими партиями по несколько сот, иной раз свыше тысячи тюней и продавалась в Москве в 1740 г. при оптовой покупке по 7 руб. 60 коп. — 8 руб. 50 коп. за тюнь. Посуда доставлялась «ценинная» и фарфоровая. Наконец, почти непременной частью каждой партии товаров являлся чай разных сортов, черный и зеленый, доставлявшийся в «ширях» (кожаных мешках) и в цыбиках.

Обычно доставленная партия состояла из комбинации сибирских и китайских товаров. Зарегистрированная в таможене, партия продавалась затем, не залеживаясь, в течение ближайших одной-двух недель нескольким купцам, разбиравшим товары своей специальности: чай покупался торговцами Овощного ряда, меха — Скорняжного и Большого Ветошного, материи — Крашенинного и Суровского. Для записей «Китайской книги» характерны крупные торговые сделки в несколько тысяч рублей и участие в торге главным образом первогильдейского московского купечества.

Для примера приведу состав одной из самых крупных партий товара «Китайской» книги 1740 г. с описанием ее распродажи.⁵⁴ «Лальского посаду купецкого человека Андрея Горянова племянник ево Василий Горянов» явил 7 января 1740 г. в Московской Большой таможене товар, привезенный через Верхотурье по четырем таможенным выписям: по двум кяхтинским 1074 тюня «китайки тюневой, нитью средней, разных цветов, 27 поставов голей (шелковых материй) разных цветов», 20 бахчей чаю зеленого — 25 фунтов; по иркутским выписям — 226 тюней китайки, 18 тыс. белок «чистых и подпалей», 27 поставов голей и 3 пуда слюды «косячатой и шитухи». 11 января купец 2-й гильдии Ив. Вандышев взял 54 постова голей по 14 руб. с полтиной за постав на 783 руб. 15 января

⁵³ По словарию Даля — мутножелтого.

⁵⁴ Тамож. книга № 91/843, 1740 г.

распродажа была уже закончена: один из крупнейших купцов Скорняжного ряда Илья Журавлев взял 9 тыс. белки, два купца 2-й гильдии — остальные 9 тыс. по 68 руб. за тысячу; 1300 тюней китайки были проданы в тот же день двум купцам 1-й гильдии Василию Васильеву и Василию Петрову и трем купцам 2-й гильдии по 7 руб. 80 коп. за тюнь. Сведений о продаже чая, цена которого была определена в таможене «8 рублей за весь», и слюды (13 руб. за пуд) — нет. Общая продажная цена составила 11 403 руб. За товары уже была уплачена установленная в Сибири пошлина. В Москве с Горянова было взято 627 руб. 71 коп. пошлины и сборов да еще 4 руб. «анбарного».

Огромная партия товара, привезенная енисейским посадским человеком Петром Самойловым (в нее входил и товар его брата Антона), была явлена 8 января и распродана в течение января 15 купцам 1-й и 2-й гильдии. Общая продажная цена составила 15 768 руб. 50 коп., пошлин было взято 880 руб. 74 коп., «анбарного» — 5 руб.

Купленные готовые изделия шли с Гостиного двора в московские ряды, в лавки. Впрочем, простая тюневая китайка, — очевидно, желтого цвета, — нередко предварительно перекрашивалась в московских красильных заведениях; в таможенных книгах постоянно встречаются указания на «китайку московской краски» или «московской перекраски». Сохранилось возникшее в 1751 г. по доносу красильного фабриканта Ивана Шелковникова дело о безуказном красильщике Петре Петрове, осевшем в Москве крепостном крестьянине Дмитровского уезда. Из дела узнаем, что в январе — марте 1751 г. он перекрасил в «синюю кубовую краску» 771 тюнь китайки по заказу шести московских купцов, в том числе Гаврилы Журавлева.⁵⁵ Меха поступали к «скорняшным мастерам», а некоторые торговцы мехами имели скорняжные мастерские и у себя дома. Так, 24 января 1741 г. первогильдеец Алексей Панфилов отвез 7500 «горностаев якутских плохих» «за Красные ворота в Красное село в дом свой... для переправки». Дмитрий Плетенев отвез 20 января 2547 белых песцов в Александровскую слободу мастерам Герасиму Иванову и Алексею Шопину и к 10 февраля получил 27 мехов хребтовых, 64 черевых, 15 одеял хребтовых и 1125 «шушек». Мастер Алексей Шопин и сам покупал меха на Гостином дворе из сибирских партий.⁵⁶

Мамонтова кость — результат своего рода раскопок того времени, но чисто практических по целям — закупалась московскими купцами для выделки костяных гребней, оленьи кожи — для шитья штанов и других изделий. Так, купец 2-й гильдии Иван Русинов повез 19 января 1741 г. с Гостиного двора «кости мамонтовой 3 п. 20 ф., 99 карлушин бритых оленьих... в дом своей... в Панкратьевскую слободу в приход церкви Панкратья, а именно — кости для переделу в гребни, а карлушины в штаны и прочее»; 26 января того же года 1-й гильдии Красносельской

⁵⁵ Материалы по истории крестьянской промышленности, т. I, М.—Л., 1935, стр. 233.

⁵⁶ Тамож. книга № 99/851, 1741 г.

слободы Василий Гребенщиков отвез в свой дом в Красное село 40 пудов «кости мамонтовой» «для переделу в гребни» (конечно, не силами своей семьи); его тезка Василий Гребенщиков 3-й гильдии и 2-й гильдии Семен Григорьев, тоже красносельцы, повезли в свои дома для той же цели первый 5 пудов кости, второй 2 п. 30 ф. и 900 плашек.⁵⁷

Книга «астраханским и персидским товарам» 1740 г. вводит нас в иной круг московских восточных связей и отношений.

В противоположность большинству рассмотренных выше книг, «астраханская» 1740 г.⁵⁸ не имеет деления на «половины» и дошла до нас полностью. В ней записана 91 явка товаров. В 13 случаях товары привезены через Астрахань «из-за моря», «из Персии»; в 54-х — куплены в самой Астрахани, причем иной раз указана покупка «иноземческая», т. е. у иноземных купцов. 5 явок — на товары персидского и астраханского происхождения, купленные в поволжских городах — Саратове, Симбирске, Ярославле, в 13 случаях — на Макарьевской ярмарке, в одном случае — в Туле; наконец, 4 явки — на товары, вымененные в Оренбурге. Остановимся прежде всего на этих четырех последних случаях, присоединив к ним четыре аналогичных известия «российской» книги 1740 г.⁵⁹

1740-й год дает ранние примеры менового торго в Оренбурге, основанном лишь в 1734 г., к тому же это год нашествия на Хиву Надир-шаха. Поэтому партии товара, привезенные в 1740 г. в Москву из Оренбурга, выменены чаще «у киргиз-кайсаков», чем «у хивинцев» или «у бухарцев». В составе партий исключительно меха — мерлушки и овчины киргизские, тулупы киргизские, мерлушки и овчины бухарские — и степных зверей — волки, лисицы, корсаки, лисицы-«караганы», т. е. из Туркмении. В составе партий нет обычных позднее в среднеазиатском привозе хлопчатой бумаги и бумажных и шелковых материй, что, конечно, объясняется неблагоприятной для Средней Азии военной обстановкой 1740 г.

Главные посредники в торговле между Москвой и Оренбургом — яицкие казаки и казанские татары. В наших примерах это приказчики двух яицких казаков, один из которых — Федор Корепин — нам уже знаком, как связанный с Москвой рыботорговец, затем «скаринский» татарин, татары Казанского уезда Арской дороги д. Сабы Мамаделей Аблаев и Юрецкой дороги д. Кучук-Чолды Халил Бухарьев, доставивший большую партию мехов от своего имени и от имени 19 других татар; в трех случаях из Оренбурга прибыли приказчики и работники купцов Ростова и Переяславля-Залесского. Среди скупщиков мехов выделяются Журавлевы: Гаврила купил у Бухарьева всю привезенную им партию за 6994 руб.: 1476 корсаков, 6624 лисицы, 712 волков и 150 мерлушек

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Тамож. книга № 93/845, 1740 г., «Книга записная Московской Большой таможи привозным астраханским и персидским товаром».

⁵⁹ Тамож. книга № 92/844, 1740 г.

бухарских, Иван Романов сын Журавлев взял за 1406 руб. товар яицкого казака и приказчика купца Переяславля-Залесского, которые привезли главным образом киргизские мерлушки — 3173 штуки.

В подвозе в Москву товаров из Астрахани и Ирана (о Макарьевской ярмарке скажем особо) главная роль принадлежала восточным купцам. По книге 1740 г. среди них два казанских татарина, три приказчика «индейцев» (все трое — армяне), 3 «грузинца» и 22 армянина, доставивших 32 партии. Одни из них числятся уже жителями русских городов, как «московский житель грузинец» Осип Туманов, «московский армянин» Богдан Христофоров, «санктпетербургский мещанин», он же содержатель московской шелковой фабрики, Лука Ширванов; другие проходят по записям книги как тифлисские, шемахинские, джультинские, казбинские армяне. Среди русских купцов — ярославцы, гороховляне, нижегородцы, козьмодемьянский ямщик, симбирянин, вязниковец, туляне, калужане, приказчик курского купца, «черкасский житель» и даже архангелогородец. Среди явок по выписям астраханской таможни — 8 явок московских купцов; 2 партии привезены приказчиками Данилы Земского и 3 — гостина сына Андрея Матвеева Евреинова, который и сам ездил «за море» и купил «в Персии» шелк-сырец, очевидно, для фабрики своего отца, известного московского шелкового фабриканта, имевшего по привилегии 1737 г. право беспошлинной покупки для фабрики инструментов и материалов.⁶⁰ Наконец, особо назовем приказчика Английской компании Ардухана Францысова, который провез через Москву в Петербург купленную «в Персии» партию шелка-сырца, шелка, персидских материй и овчинок, пользуясь русско-английским договором 1734 г., разрешавшим английским купцам транзитную торговлю в Иран и обратно.⁶¹ Партии товаров из Астрахани прибывали главным образом в зимние месяцы, в декабре — марте, т. е. по зимнему пути.

Состав доставлявшихся из Астрахани в Москву восточных товаров разнообразен, а постоянно сопровождающие название товаров географические определения намечают охваченный торговыми связями Москвы широкий круг восточных стран и городов. Изделия самой Астрахани были названы выше. Из ближайших к Астрахани мест шли калмыцкие овчины, «кумачи кизлярские» или «кизлярской краски» и шелк-сырец кизлярский из кизлярских шелковых «заводов», т. е. садов. «Нефть белая» — конечно, продукт Азербайджана. Закавказье представлено также шелковыми изделиями Шемахи: платками, «моями шемахинскими зелеными», шелком шемахинским «вареным по цветам». С Каспийского моря шел «тюлений жир» в бочках. «Овчинки ардабацкие», скорее всего, доставлялись из ближайших к Астрабаду туркменских степей. Из прикаспийских провинций Ирана шли выбойка (бумажная ткань) «мизандрон-

⁶⁰ А. Семенов. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности, ч. I, СПб., 1859, стр. 226.

⁶¹ Там же, стр. 204; П. А. Остроухов. Англо-русский торговый договор. 1734 г., СПб., 1914.

ская», всевозможные шелковые ткани Гиляна: фаты, кутни, конофаты, пестредь полушелковая, платки лагажанские, шелк-сырец гилянский. Свой ассортимент шелковых и бумажных материй поставляли центральные провинции и города Ирана: кежи тевризские, бязь испаганскую, пестредь красную, платки и занавески бумажные казбинские, выбойку «бафту» тегеранскую, шелковые изделия Кашана — суси, кутни, бархаты, кушаки. Красные и черные сафьяны шли из Исфагана на юге, овчинки серые и черные «ширайские» — вероятно, из Шираза. Отношу к продуктам Ирана не определенные точно географическими названиями «пух козловый», «пшено сорочинское» (рис), «фисту» (фисташки), перец «горошчатый» и «стручковый красный», «горчицу стручковую», «доски кипарисные» и, наконец, медь-лом. И из Ирана и из Средней Азии могла итти хлопчатая бумага. За пределы Ирана уводят нас «овчинки багдацкие черные» и бумажные материи из Индии — «флер и кисеи индейские», «индейские» занавесы и одеяла. Оттуда же, вероятно, идет и «чай черный». ⁶²

Привезенные из Астрахани восточные изделия занимали видное место в московских рядах, где для них были отведены особые «Астраханский» и «Бумажный» ряды — в последнем торговали хлопчатой и пряденой бумагой. Среднеазиатскими и иранскими овчинками и мерлушками интересовались не менее, чем сибирскими мехами, такие видные мехоторговцы, как Журавлевы, Панфиловы и Дементий Плетенев. Тюлений жир в бочках поступал в «Кожевники» для обработки кожи. Еще два вида товаров в астраханском привозе — шелк-сырец и медь-лом — имели большое значение не только для московской торговли, но и для московской промышленности. Скажем о них подробнее.

По таможенной книге 1740 г. привоз из Ирана шелка-сырца двух сортов (более дешевого — «кардаш» и более дорогого — «лези») был почти целиком сосредоточен в руках монопольной компании джюльфинских армян, доставивших в Москву 12 партий. Как упоминалось выше, одну партию привез «из-за моря» Андрей Евреинов. Встречается шелк-сырец и в составе партий разнообразных товаров «астраханской покупки», но в незначительном количестве. В Москве привезенный шелк раскупался прежде всего «содержателями» московских шелковых фабрик по одной, двум, пяти «таям» или кипам (по 8 пудов в тае). Среди покупателей встречаем и Евреиновых, и Алексея Милютину, и Данилу Земского, и Семена Павлова сына Волосного, и многих других. ⁶³ Привоз из Ирана и Шемахи вполне удовлетворял потребность московских фабрикантов в шелке в это время, и в 1740 г. 5 партий из 12 были провезены армянами в Петербург, очевидно, для отпуска за границу. Позднее расширение русской шелковой промышленности вызовет в 1753 г. временное

⁶² См. также статью П. Г. Любомирова «Проект таможенного тарифа для Астрахани 1757 г.» в журнале «Наш край», Астрахань, 1927, № 2.

⁶³ См. также в Тамож. книге № 99/851, 1741 г.

запрещение вывоза шелка за недостатком его для русских фабрик.⁶⁴ По наблюдениям эксперта Мануфактур-коллегии иностранца Одара, в 1760 г. московские фабрики употребляли около 2 тыс. пудов привозного из Ирана и из Шемахи шелка и около 200 пудов расходов в Москве «для некоторых расходов кроме фабрик»,⁶⁵ всего на сумму около 200 тыс. руб.⁶⁶ Таким образом, шелковая промышленность Москвы поглощала почти весь привоз в Россию персидского и шемахинского шелка, который в эти годы составлял около 3 тыс. пудов.

Значение привоза из Астрахани персидского и шемахинского шелка для развития русской шелковой промышленности, сосредоточенной в то время почти целиком в Москве, и для сбыта русских фабричных шелковых изделий станет ясно, если сослаться на слова того же Одара, считавшего, что западноевропейский шелк стоил в эти годы в Москве вдвое дороже персидского.⁶⁷

Медь-лом или «медь-ветошь» поступала в Москву чаще всего значительными партиями в 100—250 пудов и продавалась по цене 7 руб. 50 коп. пуд. Среди крупных первогильдейских покупателей — Петр и Борис Струговщиковы, первый из которых уже встречался нам как скупщик металлических изделий мелких промышленников центрального района, Иван Карунин, имевший «зелено-медную фабрику» «в Китай-городе в приходе церкви Козмы и Дамиана», владелец «пуговичной фабрики» Иван Марков и др.⁶⁸

Закончим обзор подвоза в Москву товаров Востока перечислением товаров, поступавших из Турции. Они шли через «малороссийские города», среди которых выделялся Нежин с его тремя ярмарками,⁶⁹ затем через главные «пограничные» таможни Севска, Брянска и Курска, закупались для Москвы на Свинской ярмарке — около Брянска и Коренной — близ Курска. Другой путь шел через Азовское море и Крепость св. Анны и, наконец, третий, кружной, — через петербургский порт. Основными статьями привоза были кумачи красные и бумага пряденая красная, которые иногда определяются таможенной книгой как «турецкие», но чаще всего как «македонские»; затем габа́ или аба́ — белое толстое сукно,⁷⁰ бархат турецкий, шерсть турецкая баранья, мыло турецкое, купорос турецкий, изюм кафинский и цареградский, коринка, чернослив, сок лимонный, «корень цыцварный», ладан, корольки.⁷¹ Эти товары

⁶⁴ А. Семенов. Указ. соч., т. I, стр. 227.

⁶⁵ В параллель приведем известие о купце 3-й гильдии Ив. Кузьмине, который, по книге 1737 г., купил 1 таю шелка сырца и повез ее на свой двор «для перепрядки».

⁶⁶ П. Любомиров. Шелкоткацкая промышленность в России в середине XVIII в., «Ученые записки Саратов. Гос. Ун-та», Педагогич. фак-т, т. VII, вып. III, 1929, стр. 136—137.

⁶⁷ П. Любомиров. Шелкоткацкая промышленность в России, стр. 136.

⁶⁸ См. также Тамож. кн. № 67/819, 1737 г.

⁶⁹ М. Чулков. Словарь учрежденных в России ярмарок, М., 1788.

⁷⁰ Словарь Академии российской, т. I, СПб., 1802.

⁷¹ Тамож. книга № 89/841, 1740 г. и № 95/847, 1741 г., «Книги записные Москов.

привозили в Москву через брянскую, севскую и курскую таможи «нежинские жители» — греки, севские и брянские купцы. Иные из них были связаны с Москвой регулярными поездками. В таможенных книгах 1740 и 1741 гг. несколько раз отмечены явки товаров — кумачей и пряденой бумаги — «нежинским жителем» Юрием Алексеевым сыном Артиным и его приказчиками, доставлявшими товар в Москву из Нежина. И в 1740 и в 1741 г. доставил в Москву «покупные в Нежине» турецкие товары севский купец Степан Шереметцев. Неслучайно появление в Москве в 1740 г. из Брянска и «малороссийских» городов двух галицких купцов с знакомым нам ассортиментом турецких товаров: связи галицких купцов с «Малороссией» уже отмечены работавшим над таможенными книгами исследователем.⁷² Но и московские купцы ездили в «малороссийские» города для закупки крупных партий кумачей, пряденой бумаги и других восточных товаров. В «портовой» книге 1740 г. (до нас дошла ее «третья половина») из 16 явок турецких товаров, доставленных из пограничных и «малороссийских» городов, 10 принадлежат московским купцам.⁷³ Среди них выделяются два первостатейных — знакомый нам как мехоторговец Гаврила Журавлев, который явил 3 партии, купленные в Севске, Курске и «Малороссии», и Дмитрий Наумов. «Шерсть турецкая баранья» покупалась московскими суконными фабрикантами. Так, «Большой суконной фабрики компанейщик» Степан Болотин 7 января купил на Гостином дворе 2 куля «шерсти турецкой бараньей», а 25 января — 20 кип, которые и отвез на суконную фабрику «у Каменного моста».⁷⁴ Для промышленных целей был нужен и «сок лимонный», употреблявшийся на московских фабриках при окраске тканей.

Та же «портовая» книга 1740 г.⁷⁵ дает представление о привозе в Москву товаров с Запада — промышленных изделий Западной Европы, москательных товаров и продуктов средиземноморских стран. Товары «привозные из-за польской границы» шли через Смоленск и Торопец с их «главными пограничными таможами». Из Риги доставлялись товары «привозные из немецкой земли сухим путем» и «привозные морем», как и из Ревеля. Через Петербург и Архангельск шли в Москву товары «из-за моря». Дошедшая до нас «третья» и притом дефектная половина «портовой» книги 1740 г. отражает лишь часть привоза этого года.⁷⁶ Но ее данные не оставляют сомнений в первенствующей роли Петербурга для западноевропейского транзита и для подвоза в Москву товаров

ской Большой таможни всяким привозным иностранным товаром от портов и из-за границ...»

⁷² А. Кизеветтер. Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник, «Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909, стр. 91.

⁷³ Тамож. книга № 89/841, 1740 г.

⁷⁴ Тамож. книга № 99/851, под 7 и 25 января.

⁷⁵ Тамож. книга № 89/841, 1740 г.

⁷⁶ Книга не имеет конца Всех «половин» портовой книги 1740 г. было, вероятно, как и 1741 г., четыре.

Запада: из 110 «явок» западных товаров «портовой» книги 1740 г. восемь сделаны по выписям смоленской таможни, две — торопецкой, 6 партий товара доставлены из Риги, одна из Ревеля, 6 из Архангельска и 87 из Петербурга.

Транспорты товаров из Смоленска и Торопца доставлены: в четырех случаях москвичами, в двух — торопчанами, в остальных четырех — смоленским мещанином, вязьмичом, дорогобужцем и купцом Переяславля-Залесского. Дорогобужец и смольнянин привезли товары, купленные в Смоленске «из лавок». Во всех других случаях русские купцы или их приказчики сами ездили «за границу», откуда и доставили товары в Москву. В их ассортименте преимущественно ткани: шерстяные — сукна цветные, корновые, лятчина, кострожные (толстые), стамеды, каламенки, фланель; шелковые — тафта, камки, «гранитур»; бумажные — выбойки, батисты; в составе нескольких партий меха — бобры, выдры и лисицы. Есть указания на польское происхождение изделий — «стамед польский», «каламенки польские», но чаще всего географические определения указывают на Германию: «каламенки берлинские», «сукно шленское», т. е. силезское (как раз через Польшу лежал ближайший путь в Силезию). Силезские города, особенно Бреславль, постоянно посещались русскими купцами, в том числе торопчанами и москвичами, которые, по словам современного официального документа, ловко объезжали на сухопутных дорогах «всякие заставы» и «без всякой трудности» привозили заграничные товары в Москву.⁷⁷

Разнообразные «немецкие», т. е. заграничные, товары шли в Москву также через Ригу и Ревель. Из семи отмеченных нашим источником партий пять привезены москвичами, доставившими их в четырех случаях «из немецкой земли сухим путем» и в одном случае морем; две партии доставлены калужанином и купцом г. Ржевы Володимеровой, распродавшим часть товаров по пути к Москве в Новгороде и Пскове. Среди рижских партий товара выделяются две большие на 6172 руб. и на 2891 руб., привезенные из-за границы московскими купцами 1-й гильдии Носыревыми, Андреем Ефимовым и Петром. Состав этих транспортов знакомит нас с обычным для рижского привоза ассортиментом, рассчитанным преимущественно на покупателей дворянской и притом столичной среды: здесь прежде всего всевозможные материи: черный и «травчатый» трип, полосатый шерстяной каламенок, бархаты, штоф шелковый с серебром, флеры черные, гладкие и «травчатые», канифас, кисей «с цветами», парчицы «с букетами»; затем одежда: мужские камзолы, из них несколько «вышитых», «вышитые» канифасные женские юбки; всевозможная галантерея: платки полушелковые, шелковые, флеровые с золотом и серебром, «выбойчатые», ленты шелковые, бархатные, с золотом и серебром, чулки мужские и женские, шелковые и бумажные, «малеванные веера», «шелковые цветы», «восковые перлы» и другие

⁷⁷ М. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 232.

бусы, вышитые колпаки, вышитые башмачные женские верхи; разные предметы дворянского обихода: зеркала, лакированные и роговые табакерки, женские кошельки «с серебром», трости, перочинные ножички, маленькие ножницы. Особо стоят две рижские партии товаров — обе по одной тысячи «кос сенокосных», доставленные в 1741 г. московскими купцами 1-й гильдии Степаном Сайкою и Ив. Кондратьевым, которые купили их у рижского купца Бальцера Крафта.⁷⁸

Данные о подвозе в Москву товаров из Петербурга убеждают в выдающемся значении для московской торговли и промышленности шедшего через Петербург импорта. Из 87 петербургских партий, зарегистрированных книгой 1740 г.,⁷⁹ 24 доставлены «петербургскими жителями», русскими и иностранцами. Иные из них ездили из Петербурга в Москву постоянно, как Яков Тургенев, поставщик товаров для гастрономических лавок московского «Овощного ряда», доставлявший «ренское» белое и красное вино, гданскую водку, свежие и соленые лимоны, свежие апельсины, оливки, «каперсы», миноги, голландские сыры и т. п., или Тарас Ляпушкин с другим ассортиментом — посудой хрустальной, оконными стеклами, французской бумагой, складными ножами. 19 транспортов были привезены 15 москвичами. Почти все они — купцы 1-й гильдии, из самых видных, многие — «содержатели» московских фабрик. Среди них — крупный торговец суконного ряда Матвей Ситников, доставивший три партии заграничных сукон, Гаврила Журавлев, явивший также сукна, Иван Рыбников, который в 1740 г. явил товары «покупные в Петербурге», а в 1741 г. вывез большой транспорт колониальных товаров «из-за моря», хорошо знакомый нам по разнообразным торговым и промышленным предприятиям Данила Земской, также доставивший в 1740 г. товары из-за границы, Алексей Милютин, владелец лентных и позументных фабрик в Петербурге и в Москве, который привез краски и сок лимонный, вероятно, для своей московской фабрики. «Московской суконной фабрики содержатель», он же владелец петербургской «восковой фабрики», Иван Полуярославцев доставил в 1741 г. «из-за моря» для своей фабрики, «что за Яузой в приходе церкви Николая Чудотворца на Ямах», бочку квасцов, 4 бочки разных красок, боченок проволоки железной и 4 короба «шишек, которыми сукна ворсят». Для суконной фабрики Степана Болотина из Петербурга в январе 1741 г. были доставлены 20 кип шерсти турецкой, шерсть «шпанская», 20 плетеных тех же шишек, трости (для берд), 34 бочки краски крапа, несколько бочек других красок, 2 бочки железной проволоки, 10 пар ножниц (для подстригания сукна), «инструменты медные еометрические».⁸⁰ Некоторые москвичи действовали и от имени торговавших в Петербурге иностранных купцов, как московский парусный фабрикант Андрей Максимов сын Никонов, явивший вместе со своей партией заграничных шерстяных тканей

⁷⁸ Тамож. книга № 95/847, 1741 г.

⁷⁹ Тамож. книга № 89/841, 1740 г.

⁸⁰ Тамож. книга № 99/851, 1741 г.

большую партию галантерейных товаров «санктпетербургского жителя» Богдана Снетлера, всего на 8204 руб. Посредничают в доставке товаров из Петербурга в Москву и купцы ряда русских городов — близких к Петербургу Олонца и Новгорода, лежащих на путях к Москве Твери, Ярославля и Ростова, других городов того же района — Переяславля Залеского, Костромы, Юрьева-Польского, Вязниковской слободы, Гороховца; ездили в Петербург за товарами для Москвы и калужане, и туляне, «жители» Гжатской пристани, купцы Рославля, Вереи и др. Одни из них, купив товары в Петербурге или за границей, везли их прямо в Москву, другие заезжали в свой город: новгородцы в Новгород, ярославцы — в Ярославль, ростовцы — в Ростов и т. д. и, продав там часть товаров, везли остальные в Москву. Между купцами — продавцами товаров из Петербурга — встречаем в записях таможенной книги двух англичан, проехавших через Москву в Астрахань и Персию с партией английских сукон.

Некоторые из явленных по книге 1740 г. петербургских транспортов сходны по составу с описанным выше транспортом из Риги — это ассортименты всевозможных галантерейных изделий и предметов роскоши. Но чаще характер привоза из Петербурга иной. Оттуда доставлялись крупные партии однородных товаров, которые и продавались оптом, нередко на большие суммы. Одна из важнейших статей импорта через Петербург — заграничные шерстяные ткани, сукна «аглинские», «шпанские», «шленские», «гамбургские», «голландские»; лучшие сорта стоили в 1740 г. в Москве при оптовой продаже 2 руб. аршин и выше; простые сукна — солдатские и кострожи; стамеды «аглинские» «алые», драгеты, штофы шерстяные, трип, каламенок полосатый, байка белая и черная. Большими партиями доставлялась «выбойка немецкая» — очевидно, ситцы, стоившая при оптовой покупке 22—24 коп. аршин. Наряду с транспортами, составленными из ассортимента всевозможной галантереи, встречаем большие партии мишуры, «канители мишурной», позумента, находившие оптовых покупателей среди купцов Кружевного ряда. Колониальные товары привозились упакованными в бочках, боченках, ящиках: сахар простой и леденец, кофе, перец, гвоздика, корица, масло деревянное, ядра миндальные и т. п. Видные торговцы Москательных рядов (среди них выделялся в эти годы Михайла Шорин) скупали оптом партии красок: брусковой (индиго), сандала красного и синего, крапа, чернильных орешков и других, иной раз десятками возов, а также всевозможных москательных товаров: «квасцов гамбургских», серы горючей, «купороса турецкого», камфары, буры и т. п. Бочками доставлялся ладан. Оптом же покупали на Гостином дворе нужные им москательные товары из петербургского привоза московские фабриканты: «служитель» суконной фабрики компанейщика Степана Болотина купил на 220 руб. брусковой краски у вязниковцев Рукавишниковых, «суконной фабрики содержатель» Иван Третьяков — на 295 руб. у ярославцев Корсаковых. Наконец, значительное место среди привезенных морем товаров занима-

ли металлы «в деле» и «не в деле»: медь латунь черная, медь зеленая, медь «шведская», медь «дельная», «железо белое листовое бочками», «шпиутор» (цинк), олово прутное и «дельное», свинец, проволока железная бочками. Заграничные металлы, купленные оптом московскими купцами, поступали в Колокольный и Москательный ряды⁸¹ или прямо в промышленные заведения. В 1741 г. сиделец 1-й гильдии Ивана Маркова повез с Гостиного двора на «фабрику» своего хозяина в Кожевники 217 п. 2 ф. меди латуни черной «для передела в аммуничные вещи», в другой раз — «20 бочек железа белого одинакого»; 1-й гильдии Иван Карунин покупает для своей «зелено-медной фабрики» 236 «свинок шпиутору»; очевидно, для промышленных целей отвез на свой двор «у Троицы в Кожевниках» 48 бочек жести 1-й гильдии Иван Кузнецов.⁸²

Привоз из Архангельска был однороден с петербургским, уступая ему в количестве. Доставляли товары из Архангельска в Москву архангелогородцы, вологжане, москвичи.

Местом, откуда поступали в Москву как западные товары, так и восточные и «российские», была Макарьевская ярмарка. Вот почему явки транспортов по выписям Макарьевской таможни попадают в каждой из только-что просмотренных четырех таможенных книг 1740 г. — «китайской», «астраханской», «российской» и «портовой». Таких явок 25. Несмотря на дефектность материала, он дает представление о характере подвоза товаров в Москву с этой первой по значению русской ярмарки. Из 25 купцов, явивших товары по макарьевским выписям, 21 москвич, причем 12 из них — крупные первогильдейские купцы; трое иногородних — лалец, привезший сибирские меха, нежинский житель, который доставил в Москву не распроданную на ярмарке партию македонских кумачей и пряденой бумаги, и калужанин со сборной партией западных и восточных товаров — шелка, «шленского» полотна и т. д. Первое место в других партиях занимают китайка, сибирские меха, персидские товары, калмыцкие и среднеазиатские меха, особенно мерлушки; среди «российских» товаров «макарьевской покупки» — разные «русские» меха: заячины, овчины, мерлушки «русские», серое сукно, «керженские ложки», ножницы; среди западных — голландские сукна и стамеды.

III

Раскрытая таможенными книгами картина показывает, что Москва была центром, куда стекались товары — продовольствие, сырье, полуфабрикаты, изделия — со всех концов страны и из-за границы. Попробуем проследить дальнейшую судьбу этой массы товаров.

По данным таможенных книг, доставленные в Москву товарные партии как правило находили оптовых покупателей среди московских купцов. Между ними встречаются московские «фабриканты»,

⁸¹ Особенно много металла везли туда с Гостиного двора купцы 1-й гильдии Иван Аникеев Бабаев, Аверкий Иванов и Михайло Шорин.

⁸² Тамож. книга № 99/851, 1741 г.

«заводчики» и владельцы всевозможных промышленных предприятий, далеко не всегда фигурирующих в списке «указных» фабрик. Они закупали на Гостином дворе нужные им «для переделу» сырье, материалы и полуфабрикаты. Другие московские купцы покупали товары для своих лавок в «рядах» Китай-города, названия которых, повторявшие старину XVII в., не всегда соответствовали продававшемуся в них ассортименту. Сохранилась составленная в начале 1740-х годов в фискальных целях (для сбора оброка) опись 66 рядов Китай-города⁸³ с перечислением владельцев лавок, «затворов» и погребов каждого ряда.⁸⁴ Эта опись дает интереснейший комментарий к списку московских первогильдейских купцов-оптовиков, который можно составить по записям таможенных книг 1730—1740-х годов. В каждом «ряду» выделяются несколько лиц, в руках которых сосредоточивались иной раз десятки лавок или частей лавок, разбросанных в разных местах «ряда». Некоторые купцы занимали видное положение в «рядах» разных специальностей. Приведу несколько примеров.

По записям таможенных книг проходит первогильдейский купец Петр Матвеев сын Струговщиков, скупавший металлические «российские» изделия, привезенную из Ирана медь-лом и доставленные «от портов» металлы, а также китайку и другие китайские ткани. У Струговщикова две лавки в Котельном ряду, два затвора, пять лавок, три полулавки и $\frac{3}{4}$ -лавки в Верхнем Железном ряду, три лавки в Нижнем Железном, по одной лавке в Седельном и Старом Медовом, половина лавки в Старом Сурожском, а Старый Москательный ряд (шесть лавок, три полулавки и две $\frac{3}{4}$ -лавки) принадлежал ему весь. Некоторые из лавок Струговщикова большие, «на оба лица» и с несколькими затворами. Струговщиков платил за лавочные помещения (их всего 30) около 64 руб. оброка в год, в то время как со всех лавок Верхнего Железного ряда взималось 66 руб. У купца 1-й гильдии Исая Степанова было 83 «лавочных затвора» в Щепетильном Игольном ряду, и сумма платившегося им оброка (около 70 руб.) составляла треть суммы оброка с лавок всего ряда. В Большом Ветошном и Скорняжном рядах, где торговали мехами, выделялись Ив. Панфилов, Михайла Иванов сын Кунин, Шошины, Журавлевы; у последних были лавки также в Красильном ряду. Имели в «рядах» лавки и московские фабриканты, получившие, после некоторой борьбы, право розничной продажи изделий своих фабрик.⁸⁵ Так, лавки шелковых фабрикантов находились главным образом в Сурожских рядах — Старом, Новом и Шелковом. По разным рядам были рассыпаны лавки фабрикантов Евреиновых, соединявших промышленную деятельность с широкими торговыми операциями; то же можно сказать об Алексее Милю-

⁸³ Как показывают встречающиеся в самой описи ссылки, она не охватывает всех существовавших в то время рядов.

⁸⁴ И. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. II, М., 1891, стр. 1248 и сл.

⁸⁵ А. Семенов. Указ. соч., т. I, стр. 103; ПСЗ, т. VI, №№ 3892, 4057.

тине, Даниле Земском и др. Торговавшие в «рядах» купцы-оптовики всегда могли, по словам современного документа, «держатъ согласную цену» на товары. Русские фабриканты, добиваясь розничной торговли в «рядах», жаловались что «рядовые купцы» «дешавят» изделия их фабрик.⁸⁶

По таможенным правилам, продажа купцом в своем городе товаров, здесь же и купленных, была свободна от пошлин.⁸⁷ Вот почему таможенные книги не дают сведений о розничной покупке товаров в московских «рядах» и лавках местным московским населением. Зато в таможенные очень подробно регистрировался отпуск товаров из Москвы. Для записи отпуска товаров москвичами в Московской Большой таможене велись «книги записные отпускным из Москвы фабричным товаром, которые делаются на российских фабриках и заводах», и «книги отпускные московских жителей лавочной московской покупки». Отпуск товаров, купленных на Гостином дворе, не был выделен в особую книгу. Сведения об этом разбросаны по книгам привоза, в графах оптовых покупок привозных товаров. Отпуск товаров иногородними купцами заносился в книги двух разных типов, в зависимости от того, на какие деньги был куплен товар: на «товарные деньги», т. е. на деньги, полученные иногородним купцом от продажи привезенного им в Москву товара, или на «явленные» — для покупки — деньги.⁸⁸ Иногородние обычно покупали товары в лавках, в «рядах», а не на Гостином дворе, где оптовая скупка товаров находилась в руках москвичей. Для вывоза товара за пределы Москвы нужно было предъявить на одной из застав Камер-Коллежского вала особый ярлык, который выдавался в Большой таможене на Гостином дворе после досмотра на возах предназначенного к отпуску товара. В таможене велись книги выдачи ярлыков «на спускные с Гостиного двора товары», краткие записи которых отмечают имя купца, место назначения отпускаемого товара и количество возов, чаще всего без указания на их содержимое.

Отпуск товаров москвичами имел ряд особенностей по сравнению с отпуском иногородних, поэтому удобнее рассмотреть его отдельно.

От 1740 г. до нас дошли две «половины» — вторая и четвертая — «Книги... записной явленным деньгам иногородних жителей» и отпускам ими «в разные города» товаров «московской лавочной покупки».⁸⁹ Здесь находим сведения об отпуске из Москвы 228 лицами, почти исключительно иногородними купцами,⁹⁰ 253-х партий товаров на сумму около

⁸⁶ ПСЗ., т. VI, № 4057.

⁸⁷ ПСЗ., т. I, № 408, § 27.

⁸⁸ В первом случае полагавшаяся с рубля пятикопеечная пошлина взималась при продаже купцом товара в месте назначения, во втором — половина пошлины взималась при отпуске, половина — при продаже (ПСЗ., т. I, № 408, §§ 20 и 30).

⁸⁹ Тамож. книги №№ 88/840 и 94/846 за 1740 г.

⁹⁰ Крестьян и представителей иных сословий, кроме купечества, в этом списке почти нет — результат указов, запрещавших крестьянам торговлю не сельскими произведениями.

63 000 руб. Всех «половин» книги было, вероятно, как и в 1741 г., шесть. Книга отпусков на «товарные деньги» от 1740 г. не сохранилась, но есть указания на то, что отпуск иногородними на деньги, полученные от продажи привезенных ими в Москву товаров, не был значителен. В дошедшей до нас третьей «половине» книги ярлыков «на спускные с Гостина двора товары» 1741 г. каждый раз отмечалось, на «явленные» или «товарные» деньги куплена иногородним купцом отпускаемая из Москвы партия товара; отпусков на «явленные деньги» записано сотни, в то время как на «товарные» деньги было отпущено всего 12 партий. Эта сторона отпускной торговли очень интересна. Одна из возможных причин ее та, что на привозе в Москву и отпуске из Москвы могли специализироваться различные лица. Так, из 215 иногородних купцов, записанных в сохранившихся отпускных книгах 1740 г., лишь 10 проходят по книгам привоза. Другую причину незначительности отпуска на «товарные деньги» можно искать в характере взаимоотношений между иногородними и московскими купцами, который в дальнейшем будет показан на отдельных конкретных примерах.

Товары из Москвы расходились по всей России и шли за границу. По дошедшим до нас двум половинам отпускной таможенной книги 1740 г., 228 лиц из 58 городов, купив на «явленные деньги» в московских лавках товары, отправили 253 партии в 82 различных пункта; для 73 названий доставка товаров именно в эти пункты подтверждается представленными в Московскую Большую таможню (обычно через несколько месяцев, иногда через полгода или через год) таможенными выписями об уплате при продаже товара установленных пошлин или о явке товаров. Чаще всего купцы везли товары в свой город или какой-либо близкий к нему пункт; исключение составляют некоторые крупные торговые пункты, города, через которые шли товары за границу, и ярмарки, привлекавшие, конечно, посторонних торговцев. Отпуска на большие суммы редки. Из 250 партий только 30 на суммы выше 500 руб.,⁹¹ из них только одна выше двух тысяч и еще только три от тысячи до двух; 220 партий на суммы ниже 500 руб. со средней в 165 руб., в 73 случаях суммы ниже 100 руб. Книга ярлыков помогает представить конкретнее, какому количеству товара соответствуют эти суммы: обычно на московской заставе пропускали иногороднего купца с товаром на одном возу или в одной кибитке, иной раз на двух возах, или в кибитке, где ехал хозяин, и на возу, который сопровождал работник. Отпуски иногородними обозов были редки. Распродав привезенный транспорт, купец, его сиделец или работник возвращались в Москву за новой партией, поддерживая с московскими «рядами» регулярные торговые сношения.

Приложенные таблицы отпуска товаров из Москвы иногородними

⁹¹ Из них отправлены: калужанами — 5 партий, тулянами — 4, путивлянами — 3, орловцем, острогожским мещанином, нежинским жителем, купцом Ново-Хоперской крепости и севчанином по одной, торопчанами — 5, новгородцами — 2 и смоленским купцом — 1.

Таблица отправления иногородними из Москвы товаров «лавочной покупки» «на явленные деньги» по второй и четвертой «половинам» таможенной книги 1740 г

1. Направление товарных потоков

Направление	Пункты, из таможен которых были представлены выписи об уплате пошлин при продаже товаров или об явке товаров	Количество отправленных из Москвы партий товаров
На юг и юго-запад от Москвы — 21 пункт, 106 партий (кроме перечисленных в таблице, пунктами назначения отправленных партий были указаны Чугуев, Валуйки, Крепость св. Анны, Бахмут и Азов, но представленные отправителями таможенные выписи указывали на доставку этих партий в Белгород, Старый Оскол, Воронеж и в двух последних случаях в Острогожск)	Серпухов	6
	Калуга	15
	Тула	17 (одна партия была продана в Туле и в Хоперских казачьих городках)
	Белев	3
	Болхов	4
	Брянск	10
	Свинская ярмарка	6
	Карачев	1
	Мценск	2
	Орел	9
	Кромы	1
	Ливны	1
	Севск	6
	Курск	8
	Обоянь	2
	Рыльск	2
	Белгород	3
	Воронеж	6
	Старый Оскол	2
	Острогожск	2
	Хоперские казачьи городки	(одна партия, которая была частично продана в Туле)
На юго-восток от Москвы (без Поволжья и Оренбурга) — 6 пунктов, 13 партий	Коломна	3
	Переяславль-Рязанский	2
	Скопин	1
	Сапожок	1
	Раненбург	2
	Тамбов	4
В Поволжье (от Н.-Новгорода до Астрахани) и в Оренбург — 9 пунктов, 22 партии	Нижний-Новгород	1
	Макарьевская ярмарка	2
	Казань	1
	Симбирск	2
	Самара	1
	Саратов	4
	Царицын	1
	Астрахань	7
На север и северо-восток от Москвы — 12 пунктов, 28 партий (одна партия, отправленная в Верхотурье, имела пунктом назначения Устюг-Великий)	Оренбург	3
	Переяславль-Залесский	8
	С. Троицкое Переяславль-Залесского у.	1
	Суздаль	1
	Ярославль	4
	Кострома	2
	Галич	1
	Вятка	1
	Вологда	3

Продолжение

Направление	Пункты, из таможен которых были представлены выписи об уплате пошлин при продаже товаров или об явке товаров	Количество отправленных из Москвы партий товаров
Сибирь — 5 партий	Кириллов	2
	Каргополь	1
	Важская Благовещенская ярмарка	1
	Архангельск	3
	Верхотурье и сибирские города	2
Тверское и новгородско-петербургское направления — 13 пунктов, 23 партии	Ирбит	3
	Тверь	1
	Торжок	1
	Новый Торжок	2
	Осташков	3
	Вышний Волочек	1
	С. Зимняя гора	1
	С. Валдай	
	Старая Русса	1
	Новгород	5
	Тихвин	1
	Новая Ладога	1
	Петербург	5
	Олонец	1
На запад от Москвы и в Прибалтику — 10 пунктов, 56 партий (из партий, доставленных в Торопец, Смоленск, Поречье, Духовщину, Порхов и Великие Луки, 8 имели дальнейшее назначение на Ригу, 2 на Нарву и 4 на Дерпт)	Вязьма	4
	Ржева Володимерова	2
	Дорогобуж	1
	Духовщина	1
	Смоленск	16
	С. Поречье	1
	Торопец	22
	Великие Луки	5
	Порхов	2
	Псков	2
Всего 73 пункта . . .		253 партии

2. Отправители

Отправители	Московская цена отправленных товаров (в руб.)	Сколько лиц	Сколько партий товара	Куда отправили товар
Боровска посадские люди . .	50	1	1	Калуга Серпухов (одна партия имела назначение на Курск) Калуга (13), Брянск (9), Свинская ярмарка (4). (Пунктами назначения были указаны также Севск, Курск и Карачев)
Серпуховчане	540	6	6	
Калужане	10934	24	26	

Продолжение

Отправители	Московская цена отпра- вленных това- ров (в руб.)	Сколько лиц	Сколько пар- тий товара	Куда отправили товар
Туляне	6370	18	23	Тула (8), Тула и Хоперские казачьи городки (1), Свинская ярмарка (1), Раненбург (1), Тамбов (1), (пунктами назна- чения были указаны также Ца- рицын, Белгород, Острогожск).
Белевитяне	1139	6	6	Белев (3), Севск (2) Рыльск (1).
Болховитяне	887	6	6	Болхов (4), Рыльск (1), Бел- город (1) (одна партия имела назначение на Чугуев)
Карачевцы	102	1	1	Карачев
Мценска посадские люди . .	286	2	2	Мценск
Орляне	1446	9	9	Орел
Ливенцы	57	1	1	Ливны (партия имела назна- чение на Курск)
Сеевчане	673	1	1	Севск
Курчане	2046	4	5	Курск
Обояни посадские люди . . .	898	1	2	Обоянь
Белгородцы	424	1	1	Белгород
Путивля посадские люди . .	2522	5	5	Курск (3), Калуга (1), Кро- мы (1) (две партии име ли на- значение на Орел)
Нежина „житель“	682	1	2	Севск (одна партия имела назначение на Карачев)
Воронежцы	681	6	6	Воронеж (одна партия имела назначение на Крепость св. Анны)
Старооскольцы	466	2	2	Старый Оскол (обе партии имели назначение на Валуйки)
Острогожские мещане	976	2	2	Острогожск (одна партия имела назначение на Бахмут, другая на Азов)
Новохоперской крепости по- садские люди	571	1	1	Тамбов (партия имела назна- чение на Царицын)
Коломны посадские люди . .	256	3	3	Коломна
Каширяне	146	1	1	Белгород
Переяславля-Рязанского по- садские люди	375	3	3	Переяславль-Рязанский (2), Сапожок (1)
Скопина посадские люди . . .	43	1	1	Скопин
Нижегородцы	133	1	1	Н.-Новгород (партия имела назначение на Казань)
Казанцы посадские люди . .	113	1	1	Казань
Казанского у. татары	644	3	3	Оренбург
Симбиряне	600	2	2	Симбирск
Саратовцы	1176	3	3	Саратов (партии имели назна- чение на Астрахань)
Царицынцы	377	1	1	Царицын
Восточные купцы (армяне астраханский, „шахской“ и „шемахинской“ областей, три индейца)	2585	6	7	Астрахань
Яицкий казак	640	1	1	Саратов (партия имела на- значение на Астрахань)
Переяславля-Залесского по- садские люди	908	7	11	Переяславль-Залесский (8), С. Троицкое Пер.-Залесск. у. (1), Псков (1), Самара (1)

Продолжение

Отправители	Московская цена отпра- вленных това- ров (в руб.)	Сколько лиц	Сколько пар- тии товара	Куда отправили товар
Ростовцы	50	1	1	Ярославль
Суздальцы	108	1	1	Суздаль
Ярославцы	717	5	6	Ярославль (3), Макарьевская ярмарка (2), Вятка (1), (три партии имели назначение на Кострому, Петербург и Казань)
Нерехчане	480	1	1	Ирбит
Костромичи	255	2	2	Кострома
Галичские	40	1	1	Галич
Вологжане	1639	9	9	Вологда (2), Архангельск (1), Важская Благовещенская яр- марка (1), Кириллов (2), Вер- хотурье (1), Ирбит (2)
Каргопольцы	68	1	1	Каргополь
Устюжане	226	1	1	Верхотурье (партия имела назначение на Устюг-Великий)
Архангелогородцы	344	2	2	Архангельск
Тверитяне	300	2	2	Тверь (1), Петербург (1)
Бежецкого Верху посадские люди	102	1	1	Села Зимняя Гора и Валдай (партия имела назначение на Петербург)
Новоторжцы	611	3	3	Торжок (1), Новый Тор- жок (2)
Осташковцы	149	3	3	Осташков
Старорюшане	199	2	2	Старая Русса (1), Вышний Волочок (1)
Новгородцы	3431	8	9	Новгород (6), Олонец (1), Зимняя Гора (1)
Тихвинцы	286	2	2	Тихвин (1), Новая Ладога (1) (одна партия имела назна- чение на Олонец)
Петербургские „жители“	704	4	4	Петербург
Вереи посадские люди	81	1	1	Смоленск
Дорогобужане	150	1	1	Дорогобуж
Ржевы Володимировы посад- ские люди	67	2	2	Ржева Володимирова
Смоляне	1992	6	7	Смоленск (6), Духовщина (1) (одна партия имела назначение на Ригу)
Торопчане	10702	32	38	Торопец (2), Смоленск (8), Вязьма (4), Порхов (2), Псков (1), Поречье (1) (6 партий име- ли назначение на Ригу, 3 на Новгород, 2 на Нарву и 4 на Старую Руссу)
Великих Лук посадские люди	520	5	5	Великие Луки (5) (4 партии имели назначение на Дерпт и одна на Ригу)
Невля „литовский мещанин“	101	1	1	Смоленск (партия имела на- значение на Великие Луки)
	63168	228	253	

купцами на «явленные деньги» составлены по двум сохранившимся частям таможенной книги 1740 г. Из-за дефектности материала цифры таблиц имеют лишь относительное значение, но они дают представление о направлении товарных потоков и об участии купечества разных городов в распределении идущих из Москвы товаров. Намечаются несколько районов. Очень оживленно движение на юг и юго-запад от Москвы, связанное в значительной степени со снабжением товарами Украины и Слободской Украины, мест по Дону, а отчасти и с идущим через Украину экспортом. Здесь выделяются по количеству доставленных партий товара Тула, Калуга, Орел, Воронеж, а также лежавшие на границе с Украиной города — Брянск со Свинской ярмаркой, Курск, Севск, Белгород. Но список городов этого района на нашей таблице пестрит названиями и менее значительных пунктов, что представляет особый интерес. Наряду с поездками в Москву местного купечества, поставляющего товар в свой же город, встречаемся с торговыми операциями другого характера: белевитяне доставили партии товаров не только в Белев, но также в Рыльск и Севск, болховитяне — не только в Болхов, но также в Рыльск и в Белгород с дальнейшим назначением на Чугуев. Купцы Путивля проезжали через Курск на Украину, но продали доставленные из Москвы партии также в Кромах и в Калуге; через Севск провозили на Украину товары севчанин Гостиной сотни Андрей Шереметцев и приказчик знакомого нам по книгам привоза нежинского жителя Юрия Артина. Острогожские мещане отправили по одной партии в Бахмут и Азов, воронежец — в Крепость св. Анны.⁹² Особенно энергично действовали калужские и тульские купцы. 24 калужанина повезли из Москвы 26 партий на 10 934 руб. в Калугу, Брянск и на Свинскую ярмарку, указали также в качестве пунктов назначения партий Севск, Курск и Карачев. 18 туляк привезли 9 партий в Тулу, но доставили товары также на Свинскую ярмарку, в Тамбов, на Троицкую ярмарку в Раненбурге, на ярмарки в Хоперских казачьих городках, назвали пунктами назначения отпущенного товара также Белгород, Острогожск и Царицын.

Некоторые из только-что приведенных указаний относятся уже к другому направлению — на юго-восток и восток от Москвы. Партии, доставленные местными купцами в Коломну, Переяславль-Рязанский, Скопин и Сапожок, намечают ближайшие к Москве пункты в этом районе. Как и более отдаленные Раненбург с его двумя ярмарками — Троицкой и Покровской — и Тамбов, эти места связаны с распределением московских товаров на внутреннем рынке. Места по средней и нижней Волге представлены в нашем списке Казанью, Симбирском, Самарой, Саратовом, Царицыном и Астраханью. Астрахань, куда доставили 7 партий астраханец и шесть восточных купцов — «индейцы» или их приказчики, шемахинской и «шаховой области» армяне, — выделяется как пункт, откуда идет экспорт в Иран. Но доставка московских товаров в другие

⁹² Эти купцы представили платежные выписи таможен своего города.

приволжские города была также рассчитана не только на удовлетворение местного спроса. Через Казань товары из Москвы шли в Оренбург — 3 партии были доставлены туда татарами Казанского уезда для меновой торговли с «киргиз-кайсаками», хивинцами и бухарцами. В Самару доставил транспорт купец Переяславля-Залесского, но провез его дальше — вероятно, на Яик, связанный именно с Самарой.⁹² Из Саратова и Царицына московские товары шли в «калмыцкие улусы», куда «саратовские и других городов купецкие и прочие люди» отъезжали «артелями» «для торгу и мены с калмыки». В «калмыцкой орде» русские торговцы встречались с «хивинцами и бухарцами».⁹⁴

Местными купцами были доставлены партии в пункты к северу и северо-востоку от Москвы — в Переяславль-Залесский и с. Троицкое его уезда, в Суздаль, Кострому, Ярославль, Галич, Нижний-Новгород и далее на север в Вологду, Каргополь и Архангельск. Ярославцы доставили также партию товаров в Вятку и две — на Макарьевскую ярмарку, купцы Переяславля-Залесского — не только в свой город, но и в Псков и Самару, вологжане — на Важскую Благовещенскую и Кирилловскую ярмарки и в Архангельск. Купцы северных городов — в нашем списке устюжанин и три вологжанина — везли из Москвы товары в Сибирь и на Ирбитскую ярмарку.

Северо-западный район представлен не только крупными городами, как Тверь, Новгород, Олонец, Петербург, но и девятью меньшего значения (Торжок, Новый Торжок, Вышний Волочок, Осташков, Старая Русса, Ржева Володимирова, Тихвин, Новая Ладога), а также сельскими пунктами Зимняя гора и с. Валдай, куда новгородец и купец Бежецкого Верха привезли по партии товаров, вероятно, для распродажи в ярмарочное время. В западном районе выделяются пункты, через которые товары из Москвы шли в Прибалтику, за польскую границу, в Ригу и Нарву. Это прежде всего Торопец, куда были доставлены 22 партии, и Смоленск (16 партий), затем Поречья пристань на Каспле, Вязьма, Великие Луки, Порхов, Псков. В этих местах особенно деятельны были торопчане: 32 торопецких купца отправили из Москвы 38 партий на 10 702 руб., доставили транспорты в Торопец, Смоленск, Вязьму, Порхов, Псков и Поречье с дальнейшим назначением 8 партий на Ригу и Нарву.

Изучая состав отпуска товаров из Москвы, особо рассмотрим партии, рассчитанные на распродажу на внутреннем русском рынке, и особо — идущие на окраины и на экспорт. Для первых характерно однообразие подбора товаров независимо от района, в котором расположен пункт назначения партии. Обычно иногородние купцы, «явив» в таможне на покупку сумму в 100—200 руб., покупали в лавках «рядов»

⁹² М. Чулков. Словарь учрежденных в России ярмарок, М. 1788, под словом «Самара».

⁹⁴ ЦГАДА, дела Сената по доимочной комиссии, т. 2/951, №№ 7, 8.

Китай-города целые ассортименты товаров в 40—60 и более названий. В составе партий преобладали изделия. В каждом ассортименте обычно были: материи, готовая одежда и головные уборы, обувь и кожаный товар, наборы всевозможной галантереи, металлические изделия, металлическая посуда, часто книги, бумага и писчебумажные принадлежности, затем москательные товары, колониальные и бакалейные товары; в партиях, направленных на запад, юго-запад и северо-запад от Москвы, нередко еще были рыба и икра. Ясно, что это набор товаров, рассчитанный на розничную продажу, своего рода коробейничество в крупных размерах, в иных случаях, вероятно, и в прямом смысле коробейничество. Состав расхитившихся из Москвы по русским городам, ярмаркам, иной раз и селам транспортов различался не столько по рубрикам набора, сколько по качеству и ценам товаров, в зависимости от того, на какого потребителя рассчитывал преимущественно купец: на жителей более крупных городов, покупателей дворянской среды или на рынок небольшого городка и на крестьянский рынок.

Познакомимся подробнее с характером отпуска товаров из Москвы иногородними купцами на нескольких примерах.

Новгородец Андрей Естифеев сын Калашников «явил» в Московской таможне в декабре 1740 г. 420 руб. денег и отпустил на них до Олонца партию товара. В апреле 1741 г. он снова появился в Москве, представив выпись Новгородской таможни об уплате при продаже товара установленных пошлин. В отпущенной им партии были товары 70 различных названий; в разделе материй — крашенина, пестредь и «холст ровный ивановский»; в разделе одежды и головных уборов — «штаны замшенные», «портки пестрые», малахаи лисьи, шапки «поповские с бобром» и шапки «с овчинками», шляпы из заячьего пуха и шляпы «шерстяные плохие», перчатки «шубные», «замшенные», рукавицы козлиные. Разнообразен набор галантерей: здесь платки, ленты, прошвы, кружево мишурное, шнуры, нитки цветные и белые, пояса нитяные и шерстяные, гребни костяные, кошельки оленьи с замочками, «звездка медная», «канитель», крючки, камешки сережные, пуговицы гарусные, медные и оловянные, запонки медные и оловянные; в разделе мелких металлических изделий, кроме уже названных пуговиц и запонок, перстни медные, оловянные и свинцовые, цепочки медные, пряжки медные, наперстки медные и железные, ножницы, кресты медные, шилья сапожные, рожки жестяные; около 9 пудов железа «в деле» и олова «в деле», вероятно, посуды; разнообразен набор москательных товаров; для церковных и учебных нужд в партии несколько «Новых заветов», часовников, требников, поминаньев, «псалтыри учебные»; упомянем не вошедшие в предыдущие разделы пузырьки стеклянные мелкие, щетки платяные и сапожные.

Очень близки по составу и другие проданные в Новгороде партии, конечно, дающие варианты в деталях. По ним можно дополнить приведенный список такими товарами, как кумачи, сукно, байка шерстяная,

«каламенок московский», грезет, чепцы мишурные, подзатыльники⁹⁵ с мишурой и золотом, туфли мужские и женские, башмаки, сапоги «немецкие», чулки «немецкие», портупей, кортики, ножны шпажные, седла с прибором, серебряные запонки, сережки и перстни, иглы «российские», зеркала, свечи восковые, ладан, карандаши и даже «погремушки детские жестяные» и «пикульки» (т. е. свистульки) детские.

Очень близка по составу новгородским транспортам партия, отправленная калужанином Овсянниковым в Калугу, но в ней разнообразнее раздел головных уборов, где, наряду с «подзатыльниками мишурными» и чепцами «ветошными и новыми» стоят кокошники кумачные и камчатные. Это партии, предназначенные к продаже в крупных торговых пунктах и городах.

Выберем город меньшего значения. В двух небольших партиях на 68 и 115 руб., проданных серпуховчанами в Серпухове, пестрядь, выбойка холщевая, полукаламенок, китайка, кумачи, «шапки крестьянские ветошные», шапки русские и «немецкие», «шляпы коровьи, кокошники кумачные и китайчетые», «ожерелки бобровые и голицы барановые», «туфли телятинные женские», черевички, кушаки, пояса нитные, шнурок гарусный и нитный, прошвы и кружева мишурные, кружево нитное белое и красное, тесьма шелковая, шелк, бумага красная, нитки, ленты «сырцовые», гребни роговые, «пронизки», бисер, пуговицы «крестьянские медные» и пуговицы с финифтью, камушки граненые, запонки и серьги медные мелкие, перстни медные, кресты медные, иглы русские, стаканы оловянные «польские», замки «разных рук», разные гвозди, лейки жестяные, гремушки детские, металлы «не в деле» — сталь русская, уклад, жесть, разные москательные товары, ладан и деревянное масло, семя огуречное, перец, бумага писчая и оберточная.

В описанных и подобных партиях товаров различаются группы предметов и изделий, рассчитанных на потребности определенных слоев населения. Легче всего проследить это на готовой одежде и головных уборах, так как «немецкая» (не по месту изготовления, конечно, а по покрою) одежда предназначалась прежде всего для покупателей из дворянской среды. К этой группе относятся камзолы суконные по 2 руб. штука,⁹⁶ шубы по 3 с полтиной, «штаны замшенные» по 1 руб. 30 коп., сапоги «немецкие» по полтине пара, туфли и башмаки мужские (для такого рода обуви предназначены пряжки башмачные медные), чулки «немецкие», кортики, шпаги, ножны шпажные, шляпы из заячьего пуха по 45 коп. штука, пуговицы «волоченые» по 2 руб. пара, пуговицы гарусные, перчатки замшевые по 40 коп. пара; из предметов дамской одежды: «юбки фижменные» по 65 коп., чепцы — обычно мишурные или

⁹⁵ По «Словарю Академии Российской», т. IV — «род украшения сзади головного старинного, а ныне престолярного женского убора». В документах XVIII в. упоминаются «подзатыльники белевские».

⁹⁶ Всякий раз указывается московская цена, а не продажная, местная, которую московские таможенные книги не отмечают.

камчатные с мишурой недорогие, копеек 8 за штуку, но иногда и более изысканные, например, парчевые по 50 коп., бархатные с позументом золотным по 40 коп., капоры камчатные с серебряными сетками по 35 коп., сетки серебряные и золотые для причесок. С дворянским бытом связаны такие обычные в ассортименте товары, как бумажки пудры (для париков и причесок), крючки «лакейские», пуговицы «лакейские», гвозди «каретные» и «колясочные», хрустальная посуда, карты. Для этой же среды и зажиточных городских слоев везли из Москвы в провинцию сахар простой и сахар леденец по 6—7 руб. пуд, кофе по 18 коп. фунт и «ренское» вино. Для посадского населения города или близких к нему по быту верхов крестьянства предназначались одежда и головные уборы русского покроя, но недоступные по цене бедным слоям. К таким товарам можно отнести шапки с «калмыцкою овчинкою», т. е. с мерлушкой, по 90 коп. штука, малахай лисьи по 60 коп., спанчи китайчатые по 2—3 руб., шубы овчинные по рублю, душегрейки и телогрейки и разные женские русские головные уборы. Наряду с простыми кумачными кокошниками по 4—5 коп. штука и дешевле в ассортименте товаров встречаются кокошники камчатные, атласные, луданные, «банберековые», кутневые, без отделки и с отделкой мишурой или золотным позументом, по 30 коп. и дороже, «косники золотные на шелку», подзатыльники золотные с мишурой, очелья, шитые золотом девичьи повязки.

Но большее значение имеет другая сторона отпускной московской торговли: расхажившие по разным концам страны ассортименты товаров включали товары самого широкого потребления, и, несомненно, значительная часть их шла в деревню. В этом убеждают не только примеры продажи московских партий в сельских пунктах, не только постоянное присоединение к некоторым сортам товаров эпитета «крестьянский», но и сравнение состава ассортиментов таможенных книг с перечислением товаров русских сельских ярмарок в источниках XVIII в.,⁹⁷ или со списком товаров, названных «крестьянскими» в официальном документе,⁹⁸ наконец, назначение ряда предметов именно для сельского быта. Вот список закупленных в Москве в 1740 г. товаров, которые были проданы купецким человеком Бежецкого Верху Иваном Сахарниковым в селах Зимняя гора и Валдай (московская цена всей партии — 102 руб.): пестрядь сандальная, выбойка набивная, крашенина синяя, киса шерстяная, полукаламенок «московской работы», шапки «крестьянские с русскою овчинкою» (по 9—10 коп. штука), шляпы овечьи, шляпы «кораблики» суконные, штаны телятинные, портки пестрые сандальные, вареги овечьи и коровьи, рукавицы барановые, чулки ярославские русские, кушаки шерстяные и нитные, башмаки и туфли барановые,

⁹⁷ См., напр., у М. Чулкова. Словарь учрежденных в России ярмарок, М. 1788, описание сельской ярмарки в с. Коковино Дмитровского у. Московской губ.

⁹⁸ ПСЗ, т. XIV, № 10486, Таможенный устав 1755 г.

сапоги телятинные, сандал, белила, скипидар, масло деревянное, бумага писчая. Несомненно, в деревню шли кафтаны русские серые, сермяжное сукно, кушаки армяжьи, «пуговицы крестьянские медные», кресты медные по копейке штука и дешевле, перстни медные по 10—30 коп. сотня, колокольчики медные дутые по 3 коп. дюжина, иглы русские по 50 коп. тысяча, булавки, наперстки железные по 3 коп. сотня, простые кумачные кокошники по 4—5 коп., подзатыльники по копейке штука, простые косники по $\frac{1}{2}$ копейки, гребни роговые по копейке, ленты «московских фабрик», которые в документах XVIII в. так и называются «деревенскими», дешевые платки и дешевые шелковые и полушелковые материи, бумага пряденая, «пронизки стеклянные», ножи, ножницы, замки, гвозди, сковороды, сохи пахотные, тележные втулки и поддоски, разные гвозди и т. п.

Несколько партий таможенных книг 1740 г., направленных в пункты центральной России, отличаются, однако, от обычного ассортимента. Так, приказчик новоторжца Ивана Алексея сына Гайтанникова отвез из Москвы в Новый Торжок 220 пудов «железа сибирского» на 120 руб. У Гайтанникова близ Торжка был небольшой молотовый «железный» завод, открытый в 1724 г. и прекративший действовать около 1752 г. за истощением местных руд.⁹⁹ Очевидно Гайтанников переходил к покупке на московском рынке сибирского железа, которое и отправлял в свои места для продажи. Посадский человек Переяславля-Залесского Филипп Фадеев купил в Москве за 190 руб. 10 кубов (вероятно, медных) для своего «завода» (какого, не указано) в с. Троицком Переяславского уезда. Два тулянина купили: один — 7, а другой — 30 «мехов малых, что уголья раздувают», по 9 коп. штука, а также уклад, сталь, дощатое железо и жечь. Таким образом, к московскому рынку обращались промышленники провинции для оборудования своих заведений или закупки материалов. В тех же тульских партиях большой набор железных изделий, в том числе «ножницы московской работы железные» и «замки висячие тверские». В этом особенно ярко сказалась дифференциация районов: Тула — большой центр металлообрабатывающей промышленности, но со специализацией в оружейное дело и нуждается в железных изделиях других районов.

На окраины — в Сибирь, «в калмыцкие улусы», на Украину — шли партии товаров, близкие по ассортименту тем, которые предназначались для центральной России, но с некоторыми особенностями для каждого из этих трех направлений.

В Сибирь, наряду с товарами обычного и для Европейской России ассортимента, рассчитанными, очевидно, на русское население Сибири, в том числе и на дворянскую, чиновничью и военную среду, отправляли особенно много мелких металлических изделий и мелких зеркал — ве-

⁹⁹ П. Любимов. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России, Л., 1937, стр. 51, 154, 254.

роятно, для меновой торговли с коренным населением. Зеркала шли также на экспорт в Китай.

Из разнообразного состава партий товаров, отпускавшихся на Царицын и Саратов, трудно выделить именно те, которые провозились далее за Волгу в «калмыцкую орду». Туда везли «разные российские товары», в том числе галантерею и металлические изделия, но особенно требовались в «орде» кумачи, китайка, бархат зеленый и красный, сукна простые и тонкие «аглицкие». О том, какие товары шли на Украину, можно судить по партиям товаров, проданных на Свинской ярмарке, и в «пограничных» с Украиной городах — Севске, Курске, Брянске. От ассортимента знакомых нам партий, предназначенных для центральной России, они отличаются преобладанием таких товаров, как полотно ивановское, крашенина, пестрядь и китайка — обычно «московской перекраски», затем обуви — мужских сапог и женских башмаков и разных кожаных изделий. Наконец, на Украину шли в значительном количестве меха, особенно дешевые заячьи; наборы галантереи, металлических изделий, москательных и колониальных товаров повторяют обычные перечни. Таким образом, Сибирь, «калмыцкая орда», Украина давали Москве сырье — меха, кость, кожи, шерсть и т. д., а получали преимущественно промышленные изделия, в разнообразном ассортименте, иной раз переделанные именно из того сырья, которое окраины поставляли: украинское население носило обувь, сделанную в Москве из шедшей с Украины же кожи.

От партий товаров, предназначенных для розничной продажи в центральной России и примыкающих к ней окраинах, отличаются те, которые шли для экспорта в дальние места: обычно это не ассортимент, а партия однородного товара или составленная из нескольких рубрик. Таких немного — иногородние купцы, видимо, не принимали большого участия в отправке из Москвы товаров иностранного потребления. Через Астрахань восточные купцы отправляли в Иран купленные в Москве сукна, бархат, мишуру и позументы, металлические изделия, ларцы, обитые жестью, моржевую кость, кирпичный чай, сахар. Три татарина Казанского уезда купили для отправки в Оренбург товаров на 644 руб. — в их транспортах были тонкие голландские сукна, сукно корновое, крашенина синяя и крапивная, зеркала малые, хрустальные пронизки и меха выдры. Несомненно, для экспорта предназначались партии вологжанина Колесова, пославшего в Архангельск 380 пудов грив конских на 171 руб., тверича Митрофанова и петербуржца Попова, купивших в Москве для отправки в Петербург один 600, а другой 1560 пудов коровьей шерсти на 84 и 234 руб. В составе партий, шедших за границу через Смоленск, Торопец и другие западные города, меха: горностаевые, соболя, бельи, рысьи, лисьи, волчьи, заячьи, медвежьи, песцы, мерлушка русская и калмыцкая, меховые шубы; полотно ровное, крашенина, китайка, обычно «московской перекраски»; рыба, икра, вязига. Иногда отправлялись партии на крупные суммы. Так, торопчане

Антонов и Родион Сочнев купили в Москве и продали в Вязьме по партии мехов и китайки один на 1241 руб., другой на 929 руб. (по московской цене). Но за западную границу шли и ассортименты обычного состава. Смольнянин Иван Федоров сын Щедрин в сентябре 1740 г. купил в московских лавках партию товара на 173 руб., а в ноябре того же года уже представил в Московскую таможенную выпись Смоленской пограничной таможни об уплате пошлин. В его транспорте товаров были: полотно ровное, крашенина, пестрядь полосатая, байка, нитки, платки, шнурок нитный, тесьма, сетки и позументы мишурные, шляпная обшивка, нитные чулки, гребни роговые, зеркала круглые, кольца, пуговицы и колокольчики медные, пронизки, 300 замков «тверских», москательные товары, сахар, чай, кофе, корка померанцевая, наконец, бумага писчая, псалтыри учебные и карты «русские». Торопчанин Лехов отгравил с назначением до Риги и провез через таможенную Порецкой пристани партию на 72 руб. — в ней ивановское полотно, крашенина гладкая и набойная, «шляпы плохие коровьи», «шапки с русскими овчинками» (обычно называвшиеся «крестьянскими»), мерлухи простые, шнурок гарусный, зеркала четырехугольные «плохие», гребни роговые, запонки, серьги, перстни и кресты медные и оловянные, лейки жестяные, гвозди, сталь «московская», щеты «малой руки», москательные товары, семя огуречное и морковное. Упоминания в составе подобных партий медных и оловянных крестов, предметов православного культа — кадил и лампад, «учебных» псалтырей и азбук, отправка из Москвы через Смоленскую пограничную таможенную такого же ассортимента «литовским мещанином г. Невля» белоруссом Семеном Петровым сыном Быховцем не оставляют сомнения в том, что население Белоруссии снабжалось из Москвы через границу теми же товарами, что и население великорусских и украинских городов и сел.

Иногородний купец, отпустивший товар из Москвы, платил в Московской Большой таможене половину установленной с рубля пятикопеечной пошлины и был обязан представить туда же таможенную выпись об уплате остальной половины при продаже товара. Случаи непредставления такой «платежной выписи» очень редки. Очевидно, купцы хорошо знали свой, местный рынок, его потребности, его емкость; распродав закупленную чаще всего небольшую партию, они возвращались в Москву за новой покупкой. Но насколько самостоятельны были торговые операции иногородних купцов по снабжению провинции и окраин московскими товарами?

Отдельные примеры показывают, что московские купцы давали иногородним товары в кредит, под вексель или под заемное письмо. Например, в 1720 г. саратовский солдат Алексей Неклюдов, состоявший при калмыцком хане Аюке саратовский дворянин Яков Микулин и человек саратовского коменданта Дмитрия Бахметьева Федор Калмык, торговавшие в Калмыцкой орде, получили в Москве у Гостиной сотни Степана Еремеева сына Цынбальщикова товаров на 1150 руб. под «общее»

письмо.¹⁰⁰ В 1768 г. саратовский купец Василий Михайлович Баженов взял у московского купца Михаила Михайловича Гребеньщикова партию сукна в долг, дав вексель на 664 руб.¹⁰¹ Таможенные книги не раскрывают подобного рода отношений, но дают другого рода указания. Отпуская товар из Москвы, иногородний купец должен был представить поручителя в том, что он уплатит положенные таможенные пошлины. Поручители в таможенных книгах — всегда московские купцы, вероятно, поручительство иногороднего не принималось. Вопрос о составе поручителей и об их связях с иногородним купечеством требует углубленного изучения на широком материале. Ограничимся здесь несколькими наблюдениями.

Выбор поручителя не был случаен. В этом убеждает устойчивость связей москвичей с иногородними купцами, за которых они ручаются. Так, по таможенной книге 1740 г. московские купцы Корнеевы, Дмитрий Михайлов и Матвей Федосеев, торговавшие в Москательном ряду, постоянно выступают поручителями купцов-торопчан, а купец 2-й гильдии Игольного ряда Федор Сушили́н — туля́н и калужан. Когда известный нам купец 1-й гильдии Скорняжного ряда Иван Журавлев в трех случаях оказывается поручителем купцов-торопчан, отпускающих меха через западную границу, можно предполагать, что торопчане получали из его лавок товар в долг или были его торговыми агентами по сбыту мехов, закупленных Журавлевым из сибирских и оренбургских партий. В этом случае поручитель — торговец именно тем товаром, который иногородний купец отпускает. Но встречаются и другие случаи: в 1740 г. яицкий казак Василий Неустроев, саратовские купцы Иван Федоров сын Калабзаров и его отец Федор Михайлов сын Калабзаров отпустили до Саратова на «явленные деньги» три партии товара обычного разнообразного ассортимента. Поручителем Неустроева был московский купец 1-й гильдии Лука Карнаухов Икорного ряда, Калабзаровых — москвич 2-й гильдии Козьма Филиппов сын Плаксин, торговавший на Гостином дворе рыбой. Здесь связь вызвана конечно тем, что и Неустроев и Калабзаровы доставляли из Саратова в Москву рыбу и икру, как узнаем из книги Московского Соляного рыбного двора. Повидимому, Неустроев и Калабзаровы занимали у Карнаухова и Плаксына деньги на покупку в Москве товаров, а расплачивались со своими кредиторами рыбой, теряя возможность льготной покупки московских товаров на «товарные деньги».

Отпускная торговля московских купцов дается опять-таки по отрывочным материалам. «Московских отпускных книг» от 1740 г. совсем не сохранилось. От 1737 г. дошла четвертая половина «Книги отпускной московских жителей лавочной покупки», но дефектная, без конца (из 576 страниц сохранилось 418): от 1739 г. — «Книга записная отпускным

¹⁰⁰ ЦГАДА, дела Сената по Астраханской губ., № 5/93.

¹⁰¹ ЦГАДА, книги Саратовского магистрата, в. 2, № 16/84.

из Москвы фабричным товаром», ссылки которой показывают, что параллельно велась еще одна «фабричная книга», до нас не дошедшая. Истользованы также отдельные указания за разные годы на отпуск товаров москвичами «с Гостиного двора».

Отпускная торговля москвичей отличалась от отпуска иногородних и по основным направлениям товарных транспортов, и по их составу, и по объему. В то время как иногородние купцы везли из Москвы главным образом небольшие сборные партии для розничной продажи в своем городе, московские купцы и фабриканты отпускали товар преимущественно для экспорта большими транспортами однородного состава, а партии, предназначенные для внутреннего русского рынка, направляли на ярмарки. В сохранившейся четвертой половине отпускной книги московских жителей «лавочной московской покупки» 1737 г.¹⁰² записано 212 партий, отправленных с 22 января по 30 декабря 165 московскими купцами в 44 пункта. На первом месте по количеству отправок стоит Петербург, куда пошло 46 партий, да еще одна в Кронштадт. В Архангельский порт были посланы две партии. Для экспорта через западную границу москвичи посылали товары на Смоленск (11 партий), Дерпт (5 партий), Псков, Вязьму и Можайск (по одной партии), но главным образом на Ригу (15 партий). Большое количество транспортов пошло в пограничные с Украиной города — в Курск (29 партий), Севск (18 партий), Белгород (3 партии). В ряде случаев купцы представили платежные выписи пограничных таможен этих городов, т. е., видимо, проехали с товарами за границу. Одна партия с назначением на Астрахань была продана в Царицыне, партия с назначением на Казань пошла далее, вероятно, в Оренбург. Транспорты, направленные на Саратов и Самару (3), скорее всего пошли в калмыцкие улусы: имеем известия о том, что москвичи приезжали в калмыцкие кочевья, а оттуда, присоединившись к хивинским караванам, проезжали «с торгом» и в Хиву.¹⁰³ Партия с назначением на Верхотурье и Тобольск была продана в Новом Усолье. 51 партия были посланы на ярмарки, как крупные — Макарьевскую (26 партий), Раненбургские Троицкую (8) и Покровскую (5), Коренную (3), Свинскую (2) и Ирбитскую (1), так и меньшего значения — у Пафнутьева монастыря в Боровске, у Троице-Сергиева монастыря в Клементьевской слободе, Кинешемскую Воздвиженскую, Нижне-Ломовскую, в Шацком уезде Тамбовской губ., в Хоперских казачьих городках (по одной партии). Посылки в пункты внутренней России, но не на ярмарки — единичны. Аналогичная картина рисуется отпускной фабричной книгой 1739 г.¹⁰⁴ В ней перечислены 59 партий, отправленных 15 московскими фабрикантами, заводчиками и купцами. В 39 случаях место назначения транспортов — Петербург, в трех случаях — Архангельск, в двух — Астрахань. В пограничные с

¹⁰² Тамож. книга № 72/824, 1737 г.

¹⁰³ ЦГИАЛ, Дела Комиссии о коммерции, № 314 (по Кайданову). л. 225 и сл.

¹⁰⁴ Тамож. книга № 86/838, 1739 г.

Украиной города были направлены: в Брянск, Севск и Белгород по одной партии, в Курск — две. На ярмарки Макарьевскую, Раненбургскую, Свинскую, Коренную и Тихвинскую пошло 10 транспортов, причем некоторые из них должны были обойти по несколько ярмарок, происходивших в разное время года, например, Раненбургскую Троицкую, Макарьевскую, начинавшуюся в конце июня, и Свинскую около Брянска, начинавшуюся в сентябре, или Коренную около Курска, весеннюю, Раненбургскую Троицкую и Макарьевскую.¹⁰⁵ Составленный по двум указанным книгам список ярмарок, куда посылали товары московские купцы и фабриканты, можно пополнить отдельными ссылками на отправку ими партий на ярмарки в Веси Егонской, Новой Ладоге, на Важскую Благовещенскую.

Предназначенные для экспорта товары шли из Москвы уже упакованными — в кипах, ящиках или бочках. «Содержатели» московских полотняных и парусных фабрик отправляли парусное полотно, суровые полотна, льняной каламенок, ревендук, тик, «фламское полотно», скатерти и салфетки на Петербург, а парусное полотно также на Архангельск. По «фабричной книге» 1739 г. полотняный фабрикант Андрей Никонов послал 4 партии в Петербург и одну в Архангельск, Егор Овошников — 3 партии в Петербург, первогильдейские купцы Иван Володимеров и Ефим Денисов — 4 партии полотен и других льняных изделий, «покупных на российских фабриках», а известный полотняный фабрикант Иван Тамес — 15 партий в Петербург и 3 в Архангельск, присоединив к изделиям своей фабрики также покупные. Данила Земской отправил со своего завода в Петербург перечищенную щетину, лошадиные хвосты, козлиный волос, заячины, в Курск — меха, а в Астрахань — красные кожи; другой кожевенный заводчик Лука Капустин — 457 тюков кож красных и белых с назначением в Петербург, владелец замшевых заводов в Москве и Алатырском уезде Леонтий Симонов — 1 тыс. козлин, переделанных в замшу на его алатырском заводе. Владельцы московских салотопенных заводов отправляли для экспорта через Петербургский порт перетопленное сало в «лагунах», по одному или по два лагуна на возу. Вот несколько примеров, относящихся к 1741 г. Иван Баташов отправил 64 лагуна, Василий Рогов — 32 лагуна и 71 лагун, 2-й гильдии Василий Мясников послал два обоза в 46 и 25 лагунов в Петербург и обоз на 26 возах в Архангельск.¹⁰⁶ Это экспортный товар. Иного назначения 6 партий, отправленных в Петербург в 1739 г. кожевенным заводчиком Иваном Железниковым: он поставил в Адмиралтейскую коллегию шестью партиями 17 150 пар солдатских сапог и 18 030 пар солдатских башмаков на 10 466 руб. В ту же Коллегию поставил москвич 2-й гильдии Осип Никифоров 3400 поярковых

¹⁰⁵ М. Чулков. Словарь учрежденных в России ярмарок. За отсутствием сведений не ясно, была ли связана с ярмаркой посылка одной партии в июле в Арзамас.

¹⁰⁶ Тамож книга, № 99/851, 1741 г.

шляп и 24 400 портищ белых костяных пуговиц. Шелковые фабриканты Алексей Милютин и Алексей Панфилов, отправившие в Белгород, Брянск и Курск изделия своих фабрик — ленты, платки и позументы, вероятно, предназначали их для Украины. «Содержатель» суконной и бумажной фабрики Иван Полуярославцев отправил через Севскую пограничную таможенную 1040 стоп писчей бумаги на 832 руб.

По данным отпускной книги «лавочной покупки» 1737 г., московские купцы посылали в Петербург партии полотен, холста, пестреди, льняной пряжи, готовой обуви, чищеной шерсти, щетины, грив и хвостов, заячины и других мехов, бадьяна, темьяна и макового масла, хмеля, икры и рыбьего клея; через Ригу, Дерпт, Смоленск и другие западные города — преимущественно китайку, часто «московской перекраски», и меха, как дорогих сортов (горностаевые, собольи, песцов, мерлушку), так и простые (бельи, заячьи и др.); пух, перья, обувь, в том числе «матросские пантуши», а также икру и сальные свечи. Через пограничные с Украиной города для Украины и для экспорта московские купцы отпускали партии мехов, китайки, крашенины, набойки, пестреди, серебра «в деле», готовой обуви, лент, шелковых изделий и бумаги московских фабрик, рыбы, реже наборы товаров, с большим количеством в каждой партии тех же материй и обуви.

Приведу примеры отпускной торговли московских купцов через пограничные города.

Первой гильдии Петр Носырев отправил 11 февраля 1737 г. в Петербург 12 500 аршин холста и 100 пудов льняной пряжи на 460 руб. 1-й гильдии Иван Митрофанов сын Володимеров 28 февраля отпустил туда же 215 кусков парусного полотна и 33 пуда витой гривы на 665 руб., а 8 марта — 20 кусков того же полотна, 110 пудов темьяну и 114 пудов лимонной корки; это две из отправленных Володимеровым в 1737 г. в Петербург партий, которых было не менее шести. Гостиной сотни Данила Томплин послал через Петербургский порт за границу 13 тюков готовой обуви на 900 руб. — 2 тыс. пар сапог и 2 тыс. пар мужских башмаков. Гостиной сотни Федор Коробейников и его сын Алексей 1 марта отпустили по партии товаров, одну в Ригу на 2104 руб., другую в Смоленск на 1400 руб.; в каждой было по 50 пудов бадьяна, по 100 тюней китайки и меха: горностаевые, собольи, песцовые, лисьи, «ширинские» овчинки, т. е. привозная из Ирана мерлушка. Гаврила Журавлев отправил на Ригу партию белых и лисьих мехов и 106 сороков горностаев на 1600 руб. 1-й гильдии Иван Антипов сын Шелковников, торговавший в Сапожном ряду, отпустил в 1737 г. также в Ригу не менее двух партий — 23 января на 1200 руб. и 28 сентября, обе одного и того же сборного состава с большим ассортиментом обуви; 22 января он поручился за купцов 3-й и 2-й гильдии Нагибина и Синицына, отправивших в Ригу аналогичные партии на 420 и 325 руб., а 24 декабря — за купца 3-й гильдии Зеркова, поехавшего в Белгород; весьма вероятно, что Нагибин, Синицын и Зерков были торговыми аген-

тами Шелковникова или получали товар из его лавок в кредит. Приказчик 1-й гильдии Андрея Кустова повез в Севск 12 сороков соболей, купленных за тысячу рублей «из Сибирского приказу». 1-й гильдии Гаврила Завьялов, торговавший «отъездными торгами», повез через Курскую пограничную таможенную партию беличьих и заячьих мехов и 96 тюней китайки на 870 руб. и поручился за купца 3-й гильдии Фряскина, который должен был ехать на Тобольск через Верхотурье с партией солдатских сукон и «немецких» игол на 106 руб.¹⁰⁷, вероятно, по поручению Завьялова, которому связи с Сибирью были нужны для торговли мехами и китайкой через Украину.

Приведенные примеры отражают операции преимущественно первогильдейского московского купечества. Большинство отпускали товары на крупные суммы без представления поручителей в уплате пошлины, как пользовавшиеся в Большой Московской таможне доверием. Из 212 партий сохранившейся четвертой части «отпускной московской книги» 1737 г. 50 были отправлены 36 первогильдейскими купцами; 127 партий отпустили купцы 2-й гильдии и 35 — 3-й гильдии, для которых представление поручителей было обязательно. Преобладание купечества 2-й и 3-й гильдий в отпускной книге «лавочной покупки» объясняется тем, что видные купцы отпускали товары чаще «с Гостиного двора», а не из лавок. Но случаи поручительства первостатейных за купцов 2-й и 3-й гильдии позволяют предполагать, что последние не всегда были самостоятельны в своих отпускных операциях, а получали товары в кредит от поручителей.

Из числа московских «фабрикантов» системой ярмарочной торговли пользовались для распространения своих изделий на внутреннем рынке прежде всего владельцы шелковых фабрик. Все 10 транспортов, отпущенных на ярмарки по «фабричной» книге 1739 г., принадлежали именно шелковым фабрикантам. Алексей Милютин отправил транспорты: 28 февраля на Тихвинскую ярмарку, 13 мая на Коренную, 31 мая на Раненбургскую Троицкую, 24 июня на Макарьевскую; обычный ассортимент изделий его «лентной и позументной фабрики»: ленты, золотые и серебряные позументы и сетки, шнурок, перевитый золотом и серебром. «Остальной» от продажи на ярмарках товар был привезен приказчиками обратно. Данила Земской послал на Троицкую Раненбургскую ярмарку ленты, шелковый шнурок, цветной шелк и бисер. Семен Волосный отправил 5 больших транспортов, соединив изделия своей фабрики с покупными; в его ассортименте разные ленты, платки, шелковые материи, позументы и сетки, шелковые и гарусные чулки, колпаки, веера. Одна его партия обошла последовательно Раненбургскую, Троицкую, Макарьевскую и Свинскую ярмарки, другая — Коренную, Раненбургскую Троицкую и Макарьевскую. Большая партия была послана с двумя сидельцами специально на Макарьевскую ярмарку, одна — на

¹⁰⁷ Фряскин представил выпись таможни Нового Усоля.

Свинскую и одна на Раненбургскую Покровскую. Каждый раз на ярмарке была продана лишь часть товара, а «осталой» возвращен в Москву.

Судя по данным «отпускной фабричной книги» 1739 г. ярмарочная торговля этого года не была для московских фабрикантов очень удачной. Еще менее благоприятной была обстановка 1737 г. — предшествующие неурожайные годы и турецкая война, видимо, налагали на обороты внутреннего русского рынка свой отпечаток.

Начнем обзор ярмарочной торговли московских купцов с отпусков на местные, небольшие ярмарки, чтобы перейти затем к более крупным и закончить Макарьевской ярмаркой. Дефектность материала¹⁰⁸ не позволяет дать полной картины, но характер ярмарочных связей московского купечества выясняется достаточно отчетливо.

Второй гильдии Иван Васильев Романов 6 июня отпустил на Боровскую ярмарку у Пафнутьева монастыря 11 700 аршин «покроми по цветам» по 3 руб. 10 коп. тысяча — на 35 руб.; вернулся он через неделю, продав 4 тыс. аршин. 14 июня москвич 2-й гильдии Василий Иванов сын Протопопов повез на ярмарку в Клементьевой слободе Троице-Сергиева монастыря 16 фунтов «серебра в деле» на 256 руб., продал полтора фунта, остальное привез к началу июля обратно в Москву. Иного характера была партия на 125 руб., отвезенная на Воздвиженскую ярмарку в Кинешме купцом 3-й гильдии Антоном Мушниковым под поручительством также третьегильдейского купца Игольного ряда Якова Роговикова; это ассортимент главным образом галантереи и мелочи: прошвы белые и красные, шнурок шерстяной, шелковый и мишурный, нитки и красная «македонская» пряденая бумага, 80 аршин каламенка шерстяного «московской работы» по цене около 4 коп. аршин, 40 китайчатых кокошников на 1 рубль, 100 кумачных подзатыльников с мишурой на 70 коп., 4 дюжины «французских» круглых зеркал по 30 коп. дюжина, булавки, пуговицы медные, «звездка медная», наперстки железные, 2 дюжины очков на 36 коп., медные и оловянные цепочки, 4 тыс. медных крестов, 30 фунтов окладов и венцов медных и, наконец, 1 пуд «горючей серы». Остались непроданными шелковый шнурок, «македонская» бумага, нитки, цепочки, наперстки и пуговицы. Этот случай — пример коробейничества. Совершенно такого же характера партии, которые повезли 7 сентября на ярмарки в Хоперских казачьих городках купцы также 3-й гильдии Русаков (на 64 руб. 20 коп.) и Гаврилов, под поручительством купцов Игольного ряда 3-й гильдии Коротнева и 2-й гильдии Матвеева. Вернулись они 26 октября, доставив непроданный товар обратно. Партия, отвезенная на ярмарку в Шацком уезде 2-й гильдии Стекольниковым под поручительством купца 2-й гильдии Сурожского ряда (10 тюней китайки и 9 косяков голей и полуголей на 150 руб.), была продана целиком, как и транспорт железных изделий на ту же цену, отправленный купцом 1-й гильдии Борисом Струговщи-

¹⁰⁸ Тамож. книга № 72/824, 1737 г.

ковым на Нижне-Ломовскую Казанскую Богородицкую ярмарку. В нем было 300 кос сенокосных рижских, 415 котлов и котликов и «веретенный уклад».

Более широкое значение имели две ярмарки в том же Тамбовском районе: Раненбургская Троицкая — весенняя и Раненбургская Покровская — осенняя. По «отпускной книге» 1737 г., на Троицкую было отправлено 8 партий, одна купцом 1-й гильдии, 5—2-й гильдии и 2—3-й, на разные суммы от 50 до 878 руб. и разного состава. Одна крупная партия на 570 руб. 2-й гильдии Якова Леонтьева под поручительством также второгильдейского купца заключала разнообразнейший ассортимент товаров 67 названий, преимущественно галантереи, головных уборов, металлических изделий и посуды, большими количествами, например 17 800 медных, костяных и свинцовых с камнями запонок на 10 руб., 15 600 пар серег железных и медных на 12 руб., 16 тыс. перстней медных и свинцовых с камнями на 16 руб., 64 700 крестов медных на 65 руб., 45 тысяч «русских» игол и 57 тыс. булавок на 11 и 6 руб., 2300 гребней роговых и костяных, 560 китайчатых кокошников на 8 руб., 560 косников на 1½ рубля, 1250 подзатыльников мишурных простых на 3 руб. 50 коп. и т. д. Ярмарочная торговля не была для Леонтьева удачной — некоторые товары остались совсем непроданными, другие — лишь частично. Остальные транспорты — все специализированные. 1-й гильдии Семен Нестеров послал большую партию москательных товаров и привез «осталой товар» обратно. 2-й гильдии Леонтий Петров отправил на 878 руб. «серебра в деле», но продал только девятую часть. Купец 2-й гильдии Беляев, отпустивший на 358 руб. 64 тюня китайки и 15 косяков камок и голей, привез «весь товар» обратно в Москву. 4 партии состояли из головных уборов. 2-й гильдии Василий Петров под поручительством купца 2-й гильдии повез на 52 руб. 50 коп. 750 шапок «крестьянских» по 7 руб. за сто, продал 450, а 3-й гильдии Сергей Бахмуров под поручительством другого второгильдейского купца — на 77 руб. 1060 шапок в ту же цену и 60 «шляп коровьих» по 30 коп. десятков и продал 710 шапок и 30 шляп. У купцов 2-й гильдии Травникова и Хацкого и 3-й гильдии Никитина — ассортименты женских головных уборов: у Травникова на 300 руб. 2150 кокошников семи разных сортов по цене от 6 коп. десятков до 50 коп. штука, 500 чепцов четырех сортов от 5 до 50 коп. штука, 15 женских шапок камчатных и штофных шитых золотом по 35 коп. штука, подзатыльники, подчепешники, убрусы; у Хацкого на 123 руб. также кокошники, чепцы и подзатыльники, затем капоры и шапочки камчатные с мишурными и серебряными сетками, косники золотные на шелку, «передники с зернами», серебряный, золотный и шелковый пшурок. Тот же ассортимент — у Никитина. Все трое распродали лишь небольшую часть товара, причем дорогие сорта совсем не пошли в продажу. На Покровскую Раненбургскую ярмарку поехали пять купцов 2-й гильдии с партиями по цене от 15 до 540 руб. разного состава. В одной были кокошники и чепцы, в другой — москательные

товары, в третьей — позументы, шнуры и пуговицы, перевитые золотом и серебром, в четвертой — цветной шелк, в последней — «польские» и «уфимские» бобры; каждый купец продал лишь часть товаров.

Для северо-западного края имела значение весенняя Тихвинская ярмарка. На нее купец 2-й гильдии Новожинов повез на 500 руб. партию товаров, главным образом текстиля импортного и русского производства: выбойки и пестреди тевризской и «немецкой», тевризских фат, крепа, грезета и полукаламенка «московской работы», русского тика, разных платков, кушаков, башмаков и шляп.

Коренная ярмарка около Курска и Свинская около Брянска были крупными ярмарками, привлекавшими не только «российских», но и «иностранных купцов». ¹⁰⁹ По книге 1737 г., на Коренную и Свинскую ярмарки пять купцов 2-й гильдии повезли 5 транспортов: один на 587 руб. олова и меди «в деле», два — на 900 и 160 руб. «серебра в деле» и два — большие и разнообразные ассортименты текстиля, галантерей, обуви, металлических изделий, москательных и колониальных товаров. Здесь продажа не была удачной, и большая часть товаров вернулась в Москву.

Ирбитская ярмарка отмечена в книге 1737 г. лишь один раз посылкой небольшой партии на 88 руб.; вероятно, здесь сказывается дефектность материала.

Отпускная книга иногородних показала лишь слабое участие иногороднего купечества в доставке московских товаров на Макарьевскую ярмарку. «Московская отпускная книга» разъясняет причину этого: отпуск из Москвы в Макарьев находился в руках московского купечества. Книга отражает лишь часть отпуска 1737 г., и все же в ней перечислено 28 партий, 7 из которых были отправлены купцами 1-й гильдии, 18 — 2-й гильдии и 3 — 3-й гильдии. В четырех случаях первогильдейские купцы выступают в роли поручителей. Напомню, что отпуск первогильдейских «с Гостиного двора» здесь не учтен. Ценность партий очень разнообразна — от нескольких десятков рублей до крупных сумм в тысячу, полторы тысячи и свыше двух тысяч рублей. Преобладают специализированные партии, рассчитанные на оптовую продажу. В девяти партиях — шелковые и бумажные материи, ленты и платки русской, восточной и западной выделки, одна из этих партий, отправленная сидельцем 1-й гильдии Ивана Овошникова, — на 1500 руб. Известный нам по связям с торопчанами 2-й гильдии Матвей Федосеев послал на 2088 руб. сукон и других шерстяных материй заграничных и русских фабрик. В одной партии (купца 2-й гильдии Кружевного ряда) специально позументы, мишура, золотые и серебряные галуны и кружева на 1073 руб., в другой (1-й гильдии Ляпина Покромного ряда) — на 446 руб. 100 тыс. аршин цветной покроми, в двух партиях — меха, в двух — шляпы, главным образом простые «коровьи» по 7 руб. за 100.

¹⁰⁹ М. Чулков. Словарь учрежденных в России ярмарок.

Торговец Зеркального ряда отправил 418 маленьких круглых и четырехугольных зеркал по 20 и 15 коп. за дюжину. Одна партия — 2-й гильдии Ивана Седельникова — специально шорного товара; 6 партий были отправлены торговцами Москательного ряда; одна с «ренским» вином и гданской водкой — купцом Питейного ряда. Наконец, две большие партии заключали обычный разнообразный ассортимент: в транспорте 2-й гильдии Токарева более 100 тыс. медных серег с камешками, 35 тыс. медных и оловянных запонок с камешками, 28 тыс. медных крестов, 14 бунтов булавок и т. д.

Из посланных 28 партий только одна — москательных товаров — была продана целиком, в большинстве случаев товар был продан частично, а 4 партии — русских бобров, москательных товаров и лент — вернулись обратно со ссылкой на то, что товар был «не в продаже».

Торговые обороты 1737 г. не могут считаться типичными: ему предшествовал ряд тяжелых неурожайных лет, в 1736 г. началась война с Турцией. Но пример ярмарочной торговли 1737 г. показывает неустойчивость внутреннего русского рынка и объясняет внимание московских купцов к экспортным операциям, в которых они могли пользоваться кредитом иностранцев, и стремление найти рынки сбыта в окраинных областях, не имевших своей промышленности.

IV

Приведенные данные таможенных книг выясняют роль Москвы в русской торговле первой половины XVIII в. Москва — крупный потребляющий центр. Но не в этом ее главное значение: она центр уже сложившегося всероссийского рынка и центр русской торговли с границей. В нее собираются товары из разных районов России и иностранные товары Запада и Востока и отсюда распределяются по всей стране; здесь составляются экспортные транспорты.

Однако таможенные книги дают материал не только для характеристики московской торговли. Они помогают выяснить значение Москвы как промышленного центра и как центра большого промышленного района.

Разнообразные товары посылались из Москвы как «московские» или «московской фабрики» и «московской работы». Не считая, что первое определение всегда означает приготовленные именно в Москве изделия, подберем по таможенным книгам списки товаров «московских фабрик» или «московской работы». Это разные материи шерстяные и шелковые: каламенок и полукаламенок шерстяной «московской фабрики», иногда с пояснением — полосатый или гладкий (эти сорта материи имели самое широкое распространение); стамед «московской фабрики», байка шерстяная «московской работы»; креп, грезет «московской работы», пестрядь нитная «московской работы» и пестрядь «московской краски», китайка «московской перекраски»; платки шелковые, нитяные и

бумажные «московской фабрики»; ленты шелковые «московских фабрик» и «московской работы» обычно с определением «узкие»; кушаки шерстяные «московской работы» и «московской краски», обычно «красные и желтые»; шнурок «московский красный шерстяной»; гарус «московской работы» — «обшивной» и «петельный»; пуговицы шерстяные или гарусные «московской работы»; чулки «московской работы», иногда с пояснением «шерстяные валеные»; кружева золотые и серебряные и сетки «московской работы»; упоминаются «кружева московские белые»; святильна «московская», зеркала «московской работы» круглые и «здвижные в дереве»; разные металлические изделия: ножи столовые и складные «московской работы», ножницы «московской работы железные»: оловянная посуда «московской работы»; иглы «московские»; пряжки медные «московской работы»; бумага писчая и карты «московской фабрики», карты обычно с определением «плохие»; листы «московской печати», карандаши «московские мелкие»; чайные чашки «московского дела» и «московской фабрики»; чайники глиняные «московской работы»; бакан и белила «московской работы» и даже «ладан московский», повидимому, молотый и приготовленный особым образом с темным; «золото и серебро» (очевидно, листовое) «московской работы», наконец, «элексир московский». Список этот, составленный по случайным указаниям, конечно, не исчерпывает московских изделий, о чем подробнее скажем ниже, но и он показателен.

Часть перечисленных изделий изготовлялась на московских «фабриках» и «заводах». Судя по данным таможенных книг, уже в 30-е и 40-е годы XVIII в. продукция созданных при Петре мануфактур развозилась из Москвы иногородними и московскими купцами. Можно привести много примеров того, как сложившийся в торговых операциях капитал крупного московского купца вкладывается в создание мануфактуры.

По записям таможенных книг проходит семья первогильдейских купцов Журавлевых: Илья Журавлев, Роман и Гаврила Ильин, Иван Романов и Иван Гаврилов. У них лавки в рядах: Большом Ветошном и Скорняжном, где торговали мехами, Красильном и Овощном, «что бывал Суконный». Они скупали меха, привезенные русскими купцами из Сибири, казанскими татарами из Оренбурга, русские меха, привозные из Самары и Чухломы, а также холст. «Переделанные» в московских скорняжных мастерских меха Журавлевы посылали на Украину и на Запад через Ригу. Они были связаны с купцами-торопчанами, отправлявшими из Москвы в Вязьму и через Смоленск за границу меха, китайку, крашенину, и, вероятно, оказывали им кредит товарами. Ручались они и за казанских татар, отпускавших из Москвы товары на Оренбург и поставлявших в Москву среднеазиатскую мерлушку. При поездках на Украину Журавлевы покупали там кумачи, македонскую пряденую бумагу, турецкое сукно — абу, коринку, посылая эти товары в сибирские города, в Соль-Камскую, Вятку, Арзамас, Саратов. Ездили они и в Пе-

тербург, где покупали сукна. Купец 1-й гильдии Григорий Колобов имел лавки в Суконном Смоленском, Скорняжном и Астраханском рядах, покупал оптом привозные из Смоленска сукно и другие шерстяные материи и «немецкую выбойку», скупал доставленные через Астрахань восточные материи, ездил на Макарьевскую ярмарку, где покупал также восточные материи и овчинку, отправляя эти товары на Украину. Отец и сын Носыревы, Андрей Ефимов и Петр Андреев, 1-й гильдии, вели торговлю в Севске, Петербурге и Риге и ездили за границу. Романа Журавлева, Григория Колобова и Андрея Носырева находим в составе компании семи первогильдейских московских купцов, которой в 1736 г. был дан указ с разрешением завести в Москве суконную фабрику на Старом денежном дворе за Москва-рекой.¹¹⁰ Позже компанейщики поделились, и в 70-х годах суконные фабрики Ивана Журавлева и вдовы Носыревой числились самостоятельными.¹¹¹ Дементий Плетенев не раз встречался нам в таможенных записях как крупный торговец сибирскими и иранскими мехами; он был связан с Макарьевской ярмаркой и, как обычно для московских мехоторговцев, с Украиной. В 1733 г. Плетенев вошел в компанию двух московских и двух устюжских купцов, основавших с «указного» разрешения суконную фабрику в Иркутске.¹¹² Один из Панфиловых, также крупных мехоторговцев, Иван, был основателем в 1726 г. московской шелковой фабрики, перешедшей после его смерти к его сыну Алексею.¹¹³ Михайла Шорин, один из самых видных торговцев Москательного ряда, закупавший оптом импортные металлы и москательные товары, завел в 1731 г. в Москве суриковую и белильную фабрику, а в 1753 г. — фабрику сусального золота и серебра.¹¹⁴ Торговавший крашенинным, суконным и скорняжным товаром 1-й гильдии Леонтий Симонов имел «замшеную» фабрику в с. Кунееве Алатырского уезда¹¹⁵ с отделением в Москве, на Тверской улице, где переделанная в Алатыре из козлин замша окрашивалась и обращалась в изделия — штаны и др.¹¹⁶ Исключительно широки были торговые операции Данилы Земского: он имел лавки в Овощном, Москательном, Колокольном, Суконном, Скорняжном и Медовом рядах, ездил сам и посылал приказчиков в Астрахань, имел связи с жившими в Астрахани «индейцами», скупал там шелк и восточные ткани, отправлял эти товары в Петербург, Новгород, Курск, Казань, где

¹¹⁰ М. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. III, стр. 292 и сл.

¹¹¹ Там же, стр. 591 и сл., 703 и сл.

¹¹² Там же, стр. 321.

¹¹³ И. Коган. Московские шелковые фабрики первой половины XVIII в., сб. «Старая Москва», вып. 1, М., 1929, стр. 130.

¹¹⁴ М. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. III, стр. 703 и сл.

¹¹⁵ Прежняя лосинная казенная, заведенная еще при Петре.

¹¹⁶ М. Чулков, там же и П. Любомиров. Очерки из истории русской промышленности в XVIII и нач. XIX в., Л., 1930, стр. 146.

покупал меха, на Раненбургскую и Макарьевскую ярмарки, привозил через Петербург из-за границы колониальные товары и галантерею, покупал заграничные товары, доставленные из Риги, отвозил на Ирбитскую ярмарку товары и доставлял оттуда сибирские и китайские, в 1755 г. был в числе организаторов «персидской компани», имевшей намерение «распространять торги... отправлением товаров в персидские порты и города». ¹¹⁷ Так же широка была и промышленная деятельность Земского. У него был кожевенный завод под Андроньевым монастырем, где делались аммуничные вещи, переделывались меха, чистилась щетина и волос, шелковая фабрика в Москве на Таганке и вторая большая в с. Купавне, купленная им в Петербурге и перевезенная в Москву; по показанию Земского, он вложил в нее 100 тыс. руб. капитала; в 1747 г. Земской завел полотняную фабрику в Суздальском уезде, в 1752 г. — бумажную в Кронштадте. Московский купец и откупщик Михайла Гусятников, плативший, как и Симонов, 120-рублевый оклад, стоял во главе основанной в 1745 г. в Москве компанейской шляпной фабрики, а позднее, в 1770-х годах, числился также содержателем двух полотняных фабрик: в Москве (б. Овошникова) и в с. Клишине Зарайского уезда, вошел в компанию, содержавшую большой суконный двор в Замоскворечье, и имел пивоваренный завод на Пресне. ¹¹⁸ Крупнейшие торговцы металлом и металлическими изделиями Струговщиковы имели колокольный завод, обслуживавший и провинцию. ¹¹⁹

Наряду с изделиями крупных «указных» мануфактур из Москвы развозились в большом количестве изделия мелкой промышленности, изготовленные как в самой Москве, так и в провинции. Когда в 1722 г. в Москве началась запись в московские цехи, к концу года записалось — временно и «вечно» — 6265 чел., а к 1726 г. — 6885 чел., из них 3189 из крестьян. Записавшиеся были распределены по 153 цехам. Во второй половине века Х. А. Чеботарев писал «о крестьянах, живущих в Московском уезде», «что они более упражняются в ремеслах и рукоделии, нежели в хлебопашестве». ¹²⁰ К развозившимся из Москвы изделиям мелкой промышленности нужно отнести прежде всего всевозможные кожевенные изделия: сапоги, башмаки, туфли, седла и шорные изделия, рукавицы, перчатки, портупей, лядунки, кошельки; готовую одежду: камзолы, епанчи, шубы, штаны, душегрейки, телогрейки, юбки; разнообразные головные уборы: шляпы, шапки, малахаи, кокошники, чепцы, подзатыльники, повязки; всевозможные металлические изделия из железа, стали, жести, меди, олова; разного сорта галантерейные изделия, расходившие-

¹¹⁷ «Чтения О. И. и Др. Р.», 1862, кн. I, Смесь, стр. 167—168.

¹¹⁸ Е. А. Звягинцев. Московский купец-компанейщик Михайла Гусятников и его род, сб. «Московский край в его прошлом», М., 1928, стр. 64—66.

¹¹⁹ Н. Щегольков. Исторические сведения о г. Арзамасе, Арзамас, 1911, стр. 35; Н. Чулков. Указ. статья в «Русском архиве», 1907, кн. 12.

¹²⁰ К. А. Пажитнов. Ремесленное устройство в Московской Руси и реформа Петра — «Исторические записки», т. VIII, стр. 171; Х. А. Чеботарев. Указ. соч.

ся по городам, ярмаркам и селам. мишурные и нитяные кружева и прошвы, тесьма, шнурки, кушаки, роговые и костяные гребни; сапожные и платяные щетки; счеты и т. д. Производство такого рода изделий оставалось и в XIX в. чаще всего мелким. В. И. Ленин в труде «Развитие капитализма в России» показал на материалах второй половины XIX в. проникновение капиталистических отношений в разные отрасли мелкой промышленности, многие из которых совпадают с перечисленными выше. В XIX в. в русских мелких промыслах, особенно широко распространенных тогда в деревне, можно было наблюдать разнообразные формы подчинения мелких производителей капиталу: работу на скупщика, капиталистическую работу на дому, капиталистическую мануфактуру и т. д. Для XVIII в. производственные отношения в мелкой промышленности остаются мало изученными, и вопрос об их формах является одной из очередных тем исторической науки. Данные таможенных книг недостаточны для его разрешения, но они позволяют делать наблюдения, которые могут быть привлечены при разработке этой темы.

Роль московских купцов как скупщиков и организаторов крупного и широкого сбыта изделий мелкой промышленности рисуется таможенными книгами очень отчетливо. Однако есть основания полагать, что эта роль не ограничивалась только скупкой и сбытом, особенно во взаимоотношениях московских купцов и мелких промышленников самой Москвы и ее пригородов. В Москву свозилось нужное для производства изделий всевозможное сырье, оптовая скупка которого находилась целиком в руках московского купечества, главным образом первогильдейского: среди оптовых покупателей ни разу не встретились представители других сословий, в том числе и московских цехов. Как указывалось выше, закупленное сырье нередко отправлялось купцом-покупателем «в дом свой» «для передела»; в наших примерах рога и кость — для передела в гребни, шерсть — в войлоки и шляпы, оленьи кожи — в штаны, кошельки и др. изделия, овчины — для шитья полушубков, шуб, «шубных» штанов, рукавиц и т. д. Купцы 1-й и 2-й гильдии, очевидно, осуществляли этот «передел» не силами своей семьи, а в мастерских силами работников. Взаимоотношения последних с хозяевами в XVIII в. обычно оформлялись регистрировавшимися в «Московской крепостной конторе» «жилыми записями», книги которых, еще совсем не тронутые исследователями, хранятся в фонде Юстиц-коллегии в ЦГАДА. Но чаще, чем в купеческие «дома», сырье поступало в «ряды» Китай-города. Просмотр таможенных данных показывает, что обычным явлением была закупка партий сырья торговцами тех «рядов», где торговали приготовленными из этого сырья изделиями. Приведу несколько примеров.

В Шапочных мужском и женских рядах торговали обычно купцы с фамилией Шапошниковых. Ассортимент шапочных изделий московских рядов — шапки с русскими и калмыцкими овчинками, шапки с мерлушками, шапки и малахаи лисьи, женские куньи шапки, поповские

шапки с бобром. В параллель можно привести следующие данные. В 1737 г. купец 2-й гильдии Григорий Егоров сын Шапошников купил из сибирской партии 1 100 песцов за 770 руб.;¹²¹ в 1739 г. той же гильдии Никита Егоров сын Шапошников привез с Макарьевской ярмарки партию мехов, главным образом лисиц и куниц.¹²² В 1741 г. гостинный сын Алексей Коробейщиков повез в свои лавки в Шапочный мужской ряд 900 овчинок ширяйских (мерлушек), 3-й гильдии Александр Васильев — туда же 800 овчинок калмыцких, 2-й гильдии Федор Вагин — 390 мерлушек¹²³. Среди ассортимента продававшихся в Пуговичном ряду пуговиц были «пуговицы гарусные». По книге 1737 г., 3-й гильдии Сергей Парфеньев повез в Пуговичный ряд 1½ пуда гаруса, Иван Свешников — туда же 2 ящика гаруса.¹²⁴ Напомню 1-й гильдии Андрея Ножевщикова, который скупал для своих лавок Железного ряда изделия павловских мастеров и мелких производителей ярославского и пошехонского районов. Вместе с тем Ножевщиков покупает крупные партии железа, а также наковальни и кузнечные меха. По книге 1737 г., он купил 35 возов полосного железа у Никиты Демидова, по книге 1739 г. — 8 пар и в другой раз 25 «гнезд» мехов кузнечных у двух павловцев и 30 наковален у тулянина. Можно полагать, что державшие в своих руках оптовую скупку сырья московские купцы снабжали материалами, а иной раз и орудиями производства мелких производителей Москвы и провинции. Точнее эти взаимоотношения могут быть раскрыты лишь с привлечением более разнообразного материала.

Возможность сбыта в Москве изделий мелкой промышленности привлекала и помещиков. Одна из статей «Всякой всячины» 1769 г., указанная мне С. В. Бахрушиным (л. 144, стр. 385—386), упоминает о помещице, привозившей в Москву по зимам на продажу среди прочих деревенских товаров и кокошники. Другой аналогичный пример из таможенной книги № 87/839 1739 г. — продажа в Москве служителем А. Л. Нарышкина 110 пар «котов» (род обуви). Крепостническое хозяйство приспособлялось к рыночному спросу.

* * *

Отвечая на вопрос, поставленный в начале главы, с полной уверенностью скажем, что Москва, как центр всероссийского рынка, играла в XVIII в. крупнейшую роль в процессах, подготовивших развитие капитализма в России.

¹²¹ Тамож. книга № 71/823, 1737 г., л. 97.

¹²² Тамож. книга № 83/835, 1739 г., л. 421

¹²³ Тамож. книга № 99/851, 1741 г.

¹²⁴ Тамож. книга № 71/823, 1737 г.

А. И. ЗАОЗЕРСКИЙ.

АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ ВОРОНЦОВ

К ИСТОРИИ БЫТА И ПРАВОВ XVIII в

Фамилия Воронцовых принадлежит к старинной русской знати, к ее наиболее культурному слою. Можно сказать, что при устойчивости социального и материального положения этой фамилии в последовательном ряде ее поколений должен был отразиться весь путь, пройденный дворянской культурой за последние два века. Сами Воронцовы оставили нам средство проверить такое предположение, с исключительной заботливостью сохранив свои фамильные документы. Их обширная семейная переписка, составляющая наиболее ценную часть так называемого Воронцовского собрания,—своего рода портретная галерея, в которой следующие одно за другим в хронологическом порядке лица наглядно рисуют собой разные этапы исторического процесса в этом разрезе.

Александр Романович Воронцов — выразительная фигура в этой галлее в качестве представителя своей фамилии в определенную эпоху. Он родился в 1741 г., а уже с 1761 г. началась его государственная деятельность, продолжавшаяся с перерывами до самой смерти (1805 г.). Таким образом, его время — вторая половина XVIII в. По своему официальному положению, т. е. по рангу занимавшихся им должностей (посланника в Голландии и Англии, потом президента Коммерц-коллегии и — при Александре I — государственного канцлера), он был вельможа екатерининского двора и, тем не менее, его трудно назвать представителем этого двора. В своей автобиографии он резко противопоставляет, по воспитанию и направлению, свое поколение позднейшим,¹ тем именно, которые вышли на первое место при Екатерине; в свою очередь в их глазах он был и «тяжол» и старомоден. С другой стороны, отношения между ним и Екатериной были всегда натянутыми: она считала, что Воронцовы «всем родом» ее «не взлюбили»,² а он видел все «неудобности» ее политики, которые потом с большой остротой указал в известной своей «Записке», представленной Александру I³. Всего лучше их взаимные отношения характеризует

¹ Архив Воронцова, т. 5, стр. 12.

² Там же, т. 12, стр. 108.

³ Там же, т. 29, стр. 459—60.

письмо Екатерины, написанное по поводу его отставки: «Не спору, что он... талант имеет; всегда знала, а теперь наивяще ведаю, что его таланты не суть для службы моей и что он мне не слуга. Сердце принудить нельзя, права я не имею принудить быть усердным ко мне; заставить же и меня нельзя почестъ усердным ко мне, кто не есть. Разведены и развязаны на век будем, ч. е. п. [чорт его побери]!»

По своему культурному облику Александр Романович ближе келизаветинскому времени и в составе екатерининской знати представляет собой тип культурного придворного, уже готовившийся сойти к концу века с исторической сцены.

Предмет настоящей статьи — Александр Романович в ранней молодости, каким он был во время своей образовательной поездки за границу. Мы имеем возможность узнать его в эту пору жизни благодаря тому, что целиком сохранилась в его архиве относящаяся сюда переписка его с родными. Но не только в силу этого, внешнего и случайного, обстоятельства, а и по своему внутреннему значению пребывание Александра Романовича за границей может быть выделено в особую тему. В это время формировались основы его мировоззрения и складывались практические навыки; в истории его карьеры это был период подготовки к деятельности министра (в тогдашнем смысле слова), к которой предназначало его происхождение и которую сам он, еще перед отъездом за границу, поставил себе целью, применительно к ней строя свою образовательную программу. И в своих письмах он без рисовки и выдумки, с наивной серьезностью рассказывает об этой пройденной им теоретической и практической подготовке к министерскому званию — о своих заграничных встречах и знакомствах, о занятиях и впечатлениях, о своих взглядах и преобладающих интересах, наконец, о бытовых условиях своей заграничной жизни.

Получающаяся в результате картина, конечно, носит довольно яркий индивидуальный отпечаток; но за индивидуальными чертами ясно выступают и общие черты, имеющие типическое значение для данного времени.

I

По собственному признанию А. Р. Воронцова, большое значение в образовании его вкусов и интересов имела его поездка в Париж («eût une grande influence sur ma manière d'être après») ⁴. Его отправили в Париж, когда ему было всего 17 лет. Там он должен был поступить в гвардейскую кавалерийскую школу, так называемую *chevaux légers*, аристократическое учебное заведение, находившееся в Версале «под собственным наблюдением французского короля», где обучались дети самой высокой знати («des plus grands seigneurs du royaume») и

⁴ Архив Воронцова, т. 5, стр. 31.

куда молодого Воронцова допустили единственно из уважения к его дяде Михаилу Иларионовичу Воронцову, тогдашнему вице-канцлеру.⁵ А. Р. ехал в Париж один. «Я не в состоянии дать тебе гувернера, а надеюсь, что ты сам себе гувернером будешь», — писал ему в напутствие отец, Роман Иларионович.⁶ Сын, однако, оценивал это обстоятельство, по крайней мере позднее, как доказательство доверия к себе («*ma famille eût assez de confiance en moi, — пишет он в автобиографии, — pour ne pas me donner un espèce de gouverneur pour me conduire jusqu'à Paris*»)⁷. Впрочем, роль гувернеров предназначалась, в некоторой мере, сопровождавшим А. Р. слугам.

Их было двое: один — крепостной, Тимофей Орлов, другой — повидимому, вольный, Яган Рейх. О них отец писал сыну: «люби своих людей и принимай от них представления».⁸ Оба время от времени пишут из Парижа — не прямо Роману Иларионовичу, а управляющему домом, Михаилу Афанасьевичу Дееву; но из писем их нельзя извлечь никакого представления ни об их менторских функциях, ни вообще об их образе жизни за границей. Обыкновенно каждый воспроизводит в начале письма одну и ту же формулу: «по сие мое писание, слава богу, обретаюсь все благополучно»; переходя же к новостям, пользуются также довольно стереотипным оборотом: «а во известие вам донести ничего не могу новым известием, что ничего у нас нету и не слышим» (Орлов), или. «изволите упоминать писать ко мне, чтоб какпе новые известия вас уведомлять: только ныне у нас ничево нету» (Рейх). Чтобы стать ближе к парижской жизни, Орлов решает даже учиться французской грамматике, по той причине, как он объясняет, что не может «растолковать французской по-русски». Только однажды находим в их письмах, если не более содержательные, то более пространные донесения, — когда Роман Иларионович сам запросил их, через Деева, о поведении сына. На этот запрос Орлов отвечал: «Всепокорно благодарствую за милостивое ваше писание, что вы по приказу нашего государя Рамана Ларивоновича изволите писать, чтоб смотрели за государем Александром Романовичем и служили верно. Аднакож мы по приказу служим верно ему, сколько нашей силы возможен, то мы неукоснительно и верно служим. А чтож, впротчем, изволите писать, чтоб смотреть за Александром Романовичем: мы худобы никакой за ним не видали, а что впред за ним усмотрено будет, то неукоснительно станем к вам писать обо всем». Что касается до Ягана Рейха, то он не изменил привычке к краткой речи и на этот раз, хотя и лучше уловил смысл запроса: «Доношу, во-первых, Александр Романович обращается все благополучно, и уповаем на всевышнего бога, что в своей должности наблюдает и фамилии своей

⁵ Там же, стр. 30.

⁶ Там же, т. 31, стр. 22.

⁷ Там же, т. 5, стр. 35.

⁸ Там же, т. 31, стр. 29.

никогда бесчестия не зделает». ⁹ Что должно было последовать «во-вторых», осталось неизвестным,— может быть, и самому автору.

Зато заглазное наблюдение было чрезвычайно тщательное. Отец выражал желание, чтобы А. Р. писал чаще, каждую неделю, и не только домой, а еще и дяде и другим родственникам. Стоило пропустить одну почту, и уже следовал упрек: «меня очень опечалило, что на нынешней почте писем не имел». ¹⁰ Между тем письма стоили А. Р. большого труда. У него был очень дурной почерк, можно сказать, беспримерно безобразный, когда он писал скоро или начерно, и отец постоянно, иногда в резких выражениях, ставил ему это на вид. «Меня несказанно печалит то, что ты в угодность свою (т. е. не желая себя утруждать.— А. З.) не стараешься научиться писать ни порусски, ни пофранцузски»,— выговаривал он после первых писем.— «Стыжусь, когда читаю твое письмо; всего дурнее, что ты в письме еще и марашь слова. Это великая неучтивость: я требую от тебя, чтобы ты писал не скоро и чисто». ¹¹ Но и в последующих письмах каллиграфические усилия А. Р. не приносили желаемого эффекта. «Не могу у тебя выпросить, чтобы ты научился писать. Хоть стиль хорош, да написано так, что никто прочесть не может, то лучше вместо письма присылай белую бумагу: это все равно. Белую бумагу читать нельзя, так и твои письма». ¹² Читатель понял бы негодование Романа Иларионовича, если бы попробовал разобрать (именно надо разбирать, а не читать) хотя бы несколько строк, написанных рукой А. Р.

При всем том семнадцатилетний путешественник был самым исправным корреспондентом: он пишет обыкновенно через 3—4 дня отцу, несколько реже — дяде, и хранящиеся в фамильном архиве четыре объемистых переплетенных тома, да еще солидная пачка переплетенных его писем за первые два года, проведенные за границей, являются трогательным, хотя и весьма утомительным для чтения, памятником его эпистолярной добросовестности. Но и корреспондентов А. Р.— отца и дядю — нельзя упрекнуть в неаккуратности: 31-й том «Архива Воронцова» заполнен почти весь их письмами. С большой чуткостью они стараются руководить А. Р.-чем в его заграничной жизни и предупредить возможные с его стороны ошибки молодости. Они хотят быть его друзьями, хотя и не отказываются в случае нужды от властного воздействия своим авторитетом. «Ты молод,— читаем в одном из писем Романа Иларионовича,— и меня всякой тем страшает, чтоб не испортился твой нрав. Я пишу тебе больше, как друг. Это имя хотя часто употребляется, только редко. Старайся сохранить это драгоценное имя». ¹³ Он прежде всего должен проникнуться мыслью, что

⁹ Рукописн. Отд. Академии Наук СССР, Воронцовское собрание.

¹⁰ Архив Воронцова, т. 31, стр. 27.

¹¹ Там же, стр. 29.

¹² Там же, стр. 33.

¹³ Там же, стр. 30.

его поведение должно быть «достойно его рождения». «Я не подтверждаю тебе о том,— заканчивает отец свое первое к нему письмо,— чтобы твои поведения всегда согласны были с твоим именем и чтоб как мне, так и брату моему не было сожаления о том, что тебя отпустили так молода вояжировать». ¹⁴ Той же сентенцией начинает свою переписку с племянником дядя: «прощай, мой друг, и содержи себя разумно и честно, чтоб отец твой и я, слыша о тебе, могли радоваться»; ¹⁵ и в другом письме: «надобно вам сохранить честь российского дворянства и фамилии вашей, которая того от вас требовать право имеет». ¹⁶ Он должен с разбором выбирать себе друзей и в особенности избегать «с мотами знакомства». «На те оригиналы, с которых копии сюда выезжают,— предостерегает отец,— надежды мало. Что можно получить с ними в обращении, как не одно о театрах знание и героинях театральных». ¹⁷

В связи с этим выступает и другая тема, которая, несмотря на постоянные повторения, не утрачивает до конца своей остроты,— о бережливости. «Помни, мой друг,— пишет Роман Иларионович,— что ты поехал учиться, а не шеголять, и что мотовством доброго имени не наживешь и не удивишь». ¹⁸ «Я вам, как дядя и приятель, советую,— вторит брату Михаил Иларионовч,— сколько возможно, от излишних расходов воздержаться и быть хорошим экономом». ¹⁹ Оба они сами всю жизнь не выходили из долгов и знали по себе печальные последствия расточительности. «Я сие вам советую,— признается Михаил Иларионович,— к сожалению моему, по собственной экспериенции, что... остаюсь в великих долгах, прожив почти все имение». ²⁰ Роман Иларионович требует от сына, чтобы он прислал «реестры» своим расходам и вообще вел им точный счет: «знай, что по приезде твоём я во всем потребую отчета, и для того должен иметь верную книгу для записи своих расходов». ²¹ Его тон резко повышается, когда ему кажется, что сын выступил из границ умеренности. «Вояж твой мне уж скучен становится, как для долговременного твоего отсутствия, так и для того, что ты чрезмерную сумму издерживаешь», ²²— пишет он, уплатив по двум «ассигнациям» голландского банкира 14 тысяч руб.; а когда, вскоре после того, поступило новое требование, он уже терпит терпение: «объявляю, что ты издержками своими, как видно, дом свой разорить хочешь. Не имеешь ты жалости ни ко мне, ни к брату

¹⁴ Там же, стр. 22.

¹⁵ Там же, стр. 85.

¹⁶ Там же, стр. 94.

¹⁷ Там же, стр. 28.

¹⁸ Там же, стр. 25.

¹⁹ Там же, стр. 110.

²⁰ Там же, стр. 212.

²¹ Там же, стр. 29.

²² Там же, стр. 41.

своему, а напоследок, кажется, забыл ты и самого себя». ²³ Он грозит вернуть сына домой до окончания вояжа. Неудовольствие Романа Иларионовича оказалось, однако, в значительной мере недоразумением, и он кончил тем, что просил у А. Р. извинения: «ты примиришься со мной хоть за то, что я ни одной из моих угроз не произвел в действие». ²⁴ А Михаил Иларионович, ввиду проявляемого племянником благоразумия, готов даже возложить на него восстановление семейного благосостояния: «Прошу вас, мой друг,— пишет он, правда несколько позднее, в 1764 г., когда А. Р. был уже посланником в Голландии,— сколько можно стараться меньше расходов иметь, дабы мы в вашей персоне нашли в фамилии нашей хорошего хозяина, ибо мы доныне всем родом больше проживаем, нежели доходов имеем, и такого разума не имеем, чтобы от ежегодного приходу в остатке несколько денег содержать». ²⁵

Не меньше внимания со стороны старших проявляется и к образовательным задачам юного представителя фамилии. Остановивши свой выбор на школе *chevaux légers*, они принимают живое участие в направлении его умственной жизни. У отца чисто житейский, можно сказать, бытовой взгляд на значение образования. Высказав сомнение, может ли А. Р. за один год, как предполагалось, «научиться основательно» «своим наукам», он так определяет крайний предел их изучения: «в знании надлежит дойти до такой степени, чтобы не посрамить себя, когда тебе в компании случится вступить в рассуждение о каком-нибудь деле». ²⁶ По мере сил и сам он тянется за веком. Вольтер, Монтескье — для него не пустые звуки. Не зная французского языка, он через сына просит учившегося тогда в Париже Дубровского, чтобы тот для него «потрудился в переводе сочинения Монтескьева о Законах или о Разуме Законов». Ему, видимо, льстит знакомство А. Р. с Вольтером, хотя он и пробует использовать это обстоятельство по-своему и довольно неожиданным образом: «Ты старался узнать г-на Вольтера,— рассуди,— обращается он к постоянно беспокоящему его предмету — каллиграфии сына, — если ты к нему отпишешь, он постыдится отвечать такому человеку, который литеры написать не умеет. Постарайся писать лучше». ²⁷ Он недоволен школой, где учится сын, может быть, как узко специальной: «не напрасно ль и то, что ты в шеволер поступил? Довольно ты исполнил приказ своего дяди». ²⁸ Он предпочел бы, чтобы А. Р. в Академии «Латынский язык и курс Философии окончал», а после того учился бы — не в Версале, а в Париже — «физике и правам натуральным». ²⁹ По понятиям того времени,

²³ Архив Воронцова, т. 31, стр. 51.

²⁴ Там же, стр. 44.

²⁵ Там же, стр. 287.

²⁶ Там же, стр. 31.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 28.

²⁹ Там же, стр. 32—33.

это были обязательные для просвещенного человека науки, которые вероятно, нередко давали темы и для светских разговоров. На латинском языке Роман Иларионович особенно настаивает и следующим образом объясняет его пользу: «мне хочется, чтобы ты в будущем году осенью поехал в Испанию и Португалию, а там духовные в великой чести, и все говорят поллатыни, то можешь у них через то любовь иметь, когда говорить можешь по латыни». ³⁰ Он живо интересуется «вояжами» сына и не раз повторяет совет: «все, что случится достопамятного, записывай, чтобы вояж твой служил тебе в пользу». Говоря о поездке в Италию, он рекомендует «объездить все, не оставляя ни одного города», но тут же проявляет родительскую слабость: «и гору как будешь смотреть Этну в Неаполе, то прошу на нее не ходить». ³¹ На юношу ободряюще должно было действовать, что отец через него хочет удовлетворить и свои интересы, поручая ему то разведать, «почему продаются наши товары», то проверить какое-нибудь заинтересовавшее его сообщение, в роде того, например, «справедливо ли говорят об Гишпанцах, что оных гордость так далеко простирается, что и крестьяне землю пашут, имея при себе красны епанчи и шпаги, и оные, усмотря проезжающих, на себя надевают, оставляя притом и работу свою». ³²

В отличие от брата, Михаил Иларионович не входит в детали программы. Он также, правда, хочет «обстоятельно» знать «о прогрессах учения» А. Р., но внимание его преимущественно сосредоточено на воспитании характера племянника. Жизнь научила его, что в конечном счете благополучие дается человеку спокойствием и душевным миром. Следовательно, важны прежде всего те пути, которые ведут к ним: труд добродетель, честь («*je vous cahorte à y persister, en vous représentant, que la travail, dans l'âge où vous êtes, et surtout l'étude de la vertu et de l'honneur sont le seul moyen qui puisse vous rendre utile à votre patrie et vous procurer dans un âge plus avancé cette tranquillité et cette*

³⁰ Там же, стр. 27.

³¹ Там же, стр. 44.

³² Там же, стр. 41. Иногда, впрочем, в педагогические рассуждения Романа Иларионовича вплетаются образы чужой фантазии. «Мне крайне хочется,— читаем мы, например, в одном письме,— чтобы ты объехал Голландию и рассмотрел всех животных, кои в воде и на земле жительствоуют... Приобретенное в них знание немало будет способствовать в будущей твоей должности. Вообще знать всех жителей сего, нами обитаемого шара сколько полезно, тебе самому известно» (там же, стр. 47). Сам А. Р. в письме к упоминавшемуся выше Десву разъясняет нам, откуда взялась эта концепция: «Пожалуй, скажите от себя господину Крамаренкову, чтобы в письмах, которые он за батюшку пишет, меньше мнимого красноречия клал, а более слов понимаемых. Шар земли, животные—это такие слова, которые в разговорах мало употребляются: что менее имеет чудных слов, то, думаю, лутче штиль составит. Ежели за батюшку и к прочим таким образом пишет, то часто подает притчину смеху» (Воронц. собр., № 410, от 10/21 сент. 1760 г.). Источник «красноречия» г. Крамаренкова мы найдем, вспомнив, что он был одно время секретарем при М. В. Ломоносове.

paix profonde, qui seules peuvent faire votre bonheur»³³ Едва ли не больше, чем теоретические знания, старый дипломат ценит опыт и наблюдение, и потому его письма должны были помочь А. Р. ориентироваться в людских отношениях и практических вопросах поведения. Тут даются отдельные наставления о том, как держаться в обществе, чего избегать, на что обращать внимание и общее понятие о требованиях дипломатического такта: надо, пишет он, «иметь крепкую и разумную осторожность в том, чтоб чрез вопросы ваши отнюдь вида не было излишней любопытности, дабы вы в какое-либо пренебрежение через то впасть не могли, и надлежит вам в словах и делах быть весьма дискретну и приобрести себе не наружную токмо похвалу, но существенную доверенность и почтение».³⁴ Он вводит племянника в сложную сеть международных отношений и даже набрасывает в качестве руководства в путешествии, план обозрения того или иного государства (например, Испании) вскрывая те стороны, которые имеют наиболее существенное значение. Все эти сведения и навыки необходимы будущему деятелю, который хочет быть полезен своей стране. Оба — и отец и дядя — стараются держать А. Р. в постоянном соприкосновении с русской жизнью, сообщая ему о разных происшествиях и переменах или посылая ему русские газеты и книги. «При сем посылаю к Вам здешние печатные сочинения, чтоб вы из обыкновения не вышли читать книги на русском языке», — объясняет Михаил Иларионович цель таких посылок.³⁵

Если смотреть на форму, письма А. Р. оставляют впечатление официальности. К отцу он обращается: «милостивый государь батюшка» — в начале письма, а в тексте — просто «милостивый государь»; подобное же обращение и к Михаилу Иларионовичу: «сиятельнейший граф, милостивый государь», а если пишет по-французски, что бывает чаще, то — «votre excellence». Постоянно мелькают обороты: «осмелюсь просить» или «послать», «изволите увидеть», «имею честь вам донести», «если осмелюсь вас трудить» и т. п. В действительности это — все условные формулы, бывшие обязательными в тех пределах, в каких люди должны были соблюдать принятый этикет. Но в лексиконе А. Р. найдем и другие слова, лучше выражающие его настоящие отношения к его корреспондентам. Тогда еще слово «люблю» в употреблении младших по отношению к старшим принималось за фамильярность, и А. Р. обходится без него, но без ущерба для силы выражения: «ничего на свете мне нет дороже, — признается он в одном случае, — как ваши милости и для которых все в жертву отдам»,³⁶ или в другом: «за щастие всегда почту, когда буду иметь оказию вам дать опыты етой преданности, которую должен и иметь буду, покуда жив». ³⁷ Одобрения отца — высший критерий и высшая награда для него. По-

³³ Архив Воронцова, т. 31, стр. 87.

³⁴ Там же, стр. 119.

³⁵ Там же, стр. 88.

³⁶ Воронц. собр., № 410, от 23 апр./4 мая 1759 г.

³⁷ Там же, от 1/12 июня 1759 г.

лученный им во время «вояжа» по Испании резкий выговор за расточительность, хотя бы, по его убеждению, и мнимую, поверг его в отчаяние, и после того все потеряло для него интерес. Для него отец — самый бескорыстный и самый справедливый человек на свете. Когда, в сентябре 1760 г., Роман Иларионович был назначен в Сенат, вот как сын, к вероятному его смущению, оценил это обстоятельство «Публика давно оное ожидала и довольна теперь быть может. Вы, конечно, можете вскоре, что она не попустому надежду имела. Рассудите, сколько мне приятно будет слышать: отец, которого люблю, один может из нынешнего века быть сравнен добродетелию сенаторов римских при установлении Сената. Время после зделало их подобными протчим людям, но по началу оной суд был наполнен добродетелию и любовию к отечеству». ³⁸

Те же чувства почтительности и преданности у А. Р. и к Михаилу Иларионовичу. Последнему он вообще многим был обязан в своем духовном развитии, и в том смысле дядя являлся для него как бы вторым отцом («mon oncle, — пишет он в своей автобиографии, — s'occupe extrêmement de moi et de tout ce, qui avait rapport à mon éducation et je puis dire, que j'eus en lui un véritable père»). ³⁹

Михаилу Иларионовичу он пишет несколько реже, но обыкновенно о тех же материях, что и отцу; даже и признания в своих чувствах, случается, делает почти в одинаковых выражениях, разве чуть более официальных, например: «позвольте, милостивый государь, вновь обеспокоить описанием желання и нетерпеливости моей вас скоро увидеть, жизнь вам мою посвятить и быть при таком человеке, которого я всему на свете предпочитаю, всем жертвовать готов». ⁴⁰ Некоторая церемонность тона объясняется частью высоким положением адресата, хотя бы и близкого человека, частью зависимостью от него будущности А. Р. Но тем более последний считается с мнением «дядюшки» и тем настойчивее старается заслужить его «поверенность».

II

Наставления и советы, которые получал А. Р. через эту переписку, принимались им с полным доверием, и в его письмах мы найдем не мало мыслей, которые являются их откликом. Так благодаря непрерывавшемуся общению с близкими и авторитетными людьми, остававшимися в России, корректировались заграничные впечатления оказавшегося на полной свободе семнадцатилетнего путешественника, разумеется, в пределах тех вопросов, которые затрагивались перепиской. Но были важны также и те душевные расположения, которые успели сложиться у него под домашним кровом и с которыми он ехал за границу.

³⁸ Там же, от 20 сент./1 окт. 1760 г.

³⁹ Архив Воронцова, т. 31, стр. 31.

⁴⁰ Воронц. собр., от 8/19 окт. 1764 г.

В автобиографии А. Р. имеются некоторые сведения об его умственной жизни за предыдущий период. В раннем детстве его и брата, будущего дипломата, Семена Романовича, воспитывали с помощью французских гувернеров, благодаря которым они «нечувствительно» овладели французским языком. Уже в возрасте 5—6 лет у А. Р. обозначилась склонность к чтению, которая под влиянием часто посещаемой ими французской комедии (при дворе), постепенно перешла в серьезную любовь к литературе. Отец выписал для сыновей из Голландии довольно хорошо подобранную (*assez bien choisie*) библиотеку из французских авторов, так что к 12 годам А. Р. близко ознакомился, по его словам, с Вольтером, Расином, Корнелем, Буало и другими французскими писателями. В составе той же библиотеки оказалось издание, которое сообщило сильный толчок симпатиям юного читателя и еще в одном направлении,— журнал под заглавием: «*Clef des cabinets de princes de l'Europe*». Отсюда он узнал, говоря его словами, «все, что было самого интересного и замечательного» в России, начиная с 1700 г., и впечатление было настолько глубокое, что окончательно определило его интерес к истории и политике («*cet ouvrage eut peut être plus d'influence qu'on ne le croiroit sur le penchant que j'ai eû pour l'histoire et la politique*»).⁴¹ Увлечение этими предметами, может быть, подготовлено было и воспитанием, во всяком случае стояло в согласии с ним: при французах-гувернерах братья учились русскому языку, их знакомили также с родной страной, и А. Р. считал, что благодаря этому они не вынесли из своего детства той «индифферентности, даже презрения к России», которое нередко являлось в результате чисто французского воспитания в аристократических семьях последующего времени.⁴²

Когда сыновья подросли, отец отправил обоих путешествовать, Семена — по России, Александра — по Европе с тем, чтобы в следующем «вояже» они поменялись местами: в его сознании непосредственное знакомство с разными странами, а особенно с своей, представлялось необходимым условием для будущих государственных деятелей. Не без влияния, надо думать, осталось и пребывание братьев в пансионе Штраубе, профессора юриспруденции при Академии Наук, куда они отданы были Романом Иларионовичем в 1754 г. С другой стороны, мальчики рано введены были в светское общество, бывая часто при дворе и «в лутчих домах», например, Разумовского, Трубецкого, Шереметева. Там, по признанию А. Р-ча, он не только усвоил навыки общезжития, но и, прислушиваясь к разговорам взрослых, проникся деловыми интересами («*ce qui me mit à même non seulement de m'habituer aux usages et lois de la société, mais de m'habituer à entendre parler d'affaires, et j'avoûe qu'alors même j'avois une ardeur étonante pour les affaires et l'occupation*»).⁴³

⁴¹ Архив Вронцова, т. 5, стр. 13.

⁴² Там же, стр. 12.

⁴³ Там же, стр. 15.

Таким образом, молодой Воронцов мог с известной самостоятельностью отнестись к тому, что ждало его в Париже, и прежде всего — к выбору школы. Окончательное решение вопроса о школе зависело от него: «я даю тебе на волю: в Версали будешь учиться или в другом месте, только б не в Париже», — писал Роман Иларионович. Но на Версале настаивал Михаил Иларионович, а с его мнением надо было считаться. По существу вопрос стоял о выборе профессии: будет ли А. Р. военным или дипломатом. Он был записан, чуть не с рождения, в гвардию, и школа *chevaux légers* готовила военных людей. А между тем и тогда вкусы его лежали к дипломатии. «Вы знаете, — напоминает он отцу, — к чему я имею склонность, и думаю, что могу быть и способен, то есть к министерству. Я перед поездом⁴⁴ имел честь с Вами в том открыться, и мне показалось, что вам мое желание не противно было». ⁴⁵ И дорогой до Парижа и первое время в Париже он — в постоянных колебаниях, из которых выясняется, что для него представляет ценность только общеобразовательная программа: «Вы мне изволите писать, что на мою волю отдаете, где учиться», — читаем в письме ст этого времени. — Мое намерение есть то, что как приеду в Париж, то осведомиться о Академии *chevaux légers*, учат ли там по-латыни и читают ли философию и натуральное право. Ежели ети все науки учат, то не только в едакую строгость, но хоть бы еще строже было, с охотою оддамся, зная, что мне из ествова полза будет». ⁴⁶ Наоборот, науки военные, а в особенности разные упражнения физические он считает для себя излишними: «я никогда не имел большой склонности к экзерцициям тела, а больше старался к экзерцициям разума, рассуждая, что разум всегда должен повелевать телом», а перечисленные им раньше науки как раз и важны, по его определению, тем, что «прочищают разум». ⁴⁷

Выход найден был в компромиссе: он выбрал *chevaux légers*, но с тем, чтобы проходить там свою программу. «Науки здесь свои повторяю, сообщает он отцу, и сверх того имею мастеров особенных, которые учат истории, белльлетр, фехтовать и танцевать». ⁴⁸ После латинского языка и истории предполагалось тем же способом, с помощью «особых мастеров», изучать физику и натуральное право. По истории успехи были особенно хороши: приблизительно через месяц он уже «большую часть [ее] окончил», «понеже, — объяснял он, — я имею удовольствие иметь такого мастера в сей науке, которой не мало известен в свете». ⁴⁹ Теперь он совершенно примирился с Версальской школой: «его такое место способное для наук, что нельзя лутче найти», и у него полная уверенность, что при отсутствии в Версали «веселиев», которых

⁴⁴ Т. е. перед поездкой в Париж.

⁴⁵ Воронц. собр., № 1020 от 20 апр./1 мая 1759 г.

⁴⁶ Там же, от 27 апр./8 мая 1758 г.

⁴⁷ Там же, от 23 июня/4 июля 1758 г и 20/31 марта 1759 г.

⁴⁸ Там же, от 8/19 окт. 1758 г.

⁴⁹ Там же, от 17/28 окт. 1759 г.

в Париже мешают ученью, он в течение года пройдет намеченную программу. В действительности программа была выполнена только отчасти: латинский язык подвигался туго, для натуральных же прав и философии долго не удавалось найти подходящего «мастера». А потом произошла перемена в самом плане.

А. Р. рассчитывал, покончив со школой, переехать в Париж и там, у «вольных мастеров», восполнить пробелы своего образования. Заранее он составил и план будущего «парижского жития», где, между прочим, с точностью расписал все свои расходы: получилась сумма в 24 285 ливров, «правду сказать, не малая,— сознается он в письме к отцу,— только, ей-ей, лишнего нету».⁵⁰ План, однако, остался без осуществления, так как Роман Иларнонович, относившийся с большим недоверием к Парижу, решил, что сыну будет полезнее образовательный «вояж», и уже в октябре 1759 г. мы находим А. Р. на пути в Испанию.

Школьная программа не дает нам полного представления о рамках умственных интересов А. Р-ча, хотя бы уже потому, что она в значительной степени отразила в себе пожелания, высказывавшиеся в письмах отцом. На самом деле, как видно из переписки, его умственный горизонт далеко не замкнут школьными предметами, а в кругу этих предметов — их школьной трактовкой. Мы знаем, что еще до поездки в Париж он, несмотря на молодость, был довольно широко знаком с французской литературой. В новой обстановке его литературные вкусы формируются быстрее, и в этом отношении, надо думать, большое влияние имело на него знакомство с писателем, перед которым преклонялся весь тогдашний образованный мир,—с Вольтером. Он уже из Петербурга выехал с мечтой о Вольтере. Из Вены ему очень хочется проехать, ради знакомства с всеобщим кумиром, в Женеву, но неизбежность лишних расходов вынуждает его отказаться от своего желания. «Здесь сказывают,—утешает он себя,—Вольтер будет скоро в Париже, ево Ришелье очень любит; я так и не отчаиваюсь ево там видеть».⁵¹ Однако мечта осуществилась раньше Парижа, в Мангейме, где А. Р. был в июле 1758 г. Знакомство произошло за обедом у курфюрста, и вот как юный поклонник фернейского мудреца описал это счастливое для него событие: «С крайним удовольствием увидел... за столом знатного господина Вольтера, которой весма ко мне ласкался. После обеда, как курфюрст и весь двор играл в карты, я имел удовольствие один с ним долго сидеть. Говорили мне, что он весьма жалеет, что я не могу с ним долго быть, и что он надеется, что я сие время не потерял. Я спрашивал у него совету про учение в Париже, на что сказал, что он бы советовал мне учиться в Стразбурхе, и для ради того хотел мне дать адрес к одному из его приятелей в Стразбурх, который весма славен к натуральным правам и истории древней и нонишной, и что он

⁵⁰ Воронц. собр., № 1020, от 17/28 окт 1759 г

⁵¹ Там же, от 6/17 июня 1758 г.

сумневается, что в Париже можно найти хороших мастеров». Таким образом, советы Вольтера как бы санкционировали то направление, в каком интересы А. Р. начинали складываться еще дома. Тем сильнее, конечно, было впечатление встречи. «Не прогневайтесь,— заканчивает он свое письмо,— если я несколько дней проживу здесь: тому притчина — господин Вольтер. Несказанное удовольствие иметь можно, как только ево услышишь говорить». ⁵² После того он виделся с «славным господином Вольтером» в Женеве, куда заехал уже на обратном пути из Испании в Париж. «Весьма ласково был от него принят,— сообщал он отцу.— Каждый день моего здесь бытия у него был». ⁵³ На этот раз, однако, никакого отчета о содержании их разговоров нет. В Париже А. Р. получил письмо от Вольтера и дает обещание все старания употребить «к продолжению такой корешпанденции». ⁵⁴

Где-то, скорее всего в Париже, он познакомился также с Даламбером, который, между прочим, известил его о времени возвращения Вольтера в Женеву. Но до Руссо ему не удалось добраться. «о господине Руссо, сообщает он, еще и по сию пору не могу добиться, чтоб иметь удовольствие его видеть: толь он дико живет». ⁵⁵ Помимо таких светил, у него имеются знакомства с несколькими людьми из светского круга, выделявшимися своей образованностью. Таков дюк Дешон (?), человек, «окроме ево знатности» имеющий «репутацию честного и знающего». Он был с А. Р. «весьма ласков» и показывал ему свой «кабинет механической и натуральной истории», ради чего тот нарочно приезжал из Версаля в Париж. «Кабинет у него,— описывает потом А. Р.,— весьма хорошей, так и библиотека. Что еще более удивительно, то, что много имеется вещей из Китая, что и у нас редко. все, что из Китая идет, то в великой адмирации у французов». ⁵⁶ Еще выше ценит он знакомство со старым маршалом Ноалием (Ноайль), который, по старости своей, никого к себе не принимал,— «со всем тем меня принял,— не без тщеславия подчеркивает он сделанное для него исключение и объясняет отцу, кто такой Ноайль и чем может быть полезен: «Он при последнем правительстве имел великое участие в правлении. Государя Петра Первого здесь видел и дал ему проект о коллегиях, кои он после в нашей империи учредил. Он столько мне ласкостей оказал, что со мной о делах говорил и позволил мне когда его советами пользоваться, о комерции и о политике может мне немалые дать ясности, кои к моему щастию служить могут». ⁵⁷

Конечно, в том интересе ко всем французским знаменитостям, какой проявляется со стороны А. Р., известную роль играло тщеславие: среди русской знати подобные знакомства входили тогда уже в моду,

⁵² Там же, от 6/17 июля 1758 г.

⁵³ Там же № 410, от 19/30 мая 1760 г.

⁵⁴ Там же, от 20/31 июля 1760 г.

⁵⁵ Там же, № 1020, от 19/30 окт. 1759 г.

⁵⁶ Там же, от 28 апр./9 мая 1759 г.

⁵⁷ Там же, от 15/26 окт. 1759 г.

и А. Р. хорошо известно, что он может, благодаря им, выиграть в мнении своего круга. Но несомненно также, что в известной мере он чувствует на себе обаяние ума и знаний этих людей, и в такой мере его тяготение к ним совершенно искренне. Разве можно было на его месте отнестись безразлично к суждениям Вольтера? Он думает даже, что, снискав расположение Вольтера, он может тем самым вернуть любовь отца, которую он считает утраченной благодаря излишним расходам в путешествии «если апробация господина Вольтера мне даст опять вашу прежнюю любовь,— пишет он Роману Иларпоновичу из Женевы,— то все возможное старание к сему принесу». ⁵⁸ При молодости Воронцова личное обаяние делало его особенно восприимчивым к идеям писателя, и мы находим в его письмах явные следы влияния Вольтера, как и вообще той умственной атмосферы, которая создалась тогда во Франции. Это влияние сказывается прежде всего в той отчетливости, с какой он разбирается в характере и направлении появляющихся книжных новинок, несмотря на их разнообразие. «Книг здесь множество новых выходит, выбор в них мудрено сделать»,— читаем мы в одном из писем, и это затруднение особенно им чувствуется, когда ему приходится выбирать книгу для другого, в подарок кому-нибудь из родных или знакомых в России: ведь «прислать книгу, которая не понравится, не только дурно, но и за малой разум почесть можно». ⁵⁹ В одном случае он предлагает отцу какую-то новую книгу, экземпляр которой он уже послал Ив. Ив. Шувалову, и оговаривается при этом: «только это не такая книга, чтобы по всему свету ходить, понеже для простого народа она вредительна может быть». ⁶⁰ А в другом случае, посылая отцу Кандида, «историю, сочиненную Вольтером», он не считает ее подходящей и для Ивана Ивановича: «не осмелился,— как говорит он,— послать Ивану Ивановичу, понеже очень волно писано, в иных местах об нас... А я к нему посылаю новую книгу об езуитах». ⁶¹ Он широко оценивает такой институт, как публичная библиотека. «Вчерашнего дня,— пишет он,— был я в библиотеке королевской... Не столько мне было приятно видеть тоlikое число книг, как способы, кои здешний город дает для инструкции ⁶² партикулярным людям: дважды в неделю все имеют дозволение в эту библиотеку итти, брать тут книги, перья и бумагу, которое все даром дают; чрез то партикулярной человек, которой не имеет способа книг купить, етим пользуется, одним словом сказать, всякому подается „случай быть просвещенным“. Он обращает, далее, внимание на то, что в Париже таких библиотек «пять или шесть», и некоторые из них «установлены партикулярными людьми, которые имели любовь к наукам, знали их ползу и следовательно хотели всем способы дать тоже иметь удовольствие...» «Доживем ли мы

⁵⁸ Воронц. собр., № 410, от 14/25 мая 1760 г.

⁵⁹ Там же, от 8/19 июня 1759 г.

⁶⁰ Там же, № 1020, от 5/16 февр. 1759 г.

⁶¹ Там же, от 17/28 марта 1759 г.

⁶² Очевидно, французск. instruction.

до того,— спрашивает он в заключение, переходя уже к русской жизни,— что толь хорошие и полезные здания увидим». ⁶³

III

Влияние просветительной философии чувствуется во всех общих рассуждениях Воронцова, этого недоросля, как бы еще недавно его называли в Москве. Отсюда он воспринял идею вольности в ее отвлеченном виде, которая затем получает более или менее реальные очертания в разных сферах его личного опыта и наблюдения. Реально ощутить ее заставила А. Р. прежде всего пережитая им коллизия в вопросе о выборе профессии. «Бог определил человеку каждому,— рассуждает он,— талант особый, кой всегда нечаянно в молодости вскроется, то и надо употреблять и давать способы к учению оного». ⁶⁴ Между тем «у нас в государстве часто детей записывают, не рассматривая их способности», как в свое время записали и его в военную службу, тогда как у него — способности к дипломатической деятельности. «Вы мне простите,— обращается он к отцу,— почтение на час отложу, любовь и откровенность говорят вам: отчево в Англии и в других местах столько находится людей полезных. Все делает вольность, то есть — употреблену быть в том, к чему склонность». ⁶⁵

Отсюда, казалось бы, один шаг к тому, чтобы признать за всеми право на блага вольности, и не в выборе профессии только, а в гражданской жизни вообще. Но это значило бы стать в открытое противоречие с основой тогдашнего русского быта — крепостным правом, и А. Р. принципиально вопроса не ставит. Только в отдельных поступках сказываются душевные расположения, позволяющие гадать, какой бы он мог дать принципиальный ответ, следуя им, а не практическим соображениям, в эту пору своей жизни. Повидимому, еще и дома он не приучился смотреть на крепостного исключительно глазами барича: по приезде в Париж он шлет письма своим сверстникам, вероятно, из дворовых, и хочет, чтобы они отвечали ему. «Пожалуй,— пишет он Дееву,— попеняй от меня на Николая Орлова, да Николая Нечаева..., что не ответствовали на мои письма». ⁶⁶ В другом случае он уже активно становится на сторону крепостного, когда в Париже слуга одного русского барина, какого-то Плещеева, отличавшегося жестокостью, не желая возвращаться с ним на родину ввиду его жестокости, обратился к А. Р. с просьбой, не может ли он походатайствовать перед своим отцом, чтобы тот выкупил его у владельца и записал в свои крепостные. Об этом А. Р. сразу же написал отцу и несколько раз потом напоминал ему, пока просьба не была исполнена; одновременно с тем он просил содействия у Деева, выдвигая моральную сторону дела:

⁶³ Воронц. собр., № 1020, от 26 июня/7 июля 1759 г.

⁶⁴ Там же, № 410, от 21 мая/1 июня 1760 г.

⁶⁵ Там же, № 1020, от 28 окт./8 ноября 1759 г.

⁶⁶ Там же, от 7/18 окт. 1759 г.

«Пожалуйста, постарайтесь, чтобы иль нам достать (т. е. в свои крепостные,— А. З.), иль абшет. Последнее еще лучше: освободим чрез то из тиранских рук человека и безо всякого интереса». ⁶⁷

А. Р. уверен, что аксиомы естественного права должны находить себе применение в управлении государством. Узнав, что Роману Иларионовичу поручено Сенатом составление «проекта нового уложения», он чрезвычайно проникся важностью поставленной отцу задачи. «мне ни на минуту из головы не выходит комиссия, которую вам Сенат поручил,— сколько чести щастливое окончание оного вам зделает». И верный усвоенным им воззрениям, он стремится, в согласии с ними, внести в дело свою посильную помощь. «Ссылаясь на слабое мое знание натурального права,— пишет он Роману Иларионовичу,— я имел разговоры о оном как с господином послом, так и з другими учеными людьми. Все мне подтвердили, что уложении никакие столько превосходны быть не могут, как те, которые сим правом основаны». Недели за две до этого письма он послал отцу «реестр авторов, которые лутче о сей материи писали», а теперь, посоветовавшись еще с учившимся тогда в Париже Плещеевым, «который весьма успехи оказывает... в сей науке», и с его «приятелями», посылает «лутчие немецкие книги». ⁶⁸

Он вообще верит, что просвещение составляет великую силу в государственной жизни. «Государство, какое б ни было, будучи один раз просвещено, само собою пойдет, только бы помешательства большие не делали»,— формулирует он это свое убеждение и заключает «дай бог, чтобы мы когда-нибудь могли сие увидеть». ⁶⁹ Повидимому, вопрос о самых формах государственного устройства не имеет в его представлениях существенного значения. Он отлично различает самодержавную монархию от конституционной и умеет в роли французского парламента его времени подметить моменты, позволяющие сближать его с английским. Он не противник и республиканского строя, едва ли даже не отдает ему преимущество перед всеми другими, судя по тому, как передает свои впечатления от республиканской Швейцарии: «Здесь нравы, для умеренности роскоши, весьма похвальные. Народ трудолюбивой. Веселие, написанное на лице, что всегда видно на гражданах республики не завися ни от кого, как только от прав, следовательно ляжет спокойно и встанет спокоен». ⁷⁰ Никаких, однако, выводов в применении к России в письмах этого времени мы у него не найдем.

Может быть, с наибольшей ясностью дух времени диктует А. Р. суждения в религиозном вопросе. Следуя Вольтеру, он резко отрицательно относится ко всяким проявлениям религиозного фанатизма. Он наблюдал их больше всего в Испании и потом следующим образом описывал своим обычным корреспондентам — отцу и дяде. «Теперь (апрель 1760 г.— А. З.) страшная неделя, то народ во всех местах

⁶⁷ Воронц. собр., № 1020, от 7/18 окт. 1759 г.

⁶⁸ Там же, № 410, от 1/12 дек. 1760 г.

⁶⁹ Там же, № 1020, от 26 июня/7 июля 1759 г.

⁷⁰ Там же, № 410, от 19/30 мая 1760 г.

проезжающих (т. е. которыми проезжали путешественники.— А. З.) столько богомолен, что или в церквах, или в ходу беспрестанно живет. Жалость и смех, видя их процессии, возмет, ибо видишь людей, кои железо из богомольства на себе таскают, а иные бичем так себя немилосердо по спине бьют, что кровь ручьями течет. до чего дурачество человека доводит! И, сделав сто худых дел, одним етим страданием думают спастись». ⁷¹ С такой же по существу точки зрения оценивает он наблюдаемое им в Италии богатое убранство церквей: «Церкви здешние,— пишет он из Милана,— да и почти всей Италии, ужасно как богаты, ибо народ очень суеверен». ⁷² Но ему не чужда и та мысль, что государство может извлекать пользу из религии в своих интересах; по крайней мере как будто такой смысл имеет следующее рассуждение в письме из Рима: «Церковные церемонии здесь ужасно как великолепны... Служба церковная так великолепна и порядочна, что не мало способствует почтению, которое народ имеет к закону». ⁷³

Отображая работу теоретической мысли автора, письма А. Р. рисуют в то же время и общий стиль его душевной жизни. Перед нами юноша делового типа, который своими словами и своими действиями постоянно заставляет нас забывать, что ему всего 17—19 лет. Он и сам, повидимому, часто забывает об этом. Узнав о намерении К. Г. Разумовского поместить своих сыновей в ту же школу — *chevaux légers*, он тоном совсем солидного человека советует ему через Романа Иларионовича: «скажите ему от меня, чтоб он прежде выпросил от Лопи-таля (французского посла в Петербурге.— А. З.) позволение иметь гувернера при его детях... Это весьма нужно, понеже много здесь робят, а в неекзерцициях (т. е. в свободные от упражнений часы.— А. З.) присмотр не велик. Итак, они более избалуются, нежели пользы принесут». ⁷⁴ А ведь и сам советник не пробыл еще года в школе. Пользу, личную или государственную, он обычно ставил основным мотивом своего поведения в самых различных обстоятельствах жизни, идет ли речь о науках, об эстетических впечатлениях, о путешествиях, об отношениях к людям. Можно сказать, каждый шаг его рассчитан на приближение к поставленной им себе самой цели, и при всяком уклонении в сторону, хотя бы и вполне естественном по его ли возрасту или по условиям обстановки, у него сейчас же является мысль о напрасно потерянном времени. По пути в Париж он делает остановки в разных городах, дольше других — в Варшаве и Вене, как для осмотра достопримечательностей, так и для ознакомления с местным обществом. Эти остановки входят в план его «вояжа», и тем не менее они уже в Вене начинают его тревожить: «вижу сам,— признается он в письме к отцу,— сколько время проходит, и между тем многоб мог полезного сделать в

⁷¹ Воронц. собр., № 1020 от 29 марта/9 апр. 1760 г.

⁷² Там же, № 411, от 2/13 февр. 1761 г.

⁷³ Там же, от 10/21 марта 1761 г.

⁷⁴ Там же, № 1020, от 8/19 июня 1759 г.

Париже»; ⁷⁵ а из Парижа — опять жалоба: «более месяца без дела сижу» и раскаяние, что «не последовал совету Вольтеру» — не остался в Страсбурге. ⁷⁶ Успехи в науках он решительно предпочитает всякой другой пользе и потому, поступив в Версальскую кавалерийскую школу, не хочет учиться верховой езде. «хотя и польза, что верхом научусь ездить, но опять вредительно, что время может пропасть» (т. е. для науки. — А. З.). Вообще он думает устроить свою жизнь так, чтобы избавиться от всех «урывок от наук, которые в Париже молодой человек иметь может». ⁷⁷ В этом отношении он не прочь противопоставить себя другим русским молодым дворянам, тем, как он едко выражается, «из наших молодцов, которых корпус вояжировал, а не голова». ⁷⁸ Сколько пренебрежения, например, в его отзыве о племянниках А. Г. Разумовского, устроенных дядей в Вене. «Сказывают, — пишет он из Вены, правда, уже в 1761 г., когда ему исполнилось 20 лет и он стал дипломатом, — что молодешь наша ужасно как испорчена. Примером тому служат здесь пять племянников графа Алексея Григорьевича, которые не только ничего не знают, но и кондуитом своим стыд нам делают, бегая по улицам, ходя в спектакли с такими людьми, на которых и смотреть стыдно». ⁷⁹

Понятна поэтому та горячность, с какой он ответил на сделанный ему упрек в мотовстве. «шлюсь на всех беспристрастных людей, кои меня знали в сем городе (Париже. — А. З.), что знание девок, балов и протчих публичных мест, что столь других веселило, мне ни малое удовольствие не делало, и без пристрастия скажу, хотя его покажется и странно, что мало находится людей в мои лета, кто б толь мало в дебошах наслаждался, как я». ⁸⁰

VI

Защищаясь от упреков в мотовстве, А. Р. не отрицает, что его жизнь в Париже, а особенно вояжи стоят много денег. Из присылавшихся им Роману Иларионовичу счетов видно, что за первый год заграничного пребывания он истратил более 5 тыс. руб., а за второй, на который приходится путешествие в Испанию, — более 10 тыс. руб. К этим цифрам имеются комментарии: об его парижских привычках читатель может сделать заключение по печатаемому ниже счету (за первый год), ⁸¹ а представление об обстановке, в какой он путешествовал, дают его письма к отцу.

В Испанию молодого Воронцова сопровождала целая свита: фран-

⁷⁵ Воронц. собр., № 1020, от 9/18 мая 1758 г.

⁷⁶ Там же, от 28 авг./8 сент. 1758 г.

⁷⁷ Там же, от 6/17 июня 1758 г.

⁷⁸ Там же, от 28 марта/8 апр. 1758 г.

⁷⁹ Там же, № 411, от 26 апр./7 мая 1761 г.

⁸⁰ Там же, № 410, от 18/29 апр. 1760 г.

⁸¹ См. приложение.

цуз Фавье, очень образованный, по уверениям А. Р., человек, притом бывавший в Испании, которого он взял «для руководства» в путешествии, и трое слуг — один крепостной, знакомый нам Тимофей Орлов, и двое других — французы: «кухмистер» и «парикмахер». Ехал А. Р. в собственной карете, которую приобрел в Париже, и также специально для этого случая куплена была серебряная посуда. Все это Роману Иларионовичу казалось излишним, — и г-н Фавье и в особенности наемные слуги: «на что повара, камердинеры?» — с недоуменным спрашивает он, но сам «точно знает», как выясняется из дальнейшего, что к подобным расходам «не надобность, а гордость да тщеславие побудили» сына.⁸² С своей стороны, А. Р. дает другое объяснение. На что повар? Но в Испании без своего «кухмистра» обойтись невозможно, потому что там «трахтиры весьма дурны», за всем надо посылать на рынок, между тем «трахтирщики гишпанские столь спесивы, что сами не ходят», и потому когда под влиянием отцовского письма он отпустил повара, ему пришлось питаться всю дорогу «сырой витчиной», и надо еще удивляться, как он «по сию пору мог не занемочь». Не нужен парикмахер? Но в Испании «всякой господин имеет своего парукмахера, следовательно, публичные, одевая только подлость, весьма дурны», и он направляет против Романа Иларионовича его же оружие. «я думаю, вы б сами не захотели..., чтобы я был странно одет, за что, если не запаматовали, и в Питербурхе гневались: неужели я вдруг так переменялся и из самых больших нерях зделался пустым петиметром, что ни к лицу моему, ни к мыслям моим весьма нескладно».⁸³

С другой стороны, в письмах А. Р. мы найдем сколько угодно примеров, доказывающих, что по крайней мере его сознанию совсем не чужда расчетливость. Если ему приходится купить какую-нибудь вещь для себя или для домашних, он редко когда не прибавит, сообщая о цене: «нашел весьма дешево» или: «это считают здесь дешево». При крупных покупках он учитывает обстоятельства, влияющие на цену предмета. Получив от отца поручение купить в Париже карету, он пишет: «я стану стараться, чтобы найти поеженую, понеже гораздо дешевле, так что за две тысячи франков можно найти такую карету..., для того, что здешних господ толь ветренность велика, что они купят всякие вещи весьма дорого, месяц после того за безценок отдадут, чтобы новые опять покупать».⁸⁴ Серебряную посуду, о которой была выше речь, он купил «на вес, не платя фасону», воспользовавшись тем, что цена на серебро резко понизилась в Париже, в связи с монетными операциями правительства.⁸⁵ Вообще отношение его к деньгам твердое и определенное: «прожить их, — говорит он, — легко можно, если захочешь, а у меня, благодаря бога, такой склонности нет; надеюсь, что и

⁸² Архив Воронцова, т. 31, стр. 41.

⁸³ Воронц. собр., № 410, от 18/29 апр. 1760 г.

⁸⁴ Там же, № 1020, от 9 ноября 1758 г.

⁸⁵ Там же, от 30 окт./10 ноября 1759 г.

впредь ее не будет». ⁸⁶ Поэтому даже при полной возможности тратить он считает за лучшее воздержаться. Когда в Варшаве банкир, передавая ему 130 червонцев, сообщил о распоряжении Романа Иларионовича, «чтоб еще дать, сколько будет потребно», А. Р. писал по этому поводу: «однако, я, конечно, етим абюзировать не буду и оказался б неблагоприятным и недостойным ваших милостей, если б ету поверенность к худу употребил». ⁸⁷ Вскоре после того ему представился и случай доказать на деле искренность своих слов: несмотря на предложение отца, он отказался, именно по побуждениям экономии, заехать в Женеву для знакомства с Вольтером, утешая себя в этом лишении соображением, которое в то же время выдает всю силу его желания: «он (Вольтер.— А. З.) еще не так стар, чтобы бог не допустил меня ево видеть, то есть окончив науки, и тогда надеюсь изобресть пользу в ево свидание». ⁸⁸

В результате этих сопоставлений — поступков и заявлений — получается как будто противоречивое положение. На самом деле противоречие здесь только кажущееся. Несомненно, А. Р. не бросался на удовольствия, какими и тогда богат был Париж, и осмотрительно расходовал средства, считаясь, между прочим, и с стесненным материальным положением отца. Но в тех случаях, когда с денежным вопросом связывалось поддержание фамильной чести, как ее в то время понимали, расчетливость становилась для него недопустимой, и в этих пределах Роман Иларионович был прав, обвиняя его в гордости и тщеславии. Такие понятия были необходимой принадлежностью той среды, в которой он вращался и с которой ему, согласно его планам, предстояло в будущем связать свою деятельность. «Думаю,— писал он отцу еще с дороги, когда впервые ехал в Париж,— что вы и сами от меня не будете требовать, чтобы я так бедно жил, что стыдно было вашему имени, а есть средство, чтобы себя женерозно, но и не бедно вести». ⁸⁹

За границей имя дяди юного путешественника, Михаила Иларионовича, сразу же открыло молодому Воронцову доступ в круг самой высокой знати. Впрочем, еще в Риме и Кенигсберге, находившемся в те годы под русской властью, благоприятное положение племянника вице-канцлера дало знать себя в том внимании, которым его окружали виднейшие представители местного светского общества. Его наперерыв приглашают в аристократические дома, и почтенные генералы, как Мейндорф, Кампенгайзен и Финштов, едут к нему, почти мальчику, «с визитой». ⁹⁰ В Митаве барон Мирбах дает ему на дорогу до Кенигсберга «целой магазейн кушанья», а в Кенигсберге генерал-губернатор настойчиво приглашает поселиться в своем доме. Не удивительно, что в этой обстановке юноша скоро начинает говорить тоном взрослого

⁸⁶ Воронц. собр., № 1020, от 13/24 апр. 1758 г.

⁸⁷ Там же, от 15/26 апр. 1758 г.

⁸⁸ Там же, от 30 июня/11 июля 1758 г.

⁸⁹ Там же, от 6/17 июня 1758 г.

⁹⁰ Там же, от 10/21 марта 1758 г.

и берет на себя обязательства, налагаемые условиями общежития на зрелых людей. Чтобы представить себе его в этой позе, не надо никаких описаний, а достаточно лишь следующего рассуждения его из письма к отцу: «рассудил ехать с визитом к фельдмаршалшён Леси (Ласси); такая дама знатная и у которой муж столько заслуг сделал отечеству,— конечно, не грех всегда почтение сделать»⁹¹ И чем дальше он едет, тем больше блеска видит вокруг себя. В Варшаве русский посланник сказал ему, что король «нетерпеливо хочет видеть племянника своего друга», и на аудиенции, действительно, оказал ему, по его словам, такую «милость», после которой А. Р. почувствовал необходимость «быть женосердечнее», и «разные подарки сделал».⁹² В Вене сначала ему показалось, что «знакомства здесь делать труднее, нежели в Варшаве», потому что «народ гордой и мало говорливой»; однако, уезжая через три недели, он уже писал, что был «очень щастлив и многие имел знакомства», между прочим, «господин Кауниц...»⁹³ многие оказывал учтивости», и сама императрица, встречая его в разных домах, всякий раз к нему «подходила говорить», а однажды даже сказала, «что она от всех похвалу [ему] слышит, и говорила, чтобы не избаловался в Париже».⁹⁴

Поселившись в Версале, в школе *chevaux légers*, которая вызывала у него столько сомнений, А. Р. скоро был вознагражден тем, что через нее близко вошел в придворное общество, стал известен и королевской семье, как заставляет думать одно из его писем, где он просит Романа Иларионовича прислать самого хорошего зеленого чаю, объясняя: «дофинша весма до нево охотница и ежели б можно достать такова... я б ей поднес».⁹⁵ Судя по письмам, он имеет большой успех в Версале и прежде всего у короля: «к удовольствию моему нередко слышу от здешних господ, кои с королем кушают, милостивый отзыв, кой он обо мне делает».⁹⁶ Благосклонное отношение короля к А. Р. заметил и его слуга Яган Рейх. В письме к Дееву, отступая от своего обычного лаконизма, он рассказывает, как король делал в Версале смотр «всем полкам», на который приехал и А. Р. вместе с послом; «и его величество король,— продолжается рассказ,— изволил долго разговаривать с Александром Романовичем, и зачел речь разговаривать: для чего в траурном платье? разве тебе мундир надокучил? а надлежит ево носить всегда для того: он везде, мундир, годен. И так долго с ним речь продолжал. Ета великая диковинка,— заключает автор,— что он мало (т. е. почти.— А. З.) ни с кем не говорит».⁹⁷ Может быть поэтому не так много преувеличения было в словах Воронцова, когда он, подводя

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, от 15/26 апр. и 6/17 июня 1758 г.

⁹³ Австрийский канцлер.

⁹⁴ Воронц. собр., № 1020, от 29 мая/9 июня 1758 г.

⁹⁵ Там же, от 1/12 мая 1759 г.

⁹⁶ Там же, от 1/14 окт. 1759 г.

⁹⁷ Там же, от 22 июля/2 авг. 1759 г.

итоги своему пребыванию в школе, следующим образом характеризует достигнутое им положение в Версале «Год, кой пробыл в Версалие, мне дал оказию видеть и знать двор, и могу сказать, что имел удовольствие знать и быть любиму от многих, что чужестранным весьма редко удается, понеже во множестве их французы стараются делать выбор; итак, по болшой части они только ходят по спектаклям и з девками». ⁹⁸ Его положение, хочет он сказать, было совсем другое.

V

Свое удовольствие по поводу сделанных им в Париже знакомств А. Р. высказывает много раз по разным поводам. Он очень ценит их. Конечно, светские успехи льстят его тщеславию; но прежде всего знание придворной европейской обстановки он считает необходимым для себя как для будущего дипломата и даже принял решение составить описание европейских дворов: ведь «у нас,— заявляет он не без претенциозности,— по сю пору ни одного человека нет, которой бы обстоятельно знал дворы, где он был, и привез к нам описание, чему бы следовать могли». ⁹⁹

Для дипломата светское общество — такой же предмет изучения, как и всякой науки, и потому А. Р. вводит светские знакомства в свой образовательный план, составлявшийся им в предположении, что ему разрешат пробыть в Париже еще год. Этот план один мог бы убедить в необычайной для возраста автора его деловитости. «Вот,— пишет он отцу,— план, который я себе зделал о моей жизни в чужих краях, ежели его апробуете... Я надеюсь, оконча прежде писанные науки (т. е. изучавшиеся им в школе и у «мастеров» в Версале.— А. З.), поехать жить в Париже, где буду прележаться все послеобеда к физике экспериментальной, механике; утро, понеже при сем всегда в шесть часов вставать,— чтобы ездить смотреть, что есть куриознава в Париже, также во всех мануфактурах, и делать знакомства с знатными артистами, что впредь мне будет к пользе служить; а вечер — чтобы видеть как те дома, которые уж знаю, и новые знакомства делать; и думаю, что вы уже не сомневаетесь, что я не худые знакомства зделаю, понеже... с тех пор, как выехал из отечества..., не только бегал от всех худых знакомств, но старался все свои страсти преодолеть, ежели их совсем не утушил, по малой мере разсудок ими повелевал». ¹⁰⁰ Бывая при дворе, он прислушивается к тому, что говорят о делах, и от него не ускользает плохая осведомленность русского посла: «я сам часто видал, что король говорил послу о таких делах (русских), кои совсем еще не сообщены ему были». ¹⁰¹ Он стремится быть в курсе дипломатических новостей, не задаваясь вовсе вопросом, соответствует ли такая его любознательность

⁹⁸ Воронц. собр., № 1020, от 13/24 ноября 1759 г.

⁹⁹ Там же, от 26 июня/7 июля 1759 г.

¹⁰⁰ Там же, от 20 апр./1 мая 1759 г.

¹⁰¹ Там же, от 28 окт./8 ноября 1759 г.

его возрасту. Узнав, что французский король едет в Лион для свидания с королем «непольским», он готов бросить на время свои учебные дела (ведь поездка займет не больше трех недель!), чтобы присутствовать при свидании, «понеже,— объясняет он свои побуждения Роману Иларионовичу,— редко удастся видеть вместе двух государей, и сверх того уповательно, что там великие будут негоциации, и, ежели послы не поедут, думаю, что могу быть в пользу нашего двора, чтоб уведомить о тамошних делах. Я без хвастовства могу сказать, что о многих делах уведомлял г-на посла». ¹⁰² Ему чрезвычайно хотелось бы, чтобы ему, ввиду предстоящего путешествия в Испанию, поручили официально приветствовать нового испанского короля, и он мог бы, таким образом, появиться при испанском дворе с дипломатической миссией: «неужели, будучи в Гишпании, мимо меня сие пройдет?»,— спрашивает он с обидой. ¹⁰³

Пока, однако, стремление А. Р. к дипломатической роли встречало решительный отпор со стороны Михаила Иларионовича, от которого зависело осуществление его мечты. Старый дипломат считал это преждевременным, и племянник напрасно наполнял горькими жалобами на его равнодушие свои письма к отцу. Но зато не встречает противодействия его жажда деятельности в неофициальных формах, и он действительно пользуется всяким случаем, чтобы заявить о своей готовности служить «своей государыне и пользе отечества». Он узнал, что в Версале есть «презнающий» человек в артиллерии и «инженерстве», который изобрел какой-то новый способ атаки с наименьшими потерями: «такой человек,— соображает он,— весьма бы нужен был у нас», и спешит сообщить о своем открытии отцу. ¹⁰⁴ В одном из следующих писем — новое предложение. Если бы на него «положились», он мог бы «достать» для русской службы «самых лутчих артиллеристов и инженеров, понеже,— объясняет он,— я великие способы к тому имею, будучи в Версале». Но и вообще, по его мнению, теперь для нас, ввиду слабости французского правительства, наступил «златой век для сыскания разных сортов людей»: «Камерция здешняя вся разорилась. Из Лиона можно лутчих достать мастеровых...» Предлагая свои услуги по этой части, он подчеркивает, что для таких дел нужен знающий и деловой человек, а «наши господа тех более выбирают, кто на поклон к ним ходит». ¹⁰⁵ А всего лучше, конечно, собственные специалисты, инженеры и артиллеристы; но чтобы их иметь, нужны хорошие учителя,— мысль, которую А. Р. также развивает в своих письмах: «у нас,— говорит он, между прочим,— только сапожники и перухмахеры, одним словом сказать, всякая дрянь французская к нам приезжает, и уж не один раз слышал говорить пословицу: в государстве слепых кривые царями считаются». И в этом деле он готов помочь: «Надо знать.

¹⁰² Там же, от 1/12 марта 1759 г.

¹⁰³ Там же, от 6/17 сент. 1759 г.

¹⁰⁴ Там же, от 30 сент./11 окт. 1758 г.

¹⁰⁵ Там же, от 6/17 февр. 1759 г. и от 18 марта 1759 г.

делать выбор, и ежели б мне поручили, я надеюсь, что успех в том хорошей иметь мог». ¹⁰⁶

Во всех этих предложениях нашли выражение более или менее случайно возникавшие мысли. Но в центре практических интересов А. Р. всегда остается основная мысль — о необходимости усиленных мер к развитию торговли и промышленности России. Ее внушили будущему президенту Коммерц-коллегии заграничные впечатления. «Как я не выехал еще из отечества,— признается он,— то думал, что мы уж во всем можем иметь преимущество перед другими. Только я весьма обманулся и через вояжи увидел, что еще многа недостает». ¹⁰⁷ И особенно невыгодно было, в его глазах, сопоставление России с другими странами в отношении именно торговли, которую он, естественно, рассматривает в условиях международной обстановки. Мы сами слишком много покупаем на стороне, а свои товары, не имея своего флота, продаем через посредников, преимущественно через англичан и голландцев. Русские товары можно найти везде, а русского купца почти не увидишь. «Нигде авантажней коммерции так не видел,— сообщает он в письме из Севильи,— как в Кадиксе. Обыватели все богатые и живут во всем возможном довольстве. Чужестранцев пропасть ужасная,— всех наций торг делается, кроме нашей». То же самое и в других испанских и португальских портах. А между тем в Испании большой спрос на русский хлеб, лес, даже на русскую «бакалию», только вся прибыль от них попадает в карман англичан: «все то, что англичаня у нас берут и привозят в Гишпанию и отдают им с великим барышом, в оборот берут золото и серебро, из которого некоторую часть с великой прибылью нам привозят»; и недаром потому «аглицкая нация, которая лучше всех в свете знает силу и порядок в коммерции, старалась во все время нас в слепоте об оном держать». ¹⁰⁸ Передав свой разговор с кадикским губернатором о том, что испанским правительством дано разрешение закупить через одного английского купца на 200 тыс. пиастров «рижских мачтов», он с возмущением продолжает. «ети бы все деньги к нам пришли, если бы сами комерцию делали, а теперь на серебре англичаня у нас выиграют: слыхано ль дело, что талер, кой стоит 100 копеек в Гишпанин, ставится у нас за 125 коп». ¹⁰⁹ Все это заставляет его вспомнить Петра Великого: «Сей государь знал всю пользу, что можно изобресть из коммерции, и старание к тому прилагал, но... перемены, кои делались всегдашние после смърти сего великого государя, помешали множество его добрых намерений совершить, а наипаче кои касаются до комерции окружной земли нашего государства». ¹¹⁰

Особенно невыгодным для нас делает баланс наша чрезмерная

¹⁰⁶ Воронц. собр., № 1020, от 8/19 июня 1759 г.

¹⁰⁷ Там же

¹⁰⁸ Там же, от 28 окт./8 ноября 1759 г.

¹⁰⁹ Там же, № 410, от 1/12 апр. 1760 г.

¹¹⁰ Там же, № 1020, от 28 окт./8 ноября 1759 г.

роскошь. «По выкладкам моим,— рассуждает А. Р.,— как житие пустое многих наших господ в Париже, так и роскошь питербургская, состоящая в том, чтобы иметь все то, что в Париже в моде..., удар нашему состоянию делает». Это не значит, что он вообще отрицает искусства, несущие с собой произведения роскоши. Там, где «художества в совершенстве находятся», роскошь не причиняет особого вреда, потому что деньги не отливают за границу, а остаются в собственной стране, переходя только с большей быстротой «из рук в руки». Совсем другое в России, «где не только художества 50 лет как начались, но и старания к тому не прилагают», а потому «последние деньги роскошь вытаскивает и чем нас ослабляет». Он советует «оглядеться и взять в пример» французов, которые не задумались наложить запрещение на некоторые привозные товары, не считаясь с тем, сколько к ним «чужих денег приходит простотой других наций, которые думают, что все то худо, что не в Париже сделано». Но если бы мы захотели «чужестранные товары совсем закрыть», в таком случае нам следовало бы «фабрики свои завести». ¹¹¹ Отсюда его настойчивые советы использовать сложившиеся благоприятно для нас условия во Франции, когда, вследствие материальных затруднений, мастера всякого рода, по нашему приглашению, «с охотой отсюда выедут». ¹¹² Россия, считает А. Р., должна изменить всю торговую политику. В настоящее время некоторые нации, как англичане, пользуются у нас привилегированным положением, согласно заключенному с ними (в 1734 г.) трактату. «Теперь трактату нашему о комерции срок вышел», и при заключении нового не надо допускать никаких привилегий «одной нации перед другой». «Я о том часто говорю с здешними людьми, знающими в комерции,— пишет он,— они всегда говорят: первой пункт комерции — добрые ненарушимые права, да вольность продавать и брать у кого хочешь». ¹¹³

Собственные наблюдения и чужой опыт раскрыли, таким образом, перед молодым Воронцовым и огромную роль торговли в жизни государства и условия ее развития. Уже теперь он связывает с нею свою будущую деятельность. В одном из писем к отцу, указав на то, что он, согласно своему плану, на следующий год своей жизни в Париже «более намерен искать знакомство в разных мастерах, так к фабрикам, как художествам», он приводит дальше и руководящий им основной мотив: «мое намерение, чтобы, назад возвратившись в отечество, быть способным к службе нашей государыне». ¹¹⁴ Так возникло у него решение: «стану стараться просветиться, как можно более, в комерции». Помимо Парижа, большой материал для наблюдений, как уже было указано, дают ему «вояжи», во время которых он едва ли не больше всего уделяет внимания экономической жизни каждой страны. Отправившись из Парижа в Испанию, он нарочно сворачивает в сторону, чтобы

¹¹¹ Воронц. собр., № 1020, май 1759 г.

¹¹² Там же, от 22 янв./2 февр. 1759 г.

¹¹³ Там же, от 28 окт./8 ноября 1759 г.

¹¹⁴ Там же, июнь 1759 г.

осмотреть Лангедокский канал, и о Франции вообще говорит, что надеется «знать ее не так, как наши господа ее знают, то есть спектакли и променады, но знать всю ее комерцию». ¹¹⁵ Путешествие же по Испании дало ему возможность составить интересное и содержательное описание этой страны. А кроме того, он начинает следить за литературой и собирать издания, которые кажутся полезными. Приобретая для себя «довольное число книг, касающихся до комерции», он посылает выходящие новинки по этой части и своему дяде. «Я к вашему сиятельству имел честь писать уже давно,— читаем в одном из писем его из Парижа, о *Journal d'économie*, кой здесь всякой месяц выдается. Недавно зашел выдаваться о комерции. Последней, думаю, может быть полезен у нас, и, ежели не противно будет, каждой месяц буду брать смелость присылать. Во множестве книг, которые здесь выходят, находятся весьма полезные». ¹¹⁶ Две недели спустя по тому же адресу посылается «история финансов, книга интересная для администрации». Особенно рекомендует он Михаилу Иларионовичу разные сочинения по вопросам коммерции своего спутника по Испании Фавье, писанные для бывшего французского министра д'Аржансона, в частности, сделанный им перевод английской книги о торговле шелком, которая, как думает А. Р., может принести великие выгоды России, «если мы возьмем ее в свои руки».

VI

Переписка освещает и еще один уголок душевной жизни А. Р.— его эстетические переживания. Они появляются не сразу. Нет вовсе упоминаний о впечатлениях такого рода ни в письмах с дороги — от Рима до Парижа, ни из самого Парижа. До кюца первого года как будто автор не видел города и окрестностей, где жил. Эти мотивы начинают звучать только с того момента, как он оказался в Испании, и то как-то неуверенно, а полную силу приобретают лишь в письмах из Италии.

И там и здесь всего слабее его впечатления от природы. Пейзаж сам по себе его не трогает. Попутно, несколькими словами, он обмолвился о горах, хотя ранее гор и не видал; а бывши в Неаполе, как будто вовсе не заметил ни моря, ни Везувия. Только однажды он поддался очарованию природы,— когда проезжал Валенсией, хотя и тут в его оценке чувствуется наивно утилитарный момент: «О здешней земле, т. е. государстве Валенсии,— пишет он Роману Иларионовичу,— не могу иной идеи дать вам: естли рай где-нибудь назначен быть, то уповательно, что тут, ибо более, нежели 200 верст земли ничего иного не видишь, как аллеи апельсиновых и ситронных деревьев, гренады (гранаты) и деревья, из коих листов червей для делания шолку кормят. Горы, коих во всей Гишпании, как езжу, не переставая видеть, в этих

¹¹⁵ Воронц. собр., № 1020, 20 апр./1 мая 1759 г.

¹¹⁶ Там же.

местах только издали оказываются... Итак, иначе нельзя думать, выдав его место, чтоб не оно обещано было праведникам в святом писании». ¹¹⁷

Видимо, не захватывает его глубоко и живопись. В письмах своих он молчит о произведениях даже величайших мастеров Испании и Италии. В Риме остатки живописи «во дворце старинных императоров» заинтересовали его, но не художественной стороной. «верить почти не можно,—передает он свое впечатление,—что на плафонах в иных местах с тех пор еще краски держатся». ¹¹⁸ Все же он купил в Италии восемь картин, среди них — одна «из школы Рафаэля», и значительное количество («ящик») «рисунков лутчих зданий и статуй Италии», — вероятно, гравюр. Отправив все это домой, он озабочен их сохранностью: «сие собрание... мне довольно труда стоит и для того,—просит он отца,—осмелюсь вас трудить, чтобы пожаловать приказать их поставить в кладовую до моего приезда, а чтобы никто до них не трогался». ¹¹⁹

Гораздо глубже эстетическое действие на А. Р. памятников архитектуры. Но у него не всегда находятся нужные слова, чтобы точно выразить впечатление. Об Альгамбре он мог сказать только. «совсем строение иное, чем у европейцев, и в странности своей нечто имеет приятнова», ¹²⁰ и почти то же — о «кривой башне» в Пизе: «строение оной довольно странно». Зато в других случаях в его грубых оборотах вдруг сверкнет подлинное чувство восхищения. Вот, например, он едет из Венеции в Милан: «с обеих сторон [дороги] имеешь,—описывает он,—великое множество загородных домов, между которыми один такой, что многие государи лутче онова не имеют», и за этими прозаическими словами — яркое признание: «какая земля Италия,—все всяжи ничто, когда оную не видел». ¹²¹

Практическое чутье продолжает управлять им и в путешествии по Италии: «сей город,—отзывается он о Риме,—требуется много времени, чтоб видеть оной с пользой». Поэтому он приступил к осмотру римских памятников с большой систематичностью. «Начал я,—пишет он отцу,—с одним антикварием делать курс древностей и вещей примечательных сего города, ходя 4 дни по 3 часа по-утру и столько ж после обеда. Еще все церкви, где видеть есть что, осмотреть не могли. После того начнем видеть остатки древностей... Я всякое старание употребляю, чтобы не зделать бесполезным время, которое употребляю на сей город». ¹²² Но город покорила его и, пробудив жажду эстетического наслаждения, заставил, повидимому, забыть порядок, продиктованный рациональными соображениями. «Что более мое бытие в Риме продолжается,—признается он уже через несколько дней,—тем менее

¹¹⁷ Воронц. собр., № 410, от 22 апр./3 мая 1760 г.

¹¹⁸ Там же, № 411, от 17/28 февр. 1761 г.

¹¹⁹ Там же, от 26 апр./7 мая 1761 г.

¹²⁰ Там же, № 410, от 1/12 апр. 1760 г.

¹²¹ Там же, № 411, от 2/13 февр. 1761 г.

¹²² Там же, от 17/28 февр. 1761 г.

насытитесь могу видением оного, особливо церкви святого Петра, которую, видевав всякий день с тех пор как в Риме, все новое что-нибудь нахожу». ¹²³

Зато, проникшись восхищением перед произведениями итальянского искусства, он критически, несколько даже свысока, отнесся к их владельцам, написав отцу в последнем письме из Рима: «Здесь во всяком доме что-нибудь найти можно примечательного. Только все сии сокровища в нерадении: картины лутчия поставлены в местах, где портиться могут, так как бы в варварских руках были». ¹²⁴

После Италии ни Вена, ни Париж, ни другие города не возвращают уже А. Р. к этим темам, как будто об эстетических впечатлениях полагалось говорить только применительно к Италии. Только в Штутгарте очень сильное впечатление произвел на него сад при загородном дворце герцога, и он с большой полнотой описал этот сад в письме к Роману Иларионовичу, как «особливо достойный примечания». Он думает и еще раз побывать там, чтобы лучше разглядеть подробности: «Етот весь садик — стужа придет — покрывается кровлей деревянной и топится. Зеленость бывает так, как посреди лета...» Отсюда несколько пессимистические размышления о свойствах русского человека: «Приходит таковое старание в иных землях, что естли натуры превосходить не может, по малой мере заменой ей служит во многих местах искусство. Имев столько леса, как у нас, содержание такого удовольствия не только государю, но и партикулярному человеку легко б иметь можно. Полно: мы еще далеко от таких выдумок. Не один раз русский имеет притчину досадовать, когда чужия земли со своей сравнивает. И наша очередь придет, толко не нам то видеть» ¹²⁵.

Предыдущее изложение может оставить впечатление, что душевная жизнь А. Р. целиком заполнена теоретическими или практическими, но всегда важными предметами, и ему по натуре чужды всякие другие интересы и увлечения. Возможен ли такой душевный строй, особенно в том возрасте, в каком находился наш герой, и притом еще у придворного елизаветинского времени? При оценке переписки с этой точки зрения не следует забывать возраст и положение корреспондентов А. Р., которые едва ли одобрили бы всякий другой тон его писем; а еще важнее, что некоторыми своими признаниями он сам как бы предупреждает, что подобное заключение об его душевных свойствах не было бы вполне правильным. Он вовсе не ригорист и — принципиально — не противник удовольствий; но у него составилось решение уклоняться от развлечений в первые два года парижской жизни, пока не будет выполнена намеченная им образовательная программа. А потом его образ жизни, думает он, может измениться: «я знаю, — пишет он отцу вскоре по приезде в Париж, — вы все сие время мне наградите и позволите тогда пользоваться утехами парижскими» ¹²⁶. С некоторыми «утехами» он ознакомился, од-

¹²³ Воронц. собр., № 411, от 21 февр./4 марта 1761 г.

¹²⁴ Там же, от 26 февр./9 марта 1761 г.

¹²⁵ Там же, № 410, от 11/24 сент. 1760 г.

¹²⁶ Там же, № 1020, от 9/20 мая 1758 г.

нако, и до назначенного срока. Уже за первый год Париж успел кое-чем привязать его к себе. «Одно только,— признается он,— уезжая в Испанию, что всегда буду сожалеть в Париже, то комедия французская, да знакомые»¹²⁷. Но у него не закрыты также глаза на привлекательные качества французских женщин. Знакомый нам приказчик его отца, Деев, соблазненный примером Ягана Рейха, который женился в Париже на француженке, просил А. Р-ча устроить так, чтобы Рейх и для него привез жену из-за границы, француженку или немку — все равно, «только бы была хороша и разумна». ¹²⁸ И А. Р., одобряя его намерение, с своей стороны в ответном письме высказывает свое мнение о француженках, которое трудно иначе назвать, как восторженным: «Вы очень хорошо делаете, что хотите иметь какую-нибудь францужинку. Нет на свете ничего столь приятного, как женщина этой нации, разумная: пороки ее можно считать добродетелию перед другими». ¹²⁹ У него даже есть определенная теория на счет значения страстей, мы бы сказали теперь — темперамента, в жизни человеческой: «Человек без страсти ничего сделать не может, но уж и добра от него ожидать нечего. Итак, такие люди мало пользы приносят обществу, а если бы их много было, то бы и вред могли делать». ¹³⁰

При всем том умственная атмосфера века, которой он дышал в Париже, сказалась на общем складе его мышления. Отсюда он впитал в себя рационалистические тенденции и в согласии с ними все свои мысли, чувства и действия стремится возводить к разумным основаниям, моральным или утилитарным, отчего как будто всегда связан в своем восприятии действительности. Рационалистический налет лежит на его рассуждениях об учении и поведении, о политике и экономике, о парижской жизни и развлечениях. У него потребность одобрить даже самую простую мысль рационалистической приправой. Вот он решил изучать физику «только после того, как окончит другие науки», и объясняет свое решение: «а то много вдруг начать учить не мудрено, но совершенно знать все вдруг не можно». Казалось бы, сказано достаточно для обоснования этой несложной мысли; но рассуждение продолжается: «Я всякой день признаваю виды, сколько несовершенства в человеке находится». И так, в большей или меньшей степени, во всем. Припомним его признание, что он свои страсти «ежели совсем не утешил», то «по малой мере» у него ими «рассудок повелевал». В жизни благодаря этой «победе» он, вероятно, казался резонером, особенно людям, которые не знали или не любили его; но и друзья чувствовали в нем эту черту, может быть, подсмеивались над нею. По крайней мере так звучит приветствие, с которым однажды обратился к нему его большой друг, которого он частенько «журил», П. В. Завадовский: «Кланяюсь благому и любезному моему наставнику Александру Романовичу».

¹²⁷ Воронц. собр., № 410, от 5/16 мая 1760 г.

¹²⁸ Там же; Архив Воронцова, т. 31, стр. 45.

¹²⁹ Там же, № 410, от 18/29 авг. 1760 г.

¹³⁰ Там же.

* * *

Годы своего пребывания за границей А. Р. описал еще раз в своей автобиографии через много лет — в конце своей жизни, когда они стали уже далеким воспоминанием. К сожалению, он не закончил своего труда и остановился на первых своих днях в Париже и школе. Конечно, между автобиографией и письмами — значительная разница в содержании и стиле: в письмах внутренний мир автора раскрывается с большей непосредственностью и конкретностью, зато в автобиографии расширены и углублены наблюдения над внешним миром, в особенности над экономической жизнью европейских стран. При всем том поразительна близость в основном направлении интересов и симпатий автора там и здесь, как будто между этими двумя моментами не лежит сорока лет сложной и богатой разнообразными впечатлениями жизни. В зрелом государственном деятеле мы без труда узнаем знакомого нам ученика *chevaux légers*, если взглянем на характер его деятельности или тех задач, на которые она направлена: и дипломатическое представительство и управление Коммерц-коллегией как раз и были осуществлением того плана, который вырабатывался им в стенах школы, сверх ее официальной программы; а усвоенные им тогда же политические принципы в значительной степени, надо думать, определили его отношение к политике Екатерины и сказались потом в поданной им Александру I «Записке», где доказывалось, что залогом общего благосостояния в государстве служит личная безопасность каждого и что такое обширное государство, как Россия, не может «в целости остаться», а его подданные «пользоваться спокойствием и личной безопасностью под царствованием государя с большой властью и способами», но без постоянных, на твердых законах основанных государственных учреждений, какие «во всех монархических порядочных правлениях бывают». ¹³¹ Наконец, и еще в одной сфере жизни чувствуется непрерывность линии его поведения: сторонник «натурального» права, он не делал, однако, попытки освободить своих крестьян и только перевел всех с барщины на оброк; но в то же время он, несомненно, оценил моральную высоту выступления А. Н. Радищева и проявил живое участие к нему в постигшей его тяжелой судьбе, участие, о котором сам Радищев писал: «Не сомневавшийся никогда в благодетельном расположении вашего сиятельства ко мне, я в несчастии моем более, нежели когда-либо, чувствовал все пространство вашей ко мне милости. Если бы возможно было мне развернуть мое сердце, верьте: неллицемерною чертою означена бы явилась на нем начертана благодарность неизреченная. Когда все, казалось, меня оставляло, я ощущал, что благодетельная твоя рука носилась надо мною... О, благодетельная душа! Скажи, чем я заслужил, чтобы ты меня благодеяниями преследовал. Слеза благодарности сердечная — вот все, что может тебе воздать несчастной». ¹³²

¹³¹ Архив Воронцова, т. 29, стр. 453 и 463.

¹³² Там же, т. 12, стр. 425—426.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Счет за первые месяцы жизни в Париже

Каретнику за корету и лошадей, коих имел два месяца как жил в Париже	780 ливров
Кучеру по 30 коп. на день	90 (?)
Лакею два лундора на месяц — 2 месяца	96
Также все мелкие расходы во время жития моего в Париже, гульбища и разные	560
За перевоз всего в Версалию	48
Книг надобных для обучения и так и для моего удовольствия куплено на	1200
Хоть и на многое число тут куплено, я надеюсь, что вам сие противно не будет.	
В корпус Шево-Лежер как за себя, так и за постель и позволение двух камердинеров и за переделку покоев и дрова	4250
Готовальню математическую	48
Швейцару по вхождение в Шево-Лежер	12
Перукмахерам дано	12
Конюхам на манеже	24
За танцевание мастеру	72
Фектовальному мастеру	120
Истории и бель-летрам за 3 месяца	240
Математическому	200
За сахар, кофей и свечи заплачено на весь год	72
12 пар бошмаков с красными каблуками	30
6 пар бошмаков с черными	52
Табакерку золотую с финифтию	600
Пряжки бошмашные	120
За почту одних писем заплачено швейцару от 23 сентября 1758 г. по сие время	200
Зимней сделал бархатной четверацветной кафтан	540
Черной бархатной с парчевым камзолем и з другим с плисовым	390
Тихону и Ягану сделано по кафтану, стоит	560
	<hr/> 10546

Щот, что издержено мною от 15/26 июля 1758 по 1/12 сентября 1759 году
15000 ливров, пожалованных мне от батюшки

За квартиру, где стоял первые 2 дни, как приехал в Париж	24
За перевозку платня и людей к послу	36
Купил себе шпагу	100
6 платков носовых по 8	48
Барабанщикам, кои пришли поздравлять	12
Рейху и Орлову на год по 750	1500
Зделал два люстриновы кафтаны на лето по 209	418
6 пар летних круж.вных манжет по 60	360
2 пары аглинских по 8 лундоров	388
3 аглинских по 4 лундора	288
2 малино (?) по 3 лундора	144
6 антралажных по 15 ливров	90
4 траурных по 15	90
Кафтан летней траурной	180
	<hr/> 3692

В Версалию ездил как для мадам Лопитали, так и для других, 4 нанимал лошадей по 24	98(?)
В Шуази	36
В Санчор	36
Швейцару в то время как жил у посла	24
Двум камердинерам по 24	48
Родингод синей с камзолем красным и з голуном золотым	220

Шляпа с плюмажем	36
4 пары чулок серых по 11	44
6 пар черных по 12	72
12 простых белых по 12	144
6 с шитыми стрелками по 13	78
Парукмахеру за все время как жил в Париже за убирание	48
Кафтан осенней, 12 аршин бархату по 24	288
7 аршин тафты по 6	42
За приклад, пуговицы и работу	48
	<hr/>
	1262
Купил зеркало на камин	80
Кабинет, где письма и всякие вещи класть	100
Печь сделал в горницу	36
За мытье кружева, чулок шгопание и протчаго белья за все время	180
Покрышка на сюртук соболей бархату 8 аршин по 15	120
За работу и приклад	36
Камзол к нему парчевой	100
Двоим курьерам как привезли за чай и ланьарты как привезли — по лундору	48
Бархатной шитой кафтан для праздников	1026
Весной плагия никакого не делал.	
На понишное лето кафтан люстриновый	180
Камлотовой с камзолом парчевым	220
Заплачено в трактир как за булионы, как был болен, так и за кушание, что носили в постные дни, понеже в кор- пусе очень дурно едят	282
	<hr/>
	2408

Да сверх того вояжи, парижские посылки, спектакли и всякие мелкие расходы, кои изчислить нельзя, дойдет до 1900 ливров. Итак, всего мною издержано 19103 ливров. Вы мне пожаловагь изволили 15000, итак осталось 4108 ливров. Вы по этому щоту сами увидеть изволите, что весьма мало лишнего издержано по большой части необходимости. Сверх того, надо было во всем запастись: кружевом, чулками и платьем, что не мало стоит. Вы мне изволили еще в Питербурхе сказать, что ежели что лишнее издержу, чтоб от Вас не таить, почитая и любя Вас кроме почтения, долженственнову родителю, не скрываю от Вас ничего так, как от друга.

М. В. НЕЧКИНА

«СОЮЗ СПАСЕНИЯ»

Исследовательская литература о декабристах уделила очень мало внимания первой организации тайного общества — Союзу Спасения. Ему не посвящено ни одной специальной работы. Небольшая глава в поспешно написанной и неточной с фактической стороны книге М. В. Довнар-Запольского «Тайное общество декабристов» (1906) до сих пор является наиболее подробным изложением вопроса. Даже В. И. Семевский посвятил Союзу Спасения не более трех страниц в своем обширном труде «Политические и общественные идеи декабристов» (1909). Касались первой декабристской организации и авторы монографий об отдельных декабристах, однако лишь в той мере и с той стороны, которая относилась к их специальным темам.¹ Между тем исследование о декабристах не может обойтись без специального изучения Союза Спасения: тут сосредоточены истоки движения, тут оно впервые заявило о себе, оформило свою первую программу и включило в себя тех главных деятелей, которые пройдут через все основные этапы декабристского движения — до Сенатской площади в день 14 декабря и до снежного украинского поля, на котором было разбито восстание Черниговского полка.

Исследователи, касавшиеся Союза Спасения, более всего, как правило, обращали внимание на масонские формы организации, на сложную систему соподчинения членов — «братьев», «мужей», «боляр», на страшные клятвы и угрозу кинжалом и ядом. Но значение всех этих форм вторично. Важнее другое, — каким общественным и политическим содержанием были эти формы наполнены? Какова была программа организации? Какие споры велись вокруг «способов действия»? По какой причине вводилось неравенство «братьев», «мужей», «боляр»? Во имя чего давались страшные масонские клятвы? На все эти вопросы обращалось недостаточно внимания.

¹ Например, В. И. Семевский в работе «Михаил Александрович Фон-Визин. Биографический очерк» в издании «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, СПб., 1905; Н. М. Дружинин в работе «Декабрист Никита Муравьев», «Историко-революционная б-ка», № 1—2 (М., 1933) и в работе «Масонские знаки П. И. Пестеля» («Музей революции СССР», 2-й сб. статей, М., 1929, стр. 12—47). Из последних работ обобщающего характера, посвященных движению декабристов в целом, на вопросе о Союзе Спасения попутно остановился А. Мазоуг в книге «The First Russian Revolution, 1825», California, 1937.

Сравнительная скудость первоисточников способствовала неизученности вопроса. Первые декабристские организации, естественно, менее интересовали следственный комитет, чем позднейшие Северное и Южное общества и чем обстоятельства восстаний 14 декабря в Петербурге и Черниговского полка на юге. Мемуарная литература также уделяла меньше внимания первым шагам тайного общества. Однако, несмотря на это, пристальное изучение следственных дел, мемуаров и эпистолярного материала позволяет в известной мере выяснить историю этой тайной организации и раскрыть ряд ее сторон, не изученных ранее.

I

Тщательно сопоставляя текст показаний на следствии и позднейший материал мемуаров, отмечая сведения, полученные из третьих рук и явно неточные, исследователь приходит к выводу, что первое декабристское тайное общество — Союз Спасения — организовано инициативной группой из шести лиц, сложившейся следующим образом. Замысел создать тайное общество принадлежал 23-летнему подполковнику Гвардейского генерального штаба, участнику Отечественной войны 1812 г. и последующих кампаний — Александру Николаевичу Муравьеву, сыну известного основателя школы колонновожатых Н. Н. Муравьева. В этой инициативе сознается и сам А. Н. Муравьев на следствии, о ней же говорит в показаниях на следствии и в позднейших мемуарах чрезвычайно точный И. Д. Якушкин, о том же показывает Никита Муравьев.² Инициатор поделился своим замыслом со своим родственником Никитой Муравьевым, 20-летним прапорщиком Генерального штаба и давним знакомым детских лет, а также с князем Сергеем Петровичем Трубецким, 25-летним поручиком Главного штаба, старым знакомцем и боевым товарищем по Отечественной войне и заграничным походам. Это совещание трех друзей — Александра Муравьева, Никиты Муравьева и Сергея Трубецкого происходило в самом начале 1816 г. и было самым первым совещанием инициаторов.³ Однако трое совещавшихся товарищей не считали свою инициативу достаточной, а первоначальную группу в должной мере полной: по общему решению они привлекли в инициативную группу еще трех прекрасно знакомых им лиц — своих родственников Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов и старого знакомого студенческих лет Ивана Дмитриевича Якушкина.

Подпоручику лейб-гвардии Семеновского полка Матвеем Муравьеву-Апостолу было в это время 22 года, а его младшему брату Сергею — всего 19 лет, но он был уже поручиком того же лейб-гвардии Семенов-

² «Восстание декабристов» (Центрархив), т. III, стр. 16, 54, 55; т. I, стр. 305 (в дальнейшем цитируется сокращенно В. Д.); ср. И. Д. Якушкин. Записки, изд. 7-е, М., 1926, стр. 15—16.

³ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 15—16.

ского полка.⁴ И. Д. Якушкину в момент основания тайного общества был 21 год, он служил подпоручиком в том же лейб-гвардии Семеновском полку. Все шестеро были боевыми товарищами, награжденными за Бородинскую битву, принимавшими участие не только в Отечественной войне 1812 г., но и в заграничных походах. С. Трубецкой справедливо говорил на следствии: «Связи, сплетенные на биваках, на поле битвы, при делении одинаких трудов и опасностей, бывают особенно между молодыми людьми, откровеннее, сильнее, живее».⁵

Пополнение инициативной группы произошло в интересной форме: сговорившийся еще ранее с Александром и Никитой Муравьевыми, С. Трубецкой посетил вместе с Якушкиным братьев Муравьевых-Апостолов на их квартире в гвардейских казармах Семеновского полка. Сюда же приехали вслед за ними Александр и Никита Муравьевы. В целях конспирации, чтобы нащупать почву, они первоначально предложили Муравьевым-Апостолам и Якушкину «составить Тайное общество, цель которого, по словам Александра [Муравьева] должна была состоять в противодействии немцам, находящимся на русской службе».⁶ Якушкин давно знал, что братья Муравьевы «были враги всякой немчизне», но отвечал, что в «заговор против немцев» вступить не согласен, а вот если бы составилось тайное общество, имеющее более общую цель — трудов «для блага России», он в это общество вступил бы. Почти то же отвечали братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Тогда Александр признался, что его предложение было только «пробным»: и он сам, и Трубецкой, и Никита Муравьев имели в виду тайное общество, целью которого было бы «в обширном смысле благо России».⁷

Так произошло, по всей вероятности второе по счету, собрание конспираторов, которое и можно назвать учредительным. На этом собрании «было положено составить устав для общества» и не иначе принимать в него членов, «как с согласия всех шестерых нас».⁸ Событие это было воспринято членами новой организации как важное и торжественное, о чем говорит самый тон записок и Якушкина и Трубецкого, о нем повествующих. Трубецкой запомнил и через всю жизнь пронес и дату этого события — 9 февраля 1816 г.: он говорит о ней на следствии в 1826 г. и вновь точно воспроизводит ее в своих более поздних «Записках». Это — дата учреждения тайного общества. Очевидно, эта дата и относится к только что описанному заседанию шестерки инициаторов.⁹

⁴ Младший брат на один чин обогнал старшего потому, что Матвей поступил на военную службу в 1811 г., не кончив Корпуса инженеров путей сообщения, где учился вместе с братом, Сергей же кончил корпус и поступил в гвардию в чине прапорщика в том же 1811 г.

⁵ В. Д., т. I, стр. 23.

⁶ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 16.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ С. Трубецкой. Записки, СПб., 1906, стр. 12; ср. В. Д., т. I, стр. 9. Важно, что Александр Муравьев на следствии не оспорил даты С. Трубецкого, о которой был осведомлен (см. В. Д., т. III, стр. 16).

Важно отметить, что большинство инициаторов и не отрицали на следствии своей инициативной роли: в этом сознается не только Александр Муравьев, но и Якушкин; С. Трубецкой показывает, что был «сочленом общества» при его «первом начатии»; Никита Муравьев считает себя не «принятым» в общество («я не был принят никем»), а участником инициативного коллектива. Матвей Муравьев-Апостол обходит этот вопрос, но Сергей Муравьев-Апостол, постоянно старающийся чем только можно облегчить положение брата и выгородить его из беды, все же вынужден признать Матвея инициатором, «основателем», себя же почему-то считает не основателем, а «из первых принятых членов». ¹⁰

Повидимому, вскоре после учредительного февральского заседания шестерки Союз Спасения, еще не имевший устава, пополнился тремя новыми членами: М. Н. Новиковым, М. С. Луниным, Ф. П. Шаховским. Михаил Сергеевич Лунин сам показывает, что стал членом тайного общества «при самом почти образовании оногo», ¹¹ причем гордо заявляет: «я никем не был принят в число членов Тайного общества, но сам присоединился к оному, пользуясь общим ко мне доверием членов, тогда в малом числе состоящих». ¹² Так как уже 10 сентября 1816 г. Лунин отплыл во Францию на корабле «Верность», то очевидно, что первоначально он участвовал в Союзе Спасения до этой даты. Вероятно, он был принят в Союз Спасения в конце зимы — начале весны 1816 г. Датировка его проекта царевубийства, на которой мы остановимся ниже, подтверждает это предположение. Правдоподобно и предположение, что Лунина первоначально вовлек в тайное общество его двоюродный брат Никита Муравьев, с детства с ним близкий и сохранивший с ним самые дружеские отношения до конца жизни. Другие инициаторы общества также давно и хорошо знали Лунина, поэтому необходимо принять во внимание и его первоначальное показание, что он узнал об обществе «от всех членов его, число коих тогда было весьма ограничено»; ¹³ правда, такое показание может быть вызвано и нежеланием называть имена. Лунин был несколько старше других членов — в 1816 г. ему было 29 лет и в отличие от других членов, в момент его принятия в Союз Спасения он был в отставке, оставив военную службу в сентябре 1815 г. в чине ротмистра Кавалергардского полка (позже он вновь вступает в военную службу).

Князь Федор Петрович Шаховской узнал об обществе, очевидно, в ранний период его существования: «По возвращении гвардии из похода в 1815 году, я узнал от Матвея Муравьева о намерении некоторых лиц составить общество», — показывает он. ¹⁴ Определяющим моментом датировки его вступления в общество является то обстоятельство, что он

¹⁰ В. Д., т. I, стр. 298, 9, 30, 42; т. IV, стр. 273.

¹¹ Там же, т. III, стр. 124.

¹² Там же, стр. 115.

¹³ Там же, стр. 121.

¹⁴ Там же, стр. 93.

выбирается в комиссию по выработке устава Союза Спасения и занимает в ней место секретаря.¹⁵ Утверждение устава, как показывает Пестель, относится к январю 1817 г. Следовательно, принятие в общество Ф. П. Шаховского надо отнести несомненно к 1816 г. и скорее — к его середине или даже началу, нежели к концу: ясно, что члена общества надо было достаточно хорошо узнать, уяснить себе его отношение к основным вопросам, волновавшим общество, и привыкнуть к мысли о его наличии в обществе, чтобы дать ему столь ответственное поручение, как секретарство в комиссии по выработке устава. В момент вступления в общество Шаховскому было немногим более 20 лет; в марте 1817 г. он был произведен в подпоручики лейб-гвардии Семеновского полка, в котором служил с января 1814 г., приняв участие в заграничном походе и во взятии Парижа. Матвей Муравьев-Апостол его хорошо знал, как сослуживца по Семеновскому полку.

Особенно значительна в Союзе Спасения фигура Михаила Николаевича Новикова, двоюродного племянника знаменитого Н. И. Новикова. С ним особенно отчетливо входила в тайное общество прогрессивная традиция XVIII в., продвинутая вперед и обновленная в его собственном политическом творчестве. М. Н. Новиков был автором республиканского конституционного проекта (первого декабристского проекта), сказавшего большое влияние на П. И. Пестеля. Его штатская фигура среди военной молодежи резко бросается в глаза в момент своего вступления в Союз Спасения: он служил в департаменте министерства юстиции, окончательно покинув военную службу еще в 1812 г., когда был сотенным начальником Пензенского конного ополчения (в отставку с регулярной военной службы он уволился в чине штабс-капитана еще в 1802 г.). Он старше всех декабристов по возрасту: в момент вступления в Союз Спасения ему было уже около 40 лет (род. в 1777 г.). Неизвестно, кто именно его принял. Новиков умер до восстания 14 декабря (вскоре после 1822 г.), поэтому в следственных материалах его дело отсутствует и сведения об этом замечательном декабристе крайне скудны. По службе он не общался ни с кем из членов Союза Спасения, поэтому правдоподобнее всего предположить, что он был знаком с основателем Союза Спасения Александром Муравьевым по своим старым масонским связям. Сам он прошел через ряд масонских лож и в 1816 г. состоял в ложе «Избранного Михаила».¹⁶ Поскольку в конце 1816 г. Новиков уже уехал на Украину как правитель канцелярии малороссийского генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина и до своего отъезда успел принять в Союз Спасения никого иного, как П. И. Пестеля, а еще ранее Пестеля — Федора Глинку, надо полагать, что сам Новиков был принят рано, вероятно вскоре после учредительного заседания общества.

¹⁵ Там же, т. IV, стр. 113 (показание Пестеля).

¹⁶ В 1817—1818 гг. М. Н. Новиков уже значится отсутствующим в петербургской ложе «Избранного Михаила» (см. В. И. Семевский Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1906, стр. 290, 297).

Состоявшему при гвардейском штабе штабс-капитану Апшеронского пехотного полка¹⁷ Федору Глинке в 1816 г. было 30 лет. Он был тогда уже известным в литературе человеком и в том же 1816 г. возглавил Общество любителей российской словесности: Деятельный участник войны 1812 г. (он состоял адъютантом при графе Милорадовиче) и заграничных походов, Глинка был хорошо известен в военной среде. Новикова он знал по ложе «Избранного Михаила», где оба они состояли масонами, но Новиков был выше его по степени. Глинка сам показывает, что имел с Новиковым «многократные» разговоры и, очевидно, на политические темы, поскольку в результате их общения Новиков сказал Глинке, что «в масонстве только теории», а есть де «другое общество избранных молодых людей...»¹⁸ Так совершилось принятие Федора Глинки в Союз Спасения в 1816 г.

То обстоятельство, что Ф. Глинка был принят Новиковым в Союз Спасения ранее Пестеля, подтверждается тем, что сам Пестель, перечисляя членов тайного общества, от которых он впервые узнал о существовании такового, упоминает среди них и Федора Глинку.¹⁹ Пестель ясно датирует этот первый разговор: «сие было осенью 1816 года».²⁰ На этом основании и вступление Пестеля в Союз Спасения можно, очевидно, датировать вообще осенью 1816 г.

Однако имеется возможность датировать прием Пестеля еще более точно: из его показаний видно, что он был свидетелем того, как Лунин сделал свое предложение о царевубийстве в масках на Царскосельской дороге. Как датируется это предложение Лунина? Сам Лунин крайне неточен и небрежен в своих показаниях следствию, проявляя этим свое пренебрежение к следственному комитету. Он приблизительно датирует свое предложение 1818 или 1819 годами, оговариваясь, что не помнит точной даты: «я не в состоянии по давности времени припомнить, ибо случайный сей разговор происходил, если не ошибаюсь, в 1818 или 1819 году в Петербурге».²¹ Пестель исправляет ошибку Лунина, указывая, что его проект царевубийства был первым, слышанным им, Пестелем, в тайном обществе, и даже под номерами, со свойственной Пестелю точностью и обстоятельностью, перечисляет последовательность проектов царевубийства, причем лунинский проект помещает под первым номером, а «московский заговор» Якушкина — под вторым.²² Московский заговор датируется вполне точно — осенью 1817 г., следовательно, дата лунинского предложения должна быть

¹⁷ В «Алфавите декабристов» (В. Д., т. VIII, стр. 304) указан не Апшеронский, а л.-гв. Измайловский полк (ср. дело Глинки — ЦГАДА, ф. 48, д. 82, л. 67 об.).

¹⁸ ЦГАДА, ф. 48, д. 82, л. 14; Муравьев-Апостол подтверждает, что Глинка был принят Новиковым (см. дело Матвея Муравьева-Апостола, ЦГАДА, ф. 48, д. 397, л. 125 об.).

¹⁹ В. Д., т. IV, стр. 100.

²⁰ Там же; С. Трубецкой в «Записках» (стр. 12) также упоминает Ф. Глинку в числе старых членов Союза Спасения.

²¹ В. Д., т. III, стр. 126.

²² Там же, т. IV, стр. 179.

более ранней. Точные пути для установления этой даты дает показание Никиты Муравьева: «я вспомнил, что в 1816 году незадолго до отъезда его во Францию Лунин говорил при Пестеле и при мне о возможности такого предприятия». ²³ Ясно, что подобный разговор мог происходить при Пестеле лишь тогда, когда он уже был принят в члены тайного общества. Отъезд же Лунина во Францию точно датируется 10 сентября 1816 г. Следовательно, Пестель стал членом тайного общества несколько ранее этой даты, вероятнее всего в августе 1816 г., что не противоречит и его собственному свидетельству об «осени» 1816 г. Заметим, что именно в августе 1816 г. Александр I выехал из Царского Села в большое путешествие по России, чтобы посетить Москву, Тулу, Калугу, Чернигов, Киев, Варшаву, Ригу. Император вернулся в Царское Село лишь в октябре 1816 г. ²⁴ Слухи о предполагавшемся царском путешествии могли послужить непосредственным поводом для предложения Лунина.

П. И. Пестель, которому суждено было сыграть в обществе столь выдающуюся роль, повидимому, был знаком с Новиковым также по старым масонским связям. В момент вступления в тайное общество Пестелю было 23 года, он был поручиком Кавалергардского полка. Вступив в общество, Пестель сразу начинает вербовать членов и успевает до принятия устава Союза Спасения, т. е. до января 1817 г., принять в общество трех человек. Первым был принят старый друг Пестеля 23-летний капитан лейб-гвардии Преображенского полка Иван Павлович Шипов, а вслед за ним и его старший брат Сергей Павлович, полковник того же полка. Иван Шипов на следствии прямо показывает, что в тайное общество «введен я был в 1816 году полковником Павлом Пестелем». ²⁵ Воспоминания Сергея Шипова позволяют уточнить дату его приема. Сам Пестель вступил в тайное общество осенью 1816 г., а когда брат Ивана Шипова, Сергей, вернулся из четырехмесячного отпуска в Петербург 4 ноября 1816 г., он узнал, что его брат уже принят в тайное общество Пестелем, следовательно, Ив. Шипов принят в общество также осенью 1816 г.— до ноября. ²⁶ В своих воспоминаниях Сергей Шипов прямо пишет, что вскоре после его возвращения из отпуска Пестель и ему предложил вступить в общество, но что он будто бы отказался. Однако последнее обстоятельство опровергается достоверными свидетельствами: старые члены общества

²³ Там же, т. I, стр. 320—321.

²⁴ Н. К. Шильдер. Император Александр I, СПб., 1901, т. IV, стр. 48, 58, 67.

²⁵ ЦГАДА, ф. 48, д. 231, л. 7. Иван Шипов был привлечен к дознанию и дал собственноручные показания. Упомяну об этом, поскольку в литературе были выражены сомнения по этому вопросу (см. Ю. Г. Оксман, предисловие к воспоминаниям П. А. Катенина о Пушкине — «Литературное наследство», № 16/18, 1931, стр. 624).

²⁶ «Русский Архив», 1878, т. II, стр. 153. Соображения В. И. Семевского по этому вопросу совершенно правильны (см. В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 369—370).

С. Трубецкой, Матвей Муравьев-Апостол и Илья Долгорукий показывают, что Сергей Шипов тоже был членом первой декабристской организации.²⁷

Вслед за Шиповым Пестель принял 19-летнего князя Илью Андреевича Долгорукова. «Осторожный Илья», как наименовал его Пушкин в X-й песне «Евгения Онегина», был тогда поручиком л.-гв. 2-й артиллерийской бригады и с декабря 1815 г. был прикомандирован в качестве адъютанта не к кому иному, как к самому «змию» Аракчеву. С. Трубецкой называет Долгорукова «сочленом» при «первом начатии» общества, а сам Долгоруков в показаниях на следствии точно указывает 1816 г. как год своего вступления в общество,²⁸ хотя далее несколько колеблется, не было ли это в самом начале 1817 г.²⁹ Однако им самим даваемое указание, что его приняли тогда, когда общество еще не было «точно учреждено и не имело устава»,³⁰ дает основания предпочесть первую его дату как более точную: устав Союза Спасения был принят, по свидетельству Пестеля, в январе 1817 г. С другой стороны, вступив в общество, Долгоруков уже застал там братьев Шиповых, дату вступления которых можно, как мы видели выше, установить вполне точно. Отсюда можно сделать вывод, что Илья Долгоруков вступил в общество примерно между серединой ноября 1816 г. и январем 1817 г. Участвовал он в Союзе Спасения недолго, так как весной 1817 г. заболел и в апреле уехал для лечения за границу, откуда вернулся лишь в августе 1818 г.³¹, когда Союз Спасения был уже давно ликвидирован.

Старший из братьев Колошиных, Петр, 22-летний прапорщик Гвардейского штаба, вступил в общество, по его собственному признанию на следствии, в 1816 г.: «В 1816 году,—показал он,—принадлежал я тайному обществу». ³² Нет точных сведений о том, кто именно его принял, но все предположения восходят к Александру Муравьеву; именно он позднее принял в общество младшего Колошина, Павла. Муравьевы и Колошины были дружны с отроческих лет — их семьи были знакомы в Москве еще до войны 1812 г. Александр Муравьев рассказывает в своих еще неопубликованных записках, как, приехав в Москву из Петербурга в 1811 г., он вошел в круг занятий математического общества, основанного младшим Муравьевым, Михаилом, и «между членами сного познакомился я... с Михаилом, Петром и Павлом Иванов[ичами]

²⁷ С. Трубецкой. Записки, стр. 12; В. Д., т. I, стр. 9, 30; ЦГАДА, ф. 48, д. 397, лл. 62, 96; д. 230, л. I об. Упоминает Сергея Шипова как члена первого тайного общества и брат Никиты Муравьева А. М. Муравьев в своих «Записках»; его свидетельство также надо принять во внимание, так как его данные, несомненно, восходят к одному из старейших членов, инициаторов Союза Спасения — Никите Муравьеву.

²⁸ В. Д., т. I, стр. 9; ЦГАДА, ф. 48, д. 230, л. I

²⁹ ЦГАДА, ф. 48, д. 230, л. I об.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же, д. 224, л. 3.

Колошинными и еще некоторыми другими, сблизился с почтенным домом Колошиных». ³³ Петр Колошин был воспитан в школе колонновожатых у того же Н. Н. Муравьева и в марте 1812 г. в 17-летнем возрасте поступил на военную службу. Матвей Муравьев-Апостол указывает на старшего Колошина как на участника общества в самом начале его существования, ³⁴ об этом же показывает Якушкин. ³⁵ Так как А. Муравьев, основатель общества, хорошо знал Петра Колошина и по «священной артели» офицеров Генерального штаба, в которую тот входил, то ранняя дата принятия — 1816 год — представляется правдоподобной. Вероятнее всего речь должна идти о конце этого года скорее, нежели чем о его начале, так как хорошо знавший Петра Колошина А. Муравьев почему-то не включил его в число инициаторов, действовавших в феврале, очевидно, еще присматриваясь к нему.

Таким образом, до конца 1816 г., т. е. до момента принятия устава, в Союзе Спасения уже насчитывалось 14 человек: шестерка инициаторов во главе с Александром Муравьевым (Александр Муравьев, С. Трубецкой, Никита Муравьев, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы и Якушкин) и восемь членов, принятых позднее, в том же 1816 г. в таком, приблизительно, порядке их принятия: М. С. Лунин, М. Н. Новиков, Ф. Н. Глинка, П. И. Пестель, И. Шипов, С. Шипов, И. Долго-руков и Петр Колошин.

II

Выше уже указывалось, что решение написать устав или статут новой организации было принято членами-учредителями еще на первом заседании шестерки инициаторов. Иначе говоря, на учредительном заседании было решено создать документ, который фиксировал бы программу и организационную структуру нового общества. Важной идейной работой над созданием устава, несомненно, предшествовало и затем сопутствовало живое и частое обсуждение всех связанных с ней вопросов внутри только что возникшей тайной организации. Именно из этого постоянного и живого общения и родились основные идеи устава: члены общества вспоминают о «долгих разговорах», «постоянных разговорах», о «продолжении разговоров». По их показаниям, свидания и разговоры происходили «часто» или даже «весьма часто». Общей чертой настроения всех членов был «пламенный патриотизм» и «нетерпеливое желание» поскорее изменить угнетенное положение любимой родины. Якушкин ярко и жизненно передает основное содержание этих разговоров: «В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга, повсеместное лихоимство,

³³ Рукописный отдел Всесоюзной б-ки им. В. И. Ленина, Шах./II 18/13 б., л. 8 об.

³⁴ ЦГАДА, ф. 48, д. 397, л. 96.

³⁵ В. Д., т. III, стр. 55.

грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще». ³⁶ Вступивший в Союз Спасения несколько позже И. И. Пущин свидетельствует о том же, упоминая «постоянные беседы» «о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне». ³⁷ Дело происходило в эпоху, когда, по словам Пестеля, «дух времени» заставлял «везде умы клокотать». ³⁸ Сознание «недостатков в российских законах», убеждение в «горестном положении отечества», желание «благоденствия России» — вот что было двигательной силой в этих долгих разговорах.

Рассматривая в целом этот исторический процесс, на фоне которого и в глубочайшей связи с которым развивалась деятельность первой тайной революционной организации в России, исследователь прежде всего отмечает все углубляющееся обособление двух общественных лагерей: лагеря новаторов, или лагеря молодой России, с одной стороны, и лагеря «гасильников», или «староверов», — с другой. Вернувшись из-за границы декабристу Якушкину этот процесс бросился в глаза еще в 1814 г., и расстояние между лагерями «стариков» и «молодежи» он образно измерял целым столетием: «в 1814 году существование молодежи в Петербурге было томительно, — писал он в своих «Записках». — В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед». ³⁹ Прошло еще несколько лет, и замеченный Якушкиным процесс углубился, расширился: неизвестный член «Зеленой Лампы» (побочной управы Союза Благоденствия) писал в литературном произведении «Письмо к другу в Германию», которое читалось на заседании «Зеленой Лампы»: «Посещая свет в этой столице (Петербурге. — М. Н.) хотя бы совсем немного, можно заметить, что большой раскол существует тут в высшем классе общества. Первые, которых можно назвать правоверными (погасильцами), — сторонники древних обычаев, деспотического правления и фанатизма, а вторые — еретики, защитники иноземных нравов и либеральных идей. Эти две партии находятся всегда в своего рода войне, — кажется, что видишь духа мрака в схватке с гением света». ⁴⁰ Лагерь Фамусовых и Скалозубов обособлялся, внутренне консолидировался, а против него собирал свои силы стан Чацкого — лагерь сторонников молодой России. Этот процесс явственно был замечен в дворянских кругах и в так называемом «просвещенном обществе», но к нему тяготели и менее выявленные процессы в разночинской среде

³⁶ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 15.

³⁷ И. И. Пущин. Записки о Пушкине, М., 1937, стр. 65.

³⁸ В. Д., т. IV, стр. 105.

³⁹ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 13.

⁴⁰ «Декабристы и их время», т. I, стр. 44.

тех же лет, в купечестве, мещанстве, разночинском студенчестве, в среде семинаристов. В целом консолидация сил молодой России объективно была связана с глубоким подспудным процессом народного брожения, направленного против твердынь крепостного права. Народ, прошедший через горнило освободительной Отечественной войны 1812 г., вырос и требовал освобождения. Настороженная позиция правительства вскоре перешла в открытую борьбу с «вольным духом», в бой против новых идей, за укрепление старых крепостнических устоев. Напряженность этой борьбы, несомненно, говорит о силе общественного брожения. Аракчеевщина возникла не в пустом пространстве и боролась не с призраками, а с реальным, молодым, полным сил врагом.

Усиление реакции в свою очередь стимулировало созревание лагеря молодой России. В этом отношении надо обратить внимание на следующие явления при изучении истории Союза Спасения. В ноябре 1815 г. Александр I подписал конституционную хартию Польши, а Россия оставалась страной самодержавного произвола, лишенной конституции. Это оскорбило патриотов-новаторов, задело достоинство передовых русских людей, полагавших Россию достойной конституционного устройства. Взамен конституции Россия получила Священный Союз, аракчеевщину и военные поселения. В декабре 1815 г. был обнародован реакционный акт Священного Союза — союза реакционных правительств для угнетения пробуждавшихся народов, царский новогодний манифест 1816 г. был полон реакционно-мистических лозунгов и лишен каких бы то ни было обещаний реформ. 1816 год уже является годом всевластия Аракчеева, и даже Карамзин может выхлопотать себе царское покровительство лишь при посредстве «змия». На этот процесс усиления реакции остро реагируют члены первого тайного общества. Трубецкой, Якушкин, Матвей Муравьев-Апостол и другие взволнованно обсуждают линию правительственной политики, собирают сведения о военных поселениях. Кое-когда они оказываются даже в особо благоприятных условиях для сбора этих сведений. Августовский указ 1815 г. о введении военных поселений на реке Волхове в Высоцкой волости прямо дан на имя новгородского гражданского губернатора Муравьева — родственника декабристов. Отсюда же, очевидно, получались подробности о первых крестьянских волнениях 1815—1816 гг., связанных с введением военных поселений. В мае 1816 г. было обнародовано учреждение об Эстляндии (а в 1817 г. — о Курляндии), которым эстляндским крестьянам давалась свобода от крепостного права, правда, по справедливому мнению декабристов, — «мнимая». А проекты того или иного освобождения русских крестьян, известные декабристам (например, записка графа Киселева от августа 1816 г.), хотя и заказывались колеблющимся правительством, но лежали без движения. В августе 1816 г., когда Союз Спасения расширялся численно и готовился приступить к выработке устава, Александр I посетил Москву и в речи, обращенной к дворянству, ни слова не сказал о преобразованиях; к величайшему удивлению истинных патриотов, он не посетил даже Бор-

динского поля. Но в том же месяце мистик Голицын был назначен на пост министра народного просвещения, а осенью следующего 1817 г. произошло реакционное слияние министерства просвещения с министерством духовных дел.

Таков был основной общественно-политический фон, на котором возникла и образовалась первая русская революционная организация. К этому надо добавить усердную работу членов организации над своим политическим мировоззрением. члены Союза Спасения не только спорят между собой, не только жадно читают новую теоретическую и политическую литературу по интересующим их вопросам, но усердно посещают лекции выдающихся профессоров, жадно учатся. Пестель, Муравьевы, Глинка и многие другие посещают «курсы политических наук» профессоров Германа, Куницына, Галича. «Осторожный» Илья Долгоруков познакомился с Пестелем в 1816 г. именно на лекциях профессора К. Германа (позднее пострадавшего в результате «профессорского процесса», проведенного в 1821 г. мракобесом Руничем против петербургских профессоров). К. Герман был одним из тех профессоров Педагогического института, чья деятельность приводила в ужас княгиню Тугоуховскую в «Горе от ума» («там упражняются в расколах и безверьи профессоры!»). Те же лекции Германа одновременно посещали Никита Муравьев, Сергей Трубецкой, Федор Глинка.⁴¹ Как показывает Глинка, с ним «ежедневно» (!) слушал курс философии в это же время декабрист Оболенский:⁴² лекции Германа, Галича, Куницына слушал в это же время И. Г. Бурцов.⁴³ Посещал лекции Куницына и других профессоров в том же году Павел Колошин.⁴⁴

Научную идейную атмосферу, в которой развивалась первая революционная организация и в которой создавался ее устав, хорошо характеризуют слова члена Союза Спасения декабриста Ф. Глинки. Он показывает, что в те годы разговоры на политические темы происходили «не только у меня или в других квартирах, но заводимы были встречавшимися членами повсюду: на балах, на вечеринках, в театре, везде толковали о политике, и я помню, когда проходили политическую экономию, то часто встречные друг у друга спрашивали: «Вы физиократ или меркантилист?»⁴⁵

Важно отметить и сознательный учет опыта западноевропейского освободительного движения первыми русскими революционерами. Спорили об организациях революционной Франции, о карбонаризме, о шведских революционных обществах, о Тугендбунде. Последнее надо отметить, так как нередко в декабристской литературе опыт Тугендбунда внезапно выплывает лишь в момент организации Союза Благоденствия, как будто ранее декабристы ничего не знали о нем или почему-то

⁴¹ ЦГАДА, ф. 48, д. 230, лл. 1, 9: д. 82, л. 60

⁴² Там же, д. 82, л. 17

⁴³ Там же, д. 95, л. 6 об.

⁴⁴ Там же, д. 65, л. 2 об.

⁴⁵ Там же, д. 82, л. 16.

не обращали на него внимания. Это неверно: опыт Тугендбунда был известен декабристам и обдуман ими еще при организации Союза Спасения — об этом свидетельствуют Александр Муравьев, С. Трубецкой, Шаховской, Фонвизин, любопытные данные об этом дает и дело Мих. Орлова.⁴⁶

III

Каковы же основные черты той программы, которую приняла первая русская революционная организация?

Пестель вспоминает, что в самом начале существования общества был краткий период, когда члены были заняты лишь одной идеей освобождения крестьян и способом достижения этого путем подготовки «просьбы» императору от всего дворянства.⁴⁷ Он с большой отчетливостью свидетельствует об этом «Настоящая цель первого общества было введение монархического конституционного правления, а одно освобождение крестьян от крепости было целью при самом первом начале и весьма короткое время». ⁴⁸ Очень скоро к этой цели присоединилась и другая — борьба против абсолютизма и требование конституционной монархии. О первом кратком периоде Пестель, очевидно, знал с чьих-то слов. Убедившись, что «нельзя будет дворянство склонить» к подобному акту (обращение к императору с просьбой об освобождении крестьян), тайное общество расширило свою программу. Оба лозунга — борьба против крепостного права и против самодержавия с этого момента соединились прочно, вошли в идеологию декабризма и так и остались в ней до конца движения, переживая различные модификации, но никогда не меняясь в существе. Эти лозунги и были завещаны первыми русскими революционерами последующим поколениям.

Таким образом, с первых же шагов существования тайного общества уничтожение крепостного права стало мыслиться как чрезвычайно важная часть общего конституционного плана. Представительное правление, введение в действие конституции, создание русского парламента стало в центре политической идеологии. Во имя этого предпринималось опасное дело тайной политической организации, во имя этого можно было и пожертвовать собой в случае необходимости. Эту цель не приходится подразумевать или улавливать из скупых намеков, — о ней с большой ясностью говорили сами декабристы. «Тайное общество, которое хотело составить в России конституционную монархию, существовало...» — так начал свое самое первое показание на допросе С. Трубецкой.⁴⁹ «Намерение общества было приготовить государство к

⁴⁶ В. Д., т. I, стр. 9; т. III, стр. 8, 48; ЦГАДА, ф. 48, д. 83, л. 12; «Общественные движения в России в первую половину XIX века», воспоминания Фонвизина, стр. 5, 183 и др.

⁴⁷ В. Д., т. IV, стр. 80, 101

⁴⁸ Там же, стр. 154, ответ на второй вопрос.

⁴⁹ В. Д., т. I, стр. 6 (Подчеркнуто здесь, как и во всех последующих цитатах данного абзаца, мною. — М. Н.).

получению конституции», — показывает Александр Муравьев;⁵⁰ «приготовить все сословия государства к представительному правлению», — показывает Якушкин.⁵¹ О намерении готовить государство «к представительному правлению» свидетельствует и князь Лопухин.⁵² Очень точную формулировку дает Лунин; упомянув, что в России «по мере успехов просвещения» начали постигать и «выгоды конституционных или законно-свободных правлений», он пишет далее: «но невозможность достигнуть сего политического изменения явно, понудила прибегнуть к сокровенным средствам. Вот, как я полагаю, причины, которые предшествовали и родили мысль основания тайных политических обществ».⁵³ По свидетельству Сергея Муравьева-Апостола, молодые люди, основавшие Союз Спасения, «восчувствовали желание видеть в отечестве своем представительное устройство».⁵⁴ Матвей Муравьев-Апостол прямо говорит, что членами руководила «мысль составить общество для введения представительного правления в России»;⁵⁵ цель одна была во все периоды истории общества, — повторяет он, — «введение Представительного Правления».⁵⁶ «В продолжение 1816-го года Александр Муравьев предложил мне составить общество, имеющее целью введение в России монархического представительного Правления», — так начинается Никита Муравьев свое написанное в крепости повествование под названием «Историческое обозрение хода Общества».⁵⁷ Докосчик на Союз Благоденствия Грибовский, осведомленный и о самом начальном моменте основания общества, пишет о его первоначальной цели: «Явная цель сих мнимых свободомыслящих (либеральных), точнее, своевольномыслящих, была введение конституции».⁵⁸ Никита Муравьев, составивший в Сибири, повидимому, совместно с Луниным, «Разбор Донесения Следственной комиссии», отчетливо пишет: «Тайный Союз обвиняют в том, что в продолжение десяти лет он постоянно стремился к изменению отечественных постановлений и к водворению нового устройства, основанного на системе представительной. В самом деле, таково было его назначение».⁵⁹ Эти свидетельства можно умножить, но в этом нет нужды: в центре декабристской идеологии стояла борьба за новый представительный строй, за конституцию, а важнейшим элементом этой системы идей

⁵⁰ В. Д., т. III, стр. 6 (ср. стр. 18).

⁵¹ Там же, т. III, стр. 42.

⁵² ЦГАДА, ф. 48, д. 235, л. 1.

⁵³ В. Д., т. III, стр. 116.

⁵⁴ Там же, т. IV, стр. 273 (ср. стр. 274 и 256).

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 48, д. 397, л. 62.

⁵⁶ Там же, л. 64.

⁵⁷ В. Д., т. I, стр. 305.

⁵⁸ Подлинный текст записки Грибовского опубликован Ю. Г. Оксманом в сб. «Декабристы». Отрывки из источников, М.—Л., 1926, стр. 110.

⁵⁹ Никита Муравьев. Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 году, «Полярная Звезда», 1859, кн. V, стр. 53—73.

было требование ликвидации крепостного права. Без этой ликвидации немислимо было новое — представительное — устройство государства.

Таким образом, в Союзе Спасения ликвидация абсолютизма мыслилась в форме установления конституционной монархии. Единственным исключением является тут старейший член общества М. Н. Новиков, республиканец по убеждениям и автор первой республиканской конституции. Но Новиков уехал на Украину в конце 1816 г., как раз в то время, когда велись споры в связи с подготовкой устава. Республиканские убеждения Новикова не повлияли на устав. Пестель в то время также стоял на платформе конституционной монархии.

Если основные цели — освобождение крестьян и ликвидация абсолютизма — были в общем ясны членам общества, то средства достижения этих целей были далеко не так ясны. Декабристы страшились народной революции и с самого начала решили избежать этого пути. Как же действовать? В спорах об этом возникало мнение использовать перемену царей на престоле для «начала действий», для открытого выступления с предъявлением политических требований к новому императору. Но отсюда был уже один шаг до насильственного ускорения этой смены. Если самый момент смены царей на престоле столь благоприятен для введения конституции, то почему бы не ускорить «совершение ожиданий» страждущего отечества путем цареубийства? Повидимому, в этой логической связи и возник первый проект цареубийства, предложенный Луниным ранней осенью 1816 г., о котором мы уже говорили выше. Предложение заключалось в том, чтобы убить царя во время его многочисленных поездок — на Царскосельской или на какой-нибудь другой дороге — отрядом в масках.⁶⁰ По свидетельству Пестеля, это был самый ранний проект цареубийства, возникший в истории тайного общества. Цареубийство тут было не самоцелью, а лишь способом начать действия — оно должно было совершиться, как свидетельствует Пестель, «когда время придет к действию приступить».⁶¹ Этот акт понимался как акт начала революции, и Пестель в свое время именно потому обратил мало внимания на это предложение, что считал «время начатия Революции... слишком еще отдаленным».⁶² Он полагал, в разговоре 1816 г., что прежде всего надо «приготовить наперед план Конституции и даже написать большую часть уставов и постановлений, дабы с открытием Революции новый порядок мог сейчас же быть введен сполна...»⁶³ Лунин в ответ на это «с насмешкой» отвечал, что Пестель-де предлагает «наперед Енциклопедию написать, а потом к Революции приступить».⁶⁴

Из сказанного ясно, что предложенный Луниным план не имел ни-

⁶⁰ В. Д., т. I, стр. 320; т. IV, стр. 159, 179, 187; т. III, стр. 126.

⁶¹ Там же, т. IV, стр. 159, 179.

⁶² Там же, стр. 179.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

чего общего с замыслом дворцового переворота, а был самым непосредственным образом связан с планом начала революции и борьбы за конституционный строй». ⁶⁵

IV

Члены Союза Спасения усердно обдумывали вопрос о создании устава своей организации. В этой связи основателю общества Александру Муравьеву, старому масону (с 1811 г.), пришла было мысль крепко соединить новое общество с формами масонской организации: всем членам «поступить в масоны» и влить тайную политическую работу в привычную и в конспиративном отношении удобную форму масонской ложи. В очевидной связи с этим замыслом стоит и завоевание членами Союза Спасения масонской ложи «Трех Добродетелей», основанной еще в конце 1815 г., до возникновения Союза Спасения. ⁶⁶ Таким образом, новая тайная организация приобрела бы защитную оболочку масонской ложи. Однако отсюда никак не следует, что Союз Спасения на этом этапе слился с масонством; нет, он отчетливо отделял себя от него, пользуясь им лишь как средством конспирации. В те же месяцы конца 1816 — начала 1817 г., когда происходит разработка самого замысла внедрения членов тайного общества в масонскую ложу, а затем и само внедрение, Союз Спасения усердно работает над собственным уставом, созывает свои собрания, обсуждает и принимает собственный устав и ведет самостоятельный прием членов. Его устав, как увидим далее, содержит тексты торжественных клятв по масонскому образцу, и самые «степени» его членов, несомненно, сложились под влиянием масонства, однако основное содержание работы тайной организации имеет самостоятельный характер. Самые собрания Союза Спасения, как свидетельствует хорошо осведомленный его член Ф. П. Шаховской, протекали без масонских обрядов и «представляли вид простого приятельского сообщества». ⁶⁷ Позднее даже масонские клятвы и вообще масонская символика воспринимались большинством декабристов как помеха их действиям и замыслам и были постепенно устранены. Опытный масон высоких степеней П. И. Пестель в позднейшей своей революционной деятельности и не пытается применить масонские формы организации.

Особо важно подчеркнуть, что самостоятельный устав новой организации воспринимался декабристами как черта, отделяющая их от масонства, дифференцирующая неоднородные организации.

⁶⁵ Я отмечаю это особенно потому, что в литературе Союз Спасения не раз характеризовали как организацию, якобы имевшую целью устроить дворцовый переворот. Это не соответствует действительности.

⁶⁶ Вопрос этот детально разобран Н. М. Дружининым в его работе «Масонские знаки Пестеля» — «Музей революции СССР», сб. II, М., 1929, стр. 12—17. Руководящие места ложи были заняты членами тайного общества в первые месяцы 1817 г. (там же, стр. 19—22).

⁶⁷ В. Д., т. III, стр. 100.

Это ясно замечаешь, вчитываясь в следующее показание С. Трубецкого: «Тогда масонство было в большом ходу, Александр Муравьев, бывший тогда молодым человеком, с пламенным воображением, пылкою душою, видел в нем какое-то совершенство ума человеческого, предлагал вступить всем в масоны, но Шипов и я не были масонами, и потому его предложение не было принято, а положено написать небольшой устав для порядка и формы в действии». ⁶⁸ Противопоставление устава общим формам и смыслу масонской организации — очевидно.

Итак, по мнению декабристов, «статут» или «устав» должно было выработать и ввести «для порядка и формы в действии». Для «успешнейшего действия нужен порядок и формы», — полагал С. Трубецкой. ⁶⁹

«Статут первоначального общества нашего, — показывает Пестель, — был не мною одним составлен, но Комиссиею, обществом назначенной из трех членов и секретаря. Члены были: князь Сергей Трубецкой, князь Илья Долгоруков и я, а секретарь князь Шехавской». ⁷⁰

О выборе комиссии для написания устава и о вхождении в нее Трубецкого, Долгорукова и Пестеля свидетельствует в своих «Записках» сам Трубецкой, ⁷¹ сообщающий и о том, как члены распределили свои обязанности: Пестель будто бы был занят «формою принятия и внутренним образованием», Долгоруков — «целью общества и занятиями его для ее достижения», а Трубецкой — «правилами принятия членов и порядком действий их в обществе». ⁷² Нельзя счесть это свидетельство ясным: трудно дифференцировать «форму принятия» от «правил принятия» и «порядок действий» членов общества от «занятий общества» для достижения цели; смутное деление С. Трубецкого вносит мало ясности в вопрос.

На следствии Трубецкой свидетельствует, что «устав был написан Пестелем», и делает лишь оговорку, что вступление или предисловие к уставу было написано Ильей Долгоруковым. ⁷³ Мнение о выдающейся роли Пестеля как основного автора устава часто повторяется на следствии и, повидному, соответствует действительности. ⁷⁴

Устав первого декабристского общества не сохранился, он был сожжен самими декабристами в конце 1817 г. или в начале 1818 г. при образовании новой организации — Союза Благоденствия. ⁷⁵ Поэтому представляет особый интерес попытаться, хотя бы в схематической форме, восстановить по сохранившимся источникам основное содержание этого важнейшего, но утраченного декабристского документа.

⁶⁸ Там же, т. I, стр. 23—24.

⁶⁹ Там же, стр. 23, 24.

⁷⁰ Там же, т. IV, стр. 113 (ср. стр. 154).

⁷¹ С. Трубецкой. Записки, стр. 12.

⁷² Там же.

⁷³ В. Д., т. I, стр. 24.

⁷⁴ Там же, стр. 299, 305; ср. сводку Боровкова (там же, т. IV, стр. 216).

⁷⁵ Докладные Следственной комиссии.

⁷⁶ Там же, т. IV, стр. 100.

Статут давал Союзу Спасения новое наименование: «В генваре 1817 года составилось в Петербурге общество Истинных и Верных сынов отечества», — показывает Пестель⁷⁶ и поясняет в ответ на вопрос комитета «Я называл первоначальное общество, составившееся в 1816 году, обществом Истинных и Верных сынов отечества, потому что Устав оною общества, принятой в начале 1817 года, сие имел заглавие». ⁷⁷ Отсюда уясняется, что название общества «Союзом Спасения» было, очевидно, принято еще в 1816 г., на первом учредительном собрании, как предварительное, и было в ходу преимущественно среди самих учредителей (его употребляет, например, Никита Муравьев). Членам же, вступившим в общество позднее, это название иногда даже оставалось неизвестным (например, Пестелю). ⁷⁸ При принятии же устава в 1817 г. Общество приняло другое наименование, — «Общества истинных и верных сынов отечества».

Смысл того и другого названия заслуживает внимания. Союз Спасения — чьего спасения? Кто должен быть спасен? Очевидно, члены общества считали, что Россия стоит на краю гибели, ее нужно спасти, и тайное общество призвано это сделать. И позднее у других декабристов, например у Николая Тургенева, М. Орлова, мелкает та же мысль. Так, когда М. Орлова хотели вовлечь в тайное общество, ему, как он показывает, говорили, что «Россия стоит на краю пропасти, что надобно всем честным людям иметь прочную связь, дабы при случае раздался Отечественный отголосок (sic!)». ⁷⁹ Пестель придумал для общества новое название, составляя его устав: двумя эпитетами «истинный» и «верный» он оттенил тот особый род сынов отечества, которые противостояли другим «сынам отечества» — не истинным и не верным, а лишь называющим себя таковыми. Слово «сын отечества» давно было в ходу в русском политическом языке: так, автор одной из старинных биографий М. И. Кутузова называет его «достойным сыном отечества»; ⁸⁰ с 1812 г. стал выходить журнал «Сын Отечества». И еще ранее, в XVIII в., это же название жило в русском политическом языке и толкнуло Радищева на создание «Беседы о том, что есть сын отечества». Основной темой «Беседы» является именно проблема дифференциации понятий, установление того, кто есть истинный и кто не истинный «сын отечества»: «не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота)», — писал Радищев. ⁸¹ Нельзя поэтому априорно исключить влияние радищевской «Беседы» на сознание автора или авторов устава, выбравших название

⁷⁶ В. Д., т. I, стр. 25; т. III, стр. 49; т. IV, стр. 154.

⁷⁷ Там же, т. IV, стр. 154 (ср. стр. 139).

⁷⁸ Там же, стр. 154, ответ на 1-й пункт.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 48, д. 83, л. 17.

⁸⁰ «Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском», СПб., 1814, стр. 23.

⁸¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, М.—Л., 1938 (Академия Наук СССР), стр. 215.

для нового общества. Важно подчеркнуть, что рождалось сознание нового преобразовательного патриотизма, который противопоставлял себя патриотизму казенному, консервативному и реакционному, сознавая себя иным — истинным и верным в отличие от неистинного и неверного. Весь этот ряд мыслей был в русле «духа времени», работавшего над новым осознанием действительности и над путями ее перестройки. Люди прошли через горнило таких событий, которые способствовали дифференциации «истинных» сынов отечества от «неистинных», проверяли их, ставили на разные стороны движения. Подобная оценка рождалась в самом ходе событий тех взволнованных и бурных лет. Так, даже генерал Кикин писал в 1812 г. своему родственнику, что усматривает выгоду Отечественной войны в том, что мы «научились распознавать истинных сынов отечества от тех, кои покорствовали силе, ожидая удобного случая отторгнуть себя от оногo».⁸² И позднее, когда название «истинных и верных сынов отечества» уже не применялось в тайном обществе, среди его членов вновь и вновь возникала та же проблема времени — отграничение истинных сынов отечества от неистинных: «Нет, не Отечества сыны питомцы пришлецов презренных», — писал К. Ф. Рылеев в стихотворении «На смерть Чернова».

Таково было новое название общества, написанное, как свидетельствует Пестель, в заглавии нового устава или «статута». Далее шел текст введения или предисловия, написанного И. Долгоруковым. Логически можно предположить, что оно поясняло смысл наименования и отражало постоянную мысль о деятельности на благо России, которой были проникнуты горячие патриоты — истинные и верные сыны отечества. С. Трубецкой, рассказывая о первом чтении составленного статута, прямо упоминает о формулировке этой цели: «Устав был написан Пестелем. Собрались для прочтения его. Цель была — подвизаться на пользу общества всеми силами...»⁸³ Это изложение явно выглядит как передача читаемого текста. «Главная цель общества вообще есть благо России», — показывает Якушкин,⁸⁴ — именно для этого объединились и действуют истинные и верные сыны отечества.

V

Сохранившиеся свидетельства о содержании устава с несомненностью говорят о том, что борьба за конституционное устройство России и за уничтожение «рабства крестьян» входила в устав и стояла там на первом плане: «Вместе с принятием Устава об устройстве общества, принята и цель Конституции», — отчетливо свидетельствует Пестель.⁸⁵ Якушкин не присутствовал на совещаниях, связанных с выработкой устава в Петербурге, так как к этому времени уже уехал на

⁸² Бумаги, собранные Шукиным, т. V, стр. 3.

⁸³ В. Д., т. I, стр. 24.

⁸⁴ Там же, т. III, стр. 49.

⁸⁵ Там же, т. IV, стр. 154.

службу в полк; но он получил устав в Москве и, вспоминая свои впечатления от первого чтения устава, показал: «Сколько могу припомнить, в сем уставе предполагалось четыре степени, имеющие разные объявленные цели, постепенно сближающиеся с главной целью — приготовить Государство к принятию представительного правления, последняя цель сия предполагалась быть известной одним только членам высшей степени^{86...}» Это с несомненностью говорит о том, что вопрос о конституции был включен в текст устава. Как ни отговаривается М. А. Фонвизин давностью времени и запямятованием, он все же признается на допросе: «Якушкин действительно сообщил мне Устав тайного общества г. Пестеля... Цель, сколько я припомню, долженствовала быть правление Конституционное, представительное».⁸⁷ Не приходится сомневаться, что вопрос об освобождении крестьян, о ликвидации «рабства» включался в эту основную цель конституционного государственного переустройства России. Этот вопрос в доуставный период, по уже приведенному свидетельству Пестеля, вообще некоторое время был единственным в программе общества.⁸⁸ Возмущение «рабством крестьян» вообще было стимулом создания общества, идейной предпосылкой декабризма: «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало», — показывал основной автор устава Пестель.⁸⁹ «Крепостное состояние людей представилось мне как единственная преграда сближению всех сословий и вместе с сим общественному образованию в России», — показывал один из инициаторов Союза Спасения И. Д. Якушкин. Брат Никиты Муравьева, Александр, несомненно, излагающий в своих позднейших воспоминаниях сведения, почерпнутые от своего старшего брата Никиты, одного из инициаторов общества, ставит вообще на первое место при изложении программы ранних организаций «L'abolition de l'esclavage» (уничтожение рабства).⁹⁰ Поэтому мы приходим к выводу, что пункт об отмене «рабства крестьян», очевидно, также входил в текст устава наряду с конституционной целью.

В уставе, несомненно, существовал пункт об открытом выступлении тайного общества с требованием конституции в момент смены императоров на престоле. Излагая содержание устава, Якушкин, непосредственно после указания на наличие конституционной цели, говорит и о намерении тайного общества «в случае смерти царствующего в то время императора не прежде принести присягу наследнику его императорского величества, как по удостоверении, что в России единовластие будет ограничено представительством».⁹¹

Решение это врезалось в память Якушкина именно как пункт устава.

⁸⁶ В. Д., т. III, стр. 49.

⁸⁷ Там же, стр. 71—72.

⁸⁸ Там же, т. IV, стр. 154.

⁸⁹ Там же, стр. 90.

⁹⁰ Th. Schiemann. Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I. S. 165.

⁹¹ В. Д., т. III, стр. 49.

В своих «Записках» он прямо пишет, что в уставе Пестеля было «замечательно» одно обстоятельство. «было сказано, что если царствующий император не даст никаких прав независимости своему народу, то ни в каком случае не присягать его наследнику, не ограничив его самодержавия». ⁹² В неопубликованном деле декабриста Лопухина, члена Союза Спасения, указывается, что данный вопрос обсуждался на совещании у Александра Муравьева. Из этого свидетельства мы узнаем, что первый инициатор декабристского общества был горячим защитником изложенного выше требования «более Александр Муравьев утверждал, что можно со временем (зачеркнуто: принудить) какими бы то средствами ни было (зачеркнуто: правительством), а особенно при перемене царствования, принудить правительство согласиться на представительное правление». ⁹³ Собственно говоря, это и попытались выполнить декабристы на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Поэтому существенна преемственность идей устава Союза Спасения и последующей декабристской идеологии.

Одним из последующих пунктов устава была обязанность «умножения членов»; она входила в круг действий высшего разряда членов — «боляр» и некоторым образом «мужей» — на этом мы остановимся ниже. Это требование, очевидно, и было сформулировано в уставе как функция таких-то категорий членов. Описывая первое чтение только что законченного устава, С. Трубецкой прямо указывает, что в перечисленные обязанности членов тайного общества входило, между прочим, «приискывать людей способных и достойных войти в состав общества, о таковых давать заранее обществу знать, чтоб можно было собрать о них каждому члену сведения, не удостоверяться о достоинствах их и доброй нравственности по одним слухам, но стараться изыскивать средства испытать их». ⁹⁴ Тот же Трубецкой в другом месте показывает, что члены первого тайного общества «старались увеличить сочленов елико возможно». ⁹⁵ Отсюда следует, что Союз Спасения, несмотря на свою малочисленность, отнюдь не мыслил себя как организацию замкнутую, как узкую группу конспираторов, берущую целиком на себя выполнение какого-то замысла. Нет, Союз Спасения с самого начала запланировал привлечение новых членов, численное расширение своего состава «елико возможно».

Как вспоминает Якушкин, в уставе был еще один «замечательный» пункт: «на вступающих в тайное общество возлагалась обязанность ни под каким видом не покидать службы, с тою целью, чтобы со временем все служебные значительные места по военной и гражданской части были бы в распоряжении Тайного общества». ⁹⁶ Конечно, при этом условии, если бы оно было осуществлено, решение отказать в присяге

⁹² И. Д. Якушкин. Записки, стр. 19.

⁹³ ЦГАДА, ф. 48, д. 235, л. 1 об.

⁹⁴ В. Д., т. I, стр. 24.

⁹⁵ Там же, стр. 9.

⁹⁶ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 19.

новому императору и открыто выступить с требованием конституции было бы значительно облегчено. Это решение, записанное в уставе, надо поэтому рассматривать как важный момент подготовки переворота.

Повидимому, в устав входило также и требование «отстранения иностранцев от влияния в Государстве». ⁹⁷ Правда, Якушкин показывает об этом вне непосредственной связи с изложением содержания устава, но это требование столь хорошо согласовывается с духом раннего декабризма и соответствует настроениям столь значительных его членов (например, основателя — Александра Муравьева), что можно предположить наличие в уставе и этого пункта.

В устав несомненно входило требование работать над созданием в стране общественного мнения, благоприятного преобразовательным планам общества и содействующего приближающемуся перевороту. «Исторгнуть конституцию» у правительства, «принудить» правительство дать конституцию можно было, лишь опираясь на широкое общественное мнение, которое надо было заранее подготовить. Способы создания общественного мнения были многообразны: излагая содержание устава, Трубецкой пишет об одной из целей общества: «подвизаться на пользу общую всеми силами и для того принимаемые правительством меры, или даже и частными людьми полезные предприятия поддерживать похвально, а когда имеется возможность, то и на самом деле оным содействовать; препятствовать всякому злу, и для того разглашать злоупотребления чиновников по службе и должностям их, также и всякие бесчестные поступки частных людей, которые дойдут до сведения общества. Тех, на кого кто лично действовать может, отвращать от дурных дел советами своими». ⁹⁸ По свидетельству Трубецкого, это создание «общественного мнения» входило в цель общества. ⁹⁹ В одном из показаний Никиты Муравьева говорится еще об одном «правиле» Союза Спасения, что вызывает предположение, не дополняло ли это «правило» данный пункт устава: «На 22-м году жизни моей я вступил в Союз Спасения, которого правила возбраняли членам говорить свои мнения и сближаться с людьми чиновными и пожилыми, полагая их уже наперед противными всякой перемене того порядка, к которому они привыкли и в котором родились». ¹⁰⁰ Если так, то данный пункт «правил» надо рассматривать, как особую форму конспирации при работе над созданием «общественного мнения». С этим интересно сопоставить одно показание секретаря комиссии по составлению устава — Шаховского: «Стремление же общества к распространению мнений своих, вынуждено было общим влечением прибавить круг оного». ¹⁰¹ Этот вопрос оживленно обсуждался на собрании Союза Спасения. Сергей Муравьев вспоминал об одном заседании Союза

⁹⁷ В. Д., т. III, стр. 49.

⁹⁸ Там же, т. I, стр. 24.

⁹⁹ Там же, стр. 9; 24; ср. Записки Трубецкого, стр. 12.

¹⁰⁰ В. Д., т. I, стр. 304.

¹⁰¹ Там же, т. III, стр. 100.

Спасения, происходившем в Семеновских казармах на квартире С. Трубецкого, где «было положено, что так как мы не имеем никаких средств к введению представительного порядка в России, то и должны ограничиться действием на умы и приобретением членов, впредь, пока общество усилится». ¹⁰² Отсюда ясно, сколь занимал умы декабристов вопрос о «средствах к введению представительного порядка в России»; отсюда же ясно и то, что создание общественного мнения и численное расширение Союза рассматривалось лишь как средство; общество должно «усилиться», а когда усилится, тогда найдутся и другие средства,— так раскрывается дальнейший логический ход мысли.

Есть еще одно интересное свидетельство, восстанавливающее содержание устава. Ниже будет идти речь об одном письме С. Трубецкого к членам общества, собравшимся в 1817 г. в Москве в связи с пребыванием там гвардии и двора. Письмо передавало чрезвычайно важные политические слухи об отделении от России бывших польских губерний и о присоединении их к Царству Польскому. Сообщение это было воспринято декабристами как исключительно важное и даже послужило поводом для проекта цареубийства, выдвинутого Якушкиным. Объясняя следственному комитету причины, которые побудили его написать столь ответственное письмо, С. Трубецкой показал: «Писал я потому, что по уставу общества полагал себя обязанным уведомить о том членов...» ¹⁰³ Отсюда следует, что в уставе Союза Спасения очевидно был какой-то пункт, который обязывал отдельных членов информировать руководящую группу «боляр» общества о всех важных политических новостях.

Были ли в Союзе Спасения денежные взносы членов и не было ли соответствующего пункта в уставе? Есть лишь одно свидетельство Оболенского, относящееся к данному вопросу: «Для исполнения планов общества с самого начала составления одного положено было каждому члену сделать добровольные взносы по состоянию каждого, и по обстоятельствам, в которых он находился». ¹⁰⁴ Так как Оболенский — несомненный член Союза Спасения, причем вступивший в организацию после принятия устава, то его свидетельство о взносах в тайном обществе «с самого начала составления одного» есть, повидимому, свидетельство о «правилах» Союза Спасения.

VI

Теперь перейдем к организационной части устава, на которую комиссия, его составившая, с Пестелем во главе, обратила особое внимание. Своеобразие решений и таинственные масонские формы этого отдела вызвали, как уже указывалось, особое любопытство исследователей.

¹⁰² Там же, т. IV, стр. 274.

¹⁰³ Там же, стр. 49 (подчеркнуто мною.— М. Н.).

¹⁰⁴ Там же, т. I, стр. 231 (подчеркнуто мною.— М. Н.).

Союз Спасения понимался его членами как организация не мертвая, а в высокой степени действенная и призванная совершить дела огромного значения. Поэтому сильной стороной декабризма, а не проявлением его слабости является то пристальное внимание, которое декабристы уделили стороне организационной.

Разряды членов, которые были введены, правила внутренней субординации, которые были разработаны, преследовали две важные цели: во-первых, точное определение функций как общества в целом, так и отдельных его членов и, во-вторых, строжайшее соблюдение конспирации. Были поставлены революционные цели государственного переворота, общество действовало в кипящей идеями сочувственной среде и пополнялось сравнительно легко, — один неосторожный шаг и все могло рухнуть. То обстоятельство, что первая в истории русского революционного движения конспиративная революционная организация просуществовала около двух лет и не была обнаружена агентами правительства, говорит о том, что принятые конспиративные меры действовали и охраняли организацию.

Какие же это были меры и какими вообще причинами была обусловлена принятая организационная форма?

Естественно, что шестерка учредителей рассматривала свои функции как особо важные и стремилась их сохранить и оформить. Считалось — и не без основания — неосторожным и опрометчивым сообщать сразу любому новичку о полном объеме революционной цели, о том, что общество хочет «исторгнуть конституцию» для России, принудить к ней правительство, выступить открыто. Поэтому конституционная цель и решение выступать открыто в момент смены монархов на престоле считались сугубо конспиративными вопросами и открывались лишь проверенному члену самой старшей степени. Степени этой члены-учредители присвоили старинное русское название «боляр». «Болярами» стали члены-учредители, но они и не думали ограничивать число «боляр» лишь своей шестеркой, наоборот, они решили принимать в состав «боляр» новых членов, не бывших в среде учредителей; так, вскоре после принятия устава был принят прямо в «боляре» новый член князь П. Лопухин.¹⁰⁵ Замечателен пункт устава, о котором вспоминает С. Трубецкой: боляре «обязаны были, когда число их каким-нибудь образом уменьшится, стараться о пополнении оного новыми достойными членами, дабы общество от убыли членов разрушиться не могло...» «Сказано было, что если бы каким-нибудь образом случилось так, что из всех боляр один только остался, то он должен также стараться о восстановлении вновь общества».¹⁰⁶ Поскольку самый разряд «боляр» вводился в руководство обществом в духе указанных выше сугубо конспиративных целей, то он даже в качестве наименования дол-

¹⁰⁵ В. Д., т. I, стр. 24.

¹⁰⁶ Там же, стр. 24 и 305. Якушкина, как одного из учредителей, сразу приняли в «боляре» (там же, стр. 305).

жен был остаться тайной для других членов. Это упраздняет подозрение некоторых историков, что термин вводился из желания старшим «величаться» перед младшими. «Величаться» не приходилось уже потому, что самый разряд «боляр» был тайной: «Имя боляр, то-есть название Болярин должно было быть тайною для других членов», — свидетельствует Трубецкой.¹⁰⁷

«Совет боляр», или «Дума», руководил тайным обществом. Интересно, что Трубецкой, называя его «Верховным Собором Боляр», поясняет термин простыми словами: «Главное управление». Во главе «Совета боляр» становился «старейшина», избранный на определенное «срочное время» и по истечении срока заменявшийся другим. Этим декабристы хотели устранить возможность чьего-либо преимущественного влияния. Этот пункт был реализован: известно, например, что в момент выработки устава Пестель был «старейшиной», а после него заступил место старейшины Александр Муравьев.¹⁰⁸ «Место старейшины было не только не бессменное, но часто должны были переменяться занимающие оное; именно для того, чтобы никто не мог приобрести власти, верха и управления над другими и над обществом и чтобы не мог наклонять и направлять членов к собственной цели»,¹⁰⁹ свидетельствует Александр Муравьев. Хотя он и был первым инициатором создания общества, но он справедливо указал на следствии: «Я наравне с другими зависел от законов общества и попеременно с другими занимал высшие и низшие места в оном»¹¹⁰. Старейшина «Совета боляр», или «Думы», означал то же, что председатель Совета. «Председатели были очередные», — показывает С. Трубецкой.¹¹¹ Александр Муравьев вспоминает, что старейшины сменялись ежемесячно.¹¹²

Второй после «боляр» степенью (более низкой) была степень «мужей». «Братья» были третьей, последней степенью членства. «Мужьи» знали более «братий» и менее «боляр». Поскольку «старейшины» избирались из числа «боляр», Якушкин считает их за степень и всего насчитывает, таким образом, четыре степени в нисходящем порядке: «старейшин», «боляр», «мужей», «братий», но это не вполне точно. Точнее свидетельство Никиты Муравьева, который насчитывает лишь три степени: 1) «боляр», 2) «мужей», 3) «братий».¹¹³ «Брат» мог стать «мужем», «муж» мог передвинуться в «боляре» — в обществе должно было совершаться внутреннее передвижение членов от подчинения к руководству. С повышением разряда член общества узнавал цель его

¹⁰⁷ Там же, т. III, стр. 24.

¹⁰⁸ Там же, стр. 12 и 16. Термин «дума» см. у Трубецкого (В. Д., т. I, стр. 9; ср. стр. 24).

¹⁰⁹ Там же, стр. 16.

¹¹⁰ Там же, стр. 17—18.

¹¹¹ Там же, т. I, стр. 9.

¹¹² Там же, стр. 305.

¹¹³ Там же, т. III, стр. 49.

во все более и более полном виде и, наконец, став «болярином», узнавал и самую сокровенную революционную цель.¹¹⁴

Устав требовал «слепого повиновения» «мужей» и «братий» «болярам», а каждого «болярина» обязывал беспрекословно повиноваться мнению большинства в «Совете боляр», хотя бы его личное мнение и расходилось с принятым решением.¹¹⁵ Так обеспечивалась конспирация и дисциплина тайного общества.

Как же должен был, согласно уставу, приниматься новый член в тайную организацию? Устав требовал, как показывает Никита Муравьев, «много времени для заведения знакомства».¹¹⁶ Предложить вступить в общество можно было лишь тому, с кем предлагающий был давно и хорошо знаком. Предварительно намеченную кандидатуру надо было обязательно согласовать с «Советом боляр» и, лишь получив его разрешение, делать намеченному лицу предложение о вступлении. Это требование, повидимому, выполнялось: когда Якушкин нарушил его при приеме М. Фонвизина, он получил от общества «строгий выговор», — «и я чувствовал, что по всей справедливости своей опрометчивостью я заслужил такой выговор», — добавляет Якушкин.¹¹⁷

Поскольку лицо, приглашаемое к вступлению в общество, могло отказаться в него вступить, узнав о его правилах, считалось необходимым сначала взять с намеченного кандидата клятву не разглашать того, что будет ему рассказано. Лишь после этой клятвы принимающий нового члена мог открыть ему существование общества. Если вслед за тем вербуемое лицо давало согласие на вступление в общество, оно приносило вторую клятву — клятву вступления. Возможно, что именно к этой клятве относится свидетельство С. Трубецкого: «была присяга, которая состояла, сколько я могу упомянуть, в том, чтоб члены помогали друг другу, по цели общества и чтоб повиновались Думе или, буде по какой причине сами приказания исполнить не могут, то передавали бы его далее».¹¹⁸ При переводе в разряд «мужей» «брат» давал новую — третью по счету — клятву верности. Когда «муж» переводился в «боляре», т. е. уже полностью узнавал сокровенную революционную цель общества, он давал новую, четвертую, клятву верности. «Старейшина», т. е. председатель «Совета боляр», хотя и выбирался на «срочное время», все же должен был давать еще одну клятву — уже пятую по счету.¹¹⁹

Обряды вступления в общество и клятвы были торжественными и заимствованы из масонских форм.¹²⁰ Михаил Орлов, которому Александр Муравьев показал устав Общества истинных и верных сынов

¹¹⁴ В. Д., т. III, стр. 18, 49.

¹¹⁵ Там же, т. I, стр. 306.

¹¹⁶ Там же, стр. 299.

¹¹⁷ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 17.

¹¹⁸ В. Д., т. I, стр. 17.

¹¹⁹ Там же, стр. 305.

¹²⁰ Там же, стр. 24.

отечества, свидетельствует, что, по уставу, вступивший в общество мог знать только то лицо, которое его принял. Орлов прилагает особый чертеж, поясняющий это обстоятельство, и указывает на положительное значение этой структуры. цепь разрывалась в случае ареста на том лице, которое называло себя председателем. Такое обязательство конспирации и принимали члены, чтобы охранить от провала всю организацию в целом.¹²¹

Клятва приносилась в христианской форме на кресте и евангелии. Биограф Михаила Муравьева (младшего брата основателя общества), очевидно, с его слов, рассказывает об обряде его приема в члены Союза Спасения. Старший брат Александр явился к нему с небольшим узелком подмышкой. Молча развязав узел, он вынул из него обложенное малиновым бархатом евангелие и крест, которые положил на стол. После этих приготовлений, «за которыми М. Н. Муравьев следил с некоторым и весьма естественным недоумением», Александр Николаевич «обратился к своему брату с краткой речью об обязанности его, как члена тайного общества, произнести клятву в безусловном повиновении высшим членам Союза Спасения и хранении тайны».¹²² Сложность клятв и обрядов, которые были по душе масонам, Александру Муравьеву и Пестелю, раздражала большинство членов.

Тексты пяти клятв были различны между собой, хотя все были написаны в духе масонских форм. Текст, кроме обязательства, содержал также страшные угрозы нарушителю клятвы, грозя ему даже смертью от яда или кинжала в случае измены обществу. Полковник Леман, позднее принятый в члены Южного общества, показал, что ему при вступлении будто бы грозили, «что малейшая измена или нескромность наказаны будут ядом или кинжалом. Некоторые из членов общества точно так же уверяли принимаемых ими, что яд или кинжал везде найдут изменника».¹²³ Пестель в ответ на это показание заметил, что в Южном обществе таких угроз не было, но в Союзе Спасения они были: «В первом же обществе входили они в правила устава. будучи приняты из масонских статуты и форм».¹²⁴

Поскольку предполагалось значительное численное увеличение общества и распространение его по разным районам, то потребовалось определить в уставе и организационные формы этого распространения. С. Трубецкой излагает этот пункт устава столь отчетливо, что не требуется комментария: «Для управления, когда бы число членов размножилось, полагалось сделать округа, из коих каждой управлялся бы одною Главною думою под председательством уполномоченного на то от верховного собора Болярина; под ведомством сих Главных дум

¹²¹ ЦГАДА, ф. 48, д. 83.

¹²² Д. А. Кропотков. Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно, СПб., 1874, стр. 201—202.

¹²³ В. Д., т. I, стр. 149.

¹²⁴ Там же, т. IV, стр. 168.

были бы еще управы из членов второго и третьего разряда; а управляющие думами Боляре сносились бы с верховным собором посредством одного из его членов, избирая его по собственному произволу. Где Болярин полномочия не имел, там он если имел посточное пребывание, то относился к полномочному и имел заседание в Главной Думе». ¹²⁵ Таким образом, общество рассчитывало сильно разрастись.

Что нам известно об «отраслях» Союза Спасения? Трубецкой полагает, что «отраслей» не было, и сомневается лишь в единственном случае: Пестель в 1817 г. уехал в Митаву, назначенный адъютантом графа Витгенштейна, и получил формальное полномочие от Думы завести в Митаве «отрасль», однако в дальнейшем никаких сведений от него об «отрасли» Трубецкой не имел. Давая это показание, Трубецкой прибавляет: «если и завел, то по крайней мере скрыл от меня». ¹²⁶ Можно без колебаний утверждать, что «отрасль» в Митаве была заведена. Никита Муравьев показывает: «Полковник Пестель, который писал статуты общества, ... продолжал действовать по оным по прибытии своем в первый корпус в Митаву». ¹²⁷ Пестель дал на следствии подробное показание о митавской «отрасли» Союза Спасения и перечислил ее членов. Мы остановимся на этом свидетельстве в своем месте. ¹²⁸ Новикову, уехавшему на Украину, было поручено завести «отрасль» или «Думу» в Киеве, но С. Трубецкой, давший это показание, отозвался незнанием, была ли эта отрасль заведена. Интересно, что Пестель воспринял деятельность в Москве Якушкина в первой половине 1817 г. как заведение особого общества: «после отъезда моего узнало наше общество, что подобное составилось в Москве, в коем были Фонвизин, Колошин и Якушкин. Сей последний приезжал в Петербург для соединения обоих обществ в одно и имел о том прения с князем Лопухиным, как мне потом пересказывали. Каким образом сие соединение совершилось, я уже не знаю, но когда в конце 1817 года приезжал я в Петербург, то уже было оное сделано...» ¹²⁹

VII

Таковы те свидетельства, на основе которых можно попытаться в схематическом виде восстановить содержание уничтоженного декабристского документа большой влажности — устава первого тайного общества. Подведем итоги этой части нашей работы. Как видим, собран-

¹²⁵ В. Д., т. I, стр. 24—25.

¹²⁶ Там же, стр. 40.

¹²⁷ Там же, стр. 299.

¹²⁸ Это показание Пестеля до сих пор не привлекало внимания исследователей, повидимому, потому, что по случайным причинам оно оказалось совсем в другом деле, не соответствовавшем по заглавию данному вопросу: оно находится в деле № 6 «О существовании (мнимого) тайного общества в отдельном Кавказском корпусе» (ЦГАДА, ф. 48, д. 6, л. 1-1 об.).

¹²⁹ В. Д., т. IV, стр. 101.

ные свидетельства касаются разнообразных пунктов устава и позволяют представить его себе с известной полнотой. Отвлекаясь от масонских форм, можно следующим образом схематически представить себе содержание утраченного устава:¹³⁰

1. Устав первого тайного общества, по свидетельству Пестеля, имел заглавие, в которое входило наименование организации «Обществом Истинных и Верных Сынов Отечества».

2. Уставу было предпослано введение или предисловие, написанное Ильей Долгоруким. Оно содержало, повидимому, объяснение общей цели общества — «подвизаться на пользу общую всеми силами» во имя блага России, как то и надлежит истинным и верным сынам отечества.

Далее следовали пункты устава. Порядок их предположительный.

3. Главной целью тайного общества является введение в России представительного правления в форме конституционной монархии. Введение правления представительного сопровождается уничтожением «рабства крестьян».

4. Исторгнуть у правительства конституцию предложено путем открытого выступления тайного общества в момент смены монархов на престоле. Необходимо «принудить» правительство согласиться на представительное правление. Члены общества обязываются не прежде принести присягу новому императору, как по удостоверении, что в России единовластие будет ограничено народным представительством.

5. С этой целью члены общества обязаны приискывать людей, способных и достойных войти в состав общества, и «елико возможно» умножать число сочленов общества.

6. Для подготовки переворота члены общества обязуются ни под каким видом не покидать службы с той целью, чтобы со временем все служебные значительные места по военной и гражданской части были в распоряжении членов тайного общества.

7. Тайное общество стремится к отстранению иноземцев от влияния в государстве.

8. Тайное общество, готовя переворот, стремится руководить в стране общественным мнением, для чего должно «воздействовать на мнения», поддерживая похвалой полезные предприятия и разглашая злоупотребления чиновников по службе и должностям и разного рода бесчестные поступки. Членам возбраняется сближаться с людьми пожилыми и чиновными, противными всякой перемене этого порядка, к которому они привыкли и в котором родились. Общество стремится к распространению своих мнений путем расширения круга своих сочленов.

9. Члены общества, получившие сведения о важных политических

¹³⁰ Ниже в тех случаях, где возможно, пункты устава излагаются приблизительно теми словами, какими декабристы передавали их содержание, вспоминая о них. Однако отсюда никак не следует, что попытка схематически реставрировать содержание устава хотя бы в малейшей степени претендует на реставрацию и его стиля. Стиль его был масонским и не поддается восстановлению.

новостях, предполагаемых переменах в государственном правлении и пр., спешат известить об этом руководство общества.

10. Для исполнения планов общества положено каждому члену сделать добровольные взносы, «по состоянию каждого и по обстоятельствам, в которых он находится».

11. Члены общества делятся на три разряда: 1) бояр, 2) мужей, 3) братьев. Брат по своим заслугам перед обществом может повыситься и стать мужем, а муж — боярином. Цель введения в России конституции и решение не прежде присягать наследнику, как удостоверявшись, что в России единовластие будет ограничено народным представительством, является целью сокровенной и открывается лишь высшему разряду, а именно «боярам». Муж и брат не знают сокровенной цели общества и имеют разные объявленные цели, постепенно сближающиеся с указанной главной целью.

12. Обществом руководит и управляет «Совет Бояр» или «Верховный Собор Бояр» (Главное управление). Каждый боярин обязуется беспрекословно повиноваться воле большинства в «Совете Бояр», хотя бы решение большинства и не совпадало с его собственным мнением. Совет возглавляется старейшиной или председателем, выбранным на месячный срок и затем сменяемым другими боярами поочередно. Это делается для того, чтобы никто не мог приобрести власти, верха в управлении над другими и над обществом и не мог бы наклонять и направлять членов к собственной цели.

13. Если бы каким-нибудь образом случилось так, что из всех бояр один только остался, то он должен так же стараться о восстановлении вновь общества.

14. Новый член общества может быть принят лишь с согласия Верховного Совета Бояр или Главного управления.

15. Каждый намеченный к принятию в члены общества первоначально дает клятву не разглашать того, что будет ему сообщено, и лишь затем узнает о существовании общества. Если он не соглашается вступить в члены, он сохраняет сделанное ему предложение в глубокой тайне. Если он соглашается на вступление, он дает страшную клятву (вторую) быть верным тайному обществу, исполнять все возлагаемые на него обязанности, хранить втайне все до общества касающееся, слепо и беспрекословно выполнять повеления мужей и бояр. Если он повышается из братьев в мужи, он дает новую клятву верности, беспрекословного и слепого повиновения воле бояр. Если он повышается из мужей в бояре, он дает четвертую клятву, при выборе в старейшины — пятую.

16. Прилагается пять форм клятв или присяг по масонскому образцу. В тексте, в частности, содержалось обещание членов помогать друг другу по цели общества и повиноваться Думе; буде по какой причине член приказания сам исполнить не может, то передал бы его далее.

17. Измена обществу, разглашение его тайн, малейшая нескромность карается смертью. Яд и кинжал везде найдут изменника.

18. Каждый вновь принимаемый знает лишь принявшего его. В случае открытия общества правительством, арестов и допросов один из допрашиваемых членов должен объявить себя председателем тайного общества, взять на себя, таким образом, основную вину и на этом прервать цепь розыска.

19. Когда бы число членов размножилось, полагается образовывать округа.

20. Округ тайного общества управляется Главной Думой Округа под председательством уполномоченного на то от Верховного Собора боярина.

21. Главной Думе округа подчиняются все отдельные управы данного округа, состоящие из членов 2-го и 3-го разрядов (мужей и братьев).

22. Бояре, управляющие Главными Думами округов, сносятся с Верховным Собором Бояр через одного из его членов.

23. Если какой-либо боярин по обстоятельствам получает в каком-либо округе постоянное пребывание, он обязан снестись с Уполномоченным Боярином данного округа, председательствующим в Главной Думе Округа, и участвовать в заседаниях этой Главной Думы как ее член.

VIII

Такова приблизительная, рсгаврированная по первоисточникам схема содержания устава или статута тайного Общества истинных и верных сынов отечества. Когда работа комиссии над его составлением была закончена, общество в январе 1817 г., как показывает Пестель, собралось на особое заседание для принятия устава. С. Трубецкой в своих «Записках» называет это собрание «общим заседанием для прочтения и утверждения устава». ¹³¹ Наличие такого заседания подтверждается и совпадающим свидетельством Трубецкого на следствии. ¹³² Устав тайного общества был на этом заседании принят и вступил в действие. Однако именно на этом заседании — повидимому, впервые — резко обнаружилось расхождение политических настроений Пестеля с настроениями других членов. Пестель на этом собрании делал, очевидно, какой-то вводный доклад — «вступление», как пишет С. Трубецкой. ¹³³ «Пестель поселил в некоторых членах некоторую недоверчивость к себе; в прочитанном им вступлении он сказал, что Франция блаженствовала под управлением Комитета общественной безопасности. Восстание против этого было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое

¹³¹ С. Трубецкой. Записки, стр. 13.

¹³² В. Д., т. I, стр. 24.

¹³³ С. Трубецкой. Записки, стр. 13.

навсегда поселило к нему недоверчивость». ¹³⁴ В приведенном тексте С. Трубецкого есть некоторая противоречивость в формулировке: в начале приведенной цитаты сказано, что Пестель поселил к себе «некоторую недоверчивость» и лишь в «некоторых членах», а несколько ниже речь идет уже о «всеобщем восстании» против Пестеля. Не подвергнулся ли первоначальный текст «Записок» позднее некоторой противоречивой правке? Беря это чрезвычайно любопытное свидетельство по существу, нельзя не отметить, что в 1817 г., когда Пестель читал свой вводный доклад, он еще не был республиканцем, а придерживался идеи конституционной монархии; не был он также еще сторонником диктатуры Временного Правительства. Этих идей — республики и диктатуры — он, по собственному свидетельству, стал придерживаться позднее. Поэтому его речь о блаженстве Франции эпохи Конвента, очевидно, не содержала в себе ни той ни другой идеи, а восхваляла Комитет общественной безопасности с какой-то другой стороны с какой именно, — пока установить не удастся.

Так или иначе, устав или статут был принят, и первое тайное декабристское общество вступило в новый «поуставный» период своего существования.

В этот второй — «поуставный» период своей жизни тайное общество приняло не менее 11 новых сочленов и основало по крайней мере один филиал (в Митаве), в котором вместе с основателем Пестелем было пять человек. Иными словами, Общество истинных и верных сынов отечества приобрело в поуставный период около половины общего своего состава. Это несомненно свидетельствует о деятельности общества.

В начале 1817 г. Пестель уехал из Петербурга, но до своего отъезда успел принять в общество князя П. Лопухина. Вообще в начале 1817 г. Пестель деятельно «устраивал» общество в качестве «старейшины», которым он тогда состоял, и торопился закончить эту работу перед своим приближавшимся отъездом в Митаву. ¹³⁵

Князь Павел Петрович Лопухин, единственный сын светлейшего князя П. В. Лопухина, был значительно старше остальных членов общества и значительно выше их по чину: ему было уже почти 40 лет от роду (род. в 1788 г.); флигель-адъютант императора Павла I и «действительный камергер» при Александре I, он с 1806 по 1817 г. служил в Кавалергардском полку, где в октябре 1817 г. был произведен в генерал-майоры. В момент принятия его в общество он, очевидно, был в чине кавалергардского полковника. Как и прочие члены тайного общества, он был участником Отечественной войны. На допросе Лопухин был чрезвычайно скрытен и старался давать нарочито неточные и туманные ответы. Он якобы даже не мог точно сказать, от кого первого он узнал о тайном обществе, когда и кем был принят:

¹³⁴ С. Трубецкой Записки, стр. 13.

¹³⁵ В. Д., т. I, стр. 305.

в 1817 г. он узнал о тайном обществе будто бы сразу от троих: «от К. Трубецкого, Долгорукова или Шаховского». ¹³⁶ Так как он был завербован после принятия устава, то несомненно, что он был принят по обрядам, давал торжественные клятвы и не одну; поэтому невозможно поверить, чтобы он запомнил имя принявшего его лица, в присутствии которого он дал, по меньшей мере, три клятвы. Его колеблющийся ответ, называющий три имени на выбор, очевидно, был лишь приемом отвода следственного комитета с правильного пути, способом избежать наименования того лица, которое вслед за этим могло быть привлечено к допросам о нем. Имя это называет за него Никита Муравьев, точно свидетельствующий, что Пестель через несколько дней после принятия устава «приобрел Обществу кн. Лопухина». ¹³⁷ Этому показанию можно верить: и Пестель и Лопухин были в тот момент кавалергардами и, вероятно, постоянно общались по полку.

После принятия устава общество получило «устройство», организовалось, оформилось. Председателем Общества истинных и верных сынов отечества был избран князь С. Трубецкой, надзирателями или блюстителями — князь Лопухин и Александр Муравьев, секретарем — Никита Муравьев. ¹³⁸

Вскоре после этого в истории тайного общества произошло знаменательное событие, заслуживающее особого внимания: его пути неожиданно скрестились с путями другой политической тайной организации. Общество истинных и верных сынов отечества встретилося с тайным обществом Михаила Орлова.

IX

В документальном материале нет расхождений по вопросу о времени этой встречи. Показание Никиты Муравьева, подтвержденное показанием Александра Муравьева, относит встречу с Михаилом Орловым ко времени вскоре после отъезда Пестеля в Митаву. Следовательно, дело произошло примерно в феврале 1817 г. Переговоры вели между собой только Орлов и Александр Муравьев.

Известно, что еще в 1814 г. Михаил Орлов, вернувшись из заграничного похода, «взошел в переписку» с графом Матвеем Дмитриевым-Мамоновым на предмет организации тайного общества «Русских Рыцарей». ¹³⁹ Проект введения в России конституционной монархии и «упразднения рабства», разработанный ими совместно, был причудливо отягощен феодально-аристократическими особенностями общественного устройства (сенат из наследственных пэров, раздача вельможам «уделов» и пр.). Этот проект был недолговечен, оказавшись кратким

¹³⁶ ЦГАДА, ф. 48, д. 235, л. 1.

¹³⁷ В. Д., т. I, стр. 305.

¹³⁸ Там же, т. IV, стр. 100.

¹³⁹ ЦГАДА, ф. 48, д. 83, лл. 12, 17 и др.

политическим увлечением. В конце 1816 г. и в начале 1817 г., по собственному показанию М. Орлова, он уже был занят не этим первым «Обществом русских рыцарей», а новым тайным обществом, противоправительственный характер которого, по его собственному признанию, был столь силен, что требовал сугубой конспирации.¹⁴⁰ Как указывает Орлов, толчок к разработке нового варианта программы был дан ему польской политикой царского правительства в 1815 г., которая вызвала резкий протест М. Орлова. Будучи решительным и последовательным противником восстановления Польши и сторонником ее слияния с обновленной Россией, Орлов разработал план такого политического общества, которое должно было бы решительно противодействовать «польскому влиянию» на царя. Мы обладаем, как известно, более поздним республиканским вариантом программы тайного общества М. Орлова.¹⁴¹ Является ли он программой именно того общества, которое в лице Орлова пересекло пути Общества истинных и верных сынов отечества в феврале 1817 г.? Этого со всей точностью утверждать невозможно. Если же принять это довольно распространенное в литературе о декабристах предположение, то с Обществом истинных и верных сынов отечества, оказывается, встретилась тайная организация, обладавшая республиканской программой, хотя также отягощенной причудливыми аристократическими пережитками: русский парламент или «Народная Веча» должен был, согласно программе Орлова, делиться на две палаты — на палату вельмож и палату мещан; в палату вельмож входили «наследственные вельможи», которые владели «уделами неприкосновенными в тех областях, в коих они наследственными представителями и депутатами»; в палату мещан входили «простые дворяне», «не наследственные, но избранные представители», «депутаты русского рыцарства» и депутаты от «вольных городов». Палаты должны были работать под руководством двух «посадников». ¹⁴² «Тираноубийство», повидимому, рассматривалось как способ достижения поставленной цели.

Михаил Орлов и Александр Муравьев «открылись друг другу», и каждый «стал уговаривать другого вступить в свое общество», — показывает Никита Муравьев. Хотя конечные цели и были признаны обоими конспираторами в какой-то мере близкими, но слияние обществ не состоялось. «Переговоры сии кончились тем, что они обещались не препятствовать один другому, идя к одной цели, и оказывать себе

¹⁴⁰ ЦГАДА, ф. 48, д. 83, л. 12 об.

¹⁴¹ Все тексты, о которых идет речь, опубликованы К. Бороздиным в документальном издании «Из писем и показаний декабристов», СПб., 1906, под рубрикой «Из бумаг графа Мамонова». Текст, озаглавленный «Пункты преподаваемого во внутреннем ордене учения», повидимому, относится к замыслу 1814 г. (стр. 145—148). Текст «Краткий опыт», повидимому, более позднего происхождения, но точной датировке не поддается; обычно его датируют 1816—1817 гг.

¹⁴² «Из писем и показаний декабристов», стр. 150—153.

взаимные пособия», — показывает Никита Муравьев.¹⁴³ Его показание подтверждает и Александр Муравьев, ведший переговоры с Орловым.¹⁴⁴

Не Новиков ли свел Александра Муравьева и Михаила Орлова для переговоров друг с другом? Одно из показаний М. Орлова невольно возбуждает вопрос, не был ли М. Н. Новиков сначала членом организации М. Орлова и не перешел ли он затем в Союз Спасения? В самом деле, М. Орлов пишет в своей «Записке» о тайном обществе: «в 1816 и отчасти в 1817 г. вместе с Мамоновым я был занят одним делом. Но это дело осталось неосуществленным и вскоре было совершенно оставлено из-за его путешествия и болезни, а мною — вследствие одного открытия, которое я тогда сделал. Именно, я узнал о сорганизовавшемся обществе молодых людей, большей частью гвардейских офицеров (речь идет о Союзе Спасения. — М. Н.); они также были в восторге от успеха Tugend Bund'a и работали в этом смысле. Не присоединясь к ним, я с ними сблизился. Один Новиков вступил с ними в связь. Это была одна из организаций...»¹⁴⁵ Новиков был сторонником республики. Однако его конституционный проект, о котором сохранилось свидетельство Пестеля, был явно иной, чем только что цитированный проект М. Орлова. Проект Новикова отличался демократизмом и был близок к американской конституции. Пестель свидетельствует: «Отличительная черта конституции Новикова заключалась в том, что она была республиканская, и Верховная Власть в оной находилась в особом сословии, коего председатель имел два голоса, а прочие члены только по одному. Прочие предметы определялись как и во всех почти республиканских конституциях. Много было сходства с Американскою».¹⁴⁶

Х

Вернемся теперь к вопросу о новых членах Общества истинных и верных сынов отечества, принятых после введения устава. После вступления князя Лопухина, о котором уже шла речь, был принят новый член — Иван Григорьевич Бурцов, которому суждено было сыграть немалую роль в истории раннего декабризма.

Пестель упоминает в своих показаниях о принятии Бурцова непосредственно перед указанием на свой отъезд в Митаву; можно предположить, что Бурцов был принят в начале 1817 г. Бурцов показывает, что его приняли сразу трое: «Трубецкой, Муравьев и Пестель».¹⁴⁷ Однако, по точному контексту показания, это свидетельство

¹⁴³ В. Д., т. I, стр. 305—306.

¹⁴⁴ Там же, т. III, стр. 12 (ср. стр. 16). См. также «Записку» М. Орлова о тайном обществе — «Красный Архив», т. XIII, стр. 160.

¹⁴⁵ «Красный Архив», т. XIII, стр. 160 (подчеркнуто мною. — М. Н.).

¹⁴⁶ В. Д., т. IV, стр. 113 (ср. стр. 81, 91, 101).

¹⁴⁷ Там же, стр. 100 (ср. т. I, стр. 305).

относится к приему Бурцова уже во вторую декабристскую организацию — Союз Благоденствия и к Обществу истинных и верных сынов отечества отношения не имеет. Бурцову удалось на допросе полностью скрыть свою принадлежность к наиболее ранней декабристской организации, и «каляся» он лишь в принадлежности к Союзу Благоденствия. Кто же принял его в первое тайное общество? Наиболее правдоподобно предположение, что Бурцова принял в общество его старый военный товарищ — основатель общества Александр Муравьев, с которым он был чрезвычайно дружен и с 1814 г. жил на одной квартире в основанной совместно с ним «священной артели» офицеров Генерального штаба. На допросе Бурцов подменил свое вступление в первое тайное общество рассказом о своем более позднем вступлении в Союз Благоденствия, а следствие, не очень заинтересованное первыми декабристскими организациями, которые оно считало мало важными, не сопоставляло показаний и не уличило Бурцова. Факт вступления Бурцова именно в первое тайное Общество истинных и верных сынов отечества обосновывается не только показанием Пестеля, но также свидетельствами Якушкина, Пущина, Оболенского, Нарышкина¹⁴⁸ и что особенно важно — воспоминаниями Пущина о Пушкине, написанными вне обстановки следствия. Единственный намек на свое более раннее пребывание в обществе, который обронил Бурцов на следствии, — это его полупризнание о московском заговоре 1817 г. Ивану Григорьевичу Бурцову в момент вступления в Общество истинных и верных сынов отечества было 23 года; он был офицером Генерального штаба.

Летом 1817 г. Бурцов принял в общество двух новых членов: только-что кончивших лицейстов И. И. Пущина и В. Вальховского. И того и другого Бурцов знал еще по совместному знакомству в «священной артели», которую Пущин посещал, по собственному признанию, «еще в лицейском мундире», т. е. до лицейского выпуска 1817 г.¹⁴⁹ С коллективом «священной артели», которую Пущин называет «мыслящим кружком», Пущин сдружился и «почти жил в нем». «Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вальховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе», — пишет Пущин в своих воспоминаниях.¹⁵⁰ Ценно указание Пущина на то, что во время его вступления в общество, его друга А. С. Пушкина не было в Петербурге; только-что кончив лицей и поступив на службу в коллегию иностранных дел, Пушкин взял отпуск и уехал в деревню. Это дает возможность еще более точно датиро-

¹⁴⁸ В. Д., т. IV, стр. 100; т. III, стр. 55; т. II, стр. 232 и др. (ср. ЦГАДА, ф. 48, д. 95, л. 3).

¹⁴⁹ И. И. Пущин. Записки о Пушкине, стр. 65.

¹⁵⁰ Там же.

вать вступление Пушина в Общество истинных и верных сынов отечества: он вступил в него, следовательно, не ранее 10 июля и не позднее конца августа 1817 г. (конечные сроки пушкинского отпуска).¹⁵¹ «Первому» и «бесценному» другу Пушкина Ивану Ивановичу Пушину к моменту принятия в Общество только что исполнилось 19 лет; в октябре того же 1817 г. он был произведен в прапорщики лейб-гвардейской конной артиллерии.¹⁵²

Более или менее одновременно с Пушиным Бурцов принял другого лицеиста — Владимира Дмитриевича Вальховского, известного всем пушкинистам лицейского «Суворочку», приятеля и товарища А. С. Пушкина по лицу. В момент вступления в тайное общество Вальховскому едва исполнилось 19 лет; он был прапорщиком Гвардейского генерального штаба.¹⁵³

Еще более важное приобретение сделал Бурцов, приняв, повидимому, более или менее одновременно с лицеистами или несколько позднее, выдающегося члена декабристского движения князя Евгения Петровича Оболенского. Оболенский вступил в общество до похода в Москву гвардии на закладку храма Христа Спасителя на Воробьевых горах и прочих торжеств, связанных с длительным пребыванием в Москве царского двора: «вступив в общество в 1817 г., я скоро отправлен был в Москву», — показывает он именно об этом гвардейском походе.¹⁵⁴ Конные части гвардии и артиллеристы, к которым принадлежал Оболенский, выступили в Москву из Петербурга 14 августа 1817 г.,¹⁵⁵ следовательно, Оболенский принят «незадолго» до этого срока. В деле Оболенского, опубликованном в т. I «Восстания декабристов», отсутствует показание о том, что его принял Бурцов. Оболенский скрывал это обстоятельство елико возможно и ссылался на то, что его якобы принял Токарев, умерший в 1821 г. В том, что его принял в тайное общество именно Бурцов, Оболенский сознался поздно, уличенный многими показаниями. Его показание о Бурцове находится в малоизвестном исследователям деле № 244, носящем название: «Справки, собранные о разных лицах, в описи означенных, о принадлежности их к злоумышленникам общества».¹⁵⁶ В момент вступления в тайное общество Е. П. Оболенскому только что исполнился 21 год, он был прапорщиком 1-й гвардейской артиллерийской бригады.

Своеобразным событием в Обществе истинных и верных сынов отечества было принятие Якушкиным М. Фонвизина с нарушением правил устава. Еще 5 июня 1816 г. Якушкин, которому служба в гвардии

¹⁵¹ М. А. Цявловский. Хронологическая канва биографии А. С. Пушкина, см. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., М.—Л., 1931, стр. 9.

¹⁵² В. Д., т. II, стр. 206.

¹⁵³ Там же, т. VIII, стр. 292; ЦГАДА, ф. 48, д. 240, л. 4.

¹⁵⁴ В. Д., т. I, стр. 252.

¹⁵⁵ М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы — «Литературное наследство», № 47—48, стр. 115 и 143, прим. 101.

¹⁵⁶ ЦГАДА, ф. 48, д. 244, л. 16.

стала, по собственному его признанию, «несносна», перевелся из гвардии в армию штабс-капитаном 37-го егерского полка.¹⁵⁷ Приехав в Сосницы, где стоял полк, он познакомился со своим полковым командиром Михаилом Александровичем Фонвизиным, племянником знаменитого автора «Недоросля». Полковнику М. А. Фонвизину в 1817 г. было уже почти 40 лет (род. в 1788 г.); он был старым участником войн с Наполеоном и в 1812 г. служил адъютантом у Ермолова. Якушкин он встретил «не так, как полковой мой командир, но как самый любезный товарищ». Скоро их отношения перешли в «неразлучную дружбу». Друзья засиживались всякий день «далеко за полночь». Якушкин убедился, что политические настроения и взгляды Фонвизина те же, что у него и у прочих членов тайного общества: «все вопросы, занимавшие нас в Петербурге, были столько же близки ему, как и нам». В результате этих долгих разговоров Фонвизин объявил Якушкину, что лучшим средством против бедственного положения России было бы создание тайного общества, и если бы такое общество существовало, состоя хотя бы из пяти человек, «то он тотчас бы вступил в него». ¹⁵⁸ Якушкин тут не смог удержаться, открыл Фонвизину существование тайного общества и принял его в члены. Он известил об этом «с первой почтой» (очевидно, с оказией или на условном языке?) Никиту Муравьева и надеялся «приобрести от общества благодарность» за принятие достойного и значительного члена, но вместо этого по справедливости получил строгий выговор за нарушение устава, поскольку новый член был принят без предварительного согласия Верховной Думы. Когда гвардия пришла в Москву и центр тайного общества передвинулся из Петербурга в старую столицу, Фонвизин был принят вновь, уже по всей форме. Это случилось, следовательно, не ранее второй половины августа 1817 г.

Уже указывалось, что братья Колошины были приняты разновременно. О приеме в общество старшего брата — Петра Колошина в 1816 г. уже говорилось выше. Младший брат — Павел Колошин, по собственному признанию, вступил в тайное общество в 1817 г. по предложению А. Муравьева (вероятнее, нежели по предложению Бурцова). ¹⁵⁹ Правда, как и многие другие, он ошибочно или нарочито именует тайное общество, в которое вступил, «Союзом Благоденствия», но контекст его показаний свидетельствует, что вступление его в общество произошло в 1817 г. в Петербурге. Это может относиться только к Союзу Спасения, так как Союза Благоденствия в то время вообще еще не существовало. Добавим, что с августа 1817 г. принявший Колошина Александр Муравьев вместе с гвардией передвинулся в Москву, следовательно, Павел Колошин принят в общество в 1817 г. до августа. По собственному свидетельству Павла Колошина, он до

¹⁵⁷ В. Д., т. III, стр. 40.

¹⁵⁸ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 16—17.

¹⁵⁹ ЦГАДА, ф. 48, д. 65, лл. 2 об., 14 и др.

своей отставки¹⁶⁰ жил все время в Петербурге. Надо заметить, что в декабристских кругах Павел Колошин ценился выше брата Петра — последнего упрекали в легкомыслии и постоянном «волокитестве». Павел Колошин был человек ученый, усердно посещал лекции петербургских профессоров, был преподавателем географии в офицерской школе, составлял по поручению гвардейского главного штаба журнал военных действий союзных войск в кампанию 1814 г. «от Рейна до Парижа», с многочисленными картами.¹⁶¹ Можно напомнить, что семья Колошиных — в родстве с Львом Толстым.¹⁶²

Трудно с точностью определить время вступления в Союз Спасения младшего брата Муравьевых — Михаила, принятого Александром Муравьевым, основателем общества. Дело Михаила Муравьева (будущего «вешателя», жестокого усмирителя Польши) носит особо покаянный, прямо-таки «рыдающий» характер и вместе с тем чрезвычайно скрытно. Достаточно сказать, что Михаил Муравьев, участие которого в составлении «Зеленой Книги» — устава Союза Благоденствия — общеизвестно, сумел в своих показаниях следствию вообще скрыть это обстоятельство. Пестель свидетельствует, что Бурцов и Михаил Муравьев были членами первого тайного общества, и из его показания можно заключить, что они оба были приняты более или менее одновременно.¹⁶³ О спорах Михаила Муравьева и Петра Колошина против устава Общества истинных и верных сынов отечества дал показание Никита Муравьев.¹⁶⁴ Сам Михаил Муравьев признался на следствии, что «в ноябре и декабре 1817 г. начало образовываться при мне тайное общество под названием Союза Благоденствия»¹⁶⁵ — подобный процесс образования мог наблюдать лишь член первой тайной организации. Особенно же важно свидетельство Никиты Муравьева, что Михаил Муравьев и Петр Колошин «оставили общество», вышли из него перед основанием Союза Благоденствия вследствие несогласия с его линией, иначе говоря, Михаил Муравьев был несомненным членом первой тайной организации.¹⁶⁶ Вероятнее всего предположение, что Михаил Муравьев вступил в Общество истинных и верных сынов отечества в 1817 г. в Петербурге после принятия устава, но до похода гвардии в Москву,¹⁶⁷ т. е. между февралем и августом

¹⁶⁰ В 1821 г. и еще на военной службе (см. ЦГАДА, ф. 48, д. 65, л. 2).

¹⁶¹ Там же. Мне представляется, что Никита Муравьев спутал Петра Колошина с его братом Павлом в своем показании следствию от 5 января 1826 г. (В. Д., т. I, стр. 306, где говорится, что Александр Муравьев «хотел приобрести обществу брата своего Михаила и Петра Колошина»), так как Петр Колошин, по его собственному признанию, вступил в общество в 1816 г. (ТГАДА, ф. 48, д. 224, л. 3).

¹⁶² О свей тетке «графине Толстой» Павел Колошин говорит на следствии (ЦГАДА, ф. 48, д. 65, л. 5 об. и др.).

¹⁶³ В. Д., т. IV, стр. 100.

¹⁶⁴ Там же, т. I, стр. 306.

¹⁶⁵ ЦГАДА, ф. 48, д. 189, л. 9.

¹⁶⁶ В. Д., т. I, стр. 306.

¹⁶⁷ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 18.

1817 г. Если же учесть, что имена Михаила Муравьева и Бурцова не случайно связались вместе в памяти Пестеля, то принятие Михаила Муравьева в общество надо отнести примерно к тому же времени, что и Бурцова, т. е. к концу зимы 1817 г. В это время Михаилу Муравьеву было 20 лет, он был поручиком Гвардейского генерального штаба.¹⁶⁸

С несомненностью можно утверждать, что младший брат Пестеля Владимир был членом первой декабристской организации, несмотря на очень пространное и крайне взволнованное отрицание этого, данное Павлом Ивановичем Пестелем на следствии.¹⁶⁹ С. Трубецкой показывает Владимира Пестеля «сочленом» при «первом начатии общества», подтверждают его членство Матвей Муравьев-Апостол, М. А. Фонвизин, Никита и Александр Муравьевы.¹⁷⁰ Последние два, повидимому в полном соответствии с действительностью, подчеркивают бездеятельность Владимира Пестеля в тайном обществе: «Владимир Пестель считался в обществе в 1817 году, но не принимал в оном никакого участия», — свидетельствует Никита Муравьев.¹⁷¹ Как помнил Александр Муравьев, Владимир Пестель был принят Никитой Муравьевым: «Владимир Пестель был, кажется мне, принят еще в начале 1817 года капитаном Муравьевым в бывший прежде и разрушенный Союз Спасения. Он совершенно никакого участия в действиях общества не принимал и только считался членом и едва был когда в собрании», — показывает Александр Муравьев.¹⁷²

Павел Александрович Катенин — несомненный член первой декабристской организации. Отсутствие личного дела Катенина в следственном фонде декабристов¹⁷³ затрудняет установление деталей, но несомненен следующий факт: Катенину была в 1817 г. поручена ответственная работа по организации Военного общества, т. е. промежуточной тайной организации, стоявшей между Союзом Спасения и Союзом Благоденствия. Якушкин называет на следствии имя Катенина в числе тех лиц, которые присутствовали «в 1817-м году, по прибытии в Москву гвардии на совещаниях при учреждении приговорительного общества под названием военного».¹⁷⁴

В «Алфавите декабристов» прямо говорится о Катенине: «принадлежал к числу членов первого общества, составившегося прежде

¹⁶⁸ Судя по его служебному формуляру, 7 марта 1816 г. он был произведен в поручики Гвардейского генерального штаба, а 26 ноября 1817 г. — в штабс-капитаны (ЦГАДА, ф. 48, д. 189, лл. 21—22).

¹⁶⁹ См. ЦГАДА, ф. 48, д. 244.

¹⁷⁰ В. Д., т. I, стр. 9, 29; ЦГАДА, ф. 48, д. 244, лл. 64—64 об.

¹⁷¹ ЦГАДА, ф. 48, д. 244, л. 63.

¹⁷² Там же, л. 43.

¹⁷³ Катенин не был арестован, и личное его дело вообще не было заведено при следствии (иногда личные дела возникали, хотя данное лицо и не привлекалось к допросу: они составлялись из показаний других подследственных лиц о данном лице, но в случае Катенина и этого не было).

¹⁷⁴ В. Д., т. III, стр. 55.

Союза Благоденствия». ¹⁷⁵ П. А. Катенин в годы первого общества служил в лейб-гвардии Преображенском полку; ¹⁷⁶ чрезвычайно правдоподобна догадка Ю. Г. Оксмана о том, что Катенина приняли в общество его сослуживцы по полку братья Шиповы. ¹⁷⁷ Если это так, то Катенин мог быть принят в Союз Спасения или в Общество истинных и верных сынов отечества не ранее декабря 1816 г. и не позже лета 1817 г. Добавим, что П. А. Катенин — старый знакомый Никиты Муравьева. ¹⁷⁸

Декабриста Артамона Муравьева мы видим в декабристской среде в Москве 1817 г. Он очень активен, вызывается на цареубийство, участвует в жизни тайного общества, несомненно, еще до организации Союза Благоденствия. Это дает основания для предположения, что Муравьевы ввели своего родственника Артамона в уже рушившееся Общество истинных и верных сынов отечества еще до его ликвидации, иначе невозможно объяснить его активность и осведомленность в событиях. В июле 1815 г. Артамон Муравьев был назначен адъютантом к генерал-адъютанту графу де Ламберту и уехал вместе с ним во Францию, где был прикомандирован к оккупационному корпусу графа Воронцова, в котором провел около двух лет. Он вернулся с графом Ламбертом в Россию в 1817 г. и сразу оказался не в Петербурге, а в Москве, где в то время находились двор и гвардия. ¹⁷⁹ Таким образом, Артамона Муравьева можно считать последним членом, непосредственно принятым в первую декабристскую организацию.

Последнее имя, которое надо для полноты упомянуть, говоря о первой декабристской организации, это имя штабс-капитана лейб-гвардии Измайловского полка А. П. Полторацкого. Ему, как показывает Александр Муравьев, «было говорено мною об Обществе Союз Спасения в начале же 1817 года здесь в С.-Петербурге, но едва ли он был принят и ест[ь] был принят, то в самую низшую степень» и участия в делах «не брал». ¹⁸⁰ Это единственное показание о Полторацком не дает, как видим, твердой опоры для того, чтобы считать его в составе первого тайного общества. Позднее мы встречаемся с ним как с членом Союза Благоденствия.

Выше упоминалось о митавском филиале, основанном Пестелем в течение 1817 г. и первых четырех месяцев 1818 г., — время это с точностью определено самим Пестелем в его показании по данному

¹⁷⁵ Там же, т. VIII, стр. 91.

¹⁷⁶ А. Чичерин, С. Долгов, А. Афанасьев. История лейб-гвардии Преображенского полка, т. IV, стр. 106.

¹⁷⁷ См. комментарий Ю. Г. Оксмана к «Запискам» П. А. Катенина о Пушкине в «Лит. наследстве», № 16/18, стр. 619—634.

¹⁷⁸ «Бывают ли у вас Катенин, Гнедич, Крылов? — спрашивает Никита Муравьев в письме к матери из-за границы от 7 мая 1815 г. (там же, стр. 631).

¹⁷⁹ ЦГАДА, ф. 48, д. 493, лл. 22 об., 24 об.

¹⁸⁰ Там же, д. 244, лл. 43 об. и 60.

вопросу.¹⁸¹ Ясно, что в 1817 г. Пестель мог совершать прием только в Общество истинных и верных сынов отечества, поскольку в 1817 г. Союз Благоденствия еще не существовал. Устав Союза Благоденствия оформился в начале 1818 г. в Москве, копии устава стали рассылаться затем из Москвы отсутствовавшим в ней членам, очевидно, в том числе и Пестелю. Все это требовало какого-то времени. Кроме того, сохранилось веское свидетельство Никиты Муравьева, что Пестель «по прибытии своем в первый корпус в Митаву» продолжал действовать по статутам первого общества и, «получа устав Союза Благоденствия», он «отверг его»; более того, Пестель, по словам Никиты Муравьева, будто бы только в 1820 г. решился «пожертвовать статутом 1817 года».¹⁸² Учитывая это свидетельство, надо признать митавский филиал Пестеля, основанный им в течение 1817 г., и первых четырех месяцев 1818 г., нечем иным, как филиалом Общества истинных и верных сынов отечества. Пестель показывает, что принял в этот филиал четверых членов: 1) командира Ольвиопольского гусарского полка полковника Петрулина, «который в том же году умер»; 2) майора Авенариуса, старшего адъютанта 25-й пехотной дивизии, позднее назначенного в 41-й егерский полк в кавказский корпус Ермолова; 3) подполковника Тимченко, позднее назначенного командиром 4-го морского полка; 4) полковника Свободского, дежурного адъютанта 1-го корпуса, назначенного потом командиром Тульского пехотного полка. «Кроме сих четырех никто принят не был», — добавляет Пестель.¹⁸³

Таким образом, в первой декабристской организации, в доуставный период называвшей себя Союзом Спасения и в поуставный период наименовавшей себя Обществом истинных и верных сынов отечества, было 30 членов, считая митавский филиал Пестеля, или 26, если не считать филиала.¹⁸⁴

XI

Выше уже не раз приходилось останавливаться на внутренних противоречиях первой русской революционной организации. Споры о приемлемости масонских форм были едва ли не первыми спорами. Факт обособления Союза Спасения от масонских организаций и создание соб-

¹⁸¹ ЦГАДА, ф. 48, д. 6, лл. 1—1 об.

¹⁸² В. Д., т. I, стр. 299.

¹⁸³ ЦГАДА, ф. 48, д. 6, лл. 1—1 об. В «Алфавите декабристов» фамилия Петрулина вообще отсутствует, о прочих же троих даются весьма смутные сведения.

¹⁸⁴ В порядке итога даю краткое перечисление членов основного состава примерно в той последовательности, в какой они вошли в общество: шестерка учредителей — А. Н. Муравьев, С. Трубецкой, Никита Муравьев, И. Д. Якушкин, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы; принятые члены: М. С. Лукин, М. Н. Новиков, Ф. П. Шаховской, Ф. Н. Глинка, П. И. Пестель, Иван и Сергей Шаповы, Илья Долгоруков, Петр Колошин, П. П. Лопухин, П. А. Катенин, В. И. Пестель, Ив. Г. Бурцов, Мих. Муравьев, Павел Колошин, И. И. Пущин, В. Д. Вальховский, Е. П. Оболенский, М. А. Фонвизин, Артамон Муравьев; митавский филиал Пестеля: Петрулин, А. А. Авенариус, И. М. Тимченко, Ф. М. Свободский.

ственного устава с несомненными элементами политической программы надо счесть в конечном итоге успехом сторонников самостоятельной линии, несмотря на сохранение некоторых внешних масонских форм (клятв и пр.). Имели также место споры о том, что предпочтительнее — республика или конституционная монархия. Я имею ввиду споры республиканца Новикова с Пестелем, в тот момент сторонником конституционной монархии; это второе проявление внутреннего, на этот раз уже программного противоречия, однако еще не выявившегося отчетливо, подспудного. Устав, повидимому, был принят единодушно, однако речь Пестеля о благоденствии Франции под управлением Комитета общественной безопасности впервые выявила какое-то глубокое столкновение мнений, для исследователя не вполне ясное по существу ввиду недостаточности первоисточников, но, несомненно, глубоко задевавшее программные и теоретические вопросы. Единство все же продолжало сохраняться: при встрече с тайным обществом М. Орлова Общество истинных и верных сынов отечества не пожелало слиться с ним, предпочитая остаться вполне самостоятельным.

Однако вскоре после принятия устава бродившие в обществе противоречия выходят наружу. Во-первых, мало-помалу обнаруживается почти всеобщее недовольство только что принятым документом — уставом. Он сложен, стягощен масонскими формами и клятвами, не вполне ясен и труден. Его правила затрудняют численный прирост общества, требуя очень длительного времени «для заведения знакомства». Особо затруднительна сугубая конспиративность документа: он может быть показан только членам высших степеней и не может быть сразу открыт только что вступившему новичку, иначе говоря, он не может стать основным агитационным документом молодого движения. Новичок должен приносить клятву слепого повиновения старшим, не зная почти ничего о тайной организации, в которую вступает.

Новички, собственно, и подняли первыми голос протеста, начав расшатывать только что оформившуюся организацию и выявив при этом либеральные настроения, опасение слишком решительных действий. Решение исторгнуть конституцию в момент смены императоров на престоле, да еще довольно явно соединенное с мыслью о цареубийстве, с применением насилия, пугало нерешительных. Это противоречие выявилось вскоре после принятия устава, когда И. Бурцов и П. Колошин, как свидетельствует Никита Муравьев, «не иначе согласились войти [в общество], как с тем, чтобы сей устав, проповедующий насилие и основанный на клятвах, был отменен и чтобы Общество ограничилось медленным действием на мнения».¹⁸⁵ Комплекс идей, положенных в основу протеста «новичков», был сложен и состоял не только из либерального испуга перед насилием. В него включена также жизненно важная для молодой организации мысль о необходимости ее значительного численного расширения, невозможного при клятвах слепого повиновения и неизвестности

¹⁸⁵ В. Д., т. I, стр. 306.

программы для вступающего. Жизненно важными были и поиски опоры в общественном мнении. Было ясно, что надо добиваться конституции и уничтожения рабства крестьян, но каким образом добиться этого — было неясно, и новички предлагали сделать основным уже имевшийся в уставе пункт о создании в стране общественного мнения. Во всей истории протеста П. Колошина — М. Муравьева — И. Бурцова нигде и ни разу не упомянуто о несогласии этой тройки с основными программными моментами: очевидно, они не протестовали ни против конституции, ни против уничтожения рабства — спор шел, не затрагивая этих основных устоев. В предложениях протестантов несомненна либеральная боязнь решительных революционных мер, однако, повторяем, одна эта сторона не исчерпывает сути дела. Насколько жизненны были затронутые протестантами вопросы, показывает свидетельство Никиты Муравьева, что в связи с протестом М. Муравьева — Колошина — Бурцова «бесконечные прения возникли, какое дать устройство обществу». ¹⁸⁶

Протест вызвал сочувствие лиц, которых отнюдь нельзя заподозрить в боязни решительных действий. В числе их был Якушкин, который в это же время предлагает себя в цареубийцы; он «особливо вознегодовал против клятв и слепого повиновения» (хотя, заметим, сам был «болярином», т. е. не он сам, а ему должны были слепо повиноваться). ¹⁸⁷ Его образ мыслей разделяли Фонвизин и, повидимому, П. Лопухин, еще до выступления гвардии в Москву, т. е. до августа 1817 г. доставший текст устава Тугендбунда и его пропагандировавший. Борьба мнений приобрела острый характер, и М. Муравьев с П. Колошиным «оставили общество». ¹⁸⁸ Однако выход двух молодых сочленов из организации не повел, да и не мог повести, к ее общему крушению, хотя, правда, в некоторой мере крушение подготовил, резко подняв круг важных и нерешенных вопросов.

Очевидно, летом и осенью 1817 г. общество жило особо бурной жизнью и кипело в страстных прениях. Основным событием, которое выявило всю остроту противоречий и привело организацию к краху, был, несомненно, «московский заговор» 1817 г.

ХП

Александр I вместе со всем двором уже давно собирался посетить Москву и остаться в ней на длительное время — общественное мнение давно требовало особого внимания к героическому городу 1812 года, столице, столь пострадавшей от Наполеона и спасшей Россию. Переезд двора в Москву и произошел осенью 1817 г. Вместе с двором двинулась в Москву и гвардия. (Грибоедов имеет в виду именно это событие, говоря в «Горе от ума» о Москве: «когда из гвардии иные от двора сюда на

¹⁸⁶ В. Д., т. I, стр. 306.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же.

время приезжали»). Гвардия пошла в Москву в составе четырех сводных полков: двух пехотных, состоявших из первых батальонов шести гвардейских пехотных полков, и двух кавалерийских, составленных из первых эскадронов шести кавалерийских полков; сверх того, в Москву пошли: первая батарея гвардейская рота, первая легкая конная рота и дивизион казаков. Гвардейская пехота выступила в поход из Петербурга в Москву 5 августа 1817 г., а кавалерия — 14 августа. В пути этот промежуток нагонялся и по плану и пехота и кавалерия одновременно вступали в Москву. Вот с этим-то гвардейским походом и передвинулось в Москву основное ядро тайного общества со всеми своими спорами и противоречиями.

Гвардия расквартировалась в Хамовнических казармах. Александр Муравьев, обер-квартирмейстер гвардии, получил удобную квартиру, повидимому, в шефском корпусе Хамовнических казарм.¹⁸⁹ В Москве к тому времени уже находились Якушкин и принятый им М. Фонвизин (в связи с переформированием их полка), сюда же в порядке служебного перевода еще раньше были переброшены П. Колошин и, повидимому, М. Муравьев.¹⁹⁰ Москва и стала местом крушения первой декабристской организации — Общества истинных и верных сынов отечества и местом рождения новой организации — Союза Благоденствия.

Члены Союза Спасения, уже охваченные сомнениями и прениями по поводу «способов действия общества», жаждали свершения своих чаяний, открытого выступления, борьбы за конституцию и уничтожения рабства крестьян. В разгоряченную атмосферу страстных прений, как пылающая головня в сухой хворост, попало пришедшее из Петербурга и написанное в согласии с «правилами» устава письмо Сергея Трубецкого, извещавшее о страшной опасности, грозившей России. Александр I, как передавало письмо, только что имел конфиденциальный разговор с князем П. П. Лопухиным о своем намерении восстановить Польшу под своим владычеством в границах 1772 г. Иначе говоря, он намеревался отторгнуть от России правобережную Украину и Белоруссию, которые декабристами естественно рассматривались как исконно-русские земли. По всем данным, разговор на тему, близкую к изложенной, действительно имел место, так как Александр I в это время был вплотную занят вопросами польского устройства и проектировал территориальное расширение Польши.¹⁹¹ В тюремных свидетельствах декабристов о письме С. Трубецкого к изложению нередко примешивается в запутанной форме

¹⁸⁹ П. П. Чулков. Москва и декабристы — сб. «Декабристы и их время», т. II, стр. 297.

¹⁹⁰ Свидетельство Никиты Муравьева (В. Д., т. I, стр. 306).

¹⁹¹ Ср. Н. К. Шпильдер. Указ. соч., т. III, стр. 352, 354, 356 и др. Имеется особая «Записка» Н. М. Карамзина, адресованная Александру I «по поводу предложения государем восстановления Польши в ее целом» («Архив Библиотеки Зимнего Дворца», № 1290). В январе 1819 г. об этом плане императора сообщали и гамбургские газеты, что нашло свое отражение в дневнике декабриста Николая Тургенева (Н. Тургенев. Дневник, т. III, стр. 186).

вопрос о предполагавшемся освобождении крестьян в отторгаемых областях и об ответном восстании русских крестьян, которые оставались в крепостном состоянии. Ясно, что мечтавшие об уничтожении «рабства крестьян» декабристы не могли испугаться уничтожения «рабства» самого по себе, но самый факт отторжения от России ее огромных исконных областей, сопровождаемый оскорбительным законодательством и неминуемым народным бунтом, в хаосе которого, по мнению декабристов, вообще все могло бы погибнуть, вызвал их страстное возмущение и желание немедленного выступления. Для них стало слишком ясно, что царь «ненавидит Россию»,¹⁹² да и не могло быть лучшего повода для «ускорения» смены императоров на престоле путем царевубийства. Вопрос о царевубийстве стал поэтому центральным на взволнованных и страстных заседаниях революционеров-дворян в Хамовнических казармах.¹⁹³ Очевидно, немедленно после царевубийства должно было состояться открытое заявление о требованиях революционеров и какой-то род дальнейших действий организации. В этой связи приобретает особое значение свидетельство Матвея Муравьева-Апостола, участника бурных московских совещаний 1817 г., о той роли, которую сыграли в «московском заговоре» вести об уже начавшихся новгородских волнениях военных поселений. Рассказывая на следствии о «московском заговоре» 1817 г., Матвей Муравьев-Апостол показывает, что «Александр Муравьев сделал предложение воспользоваться сопротивлением, которое делали в Новгородской губернии военным поселениям».¹⁹⁴ Это чрезвычайно любопытная и еще совершенно неизвестная в литературе черта «московского заговора 1817 г.»¹⁹⁵

В этой атмосфере предложение царевубийства нашло несколько откликов. По данным следственных дел и мемуаров, можно установить по меньшей мере четыре имени декабристов, вызвавшихся быть царевубийцами: Якушкин, Никита Муравьев, Артамон Муравьев и Федор Шаховской.¹⁹⁶ Они всплыли, повидимому, не на одном, а на нескольких заседаниях тайного общества.

Наиболее красочное описание первого заседания мы находим у Якушкина: «Александр Муравьев перечитал вслух еще раз письмо Трубецкого, потом начались толки и сокрушения о бедственном положении, в котором находится Россия под управлением императора Александра. Меня проник дрожь (*sic*); я ходил по комнате и спросил у присутствующих,

¹⁹² И. Д. Якушкин. Записки, стр. 22.

¹⁹³ Этот вопрос многократно освещен в показаниях на следствии (см. В. Д., т. III, стр. 42, 52—53, 56, 73, 102—107, 118, 122, 125—126; т. IV, стр. 82—83, 155 и др.). Важно свидетельство И. Д. Якушкина (см. его «Записки», стр. 22—24).

¹⁹⁴ ЦГАДА, ф. 48, д. 397, л. 96 (ср. л. 67).

¹⁹⁵ В. Д., т. I, стр. 49—50; ср. ЦГАДА, ф. 48, д. 235 (дело Лопухина), л. 6; ср. лл. 1—2 об. и «Записки» С. Трубецкого, стр. 18—19; В. Д., т. III, стр. 19; т. IV, стр. 112, 154, 256—257; Н. К. Шильдер. Указ. соч., т. III, стр. 352, 354, 356.

¹⁹⁶ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 22—24; ср. дело Якушкина (В. Д., т. III, *passim*); ср. В. Д., т. III, стр. 27—30, 35; ср. ЦГАДА, ф. 48, д. 397 (Матвея Муравьева), л. 116.

точно ли они верят всему сказанному в письме Трубецкого и тому, что Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора». Все уверили в том Якушкина, а Александр Муравьев предложил бросить жребий, «чтобы узнать, кому достанется нанести удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решил без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести». ¹⁹⁷ Якушкин собирался убить царя во время его выхода из Успенского собора (приезд Александра в Москву ожидался с минуты на минуту). Якушкин намерен был взять с собою два пистолета — из одного убить царя, из другого — себя, чтобы акт цареубийства походил на дуэль со смертельным исходом для обеих сторон. Сопоставление свидетельства Якушкина в «Записках» с разнообразными показаниями на следствии устанавливает интересный факт: предположительное решение о цареубийстве и предстоящем выступлении было немедленно сообщено С. Трубецкому, «вследствие сего он был призван в Москву». Пестелю, не присутствовавшему по обстоятельствам службы на московских совещаниях 1817 г., было известно из рассказов других членов, что Трубецкой «в этот же день» испросил отпуск и поехал в Москву. ¹⁹⁸

Предложение Якушкина вызвало бурное обсуждение вопросов, связанных с цареубийством. Фонвизин усиленно оговаривал Якушкина, утверждая, что его решение безрассудно, что он принял его в «лихорадочном состоянии»: «я уверял Фонвизина, что я совершенно спокоен, в доказательство чего предложил ему сыграть в шахматы и обыграл его», — пишет Якушкин. ¹⁹⁹

Совещание возобновилось на следующий день, и на этот раз ряд членов решительно выступил против намерения Якушкина, а больной Сергей Муравьев-Апостол через своего брата Матвея сообщил обществу и свое письменное возражение против принятого Якушкиным решения. В результате долгих и страстных обсуждений решение о цареубийстве было отвергнуто, а Якушкин вышел из общества, несогласный с его линией. ²⁰⁰

В силу каких причин решение о цареубийстве было отвергнуто? Декабристы сомневались в точности информации Трубецкого, однако не это было основной причиной. Письменное возражение Сергея Муравьева-Апостола было, разумеется, уничтожено и не дошло до нас, а оно могло бы, повидимому, дать исчерпывающий ответ на поставленный вопрос. В нашем распоряжении имеется лишь предельно краткое изложение существа дела самим Сергеем Муравьевым-Апостолом на следствии. Оно все же очень выразительно. Может быть, цареубийство отвергается как ужасное предприятие, несовместимое с присягой подданного или вообще противное человеческому чувству или по какой-либо подобной причине? Нет, подобных доводов Сергей Муравьев-Апостол не приводит даже в

¹⁹⁷ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 22—23.

¹⁹⁸ В. Д., т. I, стр. 306 (ср. т. IV, стр. 112, 154).

¹⁹⁹ И. Д. Якушкин. Записки, стр. 23.

²⁰⁰ Там же, стр. 24.

каземате Петропавловской крепости, хотя с точки зрения следствия они показались бы весьма уместными. Сергей Муравьев-Апостол и позднее соглашался на царевубийство. Он показывает другое: «на другой день, обдумав неосновательное намерение наше и быв болен, я изложил на бумаге мое мнение, коим останавливал предпринятое действие, доказывая скудность средств к достижению цели». ²⁰¹ Проект царевубийства отвергался, следовательно вовсе не потому, что царя вообще нельзя убивать, а совсем по иной причине: это средство скудно, оно не обеспечивает достижения основной цели, т. е. конституционного устройства государства, оно не эффективно, после такого царевубийства, очевидно, не произойдет, по мнению декабристов, ни введения конституции, ни уничтожения рабства.

Надо отдать должное первым русским революционерам: несмотря на всю незрелость движения, несмотря на всю разгоряченность обсуждения, отдельно взятый террористический акт в описанной обстановке был сочтен не обеспечивающим конечной цели борьбы и отвергнут. Позднее Грибоедов с горечью говорил о ста прапорщиках, которые хотят перевернуть государственный быт России. В данном случае можно было говорить лишь в лучшем случае о тридцати «прапорщиках»... Общество истинных и верных сынов отечества, убежденное в правильности конечных целей борьбы за конституцию и за уничтожение рабства крестьян, осознало в «московском заговоре» 1817 г. «скудность средств». Оно осознало это с такой остротой, что вся организация стала под сомнение и рухнула под напором этого сомнения. Та же мысль видна в формуле Трубецкого, — первое тайное общество развалилось, как он показывает, в силу того, что члены видели «малые его успехи и неудобства». К обществу охладели потому, что его «действие было затруднительно и незначуще». ²⁰² Организация не могла обеспечить достижения целей, — следовательно, надо было коренным образом перестраиваться. Эта перестройка и началась сейчас же, немедленно, и уже в начале 1818 г. в Москве возникла новая, декабристская организация — Союз Благоденствия. ²⁰³

²⁰¹ В. Д., т. IV, стр. 256, ср. стр. 277 (подчеркнуто мною. — М. Н.).

²⁰² В. Д., т. I, стр. 25.

²⁰³ Посредствующим организационным звеном между Союзом Спасения и Союзом Благоденствия была особая декабристская организация — Военное Общество. Вопрос о нем является самостоятельной темой, и рассмотрение его не выходит в задачу настоящей работы.

В С Е О Б Щ А Я И С Т О Р И Я

Ф. Н. Н О Т О В И Ч

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Марксистско-ленинская наука твердо установила, что войны являются неотъемлемой частью истории развития классового общества. Войны существуют с тех пор, как существует классовое общество, и исчезнут вместе с гибелью общественного строя, основанного на насилии и классовых противоречиях. Ленин писал: «...войны неизбежны, пока общество делится на классы, пока существует эксплуатация человека человеком»,¹ а «уничтожение войны возможно лишь наряду с полным уничтожением деления общества на классы...»² Марксистская наука далее установила, что в природе капиталистической системы развития мирового хозяйства заложены элементы военных столкновений и общего кризиса капитализма. Согласно открытому Лениным закону, развитие капитализма в разных странах в эпоху империализма происходит неравномерно и скачкообразно, что приводит к резкому обострению экономических и политических противоречий между ними, к усилению одних и ослаблению других стран, к резкому нарушению равновесия между ними и к кризису капиталистической системы в целом, неизбежным выходом из которого являются войны за передел мира. Неравномерное и скачкообразное экономическое и политическое развитие сил современного монополистического капитализма явилось причиной первой и второй мировых войн. «Дело в том,— говорит товарищ Сталин,— что неравномерность развития капиталистических стран обычно приводит с течением времени к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма, причем та группа капиталистических стран, которая считает себя менее обеспеченной сырьем и рынками сбыта, обычно делает попытки изменить положение и переделить «сферы влияния» в свою пользу — путем вооруженной силы. В результате этого возникают раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря и война между ними».³

Таково именно было положение за несколько лет до первой мировой войны. Капиталистические великие державы Европы окончательно оформили свою принадлежность к одному из двух враждебных лагерей. Но

¹ В. И. Ленин Соч., 3-е изд., т. XXX, стр. 149.

² Там же, т. VII, стр. 176.

³ И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., Госполитиздат, 1946, стр. 6.

прежде чем приступить к непосредственному анализу многообразных империалистических противоречий накануне войны 1914—1918 гг., необходимо остановиться на политической обстановке в Германии, как стране, которая гораздо быстрее развивалась в экономическом отношении, чем все ее соперники, и которая поэтому больше других империалистических государств была заинтересована в переделе мира в свою пользу и интенсивнее других готовилась к войне. Необходимо также остановиться на политических настроениях и устремлениях германских господствующих классов и показать, как закон о неравномерном экономическом развитии в эпоху империализма преломляется в сферах политической и идеологической в период подготовки к войне.

I

Политическая и идеологическая подготовка к завоеванию значительной части Европы началась в Германии вскоре после франко-прусской войны. Эпоха империализма внесла нечто новое в пропаганду захватнической войны: не только расширились завоевательные планы, которые уже охватывали внеевропейские континенты, но сама пропаганда войны и воздействие на читательскую массу сделались более устойчивыми, постоянными и систематическими. Германские ученые и публицисты, члены образованного в 1891 г. Пангерманского союза, изо дня в день твердили в газетах, журналах, брошюрах и в псевдонаучных трудах, что германский народ имеет биологическое, историческое и нравственное право на владение Европой, Азией и Африкой и что он имеет материальные средства для реализации своего прирожденного права «народа господ» на мировую гегемонию.

Исход русско-японской войны и революция в России совсем помutilи головы германским империалистам, в том числе и руководящим кругам. Если до 1905 г. считалось, что для того, чтобы стать «мировым» народом, необходимо победить Россию, Францию и Англию, то после поражения России германские империалисты решили, что она окончательно выбита из разряда великих держав, что Япония проделала за Германию значительную часть «работы» и что отныне перед Германией открыты пути для осуществления всех завоевательных планов. Францию без России германские империалисты ни во что не ставили, а последняя, по их оценке, лежала в прахе и больше не восстанет. Оставалась одна Англия. Ее нельзя было победить без флота, и Германия начинает быстро проводить в жизнь военно-морскую строительную программу. Именно на этой почве все многочисленные попытки английского правительства договориться с германским относительно замедления темпов строительства флота ни к чему не привели.

Ложная оценка германскими руководящими кругами военно-стратегической обстановки в Европе и международного положения имела ряд очень важных политических последствий: германская политика сделалась более самонадеянной и напористой. С 1905 по 1911 г. германская

дипломатия держала в постоянном напряжении своих противников. Первый марокканский кризис, боснийский кризис, казابلанкский инцидент, агадирский инцидент, не считая более мелких инцидентов,— все они были начаты Германией и Австро-Венгрией, и каждый из них едва не привел к мировой войне.

И германская идеологическая подготовка войны сделалась после 1905 г. целеустремленное и конкретнее. Литература этого рода уже не говорила о завоеваниях вообще, а выставляла определенные конкретные программы с указанием стран, которые подлежат завоеванию; обозначалась сумма контрибуции, которая будет взыскана с каждой побежденной страны, и фиксировался политический режим в завоеванных государствах.

В 1911—1912 гг. в Германии вышло из печати несколько книг, которые сейчас же обратили на себя внимание во всем мире и были переведены на все культурные языки. Для знакомых с пангерманской литературой эти книги ничего нового собой не представляли. Но с литературной точки зрения они были талантливее написаны и доходчивее до читателя, а потому опаснее.

В 1911 г. появилась на книжном рынке книга высокопоставленного автора, скрывшегося под псевдонимом Отто Рихард Танненберг. Книга называлась «Великая Германия — труд XX века». Все ее 267 страниц проникнуты ненавистью к России, к русскому народу и славянству в целом, которому Танненберг объявил беспощадную войну. «Мир,— писал этот человеконенавистник и славяноненавистник,— дурное слово, мир между немцем и славянином подобен бумажному договору между огнем и водой».⁴ «Великая Германия», за которую должен бороться немецкий народ, писал Танненберг, будет включать всю Европу и целый ряд немецких империй в Азии, Африке, Океании, на Дальнем Востоке и в Южной Америке. Начать следует с Европы. Россия будет изгнана с берегов Балтийского и Черного морей за Волгу. Прибалтика, Польша, Литва, Белоруссия, Украина и Кавказ включаются в пределы «Великой Германии». Немецкая Австрия, Чехия, Словения, Далмация и Хорватия включаются непосредственно в Пруссию. Остаток Габсбургской монархии вместе с Румынией и всем Балканским полуостровом образуют одно государство, которое будет находиться в подчинении Германии. Западные «немецкие» государства — Швейцария, Люксембург, Бельгия, Голландия, Дания со всеми их колониями присоединяются также к «Великой Германии» под разными видами зависимости.

В «Великой Германии» Танненберга устанавливается «новый порядок», который будет состоять в том, что политическими и гражданскими свободами будут пользоваться одни немцы. Чешские, польские и югославские земли «германизуются», т. е. заселяются немцами, а сами южные славяне и вообще славяне будут выселены в побежденную

⁴ Otto Richard Tannenber g. Gross-Deutschland — die Arbeit des XX Jahrhunderts, Leipzig, 1911, S. 18.

Германией Россию, оставив на месте все движимое и недвижимое имущество в пользу новых немецких пришельцев.⁵

Танненберг и те круги, мысли и намерения которых он выражал, прекрасно понимали, что его «Великую Германию» можно создать лишь в жестокой борьбе со всей Европой и лишь в результате победы над ней, иначе Россия, Франция и Англия не допустят этого. Но, переоценив слабость России, Танненберг считал, что Германия в союзе с Японией легко справится с нею и сожмут русский народ в железных тисках между Волгой и Уралом. Франция будет раздавлена и отброшена за Вогезы, Арденны и Сомму. «Россия даст землю, Франция — деньги», — резюмировал Танненберг результаты победы над Россией и Францией. Англия же не «осмелится» выступить против Германии и в награду за нейтралитет ей будут оставлены все ее колониальные владения при условии, что она признает установленный немцами «новый порядок» в Европе. Германия затем создаст в Малой Азии, в Китае, в Индонезии и в Африке свои империи. Значительная часть Южной Америки также будет подчинена «Великой Германии».

В 1912 г. вышла из печати книга известного пангерманского писателя Пауля Рорбаха — «Немецкая идея в мире». Автор, прибалтийский немец, считался «знатоком» России и был ее непримиримым врагом. Пропагандист самой широкой германской экспансии, Рорбах предлагал «преспитать» весь мир немецкой национальной идеей, немецким духом, которые должны облегчить физическое завоевание мира. Нельзя действовать одной силой оружия и экономической мощью капитала при осуществлении экспансионистских целей, писал Рорбах. Наоборот, наряду с ними «должно следовать одновременное культурное проникновение в желанные зоны влияния в духе идеального прогресса».⁶

Рорбах притворялся противником насильственных захватов чужих территорий и неоднократно повторяет это на 250 страницах своей книги. Он писал, что и в существовавших в начале XX в. границах Германии ее промышленность быстрее развивалась, а национальный доход быстрее возрастал, чем во Франции и Англии. Это происходило потому, объяснял Рорбах двумя годами позднее, что германский народ облагораживает сырой материал при помощи своих технических и научных знаний, творческой мысли и вкуса и превращает его в ценные промышленные товары. Фунт чугуна, например, стоит 1 марку, а превращенный в пружины для карманных часов — продается за 10 000 марок.⁷

Имеется, однако, одна большая опасность, писал Рорбах, состоящая в том, что благосостояние германского народа быстро растет не в результате обработки и переработки собственного, а ввозимого из-за границы сырья. Высокий экономический уровень жизни в Германии способ-

⁵ Otto Richard Tannenberg. Op. cit., SS. 55—73.

⁶ Paul Rohrbach. Der deutsche Gedanke in der Welt, Düsseldorf — Leipzig, 1912, S. 17. (Подчеркнуто у Рорбаха).

⁷ П. Рорбах. Война и германская политика, М., 1915, стр. 15.

ствуется быстрому росту населения, а это приведет к тому, что в скором времени две трети немецкого населения будут питаться ввозными продуктами. Немецкое народное хозяйство, писал Рорбах, развивается на очень узком базисе современной европейской Германии, в то время как английская и американская экономики развиваются на внеевропейских континентах. «Здесь подкарауливает (германский народ.— *Ф. Н.*) пропасть, в которую может быть ввергнуто наше величие, если мы его не подкрепим столбами из лучшего материала, чем железо и золото».⁸

Из какого же материала должны быть построены эти столбы? На это Рорбах отвечает, что таким материалом должна явиться немецкая национальная идея. Рорбах доказывал, что одновременно с ожесточенным соперничеством великих держав в промышленной, торговой и колониальной областях происходит борьба национальных культур, причем окончательная победа принадлежит тому народу, национальная культура которого победит во всем мире. Рорбах исключал из этого соперничества Россию и Францию: первую — потому, что это страна «варварская», а вторую — из-за ее «вымирания». Борьба за покорение мира будет, таким образом, вестись, по Рорбаху, между немецкой и англо-саксонской мыслью.⁹ Прошлое немецкого народа, владевшего будто бы в прошлом всей Европой и поставлявшего королей всем народам, и его современное положение дают ему право, утверждал Рорбах, на возвращение себе положения властелина мира, доказательством чего является его необычайный расцвет после Седана. Понадобилось всего 35 лет для того, чтобы германский народ догнал и перегнал другие народы во всех отношениях и сделался самым многочисленным из всех других культурных народов. Необычайно быстрый рост населения создает потребность в соответствующей его могуществу территориальной и духовной экспансии во всем мире.¹⁰

Таково теоретическое «обоснование» права Германии на территориальную и духовную экспансию. «Мое поле — весь мир» — гласила надпись на доме ганзейского купца. Весь мир является ныне, писал Рорбах, исторической ареной немецкого народа. Но если ганзейский купец был озабочен подчинением себе мировой торговли, то современные немцы должны вместе с немецкими товарами распространять немецкую национальную идею, которой тесно в любых границах: ей нужен весь мир!¹¹

Немцы, писал Рорбах, в состоянии подчинить себе весь мир, так как они отличаются от других народов не только тем, что производят лучшие товары и строят лучшие корабли, но и тем, что они сильнее других народов; доказательством этого является создание немцами самой совершенной вооруженной силы на суше и на море. «Это кусок нашей на-

⁸ P. Rohrbach. Der deutsche Gedanke in der Welt, S. 34.

⁹ Ibid., S. 56.

¹⁰ Ibid., S. 71—72.

¹¹ Ibid., SS. 100—101.

циональной жизни, на которую мы можем взирать с особой гордостью». Рорбах предостерегал от опасности недооценки сил противника, но тем не менее писал: «И при спокойном взвешивании того, что наши соседи смогут предположительно сделать, все же должно сказать, что мы каждого из них в отдельности, независимо от количества войск, безусловно превосходим внутренними качествами нашей армии». ¹² Рорбах требовал неограниченного увеличения вооружений на суше и на море и клеймил немецких «филистеров» за то, что они тратят много денег на пиво и табак, но ворчат, когда увеличивают ассигнования на вооружения.

Эта твердокаменная уверенность в абсолютном превосходстве германских вооруженных сил, которое якобы является особым проявлением немецкой национальной идеи, зиждилась, как указывалось выше, на недооценке сил русского народа и России и переоценке размеров ее поражения в войне с Японией. Поставив знак равенства между царизмом и русским народом, царской Россией и подлинной народной Россией, идеологи германского империализма, среди которых Рорбах занимал видное место и во время Гитлера, вообразили, что Россия, являвшаяся главным препятствием на пути к установлению гегемонии немцев на континенте Европы, уже устранена Японией и что Германии придется отныне иметь дело с одними только англо-саксонскими странами, с которыми без России не трудно будет справиться. Россия показала, писал Рорбах, что она больше не в состоянии удовлетворить те требования, которые современная война предъявляет к морально-психологическим способностям и к организаторскому умению войск и военачальников. Нemoшь России, по оценке Рорбаха, еще острее сказалась в ее поражении на море, поражении, которое будто бы доказало, «что восстановление как и управление таким бесконечно сложным и трудно управляемым сооружением, каким является современный военный корабль или целый флот, выходит за пределы того, на что русские способны». Современные войны, философствовал далее Рорбах, требуют от их участников не только храбрости и стратегических способностей, как это было во времена Фридриха II и Наполеона. Они требуют такой точности в изготовлении вооружения, таких больших технических знаний и моральных качеств и такого умения в управлении сложными аппаратами в сражении, что неразвитая в духовном отношении нация, какой является русский народ, не в состоянии больше конкурировать. «Россия одна поэтому не может вести войны с европейской великой державой первого разряда и меньше всего ее армия в состоянии померяться с нашей армией, обладающей в совершенстве всеми теми качествами, которые счастливейшим образом сочетаются с нашей природной предрасположенностью». ¹³

Рорбах много рассуждал о том, что Германия не нуждается ни в каких завоеваниях. Он собрал в своей книге экономические и иные данные, доказывавшие, что немецкий народ быстрее богатеет на небольшой тер-

¹² P. Rohrbach. Der deutsche Gedanke in der Welt, S. 104.

¹³ Ibid., S. 105.

ритории, чем другие промышленные народы, его соперники, имеющие обширные колонии. Однако все это было не чем иным, как блудливой риторикой, которая нужна была для того, чтобы потребовать целые континенты для насаждения в них «немецкой идеи», т. е. для выращивания особой породы немецких викингов эпохи империализма.

Рорбах не скрывал, какие порядки он собирается установить в землях, где будет господствовать «немецкая идея». Надо заранее твердо установить, читаем мы в его книге, что при разделении труда между чернокожими и белыми в немецкой Африке «черные образуют работающую массу, а белые — высший социальный слой. Чернокожие будут поставлять всю рабочую массу: домашнюю прислугу и низший вспомогательный персонал производству. Это должно произойти потому, что чернокожие находятся там же, на месте, они многочисленны, сильны и способны к выполнению любой физической работы и, наконец, потому, что их заработная плата и содержание обходятся во много раз дешевле, чем заработная плата и содержание белых». ¹⁴

Тут же выясняется, что Африка названа лишь в порядке очередности. Турецкая империя, Китай и весь мир должен стать своеобразным «заповедником» рабов для немцев. Германия так быстро размножается, убеждал Рорбах читателя; что ежегодный отлив нескольких тысяч человек в немецкие заморские колонии-заповедники не представит для метрополии никакой трудности, но зато их деятельность в колониях будет иметь воспитывающее влияние на народ и во многом увеличит его материальную и моральную мощь во всем мире. Рорбах очень «популярно» пояснил свою «идею». Два миллиона немцев в обширной Африке из имущего верхнего слоя германского общества, писал он, представляют в экономическом и культурном отношении нечто большее, чем два миллиона в Германии, так как они, используя многие миллионы чернокожих, во много раз увеличат экономическую и военную мощь своей родины. Такое использование немецкими рабовладельческими имущими и аристократическими слоями природных ресурсов и рабочей силы Турции, Африки и Китая окажет благотворное влияние и на рост культуры, так как увеличение благосостояния этого верхнего слоя даст гораздо большие последствия в духовном отношении, чем рост благосостояния миллиона немцев в самой Германии. ¹⁵

Сбросив со счетов Россию и Францию, Рорбах считал, что политическое преобладание Германии в Европе ей обеспечено. Европа, Турция и Восточная Африка должны образовать сплошной заповедник для развития «немецкой идеи». Растянувшись на три континента, эти владения, управляемые немцами, перережут английские и французские имперские коммуникации и разорвут на части обе мировые империи, которые станут легкой добычей немцев. ¹⁶

¹⁴ Ibid., S. 134.

¹⁵ Ibid., S. 138.

¹⁶ Ibid., SS. 231, 238.

Притязания Германии на Китай Рорбах мотивировал тем, что сам китайский народ якобы нуждается в «миропреобразующей» «немецкой идее», что он уже усвоил немецкую военную и машинную технику и что имеется много других благоприятных обстоятельств, которые открывают богатые перспективы для «немецкой идеи» в стране с 400 миллионами населения. «К этому присоединяется еще то, что эта страна обладает неизмеримым богатством двух важнейших естественных носителей современного культурного развития — угля и железа. Нигде в мире нет, помимо того, такого большого резервуара дешевой человеческой рабочей силы, как в Китае». ¹⁷

Рорбах решительно отметал все обвинения «недоброжелателей» Германии в том, будто она стремится к территориальным завоеваниям. Это находится, писал он, «вне круга наших целей и желаний». Раз немецкому народу еще надо закрепить за собой положение «мирового народа», то ему ничего другого не остается, доказывал этот «противник» насилия, как создание такой сухопутной и морской военной мощи, которая отбила бы охоту у всех врагов Германии напасть на нее и позволила бы немцам под ее защитой трудиться над достижением своих целей, а именно: «путем отказа от насильственного подчинения чужих стран и народов пропитать доступные нам области мира духовным качеством нашей национальной идеи». ¹⁸

Надо обладать наглостью, вероломством, ханжеством и моральной низостью пангерманца, чтобы дойти до такого лицемерия и проповедывать миролюбие, когда вся книга была посвящена прославлению империалистических стремлений к завоеванию мира.

Рорбах, как и почти все германские империалисты того времени, считал, что Россия ослаблена в войне с Японией в большей степени, чем это нужно было Англии, и что Россия уже вообще не способна к крупному военно-политическому действию в Европе, что якобы доказал исход боснийского кризиса. ¹⁹ Ослабление России японскими руками при содействии Англии, писал Рорбах, является событием мирового исторического значения и оно чрезвычайно укрепило позиции Германии по отношению к Англии, облегчив первой осуществление ее планов насчет внедрения «немецкой идеи» во всем мире. Но так как Англия, продолжал Рорбах, этого не поняла и упорно отстаивает в старом неизменном виде принцип первенства на море, который мешает расширению немецкой «национальной идеи» в мире и препятствует превращению немецкого народа в «мировой народ», то между Германией и Англией не может быть ни перемирия, ни примирения. Рорбах призывал к всемерному вооружению, так как иначе все будет находиться в опасности: благосостояние, национальное существование и будущее «национальной идеи» немецкого народа во всем мире. И это будет продолжаться до тех пор, пока германские обо-

¹⁷ P. Rohrbach. Der deutsche Gedanke in der Welt, SS. 239, 242.

¹⁸ Ibid., S. 206.

¹⁹ Ibid., SS. 174—175.

ронительные средства на суше и на море не достигнут такого состояния, «что и нападение на нас наших противников им покажется рискованным делом и величайшей для них самих опасностью». ²⁰ В расшифрованном виде это означало беспрепятственное расширение во всем мире «немецкой национальной идеи»; если англичане попытаются воспрепятствовать этому в любом пункте вселенной, тогда спор будет разрешен войной.

Рорбах утверждал, что любая великая держава в отдельности и любая из возможных комбинаций держав бессильны что-либо сделать с Германией, иначе как в союзе с Англией. ²¹ Современное положение в Европе, по его оценке, было таково, что все враги Германии искали союза с Англией и обратно. Но так как Германия господствует на континенте Европы, то ей остается лишь быть достаточно сильной на море, чтобы удержать Англию от нападения на немецкие пароходы с товарами, направляющиеся во все концы мира. ²² Книга Рорбаха занимает особое место в немецкой публицистике этого рода. Ее отличительные черты от других родственных ей работ по духу и империалистическим целям состояли в словесном отказе от территориальных приобретений путем насилия и в одновременном вооружении германского империализма идеологическими аргументами в пользу принадлежности немцам неотъемлемого права на господство над всем миром, которого они могут, утверждал он, добиться, если будут больше тратить средств на вооружения и шантажировать своих противников применением силы. В то время как другие идеологи пангерманизма предлагали пускать в ход военные средства во всех случаях жизни, Рорбах рекомендовал прибегать к языку пушек только в исключительных случаях.

Почти одновременно с книгой Рорбаха, в том же 1912 г., вышла в свет другая книга единомышленника и соратника Танненберга и Рорбаха, которая составила «эпоху» в истории развития и формировании пангерманской завоевательной идеологии и в истории политической подготовки первой мировой войны. Речь идет о книге Бернгарди «Германия и ближайшая война». ²³ Несмотря на свой солидный объем, она пробила себе дорогу к очень широкому кругу читателей и сделалась властительницей дум всех имущих классов и прослоек мелкой буржуазии, городской и деревенской интеллигенции. Этим успехом книга была обязана несомненному публицистическому таланту ее автора, отставному генералу от кавалерии, сумевшему в очень увлекательной и страстной фор-

²⁰ Ibid., S. 190.

²¹ Это было, между прочим, общепринятое мнение в Германии уже за несколько лет до 1914 г. Этому мнению придерживались и официальные власти. В основном этому вопросу посвящена нашумевшая в свое время книга подполковника Фробениуса, вышедшая весной 1914 г. Если Германия не развязала мировой войны раньше, то причину этому надо искать в слабости ее флота и боязни, что Англия все же «рискует» вмешаться в дело.

²² P. Rohrbach. Der deutsche Gedanke in der Welt, SS. 199—200.

²³ Friedrich von Berngardt. Deutschland und der nächste Krieg, Stuttgart und Berlin, 1912.

ме изложить «принципы» и «теории» воинствующего пангерманизма, его точку зрения на разные жгучие вопросы общественной жизни, на государство, войны, на международное право, святость и нерушимость договоров, европейское равновесие, на применение силы в политике, угрозу применения силы и т. д. Книга Бернгарди подвергла критике и сомнению все установившиеся политические, моральные и правовые устои и понятия, на которых зиждутся современные отношения между государствами, опрокидывала эти устои и подменяла их пангерманскими понятиями.

В том же 1912 г. Бернгарди выпустил другую книгу «Наша будущность», посвященную одной и той же теме — облагораживанию, прославлению и воспеванию войны. Обе книги были предназначены автором для «пробуждения в обществе национального чувства и укрепления национальной воли» и должны были служить популярным руководством по оправданию и обоснованию права Германии на мировое господство и ведение истребительных войн.

После анализа книг Танненберга и Рорбаха нет надобности анализировать книги Бернгарди, которые больше известны советскому читателю, чем книги первых двух авторов. Следует лишь отметить отдельные установки Бернгарди, его страстное и «поэтическое» проповедывание, восхваление и обожествление войны, которые являются изюминкой книги.

Бернгарди отстаивал правомерность войны как постоянный институт человеческого общества, так как иначе, цинично писал он, низшие расы размножались бы подобно тварям и «задавили бы своей массой и капиталом развитие более сильных и здоровых элементов», в результате чего наступил бы общий упадок. «Война и только она одна улучшает человечество с биологической точки зрения, без нее оно бы приняло болезненное развитие, исчезла бы всякая возможность улучшения народов, а вместе с тем и культуры». ²⁴ Рассуждая с биологической точки зрения, писал Бернгарди, «война является необходимым условием развития».

Рассматривая вопрос с нравственной точки зрения, Бернгарди утверждал, что война есть не только жизненная необходимость, но и «нравственное требование и, как таковое, она является необходимым средством для развития культуры». Война якобы вызывает «самую благородную деятельность человеческой природы». Лишь война дает возможность народу сохранить его энергию, и она делает его способным к полному проявлению нравственных и духовных сил, необходимых для выявления высших культурных задач. ²⁵

Применяя выдуманную пангерманцами «общечеловеческую теорию права» к прочно сложившимся отношениям между государствами, Бернгарди доказывал, что после ослабления России в войне с Японией и ее исключения из числа соревнующихся держав, тройственное согласие, все еще держащее Германию в тисках и мешающее ей расширяться, яв-

²⁴ Фридрих фон Бернгарди *Наша будущность. Воззвание к германскому народу*, П., 1914, стр. 56.

²⁵ Там же, стр. 59, 60 и 61.

ляется живым анахронизмом, который должен быть устранен силой. После России исчезнет Франция. Останется Англия. Война с ней не отвратима, и ее исход не внушал Бернгарди никаких опасений.

Бернгарди соглашался, как и Танненберг, и на миролюбивое разрешение мировой распри с Англией, при условии, конечно, что гордый Альбион во всем уступит Германии. И на этот мало вероятный случай Бернгарди сформулировал эти условия следующим образом:

1. Обеспечение всех без исключения интересов Германии. 2. Отказ от помех развитию Германии. 3. Отказ Англии от мирового владычества и признание за Германией равноправия с ней. 4. Отказ Англии от поддержки ее союзников, выход Великобритании из Антанты.

Англия должна предоставить Германии в европейской политике полную свободу действий и заранее дать согласие на любое ее территориальное расширение на континенте, все равно, будет ли оно достигнуто мирным путем или же войной. Она не должна препятствовать колониальному расширению Германии, поскольку оно не совершается за ее счет. Она должна дать определенное согласие на передел владений в Северной Африке в пользу Германии и Италии и принять на себя обязательство не препятствовать Австрии в ее экспансии на Балканах. Англия должна самоотстраниться в Передней Азии, предоставив там Германии полную свободу, необходимую для расширения ее экономической деятельности. Англия, наконец, не должна действовать в ущерб развитию военно-морского могущества Германии и в будущем не препятствовать ей в приобретении угольных станций на всех морях и океанах.

Соглашение с Англией на этой основе, писал Бернгарди, «принесло бы неисчислимы блага не только Германии, но и всему цивилизованному человечеству». Англия должна для этого коренным образом «изменить всю свою политику» и прежде всего «она должна выйти из Тройственного соглашения и иначе распределить свой флот».²⁶

Зная хорошо, что Англия никогда не пойдет на соглашение с Германией на этих условиях, Бернгарди призывал к разрешению спора оружием.²⁷ Бернгарди сравнивал положение обоих государств-соперников на море с положением Пруссии и Австрии до 1866 г. в Германском союзе. Германии и Англии, писал он, так же тесно во вселенной, как было тесно 50 лет назад Пруссии и Австрии в Германии. «Дальнейшее развитие Германии в ее стремлении к мировому могуществу,— писал Бернгарди,— только тогда станет возможным, когда совершенно прекратится состязание между нею и Англией, и подобно тому как сердечное соглашение между Германией и Австрией могло осуществиться только после вооруженного столкновения 1866 г., так и теперь с Англией мы сможем достигнуть желательного во всех отношениях соглашения только после того, когда мы скрестим с нею наши шпаги».²⁸

²⁶ Там же, стр. 85, 86 и 87.

²⁷ Там же, стр. 89.

²⁸ Там же, стр. 118—119.

Заслуживает внимания рассуждение Бернгарди относительно соблюдения взятых на себя государствами обязательств. «Договоры,— по его мнению,— являются не чем иным, как покрывалом, под которым каждое государство скрывает свои собственные интересы и сбрасывает его с себя, когда наступают благоприятные обстоятельства для осуществления своих задач и интересов. Военная сила является единственным регулятором политики, и всякое государство идет к гибели, если оно в благоприятный момент не использует своей военной мощи. И только на этом, а не на каком-либо другом принципе должны мы основывать все свои расчеты...».²⁹

Консервативный английский еженедельник «National Review» писал по поводу книг Бернгарди в начале 1913 г., что они должны заставить замолчать тех английских политиков, которые считают возможным соглашение с Германией и подкрепляют противоположную точку зрения лорда Робертса дополнительными аргументами. Другой журнал — либеральный «Fortnightly Review» писал: «Мы были бы сумасшедшими, если бы не приняли к сердцу это предупреждение».

Откровенность Бернгарди или, точнее, неблагоприятные отклики на его книги за границей заставили некоторые немецкие газеты, обычно доброжелательно относившиеся к воинственной пангерманской пропаганде, пожуричь генерала за то, что он больше сказал, чем следовало бы сказать. Консервативная юнкерская «Крестовая газета» сетовала на то, что книги Бернгарди дали врагам Германии за границей острое оружие против нее, а в ее друзьях поселили недоверие к ее миролюбию, отняв у немцев право упрекать англичан в незнании того, что «германский народ в основном миролюбив». Но самое важное было, как тут же проговорила газета, не в этом, а совсем в другом: «Приходится пожалеть об этом преждевременном предупреждении англичан, если, что, конечно, не так, наша политика действительно имеет в виду рекомендуемую Бернгарди войну».³⁰

Надо ли теперь пояснять, что вводное предложение «что, конечно, не так», было пущено в качестве дымовой завесы и что политическая и идеологическая подготовка к войне шла в ногу с военной и, как будет показано ниже, с дипломатической подготовкой к войне.

И католическая «Кельнская народная газета», недовольная излишней откровенностью Бернгарди, писала, что хотя этот генерал слывет первоклассным мастером кавалерии, но он все же «плохой политик».³¹

Разобранные нами книги Танненберга, Рорбаха и Бернгарди не исчерпывают вышедшей в 1910—1913 гг. в Германии литературы, посвященной политической и идеологической подготовке войны за передел мира. Такие книги и брошюры насчитывались десятками, а газетные и журнальные статьи — сотнями. Нет нужды их касаться, так как все они

²⁹ Фридрих фон Бернгарди. Наша будущность, стр. 98, 117.

³⁰ «Kreuz-Zeitung», 9 März 1913.

³¹ «Kölnische Volkszeitung», 11 März 1913.

в большинстве случаев пересказывали Бернгарди или Бернгарди их пересказывал. Трудно установить, кто у кого позаимствовал и кто первый высказал ту или иную мысль. Это объясняется тем, что «теории», сентенции, «идеи» и аргументация, положенные в основу книг — предтеча катехизисов германского фашизма, носились в воздухе; ими дышала немецкая буржуазная интеллигенция, и они являлись общим достоянием публицистики, обслуживавшей интересы германского финансового капитала и юнкерства.

Одна характерная черта пронизывает все писания крайних и умеренных пангерманских идеологов, призывавших к войне после 1905 г. Если источником их ненависти к другим народам и необузданной страсти к войне, которую они проповедывали, являлся прусско-германский хищный империализм, считавший себя «обделенным» и видевший в войне единственный регулятор и восстановитель нарушенной «справедливости», то вдохновителем буйного полета фантазии этих публицистов, несомненно, являлась переоценка значения поражения России и поспешное ее исключение ими на веки-вечные из состава великих держав. При отсутствии России осуществление германских империалистических планов казалось обеспеченным. В этом были все согласны. Отсюда и появление такого количества программ по «благодетельствованию» всего мира в сравнительно короткий срок времени. В завоевательных программах Танненберга, Рорбаха и Бернгарди заключалась вся совокупность необузданных стремлений и вожделений хищного германского империализма начала XX в., и в них заключались все элементы будущей гитлеровской программы порабощения мира.

Было бы ошибочно думать, что только определенная группа интеллигенции, пускай и многочисленная, придерживалась таких завоевательных взглядов и активно участвовала в политической и идеологической подготовке войны. И настоящие ученые, принадлежавшие к либеральному лагерю, вносили свою лепту в дело идеологической подготовки войны, делая это менее топорно и более «убедительно». Немецкие ученые-экономисты еще до войны разработали своеобразную «теорию» оправдания расширения Германии за счет ее соседей. Ввиду того, гласила эта «теория», что Германская империя уже во вторую половину XIX в. превратилась в индустриальную страну, что она ввозит для обработки исключительно промышленное и сельскохозяйственное сырье, полуфабрикаты и продовольствие, а вывозит исключительно промышленные товары, то ей «пришлось взять на помощь урожаи чужих стран». Промышленный переворот в Германской империи, писал в 1912 г. либеральный в то время Вернер Зомбарт, привел к тому, что «Германия получает в обмен все меньше чужеземного труда и все больше чужеземных произведений почвы». Процесс быстрой индустриализации Германии, продолжал Зомбарт, привел уже в конце XIX столетия к тому, что «немецкому народу

уже нехватает места, и хозяйство его вынуждено все больше искать себе базиса на земле зарубежных стран». ³²

Зомбарт считал необходимым «сделать народное хозяйство Германии самодовлеющим», для чего он рекомендовал расширить ее территорию в 2—3 раза. ³³ Но поскольку никакие заморские колонии не могли «сделать народное хозяйство Германии самодовлеющим», то немецкие империалисты искали территорий поближе, в таких странах, которые могли вполне удовлетворить их потребности. Такими странами были Франция с ее богатыми железорудными бассейнами Лонгви и Бриэ; Бельгия с ее богатыми колониями; Турция и Россия, которая в 1911—1913 гг. экспортировала в Германию ежегодно сырья и продовольствия больше, чем на 450 млн. руб., а ввозила за эти годы непосредственно из Германии от 40 до 45% своего импорта. ³⁴

По следам «теоретиков» Зомбартов шли «практики» германского империализма. Учитывая быстрое экономическое развитие Германии и незначительные торговые обороты с ее собственными колониями (260 млн. марок в 1912 г.), германский империализм заявил в 1913 г. устами директора Deutsche Bank Гельфериха: «Деятельность в германских колониях является только одной сферой проявления германской предприимчивости за границей и, в частности, за морем». Но одни колонии не удовлетворяли «германской предприимчивости», продолжал Гельферих. «Лозунг германского коммерсанта гласит: «Весь мир является моим полем деятельности». ³⁵

Для обеспечения германской промышленности дешевыми источниками сырья и выгодными рынками сбыта промышленных товаров и размещения избыточного капитала Гельферих требовал для «германской предприимчивости и германского капитала» не колоний, а в первую очередь широкого поля «деятельности по ту сторону германской границы» и обеспечения за ними «непосредственного влияния на наши закупки и сбыт в важных иностранных областях». Гельферих, конечно, ратовал также и за приобретение колоний, «ибо здесь экономическое влияние обеспечивается и максимально усиливается политическим господством». ³⁶

Надо со всей ясностью и категоричностью подчеркнуть, что не в од-

³² Вернер Зомбарт. Народное хозяйство Германии в XIX и начале XX вв., М., 1924, стр. 204—206.

³³ Там же, стр. 206.

³⁴ Русский экспорт непосредственно в Германию составлял в 1911 г. 490,5, в 1912 г.—453,5, в 1913 г.—452,5 млн. руб., что составляло около 30% русского экспорта. К этому надо прибавить большую часть экспорта в Голландию, который поступал отсюда в Германию и который с 1909 по 1913 г. составлял ежегодно в среднем около 180 млн. руб. Германский импорт в Россию составлял в 1910 г.—449,8, в 1911 г.—487,78, в 1912 г.—532,34 и в 1913 г.—642,75 млн. руб. Доля германского импорта в Россию в 1913 г. возросла до 50% всего ввоза в Россию (Статистический ежегодник на 1914 г., стр. 591, 612 и 613).

³⁵ Карл Гельферих. Развитие народного хозяйства Германии с 1888—1913 гг., М., 1920, стр. 68.

³⁶ Там же, стр. 67.

ной только Германии имели хождение шовинистические, человеконенавистнические и воинственные «теории» и идеи. В последние 25—30 лет перед первой мировой войной имелись во всех странах незначительные количественно, но очень влиятельные группы, которые постоянно и систематически отравляли сознание общественного мнения и подготавливали его к войне. В Германии это были пангерманцы, во Франции — реакционеры, монархисты или, иначе, — шовинисты-реваншисты, в Англии — джингонисты, в России — панслависты, черносотенцы и националисты. Эти группы и поддерживавшие их партии всюду сеяли ненависть к чужим и соседним народам, возбуждали низкие инстинкты у масс и натравляли их внутри страны против рабочих и демократических элементов, а вовне — против других народов и государств. Эти крикливые и бессовестные группы и клики, опираясь на обширную печать, создавали шовинистическую шумиху вокруг каждого мероприятия соседнего государства и вытравляли из народного сознания такие понятия, как справедливость, человеколюбие, миролюбие и прочие гуманные чувства, называя их презрительными именами. Германия в этом отношении не составляла исключения. Однако остается фактом, что ни в одной стране эти человеконенавистнические группы и организации не располагали такими громадными материальными средствами (больше 80% печати находилось прямо или косвенно в их руках) и не развратили такую громадную часть народа, как это сделали немецкие шовинисты в Германии. Деятельность этих сеятелей человеконенавистнических теорий и завоевательных планов была настолько обширна, что она представляла уже в начале XX в. подлинную опасность для международного мира. Она была тем более опасна, что являлась точным выражением и переложением на литературную речь необузданных империалистических вожеланий монополистического капитала и юнкерства к завоеванию и порабощению целых континентов. Эта опасность выростала в настоящую угрозу делу мира с тех пор, как империалистические завоевательные теории нашли распространение в широких слоях мелкой буржуазии и интеллигенции.

Германские господствующие классы сумели загородить все пути для каких бы то ни было глубоких социальных преобразований и отбить все атаки народных масс на основы их классового господства. Опираясь на милитаристическое государство, юнкерство и монополистический капитал, они умели отвлекать внимание народных масс от социальных вопросов внутренней политики и направить их стремления в сторону внешней агрессии, убедив их в том, что в завоевании чужих территорий им следует искать удовлетворения своих интересов. В этом заключалась величайшая опасность для соседей Германии и для всех миролюбивых народов. Это отмечали серьезные и непредубежденные знатоки Германии до первой мировой войны, как известный швейцарский профессор международного права О. Ниппольд и др. На это указывали и многие дипломаты, наблюдавшие события на месте.

Оспаривая утверждения пангерманцев, что они якобы выражают чаяния, стремления и помыслы немецкого народа, проф. Ниппольд писал в

1913 г.: «Нельзя отрицать, что большая часть немецкого народа уже отравлена этим ходом мыслей, и если дать шовинистам и впредь так систематически проводить их работу, не выступая против их лжи и извращений, то имеется опасность, что эти шовинистические идеи в конце концов возьмут верх над новым поколением». ³⁷

И в союзной Австро-Венгрии политическая и идеологическая подготовка к войне шла в это время полным ходом. Бельгийский посланник в Вене обращал в конце 1912 г. внимание на особенное усиление всенной партии в Габсбургской монархии, громко требовавшей войны для «окончательного разрешения сербского вопроса». Эта страна вооружается, писал тот же наблюдатель, «как будто бы война абсолютно неизбежна»; «все убеждены, что драка будет»; «военная партия взяла здесь верх». Влияние военной партии на государственную политику нашло свое выражение в возвращении на пост начальника генерального штаба ранее отставленного генерала Конрада фон Гетцендорфа. ³⁸

И во Франции быстро распространялись после второго марокканского кризиса шовинистические и реваншистские настроения. Пуанкаре, премьер-министр в 1912 г., а затем президент республики с 1913 г., был выразителем окрепших воинственных настроений во Франции. Однако трезвый и объективный наблюдатель совершавшегося в рядах крупной буржуазии столицы сдвига в сторону войны, бельгийский посланник в Париже писал в 1913 г., что воинственный задор и реваншистские чувства не затронули крестьян, горожан, купцов и промышленников, «которые знают, что им будет стоить столкновение». Со стороны Франции бельгийский дипломат не ожидал никаких помех делу мира, но он опасался провокаций с другой стороны, что могло бы толкнуть Францию на опасный путь войны. ³⁹

Шовинистическое и воинственное движение началось также с самого начала первой балканской войны в России; это движение, однако, ограничилось верхами и не затронуло сколько-нибудь широких масс народа. Оно и не могло быть иначе. Инсценировщики этого движения — националистическая и либеральная буржуазия и дворянско-помещичья правящая клика — были смертельно напуганы вновь поднимавшимся революционным движением в стране и видели во внешней экспансии прекрасное средство для отвлечения народных масс от жгучих вопросов внутренней политики. Требование войны против Австро-Венгрии якобы для защиты балканских славян главным образом служило этой цели. Ленин писал по поводу воинственных статей в русской печати: «Поддержка реакции внутри и колониального, империалистского грабежа во вне — такова суть этой грубой «патриотической» «славянской» политики». Ленин подчеркивал, что деятельность русских шовинистов представляла собой «об-

³⁷ Prof. Dr. O. Nippold. Der deutsche Chauvinismus. Stuttgart, 1913, S. 115.

³⁸ Die belgischen Dokumente zur Vorgeschichte des Weltkrieges. 1885—1914. Bd V, 2 Aufl., Berlin, 1925, № 42.

³⁹ Ibid., № 29.

разец поддержки буржуазией той политики, которая превращает народы в пушечное мясо». ⁴⁰

Последнее указание относилось одинаково как к политике империалистической буржуазии России, так и к буржуазии других капиталистических держав, которая вела политику превращения всех народов в пушечное мясо. «...Азартную игру ведут капиталистические государства,— писал Ленин,— игру кровью миллионов, посылаемых то здесь, то там на бойню ради захвата чужих земель и грабежа слабых соседей». ⁴¹

Эта азартная игра, которая шла во всех империалистических странах, в одних шумно, в других тихо, велась не в безвоздушном пространстве, а в конкретной политической обстановке, насыщенной острыми империалистическими противоречиями и конфликтами, и преследовала очень определенную практическую цель: поддержку своей «национальной» программы вооружений, проводившихся, как будет показано ниже, в эти годы в крупных масштабах всеми великими державами.

Такова была политическая обстановка в Европе, когда в последний раз перед первой мировой войной с особой силой столкнулись империалистические интересы великих держав.

II

Едва началась первая балканская война, как на сцену выступили великие европейские империалистические державы. У всех были свои интересы на Балканах и в Турции, которые они считали своей «священной» обязанностью «охранять». Обе империалистические группировки зорко и настороженно следили за событиями на Балканах, не желая допустить, чтобы их исход усилил враждебную группировку. Поэтому на протяжении обеих балканских войн мировая война могла возникнуть каждый день по самому незначительному поводу.

Ленин отмечал, что благодаря «опеке Европы» над балканскими народами исход войны решат не их победы, так как «центр тяжести вопроса перенесен окончательно с театра военных действий на театр грызни и интриг так наз. великих держав». ⁴² Благодаря этой грызне великих держав Сербию заставили уйти с завоеванных ею территорий на Адриатическом побережье и отказаться от выхода к морю, который гасло и мог дать ей возможность свободного экономического развития.

В результате непримиримых противоречий «союзниц» — Австро-Венгрии и Италии, с вождедением смотревших на очищенное сербами Адриатическое побережье, была создана независимая Албания — постоянное яблоко раздора между Веной и Римом и новый источник ослабления Тройственного союза. Этим самым были порождены и семена второй балканской войны. Потеряв выход к Адриатическому

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. XVI, стр. 159 и 161.

⁴¹ Там же, стр. 150.

⁴² Там же, стр. 356.

морю, Сербия ринулась в Македонию, чтобы быть ближе к Эгейскому морю.

Мирный договор с Турцией не разрешил весьма щекотливого вопроса о принадлежности Эгейских островов и передавал его на суд великих держав. Острота этого вопроса заключалась в том, что часть островов еще во время первой балканской войны была оккупирована Грецией, которая настаивала на том, чтобы они остались за нею по праву завоевания и на основе национальной принадлежности населения этих островов. Турция же требовала, чтобы острова были возвращены ей, поскольку некоторые из них находятся близко от Малоазиатского побережья и от Дарданельского пролива и являются подступами к ним. Другая часть островов — Додеканез и Родос — были оккупированы Италией во время итало-турецкой войны и по Лозаннскому договору подлежали возвращению Турции после выполнения этого договора обеими сторонами. Между турецким и итальянским правительством существовала молчаливая договоренность о том, чтобы эти острова оставались на все время балканской войны оккупированными Италией, иначе они были бы захвачены Грецией.

Так как Италия и Австрия настойчиво добивались включения в пределы Албании целого ряда округов Северного Эпира, в частности, Корицы, Аргирокастро и др., которые были заняты войсками Греции, не желавшей их уступать, то на Лондонском совещании послов был достигнут компромисс, согласно которому вопрос теоретически разрешался следующим образом: Греция очистит территории, которые Международная контрольная комиссия на месте решит передать Албании, после чего великие державы признают за нею оккупированные ее войсками Эгейские острова, за исключением Имброса и Тенедоса; после же возвращения Италией оккупированных ею островов Турции, великие державы решат судьбу и этих островов. Это решение давало некоторую, хотя ни на чем не основанную, надежду Греции, что за территорию, возвращенную ею Албании, она получит часть Додеканеза и Родос. Это решение, кроме того, давало простор для соглашения между Грецией и Турцией на основе обмена этих островов на Хиос и Матилену.

Такова была правовая и дипломатическая сторона Эгейской проблемы. Еще более сложной и запутанной была политическая сторона вопроса. Борьба за острова происходила не только между Турцией и Грецией, но также между Тройственным союзом и Антантой и между Италией и Францией. Это была в сущности борьба за господство в восточном бассейне Средиземного моря. Оставление островов в руках Италии и Турции или в руках одной Турции означало победу Тройственного союза, который выступал в данном случае солидарно. Германия поддерживала в этом вопросе Италию и Турцию потому, что эти острова могли служить базой для германского флота в Средиземном море, а также и потому, что это способствовало удержанию Италии в Трой-

ственном союзе. Но одновременно германская дипломатия подавала надежды Греции, надеясь привлечь ее на свою сторону.

Именно по этим причинам Англия и Франция требовали безусловного очищения Италией Додеканеза и Родоса и поддерживали, хотя и не одинаково активно, притязания Греции. Среди стран Антанты не было по этому вопросу единства. Англия твердо настаивала лишь на том, чтобы Додеканез не оставался в руках Италии или в руках другой великой державы. В этом была с ней солидарна и Франция. Далее пути их расходились. Англии было безразлично, останутся ли эти острова, а также Хиос и Митилена у Турции или же они перейдут к Греции. Франция же решительно поддерживала все притязания Греции. Россия не очень восторгалась перспективой передачи всех островов Греции, особенно после захвата ею у Болгарии Кавалы, но, не имея прямых интересов в Эгейском море, она, хотя и неохотно и вяло, поддерживала в этом вопросе Францию. Эгейские острова сделались предметом большого политического торга, в котором непосредственные интересы Греции и Турции совершенно потерялись.

Длительная ожесточенная борьба великих держав вокруг вопроса об Эгейских островах оказывала большое влияние на их политические взаимоотношения и еще больше обостряла противоречия между ними, что делало международную обстановку весьма напряженной. Островной вопрос также обострил борьбу великих держав в самой Турции, где их интересы не только сталкивались, но и переплетались.

Вопрос об островах так и не был разрешен до первой мировой войны. Италия под разными предлогами не эвакуировала Додеканеза и Родоса. Решение Лондонского совещания послов шести великих держав вернуть Турции Имброс и Тенедос не было выполнено Грецией, а присуждение Хиоса и Митилены Греции бросило Турцию в австро-германский лагерь и сблизило ее с Болгарией. Турция и Греция готовились к войне.

Добившись всего, что можно было получить от Антанты, греческие руководящие круги, особенно король Константин, искали сближения с Германией, надеясь получить у нее поддержку против Турции.

Австро-Венгрии удалось разрушить балканский блок государств и бросить их друг на друга в братоубийственную войну. Политические последствия разрушения балканского союза пережили Габсбургскую монархию и сказались не только в войне 1914—1918 гг., но и в войне 1939—1945 гг. Подстрекаемый Австро-Венгрией, болгарский царь Фердинанд без ведома правительства 29 июня 1913 г. отдал приказ напасть на Сербию, но натолкнулся на уже готовый греко-сербский блок, к которому присоединилась и Румыния.

Военные действия после первых успехов болгар приняли иной оборот, чем того желали организаторы и вдохновители братоубийственной войны — болгарские шовинисты во главе с царем Фердинандом и его австро-венгерские покровители. Венская дипломатия принимала свои

меры, чтобы уменьшить последствия болгарского поражения, но ее старания оказались безуспешными. Во время мирных переговоров министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Берхтольд телеграфировал 6 августа 1913 г. австро-венгерскому посланнику в Бухаресте, князю Фюрстенбергу, что противоречия между Сербией и Австро-Венгрией непримиримы и никакими мелкими экономическими уступками их не устранить. Причина непримиримости, пояснял Берхтольд, состоит в том, что Сербия стремится к отделению от Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины. В лице Сербии, продолжал Берхтольд, Австро-Венгрия имеет целеустремленного и упорного врага, против которого необходимо организовать все враждебные Сербии силы; целью австро-венгерской политики должно поэтому являться создание на Балканах в лице Болгарии, интересы которой в данном вопросе являются сходными с интересами Габсбургской монархии, противовеса Сербии. Берхтольд считал, что военные и политические события последних недель вполне способствуют и оправдывают такую политику.

Первым актом болгарского правительства Радославова, информировал Берхтольд Фюрстенберга, явилось его обращение в Вену с предложением заключить австро-болгарский союз, на что ему был дан ответ, что такой союз будет иметь ценность лишь при условии предварительного урегулирования отношений между Болгарией и Румынией. Берхтольд поручил Фюрстенбергу добиваться: 1) заключения соглашения между Болгарией и Румынией и 2) заключения такого мира, который не ослабил бы Болгарию перед лицом будущей угрозы со стороны Сербии и Греции.

Болгария, писал Берхтольд, не должна выйти слишком ослабленной из войны. Интересы Румынии требуют установления ею хороших отношений с Болгарией, так как они являются гарантией удержания территориальных приобретений Румынии и мостом, который соединит Болгарию с Австро-Венгрией и Тройственным союзом.⁴³

План Берхтольда обратить победы объединившихся против Болгарии союзников в поражение с целью укрепления владычества немцев и мадьяр над десятками миллионов славян и румын в Габсбургской монархии и на Балканах имел один коренной недостаток: он был абсолютно невыполним при помощи одних лишь дипломатических и политических средств. Берхтольд это сам прекрасно понимал. За два дня до отправки Фюрстенбергу цитированной выше инструкции он говорил германскому послу фон Чиршки, что победа Сербии представляет опасность для интересов Австро-Венгрии и не исключена возможность, что для предотвращения этой опасности придется прибегнуть к применению вооруженной силы. Южнославянские области империи, заявил Берхтольд германскому послу 4 июля 1913 г., имеют жизненное значение для

⁴³ Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise bis zum Ausbruch des Weltkrieges (1908—1914), Bd. VII, № 8240 (в дальнейшем цит. «О-У. А.»).

Австро-Венгрии и Тройственного союза. Когда Сербия станет гегемоном на Балканах, Габсбургская монархия не в состоянии будет удерживать в своих руках южнославянские области. Поэтому австро-венгерское правительство считает необходимым вмешаться в войну и предотвратить сербо-румынскую победу над Болгарией. «Маленькая, разбитая врагом Сербия явилась бы наилучшим разрешением вопроса» для Австро-Венгрии, сказал Берхтольд. В противном случае последняя «принуждена будет действовать силой для защиты своего достоинства». ⁴⁴ Когда через два дня, 6 июля 1913 г., австро-венгерский посол в Берлине граф Сегени попытался получить разрешение германского правительства на военное выступление Австро-Венгрии против Сербии, то Бетман-Гольвег заявил, «что это будет означать европейскую войну, которая заденет серьезнейшие интересы Германии». «Поэтому,— сказал имперский канцлер послу,— я должен надеяться, что граф Берхтольд нас поставит в известность до того, как он примет такое решение». ⁴⁵

Германия не выпускала из рук руководство союзной политикой и не была намерена разрешать своей союзнице начинать войну, когда она сама еще этого не хотела. Драчливая и рвавшаяся в бой Австро-Венгрия принуждена была пока сидеть спокойно.

III

Вторая балканская война перепутала все карты великих держав и внесла временное замешательство в прочно сложившиеся между ними отношения. Противоречивые интересы двух империалистических группировок держав, с одной стороны, и противоречивые интересы «союзников» внутри Тройственного союза и Антанты, с другой стороны, привели к тому, что во время кратковременной второй балканской войны Франция выступала против России, Германия против Австро-Венгрии, последняя вместе с Россией, Германия вместе с Францией и т. д.

Учитывая географическое и стратегическое значение Греции и желая привлечь ее к Тройственному союзу, о чем просил король Константин, а также заставить ее уменьшить свои территориальные притязания на Адриатическом побережье, Германия поддержала греческие требования на Эгейском море. Покупая себе будущего союзника, Германия способствовала изгнанию болгар из Македонии и Фракии и отнятию у Болгарии эгейских портов. По совершенно другим соображениям, в которых играли большую роль французские вложения в табачной промышленности Македонии и Фракии, Франция также поддерживала все требования Греции на Каваллу и другие эгейские порты. Чтобы удержать влияние над Болгарией, Россия поддерживала ее сопротивление греческим требованиям. Желая удержать Румынию в Тройственном союзе, Германия

⁴⁴ Die grosse Politik der europäischen Kabinete, 1871—1914, Bd. 35, № 13483 (в дальнейшем цит. «G. P.»).

⁴⁵ Ibid., № 13490.

поддерживала ее притязания на Добруджу. Противоположную политику проводила Австро-Венгрия. И в этом вопросе, по совершенно противоположным причинам, Франция была на стороне Германии и имела против себя Россию. Точки зрения почти всех «союзников» разошлись также и в адрианопольском вопросе. Турция воспользовалась второй балканской войной и отняла у Болгарии Адрианополь. Россия и Австрия требовали ухода турок из Адрианополя и угрожали им применением силы, будучи на деле бессильны выполнить свои угрозы. Борясь за влияние в Турции, Германия и Франция и в этом вопросе выступали, каждая порознь, против России и Австро-Венгрии.

По вопросу о будущем мире также наметились довольно резкие разногласия между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Россией и Францией — с другой, и сближение точек зрения России и Австро-Венгрии.

Яркое представление о степени остроты разногласий между «союзниками» внутри обеих империалистических группировок держав дают русско-французское охлаждение в июле — августе 1913 г. и резкая кампания русской и французской печати, причинившие много горечи союзникам. «Наша союзница Франция нас предала», — писала, например, кадетская «Речь» по поводу неоказания французской дипломатией поддержки России в вопросе о Кавалле и Адрианополе. «Новое время», осуждая французскую политику по этим вопросам, писало еще более резко: «Мы в этом видим достаточную причину и даже обязанность вновь пересмотреть самую основу франко-русских отношений». В газете «Matin» была помещена 9 августа корреспонденция из Петербурга, которая начиналась словами: «В Петербурге очень большое возбуждение. Это возбуждение разделяется русской дипломатией и общественным мнением и касается добрых франко-русских отношений». Излагая мнение русских официальных кругов, корреспондент писал: «Первая причина возбуждения состоит в явном сожалении России, что в вопросе о Кавалле Франция оказалась не рядом с ней. Этот вопрос сделался почти в такой же степени русским, как болгарским вопросом». Россия, указывал корреспондент, первая потребовала передачи Греции Салоник, и она считает своим долгом требовать передачи Каваллы Болгарии, для которой она составляет жизненный вопрос. «Поэтому здесь надеются, что Франция не воспротивится пересмотру Бухарестского договора. Однако, — подчеркивал далее корреспондент, — адрианопольский вопрос вызывает в официальных кругах еще большее возбуждение, чем Кавалла. Они утверждают, что финансовая поддержка Франции позволила Турции начать войну против Болгарии».⁴⁶

Чтобы рассеять возникшее между обоими союзниками недоразуме-

⁴⁶ «Le Matin», 9 août 1913. В тот момент, когда Россия требовала возвращения Адрианополя Болгарии, французская «Regie generale» ссудила турецкому правительству 15 млн. турецких фунтов, которые помогли ему выйти из финансового затруднения.

ние, французское правительство опубликовало 10 августа в «*Matin*» официозную статью: «Нет разногласия между Францией и Россией», в которой говорилось, что упреки русской печати в эллинофильской политике в ущерб интересам Болгарии не основаны на фактах. Когда выяснилось, указывалось в статье, что Россия предпочитала передачу Каваллы Болгарии, а Франция не возражала против оставления ее у Греции, то, по предложению Сазонова, было решено воздержаться от настаивания на проведении в жизнь обоюдных точек зрения. Франция не могла, как того хотела бы русская печать, сказать грекам: «Убирайтесь вон из Каваллы», так как Греция не подчинилась бы этому, а Румыния и Сербия ее поддержали бы. Войны же не хотели ни Россия ни Франция. Уверяя общественное мнение в том, что «нет никакого разногласия, нет никакого недоразумения между Россией и Францией», статья утверждала, что все это не будет иметь последствий для союза, который остается прочным, как никогда. Статья кончалась следующими словами: «Скоро Европа приступит к урегулированию адрианопольского вопроса. Россия знает, что Франция будет рядом с ней, как она была в продолжение 8-месячного тяжелого кризиса, переживаемого нами, так же как она будет в будущем каждый раз, когда будут затронуты интересы ее союзницы». ⁴⁷

Чтобы привести в нормальное состояние франко-русские отношения и положить конец газетной полемике, потребовалось опубликование в печати совместного коммюнике (12 августа), выработанного французским и русским министерствами иностранных дел, в котором возникшая газетная перепалка объяснялась чистым недоразумением. Коммюнике заявляло, что каждое из союзных правительств знало точку зрения другого по вопросу о Кавалле, но ни одно из них не заявляло другому, что «оно требует от своего союзника принесения жертвы»; коммюнике заканчивалось успокоительным констатированием, что «никогда контакт между двумя странами не был более интимным, чем в данный момент». ⁴⁸

IV

Балканские войны обнажили до корней все старые империалистические противоречия и вызвали к жизни ряд новых противоречий и конфликтов. Работа десятилетий русской дипломатии по сплочению балканских государств оказалась разрушенной в течение нескольких месяцев. Династические интересы балканских монархий, старые предрассудки и национальная вражда, интриги великих держав и т. д. одержали верх над интересами балканских народов. Старая австрийская политика торжествовала. Балканский союз был уничтожен, а балканские государства

⁴⁷ «*Le Matin*», 10 août 1913.

⁴⁸ Documents diplomatiques français (1871—1914), 3-me serie, t. VIII, № 14, p. 20 (в дальнейшем цит. «D. D.»).

уничтожали и ослабляли друг друга в братоубийственной войне. Если дело не дошло до мировой войны уже в 1913 г., то причинами к тому были: неподготовленность России и ее союзников к войне; расхождение самостоятельных империалистических интересов России на Балканах с интересами ее союзников; постоянное отступление России перед агрессивным натиском Австро-Венгрии. Второй комплекс причин состоял в том, что Германия, как мы это уже показали выше, хотя и оказывала всяческую поддержку всем притязаниям Австро-Венгрии, но не позволяла ей самолично доводить дело до вооруженного столкновения.

Политические результаты балканских войн были глубоки и многообразны. Они перевернули вверх дном некоторые старые понятия, уничтожили многие политические предрассудки и создали условия для построения новых отношений между государствами. С самого начала первой балканской войны австро-венгерское правительство было охвачено паникой. Оно считало, что руководство балканскими государствами всецело будет находиться в руках России, которая направит их деятельность против существования Габсбургской монархии. Результаты балканских войн показали, что влияние России на балканские государства было ничтожно, что они действовали очень часто против ее воли и желания. Балканские войны, с другой стороны, выявили, что Россия не поддерживала всех требований балканских государств. Защищая их отдельные интересы, когда они совпадали с ее интересами, царская Россия пыталась использовать балканские государства в качестве средства для достижения ее собственных целей, которые состояли в ослаблении Турции и ослаблении влияния Австро-Венгрии на Балканах. Россия добилась того и другого, но потеряла гораздо больше. Балканские славянские государства освободились из-под ее опеки и сделались ее врагами. Они выросли в самостоятельную силу, и Россия потеряла возможность на них опереться в назревавших европейских столкновениях.

Возгоревшаяся вражда между балканскими государствами давала большие выгоды Австро-Венгрии в будущем. Уже само объявление союзниками войны Турции в октябре 1912 г. явилось подтверждением ничтожности русского влияния в столицах балканских государств. Сазонов тогда же воскликнул: «Они ускользнули из моих рук!» После этого ему уже никогда не удавалось прибрать их к рукам.

Балканские союзники никогда не прислушивались к советам или пожеланиям России, а последняя не смогла их заставить это сделать. Но зато Россия никогда не поддавалась ламентациям и мольбам балканских союзников. Сербия пыталась втянуть Россию в конфликт из-за Дураццо, Черногория — из-за Скутари, Болгария — в чаталджинскую историю, но русская дипломатия, повторяем, поддерживала их только в том случае, если это отвечало ее собственным интересам. Не будучи само в состоянии заставить балканских союзников следовать его указаниям, царское правительство очень часто обращалось к другим правительствам за по-

мощью и просило оказать давление в балканских столицах в пользу принятия его предложения. Даже Сербия, государственные деятели которой твердили в Петербурге: «Мы послушные»,— и та на деле не подчинялась России и только тогда слушалась ее советов, когда имела необходимость прикрыться ею против Австро-Венгрии. Даже маленькая Черногория действовала независимо и прогив воли России, за что последняя прекратила выдачу ей субсидии. И совершенно прав был Делькаса, говоривший: «Когда сербы и болгары отклонили арбитраж царя, тогда была разорвана вуаль, покрывавшая панславистскую утопию, даже в глазах Австрии». ⁴⁹

Все эти причины вместе взятые привели к тому, что к концу войны несколько смягчились взаимоотношения между Россией и Австро-Венгрией. Стали даже поговаривать о сближении обеих стран. Из всех держав лишь Россия и Австро-Венгрия требовали пересмотра Бухарестского мира в пользу Болгарии. Как это ни странно, именно в этом направлении начали действовать обе державы на второй день после Бухарестского мира (10 августа 1913 г.). Венгерский премьер-министр граф Тисса требовал в меморандуме от 11 августа 1913 г. заключения соглашения с Россией на следующей основе: «Австро-Венгрия даст согласие на радикальное изменение болгаро-турецкой границы при условии, что Россия согласится на изменение болгаро-сербской границы». ⁵⁰

Австро-Венгрия была, однако, бессильна что-либо сделать без согласия Германии, позиция которой вызывала ее неудовольствие. «Нынешний образ действий Германии в балканской политике,— писал Тисса в упомянутом выше меморандуме,— не только с нашей точки зрения опасен. Он также компрометирует будущую безопасность Германской империи». Тисса требовал взамен поддержки Австро-Венгрией германской политики в Турции безоговорочной поддержки Германией австро-венгерской политики на Балканах. «Наши жизненные интересы,— продолжал Тисса,— состоят в том, чтобы помешать созданию группировки из Румынии с Сербией и Грецией против Болгарии, а успех нашей деятельности в этом деле зависит главным образом от позиции Германии в Бухаресте». ⁵¹ Намеченная им политика была, по мнению Тиссы, реальным средством предотвращения распада Тройственного союза.

Угрожая распадом Тройственного союза, Тисса сгущал краски и пугал Берлин. Дело так далеко еще не зашло, однако раздражение сдерживающей позицией германского союзника, который не хотел подчинить свою мировую политику балканской политике своей союзницы, было столь велико, что Тисса требовал, чтобы «разъяснили германскому кайзеру, что темпераментные тосты и обещания его меча, конечно, очень ценные и с нашей стороны ценимые блага, но они не могут заменить

⁴⁹ D. D., 3-me serie, t. VIII, № 136, p. 168.

⁵⁰ O.-U. A., Bd. VII, № 8383.

⁵¹ Ibid., № 8474, SS. 200—201.

гармонической совместной работы в ежедневных изменениях внешней политики». ⁵²

Выгода от совместного австро-русского выступления в пользу Болгарии, писал Тисса в другом меморандуме императору Францу-Иосифу (от 25 августа 1913 г.), будет состоять в том, что Австро-Венгрия имела бы на своей стороне Россию, а это дало бы возможность «свести счеты с Сербией», ⁵³ чего так часто требовали военные круги. Интересы австро-венгерской монархии требовали, по мнению Тиссы, такой политики, которая показала бы, что Габсбургская монархия готова и в состоянии «защитить наших друзей на Балканах». ⁵⁴

Русская дипломатия не пошла в заботливо расставленные ей силки. Скоро обнаружилось, что Россия соглашалась на ревизию Бухарестского договора в пользу территориального увеличения Болгарии за счет Турции и даже Греции, против чего не возражала и Австро-Венгрия, но она не соглашалась на территориальное уменьшение Сербии. Против уступки Болгарии турецкой или греческой территории решительно выступили Германия и Франция.

Бухарестский мир никого решительно не удовлетворял, не считая Сербии, Греции и Румынии. Все считали его «непрочным», временным перемирием и т. д. Когда румынский король Кароль послал благодарственную телеграмму Вильгельму II и утверждал, что этот «мир будет окончательным», то один дипломат иронически заметил: «Окончательный на данный момент». Лондонская «Times» утешала себя тем, что этот «момент может быть длительным». ⁵⁵ Тот же король Кароль назвал в беседе с французским дипломатом Бухарестский мир непрочным. Этот договор вызывал столько непримиримых противоречий, неугасимой ненависти и злопамятства у балканских государств, что его можно было назвать, по мнению короля, лишь «вооруженным миром». ⁵⁶ Французский посол в Вене Дюмен считал, что Бухарестский «мир является перемирием, под покровом которого большинству держав удастся отсрочить и ограничить конфликты, которые другие державы постараются спровоцировать». ⁵⁷

Неудовлетворенными Бухарестским миром больше всех считали себя Россия и Австро-Венгрия. Германская дипломатия считала, что результаты балканских войн оказались более благоприятными для Австро-Венгрии, чем для ее соперницы России. По оценке германского статс-секретаря по иностранным делам фон Ягова, Бухарестский мир благоприятен для Австро-Венгрии: силы России, говорил он, переоцениваются, а ее

⁵² O.-U. A., Bd. VII, № 8484, S. 201

⁵³ Ibid., SS. 198—201.

⁵⁴ Ibid., S. 200.

⁵⁵ «The Times», 12 Aug. 1913.

⁵⁶ D. D., t. VIII, № 352, p. 443.

⁵⁷ Ibid., № 64, p. 71.

поведение в адрианопольском вопросе «является доказательством ее полного бессилия». ⁵⁸

Эта оценка не выдержала испытания. Правда, Австро-Венгрия, а с ней и Германия оказались в выигрыше, поскольку балканский союз был расколот, и Россия на него в будущем не могла опереться или использовать его в качестве орудия своей политики на Балканском полуострове. Верно было и то, что Россия, учитывая позицию своих союзниц и Германии в адрианопольском вопросе, вела себя очень сдержанно и дала лишний повод укрепиться в Берлине мнению, что в ближайших назревавших конфликтах с Россией можно не считаться.

Однако это была лишь показная сторона баланса балканских войн. Эти войны имели и другую, безусловно невыгодную и отрицательную для Австро-Венгрии сторону, состоявшую в том, что их результаты — победы Сербии и Румынии — окончательно подкопали те политические устои, на которых опиралось здание двуединой монархии. Они по-новому поставили в империи не только южнославянский, но также и румынский вопрос. В этом отношении заслуживает большого внимания заявление румынского посланника в Софии Дерусси французскому посланнику Дарду в начале ноября 1913 г. об отношениях между Румынией и Австро-Венгрией. Дерусси сказал, что общественное мнение в Румынии целиком отвернулось от Австро-Венгрии и от прежней дружбы двух стран осталась одна тень. Но зато, подчеркнул посланник, лишь вопрос о трансильванских румынах имеет значение для общественного мнения, которое искренне желает сближения с Россией. Поворот общественного мнения, сказал посланник, оказал даже влияние на упорную натуру старого короля. Желание сближения с Россией является всеобщим. «Это общественное мнение желает, впрочем, отныне управлять внешней политикой страны, а деспотизму, в котором столь длительное время упражнялся король Кароль, приходит конец. Вопрос о румынах Трансильвании и Буковины сделался отныне большим национальным вопросом, и общество усвоило к нему совершенно новый интерес». На вопрос Дарда, каково отношение Румынии к Германии, Дерусси заявил, что румыны думают также и об отходе от Германии. Если последняя окончательно осудит политику Австро-Венгрии и «мигнет нам глазом, то мы не поколеблемся тогда, чтобы для удовлетворения наших национальных стремлений потребовать у Германии поддержки, которую мы предпочли бы сейчас получить у России». ⁵⁹

Между тем руководящие круги Австрии и Венгрии видели единственный выход из тяжелого положения, в котором очутилась многонациональная монархия после балканских войн, в завоевании утраченных позиций на полуострове путем обуздания Сербии и передачи части ее территории Болгарии. Анализируя политическое положение Австро-Венгрии и возможные результаты подобной политики, французский посол Дюмен

⁵⁸ Ö.-U. A., Bd. VII, № 8708, S. 357; G. P., Bd. 36, № 14144.

⁵⁹ D. D., t. VIII, № 433, pp. 544—545.

писал 30 августа 1913 г.: «Чем очевиднее плохие последствия такой комбинации, тем упорнее монархия приносит ей в жертву, один за другим, свои интересы и свои союзы. Румыния отворачивается от нее, Германия дезавуирует ее, Италия выражает ей знаменательную сдержанность, Греция стала откровенно враждебной, славяне империи, оказавшись между двумя братьями-врагами, высказываются за сербов. Ничто не может превозмочь этого неразумного отвращения и досаду видеть это маленькое государство вышедшим из кризиса увеличенным и верящим в свое будущее, тогда как политики Вены и Будапешта дважды решили, что оно должно погрузиться в пучину». ⁶⁰

Именно поэтому в Вене и Будапеште решили во что бы то ни стало изменить созданное Бухарестским договором соотношение сил, чего нельзя было сделать без содействия и инициативы Германии.

V

В тот момент когда Тисса жаловался на поведение Германии, эти жалобы были уже беспредметными. Руководящие круги германского империализма уже сами решили в то время оставить политику благоразумия и постоянного сдерживания драчливой Австро-Венгрии. В очень важном директивном документе от 16 августа 1913 г. Вильгельм II писал, что задача Германии во время обеих балканских войн состояла в том, чтобы сохранить Европе мир. Определяя послебухарестскую политическую линию Германии, кайзер продолжал: «Теперь, после вышесказанного, прежняя главная задача нашей политики — сохранить Европе мир — может быть оставлена». ⁶¹ Считая ошибочной австрийскую политику сближения с Болгарией и отталкивания от себя Греции, чем были испорчены отношения Австро-Венгрии с Румынией и Грецией и создана опасность их перехода к Антанте, Вильгельм II полагал, что на Германии лежит обязанность исправить эту ошибку, не останавливаясь даже перед тем, что это вызовет недовольство союзницы. Вильгельм объявил себя гарантом Бухарестского мира, но на его основе он решил создать новую комбинацию держав, которая «мирным» путем изменила бы соотношение сил в пользу центральных держав. ⁶²

Опека над Турцией и Грецией, их примирение на основе компромиссного разрешения конфликта из-за Эгейских островов и постепенное их затем вовлечение в орбиту Тройственного союза, удержание во что бы то ни стало Румынии в лоне союза и создание румыно-греческого антиславянского союза — такова была первая, но не главная задача германской политики. «Меня не беспокоит, — продолжал кайзер, — что Россия одна что-нибудь предпримет против Турции по той простой причине,

⁶⁰ D. D., t. VIII, № 103, p. 124.

⁶¹ G. P., Bd. 36, № 13781, S. 28.

⁶² Ibid., SS. 28—29.

что она в военном отношении бессильна это сделать. Если она что-либо предпримет, то тем лучше, так как она тогда разойдется с Англией, а возможно и с Францией, и Тройственное согласие распадется». ⁶³

В одном Вильгельм был безусловно прав. Россия была в военном отношении слаба. Зимой 1913 г. она хотела предпринять военные репрессии против Турции, но когда она убедилась в собственной слабости и нежелании Франции и Англии оказать ей поддержку, то отказалась от своих намерений. Однако к распаду Антанты это не привело. Наоборот, это усилило потребность превращения Антанты в союз и подсказало царской России необходимость впредь более внимательно сочетать и координировать свои империалистические цели с такими же целями Франции и Англии. Крепость Антанты состояла как раз в том, что наименее организованной ее участнице — царской России в силу ее отсталости приходилось накладывать на себя известного рода ограничения в Европе и не требовать от других членов Антанты такой поддержки, оказать которую было бы несовместимо с их собственными интересами. Благодаря этому Германии и не удалось взорвать Антанту, хотя она к этому постоянно стремилась. И до тех пор, пока империалистические интересы всех государств Антанты не совпадали и не подкрепляли друг друга, как это было в июле 1914 г., было еще достаточно простора для всякого рода маневров и компромиссов и военное столкновение возможно было отсрочить. Так было в 1912 и 1913 гг., во время балканских войн, когда Англия и Франция не были склонны поддерживать все требования России по оказанию помощи Сербии и Болгарии, а Германия хотя и поддерживала требования Австро-Венгрии, но не разрешала ей доводить дела до войны. Положение резко изменилось с осени 1913 г.

Политическая, экономическая и дипломатическая активность Австро-Венгрии на Балканах была в интересах Германии. Но не в ее интересах было, чтобы Австро-Венгрия преждевременно довела эту активность до военного столкновения. В конце сентября 1913 г. опять возник острый конфликт между Австрией и Сербией. Последняя воспользовалась инцидентом на албанской границе и вторглась в Албанию. На заседании объединенного австро-венгерского правительства 3 октября боролись две точки зрения. Все министры признавали, что Сербия представляет смертельную опасность для существования двуединой монархии и что ее необходимо укротить. Не было, однако, единогласия относительно методов укрощения Сербии. Военная партия в лице Конрад фон Гетцендорфа требовала радикального разрешения сербского вопроса: уничтожения Сербии или же ее включения в Австро-Венгрию на таких же основах, какие существуют между Баварией и Германией. Министр иностранных дел Берхтольд был одного мнения с Конрадом; и он считал, что международная обстановка благоприятна для уничтожения Сербии.

⁶³ Ibid., S. 29.

но Германия не поддержит Австро-Венгрию. Граф Тисса по мотивам внутривластическим выступил против такого радикального разрешения сербского вопроса и предложил удовлетвориться нанесением ей дипломатического поражения.⁶⁴ В итоге Австро-Венгрия предъявила Сербии восьмидневный ультиматум. Сербия не получила военной поддержки России и вторично очистила албанскую территорию.

Венское правительство действовало на Балканах, оглядываясь на союзницу, и все время прикидывало: какие мероприятия найдут поддержку в Берлине. Оно лишь в конце октября было осведомлено о том, что новая политика германского правительства вполне совпадает с австрийской политикой на Балканах, и поэтому Австрия может рассчитывать на полную поддержку Германии. Наиболее существенная задача новой германской политики была очень ярко изложена Вильгельмом II в беседе с Берхтольдом 25 октября 1913 г. в Вене. Считая, что с Россией и панславизмом покончено на Балканах раз и навсегда, кайзер целиком усвоил точку зрения австро-венгерских политиков на «сербскую опасность». Он, как и они, считал, что окрепшее в результате войны Сербское государство представляет большую угрозу. Будучи убежден, что «война между Западом и Востоком неизбежна», он полагал, что появление внезапной угрозы «нашествия на фланге Австро-Венгрии значительной военной державы может сделаться роковой для исхода борьбы народов». Кайзер целиком разделял взгляды австрийских и венгерских аристократов на гибельность для немецких интересов постоянно увеличивающегося влияния славянских народов в Австро-Венгрии и считал, как и они, что эти народы необходимо «проучить», так как «славяне не рождены для господства, а для услужения». Австро-венгерско-сербские отношения, по мнению кайзера, должны были быть построены на очень простом принципе: «У Австро-Венгрии не может быть другого отношения с Сербией, чем отношение зависимости малого от большого по планетарной системе».

При новой «реконструкции» Юго-Восточной Европы Россия вовсе не учитывалась как политический фактор. Германия считала, что Австро-Венгрия должна сделаться полным хозяином Балканского полуострова; для этого ей необходимо было подчинить себе Сербию посредством денег, военных инструкторов, торговых льгот и т. д. «Ее войска (Сербии), — излагал кайзер задачи германской политики на Балканах, — которые доказали на войне, что они кое-чего стоят, должны быть отданы в распоряжение Австро-Венгрии и создать этим необходимую гарантию, что на южной границе не произойдет неожиданностей». Отказ Сербии подчиниться добровольно должен повлечь за собой применение силы. Германский император это заранее одобрял. «Если его императорское величество кайзер Франц-Иосиф, — сказал кайзер своему собеседнику, — чего-нибудь хочет, то сербское правительство обязано подчиниться, а

⁶⁴ O.-U. A., Bd. VII, № 8779, SS. 397—403.

если оно этого не сделает, то Белград будет бомбардирован и оккупирован до тех пор, пока воля его императорского величества не будет исполнена. И в этом вы можете быть уверены, что я вас поддержу и готов буду обнажить меч, когда ваш образ действия этого потребует». ⁶⁵

Изложенный план «реконструкции» Юго-Восточной Европы германский империализм считал возможным провести безнаказанно, так как Россия не внушала ему никаких забот. «Ближайшие 6 лет можно быть спокойным с этой стороны», — говорил Вильгельм II. Это не было мнением одного кайзера, то же самое говорил имперский канцлер Бетман-Гольвег австро-венгерскому послу 2 ноября 1913 г. в Берлине. ⁶⁶ Такого же мнения был и статс-секретарь фон Ягов, выразивший 25 сентября 1913 г. австро-венгерскому дипломату Форгану сожаление в том, что Габсбургская монархия не покончила счета с Сербией в 1909 г. и во время балканских войн. Фон Ягов заверил собеседника, что Австро-Венгрия может рассчитывать «на полную поддержку Германии во всех вопросах, касающихся Сербии и Албании». ⁶⁷

Документально доказано, что аннексия Сербии с целью нанесения смертельного удара поднимавшемуся национально-освободительному движению южных славян и чехов была одобрена в Берлине вскоре после Бухарестского мира. Заявление Вильгельма II Берхтольду не было вспышкой чрезмерной болтливости экспансивного кайзера. Это было вполне обдуманное и заранее подготовленное решение. То же самое Вильгельм II в течение одного месяца говорил два раза австро-венгерскому начальнику генерального штаба Конрад фон Гетцендорфу. ⁶⁸ Как раз во время наивысшего напряжения австро-сербских отношений и посланки Австрией Сербии в октябре 1913 г. ультиматума Вильгельм сказал 18 октября 1913 г. Конраду, что мера терпения переполнена. Он одобрил энергичные действия Австро-Венгрии и заверил Конрада, что он целиком на стороне Габсбургской монархии, прибавив: «Я иду с вами. Другие (державы) не готовы, они ничего против этого не предпримут. Вы должны через несколько дней находиться в Белграде». ⁶⁹

В начале ноября кайзер сказал начальнику русской кредитной канцелярии Давыдову по поводу нападок русской печати на Германию, что он «предвидит неизбежный конфликт». На вопрос Давыдова, о каком конфликте он говорит, Вильгельм ответил: «Я предвижу конфликт двух рас: романо-славянской расы против германизма». ⁷⁰ Что это было не

⁶⁵ Ibid., № 8934, SS. 513—514.

⁶⁶ Ibid., № 8946.

⁶⁷ Ibid., № 8708, S. 354.

⁶⁸ Первый разговор Вильгельма с Конрадом происходил 18 сентября 1913 г. См. Konrad von Hötzen-dorf. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Bd. III, S. 431.

⁶⁹ Ibid., S. 470.

⁷⁰ «Revue d'histoire de la guerre mondiale», Avril, 1935, p. 111.

случайно вырвавшейся мыслью словоохотливого кайзера, а являлось выражением определенной оценки положения в правительственных и военных кругах, показывает очень важный разговор, который имел место между Вильгельмом II и бельгийским королем Альбертом в присутствии генерала Мольтке в том же ноябре 1913 г. Кайзер заявил своему собеседнику, что он считает войну с Францией неизбежной, что рано или поздно придется воевать, что он верит в подавляющее превосходство германской армии и в ее безусловный успех. Генерал Мольтке высказал королю ту же уверенность в неизбежности и необходимости войны, уверенность в успехе германского оружия, «потому что,— сказал он Альберту,— на этот раз с этим нужно покончить». Возражения Альберта не переубедили, конечно, Вильгельма II и Мольтке. Эта беседа настолько поразила бельгийского короля, что он тогда же дал ей следующую оценку: «Император Германии не является больше поборником мира против воинственных тенденций некоторых партий Германии». ⁷¹

На обеде в честь короля Мольтке сказал бельгийскому военному атташе: «Не делайте себе иллюзий, война с Францией неизбежна и более близка, чем вы это думаете. Мы ее не хотим; достаточно с нас этих тревог, которые вредят нашему развитию. Абсолютно необходимо, чтобы Франция нам перестала вредить и провоцировать нас, в противном случае у нас будет объяснение. Чем скорее, тем лучше. Мы уверены в победе...». ⁷²

Итак, анализ международного положения после Бухарестского мира, внутреннего развития Австро-Венгрии и взаимоотношений между главными империалистическими государствами показывает, что период между балканскими войнами и первой империалистической войной был лишь кратковременным перемирием. Непримиимые противоречия главных империалистических государств делали ее неизбежной, а военная неподготовленность Антанты толкала германский империализм на скорейшую развязку войны.

VI

Несмотря на внешнее улучшение в 1913 и 1914 гг. англо-германских отношений, империалистические противоречия между Англией и Германией все же господствовали над противоречиями, раздиравшими другие страны.

Английские и германские капиталисты вели смертельную борьбу во всем мире, на суше и на морях за рынки сырья и сбыта, за концессии и сферы влияния в зависимых странах, за морские фрахты, за колонии, за господство на море, короче говоря — за передел мира. И до тех пор пока морское соревнование доминировало над всеми остальными противоречиями, улучшение англо-германских отношений в 1913 и 1914 гг. по ряду частных вопросов не имело решающего значения. В конце

⁷¹ D. D., t. VIII, № 517.

⁷² Genevieve Tabouis Jules Cambon par l'un des siens, Paris, 1938, p. 241.

1913 г. были закончены почти двухлетние переговоры о будущей судьбе португальских колоний в Африке. В июне 1914 г. было также достигнуто соглашение об окончании Багдадской дороги на основе передачи Англии конечного ее отрезка — Багдад — Басра. Германская дипломатия и Вильгельм II сделали и в данном случае неверный вывод. Они считали, что причиной уступчивости Англии в этих вопросах являлась боязнь Англией германского флота. «Грандиозный триумф адмирала Тирпица на весь мир,— писал Вильгельм II на полях одного дипломатического донесения.— Новое доказательство для моей теории, что только беспощадное, мужественное, бесстрашное выступление импонирует англичанам и в конце концов принуждает их к сближению... Англия идет нам навстречу не вопреки, а ради моего императорского флага». ⁷³

Германская дипломатия глубоко ошибалась, считая, что английский империализм примирился с судьбой, которую ему готовила Германия, спуская все новые и новые дредноуты на море, и что благодаря им англо-германские отношения впредь будут улучшаться. Германский посол в Константинополе Вангенгейм записал свой разговор с Вильгельмом II 22 апреля 1914 г. на острове Корфу, во время которого кайзер сказал: «Нет больше сомнения в том, что политика Тирпица в 1911—1912 гг. была правильной и что нашим теперешним отношениям с Англией, обещающим богатое будущее, мы обязаны только этой политике. Он сам (кайзер.— Ф. Н.) не мог тогда это так оценить, но сейчас он присоединяется к точке зрения Тирпица». ⁷⁴

Этот ошибочный расчет привел германские правящие круги к роковому заблуждению. Они сочли германский флот настолько могущественным, что он уже был в состоянии устроить английский империализм и заставить его остаться в стороне от подготовлявшейся схватки Германии с Францией и Россией и спокойно ждать, пока Германия начисто оберет Францию и Россию, а затем бросится на самое Англию. Оспаривая вполне обоснованную точку зрения германского посла в Лондоне Лихновского, что в случае европейской войны Англия при всех условиях будет на стороне врагов Германии, статс-секретарь по иностранным делам фон Ягов писал 26 февраля 1914 г.: «Мы не напрасно строили наш флот и, по моему убеждению, когда настанет время, в Англии очень серьезно подумают о том, что не так просто и безопасно разбивать ангела-хранителя Франции против нас». ⁷⁵

Точка зрения руководящих кругов Германии, как свидетельствуют документы, целиком и полностью совпадала с публично высказывавшимися «теориями» Рорбаха, Бернгарди и других пангерманцев и покрывали друг друга. Кому принадлежит пальма первенства, кто кому внушал эти «теории», кто вел и кто был ведомым в этом важном вопросе, или же это было просто разделение труда между официальными и

⁷³ G. P., Bd. 39, № 15577, S. 51. Randbemerkungen des Kaisers Wilhelm II.

⁷⁴ A. Tirpitz. Lebenserinnerungen, Berlin, 1919, S. 195.

⁷⁵ G. P., Bd. 37, № 14697.

«независимыми» общественными инстанциями — это должна установить историческая наука.

Уверенность в физической и моральной «деградации» русского народа и в английском «нейтралитете» во время ближайшей схватки и желание добиться такого «нейтралитета» определяло направление ближайшей экспансии: полное закрепление за германским империализмом Турции, расширение в Европе за счет России и Франции, а вне Европы — «пока» за счет французских и бельгийских колоний. Но всепоглощающие англо-германские противоречия не снимали, а еще больше обостряли русско-германские, австро-русские, австро-итальянские, франко-германские и иные противоречия, которые делали войну логическим продолжением той же борьбы иными средствами. Рассмотрение конкретной международной обстановки накануне первой мировой войны в конце 1913 и в первой половине 1914 г. и противоречий главных империалистических держав подтверждает это на фактах.

VII

Значительное увеличение Сербии усилило национально-освободительное движение южных славян в Габсбургской монархии. Одновременное расширение и усиление формально «союзной» Румынии, которая получила поддержку России при сопротивлении Австро-Венгрии, расшатало союзные отношения между Румынией и Тройственным союзом и создали благоприятные условия для русско-румынского сближения и для постепенного перехода Румынии в лагерь Антанты. В Румынии усилилось движение за присоединение населенной румынами венгерской Трансильвании; одновременно усилилось национально-освободительное движение венгерских румын, укрепив их тяготение к Румынии. Враждебное Венгрии объединительное национальное движение в Румынии охватило настолько широкие круги населения, что уже в конце 1913 г. превратило австро-румынский тайный союзный договор в ничего не стоящий клочок бумаги. Обеспокоенное таким оборотом дела австро-венгерское правительство отправило в конце 1913 г. к румынскому двору посланником графа Оттокара Чернина, человека, близкого наследнику престола эрцгерцогу Францу-Фердинанду, с особыми полномочиями воздействовать на руководящие круги и общественное мнение Румынии в духе возобновления политики тесного единения с Австро-Венгрией. Инструкция графа Берхтольда Чернину показывает, что этот легкомысленный отпрыск австрийской аристократии абсолютно не постигал сути кризиса в отношениях между двумя соседними странами, и нет поэтому ничего удивительного, что средства лечения, предложенные им, способны были загнать болезнь вглубь, но отнюдь не излечить ее. Австро-венгерская дипломатия считала, что ухудшение отношений между Австро-Венгрией и Румынией вызвано не австро-венгерско-румынскими, а австро-сербскими противоречиями.

Берхтольд предлагал Чернину дать понять румынским руководящим кругам, что укрепление дружественных отношений между Румынией и Сербией не совместимы с австро-румынскими союзными отношениями. Чернину поручалось указать им на невозможность изжить противоречия между Сербией и Австро-Венгрией мирными способами. «О смягчении или урегулировании со временем наших противоречий с Сербией, о чем может быть думают в Бухаресте, не может быть и речи». Берхтольд предвидел, что тесные отношения между Сербией и Румынией могут поставить Румынию в весьма деликатное положение, когда Тройственный союз или одна Австро-Венгрия столкнется с Антантой или Сербией. Желая положить конец этому двусмысленному положению, Берхтольд нашел наилучшим предложить Чернину воздействовать на румынских государственных деятелей, чтобы они согласились на опубликование тайного союзного договора, который этим путем «получит ратификацию со стороны общественного мнения». Только в этом случае, гласила инструкция, Румыния может стать стержнем австро-венгерской политики на Балканах.⁷⁶

Эта замечательная инструкция, являющаяся образцом австро-венгерского дипломатического и государственного узколюбия и показателем отсутствия малейшего понимания жизненности и прогрессивной мощи национальных движений, отрицает какое бы то ни было самостоятельное начало в австро-румынской распри и пытается свести весь сложный политический и социальный комплекс противоречий между румынским национальным освободительным движением и венгерским полufeодальным государством, с одной стороны, и между крестьянами и венгерскими помещиками — с другой, к простому отражению австро-сербской распри. Инструкция далее свидетельствует, что австро-венгерские руководящие круги уже преодолели период шатаний и неуверенности в себе и в своей германской союзнице, выражением чего являлись августовские меморандумы Тиссы и ультиматум Сербии в октябре. Твердая решимость Вены покончить с Сербией, даже если для этого пришлось бы начать борьбу с Тройственным согласием в целом, объясняется теми положительными заверениями, которые, как показано выше, австро-венгерская дипломатия получила от кайзера Вильгельма.

Уже первые встречи Чернина с румынскими государственными деятелями и королем и ознакомление с местной обстановкой убедили его в том, что причину ухудшения отношений между Румынией и Австро-Венгрией надо искать не в Сербии, а в Венгрии. Из беседы с королем на первой аудиенции, 3 декабря, Чернин вывел заключение, что об оповещении румынского народа о существовании союза между обоими государствами не может быть и речи и именно из-за угнетенного положения румын в Венгрии.⁷⁷ Анализируя взаимоотношения между Румынией

⁷⁶ Ö.-U. A., Bd. VII, № 9032.

⁷⁷ Ibid., № 9039.

и Австро-Венгрией, Чернин пришел к выводу, что на пути восстановления прежних отношений стоит реакционная национальная политика Венгрии, и утверждал, что ключ к разрешению румынской проблемы находится не в Вене и не в Бухаресте, а в Будапеште. Король Кароль откровенно заявил Чернину на второй аудиенции, что в случае войны румынская армия не будет драться рука об руку с австро-венгерской армией, так как румынское общественное мнение относится враждебно к Австро-Венгрии из-за венгерской политики по отношению к трансильванским румынам. То же подтвердил Чернину председатель совета министров Братиану.⁷⁸

Анализируя свои беседы с королем, Братиану, другими министрами и румынскими политическими деятелями в первую неделю своего пребывания в румынской столице, Чернин пришел к следующему неутешительному выводу: «Я констатирую факт, что союзный договор в настоящее время имеет такую же ценность, как чернила и бумага, на которой он написан; что в настоящее время мы не можем рассчитывать ни на какую военную помощь Румынии и что отчуждение сделает быстрые успехи, если румынско-венгерский вопрос не будет скоро и основательно разрешен. Из этого я делаю вывод, что мы стоим на распутье и должны решить, хотим ли мы идти вправо или влево. Мы должны стремиться либо вновь завоевать Румынию, или мы должны от нее отказаться».⁷⁹

Исход балканских войн нанес двуединой монархии смертельный удар тем, что он поднял национально-освободительную борьбу угнетенных народов на новую ступень, вселив в них уверенность в победе. После чешского, итальянского и южно-славянского оформилось также и румынское национальное движение. Для тех классов, которые господствовали в Австрии и Венгрии, угнетали и эксплуатировали многочисленные национальности и охраняли свои классовые привилегии, балканские войны поставили эти старые вопросы по-новому и потребовали их быстрого разрешения. Безвыходность положения состояла в том, что у Тиссы было наготове такое же разрешение румынской проблемы, какое Берхтольд продемонстрировал в инструкции Чернину для южнославянской проблемы.

Прекрасной иллюстрацией к австро-венгерско-румынским отношениям в конце 1913 г. может служить просьба Братиану, обращенная к Чернину, чтобы он ничего не говорил о союзе министру иностранных дел Порумбару, так как последний не знает о существовании договора. О ценности последнего Братиану сказал Чернину: «Скажите мне, какую ценность имеет для вас договор, который настолько противен общественному мнению румынского народа, что он не может быть выполнен?»⁸⁰

Быстро ухудшавшееся внутреннее и внешнее положение лоскутной империи очень беспокоило ее правящие круги. Выражением этого бес-

⁷⁸ Ö.-U. A., Bd. VII, №№ 9052, 9062, 9063.

⁷⁹ Ibid., № 9066.

⁸⁰ Ibid.

покойства за судьбу империи явились всевозможные проекты различных капиталистических и помещичьих группировок, направленные на предотвращение дальнейшего расшатывания монархии изнутри и на укрепление ее внешнего положения.

В записке от 15 марта 1914 г. венгерский премьер-министр граф Тисса впервые развил такой проект очень четко. «Нам нужна,— писал он,— политика дальнего прицела, которая сгладит бы противоречия, удалила бы препятствия с пути и создала бы благоприятную нам группировку в Юго-Восточной Европе». ⁸¹ Такая политика, доказывал далее Тисса, всецело отвечает интересам Германии, без помощи которой она вообще невыполнима. Жизненные интересы обоих союзников требуют укрепления Габсбургской монархии на Балканах. Пассивная политика Тройственного союза ускорит организацию Россией такой группировки держав, которая охватит Австро-Венгрию с трех сторон и свяжет ее военные силы. Убедя Германию (записка писалась главным образом для германских правящих кругов) в том, что «центр тяжести европейской политики находится, таким образом, и с германской точки зрения на Балканах», Тисса сформулировал предложенный им политический план в кратких и отточенных выражениях: «Мы должны совместно с Германией работать над созданием благоприятной нам группировки балканских государств. Первая цель такой политики должна состоять в отрыве Румынии и Греции от Сербии и в примирении этих двух государств с Болгарией на основе естественного увеличения Болгарии за счет Сербии. Это должно быть сделано в полном соответствии с такой политикой в Константинополе, которая удерживала бы турок от всяких европейских авантюр и гарантировала бы им их азиатские владения». ⁸²

Этот план преобразования Юго-Восточной Европы обсуждался во второй половине марта 1914 г. порознь между Вильгельмом и Францом-Иосифом, Тиссой и Берхтольдом в Шенбрунне и Вене. ⁸³ На мартовских совещаниях подверглись обсуждению все текущие политические вопросы, в частности, вопрос о подготавливавшемся слиянии Сербии с Черногорией, которого, заявил Франц-Иосиф, он «допустить не может». ⁸⁴ Успешное выполнение плана Тиссы было немыслимо без активного содействия и руководства со стороны Германии. На этом настаивал сам автор плана. Вильгельм II обещал помощь германской дипломатии в Бухаресте, но требовал, чтобы Венгрия сделала некоторые уступки венгерским румынам.

VIII

Помимо усиления национально-освободительного движения, балканские войны оставили много крупных неразрешенных вопросов, которые задевали империалистические интересы всех стран Тройственного союза

⁸¹ Ibid., № 9482.

⁸² Ibid.

⁸³ G. P., Bd. 39, № 15715.

⁸⁴ Ibid., № 15716.

и Антанты, а именно: распределение турецких долгов между балканскими государствами, выкуп турецких концессий на отошедших от Турции территориях, определение судьбы Эгейских островов и границ Албании (албанские дела особенно обострили противоречия между Австро-Венгрией и Италией), выработка статута армянских реформ, размежевание русской, французской, германской и английской сфер влияния в Турции и др. В начале 1914 г. австро-венгерский и итальянский империализм заявил притязания на приобретение сфер влияния в приморских областях Анатолии, уже ранее поделенных между Францией, Германией и Англией. На этой почве старые противоречия между всеми перечисленными странами еще более обострились и стали нарастать с еще более угрожающей быстротой.

Германо-французское соглашение от 4 ноября 1911 г. по марокканским делам не удовлетворило ни французских, ни германских империалистических кругов. Выражением недовольства этим соглашением по обеим сторонам Рейна явилась отставка министерства Кайо, проявлявшего склонность к примирению с Германией, и приход к власти Пуанкаре — во Франции, увеличение военного и морского бюджета и деятельности всяких колониальных и морских обществ и лиг, пропагандировавших идею захватов новых колоний, — в Германии.

Колониальные приобретения в Африке по соглашению 1911 г. за счет Франции только разожгли аппетиты пангерманцев, имевших сильных покровителей в правящих кругах в лице адмирала Тирпица и кронпринца.

Наращение и углубление империалистических противоречий между Германией и Англией на почве торгового, экономического, финансового, колониального и морского соперничества шло своим чередом. Этого не могли уничтожить происходившие между Лондоном и Берлином переговоры по урегулированию старого колониального вопроса в Африке (о продаже португальских колоний, которые Португалия продавать не собиралась) и о постройке последнего участка Багдадской железной дороги. Эти переговоры, в которых некоторые историки склонны видеть крупный шаг по пути ликвидации англо-германских противоречий, были не чем иным, как оттяжкой вооруженного конфликта, его отсрочкой до окончания реализации германской морской судостроительной программы, средством для усыпления бдительности противника, выигрыша времени для приобретения большей маневренной способности при разрешении конфликтов с другими странами. Еще улаженный в начале 1914 г. конфликт с Россией по поводу германской военной миссии в Турции с Лиман фон Сандерсом во главе, который был в сущности конфликтом между Германией и всеми странами Антанты, обострил до крайности отношения между Берлином и Петербургом и вместе с тем выяснил структурную слабость Тройственного согласия, которое нуждалось в консолидации.

Политическим выражением беспрерывно ухудшавшихся в течение не-

скольких лет отношений между центральными державами и странами Антанты явилась гонка сухопутных и морских вооружений, которым положила начало Германия в марте 1911 г. проведением закона об увеличении постоянной армии и увеличении в апреле 1912 г. своей морской строительной программы, за которым последовали увеличения военно-морских программ в странах Антанты.

В марте 1911 г., еще до агадирского инцидента, германское правительство провело через рейхстаг закон об увеличении постоянной армии мирного состава до 625 000 чел. В апреле 1912 г. был проведен закон об увеличении морской судостроительной программы, а в июне 1912 г. — новые военные законы об увеличении вооруженных сил Германии, которые потребовали дополнительных ассигнований в размере 1100 млн. марок. Не довольствуясь этим, германское правительство провело 3 июля 1913 г. новый военный закон, согласно которому армия немедленно увеличивалась до 760 000 чел., а в 1914 г. — до 820 000 чел. Были организованы новые запасные формирования (*Ersatzlandwehr*) из лиц, не проходивших военной службы в войсковых частях. Этот последний закон потребовал единовременного расхода в 1 млрд. марок и 400 млн. марок в последующие два года, для покрытия которых был введен единовременный налог на крупные капиталы.

Вслед за Германией провела увеличение своих вооруженных сил и Австро-Венгрия. В 1912 г. ежегодный контингент новобранцев был увеличен с 103 000 до 150 000 чел., а в марте 1914 г. — до 200 000 чел. В ответ на усиление германской армии французское правительство провело через палаты в июле — августе 1913 г. закон о трехлетней службе, так как из-за недостатка контингентов Франция не могла увеличить ежегодное количество призываемых в ряды армии. Согласно этому закону, французская армия мирного состава должна была достигнуть после досрочного призыва 20-летних новобранцев 750 000 чел. Царское правительство России в свою очередь также провело в начале 1914 г. закон о значительном увеличении армии мирного состава.

Следует обратить внимание на следующий чрезвычайно важный факт. В то время как увеличение расходов на вооружение проходило во всех странах с большими затруднениями, Германия представляла в этом отношении исключение. В Англии против увеличения военно-морского бюджета выступали сильные оппозиционные группы, в печати и в парламенте велась пропаганда против «непроизводительных расходов», в которой принимала участие и либеральная буржуазия. Ничего подобного не происходило в Германии; лишь одни социал-демократы выступали против чрезмерных вооружений. Французские капиталисты постоянно отказывались приносить жертвы на покрытие чрезвычайных военных расходов. Ничего подобного не происходило в Германии. Чрезвычайный единовременный налог на имущих 1913 г. предусматривал сбор в 1 млрд. марок, но фактически он дал правительству 1.5 млрд. марок. Германская буржуазия считала военные затраты «производительными»

расходами» и выгодным помещением капитала. Германские руководящие круги поэтому никогда не испытывали финансовых затруднений в проведении новых военных программ, и Германия могла постоянно подерживать свое неоспоримое военное превосходство над другими государствами. Французский военный атташе в Германии, подполковник Серре, писал 20 апреля 1914 г. военному министру Нулансу, что во Франции глубоко ошибаются, когда думают, что увеличивающиеся из года в год вооружения в Германии вызваны временными беспокойными внешними обстоятельствами, и коль скоро они минуют, то кончится и военная лихорадка. Оспаривая это заблуждение, Серре писал: «Это положение длительное. Оно впоследствии еще усугубится». ⁸⁵ Причину этого явления Серре находил в особом взгляде германских имущих классов на прибыльность и убыточность затрат на вооружение. «Военные расходы,— писал он,— которые называют у нас пренебрежительно «непроизводительные расходы», почитаются здесь скорее как страховая премия, как действительная гарантия процветания для постоянно развивающихся промышленных и торговых предприятий. Благодаря этой премии богатство увеличивается и позволяет постоянно увеличивать гарантию, армию». ⁸⁶

Настаивая на взаимосвязи между быстрым экономическим ростом Германии и ее вооружениями, Серре продолжал: «Надо, чтобы все французы твердо усвоили себе следующее: чем больше будут расти богатство и немецкие претензии, тем больше будут увеличиваться гарантии и их поддержка военной силой. Это абсолютная достоверность, длительная, которую внешние обстоятельства не изменят». ⁸⁷

Неразрывная взаимная связь между быстрым ростом национального богатства Германии и ростом вооружений, по темпам обгонявшим рост наиболее развитых в промышленном отношении стран Европы, достаточно наглядно объясняет, почему Германия обгоняла другие страны и в отношении политической и идеологической подготовки к войне.

IX

Ликвидация конфликта по поводу Лиман фон Сандерса не улучшила отношений между Россией и Германией, так как, помимо обострения русско-германских отношений на почве австро-венгерских, балканских и особенно турецких дел, между обеими странами назревало крупное экономическое столкновение на почве торговых противоречий.

В 1917 г. истекал срок действия русско-германского торгового договора, заключенного в тяжелый для царской России 1904 г. Этим договором не были довольны русские промышленные круги, которые требо-

⁸⁵ D. D., t. X, № 131, p. 213. Подчеркнуто в оригинале.

⁸⁶ Ibid., p. 215.

⁸⁷ Ibid.

вали ограничения рынка для германских товаров. Им были недовольны и помещики, так как договор допускал взимание высоких пошлин на вывозимый в Германию хлеб и продукты животноводства. Но зато договор удовлетворял промышленные и юнкерские круги Германии, которые требовали продления срока договора без изменений. Германская же и русская печать очень оживленно обсуждала перспективы пересмотра русско-германского торгового договора, причем газетной кампанией придавали большое значение в Берлине и Петербурге.

Во время переговоров по делу Лиман фон Сандерса в ноябре 1913 г. Вильгельм II говорил директору кредитной канцелярии Давыдову о русско-германских отношениях в связи с делом Лиман фон Сандерса и постройкой стратегических дорог: «Оставим этот вопрос. Другой вопрос меня беспокоит не меньше, чем постройка ваших железных дорог. Разве у вас действительно не понимают, куда ведет кампания ваших газет, идущих по следам французской и английской печати? Их нападки на Германию и на меня лично не предвещают ничего хорошего... Выходки вашей прессы, так же как французской прессы и особенно «Matin» Бюно-Варилля, становятся все более и более невыносимыми: они готовят катастрофу, которую я не буду в состоянии предотвратить».⁸⁸

С начала 1914 г. противоречия интересов русских и германских промышленников и помещиков, русского и германского финансового капитала нашли официальное выражение в германском рейхстаге и Государственной Думе и в ряде законодательных мер по ограждению интересов русских помещиков от конкуренции остальбских юнкеров на прибалтийском хлебном рынке и в еще более ожесточенной газетной кампании, к которой были причастны официальные круги обеих стран.

В начале января 1914 г. во время дебатов в германском рейхстаге о торговой политике имперский министр внутренних дел Дельбрюк выступил с заявлением о намерении Германии не идти ни на какие уступки во время переговоров о пересмотре торгового договора. Дельбрюк заявил, что Германия не собирается изменять своего таможенного законодательства, на котором покоятся все ее торговые договоры с иностранными государствами. Германское правительство, сказал он, намерено продлить эти договоры после истечения их срока без всяких изменений; но если бы другие страны предложили изменить тарифы, затрагивающие интересы германского вывоза, «то союзное правительство не замедлит принять надлежащие меры для того, чтобы защитить экономические интересы Германии, отразить посягательства на современное торгово-политическое положение и добиться тех улучшений действующего тарифа, которые будут признаны необходимыми».⁸⁹ Это означало, что Германия решила навязать России невыгодный торговый договор. Если принять во внимание крупные обороты торговли того

⁸⁸ W. Kockovzoff. La mission Liman von Sanders — «Revue d'histoire de la guerre mondiale», Avril 1935, p. 110—111.

⁸⁹ Verhandlungen des Reichstages. Stenographische Berichte, 1914, Bd. 305.

времени с Германией, то это означало, что германский империализм рассматривал Россию как полузависимую страну.

Заинтересованные русские круги немедленно дали ответ на заявление Дельбрюка. Представитель кадетской партии Шингарев 25 января 1914 г., на закрытом заседании бюджетной комиссии, потребовал от правительства, чтобы оно заранее тщательно подготовилось и «приняло меры к тому, чтобы не дать возможности Германии создать внешние осложнения и, как в 1904 г., продиктовать условия русско-германского торгового договора».

Наиболее выукло отразили интересы промышленной буржуазии и помещиков и их отношение к этому важному вопросу две русские газеты разных направлений. «Русское слово», например, рассмотрев подробно вопрос о пересмотре и заключении нового торгового договора с Германией, писало 1 февраля: «Мы должны быть готовы ко всяким случайностям. 1917 год не за горами. Десять лет назад немцы искусно воспользовались войной с внешним врагом, когда нам было не до таможенных счетов с Германией». Черносотенные «Московские ведомости» по этому же вопросу писали 7 марта 1914 г.: «Россия достаточно уже испытала немецкую доброту и знает по опыту, какое можно придавать ей значение. В настоящее время Россия ничем не связана, имеет полную свободу действий и это даст ей возможность освободить хозяйственную деятельность от немецкого влияния. Достаточно мы поработали на Германию; пора позаботиться и о собственных национальных интересах».

О позиции германских правящих кругов дают представление наиболее характерные выступления в германской печати. Консервативная «Die deutsche Tageszeitung» писала в статье «Русская неблагодарность»: «Мы надеемся, что с германской стороны не будут употреблены дружелюбие и уступчивость в качестве средства устранения русского недовольства». Газета призывала правительство к твердости и неуступчивости по отношению к России в политических и экономических вопросах, так как «всякая другая тактика была бы ошибочной».⁹⁰

Одновременно с полемикой по экономическим вопросам во всей германской и австрийской печати поднялась ожесточенная кампания против пока еще лишь плана вооружений России. В начале марта в полуофициозной «Кельнской газете» появилась корреспонденция из Петербурга под заголовком «Россия и Германия», которая прямо призывала к превентивной войне против России. Эта статья произвела колоссальное впечатление в Германии и России и за их пределами. Она провела резкую черту между прошлыми и будущими взаимоотношениями обеих стран. На основе всестороннего анализа политических и экономических противоречий обеих стран автор статьи пришел к выводу, что столкновение русских и германских интересов в Константинополе приведет к вооруженному столкновению между этими двумя держава-

⁹⁰ «Die deutsche Tageszeitung», 10 Febr. 1914.

ми. Автор статьи (в то время утверждали, что она была написана в германском посольстве в Петербурге) требовал превентивной войны по следующим соображениям: «1. В настоящее время Россия еще не в состоянии поддержать свои угрозы вооруженной силой». 2. «Таким образом, непосредственной опасности Россия не представляет... Совершенно другую оценку придется дать русским вооружениям через три или четыре года». 3. «Россия вооружается против Германии».⁹¹ Смысл всей статьи сводился к тому, что для Германии выгоднее начать войну против России в 1914 г., так как через три года, когда будет закончена реорганизация русской армии, соотношение сил изменится к невыгоде Германии.

Статья «Кельнской газеты» послужила сигналом к подобным же статьям и в других газетах, но наиболее характерной явилась статья анонимного автора под заголовком «Русский сосед» в «*Berliner Tageblatt*», полученная редакцией из «особого источника». Основное содержание и этой статьи состояло в рекомендации правительству объявить предупредительную войну России, пока она не закончила реорганизации своих военных и морских сил.

27 февраля (ст. ст.) «Биржевые ведомости» выступили с анонимной статьей «Россия хочет мира, но готова к войне». Главные положения этой самоуспокаивающей и бахвальной статьи сводились к следующему: «Для России прошли времена угроз извне. России не страшны никакие окрики. Русское общественное мнение, с благоразумным спокойствием отнесшееся к поднятому за последние дни за границей воинственному шуму, было право: у нас нет причин волноваться... Россия готова». Автором статьи был военный министр генерал Сухомлинов.

Интересно отметить, что русская печать всех оттенков считала эту необычную газетную кампанию тесно связанной с предстоящими переговорами по заключению нового торгового договора и стремлением Германии угрозами заставить Россию продлить старый договор на новое десятилетие. Что германский империализм к этому стремился, мы находим подтверждение и в официальных документах⁹². Это подтверждается также различными проектами, которые потоком, во время войны, разрабатывались германскими промышленниками и финансистами на случай победы над Россией. Это подтверждается, наконец, и тем, что в Брест-литовском договоре германский империализм навязал молодой Советской республике, которая тогда еще не в силах была вступить в открытую борьбу с кайзеровскими армиями, старый торговый договор в еще более ухудшенном издании.

В то самое время, когда бушевал газетный ураган, октябристско-помещичья Государственная Дума охраняла классовые интересы

⁹¹ «*Kölnische Zeitung*», 2 März 1914.

⁹² «Международные отношения в эпоху империализма», серия 3-я, т II, № 191 (в дальнейшем цит. «М. О.»).

русских землевладельцев. В марте 1914 г. были установлены ввозные пошлины на германскую рожь, горох и бобы в размере 30 коп. с пуда (они ввозились главным образом в Прибалтийские губернии). Русский помещик заставил правительство взять у прусского юнкера в виде пошлины ту сумму, которую тот получал от германского правительства в виде вывозной премии за каждый центнер зерна, проданного в Прибалтийском крае. Этими мерами русский помещик изгонял из балтийских рынков прусскую рожь. Чтобы изгнать прусскую муку и зерно также и из Финляндии, русский помещик открыл поход против финляндской конституции, требуя унификации таможенных тарифов. Эти мероприятия привели прусского юнкера в бешенство, которое передавалось непосредственно и правительству.

Борьба за русский рынок сбыта промышленных изделий и за германский рынок сбыта сельскохозяйственных продуктов составляла только часть общего баланса русско-германских противоречий. «Русское слово» в разгар газетной распри весьма резонно указывало на глубокие заблуждения части германской прессы, склонной видеть причины обострившихся отношений между обеими странами в нарастании новой волны патриотизма и милитаризма в России. «Причина русского недовольства,— писала газета,— лежит гораздо глубже. Во всех важных международных вопросах как на Ближнем, так и на Среднем Востоке Германия пытается препятствовать России в осуществлении своих жизненных задач. Отношения России и Германии могут коренным образом улучшиться лишь в том случае, если Германия ограничится в своей политике на Ближнем и Среднем Востоке только защитой своих экономических интересов и откажется от притязаний на полное подчинение Турции приказам, исходящим из Берлина»⁹³.

Русско-германские противоречия, достигшие в 1914 г. такой остроты, охватывали обширный круг политических и экономических империалистических интересов. Дело шло о коренных и больших вопросах: о «турецком наследстве», о проникновении германского капитала в русскую сферу влияния в Персии, о судьбе турецкой Армении, Константинополе и проливах и т. д. Длительные русско-турецкие переговоры о так называемых административных реформах в турецкой Армении убедили Россию и весь остальной мир в том, что настоящим хозяином на берегах Босфора являлась Германия. По всем вопросам армянских реформ русская дипломатия должна была договариваться с германскими дипломатами в Берлине и Константинополе. Турецкое правительство лишь оформляло и скрепляло своей подписью согласованные русским и германским послами статьи договора. В этом убеждает изучение документов в советских архивах и все до сих пор опубликованные буржуазными правительствами документы.⁹⁴

⁹³ «Русское Слово», 24 апреля 1914 г.

⁹⁴ G. P., Bd. 38, №№ 15282—15434, SS. 1—191; D. D., t. VII—X; British Documents, vol. X, pp. 424—549.

Наиболее остро сталкивались русско-германские империалистические интересы на Ближнем Востоке — на берегах Босфора. «Нам нужно,— сказал Николай II 29 января 1914 г. Делькасс,— свободное море, нам нужно иметь по крайней мере открытое море на юге... Мы вовсе не добиваемся обладания Константинополем, но надо иметь гарантию, что проливы не будут для нас закрыты». По поводу все возраставших германских притязаний царь заметил: «Мы не дадим себе наступать на ноги и на сей раз это будет не так, как это было во время войны на Дальнем Востоке»⁹⁵.

И русско-австрийские отношения конца 1913 — начала 1914 г. на почве балканских и угро-русских дел достигли большого напряжения и давали обильную пищу постоянной газетной войне, которая в свою очередь довольно точно отражала настроения и чаяния влиятельных кругов в обеих империях. В январе 1914 г. «Новое время» напечатала интервью с одним высокопоставленным сановником, который развивал план раздела Австро-Венгрии между Россией и Германией. Хотя было известно, что под «сановником» скрывался опальный Витте, выходка «Нового времени» вызвала сильное возбуждение в австрийских правящих кругах, которое не улеглось и после отповеди, данной «Новому времени» правительственной «Россией». Об этом свидетельствует передовая статья в близкой к Францу-Фердинанду «Danzer's Armee Zeitung» от 26 марта 1914 г. под заголовком «Раздел Австро-Венгрии или России?», в которой было выставлено требование, чтобы Австро-Венгрия объединила все малые народности Центральной Европы в одно мощное государственное целое и проводила такую «внутреннюю и внешнюю политику, которая служила бы могучей притягательной силой для румын, русинов (украинцев) и мелких балканских государств». «Тогда,— заканчивала газета,— никому не придет больше в голову фантазировать о разделе Австро-Венгрии, зато вероятным станет раздел России».

X

Русско-германские и русско-австрийские противоречия 1914 г. играли очень крупную роль в развязывании мировой войны. Однако не они определяли международную обстановку. Ее в первую очередь определяли англо-германские, а затем и франко-германские противоречия, которые нашли свое полное выражение в борьбе финансового капитала Англии, Франции и Германии за «мирное» завоевание Ближнего Востока. Пользуясь экономическим истощением Греции, Турции, Болгарии и Сербии, банковский капитал решил «спасти» эти страны от финансовой катастрофы, но навязал им такие кабальные финансовые и политические условия, что истинным победителем в балканских войнах оказался международный финансовый капитал, поскольку парижские,

⁹⁵ D. D., t. IX, № 189.

берлинские и венские банки были переплетены тысячью нитей и деловыми связями с лондонскими, петербургскими и другими банками.

Ожесточенная борьба между французскими и германскими банками за болгарский заем явилась отражением тех острых противоречий, которые разделяли Тройственный союз и Антанту. Эти же противоречия отражали экономические и железнодорожные соглашения России, Англии, Франции и Германии с Турцией в 1914 г. Эти соглашения должны были вступить в силу лишь после того, как каждое из империалистических правительств даст свое согласие на предоставление его противнику экономических и политических выгод.

Под видом «помощи» Турции империалисты делили ее на части. Образцом такого раздела являются условия франко-турецкого соглашения, ратифицированного султаном 24 апреля 1914 г. За предоставление Турции займа в 800 млн. франков французский финансовый капитал выговорил себе, помимо ростовщических процентов: 1) концессии на проведение железных дорог в Анатолии, Сирии и Армении, протяжением в 2400 км; 2) концессии на постройку портов в Хайфе, Триполи, Геракле, Инеболи и 3) концессии на разработку минеральных богатств в областях проведения железных дорог. Для обеспечения аккуратного погашения займа были созданы новые турецкие монополии на алкоголь, спички, карты, патенты, акциз на колониальные товары и т. д., доходами с которых распоряжались французские капиталисты⁹⁶. Концессии получили также Англия, Германия и Россия за то, что они соизволили «согласиться» на повышение турецкого таможенного тарифа на 40%, которые шли на погашение полученного у Франции займа. Колоссальные прибыли сулили финансовому капиталу эти концессии и связанное с ними увеличение вывоза всех видов строительных материалов. «Но факты,—писал Владимир Ильич, имея в виду как раз связь займов с закабалением стран-должников и увеличением вывоза товаров,—говорят ясно: повышение вывоза *как раз* связано с мошенническими проделками финансового капитала, который не заботится о буржуазной морали и дерет две шкуры с вола: во-первых, прибыль с займа, во-вторых, прибыль с *того же* займа, когда он идет на покупку изделий Круппа или железно-дорожных материалов стального синдиката и пр.»⁹⁷

Балканские войны до такой степени обнажили все империалистические противоречия и, в частности, русско-германский и русско-австрийский антагонизм, что любое урегулирование того или иного спорного вопроса являлось лишь оттяжкой общей военной развязки, к которой все противники лихорадочно готовились. Общая политическая обстановка осложнялась еще тем, что сильное ослабление Турции, по мнению царского правительства, должно было поставить в ближайшие годы вопрос о разделе ее владений. Различные империалистические

⁹⁶ Questions diplomatiques et coloniales, 1914, p. 557.

⁹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. XIX, стр. 165.

государства уже облюбовали для себя отдельные области. Между тем сама Россия не была готова к войне с Турцией из-за слабости черноморского флота, недостаточной сети южных железных дорог и отсутствия военных морских транспортов. Все это вместе взятое исключало возможность стать твердой ногой в подходящий момент у Константинополя и проливов. Боязнь, что раздел Турции может произойти в невыгодный для целей России момент, подсказывал «миролюбие» и заставлял царских министров изыскивать пути для оттягивания этого момента.

Одним из важнейших средств для отсрочки раздела Турции, который считался неизбежным, царское правительство рассматривало консолидацию Антанты, т. е. превращение ее в регулярно действующий, с одинаковыми для всех участников обязательствами, союз. Такой союз, по мнению Сазонова и Николая II, мог бы быстро откликаться на все возникающие международные осложнения и своевременно давать отпор притязаниям Тройственного союза, т. е. Германии. Эти мысли с исчерпывающей полнотой изложены в записке Сазонова от 23 ноября (6 декабря) 1913 г.

В этой записке Сазонов следующим образом определил руководящие начала российской политики на ближайшее время: «В наши непосредственные интересы не входит преследование каких-либо земельных приращений. Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первое место».

Желая заблаговременно подготовиться к «постановке исторического вопроса о проливах», Сазонов на основе анализа международного положения пришел к выводу, что надолго не удастся отсрочить военный кризис, и наметил следующие основные начала политики России на тот случай, если разразится война из-за дележа Турции. «Повторяя высказанное вначале пожелание о возможно более длительном поддержании статус-кво, приходится также снова повторить, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений. Последние, если можно судить по нынешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией и возможным, но далеко не обеспеченном союзе с Англией, или же доброжелательном нейтралитете этой последней. На Балканах мы, в случае общеевропейских осложнений, могли бы рассчитывать на Сербию, а может быть, и на Румынию. Отсюда выясняется задача нашей дипломатии — создавать условия для возможно большего сближения с Румынией. Работа в этом направлении должна быть столь же постоянной, сколь и осторожной и чуждой излишних увлечений. Положение Румынии на Балканах во многом схоже с положением Италии в Европе. Обе державы страдают мегаломанией и, не имея достаточно силы, чтобы осуществлять открыто свои задачи, должны пробавляться политическим оппортунизмом, высматривая, где в данную минуту сила, чтобы быть на ее стороне».

В заблаговременном учете сил было бы столь же опасно заранее полагаться на такие колеблющиеся факторы, как было бы неблагоприятно вообще не считаться с ними». ⁹⁸

Намеченная в этой записке политическая линия была предметом обсуждения на специальном совещании высших царских сановников 23 декабря 1913 г. Несмотря на много воинственных речей, произносившихся на этом совещании, все его участники присоединились к мнению Коковцова, которое состояло в следующем. «Война в настоящее время является величайшим бедствием для России, почему и нежелательно ее вовлечение в европейское столкновение».

Во время конфликта по делу Лиман фон Сандерса была продемонстрирована непрочность формальных связей, объединявших страны Антанты. Из трех стран Антанты только Россия и Франция были связаны договором и военной и морской конвенциями. Англо-французские отношения покоились на соглашениях и военной и морской конвенциях. Был еще обмен писем между Камбоном и Греем от 22—23 ноября 1912 г., но все это не могло заменить союза. ⁹⁹ Англо-русские отношения покоились на еще менее устойчивых формальных обязательствах. Царское правительство стало прилагать все усилия к тому, чтобы добиться от Англии хотя бы согласия на заключение военно-морской конвенции и вообще консолидировать Антанту, сделать из нее устойчивый и боевой дипломатический и военный инструмент, каковым она не была, по мнению Сазонова, в начале 1914 г. «Пока,— писал он с горечью о Тройственном союзе и Антанте,— державы противоположной группы действуют, мы только совещаемся, а наше и без того слабое объединение еще более теряет силы» ¹⁰⁰. Структуру обеих империалистических группировок ярко определил царский посол в Лондоне Бенкендорф: «В то время как Тройственное согласие состоит из трех равноправных держав, Тройственный союз состоит из хозяина и двух подручных, которым хозяин, смотря по обстоятельствам, то предоставляет свободу действий, то удерживает до тех пор, пока он сам не прикажет» ¹⁰¹. Если исключить Италию, то обе характеристики в основном верны; их полностью подтвердила практика в 1914—1918 гг. Отсутствие достаточного оперативного единства у Антанты затянуло войну на лишние полтора-два года.

Сазонов прекрасно понимал, что без поддержки Англии придется молча снести еще не одно унижение от Германии. Облекая в пацифистскую оболочку свои истинные мысли и намерения, Сазонов писал Бенкендорфу: «Ведь надо же признаться, что всеобщий мир будет обеспечен только тогда, когда Тройственное согласие, реальность которого столь же мало доказана, как и существование морского змия, превра-

⁹⁸ «Вестник НКВД», 1919, № 1.

⁹⁹ D. D., t. IX, № 534.

¹⁰⁰ М. О., сер. 3, т. I, № 241, стр. 306.

¹⁰¹ Там же, № 328, стр. 437.

тится в оборонительный союз без всяких секретных пунктов и обнародованный во всех газетах мира. В этот день опасность германской гегемонии будет окончательно устранена, и каждый из нас сможет спокойно заняться своими делами: англичане — поисками разрешения поглощающих их социальных проблем, французы — обогащением, свободные от опасности какой-либо внешней угрозы, мы — сплочением наших сил и работой над нашей экономической реорганизацией».

Письма Сазонова показывают, с каким упорством, целеустремленностью и напором русская дипломатия добивалась «в интересах всеобщего мира» превращения Антанты в «оборонительный союз». «Соглашение, которое мы заключим с Англией, — сказал Сазонов 16 мая 1914 г. французскому послу Палеологу, — обеспечит равновесие и мир. Спокойствие Европы не будет зависеть от каприза Германии»¹⁰².

Вопреки опасениям Сазонова, Лондон вовсе не приходилось долго уламывать. Почва для такого соглашения уже давно созрела. Англо-германский флирт, переговоры по экономическим, железнодорожным и колониальным вопросам не меняли существа отношений между этими странами. Чтобы добиться согласия Англии на заключение морской конвенции, царское правительство решило пойти ей на некоторые уступки в Персии. Как ни остры были англо-русские противоречия в 1914 г. в Персии, их все-таки нельзя рассматривать изолированно от общего международного положения и приписывать им, как это делал Покровский, самодовлеющее значение, какого они в действительности не имели.

Так именно оценивало положение и английское правительство. На вопрос французского министра иностранных дел Думерга: «Не превратятся ли вследствие отсутствия союза затруднения, которые могут возникнуть в Персии и Азии, в прямую опасность?» — Эдуард Грей ответил, что «эти затруднения при добром желании обеих сторон, дружески расположенных друг к другу, могут быть всегда улажены, но что общественное мнение Англии настроено против союза»¹⁰³. Бенкендорф тотчас расшифровал мысли Грея: «Это значит: предвидеть войну — да, вступить в союз — нет»¹⁰⁴.

Бенкендорф был прав. В течение нескольких дней английское правительство дало свое согласие на заключение военно-морской конвенции, которая, если бы она даже была подписана, еще не означала союза, но была бы чем-то большим: она предвидела войну. Этот факт приобретает тем большее значение, что как раз в этот момент англо-германские переговоры по экономическим и железнодорожным вопросам продвинулись весьма далеко вперед.

Англия сткликнулась на призыв России потому, что она знала лучше Сазонова, что в случае столкновения Германии, России и Франции

¹⁰² Там же, т. III, № 13, стр. 16.

¹⁰³ Там же, т. II, № 363, стр. 471.

¹⁰⁴ Там же.

она не останется в стороне. Англо-персидские противоречия были слишком ничтожны по сравнению с англо-германскими, чтобы они смогли сыграть важную роль. Грей вполне разделял мнение Сазонова, что в случае европейской войны, «пожелает ли этого Англия или нет, она должна будет выступить, и это может случиться в такой момент, когда она не будет иметь к тому никакого желания, и который не окажется для нее благоприятным. Чувствовать себя сильнейшим и ступать перед противником, превосходство которого заключается только в его организованности и дисциплине, это не только унижительно, но и опасно вследствие деморализации, которая происходит отсюда»¹⁰⁵.

Таков язык фактов и документов. Полное неумение разобраться в международной обстановке 1914 г. и полная беззаботность к марксистско-ленинской методологии привели М. Н. Покровского к антиленинскому и антиисторическому выводу, что документы из советских архивов могут якобы поставить перед историком вопрос: «Отчего в 1914 г. война вспыхнула не между Россией и Англией, а между Россией и Германией?»¹⁰⁶

Несмотря на устранение всех препятствий, военно-морская конвенция так и не была заключена. Причина состояла в том, что германское правительство было прекрасно информировано о ходе переговоров в Лондоне по заключению конвенции: секретарь царского посольства в Лондоне фон Зиберт аккуратнейшим образом, с немецкой пунктуальностью передавал копии всей переписки германскому посольству. Когда дело зашло слишком далеко, в «*Berliner Tageblatt*» появилась заметка о лондонских переговорах, которая поставила Грея в крайне затруднительное положение. Как выразился Бенкендорф о Грее, «действительно, ему не легко отрицать и вести переговоры в одно и то же время».¹⁰⁷ Переговоры были временно прерваны. Это, однако, не могло ни задержать общий ход исторического развития, ни приостановить империалистическое соревнование главных участников подготовлявшейся схватки за передел мира.

XI

Выше было указано, что уже с осени 1913 г. в руководящих кругах Германии не скрывали того, что война с Францией неизбежна и что эти круги желали войны. В тех же кругах говорили о «мирном переделе колоний и освобождении некоторых стран от непосильных для них колониальных тягестей», выдвигали «теории» о несовместимости существования маленьких независимых государств с великими державами и т. п. Это были повторения тех мыслей и взглядов, которые пропове-

¹⁰⁵ М. О., сер. 3, т. I, № 289, стр. 362.

¹⁰⁶ М. Н. Покровский. Русские документы империалистической войны. «Империалистическая война», сб. статей 1915—1930, 2-е изд., стр. 333.

¹⁰⁷ М. О., сер. III, т. IV, № 16, стр. 37.

дывала пангерманская публицистика. Германский империализм не хотел примириться с положением, что Англия и Франция захватили лучшие колонии в мире. Среди прочего он требовал себе Турции, на которую предъявляли претензии те же Англия, Франция и Россия.

27 января 1914 г. имела место знаменательная беседа Бетман-Гольвега с Жюлем Камбоном, во время которой имперский канцлер сказал французскому послу, что Франция в течение последних 40 лет «обеспечила себе необъятную империю во всем мире. Она — всюду. Бездейственная Германия не следовала этому примеру, а сейчас она хочет получить свое место под солнцем». ¹⁰⁸ Германии необходимо «расширяться» далеко за свои пределы, сказал канцлер, а между тем ее колонии не представляют большой ценности. Германия в течение многих десятилетий готовит себе в Малой Азии «местечко» под солнцем, но она и там натывается на противодействие своих противников: «Где же нам искать места для нашей деятельности?» Германия была готова пока «удовлетвориться» Турцией, но она требовала, чтобы все прочие державы ушли с ее пути. Если этого не произойдет, то неизбежно столкновение «не только в Малой Азии, где вы можете натолкнуться на нашу конкуренцию, вы себя подвергаете опасности всюду наталкиваться на нас». Бетман-Гольвег советовал французам отдать себе отчет в этом, считаться с фактами, уйти с дороги, в противном случае, угрожающе закончил канцлер, «это будет опасно». ¹⁰⁹

В том же январе 1914 г. Тирпиц говорил на эту же тему с женой французского морского атташе с явным намерением, чтобы разговор был передан Камбону. Тирпиц заявил, что Англия и Франция стоят всюду на пути германской экспансии. В интересах Франции, говорил адмирал, сблизиться с Германией, чем она обеспечит себе спокойствие, и отойти от Англии, которая «в критический момент оставит ее на произвол судьбы». Тирпиц внушал своей собеседнице, что во Франции «не имеют никакого представления о нашей военной мощи. Запомните, что никогда, ни в какую эпоху нашей истории наша армия не была так готова, как в настоящее время». ¹¹⁰

И генерал фон Мольтке также считал, но по совершенно другим причинам, что Франции нечего надеяться на Англию. В упомянутом выше разговоре с бельгийским военным атташе фон Мольтке заявил, что в случае войны с Францией Англия не внушает Германии никакого беспокойства. Во-первых, Германия строила свой флот не для того, чтобы он во время войны избегал нападения на английский флот. Если даже германский флот будет разбит, это будет означать, что «мы потеряли наши суда, а Англия — она потеряет господство на море, которое перейдет к Америке... Вот почему Англия миролюбива». ¹¹¹

¹⁰⁸ D. D., t IX, № 177.

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ Ibid., № 111.

¹¹¹ Geneviève Tabouis Op. cit., p. 241.

Смысл заявлений и советов Бетмана-Гольвега, фон Тирпица и фон Мольтке сводился к тому, чтобы Франция ушла добровольно с дороги, подчинилась и отдала свою участь в руки Германии. Если же она этого не сделает, то ей грозит смертельная опасность.

Считая, повидимому, что французский империализм достаточно учел факты после внушений канцлера Камбону и что он уже созрел для того, чтобы сделаться послушным орудием в руках Германии, фон Ягов в первой половине апреля 1914 г. пригласил Камбона на интимный обед и зачил ему о желании германского правительства заключить соглашение с Францией по вопросам эксплуатации Центральной Африки, в которой приняла бы также участие и Англия. На вопрос Камбона, в чем должна заключаться суть предполагаемой совместной разработки этой части Африки, фон Ягов внимательно на него посмотрел и сказал ему: «Я буду с вами говорить откровенно, но не как министр иностранных дел. Я убежден, что необходимо, даже в интересах поддержания мира, предоставить Германии возможность расширения, к которому ее побуждает рост ее населения. Это именно и является причиной всех волнений в этой стране и ее властолюбия. Интересы мира требуют, чтобы искали это расширение на единственном континенте, который еще остается открытым для колонизации. С другой стороны, все указывает на то, что только великие народы способны выдержать международную конкуренцию и что в будущем маленькие народы должны или исчезнуть или сделаться их сателлитами. Было бы, следовательно, справедливо, чтобы великие державы, которые имеют интересы в Африке,—Германия, Франция и Англия,—договорились между собой о программе их собственной деятельности, чтобы не препятствовать друг другу на почве, где не существует у нас старых споров». Фон Ягов высказал мысль, что «маленькие государства не должны больше вести независимое существование, которым они пользуются до сих пор».

На замечание Камбона, что Бельгия прекрасно справляется со своей задачей в Конго, фон Ягов возразил: «Образумьтесь, она не устоит от изнеможения, даже в финансовом отношении, и как раз это должны учесть проницательные умы». «Не думаете ли вы,—спросил фон Ягов,— что король Леопольд возложил слишком большую тяжесть на Бельгию?»

Камбон сказал, что трем великим державам было бы трудно обсуждать такие вопросы без участия Бельгии. Он считал, что удобнее всего было бы, чтобы по инициативе Бельгии началось предполагаемое Германией обсуждение африканских дел, иначе она всюду возбудит недоверие и подозрения. «Это было бы очень трудно сделать,—отвечал фон Ягов,— так как Бельгия должна расплачиваться, но час еще не настал. Это вопрос времени. Все это в настоящее время только

слова. Я вам ничего не говорил, и у меня нет по этому вопросу определенной идеи». ¹¹²

Такие же мысли неоднократно развивал перед членами французского посольства статс-секретарь по делам колоний Зольф. 28 февраля 1914 г., например, он заявил французскому поверенному в делах Манневиллю: Африка заключает в себе такие богатства и такое широкое поле для работы, что всякие споры между европейскими народами должны замолкнуть у порога этого чудесного континента. Он должен быть землей мира для белых. Большую выгоду представило бы для трех великих африканских держав, а именно для Франции, Англии и Германии, заключение соглашения о программе общей деятельности в Африке, особенно в области железнодорожного строительства». ¹¹³

В германских руководящих кругах к этому времени уже созрела «идея» создания Германией в Африке обширной колониальной империи за счет португальских и бельгийских владений. Юридической основой для сколачивания этой империи должна была послужить англо-германская сделка о «мирном» разделе португальских колоний, когда Португалия, запутавшись в сетях неоплатных долгов, вынуждена будет их продать. Как только было достигнуто в принципе соглашение между Англией и Германией о будущем разделе португальских колоний, целостность и неотъемлемость которых, кстати сказать, была гарантирована союзным англо-португальским договором, помощник статс-секретаря по иностранным делам Циммерман заявил 28 октября 1913 г. Манневиллю, что португальские колонии разделены на сферы влияния: Ангола будет открыта немецкой, а Мозамбик — английской предпримчивости. «Речь не идет, — сказал Циммерман, — об установлении территориального владения, и тут нет ничего такого, что должно беспокоить Португалию в отношении ее суверенных прав; речь идет лишь об определении районов, в которых каждая из двух держав сможет развивать свои предприятия, не стесняя друг друга». Беседу Циммерман закончил неожиданным заявлением: «Мы были бы расположены подписать аналогичные соглашения с другими державами, именно с Францией». ¹¹⁴

Германский план «мирного» проникновения в Африку и превращения Африки в «страну мира» состоял, таким образом, в следующем: сперва «мирный» раздел на сферы влияния уже поделенной Африки, т. е. раздел португальских колоний между Германией и Англией и Бельгийского Конго — между Германией и Францией, а затем совместная «мирная» эксплуатация французских и английских колоний. Для германских империалистов было важно лишь проникнуть в заповедные

¹¹² D. D., t. X, № 102, pp. 168—169; Geneviève Tabouis. Op. cit., p. 246.

¹¹³ D. D., t. IX, № 385, p. 494.

¹¹⁴ Ibid, t. VIII, № 391, p. 496.

области, а затем, по их мысли, немецкая предприимчивость завершит полное закрепление этих областей за немцами.

Этот план «мирного» освоения Африки имел лишь тот существенный недостаток, что его нельзя было осуществить мирными средствами. «Пожалуй, можно было бы избежать военные катастрофы,— говорит И. В. Сталин,— если бы была возможность периодически перераспределять сырье и рынки сбыта между странами сообразно с их экономическим весом — в порядке принятия согласованных и мирных решений. Но это невозможно осуществить при нынешних капиталистических условиях развития мирового хозяйства.

Таким образом, в результате первого кризиса капиталистической системы мирового хозяйства возникла первая мировая война, в результате же второго кризиса возникла вторая мировая война».¹¹⁵

Германские империалистические планы в Африке, которые сами по себе способны были вызвать мировой пожар, представляли лишь незначительную часть притязаний немецкого империализма, который твердо и целеустремленно добивался мирового господства и присвоения себе всего мирового сырья и всех рынков.

XII

Обе группировки держав готовились к войне и подготавливали ее не только по линии дипломатической, но и в военном отношении. Уже в 1909 г., в разгар боснийского кризиса, была заключена между австро-венгерским и германским генеральными штабами военная конвенция, которая коренным образом изменила условия австро-германского союза 1879 г. Если по этому договору для Германии наступал *casus foederis* после неспровоцированного нападения России на Австро-Венгрию, то по условиям военной конвенции 1909 г. *casus foederis* наступал после вторжения Австрии в Сербию и ответного активного выступления России. Следует отметить, что уже в 1909 г. австро-германская дипломатия и генеральные штабы считались с тем, что австро-сербские противоречия явятся подходящим поводом для развязывания европейской войны. Начальник германского генерального штаба фон Мольтке следующим образом уточнил в письме от 21 января 1909 г. момент наступления для Германии *casus foederis*: «Следует предположить, что может наступить такой момент, когда долготерпение монархии по отношению к сербским провокациям кончится. Тогда империи едва ли останется что-либо другое, чем вступление в Сербию. Я полагаю, что лишь вторжение Австрии в Сербию могло бы вызвать активное выступление России. В этом случае наступит для Германии *casus foederis*».¹¹⁶

¹¹⁵ И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., стр. 6—7.

¹¹⁶ Conrad von Hötendorff. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Wien Bd. I, S. 379

Австро-германская военная конвенция 1909 г., заключенная с одобрения министра иностранных дел Австро-Венгрии барона Эрентала и императора Франца-Иосифа, с одной стороны, германского канцлера князя Бюлова и кайзера Вильгельма — с другой, превратила австро-германский союз в автоматически действующий агрессивный инструмент войны.¹¹⁷

Эта конвенция дала возможность австро-германским генеральным штабам вызвать войну между Австро-Венгрией, Германией и Россией в любое время, когда они это сочтут для себя нужным и безопасным. Однако для достижения их целей, а именно для закрепления господства над угнетенными народами Австро-Венгрии и завоевания мировой гегемонии недостаточно было разбить Россию. Надо было для начала сделаться хозяином Европы. А это требовало вовлечения в войну и Франции, так как в этой войне, как писал фон Мольтке 24 февраля 1909 г. Конрад фон Гетцендорфу, «на первом плане всех мероприятий должен стоять разгром России и Франции».¹¹⁸

Что Россия будет втянута в войну, даже если она этого не пожелает, в этом после заключения военной конвенции были твердо уверены в Берлине и Вене, но не было уверенности в том, что Франция будет втянута в войну тогда, когда это желательно будет для Германии и Австро-Венгрии. Поэтому в начале 1910 г. в Берлине было принято такое решение, которое делало неотвратимым вовлечение в войну Франции даже против ее желания. В письме от 30 января 1910 г. фон Мольтке известил Конрад фон Гетцендорфа, что если Франция уклонится от выполнения союзного договора с Россией, то Германия «заставит» ее это сделать. «Поэтому,— продолжал Мольтке,— я предложил, чтобы когда война между союзниками и Россией должна будет рассматриваться неизбежной и непосредственно предстоящей, со стороны германского правительства было бы потребовано немедленное и совершенно ясное заявление от французского правительства о том, как оно намерено держаться в предстоящей войне. Это заявление должно сейчас же последовать, так как решение, должны ли главные германские силы двинуться на запад или на восток, не допускает проволочки. Уклончивый или двусмысленный ответ должен будет рассматриваться равнозначным с объявлением нам войны».¹¹⁹

Германское правительство после франко-прусской войны всегда жаловалось на тяжелую долю Германии, вынужденной вести в будущем войну на два фронта. Как известно, германский генеральный штаб с 1871 по 1909 г. неоднократно менял свои стратегические планы войны, но основа этих планов, их святая святых — война на два

¹¹⁷ См. об этом нашу работу «Эпизод боснийского кризиса 1908—1909 гг.», в журнале «Известия Академии Наук СССР, Отделение истории и философии», 1947, т. IV, № 1, стр. 61—72.

¹¹⁸ Conrad von Hötendorf. Op. cit., Bd. I, S. 396.

¹¹⁹ Ibid., Bd. II, S. 57.

фронта — оставалась неизменной. На первый взгляд может показаться странным, что само германское правительство приняло за 4—5 лет до войны меры для воспрепятствования возможности возникновения войны только на одном фронте. Чтобы понять этот кажущийся парадокс, необходимо припомнить, что после 1905 г. австро-германский блок был уверен в своем военном превосходстве над Россией и Францией. Причины войны — противоречия между Австро-Венгрией и Германией, с одной стороны, и между Россией, Англией и Францией — с другой, были настолько велики, что разгром одного из двух противников не разрешал всей проблемы. Необходимо было предварительно разгромить Россию и Францию одновременно, чтобы затем с лучшим шансами на окончательную победу сцепиться с Англией. При создавшейся в последние несколько лет перед мировой войной политической обстановке германские руководящие круги считали для себя «невыгодной» и даже опасной для их общих целей войну на одном фронте. Опасно было оставлять во время войны на одном фронте второго вооруженного противника в тылу, который может выступить, когда ему это покажется выгодным, и поставить исход войны под сомнение. Германии нужна была полная уверенность в победе, и поэтому было решено втянуть Россию и Францию в войну одновременно. Абсолютная уверенность в одновременной и быстрой победе над Россией и Францией побуждала германское правительство и генеральный штаб принять в 1909 и 1910 гг. специальные дипломатические и военные меры, обеспечивавшие автоматическое вовлечение России и Франции в войну, когда это Германии покажется нужным. Уверенность в победе над Россией и Францией и надежда на английский нейтралитет не покидали Германию и в последующие годы, о чем свидетельствуют переговоры между австро-венгерским, германским и итальянским генеральными штабами в конце 1913 и начале 1914 г.

11 марта 1914 г. были закончены переговоры с Италией. Согласно новой итало-германской военной конвенции, Италия обязалась в случае войны отправить через Австрию на франко-германский фронт три армейских корпуса и две кавалерийские дивизии, причем кавалерийские дивизии должны были прибыть на отведенное для итальянцев место развертывания войск на десятый день после объявления мобилизации, а пехотные корпуса — лишь на 19-й день после мобилизации.¹²⁰

Извещая Конрад фон Гётцендорфа о завершении переговоров с Италией и о сроке прибытия итальянских войск на французский фронт, фон Мольтке писал в письме от 13 марта 1914 г., что Германия не может откладывать наступления против Франции до прибытия итальянских войск. «Я даже надеюсь, — писал фон Мольтке, — что на 22-й день после мобилизации все будет уже в основном решено».¹²¹

¹²⁰ См. подробности об итало-германских переговорах в G. P., Bd. 39, № 15713, и прим. на стр. 329.

¹²¹ Conrad von Hötendorff, Op. cit., Bd. II, S. 610.

Германия в военном отношении была в начале 1914 г. вполне готова к европейской войне, не страшилась ее и считала выгодным для себя начать ее как можно скорее. Так, например, во время обсуждения в начале мая 1914 г. между начальниками генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии дислокации войск и иных вопросов, связанных с европейской войной, Мольтке сказал: «Всякая оттяжка (zuwarten) означает уменьшение наших ресурсов. С Россией нельзя тягаться в отношении масс». Оттягивали, оказывается, потому, что ожидали «декларации от Англии, что она не примет участия» в европейской войне.¹²² В Берлине были вполне уверены в молниеносной победе над Францией и Россией. На вопрос Конрада: «Как долго, по его мнению, может продолжаться общая война против России и Франции, пока Германия сможет с большими силами обратиться против России?» — Мольтке ответил: «Мы надеемся справиться с Францией через шесть недель после начала операции или же по меньшей мере так далеко зайти, что мы сможем передвинуть наши главные силы на восток».¹²³

Оттягивали начало войны еще и потому, что дипломатическая подготовка войны отставала от военной подготовки; немцы хотели перекроить, «реконструировать» Юго-Восточную Европу и перетянуть на свою сторону некоторые страны до начала военных действий. Пытались также шантажем и угрозами расколоть Антанту.

Некоторые историки полагают, а пангерманские историки и их подражатели категорически утверждают, что уверенность германского правительства и кайзера в мнимом «нейтралитете» Англии в случае мировой схватки основывалась будто бы на заметно улучшившихся англо-германских отношениях в связи с удачно протекавшими переговорами по урегулированию вопросов о португальских колониях и последнем отрезке Багдадской железной дороги. Нет ничего более ошибочного, если не сказать лживого, чем такое утверждение. Документы опровергают и этот миф.

Неудачные попытки Германии в 1908 и 1912 гг. добиться от Англии обещания оставаться нейтральной в случае войны с Францией не давали основания к оптимистическим предположениям на этот счет. 27 ноября 1912 г., в разгаре обостренного конфликта между Австрией и Сербией в связи с требованием ухода сербов с Адриатического побережья, Эдуард Грей заявил германскому послу князю Лихновскому, что Англии безразлично, получит ли или не получит Сербия выход к Адриатическому морю, но она против того, чтобы одна или несколько великих держав были втянуты в этот конфликт. «Последствия подобного расширения войны,— закончил Грей,— нельзя предвидеть, и сегодня нельзя даже рассчитать, кто тогда примет участие в борьбе».¹²⁴

¹²² Ibid., S. 670.

¹²³ Ibid., S. 673.

¹²⁴ G. P., Bd. 33, № 12447, S. 417; The british Documents on the origin of the war 1898—1914, vol. IX, part. 2, №№ 293—297.

Политическую суть заявления Грея Лихновскому очень правильно прокомментировал русский посол в Лондоне Бенкендорф в телеграмме Сазонову 28 ноября. Если возникнет европейская война, писал он, то ее действительная причина находится гораздо глубже, чем второстепенные причины, которые могут быть поводом к ее возникновению. Поэтому Грей не видит никакой серьезной гарантии против того, что Германия и Англия также не будут втянуты в войну.¹²⁵

29 ноября 1912 г. Грей вновь повторил Лихновскому сказанное ему за два дня до этого и просил германское правительство оказать умеряющее воздействие на Вену. В этом случае, сказал Грей, английское правительство окажет такое же воздействие на Петербург.¹²⁶ Не получив ответа на свое предложение, Грей послал 3 декабря 1912 г. к Лихновскому военного министра, лорда Хольдена с поручением разъяснить послу последствия, какие может вызвать восточный кризис, если в него будут втянуты «несколько великих держав». Подчеркнув миролюбие Англии, где «ни один человек не желает войны», лорд Хольден далее заявил: «Однако при всеобщей европейской сумятице, которая все же могла бы произойти из-за вторжения Австрии в Сербию, едва ли вероятно, чтобы Великобритания могла остаться спокойным наблюдателем». На вопрос посла, следует ли считать, что при наступлении указанных событий Англия выступит против Германии, Хольден ответил, что это может быть и не необходимым, но «возможным следствием войны между двумя европейскими группами». Поясняя свою мысль, лорд Хольден сказал, что Англия желает сохранения равновесия обеих групп держав и она поэтому «ни при каких обстоятельствах не может допустить разгрома Франции... Англия не может и не хочет видеть себя впоследствии противостоящей одной объединенной державе». В заключение этой важной беседы Хольден еще раз заявил, что Англия не вмешается в европейскую войну до тех пор, пока Германия не будет втянута в нее Австро-Венгрией и не возникнет война между Германией и Францией. Но в войне, в которой Германия и Франция будут находиться в разных лагерях, Англия будет на стороне Франции.¹²⁷ Более ясно и определенно, чем говорил по поручению Грея лорд Хольден, нельзя было говорить. Следует учесть, что заявления Грея и Хольдена были сделаны всего неделю — десять дней спустя после обмена письмами между Греем и Камбоном, которые представляют определенную веху на пути превращения англо-французской Антанты в союз и о которых уже упоминалось выше.

Кайзер Вильгельм, прочтя донесение Лихновского с изложением его беседы с Хольденом, испещрил поля документа нелестными пометками по адресу Англии, но его заключительная резолютивная помета

¹²⁵ Graf Benkendorff. Diplomatischer Schriftwechsel, Bd. II, Berlin — Leipzig, 1928, № 738, S. 508.

¹²⁶ The british Documents, vol. IX, part. 2, № 310.

¹²⁷ G. P., Bd. 39, № 15612.

говорит о том, что он правильно понял суть заявления английских министров. Эта помета настолько характерна, что мы ее считаем не лишним привести полностью: «Ввиду того, что Англия слишком труслива для того, чтобы открыто заставить Францию и Россию сидеть спокойно, и слишком нам завидует,— писал кайзер,— поэтому другие державы не должны защищать их интересы мечом, так как она тогда вопреки всем заверениям, вопреки Маршаллу и Лихновскому все же пойдет против нас. Настоящий народ торгашей! Это она называет мирной политикой! Равновесием держав! В решающей борьбе славян и германцев англо-саксы будут находиться на стороне славян и галлов». ¹²⁸

27 ноября 1912 г. Бетман-Гольвег, выступая в рейхстаге, указал, что если Австро-Венгрия окажется в войне, то Германия ей окажет союзную помощь. ¹²⁹ Грей 4 декабря 1912 г. выразил Лихновскому свои опасения по поводу этого места речи канцлера. Если оказанная Германией союзная поддержка Австрии, заявил Грей, создаст такое же положение, как в 1909 г., то трудно будет избежать войны; тогда Россия отступила, второй раз она не отступит и может прибегнуть к оружию. Если создается такое впечатление, добавил Грей, что Германия решила поддерживать Австро-Венгрию во что бы то ни стало, тогда никто не сможет предсказать, что произойдет. ¹³⁰

Грей предложил германскому правительству действовать совместно и не допустить европейской войны. Надо не допустить повторения 1909 г. (Грей два раза повторил это в беседе 4 декабря 1912 г.) и вооруженного конфликта между Австрией и Сербией. Но если возникнет австро-сербская война и общественное мнение России принудит правительство выступить на помощь Сербии, а Германия выступит на помощь Австрии, тогда неизбежно выступление Франции и тогда «нельзя будет предвидеть дальнейшие последствия»

Доводя содержание этой беседы до сведения своего правительства, Лихновский подчеркивал, что в течение одной недели Грей несколько раз возвращался к одному и тому же вопросу и приковывал к нему внимание посла. В результате обмена мыслей с английскими государственными деятелями в связи с восточным кризисом, Лихновский считал, что Англия не допустит разгрома Германией Франции и выступит в защиту французов. ¹³¹

Вильгельм II, искренне веривший, что монархи делают политику в XX веке, поручил своему брату Генриху Прусскому выяснить у английского короля Георга V, выступит ли Англия против Германии в случае войны между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Россией и Францией — с другой. Король ответил утвердительно, при-

¹²⁸ G. P., Bd. 39, S. 123.

¹²⁹ Verhandlungen des Reichstages. Stenographische Berichte. 1909, Bd. 286, S. 2471—2472.

¹³⁰ The british Documents, vol. X, part 2, № 337; G. P., Bd. 39, № 12481.

¹³¹ G. P., Bd. 33, № 12481.

бавив, что Англия не позволит «калечить» своих друзей.¹³² Когда принц Генрих выразил свое возмущение этим ответом, король пояснил ему свою точку зрения, сказав: «Думаешь ли ты, что у нас меньше чувства чести, чем у вас. У вас имеются союзы с подписями, мы имеем соглашение без подписей, однако мы не можем допустить поражения ни Франции, ни России».¹³³

Грей 9 декабря 1912 г. одобрил ответ короля посланцу Вильгельма II и выразил при этом мысль, что было бы опасно оставлять германское правительство в заблуждении, будто Англия ни в коем случае не поддержит России и Франции в войне с Германией и Австро-Венгрией.¹³⁴ Грей в тот же день заявил об этом Лихновскому. Посол вновь предупредил свое правительство, что Англия не допустит вторичного разгрома Франции и что с этим надо считаться как с фактом. Англия, писал Лихновский, обязательно выступит против Германии, если последняя нападет на Францию. Она это сделает не из сентиментальных побуждений, а исходя из учета реальных интересов.¹³⁵

В конце 1912 г. в Берлине внимательно отнеслись к напоминаниям из Лондона. Это явилось если не главной, то одной из важных причин того, что балканские войны не переросли в общеевропейскую войну. Хотя английская позиция в этом вопросе не изменилась, однако германские руководящие круги, как показано было выше, сочли возможным через год изменить свое отношение к европейской войне и всячески ускорять ее возникновение. Лихновский в течение двух лет убеждал канцлера, министерство иностранных дел и кайзера в том, что Англия не допустит разгрома Франции и никогда не останется нейтральной в войне, в которую будет втянута Франция. Если в Берлине все же думали иначе, то на это имелись другие причины. Там были убеждены, что Англия останется «нейтральной» из страха перед германским флотом. 26 февраля 1914 г. Ягов упрекал Лихновского в пессимизме за то, что тот писал: «В случае войны Англия во всяком случае выступит на стороне Франции против нас». На это Ягов отвечал: «Мы же не даром страсили наш флот». Он считал, что в Англии поймут, что «опасно разыгрывать ангела-хранителя Франции против нас».¹³⁶ Лихновского не разубедила аргументация Ягова. Он оставался при своем мнении и до самого начала войны не переставал доказывать, что в войне Германии и Франции Англия при всех обстоятельствах выступит на стороне Франции, и выражал глубокое сожаление, что, «несмотря на мои повторные и основательные доказательства, этот пункт все еще берется под сомнение».¹³⁷

Будучи уверенным в военном превосходстве, германский империа-

¹³² The british Documents, vol. X, part 2, № 452; G. P., Bd., 39, SS. 119—120.

¹³³ O.-U. A., Bd. V, № 5028, S. 214.

¹³⁴ The british Documents, vol. X, part 2, № 453.

¹³⁵ G. P., Bd. 33, № 12489.

¹³⁶ G. P., Bd. 37, № 14697.

¹³⁷ Ibid., № 14700.

лизм не оставался спокойным зрителем развивавшихся событий. Австро-германская дипломатия, действуя в глубокой тайне, спешила закончить дипломатическую подготовку к войне и «доработать» план «реконструкции» Юго-Восточной Европы, центральное место в котором занимало уничтожение Сербии.

ХІІІ

Выше указывалось, что Сербия, насильно оттиснутая Австро-Венгрией от Адриатики, стремилась получить выход к морю путем сближения, а в дальнейшем и объединения с Черногорией. Австро-венгерский посол в Петербурге граф Сапари заявил по этому вопросу Сазонову в конце февраля 1914 г.: «В случае, если бы слияние это осуществилось, Австро-Венгрия не могла бы остаться спокойной зрительницей событий. Интересы монархии на Адриатическом море не позволяют ей допустить какое-либо нарушение равновесия».

Сообщая содержание беседы Гартвигу, Сазонов предписывал ему «осведомить Пашича весьма доверительно о том обмене мыслей, который имел место между графом Сапаром и мною и который лишней раз указывает на необходимость не ускорять событий, а, наоборот, соблюдать величайшую осторожность в столь жизненном для Сербии вопросе». ¹³⁸ Сдерживая Сербию от слишком поспешных шагов, которые могли испортить все дело и толкнуть черногорского короля в объятия Австро-Венгрии или дать повод последней к насильственным действиям, петербургское правительство отказалось рекомендовать Черногории принять сербских военных инструкторов, о чем просило сербское правительство. ¹³⁹

Предотвратить насильственным путем слияние Сербии с Черногорией — с этим были согласны в Вене, Будапеште и Берлине. Не было только согласия насчет методов и тактики. Во время упомянутых переговоров в Вене и Шенбрунне Берхтольд и Франц-Иосиф кратко и выразительно заявили по этому вопросу Вильгельму II: «Не допустим!» Более реально на вещи смотрел Тисса. «Главный интерес для Австро-Венгрии, — сказал он кайзеру, — остается, как и до сих пор, не допустить Сербию, этот форпост России, к Адриатике. Здесь заняты тем, что если нельзя воспрепятствовать объединению главной части Черногории с Сербией, то передать в этом случае побережье Черногории Албании». Начав с раздела Черногории, план Тиссы кончался разделом Сербии. Чтобы привлечь на свою сторону Болгарию, план Тиссы предусматривал передачу ей сербских округов Иштип и Кочана. Решающую роль во всех этих вопросах, говорил Тисса кайзеру, должна сыграть Румыния. Величайшая задача — идти об руку с Румынией и, где это возможно, воспользоваться посредничеством Румынии. по

¹³⁸ М. О., сер. III, т. I, № 380.

¹³⁹ Там же, №№ 165 и 180.

отношению как к Сербии, так и к Болгарии, проводить балканскую политику Габсбургской монархии в согласии и при поддержке Румынии.¹⁴⁰ Тисса просил кайзера поддержать в Бухаресте развитый им политический план, на что кайзер согласился, так как он вполне разделял план укрепления Тройственного союза при помощи перекройки Юго-Восточной Европы.

Кайзер затем обратил внимание Тиссы на то, что «Венгрия имеет все основания стоять крепко с германизмом против славянской волны», и подчеркнул, что «лучшей порукой против этой опасности будет, если немецкая Австрия и мадьярская Венгрия станут двумя прочными опорами двуединой монархии». С мнением кайзера Тисса целиком согласился.¹⁴¹

План Тиссы должен был внутренне консолидировать Габсбургскую монархию, поднять ее престиж за пределами страны и фактически передать в ее руки Балканский полуостров. Такое усиление Австро-Венгрии всецело отвечало интересам монополистического капитала Германии, которому нужна была сильная дунайская монархия. Только такая Австро-Венгрия была способна по своему географическому положению обеспечить еще более быстрое проникновение германского капитала на Балканы; только внутренне укрепленная Австро-Венгрия, всецело подчиняющаяся Берлину, и усиленная за счет Сербии Болгария были в состоянии обеспечить монополистическому капиталу постоянную территориальную связь с Турцией. Подвинувшееся далеко вперед строительство Багдадской железной дороги настойчиво ставило перед германским империализмом вопрос о непрерывности и охране этого пути. Последнее обстоятельство играло немаловажную роль в военных переговорах.

С международно-политической точки зрения осуществление плана Тиссы означало полное нарушение равновесия в пользу Тройственного союза. Остаться равнодушными к этому не могли ни Франция, ни Англия, особенно первая, ввиду ее тесных отношений с Россией и крупных экономических и политических интересов на Балканах.

Вильгельм II сейчас же принялся за дипломатическую подготовку к проведению в жизнь плана Тиссы. Прежде всего он использовал свидание 25 марта 1914 г. с итальянским королем в Венеции и встречу с Францом-Фердинандом для их личного сближения и смягчения трений между Веной и Римом.

Начатое в Вене и Шенбрунне обсуждение политического положения было продолжено 27 марта кайзером и эрцгерцогом Францом-Фердинандом в замке Мирамаре на Адриатическом побережье. Собеседники пришли к заключению, что Тройственный союз нуждается в срочном укреплении своего положения на Балканах. Эрцгерцог при этом сказал: «Румыния и Греция должны образовать на Балканах вал, защи-

¹⁴⁰ G. P., Bd. 39, № 15715.

¹⁴¹ Ibid., № 15716.

щающий Тройственный союз против славян, а если возможно, то также и Турция». После этого заявления Франц-Фердинанд, по словам официальной записи беседы, «совершенно неожиданно коснулся внутренней политики Австрии и сказал с некоторым раздражением: славяне сделались вызывающими и нахальными, и он это считает большой опасностью. Затем его величество прервал разговор на этот щекотливый вопрос и сказал наследнику престола совершенно открыто: по его убеждению, австрийская внутренняя политика должна быть немецки ориентированной; необходимо использовать обструкцию чехов для того, чтобы им задать настоящую головоломку. Эрцгерцог ответил, что это совершенно соответствует его собственному убеждению».¹⁴²

Между Берхтольдом, австрийским императором и Тиссой было достигнуто полное единогласие по вопросу о Черногории. 23 апреля Чиршки донес канцлеру: «Было решено: слияние хотя и допустить, но Черноморское побережье передать Албании. Одновременно попытаться изменить те части Бухарестского договора, которые представляют наибольшую опасность для возобновления балканской войны, а именно: отобрание у Сербии Иштима, Кочана и чисто албанских районов вокруг Призрена и Дьякова».¹⁴³

Сущность «умеренного» и конкретизированного плана Тиссы, одобренного в Берлине, состояла, таким образом, в следующем: «1) возвращение Румынии в лоно Тройственного союза; 2) установление с Болгарией тесных дружественных отношений и превращение последней в форпост Австро-Венгрии и Германии на Балканах с вознаграждением ее за это сербской Македонией; 3) создание под патронатом Австро-Венгрии и Германии нового балканского союза в составе Румынии, Болгарии и Греции против России и Антанты; 4) раздел Сербии и Черногории с оставлением уменьшенной до ничтожных размеров «независимой» Сербии, связанной узами «благодарности» к Австро-Венгрии за прирезку части Черногории. Если бы этот «умеренный» план удался, то все балканские и малоазиатские вопросы были бы надолго разрешены в пользу Австро-Венгрии и Германии. Влияние России было бы окончательно ликвидировано на Балканском полуострове и в Константинополе. От Берлина до Багдада тянулась бы непрерывная цепь «союзных» и фактически вассальных государств Германии. Уничтожение потенциальной силы Сербии — этого притягательного центра для австрийских южных славян и укрощение Румынии при помощи увеличенной Болгарии должно было нанести сильный удар освободительному движению южных славян и румын в Габсбургской монархии и укрепить ее изнутри.

Этот широко задуманный план «мирного» завоевания Балкан, если бы он даже имел шансы на успех, означал бы в конечном счете войну. Его неосуществимость состояла в непримиримых противоречивых

¹⁴² Ibid., № 15720.

¹⁴³ Ibid., Bd. 38, № 15546

интересах всех названных балканских государств, которых нельзя было объединить в содружестве государств. Румыния не могла согласиться на усиление Болгарии и ослабление Сербии. Сохранение нерушимости Бухарестского мира являлось основой политики Румынии и залогом дальнейшего развития и укрепления этого государства. Всякая попытка со стороны Тройственного союза ослабить Сербию и усилить Болгарию должна была толкнуть Румынию в объятия России и Антанты, что в действительности и случилось.

А между тем разбуженное балканскими войнами национально-освободительное движение южных славян в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Словении, Банате и Далмации и румын в Трансильвании подтачивало устой австро-венгерской монархии и ускоряло ее разложение изнутри, сдерживаемое армией, стальной хребет которой составляли австрийские немцы и мадьяры. Процесс разложения шел так быстро, что начал внушать серьезные опасения за судьбу монархии даже заинтересованным в ее сохранении союзникам.

23 мая 1914 г. Чиршки доносил канцлеру: «Как часто я задаю себе мысленный вопрос: действительно ли оправдывается событиями так тесно связывать свою судьбу с этим трескающимся по всем швам государственным образованием и продолжать трудную работу — тянуть его дальше? Однако я еще не вижу другой политической конstellляции, которая могла бы нам предложить замену на все еще существующий плюс, каким является союз со средневропейской державой. Ибо без этого союза наша политика поневоле должна была бы стремиться к разделу монархии». ¹⁴⁴

Из дальнейшего донесения видно, что Чиршки «против» раздела только потому, что Англия не позволит Германии урвать львиную долю у «союзницы». Он сомневался, «окажет ли для нас длительное благотворное влияние присоединение немецких провинций». Советуя «дать плоду созреть», германский посол предрекал, что в случае неудачи попыток скрепления монархии «наступит быстрое ее разложение, и мы тогда должны будем соответственным образом строить свою политику». ¹⁴⁵

Внутренняя расшатанность Австро-Венгрии оказывала большое влияние на межсоюзные отношения Берлина и Вены. После неоднократного обмена мнениями между австро-венгерскими и германскими государственными деятелями на протяжении марта — июня 1914 г. было решено составить меморандум с изложением и обоснованием новой политики, направленной к созданию на Балканах группировки держав под главенством Тройственного союза. Составление меморандума было закончено 24 июня, за четыре дня до убийства Франца-Фердинанда.

В этой накаленной политической обстановке происходила ожесточенная борьба в столицах балканских государств, и особенно в Бухаресте,

¹⁴⁴ G. P. Bd. 39, № 15734.

¹⁴⁵ Ibid.

между дипломатией Германии и Австро-Венгрии и дипломатией Антанты. Первая стремилась добиться от Румынии верности Тройственному союзу, вторая домогалась переманить ее на свою сторону. На этой почве возник план женитьбы румынского принца Кароля на дочери царя Николая Татьяне. Жестокая дипломатическая борьба происходила также в Софии и Афинах, где еще более ожесточенно дрались банкиры Германии, Австро-Венгрии и Франции за предоставление займов, в которых нуждались эти страны. В этой атмосфере предвоенной грозы Николай II посетил румынского короля в Констанце, а Вильгельм II — эрцгерцога Франца-Фердинанда в чешском замке в Конопиште 12—13 июня 1914 г. Во время свидания в Констанце Сазонов задал румынскому министру Братиану такой вопрос: «Каково было бы отношение Румынии к вооруженному столкновению между Россией и Австро-Венгрией, если бы первая из них была вынуждена обстоятельствами начать военные действия?» Братиану уклонился от прямого ответа и в свою очередь спросил Сазонова, считает ли он возможным такое столкновение. Сазонов ответил, что это могло бы произойти лишь в том случае, если «Австрия пожелает напасть на Сербию с целью нанесения этому королевству чувствительного удара».¹⁴⁶

Вокруг свидания в Конопиште тогда же были сложены целые легенды. Германская и австро-венгерская печать утверждала, что гости и хозяин собрались в Конопиште для вкушений аромата чудесных роз, выращенных августейшим хозяином. Уже тогда вызывал подозрение и беспокойство тот факт, что вместе с Вильгельмом II в Конопиште гостил адмирал Тирпиц, создатель германского флота. Стало известно, что это посещение было связано с намеченной реорганизацией австро-венгерских вооруженных сухопутных и морских сил. Впоследствии выяснилось, что Франц-Фердинанд получил поручение от императора Франца-Иосифа: добиться у Вильгельма II ответа на вопрос, может ли Австро-Венгрия в будущем безусловно рассчитывать на союзническую верность Германии в случае войны с Россией.

27 июня вечером Франц-Фердинанд сказал начальнику оперативного бюро австро-венгерского генерального штаба полковнику Метцгеру, что во время переговоров в Конопиште Вильгельм II ему заявил по этому вопросу: «Если мы не выступим сейчас, положение ухудшится».¹⁴⁷

Через две недели после свидания в Конопиште, 28 июня 1914 г. были убиты в Сараеве двумя молодыми австро-венгерскими сербами эрцгерцог Франц-Фердинанд и его жена, княгиня Гогенберг. Через месяц началась первая мировая война.

Причины, вызвавшие эту войну, были глубоки и многообразны. На первом месте стояли англо-германские империалистические противоречия во всем мире. Однако и они не могли бы привести в 1914 г. к мировой войне, если бы к этому времени не созрели острые противоречия

¹⁴⁶ М. О., сер. III, т. IV, № 339, стр. 388.

¹⁴⁷ Conrad von Hötzendorff. Op. cit., Bd. IV, S. 39.

между Германией и Австро-Венгрией с Россией, а также и франко-германские противоречия. Это обстоятельство и давнее разделение всех крупных европейских держав на два враждебных блока привело к тому, что руководящие круги России, Франции и Австро-Венгрии не видели иного пути разрешения этих противоречий, как в войне. Им казалось, что в этой войне они будут защищать исключительно свои собственные, самостоятельные интересы. Английскому и германскому империализму было выгодно поддерживать в своих союзниках эту иллюзию. При том или ином исходе войны Австро-Венгрия или Франция и Россия должны были в первую очередь подвергнуться «переделу». Однако наряду с этими причинами однородного империалистического характера имела еще одна причина иного характера. Национально-освободительное движение в Австро-Венгрии достигло такого размаха и глубины, а борьба угнетенных славянских народов, румын и итальянцев против господствующих наций — немцев и мадьяр — достигла такой интенсивности и ожесточенности, что зашаталась устои многовековой разбойничьей монархии. Для ее поддержания было решено принести в жертву еще несколько миллионов славян, так как в состоянии внутреннего распада Австро-Венгрия не могла впредь выполнять задачи, которые ей поставил германский империализм. Эти задачи заключались в том, чтобы держать в повиновении 30 миллионов славян и других народов и заставлять их служить своей кровью и трудом интересам двух немецких империй; подавлять национально-освободительные тенденции к объединению славянских и других народов на Балканском полуострове и охранять непрерывность и безопасность пути Берлин — Будапешт — Белград — Бизантиум — Багдад. Таким образом, в комплексе причин, вызвавших первую мировую войну, занимала известное место и национально-освободительная борьба славянских народов в Австро-Венгрии и на Балканах, однако эта борьба, хотя она имела самостоятельное значение для тех народов, которые боролись за свое освобождение, не играла решающей роли в возникновении мирового пожара.

Д. Н. АЛЬШИЦ

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ПРИПИСКИ К ЛИЦЕВЫМ СВОДАМ ЕГО ВРЕМЕНИ

I

В царствование Ивана Грозного был задуман и в основном создан летописный свод грандиозного размера.

Этот труд имел целью в последовательном изложении представить всю историю человечества в виде смены великих царств, начиная с древнееврейского и кончая царствованием Ивана IV. Главное внимание составители свода уделили созданию такой конструкции повествования, из которой становилось бы ясным, что род московских великих князей — Рюриковичей ведется непосредственно от римских императоров, а также, что нет и не может быть на московском престоле более родовой и заслуженной династии. Совершенно естественно, что наибольшее внимание было уделено описанию и прославлению дел самого Грозного и событий его времени. Над созданием этого огромного свода, справедливо названного А. Е. Пресняковым «Московской исторической энциклопедией», трудились, несомненно, многие писцы и художники.

До нас дошло около 9000 начисто переписанных полууставом листов свода. Более 16 000 искусно выполненных и раскрашенных рисунков украшают текст. «Бумага, на которой написаны все томы лицевого летописного свода (известные под названием: хронографа, Лаптевского Летописца, Древнего, Голицынского, Шумиловского, Никоновской Летописи с рисунками), — вся эта бумага одного запаса и одного качества, лучшая, какую можно было иметь», — пишет Н. П. Лихачев, который указывает дальше, что на такой бумаге писали французские короли и их высшие сановники, в том числе Генрих II, Карл IX, Генрих III и Екатерина Медичи.¹

Мы исследуем только ту часть лицевого свода, которая описывает события царствования Ивана Грозного, а именно — Синодальный список так называемой «Никоновской летописи с рисунками». Этот список является последним томом лицевого свода и передает события 1535—1567 гг. Эта рукопись насчитывает 625 листов, писанных полууставом различных почерков и украшенных цветными рисунками.²

¹ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I, стр. CLXXIV—CLXXV.

² ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. IV; ч. 2, стр. V—VIII.

Совершенно исключительный интерес при изучении Синодального списка вызывает то обстоятельство, что на многих листах, начисто написанных и старательно раскрашенных, скорописью того же времени, что и сам текст, сделаны приписки и поправки в ряде случаев весьма важного политического характера.

Сделавший их редактор исправил и дополнил рассказы о событиях 1537, 1538, 1541 (в трех местах), 1542, 1554 (в двух местах), 1555, 1557 гг.³ Редактор этот был, несомненно, человеком, облеченным большими полномочиями и большой властью. Об этом говорит уже самый факт безжалостной порчи помарками готовых раскрашенных листов, причем зачастую редактор не стесняется совершенно незначительной поправкой испортить весь лист. Об этой же властности свидетельствует и повелительный тон тех указаний, которые он дает подчиненным ему составителям свода.

Но еще более убедительно об этом говорит то, каким образом были исполнены указания редактора. В 1769 г. М. М. Щербатовым была издана рукопись, обнаруженная им в Московской синодальной библиотеке. Свое издание М. М. Щербатов озаглавил: «Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 году до 7061, напечатана с письменного, который сыскан в Москве, в патриаршей библиотеке». Рукопись эта содержит 683 листа, писанных полууставом, и передает события 1533—1553 гг.⁴ Выполнена она на такой же превосходной бумаге и снабжена 1073 рисунками.

По своему содержанию Царственная книга не что иное, как переписанный начисто Синодальный список за годы 1533—1553.⁵ Замечательно при этом, что переписчик до мелочей учел все поправки властного редактора Синодального списка. Ни одно его замечание не было пропущено, все приписки внесены в текст, а там, где он распорядился переделывать рисунки, они были переделаны согласно его указаниям.⁶

Но еще более замечательным является, что требовательный редактор не удовлетворился и вновь переписанным текстом, несмотря на то, что этот текст полностью учел все замечания, которые он сам пожелал сделать, когда в первый раз редактировал летопись. На листах Царственной книги та же рука, что и на листах Синодального списка, сделала множество новых исправлений и приписок. На этот раз мы находим приписки особо острого политического содержания. Если добавить к изложенному, что приписки являются в ряде случаев единственным летопис-

³ См. ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 97, 98, 108, 109, 114, 141, 237, 246, 264, 277.

⁴ Подробное описание см. ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. VII—VIII; А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение, СПб., 1893.

⁵ В самом Синодальном списке утрачены первые листы, и он дошел до нас начиная с 1535 г.

⁶ Необходимо оговорить, что в одном случае приписка к Синодальному списку пропущена в Царственной книге и взамен ее написан даже противоположный рассказ. Именно на этом пропуске строится один из существенных выводов данной работы, и вопрос об этом будет специально рассмотрен ниже.

ным источником, откуда познаются наиболее существенные события царствования Грозного за 1533—1553 гг.,⁷ то станет ясным, насколько важно исследовать эти приписки.

В самом деле, кто был этот столь требовательный полновластный редактор? Откуда черпал он сведения, которыми дополнял изложение летописи? Что заставило его так ревностно и так тщательно исправлять рассказы летописи о современных ему событиях? Почему он приписками к Царственной книге дополнял и переделывал то, что сам счел достаточно и правильно изложенным, редактируя раньше Синодальный список? Когда делал он эти приписки, и сколько времени прошло между двумя редакциями летописи? Эти и другие вопросы пока не разрешены, несмотря на то, что все изложенное выше известно давно.

Исследованием приписок специально не занимался никто. Вопрос о них был заслонен общим вопросом о составе и времени создания лицевых сводов.

До появления работы Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» в отношении времени создания лицевых сводов господствовало утверждение академика А. И. Соболевского о том, что они были созданы в XVII в. Эту точку зрения полностью разделял А. Е. Пресняков в момент написания им в 1893 г. исследования «Царственная книга, ее состав и происхождение». Совершенно естественно, что, рассматривая лицевые своды как произведение XVII в., А. Е. Пресняков, дав внешнее описание приписок, мог только выразить удивление по поводу того, что в XVII в. автор этих приписок проявил такую ярко выраженную тенденциозность, излагая события столетней давности (т. е. середины XVI в.).⁸ Названная работа Н. П. Лихачева доказала, что лицевые своды были созданы не в XVII, а в XVI в.⁹ А. Е. Пресняков принял эту точку зрения и в защиту ее выступил против академика А. И. Соболевского, который, однако, остался при своем мнении.¹⁰ Выступая теперь по поводу лицевых сводов и признавая их творением XVI в., А. Е. Пресняков, в ходе общей полемики о сводах, уже не вернулся к припискам. Н. П. Лихачев в упомянутой работе вопросом о приписках специально также не занимался. Он говорит о них, подчеркивая их тенденциозность, лишь как о дополнительном свидетельстве в пользу своей точки зрения о том, что лицевые своды созданы в XVI в.

Таким образом, после того как было установлено, что лицевые своды и редакционная работа над ними — дело XVI в., дело правительства Ивана Грозного, вопрос о приписках неизвестного редактора к Синодальному списку и затем к Царственной книге не поднимался,

⁷ Последняя приписка на Синодальном списке относится к 1557 г.; последняя приписка к Царственной книге заключает ее изложение, дошедшее до нас под 1553 годом.

⁸ А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 17.

⁹ Н. П. Лихачев. Указ. соч., ч. I, стр. CLIV—CLXXXI.

¹⁰ «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1900, т. V, кн. 3, стр. 824—876; 1901, т. VI, кн. 4, стр. 295—304, 305—311.

М. М. Щербатов, издавая в 1769 г. Царственную книгу, внес приписки в общий текст летописи, совершенно никак их не выделив, потопив их в основном изложении.

В Полном собрании русских летописей (т. XIII, чч. 1 и 2) приписки выделены из общего текста и при чтении летописи в данном издании наглядно различима работа редактора. Однако во всей существующей литературе о царствовании Ивана Грозного доньше имеет место, если можно так выразиться, щербатовский подход к тексту. Весь текст читается, цитируется, толкуется как единое целое, несмотря на то, что многочисленные и обширные приписки редактора, сообщающие наиболее существенные события времени, явно необычным образом внесены в текст и отражают своей тенденциозностью различные стадии острейшей политической борьбы в Московском государстве.

II

Прежде всего следует сделать попытку разобраться в сроках, когда составлен Синодальный список и сделаны приписки к нему, когда составлена Царственная книга и сделаны приписки к ней.

Без выяснения времени работы над этими двумя списками нельзя ответить ни на один из подлежащих выяснению вопросов. Но для того чтобы иметь возможность говорить о времени составления Синодального списка и о времени, когда к нему были сделаны приписки, нам придется отвергнуть поверхностное суждение о нем, которое напрашивается при первом, не слишком внимательном знакомстве с этим списком. Нам придется отвергнуть укоренившееся в науке мнение о том, что поскольку Синодальный список доведен до августа 1567 г., он просматривался редактором и переделывался обязательно после этого времени, т. е. после 1567 г.

Напомним кратко имеющиеся в литературе общеизвестные сведения об этом списке. Синодальный список является последним томом лицевого свода; речь там идет о событиях 1535—1567 гг. Рукопись дошла до нас с большими дефектами. Многие листы ее утрачены. Нехватает листов за годы: 1542—1552 и 1560—1563. Утрачены также и первые листы рукописи. Несомненно, что Синодальный список начинался не с 1535, а с 1533 г., с которого и начинается снятая с него копия — Царственная книга. Однако все эти утраты безвозвратны, так как мы имеем другие рукописи, переписавшие разные части Синодального списка, к счастью, так, что полностью и без перерыва восполняют весь его текст. От 1533 г. по 1553 г. его переписала Царственная книга,¹¹ от 1553 по 1563 г. — так называемый Лебедевский список,¹² от 1563 г. и до конца, т. е. до 1567 г. включительно, — так называемая Александро-Невская летопись,

¹¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 409—522.

¹² Чтения в О-ве Ист. и Др. Росс., 1895, кн. 3, стр. 1—189.

являющаяся продолжением Лебедевского списка.¹³ Все указанные рукописи, там, где они дают текст, параллельный сохранившимся частям Синодального списка, совершенно совпадают с ним,¹⁴ доказывая этим свою точность как копий. Важно отметить, что эти копии учитывают и включают в свой текст все приписки, которые сделал на тексте Синодального списка неизвестный нам пока редактор. Таким образом, дефекты рукописи Синодального списка восстанавливаются полностью.

Учитывая сказанное, приглядимся к этому списку внимательнее и постараемся сделать новые наблюдения над ним. Прежде всего мы заметим, что самый текст Синодального списка многократно расходится с текстами всех других списков Никоновской летописи, которые, как известно, довели свое изложение до 1558 г. Нами отмечено около ста случаев, когда те или иные слова, обороты, заголовки, целые абзацы не встречаются ни в одном другом списке, кроме Синодального, а другие, наоборот, есть во всех других списках, но отсутствуют в списке Синодальном.¹⁵ А из этого следует, что уже самый текст Синодального списка при его составлении подвергался совершенно особой правке, в отличие от всех других списков Никоновской летописи. Из этого следует также, что, с одной стороны, Синодальный список не явился протографом ни для одного другого списка Никоновской летописи, а с другой стороны и наоборот — ни один список Никоновской летописи не явился оригиналом, с которого Синодальный список безоговорочно списывал бы свой текст. При этом особый характер Синодального списка выражается не только в том, что он значительно лучше литературно выправлен, но и в том, что он (в той хотя бы части, где он дает изложение, сходное с другими списками Никоновской летописи) отмечен особой официально-стью еще до того, как к нему прикоснулась рука нашего редактора, сделавшего приписки.

Вот пример: Синодальный список нигде не называет Владимира Андреевича «государев брат»,¹⁶ с замечательной последовательностью

¹³ ПСРЛ., т. XIII, ч. 2, стр. 361—408.

¹⁴ Речь не идет о мелких разночтениях в букве при слове, являющихся неизбежным следствием всякой переписки того времени.

¹⁵ В этом не трудно убедиться, просмотрев сравнительное издание Синодального списка в т. XIII, ч. I ПСРЛ на стр. 90, прим. 2; 91, прим. 3, 4; 95, прим. 1; 96, прим. 3; 97, прим. 1; 99, прим. 1; 102, прим. 6; 103, прим. 1, 2; 104, прим. 2; 110, прим. 2, 111, прим. 2; 112, прим. 1; 114, прим. 1; 246, прим. 6; 252, прим. И; 254, прим. В; 257, прим. 1; 258, прим. **; 259, прим. 3; 264, прим. 4; 265, прим. 1; 270, прим. 2; 271, прим. 3; 274, прим. 3; 275, прим. 1; 278, прим. 1; 279, прим. 2, Ъ; 281, прим. 4; 284, прим. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7; 285, прим. 4, 5, 10; 286, прим. 5, 9, 10, 12, К; 287, прим. 3, 4, 8; 288, прим. 3, 4, 5, 6, 8; 289, прим. 4, **; 290, прим. 1, 4, 5, 6; 292, прим. 1, 2, 3; 4, 5, 6, 9; 293, прим. 1, 2, 3, 4; 294, прим. 3, 8; 295, прим. 6, а, Г, і; 296, прим. 4, 6, 12; 297, прим. 1, 3, 5, 7, **; 298, прим. **; 299, прим. 1, 6; 300, прим. 2, 4, 5, 7, 9.

¹⁶ А. Е. Пресняков в своем исследовании «Царственная книга, ее состав и происхождение» (см. стр. 20) обратил внимание на то, что Царственная книга тщательно избегает называть Владимира Андреевича «государевым братом». А. Е. Пресняков не сумел объяснить причину этого. Он не заметил, что и оригинал Царственной книги — Синодальный список — также нигде не называет Владимира Андреевича «государевым братом».

избегая этого названия для двоюродного брата царя. В Синодальном списке нельзя найти слова «брат» в применении к Владимиру Андреевичу, даже когда Владимир Андреевич назван «братом» царя во всех других списках Никоновской летописи.¹⁷

На этом примере ясно видим, что Синодальный список носил особо официозный характер, отражая, в частности, этим нежеланием называть Владимира Андреевича словами «государев брат» настроение самого царя. Вспомним, что Иван Грозный в своем письме к Курбскому от 5 июля 1564 г. пишет: «Они же (т. е. Адашев со своими советниками.— Д. А.) хотеша воцарити, еже от нас расстаяша в колене — князя Владимира Андреевича».¹⁸ Иначе говоря, Синодальный список, а вслед за ним уже Царственная книга отражают нам подлинную точку зрения самого царя в данном вопросе.

При первом же взгляде на Синодальный список мы заметим, что он с полным основанием может быть разделен на две части по очень важному признаку, а именно — на отредактированную и неотредактированную части. В самом деле, Синодальный список охватывает 1535—1567 гг. Но отредактирован нашим редактором не весь текст. Последняя его приписка относится к 1557 г.¹⁹ Ко всему последующему тексту, за годы 1557—1567, им не сделано ни одной поправки. Чем это объяснить? Конечно уж не тем, что этот последующий текст не так важен и просто не привлек к себе внимания редактора. Как раз наоборот: известно, что в этом последующем тексте излагаются такие события, как смерть царицы Анастасии, суд над Владимиром Андреевичем в 1563 г., преставление митрополита Макария, бегство Андрея Курбского, отъезд царя в Александровскую слободу, установление опричнины и т. п. Иначе говоря, именно во второй, неотредактированной части Синодального списка описываются события, которым не найти равных по важности в первой, отредактированной, части за 1535—1557 гг. Значит, не в отсутствии важных сообщений причина того, что вторая часть Синодального списка осталась без замечаний. Мы не можем также допустить в качестве причины этого какое-либо изменение в судьбе редактора, скажем, его смерть, болезнь, отъезд, опалу, отход от такого рода деятельности. Ведь нам хорошо

брат» и что, следовательно, в силу этого определение «государев брат» отсутствует в Царственной книге. С другой стороны, то обстоятельство, что писец Царственной книги (как там же указывает А. Е. Пресняков) иногда по ошибке пишет, применительно к Владимиру Андреевичу, слова «государев брат», но тотчас зачеркивает и затирает их, — также вполне объяснимо. Сам А. Е. Пресняков устанавливает, что писец Царственной книги, переписывая Синодальный список, пользовался, кроме него, каким-то из списков Никоновского свода, из которого черпал мелкие подробности. Там Владимир Андреевич неизменно назывался «государев брат», что иногда и путало писца. Однако когда он машинально выписывал в свой текст эти слова, он их немедленно вычеркивал, сохраняя верность своему основному образцу, т. е. Синодальному списку.

¹⁷ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 252, прим. II.

¹⁸ РИБ, т. XXXI, стр. 65.

¹⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 277.

известно, что когда Синодальный список был переделан согласно его указаниям, т. е. когда перед ним через несколько лет оказалась Царственная книга, он исправлял и переделывал ее с еще большей активностью. Так в чем же причина?

Есть ответ столь же простой, сколь и убедительный: в момент, когда редактор правил и дополнял рукопись, она еще не была доведена до того года, до которого была доведена позднее и дошла до нас (т. е. до 1567 г.), и что перед редактором была вначале лишь часть официальной летописи, которую он и исправил, в то время как дальнейший текст летописи продолжали вести, чтобы (как мы ниже увидим) также дать его затем на просмотр этому же редактору. Итак, мы довольно легко можем найти ответ на вопрос, почему отредактированной оказалась лишь одна, первая часть Синодального списка. Но при этом мы сразу же окажемся перед другим вопросом: как все же разграничить эти две части списка, хотя бы приблизительно? Естественно, что разделить список на две части 1557 годом (т. е. там, где кончается последняя приписка редактора) нет оснований. Поищем, нет ли более точных данных для того, чтобы разделить Синодальный список на две части, т. е. на первую часть, которая была готова и была представлена редактору для просмотра, и на вторую, которой в тот момент еще не было и которая была присоединена к первой уже после.

Здесь будет уместно сказать, что мы безоговорочно стоим на распространенной, имеющей все основания и не встречавшей возражений точке зрения, что к идее создания лицевых сводов и к делу их написания имел самое близкое отношение митрополит Макарий. А если так, то смерть Макария, последовавшая 31 декабря 1563 г., означала переход руководства составлением грандиозных летописей к другому лицу или лицам. До какого же времени довел Макарий под своим наблюдением официальную Московскую летопись и нет ли в ней самой следов передачи от одного руководителя работ к другому?

К нашему облегчению, такой перелом в характере изложения налицо и выражен в самой наглядной форме. Стоит только взглянуть на рукопись или хотя бы на ее печатное издание, как бросится в глаза то, что от начала и до 1560 г., именно до сообщения «о преставлении великия царицы Анастасии»,²⁰ текст пестрит киноварными заголовками, начинающимися каждый, даже незначительный рассказ. Таких заголовков имеется 308 для 14 лет описания (1535—1542, 1553—1560).²¹

Совсем другую картину мы увидим, исследуя текст дальше — от 1560 г. и до конца, т. е. до 1567 г.²² На протяжении этих семи лет мы увидим всего 10 киноварных заголовков, и то говорящих о событиях

²⁰ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 87—142 и 234—300; ч. 2, стр. 303—328.

²¹ Там же, стр. 87—142 и 234—300.

²² Для суждения об обрыве 1560—1563 гг. мы имеем копию Синодального списка — список Лебедевский, всегда точно передающий наличие заголовков Синодального списка.

особой важности, как, например, о смерти Макария, о поставлении Афанасия, об установлении опричнины и т. п. Если учесть, что из числа этих 10 заголовков шесть относятся к речам и документам, помещенным в летопись вместе с относящимися к ним текстами («А се грамота утвержденная о белом клобуке митрополиче»),²³ то остается всего четыре заголовка, отмечающих события. Таким образом, разделение Синодального списка на две части, по линии 1560 г., выступает весьма ярко.

Еще более важно то, что киноварные надписи исчезают не потому, что переменялось отношение к употреблению киновари, а потому, что исчезают сами заголовки у рассказов. Иначе говоря, налицо просто другая манера изложения, другая манера составления летописи не только по оформлению текста, но и по существу. До указанного нами места (т. е. до рассказа о преставлении Анастасии под 1560 годом)²⁴ летописный текст состоит из отдельных рассказов, каждый из которых обязательно имеет свой заголовок, например: «Приехал гонец от Литовского короля...», а дальше: «...Того же месяца приехал гонец от Литовского короля Ондрей Иванов...»²⁵ На что это указывает? Это указывает на существование какой-то определенной системы организации материала: или, скажем, писец получал для переписки на чистовые листы от составителя отдельные рассказы, имеющие заголовки, или же кто-то размечал текст перед перепиской на рассказы, проставляя при этом заголовки. Так или иначе, одно совершенно ясно: настал момент, когда прежняя система нарушалась и когда писец перестал получать указания о заголовках. С этого момента он писал, не задерживаясь размышлениями о том, как называть свои рассказы, писал подряд, текст за текстом, автоматически проставляя бесконечные «того же лета», «того же месяца». Конечно, когда перед ним оказывался документ, содержащий «Царево и великого князя слово к митрополиту»²⁶ или подобный, то он сохранял его название при переписке. Мы знаем, что из 10 заголовков, имеющих в тексте за 1560—1567 гг., шесть именно таких, т. е. попавших в летопись вместе с текстом своих документов, заголовков, как бы привнесенных извне. Тем больший интерес, следовательно, представляют остальные четыре заголовка, одиноко красующиеся на обычно теперь тусклых летописных листах. Эти четыре заголовка начинают собой, как мы уже указывали, рассказы о событиях очень большой важности. Вот они:

«О преставлении князя Юрия Васильевича»²⁷ (брата царя).

«О преставлении преосвященного Макария митрополита всеа Руси».²⁸

«О Девлет-Кирееве цареве приходе к Рязани 73 (1565.— Д. А.) году».²⁹

²³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 378.

²⁴ Там же, стр. 328.

²⁵ Там же, стр. 322.

²⁶ Там же, стр. 381.

²⁷ Там же, стр. 372.

²⁸ Там же, стр. 374.

²⁹ Там же, стр. 387.

«Поезд большой государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси»³⁰ (начало опричнины).

Особая важность этих четырех событий наводит на мысль, что рассказы о них, в отличие от других рассказов, явно выписываемых в хронологическом порядке из материалов архива, составлялись по-особому. Они, несомненно, были написаны ответственным лицом (или лицами) и переписаны затем писцом в текст летописи вместе со своими заголовками.³¹

Таким образом, можно утверждать, что все 10 заголовков, которые имеются на тексте Синодального списка за годы 1560—1567, были принесены в текст извне и что обычным для изложения этих семи лет является полное отсутствие заголовков, в отличие от текста за годы 1535—1560, который пестрит ими.

Одно наблюдение свидетельствует о том, что Синодальный список был при изготовлении поделен на две части, из которых одна (первая) некоторое время даже хранилась отдельно от второй, которая ее продолжала. Писец Синодального списка под 1564 г. записал известие о том, что 4 декабря «преставился Гурий, архиепископ Казанский». Написав далее. «сей же бязе Гурий первый архиепископ в Казани, а на архиепископстве в Казани был...»,³² писец оставляет свободное место для того, чтобы вписать число лет, которое Гурий пробыл на архиепископии в Казани. Наличие этого пробела указывает на то, что начала Синодального списка, где подробно описывается поставление Гурия — 3 февраля 1555 г.,³³ под рукой при изготовлении второй части не было. Это значит, что та часть списка, где поставление Гурия в 1555 г. описано, не находилась там, где составляли ее продолжение. Теперь совсем по-новому звучит известное указание «Описи царского архива»: «Ящик 224. А в нем списки что п и с а т и (подчеркнуто мной.— Д. А.) в летописец лета новые прибраны от лета 7068 до лета 7074 и до 76».³⁴ Иначе говоря, мы имеем прямое указание на то, что в архиве хранились подготовленные для включения в летопись материалы («что писати») за 1560—1568 гг., а это, как мы видели, точно соответствует размеру второй, неотредактированной части Синодального списка, кончающейся августом 1567 г., т. е. доведенной как раз до «76» (7076 год «от сотворения мира» начинался с 1 сентября 1567 г.). Отсюда же следует также, что материалы, относящиеся к событиям до 1560 г., уже не прибирались там (и ни в одном из ящиков архива не хранились), — значит, они были «прибраны» раньше, использованы для «летописца лет новых» и отосланы из архива. Куда они были отосланы, мы увидим ниже.

³⁰ Там же, стр. 391.

³¹ Поискать авторов этих рассказов дело интересное и, надо полагать, не безнадёжное. Однако этот вопрос, не имеющий отношения к данной теме, мы пока рассматривать не будем.

³² ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 372—373.

³³ Там же, ч. 1, стр. 250.

³⁴ ААЭ, т. I, № 289, стр. 354.

Итак, текст дошедшего до нас Синодального списка состоит из двух, довольно явственно различающихся друг от друга частей, разграниченных 1560 годом. Это наблюдение поможет нам в решении многих вопросов в дальнейшем. Оно, в частности, позволяет объяснить одно весьма загадочное замечание В. Н. Татищева. В своем «Предизвещении» к «Истории Российской» В. Н. Татищев пишет: «Перед всеми хвалы достойный Макарий митрополит описал жизнь царя Иоанна II и Грозного первые 26 лет, как порядочно по годам, так и с достаточными обстоятельностью... Иосиф — келейник Иова Патриарха — или сам Иов — некоторые дела онагож государя последних 24 года, но весьма кратко». ³⁵ Казалось необъяснимым, о чем здесь говорит Татищев? Не дошло до нас ни одной летописи, содержащей описание 26 первых лет жизни Грозного, т. е. начинающейся 1530 и кончающейся 1556 годом. «Несмотря на всю неточность выражений Татищева, — писал по этому поводу С. Ф. Платонов, — думаем, что он здесь понимает именно Никонову летопись с ее продолжением, Новым летописцем. Макарьевская летопись, по представлению Татищева, обнимала 26 лет «жизни» Грозного и, стало быть, должна была кончаться 1556 годом, а летопись Иова (Иосифа) обнимала последние 24 года жизни Грозного и, стало быть, должна была начинаться 1560 годом. Из Московских сводов до конца 50-х годов XVI века доведены Воскресенская и Никонова летописи и Степенная книга. Но только одна Никонова летопись имеет краткие приписки о конце царствования Грозного. Это дает уже повод догадываться, что слова Татищева должны относиться к Никонову своду». ³⁶ Нам представляется, что совершенно неправомерно приписывать здесь Татищеву неточность, а также, что невозможно относить эти слова Татищева к Никонову своду.

Есть прямое указание самого Татищева о том, что вовсе не Никоновский свод он имеет в виду. В главе VII первой части своего труда — «О списках или манускриптах, употребленных к сему собранию» он пишет, что пользовался Никоновским сводом, продолженным до 1630 г., сводом, который, по его мнению, составлялся при участии самого Николая, т. е. в XVII в. ³⁷

Попробуем же разъяснить теперь замечание Татищева. Он говорит о 26 первых и о 24 последних годах жизни Грозного, т. е. о 50 годах. Но ведь Грозный жил, как известно, не 50, а 54 года — с 1530 по 1584 г., и Татищев это знал. Почему же он говорит о 50 годах? Это довольно понятно. Он начинает счет описания жизни Грозного не с 1530 г., не с момента его рождения, а с 1533—1534 г., т. е. с момента, когда Иван стал великим князем. Грозный, действительно, ровно 50 лет правил на Руси. Первым годом самостоятельного значения Грозного был

³⁵ В. Н. Татищев. История Российская, ч. I, предизвещение, стр. XII.

³⁶ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник, изд. 2, СПб., 1913, стр. 312, прим. 2.

³⁷ В. Н. Татищев. Указ. соч., ч. I, гл. VII, стр. 63.

1533—1534 г. Поэтому, отыскивая рукопись, о которой говорит Татищев, нам следует, пожалуй, отсчитывать не от 1530 г., а от 1533—1534 гг. Присчитав к этому времени 26 лет, мы увидим, что Макарьевская летопись, о которой говорит Татищев, должна была оканчиваться 1559—1560 г.

А. Х. Востоков описал рукопись XVIII в., носящую заглавие: «Летописец начало царства царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси от отца его преставления великого князя Василья Ивановича всеа Русии. Списаны Макарием Митрополитом всеа Русии». А. Х. Востоков убедительно показывает, что эта рукопись принадлежала в свое время Татищеву.³⁸ Этим вопрос с Татищевым и разъясняется. Для нас, однако, важно другое: с чего была снята татищевская копия в XVIII в.? В этой связи интересно отметить исследованную нами рукопись Эрмитажной коллекции Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, № 568. Эта рукопись также является копией XVIII в. с «Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича...» от 1534 до 1560 гг. Она начинается и кончается теми же словами, что и рукопись, отмеченная А. Х. Востоковым, и, несомненно, вообще сходна с ней. Правда, в заглавии этой рукописи нет указания на то, что она списана митрополитом Макарием. Рукопись эта имеет многочисленные (хотя и незначительные) разночтения со всеми списками Никоновской летописи. Она не обрывается вместе с ними 1558 годом, а продолжает изложение согласно идущему дальше изложению Синодального списка Лицевого свода и обрывается 1560 годом, почти в том самом месте, где мы на основании исследования киноварных заголовков провели границу первой части Синодального списка. На том же месте обрывается и рукопись, отмеченная А. Х. Востоковым. Этим подтверждается, что летописное повествование (отличное от Никоновской летописи и совпадающее с Синодальным списком Лицевого свода) было вначале доведено до 1560 г.

Списки с этого повествования, не дошедшие до нас, были в руках у историков XVIII в. и послужили оригиналами для снятых в XVIII в. и известных нам теперь копий. Сам Синодальный список Лицевого свода был затем, как мы знаем, продолжен в царском архиве за годы 1560—1567, и современных копий с этой части снято не было. Лишь в XVII в. последняя часть Лицевого свода была полностью за годы 1534—1567 списана, и эти списки дошли до нас. Это Лебедевский список и его продолжение — Александро-Невская летопись.

Имея все основания (они хорошо известны) связывать создание первой части Синодального списка (1553—1560 гг.) с именем митрополита Макария, мы и выскажем предположение, что она создавалась до его смерти, т. е. до 31 декабря 1563 г. Это предположение найдет себе ряд

³⁸ А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея, СПб., 1840, № CCLVII.

подтверждений, когда мы сейчас перейдем к выяснению вопроса, кто и когда делал на ее тексте, а затем на Царственной книге дополнения, приписки и поправки.

III

Когда же редактировались Синодальный список и Царственная книга?

Несомненно, что между тем временем, когда были сделаны приписки к Синодальному списку, и тем, когда были сделаны новые приписки к Царственной книге, произошли события крупнейшего значения. При внесении поправок в Синодальный список редактор оставил без внимания ряд таких мест, где при вторичном редактировании (т. е. на листах Царственной книги) вставил подробные рассказы важнейшего значения. Так, например, если при первом редактировании автор приписок оставил без изменений изложение событий 1553 г., то при редактировании Царственной книги он счел нужным вставить под 1553 годом подробнейший рассказ о болезни царя в этом году и о происшедшем при этом «мятеже» боярском.

То же самое мы наблюдаем и в отношении всех других приписок к Царственной книге, сделанных к тем местам текста, которые при первом редактировании не вызвали возражений. Иногда приписки, сделанные во втором случае, противоречат припискам, сделанным при первом редактировании и взаимно исключают друг друга. В частности, изложение событий 1553 г. в одной из приписок к Синодальному списку (рассказ об отъезде и пытке князя Семена Лобанова-Ростовского под 1554 годом)³⁹ расходится и совершенно несовместимо с изложением тех же событий в приписке к Царственной книге под 1553 годом.⁴⁰ На этом примере мы несколько подробнее остановимся ниже.

Даже простое количественное сличение числа приписок к Синодальному списку с числом приписок к Царственной книге весьма знаменательно. Если к Синодальному списку на листах, охватывающих период в 32 года (1535—1567), редактор этот сделал всего 10 приписок, то на листах Царственной книги (т. е. того же текста, ранее исправленного им же), охватывающих период в 20 лет (1533—1553), он сделал свыше 60 новых приписок и исправлений.

Надо полагать, что какие-то особо важные сдвиги произошли в жизни московского двора в период между этими двумя редакциями, сдвиги, заставившие переосмыслить всю историю первых лет царствования Ивана Грозного и в ряде случаев прямо очернить то, что до этого было названо хорошим. Известно, что годом великих потрясений и перемен, годом, ставшим водоразделом для многих явлений жизни в Московском государстве, является год измены Курбского, год отъезда царя в Александровскую слободу, год учреждения опричнины,— год 1564 г. Имея

³⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 237—238.

⁴⁰ Там же, ч. 2, стр. 522—526.

это в виду, попытаемся в исследуемых нами памятниках найти ответ на вопрос, как они — один по отношению к другому — располагаются во времени. В Синодальном списке под 1539 годом имеется нижеследующий рассказ: «Бысть вражда меж бояр — князя Василья, да князя Иван Васильевичев Шуйских со князем с Ываном с Федоровичем Белским. И в той их брани, повелеша Шуйские и иные бояре: великого князя дияка Федора Мишурина ободрати на своем дворе... и нага положиша его на плаху и повелеша его убить». ⁴¹ К этому рассказу сделана редактором специальная приписка скорописью: «а князя Ивана Федоровича Белского поймаша и посадиша его за сторожи, а боярина Михаила Васильевича Тучкова сослаша с Москвы в его село». ⁴² Итак, специальной припиской редактор счел нужным указать, что Михаил Васильевич Тучков явился жертвой усобицы, затеянной Шуйскими — Василием и Иваном — против Ивана Федоровича Бельского.

Царственная книга, всегда так точно переписывающая Синодальный список с его поправками, вдруг дает совершенно иной рассказ. Приписка о том, что Тучков пострадал в результате борьбы Шуйских с Бельскими и был выслан из Москвы, вовсе пропущена. Больше того, из числа жертв усобицы Тучков попал в число ее организаторов. Перед рассказом об этой усобице в Царственной книге имеется заглавие: «О вражде между бояр великого князя и о убийстве дияка Федора Мишурина» и затем следует рассказ: «тоя же осени по дияволу действу бысть вражда между великого князя бояр: начала враждовати князь Василей да князь Иван Василиевичи Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Белского да на Михаила Василиевича Тучкова... и многие промеж них быше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печеться, а не государским, ни земским». ⁴³

Вслед за этим идет рассказ об убийстве Федора Мишурина, но о том, что Тучков был выслан в результате этой усобицы, теперь не говорится ни слова. Таким образом, Михаил Васильевич Тучков из жертв усобицы (так его роль описывал дополненный редактором рассказ Синодального списка) превратился в одного из зачинщиков кровавых местнических споров, а о том, что он пострадал в этой истории, теперь умолчали.

Чем же знаменит Михайло Тучков, когда и в связи с чем отношение к нему высших московских кругов могло поколебаться? Очень важно вспомнить, что Михаил Васильевич Тучков является дедом Андрея Курбского и что в своем письме к изменнику — князю Курбскому царь Иван писал о Тучкове: «Тако же и дед твой Михайло Тучков, на представлении матери нашея великия царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Циплятеву многая надменные словеса изрече; и понеже еси порождение исчадия ехиднова, — по сему тако и яд отрыгаеши». ⁴⁴

⁴¹ Там же, ч. 1, стр. 98, правая сторона.

⁴² Там же, стр. 98.

⁴³ Там же, ч. 2, стр. 432.

⁴⁴ РИБ, т. XXXI, стр. 55.

Однако этим нелестным отзывом о Тучкове Грозный не ограничивается. Описывая дальше в том же письме боярскую смуту времен своего малолетства, Иван продолжает попрекать Курбского поведением его деда — Тучкова: «И елико сотвориша! Колико бояр и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы и села и имения дядь наших восхитиша себе и водворишася в них! И казну матери нашея перенесли в большую казну, неистова ногами пхающе и осны колюще; а иное же себе разьяша. А дед твой Михайло Тучков то сотворил». ⁴⁵ Вслед за этим в письме идет описание событий, прямо перекликающееся с рассказом Царственной книги, который цитировался выше: «А князь Василей Шуйской на дядей наших княж Андреева дворе, сонмищем иудейским, отца нашего и нашего дияка ближнего — Федора Мишурина изымав, позоривавши убили». ⁴⁶ Естественно, что о ссылке Тучкова в результате этих событий Грозный ничего не говорит.

Таким образом, выясняется с очевидностью, что Синодальный список (в первой своей части, отредактированной) и приписки к нему сделаны раньше 1564 г., когда и сам Курбский был в чести и предки его поминались добрым словом в составляемой истории царствования; что Царственная книга и приписки к ней сделаны после 1564 г. Иначе говоря, очевидно, что измена Курбского и цитированное письмо Грозного (от 5 июля 1564 г.) хронологически лежат между этими двумя редакциями.

В пользу того же говорит и следующее. В своей «Истории о великом князе московском» Курбский пишет, рассказывая про взятие Казани: «А яко ее (вежу.— Д. А.) ставлено и яковым обычаем и иные различные хитрости творено,— сие оставляю кратости ради истории, бо широче в летописной русской книге о том писано». ⁴⁷ Из этой ссылки Курбского на летописную русскую книгу можно заключить следующее. Во-первых, поскольку Курбский, ссылаясь на эту летописную книгу, никак ее не описывает и особо не обозначает, ему, видимо, было известно о создании в Москве единой русской летописной книги, где содержится рассказ о Казанском взятии, и он не опасается того, что читателю может попасть в руки не та летопись, которую он имеет в виду; во-вторых, несомненно, что Курбский эту книгу до своего отъезда читал, так как он твердо знает, что в этой книге подробно описаны такие конкретные детали, как поставление вежи и другие «стенобитные хитрости», описание которых он сам для краткости опускает.

На что же ссылается Курбский? Какую летописную русскую книгу он имеет в виду? Крупнейший исследователь русских литературных памятников XVI в. академик И. Н. Жданов пишет по этому поводу: «Исследователи справедливо признают эту «летописную книгу» за одно и то же с той «повестью» о походе на Казань, которая находится в «Цар-

⁴⁵ РИБ, т. XXXI, стр. 58.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стб. 193.

ственной книге». ⁴⁸ И. Н. Жданов не говорит, естественно, о том, что Курбский ссылается на самую Царственную книгу, а замечает, что его, Курбского, Летописную книгу принимают за одно и то же с той повестью о походе на Казань, которая имеется и в Царственной книге. На самую Царственную книгу Курбский сослаться не мог, так как вполне ясно и очевидно, что она не была ни создана, ни начата к 1559 г., когда Курбский выехал из Москвы. Но ведь действительно Курбский ссылается скорее всего на повесть, которая — одно и то же, что и повесть Царственной книги. Такой повестью, естественно, является та, которую Царственная книга скопировала. Нам известно, что Царственная книга есть копия с Синодального списка, ⁴⁹ именно с первой его части, которая содержала повесть о Казанском взятии и была основной, официальной, замечательно украшенной, единственной в своем роде «Летописной русской книгой».

Это лишний раз наводит на мысль, что Синодальный список начал создаваться и был доведен (по крайней мере) до описания Казанского взятия включительно — ранее 1559 г., когда из Москвы выехал Курбский.

Весьма ценные данные для определения времени редактирования Синодального списка дает рассмотрение приписки его редактора под 1554 годом об изменном деле князя Семена Лобанова-Ростовского, ⁵⁰ пытавшегося бежать в Литву и уже имевшего об этом переговоры с литовским послом Довойном. Приписка рассказывает, что для расследования измены князя Семена царь создал судную комиссию из числа своих доверенных приближенных. В числе вошедших в эту комиссию видим Алексея Адашева — окольничего. И вот Алексей Федорович Адашев в числе других расследует дело, и при этом выясняется, что началом заговора князя Семена Ростовского послужили события 1553 г., когда во время болезни царя Лобанов-Ростовский да бояре Турунтай Пронский, Петр Серебряный, Петр Щенятев, князья Куракины и другие не захотели служить царевичу Дмитрию, а пожелали целовать крест Владимиру Андреевичу Старицкому. Таково первое известие о болезни царя в 1553 г. и о происшедшей при этом боярской смуте. (Заметим, что в тексте Синодального списка под 1553 годом об этом деле ничего не сказано).

Итак, «Алексей Адашев — окольничий», согласно приписке, расследуя дело об измене князя Семена, вскрывает его корни, идущие к событиям 1553 г. А между тем в 1564 г., в письме к Курбскому, Грозный совсем иначе характеризует отношение «собаки Алексея Адашева» к событиям 1553 г. Сказав о том, что он заболел по возвращении из Казанского похода, Грозный пишет: «тогда убо еже от тебя нарицаемые доброты — возшаташася, яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником

⁴⁸ И. Н. Жданов. Соч., т. I, СПб., 1904, стр. 123—124.

⁴⁹ Ныне листы за годы 1542—1552 в рукописи Синодального списка утрачены.

⁵⁰ ПСРЛ, т. XIII, под 1554 г., стр. 237 и 238; в рукописи — листы 107, 108, 109.

вашим Алексеем, мневше нас в небытию быти, забывше благодеяния наших» и т. д.⁵¹

Не ясно ли, что после такого описания роли Адашева в 1553 г., данного Грозным в 1564 г., наш редактор не стал бы в специальной приписке к официальному своду рассказывать об окольничем Алексее Адашеве, производившем следствие и вскрывшем это дело? Совершенно ясно, что указанная приписка могла появиться только раньше 1564 г.

Наконец, вопрос о том, что Синодальный список редактировался до 1564 г., а Царственная книга — после этого года, решается еще и следующим соображением. Известно, что составитель Царственной книги, при создании ее, т. е. при переписке Синодального списка, пользовался в качестве дополнительного источника, из которого брал некоторые детали, Книгой Степенной царского родословия.⁵² А Степенная книга, как известно, была создана не ранее 1563 г.⁵³ Отсюда ясно, что составитель Царственной книги мог пользоваться ею лишь позднее этого года.⁵⁴ Отсюда же ясно, почему в Синодальном списке нет и не могло быть следов влияния Степенной книги: когда этот список писался, Степенная книга еще не была закончена.

Все изложенное дает основание утверждать, что Синодальный список начал создаваться и редактировался до 1564 г., а Царственная книга — после этого года. Ниже будет дан опыт более точной датировки этих памятников. Пока же ограничимся проведением этой грани.

IV

Наиболее интересным вопросом при изучении приписок к Синодальному списку и к Царственной книге является, естественно, вопрос о том, кто их автор? Кто этот человек, который через самые бурные годы царствования Ивана IV пронес свое право безапелляционно и столько раз, сколько это ему нравилось, править и переделывать официальную Московскую летопись?

Выше уже говорилось, что автор приписок, редактор свода, был человеком, облеченным абсолютными полномочиями в отношении создававшейся летописи. За все долгие годы, в течение которых создавались личные своды, никто больше не редактировал уже ее листы, хотя несомненно, что перед тем как текст отдавался писцу для чистовой переписки, этот текст сочинялся и редактировался лицом также ответственным. Нашего редактора никто уже не поправлял и не дополнял.

Этот человек в государственных делах был осведомлен несравненно больше тех, кто составлял летописные рассказы, так как он дополняет эти рассказы многочисленными и яркими подробностями из жизни цар-

⁵¹ РИБ, т. XXXI, стр. 64—65.

⁵² А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 15—17.

⁵³ П. Г. Васенко. Книга Степенная царского родословия, ч. I, СПб., 1901, стр. 114.

⁵⁴ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, СПб., 1905, стр. 543

ского окружения. Он по своему усмотрению то казнит, то жалует перед историей самых именитых деятелей своего времени. Вот примеры того, каким тоном редактор дает указания составителю летописи. На листе 65 Синодального списка по поводу рисунка, на котором изображен Иван IV, указано: «В знаменье государь написан не к делу», иначе говоря, предлагается при переделке вычеркнуть государя из рисунка. Рисунок, о котором идет речь, отнюдь не является карикатурой на царя, и он там изображен не хуже, чем на других рисунках. Учитывая это, надо признать, что редактор, предписывающий вычеркнуть Грозного из рисунка, должен был быть смелым, уверенным в своем положении человеком.

На листе 293 об. Царственной книги по поводу рисунка, изображающего свадьбу царя, скорописная приписка предписывает: «розписат на двое — венчание да брак». На листе 361 Царственной книги над рисунком приписано скорописью: «Царя писат тут надобет стара». Иногда редактору просто не нравится исполнение рисунков, и он, например, на листе 571 Царственной книги замечал: «Знаменье написать того подлиннее». ⁵⁵ При этом бросается в глаза исключительная приверженность редактора к Ивану IV. Восхваление и подчеркивание его первой роли во всевозможных благих деяниях является содержанием множества приписок к обоим текстам.

Попробуем теперь подытожить все, что мы можем утверждать об авторе приписок. Возьмем пока немногие, но несомненные его черты.

Он должен был быть в живых и находиться при дворе после 1564 г.

Он был лицом весьма полномочным, а в отношении редактирования сводов являлся последней инстанцией.

Его политические взгляды суть политические взгляды Грозного.

Личности царя он исключительно предан.

Редактор этот — человек с большим политическим кругозором.

Он в курсе всех важных событий, происходящих как непосредственно возле и при участии царя, так и на самой отдаленной периферии государства.

Он — очевидец Казанского взятия (об этом бесспорно свидетельствуют его мелкие поправки к рассказу о взятии Казани).

Он в деталях знаком (по документам или как занимавшийся непосредственно) с делом о боярском брожении 1553 г. и с делом об измене князя Лобанова-Ростовского, не говоря о ряде других более мелких дел.

Можем ли мы найти среди известных нам деятелей Московского государства того времени человека, который подходил бы под все без исключения установленные нами признаки.

Да, можем.

Человеком, который безусловно отвечает всем без исключения установленным признакам автора приписок, является сам царь Иван IV Васильевич Грозный.

⁵⁵ Об этих замечаниях см. А. Е. Преспякова. Указ. соч., стр. 8, прим. 10.

В самом деле: он пережил все грозы, унесшие десятки других; он, конечно, имел максимальные редакторские полномочия; он производил, само собой понятно, правку летописи в духе своих политических взглядов; он отличался стремлением к восхвалению себя как государя и не упустил бы случая восхвалять себя в своем собственном летописном своде; он был высоко грамотным и отлично осведомленным «мужем чудного разума»; он был в курсе всех событий двора и периферии; он очевидец Казанского взятия; он, несомненно, знал все по делу 1553 г. и по делу князя Семена Ростовского; он, естественно, нигде не опорочен в приписках, — кто как не он мог свободно указывать — вычеркнуть государя из рисунка или нет?

Вышеизложенное еще не доказывает, что царь Иван был автором приписок к Лицевым сводам, однако, оно дает основание, чтобы такое предположение сделать и заняться его проверкой.

V

А. Е. Пресняков в упоминавшейся выше работе пишет «по поводу скорописных приписок, неизвестно кем сделанных и откуда взятых: эти последние как единственный источник для целого ряда живых и любопытных известий о времени Ивана Грозного и придают Царственной книге столь высокую ценность. Восстановить литературную историю их было бы весьма важно». ⁵⁶ Это мнение о приписках как о единственном источнике тех известий, которые они сообщают, прочно установилось в исторической науке. Однако это мнение правильно только в том отношении, что приписки — единственный летописный источник для ряда известий, как указано в начале этой работы.

Но в числе нелетописных источников мы имеем такой, где почти все содержание приписок также имеется (речь идет, конечно, не о мелочах, а о существенных приписках).

Поскольку мы предположили, что Иван Грозный — автор замечательных приписок к Лицевым сводам, нам, чтобы доказать это, необходимо обратиться к другим его произведениям. Если наше предположение правильно, то в этих других произведениях Грозного мы обязательно найдем родственные припискам элементы по содержанию, по основной политической направленности и по оборотам речи.

Наиболее существенным документом, вышедшим из-под пера Ивана Грозного, является его письмо к Андрею Курбскому от 5 июля 1564 г. В этом письме царь Иван высказал свои политические взгляды и парировал нападки противников из лагеря боярской оппозиции.

Посмотрим, не найдем ли мы сходства между содержанием приписок и содержанием этого письма. Рассмотрим все важные приписки в хронологическом порядке. Первая из них, сделанная на листах Синодального списка под 1539 годом, относится к рассказу летописи о том,

⁵⁶ А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 17.

как в этом году произошли кровавые столкновения между двумя боярскими группировками — между Шуйскими и Бельскими. Приписка редактора дополняет этот рассказ некоторыми подробностями.⁵⁷

Обратимся к письму Грозного. Здесь перечень боярских измен и распрей времен своего малолетства, который он приводит Курбскому, царь начинает с этого самого факта мятежа Шуйских в 1539 г.⁵⁸ Иначе говоря, тот же эпизод, который привлек внимание редактора Синодального списка, вызвал его дополнения, и Грозным сочтен существенным фактом, подкрепляющим его аргументацию. Еще более характерно, что именно те слова, которые были приписаны рукой редактора на полях летописи, наиболее сходны по своему значению со словами Грозного в письме. Если в приписке специально подчеркивается, что Шуйские привлекли к мятежу и убийству целое сборище княжат, детей боярских и дворян, то и в письме подчеркивается, что Шуйские организовали целое сборище — «сонмище иудейское» — для расправы со своими противниками. И в приписке и в письме окончания рассказов совпадают. Почти в одних и тех же словах говорится, что Шуйские заточили князя Ивана Федоровича Бельского.

Следующая приписка к Синодальному списку подробно описывает новый мятеж Шуйских, который они учинили в 1542 г., силой захватив власть и расправившись со своими политическими соперниками.⁵⁹ Обратившись к письму Грозного, видим, что и этот факт взят Грозным в качестве следующей иллюстрации боярского разгула во времена его юности,⁶⁰ причем сходство обоих рассказов совершенно очевидно. И в приписке и в письме рассказывается одно и то же: в приписке более подробно, в письме — сокращеннее. Рассказ приписки заканчивается следующими словами: «...а митрополит Иосаф в те поры пришел ко государю в комнату и бояре пришли за ним ко государю в комнату шумом и сослаша митрополита в Кирилов монастырь...»⁶¹ Рассказ письма заканчивается: «Да митрополита Иосафа с великим бесчестием с митрополии согнаша».⁶²

Возьмем третью приписку Синодального списка. Она относится к рассказу летописи о том, что в 1554 г. князь Семен Лобанов-Ростовский, войдя в сношения с литовским послом Станиславом Довойном, решил изменить, бежать в Литву, и о том, что был за это арестован.⁶³ Летописец, рассказывая о допросе кн. Семена Ростовского, пишет, что тот объяснил свою измену скудостью ума, «палаумством». Редактор, вычеркнув в летописи слово «палаумство», делает к тексту обширные приписки, которые придают делу иные черты, и попытку Ростовского

⁵⁷ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 98.

⁵⁸ РИБ, т. XXXI, стр. 58.

⁵⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 141.

⁶⁰ РИБ, т. XXXI, стр. 64.

⁶¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 141.

⁶² РИБ, т. XXXI, стр. 64.

⁶³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 237.

бежать в Литву объясняют не его глупостью, а политическими причинами.

И этот факт именно в том освещении, в каком он дан в приписке (а не в летописи), мы тоже находим в письме Грозного к Курбскому.⁶⁴ Мы снова видим явное сходство рассказа приписки с рассказом Ивана Грозного. Редактор, например, в своей приписке рассказывает, как князь Семен клеветал литовскому послу Станиславу Довойну на царя: «что всех их (т. е. бояр.— Д. А.) государь не жалует... да и тем нас истеснил, что женился — у боярина своего дочер взял, понял робу свою, и нам как служить своей сестре...»⁶⁵ Грозный в своем письме пишет о том же: «своим изменным обычаем, литовским послом — пану Станиславу да Войну... душу изнесе, нас укоряючи и нашу царицу». ⁶⁶

Итак, родство приписок к Синодальному списку и письма Грозного к Курбскому — налицо. Особенно подчеркиваем, что Иван Грозный в качестве примеров боярских измен и бесчинств берет именно те три эпизода, которые привлекли также главное внимание автора приписок.

Обратимся теперь к Царственной книге.

Возьмем первую большую приписку. Она сделана под 1547 годом. Вычеркнув рассказ летописи о новом мятеже Шуйских в сентябре 1543 г., редактор заменяет его своим подробным рассказом об этом событии.⁶⁷ Обращаясь к письму Грозного от 5 июля 1564 г., находим там такой же рассказ об этом же факте.⁶⁸ Автор приписки пишет: «В лето 7052 септември 9, ...бояре князь Иван и Ондрей Михайлович Шуйские, да князь Федор Иванович Шуйской, да их советницы...» (перечисляет). Грозный пишет: «Потом же князь Андрей Шуйский со единомысленниками своими...»

Приписка продолжает свой рассказ: «взволновашася между собой перед великим князем и перед митрополитом в столовой избе, у великого князя на совете... изымаша Федора Семенова сына Воронцова... и биша его по ланитам и платье на нем подраша и хотеша его убить...» В письме видим то же самое: «пришед к нам в столовую избу и перед нами боярина нашего Федора Семеновича Воронцова восхитивше бесчестно и оборвавши вынесли из нашей столовой избы и хотели его убить».

Далее читаем в приписке: «И посла к ним государь митрополита и бояр своих Ивана и Василия Григорьевичев Поплевиных Морозовых чтобы Федора не убили. И для государя слова Шуйские Федора не убили... приговорили послати Федора и сына его Ивана на Кострому». В письме об этом написано в тех же выражениях: «И мы послали к ним митрополита Макария, да бояр своих Ивана да Василья Григорьевича Морозовых своим словом, чтобы Федора не убили. И они едва на-

⁶⁴ РИБ, т. XXXI, стр. 65.

⁶⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 237.

⁶⁶ РИБ, т. XXXI, стр. 65.

⁶⁷ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 443—444.

⁶⁸ РИБ, т. XXXI, стр. 59.

шего слова послушали и сослали его на Кострому». Оканчиваются оба рассказа и вовсе одинаково. В приписке: «А в кою пору от государя митрополит ходил к Шуйским и в ту пору Фома Петров сын Головина у митрополита на манатью наступил и манатью на митрополите подрал». У Грозного в письме читаем: «а митрополита в то время бесчестно затеснили и манатию на нем со источники исодрали».

Как видим, родство текстов полное. Совершенно очевидно, что рассказ приписки к Царственной книге о мятеже Шуйских в 1544 г. есть расширенный за счет указания имен виновников бесчинств рассказ Грозного в его ответе Курбскому. Каким образом были воскрешены в памяти и установлены эти имена, мы увидим ниже.

Следующая приписка к Царственной книге под 1547 годом представляет особый интерес с точки зрения ее непосредственной связи с полемикой между Грозным и Курбским. Летописец под 1547 годом поместил скромный рассказ о пожаре, бывшем в этом году.⁶⁹ Он рассказывал о том, что черные люди града Москвы «от великие скорби пожарные всколебашася... и пришедше во град и на площади убиша каменьем... боярина Юрья Васильевича Глинского». В свое время, исправляя Синодальный список, редактор оставил этот рассказ без внимания, а потому он без всяких изменений был перенесен в Царственную книгу. Но при редактировании Царственной книги редактор весь этот рассказ вычеркнул и взамен его написал на полях свой рассказ, совершенно иначе излагающий события, связанные с пожаром 1547 г.⁷⁰

В приписке рассказывается, как после пожара распространился среди черных людей слух, что пожар произошел от колдовства, будто бабка царя — княгиня Анна Глинская с сыновьями вынимала человеческие сердца, мочила их в воде и тою водой кропила, разъезжая по Москве, и от этого начался пожар и погорела Москва. В действительности, как утверждает приписка, в это время княгини Анны Глинской и ее сыновей в Москве вовсе и не было. Один из них — князь Юрий — только что приехал в Москву как раз во время распространения этих слухов. И тогда, рассказывает приписка, бояре, враждебно настроенные к Глинским, стали подстрекать черных людей убить князя Юрия Глинского, который и был убит в церкви. Затем, рассказывает приписка, тело князя Юрия было извлечено на площадь, за город, и брошено на торжище в том месте, где обычно казнили... Далее перечисляются виновники подстрекательства.

Таким образом, мы видим, что рассказ летописи, сухо и без всякой политической тенденции говорящий об убийстве черными людьми князя Юрия Глинского, под пером редактора превратился в рассказ о коварном заговоре бояр, враждебных царю и его родственникам. Но если этот новый рассказ совсем не похож на прежний рассказ летописи, то зато он совершенно тождественен с рассказом об этом же событии Ивана

⁶⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 455.

⁷⁰ Там же, стр. 455—457.

Грозного в письме к Курбскому.⁷¹ Грозный рассказывает совершенно так же о том, как распространился слух о колдовстве, как изменники-бояре подстрекали народ, как по их наущению был в церкви убит князь Юрий Глинский и как его, мертвого, потом положили на торжище «яко осужденника». Сходство в написании обоих рассказов иногда абсолютное. Рассказ приписки кончается так: «А после того убийства... приходиша многие люди чернь, скопом ко государю в Воробьева, глаголюще нелепая, что будто государь хоронит у себя княгиню Анну и князя Михаила, и он чтобы их выдал им». Рассказ Грозного в письме заканчивается почти теми же словами: «да те же наши изменники возмutilи народ яко-бы и нас убить за то, что ...мы князь Юрьеву мать Глинского княгиню Анну и брата его князя Михаила у себя хоронили от них».

Мы снова можем отметить очевидную родственность рассказов письма и приписки. Однако здесь интересен и другой вопрос: что вызвало появление этого нового рассказа об обстоятельствах убийства Глинского? Почему раньше этот рассказ не обратил на себя внимания редактора, когда он правил Синодальный список? Ответ на это совершенно очевиден. Дело в том, что в своем письме к Ивану Грозному Курбский, осыпая царя упреками, обвиняет его, в частности, в том, что он, царь, до того пал в своей греховности, что проливал кровь в церквях, да притом еще кровь безвинных людей. Грозный с гневом отвергает в своем письме это обвинение. Несколько раз возвращаясь к этой теме, он стремится доказать, что, наоборот, бояре-изменники безвинно проливали в церквях кровь. Прямым ответом на упрек Курбского звучат слова его рассказа об убийстве князя Юрия Глинского: «князя Юрия Васильевича Глинского бесчеловечно выволокли в соборную церковь успения пресвятые богородицы и убиша в церкви безвинно, против митрополича места и кровью его помост церковный окровавивше...»⁷² Написав эти слова, Грозный для большей убедительности восклицает: «И сие во церкви святой убийство его — всем ведомо!» Однако действительно ли всем было ведомо это убийство в церкви? Чтобы оно стало «всем ведомо», нужно было описать его в летописи, что и было сделано при первом же случае в виде приписки, о которой мы говорили выше.

Изложенное подтверждает еще раз ранее сделанный нами вывод о том, что приписки к Царственной книге делались после того, как Курбский и царь в 1564 г. обменялись письмами, а приписки к Синодальному списку делались до того как происходила эта переписка, в частности, до того как Курбский в своем письме впервые поставил вопрос о кровопролитии в церквях. Наряду с этим выясняется, что приписки к Царственной книге являются в основном не чем иным, как перенесением в летопись, с целью укрепить ее авторитетом и увековечить, как оправдательные, так и обвинительные доводы царя из его полемики с Курбским.

Самой большей и, быть может, самой интересной по своему содержа-

⁷¹ РИБ, т. XXXI, стр. 60—61.

⁷² Там же.

нию является приписка, сделанная редактором к тексту Царственной книги под 1553 годом.⁷³ Она рассказывает о болезни царя в марте этого года и о происшедшем во время ее боярском мятеже. Интересно отметить, что в Синодальном списке об этих событиях нет ни слова. Редактор в свое время также ничего об этом не приписал. Таким образом, и в тексте Царственной книги о болезни царя в 1553 г. ничего не сказано. Рассказ, который теперь, редактируя Царственную книгу, счел необходимым приписать редактор, весьма пространен. Приписка эта занимает четыре страницы печатного текста. Сличив этот рассказ с тем, что об этих же событиях пишет Грозный в своем письме, мы убедимся, что приписка, как и в прежних случаях, лишь расширяет и детализирует описание письма. Если, например, в письме мы находим ряд резких высказываний о деятельности священника Сильвестра, осуждающих его за то, что он в свое время, забыв духовное звание, занялся мирскими делами,⁷⁴ то и в приписке под 1553 годом целый большой абзац уделен такому же осуждению Сильвестра. Вот что там говорится о нем: «В та же времена, бысть у благовещения у церкви, еже на сенех царского двора некий священник — зовом Селивестр... Бысть же сей... Селивестр у государя в великом жаловании и в совете духовном и в думном и бысть яко всемогий: вся его послушаху... ради царского жалования; указывавше бо и владыкам, и митрополиту, и архимандритом, и игуменом, и чернецом, и попом, и бояром, и диаком, и приказным людем, и воеводом, и детем боярским... и спроста рещи всякие дела, и власти святительские и царские правяще... якоже царь и святитель, точию имени и образа и седалища не имяше святительского и царского, но поповское имяше...»⁷⁵ Обратим внимание на то, что этот рассказ о Сильвестре, приписанный к летописи, не похож на летописное изложение. Это — самый настоящий памфлет, пропитанный иронией, столь излюбленной царем Иваном.

Само описание боярского мятежа 1553 г. в приписке и в письме также сходно. Начало рассказа приписки такое: «Пришедшу благочестивому царю из Казани на... Москву... По сем же... в среду... марта 1 дня — разболелся царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси; и бысть болезнь его тяжка зело... и тако бяше болен, яко многим чаяти: к концу приближишися...»⁷⁶ В письме царь начинает этот рассказ так: «Та же нам пришедшим во царствующий град Москву... Мало-же времени минувшу, яко-же убо владыкам быти случается, немощию одержимы и землю изнемогшу».⁷⁷

Далее приписка дает очень подробный рассказ о нежелании бояр целовать крест сыну царя Дмитрию, о намерении их воцарить двоюрод-

⁷³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 522—526

⁷⁴ РИБ, т. XXXI, стб. 47, 50, стр. 63.

⁷⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 524.

⁷⁶ Там же, стр. 522.

⁷⁷ РИБ, т. XXXI, стр. 64.

ного брата царя, князя Владимира Андреевича, и о происходивших при этом спорах. Письмо пишет о том же, но короче «тогда.. еже от тебя нарицаемые доброхоты, возшаташася яко пьяни с попом Селивестром и с начальником вашим Алексеем, мневше нас в небытию быти...»⁷⁸ Следующие строки письма почти сливаются со словами приписки. Иван пишет, упрекая бояр: «Забывше благодеяния наших..., еже отцу нашему целовали крест и нам, еже кроме наших детей иного государя себе не искати». ⁷⁹ Согласно приписке, Грозный обращается к боярам с теми же словами: «Коли вы сыну моему Дмитрию креста не целуете, ино то у вас иной государь есть; а целовали есте мне крест и неодинова, что-бы. мимо нас иных государей не искали». ⁸⁰

Интересно отметить, что и письмо Грозного и приписка после рассказа об этом мятеже делают вывод о том, что события 1553 г. послужили началом всех дальнейших бедствий. Грозный заканчивает рассказ так: «Попу-же Сильвестру и Олексею оттоле не престающе вся злая советующе и утеснение горчайшее сотворити; ...князю же Владимиру Андреевичу во всем убо хотение удержаже...» ⁸¹ Приписка заканчивается следующими словами: «и оттоле бысть вражда велия государю с князем Владимиром Андреевичем, а в боярах смута и мятеж, а царству почала быть во всем скудость». ⁸²

Мы произвели сличение рассказов, одинаково содержащихся как в письме Ивана Грозного к Курбскому от 5 июля 1564 г., так и в приписках к Царственной книге и к Синодальному списку. Небезынтересно рассмотреть вопрос о том, какие факты из числа подобранных Грозным в его письме не вошли в содержание приписок и не отразились на них.

Большинство фактов, подобранных Иваном в письме, относятся к годам его детства и юности. Эти факты, следовательно, могли бы найти свое место или хотя бы отражение в приписках. Однако некоторые, весьма яркие, в приписки не попали. Я имею в виду следующие рассказы из письма Грозного, посвященные боярским бесчинствам. Грозный, вспоминая понесенные им обиды, пишет: «Едино вспомяну: нам бо во юности детства, играюще, а князь Иван Васильевич Шуйской сидит на лавке, локтем опершися,— о отца нашего о постелю (подчеркнуто мной.— Д. А.) ногу положив, к нам же не преклоняясь не токмо яко родительски, но еще властелински, яко рабское же ниже начало обретяся». ⁸³ Факт очень яркий, факт прямого издевательства над маленьким великим князем Иваном и братом его Юрием и над памятью покойного Василия III. Однако этот факт в приписки не попадает.

Далее в письме Грозный уделяет много места рассказу о безудерж-

⁷⁸ РИБ, т. XXXI, стр. 64.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 525.

⁸¹ РИБ, т. XXXI, стр. 65.

⁸² ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 526.

⁸³ РИБ, т. XXXI, стр. 58.

ных хищениях, которые в те времена совершали бояре из великокняжеской казны и даже из личных вещей великокняжеского обихода. «И тако в той нашей казне исковавшие себе сосуды злати и серебряни и имена на них родителей своих подписаша,— будто их родительское стяжание; а всем людям ведомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйского шуба (подчеркнуто мной.— Д. А.) была — мухояр зелен на кунницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина (т. е. серебро и золото, пошедшее на сосуды.— Д. А.) и чем бы суды ковати, ино лутчи бы шуба переменити, да во излишнем суды ковати».⁸⁴ Этого рассказа также нет в приписках.

Полное отсутствие именно этих двух рассказов письма в числе приписок к Царственной книге представляется нам не случайным. Причина этого отсутствия довольно ясно проступает при рассмотрении «Краткого отвещения князя Андрея Курбского на зело широкую епистолию великого князя Московского». Напомним известное начало этого ответа Курбского на письмо Ивана: «Широковещательное и многошумящее твое писание приях и вразумех и познах...» Далее, как известно, Курбский, издаваясь, упрекает Грозного в неумелом и слишком неумеренном цитировании из различных книг и писаний: «...т у т о ж е о постелях и телогреях и иные безчисленные яко неистовых баб басни...»⁸⁵ и т. д.

Мы видим, что в качестве опорных точек для осмеяния содержания царского письма Курбский выбрал из всего письма именно те два рассказа, которые мы привели выше. (О постели в письме Грозного сказано всего один раз — в цитированном нами отрывке, а слова «телогреи» Грозный вообще нигде не употребил,— Курбский имеет здесь в виду рассказ о шубе Ивана Шуйского, также приведенный выше).

Это единственные рассказы из письма Грозного, которые затронул Курбский. В отношении остальных он просто отписался: «А хотех на каждо слово твое отписати, но удержаж руку с тростию сего ради, яко и в прежнем послании своем написах ти — возлагаючи вся сия на божий суд».

Отсутствие перенесения из письма в приписки именно тех двух фактов, которые стали предметом осмеяния Курбского в его ответе, есть не случайное совпадение. Несомненно, что ответ Курбского, пришедший в Москву, надо полагать, до того как началось редактирование Царственной книги, сыграл здесь свою роль. Не приходится говорить, что первым читателем этого ответа и человеком, более других призадумавшимся над ним, был Иван Грозный. Весьма даже вероятно, что он долгое время оставался и единственным читателем этого оскорбляющего его письма.

* * *

Какие выводы вытекают из произведенного сличения основных приписок к лицевому своду и переписки Грозного с Курбским?

⁸⁴ Там же, стр. 59.

⁸⁵ Там же, стб. 113 (подчеркнуто мной.— Д. А.)

Несомненная родственность текстов может считаться установленной. Рассказы первого письма Грозного и рассказы приписок к летописи по содержанию совпадают полностью. Изложение, как мы видели, если и не всегда совпадает дословно, то всегда весьма сходно: одни и те же мысли, одни и те же краски, одни и те же выводы. В некоторых же случаях мы видели и дословное сходство изложения. С другой стороны, те различия, которые есть между рассказами Грозного в письме и рассказами приписок — различия изложения, размера, количества имен и подробностей, — доказывают, что всякое списывание из одного источника в другой исключается. Нельзя сказать, что Грозный, начиная перечень боярских измен, списывал приписки Синодального списка. Нельзя также сказать, что потом автор приписок к Царственной книге списывал факты, приводимые Грозным в письме.

Необходимо еще учесть, что приписки и письмо объединены, кроме того, одним весьма важным признаком: они в большинстве случаев являются единственными источниками тех сведений, которые сообщают. Например, такое значительное событие, как боярский мятеж 1553 г. во время болезни царя, даже не упоминается ни в одном другом источнике, кроме приписок и письма Грозного. Это является верным признаком единого происхождения обоих источников.

Таким образом, и сходства и различия приписок с письмом приводят нас к выводу, что и письмо и приписки написаны хоть и в разное время, для разных целей, но одним автором. Письмо, как известно, написано Иваном Грозным.

VI

При чтении Царственной книги, особенно рассказа о взятии Казани, резко бросается в глаза стремление автора приписок в каждом случае, где это только возможно, лишний раз подчеркнуть личную роль Ивана Грозного в том или ином важном деле. Казалось бы, самый текст летописи настолько насыщен восхвалением Ивана и дел его, что добавить сверх того уже нечего. Однако редактор все же находит множество поводов приписывать Ивану все новые и новые заслуги.

Возьмем примеры. На листе 577 Царственной книги читаем рассказ о взрыве подкопа под казанскими стенами: «Лета 7061... И в неделю на литургии тогда чтушу диакону святыя Евангеліе и последнее возгласи, глаголя: «и буде едино стадо и един пастырь»... и вкупе со гласом от подкопу взорвало тайник с людем казанским». ⁸⁶ Весь этот текст летописи вычеркнут редактором и взамен его приписано: «И в неделю порану возвестиша царю, яко поспел подкоп тайник, и царю объездыше град и сматрящу и внезапно от подкопу взорвало тайник с людем казанским.»

На листе 623 Царственной книги текст рассказывает о поставлении животворящего креста в честь победы. Редактор перечеркивает рас-

⁸⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 506.

сказ, переделывает его так, будто царь поставил крест «своими руками». ⁸⁷

На листе 625 Царственной книги читаем рассказ «о въезде царском во град». «И повеле государь единую улицу очистить к цареву дворцу от Муралевых ворот — мертвых поспести; и едва очистили и государь въехал во град». ⁸⁸ Редактор, не удовлетворяясь этим рассказом, пополняет его с целью подчеркнуть значение освободительной миссии Ивана и его великую доброту. Вот что он пишет: «И государь поехал к городу и тут у наряду стояли множество народу христианского, мужска полу и женска свобождешеся из плена; и яко узрели государя — все со слезами пали и вопияху радостными глаголы: «избавитель наш государь, из ада ты нас вывел! Нас для — сирот своих головы своей не пощадил». Государь же повеле их в стан свой отвести и напитати. И по многу дни у государя в стану множество, освободившихся от плена христиан питахуся; государь же повелеваше их устраивати и вверх отсылати по домом их, тысящ по три и по пяти».

Подобных мест, где текст летописца дополнен редактором с целью подчеркнуть личную роль государя во всех важных и полезных делах, достаточно много, и это указывает на то, что автор приписок придавал первостепенное значение подчеркиванию личных заслуг царя.

Мы узнаем здесь характернейшую для Ивана Грозного черту его литературной деятельности. Эту особенность его сочинений замечательно формулирует И. И. Смирнов. «Своеобразие Ивана Грозного, как политического писателя, — пишет он, — заключается в том, что, будучи теоретиком и защитником самодержавия, он выступает как апологет своей собственной власти, придавая своим воззрениям на природу царской власти характер своего рода политической исповеди, изложения тех принципов, которыми он сам — царь — руководствуется. Эта черта воззрений Ивана Грозного придает его писаниям совершенно особый, неповторимый колорит. Практическая деятельность подымается здесь до высоты теории, превращаясь в форму проведения в жизнь принципов этой теории, а сама теория выступает как прямое и непосредственное руководство к практической деятельности, определяющее и направляющее эту деятельность. Основная цель всех литературных произведений Ивана Грозного заключается в том, чтобы доказать полную правоту своего поведения, подчеркнуть принципиальный характер своей политики, соответствие ее основным принципам государственной власти». ⁸⁹ Мы целиком присоединяемся к этой оценке литературной деятельности Грозного. Именно так: практическая деятельность подымается им до высоты теории. Именно так: основная цель всех литературных произведений Ивана Грозного состоит в том, чтобы показать полную правоту своего поведения и в этом своеобразие, особый, неповторимый колорит сочинений Ивана Грозного.

⁸⁷ Там же, стр. 524.

⁸⁸ Там же, стр. 515.

⁸⁹ И. И. Смирнов Иван Грозный. Л., 1944, стр. 105—106.

VII

Особый интерес для данного исследования представляет собой «Опись царского архива», напечатанная в т. I Актов Археографической экспедиции.⁹⁰

Эта опись свидетельствует о существовании при Иване IV хорошо поставленного государственного исторического архива, где в двухстах с лишним ящиках хранились документы самого различного происхождения, начиная от личной переписки великих князей, включая материалы сысков и кончая памятниками дипломатических сношений.

На указанной описи имеются пометки о том, когда и кем взят из архива тот или иной документ. Опись царского архива и ее пометки уже давно были использованы как исторический источник всеми, кто занимался вопросами московского летописания в XVI в. Для нас эти бесстрастные канцелярские пометки приобретают значение объективного подтверждения предположений, которые были сделаны выше.

Рассмотрим те из пометок на описи, которые имеют отношение к вопросам летописания. В описи читаем: «Ящик 174. А в нем отъезд и пытка во княж Семенове деле Ростовского». Вверху отмечено: «Взят ко государю во княж Володимерова деле Ондреевича 7071 году июля в 20 день».⁹¹

Итак, мы узнаем, что в июле 1563 г. дело об отъезде и пытке князя Семена Лобанова-Ростовского было затребовано царем и направлено к нему. Мы знаем также, что рассказ об изменном деле князя Лобанова-Ростовского является содержанием самой большой и самой значительной приписки нашего редактора к тексту Синодального списка под 1554 годом. Нельзя не поставить эти два обстоятельства в прямую связь между собой.

Еще меньше сомнений по этому вопросу останется, если рассмотреть и сравнить первоначальный рассказ летописи об этом с рассказом, который дает приписка редактора. Вот как рассказывала летопись до редактирования о допросе князя Семена: «...И царь и великий князь велел князя Семена поймать и выпросить его; и князь Семен сказал, что хотел бежать от убожества и малоумства, понеже скудота у него была разума и всяким добрым делом, туне и в пустошь изъедаючи царское жалование и домашняя своя... и князь Семен сам сказывал, что все то от палоумства...»⁹²

Этим объяснением причин, побудивших князя Семена бежать в Литву, летопись и ограничивается. «Палоумство» князя — вот причина. Такая версия могла быть создана в свое время правительством для общественного мнения и для объяснения дела за границей. Мы даже

⁹⁰ Подробное описание см. в работе А. Н. Ясинского «Московский Гос. Архив в XVI веке», СПб., 1909.

⁹¹ ААЭ, т. I, № 289, стр. 347.

⁹² ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 237—238.

наверняка знаем, что это именно так, что «палоумство» князя Семена было придумано и пущено в ход в качестве официальной версии, объясняющей измену и арест кн. Семена. В сентябре 1554 г. отправляющемуся в Польшу послу Ивана Грозного — Федору Васильевичу Вокшерину был дан такой наказ: «Нечто учнут спрашивати которым обычаем, про княж Семеново дело Ростовского,— и Федору говорити: пожаловал был его государь боярством для отечества, а он недороден, и в разуме прост и на службу не пригодился, и захотел того, чтобы его государь пожаловал с дородными равно. И государь его так не пожаловал. И он малоумством шатался и со всякими иноземцы говорил не пригожие речи про государя и про земли и чем бы государю досадити; и государь те его вины сыскал, что он меж государя нашего и многих земель ссоры чинил и зато велел его казнити. А нечто учнут говорити: со князем Семеном хотели ехати прочь многие бояре и дворяне? и Федору говорити: к такому дураку добрый кто пристанет? Лишь с ним воровали его племя — такие же дураки». ⁹³ Однако совершенно ясно, что следствие этим показным объяснением не могло удовлетвориться, даже если бы князь Семен действительно попытался разыграть на допросах умалишенного. Естественно, что в сыском следственном деле признания князя Семена выглядели иначе и раскрывали настоящие, политические корни измены.

Именно так и повествует о событии приписка редактора. При чтении ее вполне очевидно, что она писана не по слухам или показным версиям, а на основании таких данных, которые могли быть почерпнуты только в сыском деле. Напомним наиболее интересные места приписки. Мы прежде всего увидим длинный список следователей, несомненно почерпнутый из документа. «...И царь и великий князь, видя его такую злую измену, послал бояр своих: князя Ивана Федоровича Мстиславского, Ивана Васильевича Шереметьева большого, князя Дмитрия Ивановича Курлятева, Михаил Яковлевича Морозова, князя Дмитрия Федоровича Палецкого, околничего Олексея Федоровича Адашева, постельничего Игнатия Вешнякова, да бояр же Даниила Романовича, Василья Михайловича Юрьевых, казначея Микиту Фуникова, дьяка Ивана Михайлова..., а велел его распросити, а доведетца пыткую пытати. И князь Семен сказал, что у него мысль почалася, потому, как государь не домогал и мы все думали о том, что только государя не станет: как нам быти? а ко мне на подворье приезживал ото княгини от Офросиньи, от князя Володимира Ондреевича, чтобы я поехал ко князю Володимеру служить, да и людей перезывал; да и со мной есьми думали бояре... а были в той думе и князь Петр Щенятев и князь Иван Турунтай Пронской и Куракины родом и князь Дмитрий Немой и князь Петр Серебряной, князь Семен Милинской и иные многие бояре и дети

⁹³ Сб. РИО, т. 59, № 29, стр. 452—453; ср. С. М. Соловьев. Русская история с древнейших времен, кн. 2, т. VI, стр. 146.

боярские и княжата и дворяне с нами в той думе были»⁹⁴ и т. д. Здесь, как видим, речь идет не о «малоумном» и таких же, как он, «дураках», как в официальной версии для публики и заграницы, а о сознательном изменнике и о его сообщниках. Более того: редактор, приписывая этот рассказ к тексту летописи, из этого первоначального текста вычеркнул слово «палоумство»,⁹⁵ окончательно уничтожив тем самым прежнюю версию и заменив ее данными действительного следствия.

Таким образом, простое сличение рассказов об измене князя Семёна, сделанных — один летописцем, другой — редактором, весьма отчетливо показывает большую разницу между обоими авторами. Данное сличение показывает, что если летописец кладет в основу своего рассказа официальную версию, то редактор строит свою приписку на основании реального знания дела и следствия, на основании документов.

Иван Грозный, которого мы уже раньше, на основании совсем других данных, считали автором приписок, в 1563 г. держал в руках взятые из архива документы, составлявшие сыскное дело на князя Семёна Лобанова-Ростовского. Это стечение обстоятельств не может быть признано случайным. Весьма интересно, что А. Е. Пресняков, ошибочно полагавший (в 1893 г.), что между временем написания «Описи царского архива» и временем создания приписок лежит целый век, все же, почувствовав близость этих двух источников, писал: «Быть может, основываясь на весьма естественном отождествлении, заключающемся в приписке дела князя Семёна Ростовского, с делом — «отъезд и пытка во княже Семенове деле Ростовского», которое в 1563 году взято было из архива к царю, — следовало бы остановиться на гипотезе: не из архивных ли следственных дел черпались сведения, изложенные в приписках? Вероятнее всего, что таков и был первоначальный их источник».⁹⁶ Далее, под влиянием той же злополучной точки зрения, относившей лицевые своды к XVII в., А. Е. Пресняков пишет: «Но едва ли в рукопись Царственной книги или Никоновской с рисунками они (известия приписок. — Д. А.) попали непосредственно из архива. Имеем ли мы право предполагать, что... документы, означенные в «описи царского архива», были еще целы в конце XVII века».⁹⁷

Подытоживаю: при составлении летописного рассказа автор его пользовался официальной версией, зато редактор, как мы видели, пользовался документальными данными. Но ведь брал документы, с этим делом связанные, Иван Грозный в 1563 г. Царь Иван был в основном единственным человеком, пользовавшимся архивом. На «Описи царского архива» сохранились интересные пометки, рассказывающие о том, что с 4 по 14 августа 1566 г., возможно, что ежедневно, а если нет, то по крайней мере 4-го, 6-го, 7-го, 8-го, 13-го, 14 августа царь лично про-

⁹⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 237—238.

⁹⁵ Там же, стр. 238, прим. а.

⁹⁶ А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 17, прим. 26.

⁹⁷ Там же.

водил дни в своем архиве, пересматривал и перечитывал содержание всех его ящиков и множество документов (из 31 ящика) забрал с собой.⁹⁸ Среди них: докончальные грамоты рязанских князей, целый ящик поручных грамот: старых, новых и подтвержденных (ящик 35), поручные записи на князя Бельского, да на князя Федора Мстиславского подтвержденная, грамоты подтвержденные на князей Василия Шуйского, Ивана Воротынского, грамота поручная, поручная и подтвержденная на князя Михаила Глинского, на князя Константина Острожского, запись подтвержденная на Михаила Плещеева, на Ивана Дмитриевича Бельского, Василия Глинского, «да тут же положены записи во княж Иванове отъезде Бельского, как хотел было ехати в Литву лета 7070... да тут же положены на князя Михаила Воротынского, да подтвержденная на Ивана Петрова — сына Яковля... На князя Василья Серебряного, на Льва Салтыкова с детьми», грамота князя Дмитрия Курлягева, объяснявшего государю какой-то свой отъезд, дело князя Семена Катырева, духовная Ефросиньи Старицкой, дело о ее ссылке на Белоозеро (ящики 138 и 214) и отписки в опале о Дмитрие Курлятеве и многое другое...

В основном мы видим среди этих документов поручные записи и притом именно с тех лиц, которые отрицательно упоминаются в приписках. Затем очевидно, что царь сильно интересовался историей своего рода и своего царствования, так как он также взял документы на эти темы. «Царь желал,— справедливо замечает по этому поводу А. Н. Ясинский,— проследить по важнейшим документам историю своего рода, вплоть до последнего времени, историю воссоздания Московского государства».⁹⁹

Мы уже имели случай привести совершенно справедливое мнение А. Е. Преснякова о естественности отождествления дел царского архива с приписками. Теперь мы видим, кто был самым активным, постоянным читателем дел этого архива.

Опись царского архива сохранила для нас еще одну запись, которая основательно подтверждает наши предположения. Вот что мы там читаем: «Ящик 224. А в нем списки, что писати в летописец лета новые, прибраны от лета 7068 и до лета 7074 и до 76».¹⁰⁰

Мы выше установили, что речь идет здесь о продолжении Синодального списка, ранее доведенного до 1560 г., а затем продолженного в архиве как раз «от лета 7068 и до 76», т. е. от 1560 до 1568 г. Это продолжение до нас дошло точно таким, как о нем говорит «Опись царского архива».¹⁰¹ Учитывая это, нельзя не слышать совсем особого

⁹⁸ ААЭ, т. I, стр. 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 345, 346, 347, 348, 349, 351, 352.

⁹⁹ А. Н. Ясинский. Указ. соч., стр. 9.

¹⁰⁰ ААЭ, т. I, № 289, стр. 354.

¹⁰¹ Многие исследователи, в том числе А. Е. Пресняков (указ. соч., стр. 26), И. Н. Жданов (Соч., т. I, стр. 124), А. Н. Ясинский (указ. соч., стр. 11), ошибочно полагают, что до августа 76 года (т. е. 1568 г.) доходит лишь копия Синодаль-

звучания в словах пометки, сделанной возле процитированного места «описи»: «В 76 (т. е. в 1568 г.— Д. А.) году августа — летописец и тетради посланы ко государю в слободу». ¹⁰²

Могут ли возникнуть сомнения насчет того, зачем Грозный брал к себе из архива «списки, что писати в летописец лет новых»? Несомненно, он брал их для предварительного просмотра, для редактирования, для утверждения.

VIII

Кроме этого основного для нас вывода, указанное свидетельство «Описи царского архива» дает возможность сделать еще некоторые наблюдения. Интересно обратить внимание на слова: «прибраны от лета 7068 до лета 7074 и до 76», т. е. от 1560 до 1566 г. и до 1568 г.

Почему сначала отдельно сказано — от 1560 до 1566 г. и лишь потом добавлено — и до 1568 г.? Это означает, что листы, о которых идет речь, тоже как-то подразделялись согласно этим датам. Не дает ли объяснение этому подразделению листов на какие-то две группы пометка на описи, сделанная тут же? Ведь там, как мы помним, тоже имеется подразделение на два наименования: «летописец и тетради». Скорее всего так оно и есть: первая группа листов (одна стадия обработки) за 1560—1566 гг. соответствует названию «летописец», а вторая группа (другая стадия обработки) — за 1566—1568 гг. — соответствует названию «тетради». Иначе говоря, весьма вероятно, что одной части материала, «прибранного» для того, чтобы его «писати» в летописец, уже придана была форма летописца, а другой части этого материала, собранного и записанного в тетради, такая форма еще придана не была.

Если это так, то следует обратить внимание на то, что именно 7074 (т. е. 1566) год разграничивает между собой эти стадии обработки — «летописец» и «тетради». Как мы знаем, в августе именно 1566 г. царский архив подвергся тщательному просмотру со стороны Ивана Грозного. Не исключено, что в один из дней с 4-го по 14 августа 1566 г., когда царь работал в архиве, он просмотрел материалы, предназначавшиеся для включения в летопись, которые к тому времени должны были быть прибраны от 1560 до 1566 гг., и что после этого просмотра им была придана форма «летописца». С другой стороны, ясно, что в 1566 г. царь не мог просмотреть материалов за будущее время, т. е. за 1566—1568 гг. Быть может, поэтому материал за эти годы, как вовсе не просмотренный, оставался затем в «тетрадах» до самого момента отправки к царю в 1568 г.

ного списка — Александро-Невская летопись, а самый Синодальный список обрывается раньше. Это — недоразумение. Именно последние листы собственно Синодального списка дошли до нас и кончают изложение августом 1567 г., равно как и скопировавшие их листы Александро-Невской летописи (см. ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. V, и 408).

¹⁰² ААЭ, т. I, № 289, стр. 354.

Однако более важным для нас представляется другой вывод, который напрашивается при рассмотрении все того же свидетельства «Описи царского архива». Если в 1568 г. царь берет на проверку подготовленный летописный текст за 1560—1568 гг., то естественно предположить, что летописный текст за более ранние годы он уже к этому времени проверял. Нам ведь как раз известно, что начало летописи за 1533—1560 гг. было отредактировано еще до 1564 г. и отдано в переделку. Эта переделка, т. е. Царственная книга, и должна была, естественно, как более ранний текст, редактироваться раньше, чем был взят на просмотр текст за 1560—1568 гг., т. е. раньше 1568 г.

Таким образом, если мы выше установили, что Царственная книга редактировалась не раньше 1564 г., то теперь мы можем добавить и, видимо, не позже 1568 г.

IX

Необходимо ответить еще на один вопрос: чьей рукой сделаны приписки? Этот вопрос не кажется нам маловажным, так как, признав приписки произведениями Ивана Грозного, мы должны либо признать почерк их написания его автографом, либо отвергнуть такое мнение, чтобы оно в будущем не искушало и не путало других. Естественно, что отсутствие до сих пор в нашем распоряжении автографа Ивана Грозного делает обнаружение такого автографа весьма желательным и ценным.

Но поддается ли вопрос о том, чьей рукой сделаны приписки, разрешению? На наш взгляд этот вопрос полностью поддается разрешению и притом значительно более легкому, чем первый наш вопрос о том, кто автор их содержания.

Нам представляется несомненным, что автор приписок и нанесший их на бумагу человек — одно лицо, что всякий, кто согласился с первым нашим выводом, что Иван Грозный — автор приписок, вынужден будет признать, что приписки являют нам его подлинный автограф.

Приписки на листах Синодального списка и Царственной книги делал тот человек, который эти памятники читал и тут же, в процессе чтения, исправлял и дополнял летопись. Возьмем для примера работу редактора над Царственной книгой. Кроме ряда больших и важных приписок, которые мы (почти все) процитировали выше, на листах Царственной книги имеется еще несколько десятков мелких замечаний, добавлений и исправлений, вплоть до исправления орфографических ошибок, пропусков местоимений, предлогов, букв. Все это сделано одним почерком. Иначе говоря, над текстом проведена самая настоящая корректура.¹⁰³

¹⁰³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 460, 461, 462, 463, 472, 482, 484, 486, 487, 489, 491, 492, 493, 494, 501, 505, 506.

Не ясно ли, что при такого рода тщательной корректуре, которая включает в себя и добавление особо важного рассказа огромной величины и исправление какой-нибудь буквы, исключается всякая другая форма работы, кроме как личное чтение текста и внесение поправок в процессе этого чтения тем лицом, которое читает? Это совершенно ясно. Да и кроме того, есть ряд признаков, еще более укрепляющих это заключение. Выше уже говорилось, что приписки не списывались откуда-то, а сочинялись с усилиями и сомнениями, присущими только творчеству. Это видно из бесчисленных зачеркиваний и исправлений, сделанных в ходе письма. Самая техника приписания нового содержания к тексту летописи также исключает всякую иную форму работы, кроме как личное чтение и пометки в процессе его. Взять, например, приписку к Синодальному списку об измене князя Семена Лобанова-Ростовского.¹⁰⁴ Приписки сделаны между строк, справа, слева, на полях. Таким путем редактировать текст под диктовку нельзя. Наконец, сильнейшим средством утвердить наше мнение о том, что приписки наносил на бумагу лицевых сводов тот, кто их сочинял, является характер зачеркиваний, произведенных писавшим приписки в ходе письма. Рассмотрим некоторые из них. Для удобства проверки приведенных нами примеров возьмем все примеры из одной приписки.¹⁰⁵ Автор приписки писал «чт», потом зачеркивал, потом все же писал «чтобы»; или писал «и», зачеркивал, но потом все же писал «и»; или писал «бояр», зачеркивал, потом снова писал «бояр» и т. д. Значит, писавший сам обдумывал, что ему писать, сомневался, вычеркивал, но потом снова решил написать ранее зачеркнутое им слово. Могла бы быть такая картина при списывании? Конечно, нет. Тогда переписчику не приходилось бы раздумывать — писать, скажем, слово «бояр» или нет; он тогда — раб своего образца. Списывание, таким образом, лишний раз исключается.

Возьмем зачеркивания другого рода. Мы сплешь и рядом наблюдаем, что писавший начинал слово, а потом вдруг бросал его писать и перерывал. Таким образом, на бумаге оказывались зачеркнутыми слова, написанные лишь частично, из которых были написаны только отдельные слоги, иногда не ясные, или одна, две, три буквы.¹⁰⁶

Такого рода зачеркивания не могут появляться систематически, при диктовке одного лица другому. Никаких принципиальных возражений или сомнений по поводу того, мог ли Иван Грозный собственноручно редактировать летопись, не может быть. Ведь приписки, это не беловое письмо, это — черновики, которые должны были быть (а частично были) переписаны начисто писцом. Есть ли у нас основания не признать за Грозным того, что он умел писать и писал сам ряд своих черновиков? Таких оснований нет.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 237—238.

¹⁰⁵ Там же, ч. 2, стр. 522—526.

¹⁰⁶ См., например, («ихтр»), («дво»), («д»), («не сл»), («це»), (Пр), («чб»), («и в»), («ест»), («бысть И»), («гд»), («ИК») и т. д. (в скобках отмечаем зачеркнутое).

X

По вопросу о времени составления приписок к лицевым сводам существует точка зрения Н. П. Лихачева, который считает, что работа над лицевыми сводами, начатая около 1556 г. (год завоевания Астрахани) тянулась до 1584 г. (год смерти царя), т. е. примерно 28 лет; переделка последней части, т. е. Синодального списка, в Царственную книгу происходила в период 1580—1584 гг. Единственным обоснованием этой гипотезы является то, что бумага, на которой написаны лицевые своды, наибольшее распространение получила в 70—80-х годах XVI в., хотя появилась в начале 50-х годов.¹⁰⁷ Однако большая часть этой бумаги, появившейся в обороте в 50-х годах, могла быть закуплена Русью именно тогда, когда в ней появилась необходимость, а не 20 лет спустя. А необходимость в ней (т. е. идея создания лицевых сводов) появилась, как подчеркивает сам Н. П. Лихачев, в 50-х годах.

Но не в этом главное. Дело в том, что точка зрения Н. П. Лихачева по существу своему противоречит данным наших источников. Это чувствовал сам Н. П. Лихачев, в чем не трудно будет убедиться. В самом деле, ведь очевидно, что работа по переделке последней части лицевых сводов разделяется на несколько стадий, разграниченных каким-то временем: сначала был написан Синодальный список, это — первая стадия работы. Затем к нему были сделаны приписки, — это вторая стадия работы. Летопись была переписана с учетом всех приписок и поправок, так что получилась Царственная книга; это — третья стадия работы. Затем на этой переписанной летописи были сделаны новые поправки и приписки; это — четвертая стадия работы. Выходит, что летопись дважды представлялась редактору на просмотр и дважды по-разному им обрабатывалась, следовательно, в разное время, при разных обстоятельствах (мы отчасти знаем теперь — при каких). Н. П. Лихачев избегает указать на эту явную стадийность в редакционной работе. По его мнению, работу в 1580 г. представили царю, тот не одобрил, велел переделать, а пока переделывали, царь умер. Однако Н. П. Лихачев, сам лично хорошо разглядев несомненную стадийность в редактировании, вынужден написать, что когда царь не одобрил последнюю часть летописи, то «решено было эту часть вновь переделать».¹⁰⁸ Спрашивается, почему же «вновь» переделать? Ведь Н. П. Лихачев нигде не говорит, что летопись уже до этого раз переделывалась. По его мнению, она к тому времени впервые была представлена царю и впервые отпущена им в переделку. Это слово — «вновь» — указывает лишь на то, что Н. П. Лихачев сам чувствовал противоречие между своей гипотезой, построенной на свойствах бумаги, и несомненными данными, вытекающими из текста, на этой же бумаге написанного.

¹⁰⁷ Н. П. Лихачев. Указ. соч., ч. I, стр. CLXXVII—CLXXX, 316—317

¹⁰⁸ Там же, стр. CLXXX.

Мы теперь знаем, какие события вызвали двукратную переделку летописи. Но зато никаких событий, которые могли бы мотивировать двукратную редактуру летописи в промежутки времени 1580—1584 гг., мы не найдем. «Печальные происшествия последних лет царствования Грозного» никакого отражения в работе над летописью не нашли. Все упреки и издевательства Стефана Батория, сыпавшиеся на Ивана, остались без ответа. Наконец, как можно с точки зрения Н. П. Лихачева объяснить следующее: если работа над летописью продолжалась до 1584 г., то почему она доведена только до 1568 г.? (Известно, что дело не в том, что до нас не дошла какая-то самая последняя часть, а работа действительно была оборвана 1568 годом).

Можем ли мы определить, когда оборвалась и была закончена работа над лицевыми сводами, в частности, над Царственной книгой, так и оставшейся незаконченной и нераскрашенной? Да, мы можем вполне точно установить хронологическую границу, после которой работа уже не продолжалась. Как известно, в самой большой приписке к Царственной книге под 1553 годом описывается боярский «мятеж» в дни тяжелой болезни царя. Там рассказывается, что многие бояре, предвидя смерть Ивана, открыто взбунтовались у его постели. Мало кто остался верен ему в эту трудную минуту. Там рассказывается далее, что наиболее преданным царю, можно сказать, героем отпора, данного бунтовщикам, явился известный деятель того времени Иван Михайлович Висковатый. Он, как рассказывает приписка, первым и напомнил царю о необходимости составить завешание и привести к целованию бояр; он в числе первых «целовал крест» на верность царскому сыну; он держал крест, приводя к целованию мятежников; он же вразумлял Владимира Андреевича, не желавшего целовать крест, несмотря на требование больного царя; он трижды ходил к княгине Ефросинье Старицкой, требуя, чтобы и она принесла присягу. Иначе говоря, приписка рассказывает о нем, как о самом преданном слуге царя во время «мятежа» 1553 г.¹⁰⁹

Могла ли такая приписка появиться после 1570 г., т. е. после жестокой казни Висковатого в числе других изменников, обвинявшихся в заговоре на жизнь царя, на открытие фронта врагу и на передачу Новгорода и Пскова Литве? После того, как Висковатый, стоя на Лобном месте, громогласно перед всем народом проклинал царя Ивана и все дела его? После того, как царь, в свою очередь, объяснял народу справедливость казни Висковатого и других изменников?¹¹⁰

Конечно, нет. Само собой ясно, что приписка о преданности Ивана Михайловича Висковатого царю Ивану Васильевичу Грозному была сделана до того, как первый за свои измены был повешен вторым на Красной площади. Значит, приписки к Царственной книге делались

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 523—526.

¹¹⁰ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IX, прим. 299 и стр. 93, 94 примечаний.

раньше 1570 г., причем, конечно, не за день до казни, а значительно раньше, еще до того, как на Висковатого могли пасть первые подозрения.¹¹¹

Этот же вывод о том, что работа над лицевыми сводами прекратилась до 1570 г., подтверждается одним весьма интересным наблюдением Н. П. Лихачева, которое он, на наш взгляд, неправильно истолковал. Вот это наблюдение: книги статейных сношений с Польшей № 9 за годы 1570—1571 и № 10 — за годы 1575—1579 написаны на той же самой бумаге, что и лицевые своды.¹¹² Там же Н. П. Лихачев напоминает, что статейные книги составлялись сразу же вслед за событиями и писались на разнообразной бумаге (иначе говоря, не имело значения, на какой именно бумаге их писать).

И тут Н. П. Лихачев делает такой странный вывод: раз книга № 10 содержит события с 1575 по 1579 г., а начинали эти книги писать вслед за событиями, следовательно, бумага, на которой писана эта книга (а равно и бумага лицевых сводов) закуплена около 1575 г. Этот вывод представляется нам образцом несоответствия заключения с материалом. В самом деле, если книгу статейных сношений с Польшей № 10 действительно начали составлять около 1575 г., то почему же отсюда следует, что бумагу, на которой ее начали писать, закупили обязательно тоже около 1575 г.? Нельзя делать такого вывода. Тем более нельзя, что одной страницей раньше Н. П. Лихачев сам сообщает нечто, опровергающее его слова. «Книга статейных сношений с Польшей № 9,— пишет он,— охватывает годы 1570—1571. Бумага по качеству и выделке совершенно такая же, что и в лицевых летописях».¹¹³ Применяя метод Н. П. Лихачева, мы должны, значит, сказать, что «бумага по качеству и выделке совершенно такая же, как и в лицевых летописях» — была закуплена не в 1575, а около 1570 г., когда начала писаться книга № 9.

Какой же тогда вывод ошибочнее? Когда же была куплена эта бумага — в 1570 или в 1575 г.? Оба вывода ошибочны. Ни одна дата не может быть определена таким способом. Однако в такой же степени, в какой неинтересен для нас (как неверный) вывод Н. П. Лихачева,

¹¹¹ Было бы ошибочным, на том основании, что И. М. Висковатый до казни стоял во главе Посольского приказа, где составлялась летопись, и ведал царским архивом, допускать мысль, что он является автором приписок. Все соображения о том, что он мог руководить делом изготовления лицевых сводов, делом изготовления текста, «что писать в летописец лет новых», — как раз исключает мысль о нем как об авторе приписок. Ведь совершенно ясно, что редактор, дважды испортивший своими приписками готовые летописи, находился вне той мастерской, где эти летописи изготовлялись, и не являлся ответственным за создание текста, ибо в противном случае, руководя работой, он вносил бы исправления в ходе работы, а не дожидался бы, пока ее сделают начисто, чтобы потом заставить переделывать. Таким образом, именно то немногое, что сближает имя Висковатого с лицевыми сводами, исключает предположение о нем как об авторе приписок. Других оснований считать его таковым тем более нет.

¹¹² Н. П. Лихачев Указ соч., ч. I, стр. CLXXVI—CLXXVII. 315—317.

¹¹³ Там же, стр. 315.

в такой же степени интересно само наблюдение, из которого он этот вывод произвел. Н. П. Лихачев установил, что если книги статейных сношений с Польшей №№ 9 и 10 написаны на той же бумаге, что и лицевые своды, то книга № 11 — за годы 1575—1580 — написана уже на другой бумаге. Других документов, написанных на той же бумаге, что и лицевые своды, не обнаружено. Значит, эта бумага была почти целиком использована на лицевые своды (16 000 листов летописи, 2 статейных книжки и все). Значит, стремились написать все лицевые своды на этой одинаковой бумаге и выдержали это единство от первого до последнего листа. Что же следует из всего этого? Только одно, а именно, что к 1570 г. работа над лицевыми сводами была заброшена, несмотря на то, что последний том их находился в перделке и не был еще закончен. И тогда, в связи с тем, что работа над лицевыми сводами, точнее сказать, над последним их томом, была заброшена, бумагу, ранее расходовавшуюся только для летописи, ради которой и был нужен такой огромный запас ее, теперь можно было использовать на другое, в частности, хотя бы на статейные книги. Почему остаток бумаги был использован именно на статейные книги — вполне понятно, если мы учтем, что «летописец лет новых» составлялся при посольском приказе.¹¹⁴ Также вполне понятно, что бумагу, предназначенную для лицевого свода, видя, что она почти на исходе, зная, что последний том свода и не дописан и не переписан, не отдали бы на заполнение каких-то служебных книг, если бы работа должна была продолжаться. Таким образом, это наблюдение Н. П. Лихачева, будучи правильно истолковано, еще раз подтверждает то, что работа над Царственной книгой проводилась ранее 1570 г.

XI

История редактирования последнего тома лицевого свода вкратце представляется нам так: текст за годы 1533—1560 редактировался царем в 1563 г., после того как заболевший (а затем умерший в этом же году) Макарий отошел от работы над летописью. В пользу этой даты говорит и то, что содержанием основной приписки к Синодальному списку являются материалы сыского дела на князя Лобанова-Ростовского, взятого царем из архива в 1563 г. То, что приписки к этому тексту делались во всяком случае не позднее 1564 г., мы считаем установленным.

Приписки к Царственной книге (т. е. к тому же тексту, уже исправлявшемуся ранее) делались царем не раньше 1564 г. и, видимо, не позднее 1568 г.

Вторичная перделка текста была вызвана изменениями, связанными с опричниной, а также с полемикой между Грозным и Курбским. Текст с этими новыми замечаниями царя так и остался не перебеленным; работа над Царственной книгой оборвалась.

¹¹⁴ Н. П. Лихачев. Указ. соч., т. I, стр. CLXXVI—CLXXVII

Одновременно с переделкой первой части, исправленной царем, т. е. текста за годы 1533—1560, в архиве продолжали «писати... летописец лет новых» — от 1560 г. и дальше. В августе 1568 г. этот последующий текст за годы 1560—1567 (доведенный, следовательно, до начала 1568 г.) был, в свою очередь, направлен к царю на просмотр. Работа над ним тоже больше не продолжалась. Иначе говоря, мы видим, что вдруг весь цикл работ по составлению последнего тома лицевого свода был остановлен. Работа оборвалась и больше уже не возобновлялась.

В чем можно видеть причину этого? Естественнее всего видеть ее в событиях 1570 г. В декабре 1569 г. царь поехал громить Новгород, узнав о большом заговоре, имевшем там место. Новгородские пытки вскрыли, что заговор гнездится и в самой Москве. Результаты следствия были разительные. Среди множества казненных оказались даже особо доверенные люди, осыпавшиеся ласками до последнего времени: Висковатый, Вяземский и многие другие. Именно в 1570 г. произошли такие потрясения и перемены, которые для продолжения летописной работы имели не меньшее значение, чем в прошлом события 1564 г. Встал вопрос о том, чтобы в третий раз переделывать летопись. Ведь изменниками оказались как раз положительные герои недавно сделанных приписок к Царственной книге (хотя бы Висковатый). Многое нужно было переделывать заново, иначе вся работа, ранее проделанная, теряла смысл. Оставался еще один выход из положения, а именно: прекратить работу над последним томом лицевого свода или по крайней мере отложить ее.

Вот главным образом из-за чего работа над последним томом лицевого свода была в конце 60-х годов прекращена, а остатки бумаги, для этой цели предназначавшиеся, отданы на другое дело — на книги ставленых сношений с Польшей.

* * *

Мы старались показать, что приписки к последнему тому лицевого свода, широко используемые в качестве исторических источников для наиболее интересных событий царствования Грозного до 1557 г., имеют особое происхождение. И если верно, что Иван Грозный делал их в указанные сроки, меняя под влиянием меняющейся политической ситуации первоначальный летописный текст, а иногда и свои же собственные приписки, сделанные ранее, то из этого следует, что использование приписок в духе простого восприятия и истолкования сообщаемых ими сведений, должно смениться тщательным изучением их с точки зрения достоверности того, что они сообщают. С другой стороны, сама крайняя тенденциозность приписок прибавляет им ценность, как историческим источникам.

Эта тенденциозность, проявляемая, например, в обвинении или в восхвалении тех или иных деятелей, дает возможность исследователю весьма ясно разглядеть, с помощью приписок, связи и отношения, существовавшие в момент их написания.

К. Н. СЕРБИНА

ИСТОЧНИКИ КНИГИ БОЛЬШЕГО ЧЕРТЕЖА¹

I

Книга Большого Чертежа, согласно показаниям предисловия, содержит данные двух чертежей — «старого Чертежа всему Московскому государству» и нового — чертежа «полю», составленного в 1627 г., причем данные обоих чертежей списывались непосредственно с чертежей, в чем, кроме указаний предисловия, убеждает и характер изложения материала. Писец брал какую-либо дорогу, при списывании данных нового чертежа, или реку, при списывании данных «старого чертежа», и, прослеживая ее от начала до конца, описывал, а затем переходил к следующему объекту и т. д. Вероятно, при составлении текста протографа Книги Большого Чертежа оба чертежа были разделены между несколькими переписчиками, из которых каждый и описывал назначенную ему дорогу или реку. При списывании данных обоих чертежей в Книгу не была проделана редакторская работа, вследствие чего не были восстановлены утраченные места «старого чертежа» и не уничтожен параллелизм, т. е. удвоенный текст по югу, который слегка был описан и в «старом чертеже», а также осталось несогласованным предисловие с текстом (в описании границ Московского государства в Сибири). Следов использования каких-то дополнительных источников при написании Книги Большого Чертежа нет, так как указанный в предисловии объем каждого из чертежей вполне совпадает с текстом Книги Большого Чертежа. Предположения некоторых исследователей о том, что при составлении Книги Большого Чертежа, кроме чертежей, были использованы еще и писцовые книги,² ни на чем не основано, так как писцовые книги дают специфический материал, следов которого в Книге Большого Чертежа незаметно. Скорее можно было бы думать, что были использованы «Поверстные книги», но и в этом не было необходимости, так как оба чертежа имеют масштабы; следовательно, расстояния между населенными пунктами и в других случаях определялись с помощью этих масштабов и прибегать к дополнительным источникам не было нужды.

¹ В т. XIV «Исторических записок» была помещена моя статья, имевшая целью установить протограф Книги Большого Чертежа и ее редакции (К. Н. Сербина. «Книга Большого Чертежа» и ее редакции, «Историч. записки», т. XIV, стр. 129—147). В настоящей статье Книга Большого Чертежа рассматривается со стороны ее содержания и источников.

² С. Потоцкий. Книга Большого Чертежа («Наша страна», 1939, № 7).

В деловой части Книги Большого Чертежа содержится одно лишь указание на источник, а именно: при описании Днепровских порогов сказано, что они «писаны по сказке запорожских черкесов». ³ Думаю, что это указание на источник было в самом «старом чертеже», где, кроме географической номенклатуры, мы сталкиваемся с целым рядом приписок исторического и этнографического характера. ⁴ Такого рода приписки встречаются и в чертежах более позднего времени, например у Ремезова. ⁵ Итак, Книга Большого Чертежа содержит в себе данные, заимствованные из копии «старого чертежа» и чертежа «полю», к изучению которых и переходим.

«Другой» чертеж (терминология предисловия), составленный заново в 1627 г., велено было сделать: «От царствующего града Москва Рязанским и Северским и Польским городом и от Ливен от города тремя дорогами до Перекопи: дорогою Муравским шляхом, дорогою Кальмиускою середнею, дорогою Изюмскою... от Ливен до Перекопи, и от Перекопи до Козлева, и до Бакчисарая, и Аласарая, и до Карсун, и до Кафы, и до Крыма, и до Балыклеи, и до Черкасов, что промеж Черного и Азовского моря остров Таурика, а ныне Крымская Орда. И теми тремя дорогам и рекам и колодезям и на реках татарские перевозки и перелазы, которыми татарове приходят в Русь и всяким полевым призначным урочищам, и до которых урочищ ездят из Белгорода станицы и кладут доездные памяти». ⁶

Следовательно, этот чертеж обнимал сравнительно узкую, но длинную территорию между левыми притоками Днепра и правыми притоками Дона, простирающуюся от Москвы до Черного моря, включая сюда и остров Таурику, т. е. Крымский полуостров. ⁷ Стало быть, на чертеже «полю» были изображены так называемое «поле» и «Крымская Орда».

В описи чертежей, составленной в 1668 г., дьяком Дементием Мишичем Башмаковым, сохранилось описание этого чертежа; «Чертеж большей, наклеен на полотно, прибит на скалу, а на нем надпись: Чертеж Польским городом и полю, а другая надпись на нем: сделан в Разряде в 135-м году». ⁸ В ряде списков Книги Большого Чертежа приведен и «размер», или масштаб, его, данный в верстах.

Описание этой территории ведется по трем основным дорогам юга, имевшим важное стратегическое значение — Муравской, Кальмиуской и Изюмской. Подробно описаны также Пахнутцова и Свинная дороги, для

³ Книга глаголемая Большой Чертеж, изд. Г. И. Спасским, М., 1846, стр. 101.

⁴ Там же, стр. 21, 84, 106, 107, 147 и др.

⁵ Чертежная Книга Сибири, изд. Археогр. Ком., СПб., 1882.

⁶ Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 2—3, 5.

⁷ В этой части Книги Большого Чертежа нередко приходится сталкиваться с удвоенным текстом; это объясняется тем, что «степь» и «Крымская Орда» частично были описаны и в «Старом чертеже» (там же, стр. 19, 27).

⁸ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве мин. юстиции, кн. VI, отд. II, стр. 15.

Бокаева шляха намечено только его направление. Следовательно, в Книге Большого Чертежа описаны только татарские шляхи и не описаны старые русские дороги, так называемая «Старая посольская дорога», шедшая от Путивля в Белгород через Карпово сторожевое, реку Ворсклу и Муравский шлях; «Новая посольская дорога» из Ливен до Мишкина перевоза на устье реки Деркула; Псельская и другие дороги. То, что описание ведется по дорогам, подтверждается заголовками этой части Книги Большого Чертежа, например «Роспись Изюмской дороге». Реки описаны только постольку, поскольку это необходимо для определения направления той или иной дороги или для регистрации татарского брода. Поэтому в описаниях рек совершенно отсутствуют указания на длину их, в противоположность «старому чертежу», где всегда указана длина реки — «а протоку ее» столько-то.

Зато для этого чертежа характерно: 1) описание дорог, имеющих военное значение — все описанные дороги «татарские шляхи»; 2) тщательное перечисление всех бродов и перелазов на реках, обязательно с указанием, какие из них являются угрожаемыми, т. е. через которые из них могут притти или приходили раньше «татарове в Русь»,⁹ а также отмечаются все перевозки на реках, через которые проходят названные дороги; 3) указываются все городки, острожки и сторожевые, в которых стоят «сторожи» и «заставы», ожидающие прихода татар, а также тщательно отмечается, до каких мест доезжают станицы, выслеживающие врага в степи, и где кладут они свои «доездные памяти», кроме того, отмечается, из какого города эти станицы посланы; 4) перечисляются и описываются засеки, рвы, надолбы, частики и другие оборонительные сооружения; 5) при описании дорог тщательно указываются все колодцы с пригодной для питья водой, а также указывается, где кончаются водоемы с пресной водой, на сколько дней пути надо иметь с собой запас питьевой воды и где надо обращаться к помощи «вожей» для отыскания пресной воды; 6) тщательно указываются расстояния от города до города, от колодца до колодца, от брода до брода. Пользуясь этим чертежом, можно было следить за движением шедших из Москвы на юг и обратно отрядов, за передвижением их в степи, учитывать заранее наиболее угрожаемые от татар места и т. п. Состав данных этого чертежа указывает на то, что авторы его интересовались всем, что связано с обороной юга от татар и предотвращением их набегов в глубь Московского государства, а, следовательно, и с организацией станичной и сторожевой служб. Отсюда можно сделать вывод, что этот чертеж имел оборонное назначение. По форме, как это предписывалось его составителям, он должен был быть сделан по образцу «старого чертежа»: «и на том чертеже города и реки и всякие урочища велели подписать порознь, подлинно, как была подпись всякому урочищу написана в старом чертеже», так

⁹ Так, например, о броде Быстром на Оке сказано: «а в тот брод лезли татарове, как в 79 году шел крымский царь под Москву, а на Москве в приход крымского царя гневом божьим был пожар» (Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 107).

как оба чертежа — «старый» и новый должны были входить в одну серию чертежей «Московского государства» и, стало быть, они должны были быть единообразны, хотя, впрочем, масштаб чертежа «полю» в $2\frac{1}{2}$ раза больше масштаба «старого чертежа».

В этом чертеже все расстояния даны в верстах, что видно из текста и приведенного масштаба; следовательно, в противоположность «старому чертежу» никакого разнобоя в мерах длины в нем нет.

Что же послужило источником для составления этого чертежа, имеющего, как мы видели, специальное назначение? В предисловии к Книге Большого Чертежа прямо указано, что материалом для составления другого чертежа послужила «старая разрядная роспись», составленная «давно при прежних государех». Следовательно, если этот чертеж сделан на основании единственного источника «старой разрядной росписи», то последняя также должна была охватывать территорию от Ливен и до Перекопи и содержать сведения о татарских перелазах, бродах, урочищах, до которых ездят из Белгорода станицы и кладут свои «доездные памяти». Из этого можно сделать вывод, что «роспись» тоже имела совершенно определенную установку и назначение. Когда и зачем такая роспись могла быть составлена?

Составление такой росписи, фиксирующей направление татарских шляхов на юге, точно отмечающей все угрожаемые от татар места и все оборонительные сооружения на южной окраине Московского государства и указывающей, в каких направлениях и из каких городов разъезжают станицы, не может не быть сопоставлена с работами князя М. И. Воротынского в 70-х годах XVI в. по упорядочению сторожевой и станичной службы на южной окраине Московского государства. В 1571 г. Иван Грозный, желая обеспечить безопасность Москвы и других русских городов от неожиданных набегов татар, решил упорядочить сторожевую и станичную службу, которой он придавал большое значение и которая до тех пор была крайне не организована. Главным начальником этой службы Грозный назначил князя М. И. Воротынского, предписав ему «дать ей лучшее устройство». Воротынский начал дело с выявления настоящего ее состояния, для чего он перебрал все росписи и книги, относившиеся к этой службе и хранившиеся в Разрядном приказе, вызвал в Москву и расспросил станичников о недостатках сторожевой службы. Из его обследования видно, что уже к 1571 г. существовала длинная цепь укрепленных городов на южной окраине Московского государства от Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля и что сторожевая служба находилась в ведении Разрядного приказа, в который доставлялись все росписи станицам и сторожам и всем укрепленным городам.

Работа Воротынского по собиранию сведений о состоянии станичной и сторожевой службы привела его к составлению общего уложения или устава этой службы, датируемого 16 февраля 1571 г.¹⁰ Особенно

¹⁰ И. Д. Беляев. О сторожевой и станичной службе на Польской Украине Московского государства, стр. 11—17.

большим изменениям в 1571 г. подверглись сторожи Донецкие, Рыльские и Путивльские, линия которых выдвинулась далеко вперед и захватила все течение реки Ворсклы до Днепра, а затем шла Днепром до Самары, Самарой до верховьев Тора и Миуса, оттуда к Дону и до Азова. С каждым годом пограничные укрепления и разъезды станиц продвигались все дальше и дальше в степь. Так, в 1575 г. линия укреплений выдвинулась уже на Сосну, и появился ряд новых городов, а в 1586 г., когда были построены еще два города — Воронеж и Ливны, которые должны были высылать большое количество сторож, линия укрепленных городов выдвинулась еще дальше вперед и достигла устьев Сосны и Воронежа, а разъезды отдельных сторож, посылаемые из этих городов, достигали Сейма, Тихой Сосны, Битюка. В 1592 г. был построен на Быстрой Сосне новый город Елец, посылавший 9 сторож, а в 1595 г. — Кромы, из которых также посылалось 9 сторож. В 1593 г. построен Белгород, выдвинувшийся глубоко в степь далеко за линию укрепленных городов. Впоследствии Белгород сделался средоточием всей сторожевой и станичной службы и составил в московской администрации особый Белгородский разряд. В предисловии к Книге Большого Чертежа, составленной в 1627 г., подчеркнуто значение Белгорода как центра сторожевой и станичной службы. В царствование Бориса Годунова сторожи и засеки были в хорошем состоянии, и имелись чертежи не только пограничным городам, но и отдельным засекам. В 1600 г. была построена новая крепость Борисов. В первой четверти XVII в., в связи с событиями, потрясавшими Московское государство, станичной службе не уделяли никакого внимания, и лишь в 1623 г. правительство деятельно принимается за приведение в порядок «засечной черты», взяв за правило не выдвигать ее далеко в глубь степи. Ни одна из сторож этого времени не достигает Днепра и низовьев Донца и Дона; самые дальние ограничиваются реками Сеймом, Пслом, верховьями Ворсклы, Осколом, Валuem, Тихой Сосной; ни один из разъездов не доходит до устья Айдара и Святых гор на Донце. Сторожи из Путивля, Белгорода и Валук, т. е. из самых дальних степных городов, не отходят от крепостей далее, чем на 15 верст. Начиная с 1636 г., политика в отношении юга резко меняется и снова начинается движение вперед, сопровождаемое постройкой новых укреплений и улучшением старых, но это уже относится ко времени более позднему по сравнению с чертежом, составленным в 1627 г.

Из приведенной краткой справки видно, что после реформы Воротынского вплоть до 1636 г. больших изменений в сторожевой службе не производилось. Отсюда можно сделать вывод, что и документы, охватывающие всю сторожевую службу в целом, могли появиться только во время работы Воротынского. А если это так, то при составлении чертежа «полю» была прежде всего использована «старая разрядная роспись», составленная во времена Воротынского и дополненная материалами, накопившимися в Разрядном приказе за последующие 30 лет (1571—1600). Возможно, что эту роспись можно отождествить с «росписью дорогам и полю, деланным против чертежей», упоминаемой в числе дел, спасенных

из Разряда во время пожара 1626 г., так как чертеж «полю» составлялся в Разряде в 1627 г. (т. е. после пожара) на основании «старой разрядной росписи», составленной «при прежних государех». Если при составлении этого чертежа в 1627 г. была использована «старая разрядная роспись», то отсюда можно сделать вывод, что при составлении чертежей не были использованы картографические материалы (чертежи), хотя такие материалы уже существовали и в XVI в. Так, в описи царского архива, составленной в 1572—75 гг., говорится, что в ящике 144 был «чертеж и списки украинских городов», ¹¹ а в описи дел Посольского приказа, составленной в 1614 г., упоминаются «чертеж Ливнам», «чертеж Чугуева городища». ¹² Возможно, что он погиб в пожар 1626 г., и поэтому пришлось использовать единственный уцелевший источник — «старую разрядную роспись», составленную также при «прежних государех».

Естественно возникает вопрос, не устарели ли к 1627 г. данные росписи, составленной «при прежних государех»? Очевидно, нет, так как кроме постройки некоторых городов, в том числе и самого важного из них — Белгорода, существенных изменений в «засечной черте» не произошло, и укрепленная линия (Рыльск, Новгород-Северск, Орел, Мценск, Новосиль, Деделов, Епифань, Данков, Рязск, Шацк, Темников) продолжала оставаться основной линией обороны вплоть до постройки Белгородской черты, созданной в середине XVII в.

Данные нового чертежа «полю» получили высокую оценку и в существующей исторической литературе. Так, А. Ловягин, специально занимавшийся татарскими шляхами XVI—XVII вв., приходит к выводу, что «Книга Большого Чертежа лучший наш путеводитель в вопросах, касающихся шляхов. Ее данные вполне подтверждаются данными актов». ¹³ Д. И. Багaley, специально изучавший историю заселения юга Московского государства, тоже считает, что «наиболее обстоятельные сведения о татарских шляхах, перелазах и перевозах мы имеем в Книге Большого Чертежа». ¹⁴ К этой оценке данных чертежа «полю» нельзя не присоединиться, так как они действительно поражают своей точностью, тщательностью и подробностью.

Говорить об использовании западноевропейских карт для составления этого чертежа не приходится, так как на сохранившихся западноевропейских картах, составленных до 1627 г., «поле» либо совсем не показано, как, например, на карте южной России Меркатора, опубликованной в 1595 г., ¹⁵ либо изображение его представлено очень неполно и имеет

¹¹ А. А. Э., т. I, № 289.

¹² «Чтения в О. И. и Др. Р.», 1894, кн. III, стр. 16, № 5.

¹³ А. Ловягин. Татарские шляхи на юге России («Правит. Вестник», 1909, № 267).

¹⁴ Д. И. Багaley. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства, М., 1897, стр. 20.

¹⁵ В. Корлт. Материалы для истории русской картографии, Киев, 1910, вып. II, № II. На этой карте, составленной Меркатором на основании карт России Вида и Герберштейна и являющейся частью его большой карты Восточной Европы, изобра-

ряд грубых ошибок, как, например, на карте Гесселя Герритса, изданной в 1614 г.¹⁶

Такое неудовлетворительное изображение юга Московского государства на западноевропейских картах конца XVI — начала XVII в. вполне понятно, так как своего материала у западноевропейских картографов быть не могло, а использованные ими карты Московского государства не содержали данных по югу.

Следовательно, не только нельзя говорить о влиянии западноевропейской картографии на чертеж «полю», но я даже думаю, что нельзя говорить и о влиянии этого чертежа на западноевропейскую картографию, так как большое количество грубых ошибок и вообще скудное изображение юга на западноевропейских картах, составленных после 1627 г., говорит за то, что ими не был использован чертеж «полю». На карте России Исаака Массы, например,¹⁷ составленной в 1633 г., в изображении юга Московского государства имеются те же грубые ошибки, что и на карте Герритса. Некоторые исследователи пытаются это неудовлетворительное изображение юга на западноевропейских картах объяснить отсутствием у иностранцев интереса к югу Московского государства. Такое объяснение не может быть признано удовлетворительным, потому что иностранцы на своих картах могли бы приводить мало данных по югу, но приведенные ими данные должны были бы быть точными в такой же степени, как они точны и верны в чертеже «полю». Неудовлетворительное изображение юга на иностранных картах необходимо объяснить незнакомством их с чертежом «полю», что совершенно естественно, так как этот чертеж, имевший оборонное назначение, не мог быть доступен широким кругам населения, а тем более иностранцам.

II

«Старый чертеж», составленный «давно, при прежних государех» и претендующий на то, чтобы быть чертежом «всего Московского государства», охватывал огромную территорию, границы которой так очерчены в предисловии к Книге Большого Чертежа: «От Студеного моря с западной стороны от устья реки Тенуя морским берегом к востоку до устья реки Колы, от устья Колы морским берегом до Соловецкого завороту до устья реки Нивы и от устья реки Нивы до Сумского острога... и до устья реки Онеги... и до реки Двины... и до Печоры... и до Пустозера... и до реки Князьковой... и берегом Нярымским до реки Оби... мор-

жены северо-западный берег Черного моря, Московское государство от Можайска, Москвы и Рязани до Крыма и северо-восточный берег Черного моря, причем на территории южнее Москвы кроме некоторых рек нет ни одного населенного пункта.

¹⁶ Там же, № XLV. На карте Герритса неверно изображено течение Дона, Донца, в качестве правого притока Дона показана река Гнилой Донец, впадающая в Дон выше впадения в него Северного Донца, река Битюк показана как правый приток Дона, в то время как она является левым притоком, и т. д.

¹⁷ Там же, № XLIV.

ским берегом до Таза... и реки Пуры до Мангазеи до Енисей. А на полуденную сторону от верху реки Тенуя Днепром до Черного моря. А от реки Тазы и от реки Оби вверх по Оби Обдорская, Югорская и Сибирская земля до Нарыма до Легия Орды и кочевья козацкия и Больших ногаев кочевье и Бухарские и Югорские города и реку Волгу до Астрахани и реку Дон до Азова... и от Астрахани морским берегом до Яика и рекою Яиком до Терека... и реку Куру... и Кабарду... Дербент, Шемаха... Иверская Грузинская земля и до Кизылбаш». Но приведенные в предисловии границы не совпадают с действительным объемом «старого чертежа», и их необходимо раздвинуть, так как в состав «старого чертежа» входило еще и изображение чужих земель — Побужья, Приднестровья, Дуная, Болгарских городов, Причерноморья, «Турской земли», Кавказа, Средней Азии.

При перечерчивании «старого чертежа» в 1627 г. из него не были исключены земли, в это время уже не входившие в состав Московского государства. Так, в состав земель Московского государства в «старом чертеже» мы находим земли между реками Тенуем и Нявдомой, отошедшие к Швеции в 1595 г., и земли на западе — Ям, Копорье, Ивангород, Смоленск, Чернигов, Новгород-Северский, Дорогобуж и другие, отошедшие к Швеции и Польше в 1617—1618 гг. Оказываются также внесенными в «старый чертеж» и такие города, как Полоцк, Юрьев, Ругодив, завоеванные русскими во время Ливонской войны. С другой стороны, в этом чертеже отсутствовал, как это уже было отмечено выше, юг — «поле», а на северо-востоке недостаточно полно была представлена Сибирь. К моменту перечерчивания «старый чертеж» был настолько «ветх», что «впредь по нем урочищ смотреть не можно, избился весь и и развалился». Поэтому в копию его, сделанную в 1627 г., попало только то, что в нем было «цело»; следовательно, эта копия содержит не все данные «старого чертежа». Так, за его ветхостью были утрачены и остались невозстановленными в копии города в низовьях Днепра, Южного Буга, Днестра, течение Дуная, все болгарские города и некоторые города на Кавказе и в Средней Азии. Стало быть, «старый чертеж» был полнее копии 1627 г., а, следовательно, и полнее текста Книги Большого Чертежа.¹⁸

Описание «старого чертежа» носит оро-гидрографический характер и ведется по главнейшим рекам Московского государства с подробным описанием их бассейнов. Отсюда и характерные для этой части Книги Большого Чертежа заголовки — «река Терек», «река Яик», «река Днепр», «река Десна» и т. д. В содержание этой части Книги Большого Чертежа входит: 1) описание рек с точным указанием длины каждой из них, а для рек, впадающих в Северный Ледовитый океан, указано и

¹⁸ В указанной выше описи чертежей, составленной Башмаковым, этот чертеж описан так: «Чертеж Московского государства городов и степи до Азовского моря. Наклеен на полотно, ветох». Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Мин. Юстиции, т. VI, отд. II, стр. 15.

расстояние между их устьями; точно указано, куда эти реки впадают и какие имеют притоки; перечисляются озера и указывается их ширина и длина; 2) перечень городов, монастырей, погостов (сел и деревень нет) с указанием расстояний между ними, что придает этой части Книги Большого Чертежа вид дорожника; 3) для Европейского Севера отмечаются «корабельные становища» у Мурманского берега; 4) сообщаются данные о полезных ископаемых;¹⁹ 5) даются сведения о размещении народов как на территории Московского государства, так и за пределами его.²⁰ Следует при этом отметить, что размещение народов, данное в Книге Большого Чертежа, совпадает с их действительным размещением в конце XVI в. Говоря о татарах, составители Книги Большого Чертежа прибавляют, что они сеют пшеницу, ячмень и полбу, а говоря о башкирах, отмечают, что «кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют».

Подробнее всего на «старом чертеже» был изображен Европейский Север, города «порубежные», т. е. идущие вдоль западной границы Московского государства, и отчасти центр, а по мере удаления на восток, изображение делается все более и более бедным. Причины этого следует искать в общей направленности интересов Московского государства того времени, от которых зависела и степень изученности отдельных районов Московского государства, а, следовательно, и бывших в распоряжении составителей «старого чертежа» источников — чертежей отдельных местностей.

«Старый чертеж» не был первым чертежом на Руси, как это полагает ряд исследователей.²¹ Чертежное дело на Руси было организовано давно, поставлено хорошо, и «старый чертеж» был не первым опытом чер-

¹⁹ Больше всего сведений о соли, озерной и каменной (Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 39, 54, 66, 70, 150, 153, 157); затем упоминается сера «горючая» при впадении р. Нявдомы в Сев. Двину (там же, стр. 195) и при впадении р. Сока в Волгу (стр. 150), олово в горах Улу-тау (стр. 208), краска на берегах Зеленчика (Джелезника, стр. 74), камень «оловастр» — гипс в районе рек Ваенги и Сев. Двины (стр. 196); при описании Кавказа отмечены на Тереке «колодези горячие», вероятно, минеральные источники (стр. 63—64).

²⁰ В Книге Большого Чертежа названы следующие народы: татары в Крыму (там же, стр. 21), казахи в Средней Азии (стр. 74), башкиры между реками Чусовой и Белой (стр. 147), «ногаи малые» — между Азовским морем и Кавказскими горами и «большие» — между Каспийским и Аральским морями (стр. 58, 151), черкесы (стр. 63), кабардинцы (стр. 4, 59, 62), «кучени» (стр. 4, 58), «мичикизы» (там же), «окохи» (там же), помещаемые на Кавказе, «самоеды» (ненцы) в Приуралье, по Оби и Тазу (стр. 187, 189, 203), «кизыльбаши» — персы в провинции Гилян (стр. 5).

²¹ Г. И. Спасский в своем предисловии к Книге Большого Чертежа писал, что «большой чертеж был некогда единственной картой на русском языке» (Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 11, подчеркнуто мной — К. С.); Лерберг, Свенске и Огородников называли Большой Чертеж «первой картой России» (Н. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению истории, стр. 5; К. Свенске. Материалы для истории составления атласа Российской империи, стр. 2; Е. К. Огородников. Мурманский и Терской берега по Книге Большого Чертежа, СПб., 1869, стр. 80); этого же мнения придерживается и С. Потоцкий, который говорит, что «большой чертеж — первая русская карта» (С. Потоцкий. Книга Большого Чертежа, «Наша страна», 1939, № 7).

чения карт; ему предшествовали более мелкие чертежи, изготовленные в разное время и охватывавшие отдельные районы Московского государства, по преимуществу пограничные. Так, в описи царского архива XVI в. содержится описание чертежей этого архива: в ящике 21-м был «Чертеж Смоленской и рубеж Смоленским волостем»; в ящике 22-м — «Чертеж Себежской и Гуменской»; в ящике 57-м — «Чертеж Лукам Великим и Псковским пригородкам с литовским городом с Полотцком»; в ящике 144-м — «Чертеж и юписки Украинных городов»; в ящике 220-м — «Чертеж Полоцкой и Озеришской и грамоты и списки рубежу Полоцкому»; в ящике 221-м — «Чертеж Ливонским городам и Чертеж Колыванской». ²² Из приведенной описи видно, что в архиве Грозного было сравнительно много чертежей, сделанных в разное время, причем чертежи эти не восходят ко времени более раннему, чем княжение великого князя Василия Ивановича, т. е. первая четверть XVI в. Старейший из них — «Чертеж Смоленской и рубеж Смоленским волостем» современен «Книгам о приезде литовских послов при Максимилианове после», т. е. при Герберштейне, впервые приехавшем в Московское государство в 1517 г. Все описанные чертежи относятся исключительно к пограничным местностям — западной и южной Украине; поэтому можно думать, что составлялись они с целью удовлетворения военных и дипломатических потребностей Московского правительства.

К XVI в. относятся также и чертежи, находившиеся в Посольском приказе, попавшие в 1614 г. в «Роспись чертежем разных государств». ²³

²² А. А. Э., т. I, № 289.

²³ «Роспись чертежем разных государств. В коробе: Чертеж Кольскому острогу и волостем и Печенскова монастыря землям з датскими рубежи, ветх, распался. Чертеж Корельские и Лопские земли к Мурманскому морю с каинскими немцы, ветх. Чертеж наклеен на полотне, ветх добре, немецких государств цесарева, и аглинскова, и свейскова и датцково. Чертеж наклеен на холсте, ветх добре, свейских и лифляндских немец с Литовскою землею и з государевою со Псковскою землею. Чертеж Корельскому рубежу. Чертеж Датские и Свейские земли. Чертеж по рубежу от Литовской земли и Велижских волостей, ветх. Чертеж Корельского рубежу размежевания князя Василия Звенигородского. Чертеж Ливен. Чертеж Свейских городов. Чертеж московского межевания государевых бояр Михаила Яковлевича Морозова с товарищи с литовскими послы, как учинили межи городу Полотцку и Полотцким пригородам, земле, и селам, и деревням, и водам и всяким угодьям с литовскими тородами, как был Полотеск за государем. Чертеж дороге от Казани к Сибири ветх, распался. Чертеж Карельскому рубежу Лопских земель, ветх. Чертеж города Путивля. Чертеж города Пскова. Чертеж Торопецкого рубежа з Литовской землей. Чертеж Сибирской от Чердыни, ветх. Чертеж Северских городов, ветх. Чертеж Ивангородский. Чертеж Корельского и Ореховского рубежа, ветх. Чертеж Чугуева городища. Чертежи ж разных государств, ветхи добре, распались, разобрать именно и написать немочно» («Чтения в О. И. и Др. Р.», 1894, кн. III, стр. 16, № 5). Автор чертежа «Московского межевания... с литовскими послы...» боярин Мих. Як. Морозов — известный воевода XVI в., начальник артиллерии, казненный Грозным в 1564 г.; в 1558 г. он взял Мариенбург, одно время (до 1561 г.) был ливонским наместником. Следовательно, составление этого чертежа должно быть отнесено к 1558—1561 гг. Размежевание, зафиксированное в чертеже «Корельскому рубежу», произведено воеводой князем Вас. Андр. Звенигородским, известным воеводой конца XVI — начала XVII в. Состав-

Эти чертежи также охватывали порубежные земли, но охват их гораздо больший; кроме западной и южной Украины, они охватывали уже и Сибирь и соседние государства — в первую очередь «Датцкое и Свейское». Подбор этих чертежей и нахождение их в Посольском приказе не оставляют никаких сомнений в том, что и эти чертежи были также составлены с целью удовлетворения дипломатических потребностей правительства. Следовательно, «старому чертежу» предшествовал целый ряд чертежей, составлявшихся по разным поводам в течение всего XVI в. и охватывавших отдельные, преимущественно пограничные районы. Такое внимание к пограничным землям, и в первую очередь западным, совершенно естественно для Московского государства XVI в. Несомненно, что чертежи, указанные в обеих росписях, не могли не быть использованы при составлении «старого чертежа», так как в нем особенно подробно изображены пограничные земли.

III

Переходим к изучению «старого чертежа» по отдельным районам.

Описанию севера Московского государства в Книге Большого Чертежа посвящены особые главы: первая, озаглавленная «Роспись рекам Поморским, морским берегом от устья реки Тенуя»,²⁴ вторая — «Морским берегом от усть реки Онеги до усть реки Двины, реки которые текут в море»,²⁵ причем эта глава, согласно заголовку, должна была бы кончатся рекой Двиной, но в действительности она описывает морской берег вплоть до реки Таза. Следовательно, описание побережья Ледовитого океана, начинаясь с описания реки Онеги и идя на восток от нее, заканчивается описанием реки Таза. В особых главах дано описание бассейна больших рек — Онеги,²⁶ Сев. Двины,²⁷ Вычегды,²⁸ Печоры²⁹ и Оби.³⁰

Описание побережья ведется по рекам. Тщательно указаны все, даже самые мелкие речушки, впадающие в Северный Ледовитый океан. При описании рек указаны их истоки, длина, перечислены их притоки. Идя по рекам, отмечаются расположенные на них города, остроги, монастыри, погосты, церкви. У Мурманского берега отмечен и ряд «карабельных становищ». Указаны все острова, кроме Новой Земли, полуострова, «косы» (мысы), заливы, наволоки и волоки между реками. Отмечены озера с указанием их длины и ширины. Из народов Севера указаны

ление этого чертежа надо отнести к 1592—1595 гг., когда князь Звенигородский находился под Выборгом и действовал против шведов. Следовательно, оба чертежа относятся к XVI в.

²⁴ Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 159—169.

²⁵ Там же, стр. 180—188.

²⁶ Там же, стр. 168—169.

²⁷ Там же, стр. 191—194, 194—197, 201—202.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 188—191.

³⁰ Там же, стр. 203—211.

только ненцы — «самоеды» в районе между рекой Усой и Уралом, между реками Обью и Пузгой и в районе реки Таза, причем ненцы, живущие между Обью и Пузгой, названы «самоедью кочевой». Указаны и полезные ископаемые — «сера горячая» на реке Янде — правом притоке Сев. Двины; камень «олевастр», а из деревьев лиственница между реками Пушенгой, Ваенгой и Двиной. Итак, весьма тщательно, с точки зрения гидрографической, описана большая территория от реки Тенуя до реки Таза, причем территория, заключающаяся между реками Тенуем на западе и Нявдомой на востоке в момент перечерчивания «старого чертежа» и написания к нему текста в 1627 г. не входила в состав Московского государства, так же, как и в момент составления «старого чертежа» (1600 г.) уже была вне пределов его, так как в 1595 г. по Тязвинскому соглашению она отошла к Швеции. Однако и в 1600 и в 1627 г. на эту территорию продолжали смотреть, как на часть Московского государства, причем такой взгляд продолжал существовать и значительно позднее, во второй половине XVII в. В архиве Соловецкого монастыря хранилась очень интересная роспись 1665 г., приведенная у Е. К. Огородникова и содержащая описание «немецкого рубежа», т. е. границы между Русским государством и Швецией. Вот это описание: «Роспись твоей государеве вотчине: от немецкого рубежа Каинские украини живут немецкие люди и владеют государевой землею. Государский рубеж исстари от Свитцкого (Балтийского.— К. С.) моря по берегу от реки Лемянги в Кемь и до Шомерского камня до Торной 500 верст; а из государевой вотчины впали в море Свитцкое 7 рек — река Сиговка, река Леменга, река Овлуя, река Ия, река Кемь Жемчужное, река Торная, река Кейнита; а исстари по тем рекам сидели государевы люди, а ныне по тем рекам сидят все немцы, а владеют государственной вотчиной по тем рекам 70 лет». ³¹ Упоминаемые в этой росписи семь рек являются реками, завоеванными русскими в 1495 г. в результате похода князя Ляпуна и Петра Ушатых. Они составляли часть территории, которая описана в книге Большого Чертежа на восток от реки Тенуя и которая за 70 лет до росписи 1665 г., т. е. в 1595 г., отошла к Швеции по Тязвинскому соглашению. Следовательно, и через 70 лет после перехода ее к Швеции она все еще считается и именуется «государевой вотчиной».

Изучению данных Книги Большого Чертежа, относящихся к Европейскому Северу Русского государства, посвящено три исследования Е. К. Огородникова, ³² в которых, идя следом за текстом Книги Большого Чертежа от одного пункта к другому, от одной реки к другой, он тщательно изучает каждый объект, указывая время и причины его возникновения и отмечая, в каких источниках данный объект упоминается впервые, сравнивает данные Книги Большого Чертежа с данными карты

³¹ Е. К. Огородников. Указ. соч., стр. 10.

³² Е. К. Огородников. Указ. соч., его же. Прибрежье Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа, СПб., 1877; его же. Волжский бассейн по Книге Большого Чертежа, СПб., 1881.

Гюйена (1594—1595 гг.) и приходит к выводу, что последняя часто представляет только искаженные русские названия и не обогащает древнюю географию нашего Севера особенно важными указаниями.³³ Вопросы влияния «старого чертежа» на карту Гюйена или наоборот. Е. К. Огородников не поднимает и пользуется картой Гюйена больше для уточнения данных Книги Большого Чертежа. В результате кропотливого изучения данных Книги Большого Чертежа Е. К. Огородников приходит к выводу, что ее текст не одновременен, а сложился в четыре приема: первый он относит к концу XV — началу XVI в., второй — к 1590 г., третий — к XVII в. и четвертый — к 1680 г., при этом Е. К. Огородников считает, что эта разновременность текста острее всего чувствуется в описании юга, «особенно там, где пролегают шляхи и дороги».³⁴ Мнение о существовании редакции 1680 г., дополненной и расширенной, Е. К. Огородников всемерно поддерживает. Став на эту точку зрения — существования четырех редакций текста Книги Большого Чертежа, последней из них 1680 г., он справедливо (с позиций этой точки зрения) обвиняет авторов или редакторов Книги Большого Чертежа в отсутствии в тексте ее ряда населенных пунктов, существовавших уже к 1680 г.

С этими выводами Е. К. Огородникова, несмотря на использование им большого материала (актового, летописного, писцовых книг и т. п.) и тщательность изучения данных Книги Большого Чертежа, согласиться нельзя. Основная ошибка Е. К. Огородникова, повторенная во всех трех его работах, заключается в том, что, разбирая данные Книги Большого Чертежа, критикуя и комментируя их, Огородников не считал для себя необходимым установить протограф Книги Большого Чертежа и все свои выводы строил не на основании его текста, а на основании текста нескольких разновременных и разнохарактерных списков Книги Большого Чертежа, изданных в 1846 г. Г. И. Спасским. Так, не подвергнув критическому анализу текст списка № 128 ЛОИИ, осложненный вставкой В. Н. Татищева о том, что «сей чертеж учинен в давних годах, а переписан и пополнен при Иоанне Васильевиче», Е. К. Огородников делает вывод, что первая карта России относится ко временам Василия Ивановича, княжившего с 1505 до 1533 г., а, может быть, и к временам его отца Ивана III.³⁵ Особенно некритический подход Е. К. Огородникова к тексту бывших перед ним списков Книги Большого Чертежа сказался в вышеуказанной его работе, посвященной Волжскому бассейну, где он все время оперирует с дополнениями Синодального списка, приведенными в издании Г. И. Спасского под литерами ДРИ, принимая их за первоначальный текст Книги Большого Чертежа.

³³ Е. К. Огородников. Мурманский и Терской берега, стр. 40.

³⁴ Е. К. Огородников. Волжский бассейн, стр. 69. Этой же точки зрения придерживаются и некоторые из современных исследователей. Так, К. А. Салищев утверждает, что в течение XVII в. большой чертеж (так он называет «старый чертеж») «неоднократно перечерчивался и пополнялся» (К. А. Салищев. Основы картоведения, М., 1943, стр. 127).

³⁵ Е. К. Огородников. Мурманский и Терской берега, стр. 81.

Вторая ошибка Е. К. Огородникова заключается в том, что за текстом Книги Большого Чертежа он не видит ее источников, в данном случае «старого чертежа», очень сложного по своим источникам, относящимся к различным временам. Разновременны источники «старого чертежа», а не текст Книги Большого Чертежа. Наконец, третья ошибка Огородникова заключается в том, что он без проверки, на веру принял бездоказательные утверждения Г. И. Спасского и других о том, что в 1680 г. была составлена новая, расширенная редакция Чертежа и что, тогда же, в 1680 г., было составлено и новое, тоже расширенное описание его. Исходя из этой предпосылки, Е. К. Огородников сделал ряд неверных выводов, в частности, о неполноте Книги Большого Чертежа, об отсутствии в ней ряда городов, построенных в XVII в.

Если бы Е. К. Огородников критически относился к тексту списков, изданных Г. И. Спасским, и не ограничился бы в своем изучении Книги Большого Чертежа только ими, то у него не оказалось бы и реки Арены, на определение которой он затратил много остроумия.³⁶ Никакой реки Арены в природе не существует, не было ее и в протографе Книги Большого Чертежа, нет и в некоторых близких к нему списках, где читается: «а река в старом чертеже не подписана».

Сибири, вернее, бассейну Оби, в Книге Большого Чертежа посвящена особая глава, озаглавленная «Река Обь Великая»,³⁷ причем в тексте сделана оговорка, что Обь описана только до Нарыма. «а выше того в старом чертеже Обь река не описана». Такая оговорка вполне естественна для копииста «старого чертежа», так как в 1627 г. не только все течение Оби, но и течение Енисея и отчасти Лены были уже хорошо известны русским. В этой главе подробно описано течение Оби и ее притоков, населенные пункты, расположенные по этим рекам с указанием расстояния между ними. Из народов, живших в то время в Сибири, указаны только «самоеды» — ненцы по реке Тазу³⁸ и между Обью и Пузгой.³⁹ В тексте Книги Большого Чертежа, а, следовательно, и в «старом чертеже», находилось большое количество «городков», принадлежавших различным сибирским народам и впоследствии разрушенных при покорении этих народов; на развалинах некоторых из них возникли русские города, как, например, Верхотурье — на месте вогульского (мансийского) городка Неромкарра, Туринск — на месте татарского городка Епанчина, Тюмень — на месте татарского же городка Цимги и т. д. К сожалению, большинство из указанных в Книге Большого Чертежа «городков» определению не поддается, но перечень их очень ценен, тем более, что в таком полном виде он нигде больше не встречается. Также тщательно перечислены и русские города, возникшие в этом районе до 1600 г. Перечень этих городов обрывается на 1600 г., что дает возможность датировать эту часть «старого чертежа» 1600 годом.

³⁶ Е. К. Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей, стр. 72—73.

³⁷ Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 203—211.

³⁸ Там же, стр. 203.

³⁹ Там же, стр. 189.

А. И. Андреев считает, что составленный на основании указа 1626 г. «общий чертеж Сибири» 1629 г. «послужил источником тех географических сведений о Сибири, которые находятся в исправленном около 1627 г. тексте Книги Большого Чертежа». ⁴⁰ В это положение на следующей странице своей работы А. И. Андреев внес некоторые изменения. «Разрядный приказ — пишет он, — занимавшийся исправлением и дополнением старого, пришедшего в ветхость, чертежа Московского государства, не располагал еще в 1627—1628 гг. общими географическими сведениями о той части Сибири, которая с 1629 г. перешла в ведение Томского разряда, чем, может быть, и объясняется отсутствие их в тексте Книги Большого Чертежа в редакции 1627 г.»; ⁴¹ следовательно, Книгой Большого Чертежа была использована лишь часть материала, касающегося Тобольского разряда. С этим утверждением А. И. Андреева согласиться нельзя, так как текст Книги Большого Чертежа был написан в 1627 г. и, следовательно, во время написания его в 1627 г. не мог быть использован «общий чертеж Сибири», появившийся в 1629 г. Кроме того, если стать на совершенно верную точку зрения А. И. Андреева о том, что «Роспись Сибирским городом и острогом...» является той росписью, которая была приложена к «общему чертежу Сибири», ⁴² то данные ее должны совпасть с данными Книги Большого Чертежа, если она действительно пользовалась Сибирским чертежом 1629 г. или его источниками. Сравнительное изучение этих данных приводит к выводу, что данные Книги Большого Чертежа не могут считаться заимствованными из этой «росписи» или даже из источников ее, так как содержат совершенно различные данные. Так, имеющийся в тексте Книги Большого Чертежа перечень сибирских «городков» полностью отсутствует в «Росписи», а с другой стороны, в тексте Книги Большого Чертежа отсутствует целый ряд городов, острогов и слобод, построенных после 1600 г. и отмеченных в «Росписи»; это лишний раз подчеркивает, что тот комплекс сведений о Сибири, который заключается в тексте Книги Большого Чертежа, составил не позднее 1600 г. и никаких дополнений и изменений в момент написания Книги Большого Чертежа в 1627 г. сделано не было.

Если нельзя согласиться с А. И. Андреевым в том, что Книга Большого Чертежа использовала данные «общего чертежа Сибири» 1629 г. или собранные для составления его материалы, то нельзя вместе с тем не отметить, что составители «старого чертежа» в отношении Сибири располагали картографическими материалами, так как в росписи чертежей Посольского приказа, составленной в 1614 г., упоминаются два чертежа Сибири: первый — «Чертеж дороге от Казани к Сибири», ⁴³ второй — «Чертеж Сибирской от Чердыни». Любопытно, что чертежи Сибири хранились в Посольском приказе и находились среди чертежей «роз-

⁴⁰ А. И. Андреев. Очерки источниковедения Сибири XVII в., ч. 1, Л., 1940, стр. 11.

⁴¹ Там же, стр. 12.

⁴² Там же, стр. 10.

⁴³ «Чтения в О. И. и Др. Р.», 1894, кн. III, стр. 16, № 5.

ных государств». Первый чертеж «дороге от Казани к Сибири», вероятно, давал лишь сведения о так называемой «старой Казанской дороге», шедшей от Казани на Уфу «через степи на верховья Исети к Тюмени» — старом караванном пути, унаследованном Казанью от булгар. Московское правительство одновременно с завоеванием Сибири постаралось освоить этот путь и в 1586 г. строит на этой «дороге» город Уфу. В конце XVI в. московское правительство в отдельных случаях пользуется этой дорогой в военных целях.⁴⁴ Второй же чертеж — «Чертеж Сибирской от Чердыни», кроме описания дороги от Чердыни в Сибирь, которая в первое время после завоевания Сибири была казенной дорогой в Сибирь, а сама Чердынь — центром, откуда шло завоевание Сибири,⁴⁵ мог, вероятно, содержать и описание самой Сибири. Составленный в момент завоевания зауральских земель,⁴⁶ этот чертеж не мог пройти мимо существовавших там «городков», которые тормозили продвижение русских на восток и затрудняли освоение края.

Данные «старого чертежа» о Сибири, почерпнутые из источников XVI в., к 1627 г. сильно устарели, отстали от жизни, так как границы Московского государства в Сибири давно уже перешли не только за Обь, но и за Енисей, а в 20-х годах XVII в. первые отряды русских появляются уже на «великой реке Лене»; на описанной же в «старом чертеже» территории в течение первой четверти XVII в. вырастают новые русские города и слободы. Поэтому в 1627 г. возникает вопрос о составлении нового чертежа Сибири, подобно тому, как тогда же был составлен новый чертеж югу Московского государства. В связи с этим посылается указ тобольскому воеводе князю Хованскому о составлении чертежа Сибири,⁴⁷ который должен был быть включен в серию чертежей Московского государства, а данные его списаны в Книгу Большого Чертежа, причем в предисловии к Книге Большого Чертежа, в расчете на получение нового, расширенного чертежа Сибири, границы Сибири даны не по Обь, а по Енисей, в то время как в деловой части Книги Большого Чертежа Енисей не упоминается совсем, и описание Сибири сводится лишь к описанию бассейна Оби до Нарыма. С составлением чертежа Сибири задержались, и он был готов лишь к 1629 г., т. е. через два года после составления Книги Большого Чертежа.

Достаточно бросить беглый взгляд на составленную на основании данных Книги Большого Чертежа карту, чтобы прийти к следующему выводу. Несмотря на то, что «старый чертеж» имел два существенных

⁴⁴ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928, стр. 107.

⁴⁵ Там же, стр. 89—90.

⁴⁶ Подчеркивание в заголовке этого чертежа города Чердыни, я думаю, указывает на то, что этот чертеж составлен до момента утраты Чердынью значения центра завоевания Сибири и города, стоящего на главной дороге в Сибирь. Случилось это в 1597 г., когда Арт. Бабиковым был открыт новый путь в Сибирь и построен город Верхотурье, к которому перешли все функции Чердыни.

⁴⁷ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 8.

пробела: один на северо-востоке — в Сибири и второй на юге (в нем отсутствовало «поле»), в то же время на нем были представлены не только старинные русские земли, отошедшие в разное время к Польше и Швеции, но также и земли, никогда не принадлежавшие Московскому государству. Это левобережная и отчасти правобережная Украина, Крым, течение Южного Буга, Днестра, Дуная, «болгарские города», «Гурская земля» (ее владения в Европе и Передней Азии), Кавказ, «Кизылбаши» (современный Иран), Средняя Азия, Хива и Бухара. Старинные русские земли, особенно отошедшие в первой четверти XVII в. к Польше и Швеции, были и в «старом чертеже», составленном до отторжения их от Русского государства, и так как новый чертеж был лишь копией старого, то естественно, что разрядные чертежники — приказные подьячие не решились исключать их из карты Русского государства, хотя они и не входили уже в его состав; кроме того, московское правительство не оставляло мысли о реванше, продолжало смотреть на эти земли как на свои и не переставало думать о воссоединении их со всей массой русских земель. Источники для этой части «старого чертежа» надо искать, как мы уже указывали, среди чертежей, упомянутых в описи царского архива 1572—75 гг. и в составленной в 1614 г. «Росписи чертежем разных государств», хранившихся в Посольском приказе.

Что же касается левобережной Украины, представленной весьма подробно в «старом чертеже», некоторых данных о правобережной Украине, вернее Приднепровья, подробного описания днепровских порогов и земель Чичерского и Пропойского воеводства,⁴⁸ расположенных по Днепру и между ним и левым его притоком Сожем,⁴⁹ то здесь прежде всего необходимо отметить, что Украина представлена только землями, входившими в состав «Вишневецчины»,⁵⁰ т. е. владений кня-

⁴⁸ «Держава Чичерская и Пропойская» оказалась впервые в руках князей Вишневецких в 1524 г., когда король дал их князю Фед. Мих. Вишневецкому, который построил в Чичерске замок; имя его часто упоминается в документах, связанных со спорами Московского и Польского государств о границе. С 1534 г. владельцем «державы Чичерской и Пропойской» делается его брат — князь Ив. Мих. Вишневецкий, отец князя Дм. Вишневецкого, перешедшего на службу к Ивану Грозному.

⁴⁹ Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 80—83, 92—102.

⁵⁰ Земли будущей «Вишневецчины» в XV в. принадлежали князьям Глинским, а в XVI в. входили в состав Каневского и Черкасского староства и рассматривались как «Каневские уходы». В 1554 г. это староство было захвачено князем Дм. Ив. Вишневецким, изменившим королю, а в 1559 г. оно было дано двоюродному брату Дмитрия — князю Мих. Алекс. Вишневецкому, который в течение 20 лет занимал эту должность, а потом после его смерти староство Каневское и Черкасское получил сын его Александр. Став старостами Каневскими и Черкасскими, Вишневецкие сразу же заинтересовались заднепровскими землями, постепенно накладывали на них свою руку и осваивали их, сначала фактически, а затем, с 1590 г., и юридически, выдержав ожесточенную борьбу за них со своими конкурентами. Особенно энергично устройством этих земель занимался князь Алекс. Мих. и брат его Михаил, построившие на левобережье ряд замков и переселившие туда массу крестьян (А. М. Лазаревский. Лубенщина и кн. Вишневецкие, 1590—1648, К., 1896; J. Wolf. Kniasiowie Litewsko-Ruscy, Warszawa, 1895).

зей Вишневецких, обнимавших большую территорию от Днепра (от Чигиринской дубравы и Домонтова монастыря на устье реки Супоя) до Конотопа, т. е. территорию всей нынешней Полтавской области и южную часть Черниговской области. В состав ее входили города Полтава, Хороль, Лубны, Золотоноша, Пирятин, Лохвицы, Ромны, Глинск и еще целая масса местечек и сел — всего 53 города и села на левобережье и несколько населенных пунктов на правобережье. Характерно, что в описании всех этих земель и порогов наряду с верстами упоминаются и мили; исчисление расстояний в милях нигде, кроме этого места, в Книге Большого Чертежа не встречается. Естественно возникает вопрос, почему внимание составителей «старого чертежа» привлекали только земли, в той или иной форме связанные с князьями Вишневецкими? Указание, находимое в тексте Книги Большого Чертежа, о том, что днепровские пороги «писаны по сказке запорожских черкас», подсказывает источник и дает, мне думается, повод к сопоставлению этих фактов с приездом на службу к Ивану Грозному одного из представителей рода князей Вишневецких, князя Дм. Ив. Вишневецкого, по выражению Соловьева, «начальника всей Украины»,⁵¹ известного в украинских народных песнях под именем Байды, которого можно считать основателем Запорожской Сечи. Прежде чем перейти на службу к Ивану Грозному, он, уйдя в 1553 г. из-под власти польского короля, сначала отправился к туркам, а потом попытался обосноваться на Днепре на острове Хортице, где построил укрепленный городок, в котором были даже пушки, отобранные Вишневецким у татар при разгроме Перекопа. Из этого городка Вишневецкий совершал походы на Крым, в этом же городке он успешно защищался от нападений крымских татар, но недостаток в «хлебных запасах» вынудил его в 1557 г. уйти с Хортицы, захватить староство Каневское и Черкасское и оттуда просить Ивана Грозного о принятии его на службу, причем под власть Грозного Вишневецкий отдавал захваченное им староство Каневское и Черкасское. Грозный охотно принял его к себе на службу, отказавшись от принятия Каневского и Черкасского староства на том основании, что он сейчас «с королем в перемирии». Взамен же возвращенного королю староства Грозный дал Вишневецкому город Белев со всеми волостями и селами, вменив ему в обязанность защиту южной окраины Московского государства от татар. Никоновская летопись сохранила ряд записей о его походах в течение четырех лет (1558—62 гг.) на татар в районе рек Дона—Днепра, преимущественно Днепра. В своих всегда успешных походах Вишневецкий со своими каневскими и черкасскими «черкасами» доходил до Перекопа.⁵² В 1562 г. Вишневецкий «отъехал в Литву к королю польскому». По словам Никоновской летописи, он пытался увести с собой к королю и каневских и черкасских казаков, но

⁵¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, стб. 103.

⁵² ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 275, 277, 281, 286, 288, 296; ч. 2, стр. 315, 318, 320, 324, 339, 341, 343.

они отказались и приехали в Москву со «всею своим прибором... служить государю, царю и вел. князю всея Руси». С этого момента начинается широкое использование московским правительством «черкас» для сторожевой и станичной службы на юге Московского государства сначала скорее в качестве союзников, а позднее в качестве обычных служилых людей.

Таким образом, отпадает всякая необходимость видеть во внесении данных об Украине в «старый чертеж» какие-либо заимствования из западноевропейской картографии, тем более, что на сохранившихся картах Польши, относящихся к XVI в., левобережная Украина полностью отсутствует,⁵³ появляясь только в середине XVII в. (1648 — 51 гг.) на картах Боплана⁵⁴

Возможно, что и краткое описание «степи», степных дорог и отчасти Крыма, имеющееся в «старом чертеже»,⁵⁵ могло быть сделано со слов того же Вишневецкого, которому были хорошо известны и степные дороги, и Крым, и степень защищенности татарских городов, которые он не раз осаждал и громил.⁵⁶

Если при нанесении на «старый чертеж» левобережной Украины и других указанных выше земель составители чертежа не пользовались иностранными картографическими источниками, то иначе обстоит дело с имевшимися в «старом чертеже» данными по Причерноморью. Последнее вследствие порчи надписей для городов по берегам реки «Дуны и городов болгарских и около Черного моря берегом описать было не мочно — в старом чертеже испорчено и ветхо»,⁵⁷ оно поэтому в Книге Большого Чертежа отсутствует, а сохранилось лишь уцелевшее описание рек южного Буга (Бокга) и Днестра (Нестря). Это описание с несомненностью говорит о том, что составители «старого чертежа» пользовались западноевропейскими картами. Нельзя не согласиться с Ф. Е. Петрунем в том, что составители «старого чертежа» для нанесения на «чертеж» населенных пунктов по Бугу и Днестру использовали карту Польши, составленную Гродецким, переработанную Пограбием спе-

⁵³ В. Кордт. Указ. соч., вып. II, табл. XXI, XXIV — карты Городецкого-Пограбия, напечатанные в 1595 г. См. также атласы Ортелия и Меркатора, хранящиеся в Картографическом отделе Публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

⁵⁴ Там же, табл. IX.

⁵⁵ В некоторых местах текста Книги Большого Чертежа данные «старой разрядной росписи», по которой в основном ведется описание «поля», сопоставляются с данными «старого чертежа». «А от Конских вод до Перекопи верст со 100 и больше по старому чертежу» (Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 27). «А от Молочных вод до Перекопи написано по старой росписи 60 верст, а по старому чертежу, какова мера верстам положена, и по той мере от Молочных вод и до Перекопи 120 верст» (там же, стр. 19).

⁵⁶ «А в Перекопи град каменной, а в нем живут крымские татарове и турчани и народ во граде есть. А от Перекопи до моря на 6 верст, а поперег Перекопи с две сажени косых, а в глубину 3 сажени, а по рву стоят бани каменные» (там же, стр. 20).

⁵⁷ Там же, стр. 76—77, 103.

циально для атласа Ортелиа и появившуюся в нем впервые в издании 1595 г.⁵⁸ Ф. Е. Петрунь правильно считает, что агенты московского правительства и запорожские черкасы, с которыми московское правительство имело дело, не могли иметь собственных сведений об этом районе. Он же отмечает несовпадение этих городов с единственным русским источником — со списком «русских городов дальних и ближних», приводимым в Воскресенской и Новгородской летописях,⁵⁹ затем использование иностранного источника для вычерчивания Западного и южного берегов Черного моря и наличие западноевропейских чертежей в архиве Разрядного приказа (правда, по описи 1668 г. — К. С.). К этому можно прибавить еще и сведения описи 1614 г. о наличии иностранных чертежей в архиве Посольского приказа. Удивляет только, почему авторы «старого чертежа» из городов, расположенных по Южному Бугу и Днестру, перенесли на свою карту только некоторые из них. Так, по Бугу в «старом чертеже» указан только город Синяя Вода, расположенный на левом притоке Буга того же имени, и не перенесены в «старый чертеж» остальные города, имеющиеся на использованной ими карте: Меджибож, Винница, Брацлов. По Днестру, взяв большее количество городов, чем по Бугу, составители «старого чертежа» оставили неперенесенными еще целый ряд городов, например Бакоту, Каменец, Хотин и множество других. Возможно, что авторы «старого чертежа» интересовались исключительно Причерноморьем, а поэтому нанесли на свой чертеж лишь реки, впадающие в Черное море, и го-

⁵⁸ Ф. Е. Петрунь. К вопросу об источниках «Большого Чертежа» — «Журнал научно-исслед. кафедр в Одессе», т. I, май 1924 г., № 7. Напечатанная впервые в атласе Ортелиа издания 1595 г., эта карта затем воспроизводится во всех последующих изданиях атласа Ортелиа. См. различные издания этого атласа, хранящиеся в картографическом отделе Публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а также В. Кордт. Указ. соч., вып. II, табл. XXIV.

⁵⁹ Среди дополнительных статей Воскресенской и Новгородской V летописи имеется статья, озаглавленная «а се имена градом всем русским, дальним и ближним» (ПСРЛ, т. VII, стр. 240—241), в которой перечислены города по Днестру, Пруту, Дунаю, города, расположенные по западному берегу Черного моря, а также города польские (киевские и волынские), литовские, рязанские, смоленские, залесские. Этот перечень городов не совпадает, как это отмечает и Ф. Е. Петрунь, с перечнем причерноморских городов, приводимых в Книге Большого Чертежа. Кроме того, приводимый в летописи перечень гораздо подробнее списка нерусских городов Книги Большого Чертежа. Это несовпадение не может также не свидетельствовать о том, что перечень городов, помещенных в летописях, не мог послужить источником для «старого чертежа», а также и о том, что оба перечня не восходят к одному и тому же источнику. О том, что составители «старого чертежа» не пользовались перечнем, помещенным в летописях, указывает и то обстоятельство, что при перечерчивании в 1627 г. «старого чертежа» для восстановления утраченных за ветхостью мест не прибегли к этому летописному перечню городов. Но для обоих перечней (летописного и чертежного) характерен одинаковый интерес к Западу и Причерноморью. Наличие такого перечня городов в летописях наряду со статьей «о начале православных государей и великих князей русских, корень их изыде от Августа царя римского» не случайно, так как и в XVI в. летопись используется в международных отношениях, на авторитетные показания ее опираются в спорных вопросах.

рода, расположенные в нижнем и отчасти среднем течении этих рек.⁶⁰ На основании карты Гродецкого—Пограбия, пользование которой составителями «старого чертежа» можно считать безусловно установленным Ф. Е. Петрунем, следует попытаться хотя бы предположительно восстановить названия тех городов «около Черного моря», подписи к которым в «старом чертеже» испортились.⁶¹ Это город Дасов (Dazzow) в низовьях Буга, Очаков в Днепро-Бутском лимане, Трече (Treoze) в низовьях Днепра, Биалгород и Маяк в низовьях Днестра.

Сохранившиеся отрывочные сведения «старого чертежа» о западном и южном берегах Черного моря находятся в особой главе, озаглавленной «Крымская Орда». Содержащиеся в этой главе географические названия, имеющие латинизированную форму, указывают на использование книжного иностранного источника. В отношении этих земель, изображенных в «старом чертеже», но стершихся и вследствие этого не попавших в копию его 1627 г., а, следовательно, и в текст Книги Большого Чертежа, трудно сказать что-нибудь определенное, но все же можно высказать предположение, что если для Побужья и Поднестровья была использована карта Гродецкого — Пограбия, опубликованная в атласе Ортелия, то, может быть, в этом же атласе надо искать и карту, использованную для указанных земель, тем более, что в атласе Ортелия, издания не ранее 1595 г., есть восемь карт, посвященных изображению Причерноморья. Точно определить, которая из карт, помещенных в атласе Ортелия, была использована, невозможно, но все же одна из карт этого атласа, а именно карта Черного моря («Pontos Evxinos», табл. XXVI), составленная в 1590 г., включенная впервые в атлас Ортелия в издании 1592 г. и повторенная в последующих изданиях его, в том числе и в издании 1595 г., особенно подробно и по своему содержанию и по транскрипции географических названий ближе всего подходит к сохранившимся данным «старого чертежа». Возможность использования составителями «старого чертежа» двух карт из атласа Ортелия подтверждается и наличием ряда переводов этого издания, сделанных в Москве.⁶²

⁶⁰ Помимо иностранных чертежей, составитель «старого чертежа», нанося на чертеж течение Днестра и Дуная и расположенные по ним города, могли иметь в своем распоряжении и русские источники, так как связи с этими районами были и старыми и тесными. Русские поселения по Днестру и Дунаю относят к очень древним временам. Этому вопросу посвящена значительная литература; из последних работ укажу на статью Ю. В. Готье «Русские на Балканском полуострове в XI—XIV вв.» («Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта», 1939, вып. 2) и статью В. В. Мавродиной «Русские на Дунае» («Ученые записки ЛГУ», № 87, Саратов, 1943).

⁶¹ Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 103.

⁶² По данным академика А. И. Соболевского, среди переводимых в Москве книг первое место занимали географические труды — книги и атласы; в числе их были переведены и лучшие труды того времени в этой области, а именно труды Меркатора, Ортелия, Блеу и др. (А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., СПб., 1903).

Сведения «старого чертежа» о Средней Азии идут в Книге Большого Чертежа единым комплексом и составляют как бы особую главу.⁶³ Сведения эти охватывают территорию от реки Яика (Урала) на западе и до реки Ишима и Сары-су на востоке; от верховьев рек Тобола и Ишима на севере до Бухары и Ташкента на юге. Следовательно, они обнимают западную часть нынешней Казахской ССР, Кара-Калпакскую АССР и северные части Туркменской и Узбекской ССР. Для этого громадного пространства дано около 60 географических названий. Большинство из них сильно искажено, но они сравнительно легко отыскиваются на современных картах, что и дало Макшееву возможность составить карту «Киргизских степей и Туркменского края»⁶⁴ с обозначением на ней «всего поименованного в Книге Большого Чертежа, кроме реки Арзаса, никогда не существовавшей».

Описание этой территории носит оро-гидрографический характер, для ориентировки, наверное, взяты горы Айрюк (Мугоджарские) и Улу-тау, дающие начало главнейшим рекам, описанным в Книге Большого Чертежа. Описаны, и притом совершенно точно, все главнейшие реки, за исключением Заравшана. Описано также и несколько озер. Пески — Большие и Малые Барсуки и Кара-кумы показаны совершенно точно не только в отношении положения, но и размеров. Что касается расстояний, приводимых в Книге Большого Чертежа, то они даны в верстах, и так как измерения сделаны не с помощью инструментов, а по времени пройденного пространства, то, конечно, приблизительно, но в большинстве случаев они все же приближаются к действительности. Из полезных ископаемых отмечены: соль на берегах реки Илека и в Индерском озере, олово в горах Улу-тау, желтая и красная краски в берегах реки Зеленчика (Джаланчика). Из народов, населявших Среднюю Азию, указаны только ногаи в западной части описанной территории, казахи в центральной ее части и калмыки в восточной, причем размещение их, приведенное в Книге Большого Чертежа, соответствует действительному размещению их в конце XVI в.

А. Макшеев, тщательно изучивший в цитированном уже издании этот комплекс известий Книги Большого Чертежа, приходит к следующему выводу: «Книга Большого Чертежа представляет весьма обстоятельное и точное географическое описание Зауральских степей, которое могло быть сделано только на основании непосредственного и самого короткого знакомства с ними. Такая хорошая осведомленность русских в географии Средней Азии должна быть объяснена многовековыми торговыми и политическими связями России с среднеазиатскими государствами». С этим выводом А. Макшеева нельзя не согласиться, так

⁶³ Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 69—76; кроме того, еще два упоминания на стр. 151 о кочевьях больших нагаев и на стр. 158 о Казахской Орде и землях Юргенцкой и Бухарской.

⁶⁴ А. Макшеев. Географические сведения Книги Большого Чертежа о Киргизских степях и Туркестанском крае, с приложением карты — «Изв. русского геогр. о-ва», 1872, т. XIV.

как действительно начало торговых и политических сношений Восточной Европы с Средней Азией теряется в глубокой древности. Случайные летописные известия указывают на наличие в Нижнем-Новгороде бухарских и хивинских купцов еще в середине XIV в., а в следующем столетии, в 1404 г., источники говорят о приеме русского посольства в Средней Азии — в Герате. Сношения Московского государства со Средней Азией в XV в. шли через Каспийское море и Закавказье, но нащупывается и другой, более северный путь — через Сибирь и Казахскую Орду. Об этом свидетельствует ряд отрывочных известий, в том числе и сообщение описи царского архива — «ящик 38, а в нем книги и списки казачьи при Касиме царе и тюменском при Иваке царе». ⁶⁵ Недостаточность сохранившихся сведений не позволяет говорить о длительности и прочности этих связей и степени их распространенности в глубь Средней Азии, но показателен самый факт их существования. С 70-х годов XVI в. устанавливаются регулярные связи с Казахской Ордой, а через нее — и с узбекскими ханствами Туркестана. Следовательно, можно говорить о наличии регулярных торговых связей Московского государства времен Грозного с Казахской Ордой и узбекскими ханствами. Сильно повлияло на возобновление торговых связей с Востоком завоевание Казани (1552 г.) и особенно Астрахани (1556 г.), после чего сразу же устанавливаются регулярные и очень оживленные торговые связи с среднеазиатскими ханствами, с Ургенчем, Хивой. Восточные купцы хлопочут о разрешении им беспопытной торговли не только в Астрахани, но и других городах Московского государства. Во второй половине XVI в. устанавливается несколько направлений торговых путей из Московского государства на Восток: морской через Мангышлак — Астрахань и несколько вариантов сухопутного: 1) через Эмбу, ногайские степи, на Яик и затем на Самару или через Башкирию на Уфу и Казань, 2) через Казахские степи на Тару, Тюмень, Тобольск, 3) степной дорогой от Казани на Каму, оттуда через Башкирию, минуя Уфу, на верховья Яика, откуда между устьями рек Сары-су, заканчиваясь у предгорий Ала-тау. ⁶⁶

В результате этих сношений Московского государства со Средней Азией постепенно накапливался и тот запас географических сведений о Средней Азии, который нашел свое отражение сначала в «старом чертеже», а затем и в Книге Большого Чертежа. Проследить процесс постепенного накопления их нельзя, но в тексте Книги Большого Чертежа мы, несомненно, имеем сводку их, сделанную в конце XVI в., причем сведения эти не были занесены на «чертеж», так как ни в описи царского архива XVI в., ни в описи чертежей Посольского приказа начала XVII в., ни в описи чертежей Разрядного приказа XVII в. нет указаний

⁶⁵ ААЭ, т. I, № 289. Под Иваком-царем надо подразумевать сибирского хана Ибака, начавшего в 1481 г. переговоры с московским царем, а в 1495 г. умершего.

⁶⁶ А. П. Чулошников. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв. (материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Труды Историко-археологического ин-та Ака. Наук СССР, Л., 1933).

на чертежи, относящиеся к Средней Азии, а поэтому можно думать, что составители старого чертежа почерпнули свои сведения о Средней Азии не из более старых чертежей, как это имело место в нанесении на карту Западной окраины Московского государства, а взяли из письменных источников (статейных списков, расспросных речей) и, может быть, отчасти и из устных источников — рассказов послов и купцов, побывавших в Средней Азии.⁶⁷

А. Макшеев в названной работе говорит, что при нанесении данных по Средней Азии авторы «старого» чертежа несомненно использовали какой-то западноевропейский книжный источник, так как в Книге Большого Чертежа говорится о «невероятной» реке Арзас, соединяющей Синее (Аральское) море с Хвалынским (Каспийским).⁶⁸ К сожалению, А. Макшеев не называет тот западноевропейский источник, который, по его мнению, был использован составителями «старого чертежа», а это было бы очень важно, так как обычно считается, что западноевропейская картография до 1687 г., т. е. до карты Витсена, не знала о существовании Синего (Аральского) моря. Кроме того, Макшеев слишком легко отмахнулся от «невероятной» реки Арзас, соединяющей Аральское море с Каспийским. В действительности же дело было гораздо сложнее, чем он думал, и не так уже были неправы составители «старого чертежа». Современная нам географическая наука пришла к твердому выводу, что Кара-кумы появились в результате деятельности ряда рек, впадавших раньше в Каспийское море — пра-Аму-Дарьи, Мургаба, Теджена и других более мелких и, следовательно, являются не чем иным, как дельтой этих рек.⁶⁹ Мургаб, Теджен и другие реки теперь не доносят своих вод до Каспийского моря и теряются в песках Кара-кумы, а Аму-Дарья постепенно изменила русло и понесла свои воды в Аральское море. Кроме того, доказано, что сухое русло Узбой, идущее по северо-западной окраине Кара-кумов, есть бывшая речная долина, в свое время питавшаяся амударьинской водой через Сарыкамышское озеро.⁷⁰ Следовательно, нет ничего невероятного в сообщении Книги Большого Чертежа о том, что река Арзас—Узбой соединяла Аральское море с Каспийским и что в нее впадала Аму-Дарья. Можно думать, что в Книге Большого Чертежа зафиксирован тот момент, когда Аму-Дарья текла уже в двух направлениях — на запад к Каспию по Узбою—Арзасу и новой протокой — в северо-восточном направлении к Аральскому морю, а так как привычно было считать, что Аму-Дарья течет в Каспийское море, а не в Аральское, то поэтому составители «старого чертежа» тот рукав Аму-Дарьи, который тек уже в Аральское море, сочли за восточный приток Узбоя — Арзаса, а отсюда и представление о том, что Узбой — Арзас соединяет Аральское море с Каспийским.

⁶⁷ Там же, стр. 12.

⁶⁸ На иностранных картах XVI в., напечатанных Кордтом, и заключающихся в атласах Ортелиа, Меркатора, Блау, нет ни одной карты, на которой была бы река Арзас.

⁶⁹ Эд. Мурзаев. Страна туркмен — «Наша страна», 1938, № 8, стр. 5—6.

⁷⁰ А. С. Кесъ. Русло Узбой и его генезис, Л., 1939, стр. 7, 8, 10, 16.

Кроме Книги Большого Чертежа, о реке Арзасе, текущей из Синего моря в Хвалынское, и притоке ее «Амедарный» пишет в 1675 г. русский посол в Китае Николай Спафарий в описании своего путешествия из Тобольска к границам Китая.⁷¹ Хотя Спафарий в этом районе сам не был и при описании его пользовался иностранными и русскими письменными и устными источниками, в том числе и Книгой Большого Чертежа (он упоминает «Московский чертеж»), тем не менее он имел полную возможность это указание, может быть, заимствованное из Книги Большого Чертежа, проверить и, если бы оно оказалось неверным, не приводить его в своем описании или исправить его.

Описанию Кавказа в Книге Большого Чертежа отведена особая глава, озаглавленная «Роспись реке Тереку»,⁷² а также конец главы о Доне.⁷³ Описанием охвачена территория Северного Кавказа. Данные об этой территории складываются из описания главных рек Кавказа с их притоками и гор; из народов указаны на Тереке пятигорские черкесы и кабарда, а в горах — «окохи», «осоки», «мичкизы», «кугени». Кроме того, указан ряд городов, как построенных народами Кавказа, так и русскими, причем, конечно, подавляющее большинство городов относится к первой группе. Наконец, дано описание «горячих колодезей» на Тереке между двух его притоков — Курпы и Сунши.

Это описание Кавказа содержит большое количество географических и этнографических сведений, свидетельствующих о хорошей осведомленности авторов «старого чертежа» в географии и этнографии Кавказа. Это совершенно естественно, так как Кавказ издавна был хорошо знаком русским. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Кавказом датируются с 1487 г., но дипломатические сношения существовали значительно ранее, о чем свидетельствуют летописи. В записках Герберштейна есть сведения о Кавказе, полученные им от русских. Е. Замысловский считает эти сведения показателем тех географических сведений о Кавказе, которыми обладали русские люди первой половины XVI в.⁷⁴ Эти сведения, по мнению Е. Замысловского, очень ценны и важны потому, что собраны самими русскими. В XVI в. на русской почве появляются уже сказания, содержащие данные из истории Грузии. В «козмографиях», заключающихся в хронографах, встречаются русские статьи о «царстве Иверском и Грузинском».⁷⁵

На развитие сношений Московского государства с Востоком, и в частности с Кавказом, в XVI в. сильно повлияло завоевание Казани и в особенности Астрахани. С этого времени Московское государство всту-

⁷¹ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска к границам Китая русского посла Николая Спафария в 1675 г., СПб., 1882, стр. 501.

⁷² Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. 62—67.

⁷³ Там же, стр. 56—62.

⁷⁴ Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России, СПб., 1884, стр. 87, 204, 513—514.

⁷⁵ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 529.

пает в тесные сношения с Кавказом, а многочисленные мелкие кавказские князья ищут в Москве защиты от крымского хана и турок. В 1552 г. Иван Грозный принимает «в холопи» пятигорских черкес, а в 1557 г. и кабардинских черкес. За защитой к Грозному обращаются и владельцы Шевкальского царства (Шамхалы Тарковские), и Тюменского, и Шемахи. В 1561 г. Грозный женился на дочери кабардинского князя Темгрюка — Марии, и это еще больше связало Московское государство с Кавказом, особенно, с кабардинскими черкесами. Отныне московский царь начинает принимать активное участие в делах Кавказа, посылая туда своих ратных людей, главным образом для борьбы с турками и татарами, и мастеров для постройки городов и укреплений (первым был послан туда, «по, челобитью черкес», воевода князь Дм. Ив. Вишневецкий в 1560 г.). В 1566 г. Темгрюк снова просит прислать к нему мастеров для постройки «города». В 1567 г. был отправлен в «черкесы» Мотлов, а с ним для «городового дела» мастера и «многие люди с пушками и пищальями», построившие город Терки. Первый русский город был построен в Кабарде в 1563 г. по просьбе того же Темгрюка, но ни местоположение, ни судьба его неизвестны. В 1567 г. в Кабарде построен второй русский город на Тереке, в устье реки Сунши. В 1578 г. приехал в Москву из «пятигорских черкес» князь Канбулат с просьбой принять его в русское подданство и построить город в «пятигорских черкесах» на Тереке, в устье реки Сунши, и прислать воеводу «с вогненным боем», вследствие чего в 1578 г. на Тереке появился «Терский город» и воевода Новосильцев с воинскими людьми. В 1588 г. построен еще один русский город в устье Терека — Тюменский город, и туда отправлен воевода князь Хворостин.

В конце XVI в. особенно оживились сношения с Грузией. В 1586 г. было отправлено посольство из Москвы в «Грузы». В 1589—1590 гг. русские войска сражаются с Шевкалом, против которого и в 1593 г. посылается «большая рать» под командой князя Хворостина с приказанием построить два города — на реке Койсу и в Тарках. Первый город был построен, а второй построить не удалось из-за усиленного сопротивления Шевкала. В 1589 г. были приведены к «шерти» (присяге) черкесские князья, а в 1599 г. отправлен был в Кахетию князь Звенигородский «с товарищи» для «исправления веры крестьянской». В 1601 г. было отправлено новое посольство в Кахетию. В 1604 г. приехал в Москву кабардинский мурза Сунчелей с просьбой разрешить ему жить в Терском остроге и населить слободы по берегам Терека; обе просьбы были удовлетворены. Только в начале XVII в., в связи с крестьянской войной и польско-шведской интервенцией, наступил некоторый перебой в весьма оживленных сношениях Москвы с Кавказом.

Из приведенного краткого обзора связей Московского государства с народами Кавказа понятна хорошая осведомленность русских в географии и этнографии Кавказа и подробное описание его в Книге Большого Чертежа. Проследить самый процесс накопления географических и этнографических сведений о Кавказе невозможно, но нельзя не

отметить, что тот их объем, который мы имеем в тексте Книги Большого Чертежа и который заимствован из «старого чертежа», несомненно, является сводом всех географических и этнографических данных, накопившихся в Московском государстве в течение ряда веков в результате оживленного общения между Московским государством и Кавказом. При этом нет оснований предполагать, что при составлении «старого чертежа» были использованы какие-либо картографические материалы, так как в сохранившихся описях архивов XVI—XVII вв. нет сведений о существовании чертежей по Кавказу.

В тексте Книги Большого Чертежа упоминается Тюменский городок, построенный в 1588 г. Следовательно, эта часть «старого чертежа» могла быть составлена после 1588 г., и так как в тексте Книги не упоминается об устройстве в 1603 г. князем Сунчелеем слобод по Тереку (о чем упоминается в одном из списков Книги Большого Чертежа — № 9), то, следовательно, эта часть «старого чертежа» должна была быть составлена между 1588 и 1603 гг.

В вопросе датировки «старого чертежа» в существующей литературе наблюдаются большие разногласия. Большинство исследователей, идя за Татищевым, датирует его 1552 годом; меньшинство, идя за Бутковым, время составления его относит к княжению Ивана III; наконец, некоторые относят его к царствованию Федора Иоанновича, а Лерберг и Петрунь — к царствованию Бориса Годунова (первый — к 1599 г., а второй считает, что «старый чертеж» мог быть составлен не ранее 1595 г.).

Критерием для установления времени составления «старого чертежа», с моей точки зрения, может быть следующее: 1) «старый чертеж» не упоминается в числе чертежей, хранившихся в царском архиве, опись которому составлена в 1572—1575 гг.,⁷⁶ 2) при нанесении данных по правобережной Украине составители «старого чертежа» использовали карту Гродецкого — Пограбия, опубликованную Ортелием впервые в 1595 г.; 3) та сумма сведений, которая имеется в «старом чертеже» по Европейскому Северу и Сибири,⁷⁷ не могла появиться в нем ранее 1595 г.; 4) в «старом чертеже» нет городов, построенных после 1600 г. Исходя из указанных выше соображений, составление «старого чертежа» необходимо отнести ко времени между 1595 и 1600 гг., вернее всего к 1600 г., следовательно, к царствованию Бориса Годунова. Если моя датировка верна, то не может не удивлять странная и даже совсем невероятная забывчивость дьяков и подьячих Разрядного приказа, которые в течение четверти века забыли, в каком году и даже при каком

⁷⁶ Отсутствие «старого чертежа» в росписи чертежей, находившихся в архиве Посольского приказа в 1614 г., не может говорить о том, что он не существовал в начале XVII в., так как роспись охватывала только «чертежи розных государств».

⁷⁷ В «старом чертеже» перечисляются следующие русские города в Сибири: Березов и Пелым, построенные в 1593 г., Сургут — 1594 г., Нарым — 1596 г., Верхотурье — 1598 г., Мангазея — 1600 г. Городов, построенных уже в 1601 г., хотя и расположенных в описанном в Книге Большого чертежа районе, как, например, Туринска, нет.

государе был составлен «старый чертеж», появление которого, несомненно, было событием в московской картографии (и не только в ней), и отмечая его ветхость, говорили только о том, что он был составлен «давно, при прежних государех». Может быть, это обстоятельство надо объяснить не забывчивостью, а сознательным замалчиванием ненавистного для первых Романовых имени Бориса Годунова.

Смущающая исследователей «ветхость старого чертежа» должна быть понимаема как изношенность. «Избится и развалится», т. е. истрепаться, чертеж мог не столько от старости, сколько от частого употребления; «старым» же этот чертеж был назван условно — в отличие от нового чертежа «полю», составленного в 1627 г.⁷⁸

Здесь же интересно отметить, что в царствование Годунова наблюдается подъем московской картографии, так как к этому же времени, не говоря об отдельных небольших чертежах, составление которых шло непрерывно, относится и составление знаменитой карты царевича Федора Борисовича Годунова, охватывающей почти всю тогдашнюю территорию Московского государства.

Так называемая карта царевича Федора Борисовича Годунова в подлиннике не сохранилась, но имеется большое количество копий ее, лучшая из которых находится в атласе Меркатора. Этой карте посвящена специальная работа Н. Д. Чечулина,⁷⁹ в которой он доказывает, что

⁷⁸ Нельзя согласиться с мнением Е. К. Огородникова, Г. И. Спасского и других о том, что «старый чертеж» не был составлен сразу, а сложился в течение полутора столетий постепенно, в несколько приемов (в 1505—1533, 1533—1590 гг., 1590 г — первая четверть XVII в и 1680 г.) (Е. К. Огородников. Мурманский и Терский берега, стр. 80—86; Книга глаголемая Большой Чертеж, стр. V—VII). Такое постепенное складывание «старого чертежа» невозможно с технической стороны: на такой, все время пополняющийся, экземпляр чертежа надо было вносить не только отдельные населенные пункты, но вставлять и изображение целых областей, поскольку основное ядро «старого чертежа», составленное, как предполагается, в княжение Василия Ивановича, могло охватить лишь очень скромную по размерам территорию и к ней должны были быть дополнены целые области вроде Сибири, которая могла появиться только с царствования Грозного, и другие. Если стать на точку зрения постепенного сложения «старого чертежа», то нельзя обойти замечание Татищева, использованное сторонниками этой точки зрения, о том, что Иван Грозный «в 1552 г. велел землю измерить и чертеж всему государству сделать». Следовательно, в 1552 г. или в ближайшие к нему годы должен был появиться «чертеж всему государству», и если бы он действительно появился, то опись царского архива, составленная в 1572—1575 гг., не могла бы обойти его появление молчаньем. Наконец, если бы такой чертеж «всему государству» существовал уже к началу царствования Бориса Годунова, то при составлении так называемой карты царевича Федора Борисовича он был бы использован Федором Годуновым, а тем не менее названная карта: а) не совпадает в своих данных с данными «старого чертежа», б) по своему охвату территории Московского государства сильно отстает от «старого чертежа» и является обычной картой части Московского государства.

Ввиду всего вышеизложенного правильнее считать, что «старый чертеж» складывался не постепенно, а является своего рода сводом чертежей отдельных местностей, составлявшихся в разное время и по разным поводам.

⁷⁹ Н. Д. Чечулин. О карте царевича Федора Борисовича Годунова — Ж. М. Н. П., 1903, апрель, и отд. оттиск.

карта царевича Федора Борисовича была составлена в Москве на рубеже XVI—XVII вв., в основу ее была положена лучшая карта Европы — Меркатора, исправленная и дополненная по русским источникам, и что в 1613 г. она была выгравирована в Голландии. Согласиться с Н. Д. Чечулиным нельзя, так как то, что было выгравировано в Голландии в 1613 г., уже не является картой царевича Федора Годунова. В 1613 г. появилась в свет карта России Гесселя Герритса, имевшая в числе своих источников, между прочим, и карту царевича Федора Борисовича, о чем Герритс совершенно точно говорит в легенде к этой карте, причем здесь же он наметил приблизительно и объем ее, указав, что использованную им карту царевича Федора он расширил (*amplificata*) до рек Двины, Сухоны и других мест, поскольку это было возможно сделать на основании других карт и примечаний.⁸⁰ Таким образом, карта Федора Борисовича, использованная Герритсом, охватывает лишь центр и отчасти юг Московского государства, и, следовательно, она не была картой «всего Московского государства», какой был «старый чертеж», а является обычной для московской картографии картой одного из районов Московского государства, может быть, несколько большего масштаба, чем другие карты, охватывавшие более ограниченные районы. Интересно было бы выяснить, каким образом она попала к Герритсу. Думать, что она была получена нелегальным путем, нельзя, так как тогда Герритс не посвятил бы свою карту, основанную на нелегально использованном русском источнике, царю Михаилу Федоровичу. Следовательно, можно думать, что она была получена Герритсом легально для составлявшейся им карты России с целью ее опубликования. Это вполне вероятно уже потому, что она не содержала засекреченных сведений и не касалась местностей, важных в военном отношении, как, например, новый чертеж «полю», составленный в 1627 г. в военных целях и оставшийся потому не известным иностранцам. Возможно даже, что Борис был заинтересован не только в составлении общей (не подробной, а потому и не секретной) карты Московского государства, но и в опубликовании ее: в современных ему западноевропейских атласах не было приличной карты Московского государства, в то время как другие государства были хорошо представлены в этих атласах, а Борис ведь всеми путями стремился к восстановлению утраченного Московским государством международного престижа, стремился к тому, чтобы заставить соседей считаться с ним; кроме того, опубликование карты России, используемой в дипломатических целях, было очень важно, так как опу-

⁸⁰ «*Fabula Russiae, ex autographo, quod delineandum curavit Feodor filius Tzaris Boris desuntu; et ad fluvios Divinam, Zuchanam, aliaque locu, quantam ex fabulis et notitiis ad nos delatis fieri potuit amplificata, ac Magno Domini, Tzari et Magno Ducis Michaëli Feodorowits omnium Russorum Autocratori, Wolodimeriae, Moscowiae et Novgordiae, Tzari Casaniae, Tzari Astracaniae, Tzari Siberiae, Domino Pescoviae, Magno Ducis Smolenskwiae... dedicata ab Hesselio Gerardo MDCXIII*». На использование Герритсом нескольких источников — карты царевича Федора Борисовича и ряда западноевропейских карт указывал уже В. Кордт (Указ. соч., вып. II, стр. 29—30).

бликованный, печатный источник всегда авторитетнее неопубликованного.

Ответить на вопрос, была ли так называемая карта царевича Федора Борисовича действительно составлена им самим, трудно, но нет ничего невероятного в том, что она действительно была составлена при его участии. Карта царевича Федора и «старый чертеж всему Московскому государству» составлены почти одновременно, обе — в короткое царствование Бориса Годунова, но назначение и содержание этих карт разное: первая охватывает часть территории Московского государства, вторая стремится охватить все государство и сопредельные с ним страны. Кроме того, районы, изображенные на обеих картах, имеют различную степень насыщенности материалом. Поэтому говорить о том, что одна из них послужила источником для другой, не приходится, но источники обеих карт отчасти могли быть одни и те же. Что касается карты России Герритса, то приведенные в ней границы Московского государства и направленность интересов Московского государства, выразившаяся в изображении некоторых сопредельных с Московским государством стран, почти целиком совпадают со «старым чертежом», но содержание этих карт разное. Так, на карте Герритса отсутствуют совсем левобережная Украина, «поле», между Окой и Волгой имеется «белое пятно», нет Средней Азии, значительно беднее, чем в «старом чертеже», изображены Кавказ и Причерноморье, но зато на ней есть отсутствующая в «старом чертеже» засечная черта, построенная в царствование Федора Иоанновича. Значительно богаче представлено течение Сев. Двины. Источники этой карты, глухо упомянутые в легенде к ней, частично раскрыты В. Кордтом.⁸¹ Немало писали о внешнем виде, о форме Большого Чертежа. А. Ловягин считает, что чертеж «этот не карта, а скорее топографический план».⁸² Я думаю, что с этим определением можно согласиться, так как даже значительно более поздние чертежи, например чертежи Ремезова 1701 г., действительно скорее напоминали топографические планы, чем географические карты.

IV

После того как изучен по частям «старый чертеж» и определено время его составления, можно подвести некоторые итоги и попытаться определить его назначение и характер. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в тексте Книги Большого Чертежа обязательно подчеркивается, что это «чертеж всему Московскому государству» (подчеркнуто мной.— К. С.). Это же отмечается и в заголовке чертежа, приведенном в описи 1668 г. Такое подчеркивание делалось неспроста, так как чертеж был действительно «чертежом всему Московскому государству» и при том первым чертежом такого рода, впер-

⁸¹ В. Кордт. Указ. соч., вып. II, стр. 29—30.

⁸² А. Ловягин. Старинные русские географические карты. Сб. исторических и библиографических статей, Пгр., 1917.

вые охватившим всю территорию Московского государства, тогда как составлявшиеся до него чертежи охватывали лишь отдельные местности, преимущественно пограничные. Появление такого чертежа, несомненно, было событием в московской картографии и не только в ней. Наконец, создание такого чертежа «всему Московскому государству» несомненно является одним из результатов образования централизованного Русского государства, в той или иной форме проявившегося во всех областях жизни (организация централизованного аппарата управления, введение единой монеты, единых мер веса и измерений и т. д.).

Интересны тенденция и целевая установка «чертежа», вытекающие или диктуемые общими установками политики Русского государства. Составители «старого чертежа» не исключили из состава его территории между реками Тенуем и Нявдомой, хотя эта территория по Тязвинскому соглашению 1595 г. отошла к Швеции. При перечерчивании «старого чертежа» в 1627 г. не были исключены из состава земель Московского государства старые русские земли, отошедшие к Швеции и Польше в 1617—1618 гг. по Столбовскому миру и Деулинскому перемирию, так как на все эти земли продолжали смотреть, как на «государеву вотчину». Следовательно, и составители «старого чертежа» и лица, перечерчивавшие его в 1627 г., не случайно вносили в него те или иные земли, а отражали официальную точку зрения на объем территории Московского государства. Следовательно, на «старый чертеж» надо смотреть как на официальный документ, имевший важное международное значение. На основании этого документа московское правительство могло основывать свои притязания на спорные земли, и, следовательно, этим документом, наряду с другими, должны были пользоваться в дипломатических переговорах. Тем более, что и в практике Московского государства XVI—XVII вв. и тех государств, с которыми оно вело оживленнейшие дипломатические сношения, пользование «старыми летописцами, космографиями и чертежами» широко применялось. Так, в ответе московского правительства датскому послу Дитриху Беру в 1561 г. по вопросу о Ливонии сказано, «что Ливонская земля вся извечно от прародителей наших наша..., а что в космографиях Датской земле описано островов и земель и в то ся у Фредерика короля и у брата его не вступаем...»⁸³ В 1576 г. в ответе датским послам, где доказывалась исконная принадлежность той же Ливонской земли московским государям, говорилось: «А польскому, и свейскому, и иному никому опричь нас, ни малые части в Ливонской земли не бывало, и впредь быти не пригоже. А о датском по тому же ведомо гораздо: и в старых летописцах и в космографиях и в докончальных грамотах того не написано, чтобы хотя малая часть в Ливонской земли была к Датскому королевству». ⁸⁴ В споре Датского королевства с Московским государством по вопросу о Лапландии в 1585 г. датчане опира-

⁸³ РИБ, т. XVI, № 19 (подчеркнуто мной.— К. С.).

⁸⁴ Там же, № 34 (подчеркнуто мной.— К. С.).

лись на «датские и норвежские летописцы»,⁸⁵ а с русскими послами князем Ф. П. Борятинским и Д. Г. Бельским в 1603 г. были «посланы росписи рубежом по роспросу старожильцов и чертежи и грамоты и всякие дела». ⁸⁶ Незадолго до этого (в 1601—1602 г.) по тому же вопросу боярин С. В. Годунов «с товарищи... о рубежах говорили и чертежей в которых местех спор меж нашим государством и Датцкой землей показывали...» ⁸⁷

Пользование чертежами можно отметить не только в дипломатических переговорах Московского государства с западными соседями, но и в дипломатических сношениях Москвы с Крымом. Так, в 1688 г. русские послы в Крым — Тяпкин и Зоров имели на руках «печатной чертеж немецкого тиснения». ⁸⁸ Последний не удовлетворил татар, и они потребовали от русских послов предъявления специального «чертежа землям», о которых шла речь (земли, лежавшие по правому берегу Днепра от Киева до р. Ингульца), «подписанного татарским письмом». Такого чертежа у русских послов не было, и они вынуждены были наскоро изготовить его с помощью бывшего с ними писаря Прилуцкого полка Семена Раковича и запорожских казаков. За образец был взят «немецкий чертеж», а данные внесены со слов казаков, хорошо знавших эту местность. ⁸⁹

Все внимание «старого чертежа» обращено на Запад, где в течение ряда веков идет упорная борьба с соседями — Данией, Швецией, Польшей, Литвой за старые русские земли. Привлекая к себе сугубое внимание московского правительства в течение всего XVI и XVII вв., эти земли были лучше изучены и нанесены на многочисленные чертежи, о чем можно судить по описи царского архива 1572—1575 гг. и росписи Посольского приказа 1614 г. Следовательно, «старый чертеж» в своем устремлении на Запад продолжал традиции своих предшественников — чертежей «порубежных» городов и районов.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что «старый чертеж» служил дипломатическим целям Русского государства, отражая политические установки московского правительства конца XVI в. Не вдаваясь в детали, он давал общее представление об огромнейшем государстве, громадные размеры которого не могли не поражать воображение современников, а следовательно, не могли не содействовать тому, чтобы соседи Русского государства признали возрождение поли-

⁸⁵ Ю. Н. Щербачев. Датский Архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326—1690 гг., М., 1893, № 464

⁸⁶ Там же, № 90 (подчеркнуто мной.— К. С.).

⁸⁷ Там же (подчеркнуто мной.— К. С.).

⁸⁸ Ф. Е. Петрунь предполагает, что это была карта Украины, составленная Бопла-ном (Ф. Е. Петрунь. Московские переработки западно-европейских карт, сб. в честь Д. И. Багалея, Киев, 1927, стр. 631). Выдача послам иностранного чертежа объясняется отсутствием в «старом чертеже» и новом — «полю». Правобережья, о котором в данном случае шла речь.

⁸⁹ Там же, стр. 630—631.

тической силы Москвы после понесенного ею поражения, к чему Борис Годунов стремился всеми силами и средствами. То обстоятельство, что этот чертеж в течение четверти века так «избился и развалился, что впредь по нем урочищ смотреть не мочно», указывает на частое пользование им.

Итак, «старый чертеж», составленный в 1600 г. на основании чертежей отдельных районов Московского государства, был составлен прежде всего в дипломатических целях; новый же чертеж, составленный в 1627 г. на основании «старой разрядной росписи», преследовал военные цели — оборону юга от нападений татар. Невольно возникает вопрос, в каких целях была составлена в 1627 г. Книга Большого Чертежа, содержащая данные обоих чертежей?

Прежде всего необходимо отметить, что Книга Большого Чертежа, составленная в Разряде на основании «государева указа» и содержащая данные двух официальных источников (старого и нового чертежей),⁹⁰ вследствие этого должна рассматриваться как официальный по своему происхождению памятник, а из имеющихся на ряде списков Книги Большого Чертежа записей о принадлежности ее можно установить, что, помимо учреждений, владельцами ее являлись служилые люди «разных чинов», несущие ту или иную «государеву службу», будь то воеводство на юге Московского государства, или составление переписных книг по городу Вологде и уезду, или «писание приказных чертежей». Надпись на одном из списков Книги Большого Чертежа прямо указывает на его назначение, а вместе с тем и на назначение Книги Большого Чертежа вообще — «писано для настоящего времени великого государя службы посылок». Следовательно, по своему замыслу Книга Большого Чертежа должна была служить и действительно на протяжении всего XVII в. служила практическим руководством для «государевой службы посылок», причем большое количество сохранившихся списков и нахождение их в библиотеке Соловецкого монастыря и в Киеве указывает на широкое использование Книги на всей территории Московского государства от Белого и до Черного моря. На основании сохранившихся списков можно думать, что наибольшим распространением Книга Большого Чертежа пользовалась во второй половине XVII в. (в 70—80-х годах), когда она служила практическим руководством в работе как отдельных лиц, так и целых учреждений.

Позднее, на рубеже XVII—XVIII вв., взгляд на Книгу Большого Чертежа меняется, ее включают в круг обязательной общеобразовательной литературы того времени. Отныне начинают пользоваться и неофициальной ее редакцией, ее списки появляются в сборниках историко-географического характера, их начинают приобретать отдельные лица и

⁹⁰ А. И. Артемьев неверно считал, что Книга Большого Чертежа «составляла не более, как объяснительный текст (дорожник) или перепись второго чертежа» (А. И. Артемьев. Обзорение трудов русск. геогр. общ. по исторической географии, СПб., 1873, стр. 46).

учреждения, славившиеся своими книжными собраниями. Кроме того, ею начинают пользоваться и в научных целях. Так, на протяжении XVII—XVIII вв. ею пользовался для своего трактата «о трех путях из России в Швецию» и для других работ ученый монах — архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий, а в XVIII в. ею пользовался для своих географических и гидрографических работ Ф. И. Соймонов. Пользование Книгой Большого Чертежа учеными XVIII в. подчеркивает ее ценность как единственного источника, содержащего географическое описание Московского государства во всем его объеме. В середине XVIII в. «открывает» Книгу Большого Чертежа и вводит в круг исторических источников В. Н. Татищев, считавший Книгу Большого Чертежа «единственным пособием по древне-русской географии». Отныне появляется уже новый подход к ней, как к историческому памятнику.

В оценке Книги Большого Чертежа, сделанной в самое различное время, разногласий нет. Так, А. И. Мусин-Пушкин в 1792 г. писал: «Книга Большого Чертежа представляет собой важный и редкий материал... Благодаря ей мы можем отыскать ранее существовавшие, а теперь исчезнувшие города. Добротности, заключающиеся в этой книге, суть такого рода, что могут объяснить Российскую историю». Карамзин находил, что «Книга Большого Чертежа разрешает многие важные для нас вопросы».⁹¹ По этому вопросу высказался и В. П. Семенов-Тянь-Шанский, который в 1918 г. писал, что «Книга Большого Чертежа является основным историко-географическим источником России».⁹² Однако в существующей литературе оценке подвергся текст Книги Большого Чертежа в целом, без выделения и оценки каждого из ее источников в отдельности, хотя источники эти, как мы видели, составлены в разное время, с разными целями и заключали в себе различные данные. Кроме того, оценку Книги Большого Чертежа следует производить не только с точки зрения тех «добротностей», которые заключаются в ней. При оценке ее необходимо также подходить к ней и с другой стороны, учитывая, что Книга Большого Чертежа, являясь сводом географических и отчасти этнографических сведений о Руси XVI в., поскольку источники ее своими корнями уходят в XVI в., дает возможность установить уровень и объем географических сведений в Московском государстве начала XVII в., установить степень изученности Московского государства в целом и по отдельным районам.

Предприятие, широко задуманное в Разрядном приказе в 1627 г. по составлению серии чертежей Московского государства, окончилось неудачей. Книга Большого Чертежа зафиксировала эту неудачу, содержа ряд «белых пятен», и все же книга является замечательным памятником, свидетельствующим о несомненно высоком уровне географических знаний наших предков и достаточно хорошей изученности ими своей родины, о добросовестности и тщательности их работы, а также о доста-

⁹¹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. X, стр. 259—260.

⁹² Известия Академии Наук, 1918, № 12.

точно высоком уровне техники чертежного дела: вычертить такие огромные чертежи с таким точным направлением рек, с таким точным определением местоположения отдельных населенных пунктов, таким верным определением обитания отдельных народов было не просто и не легко. Только в петровское время картографическая техника в России значительно шагнула вперед, оставив Книгу Большого Чертежа далеко позади как в отношении содержания, так и в отношении приемов работы.

* * *

Подводя итоги всему вышеизложенному, необходимо отметить следующее. Книга Большого Чертежа, составленная в 1627 г. в Разрядном приказе и сохранившаяся в большом количестве списков XVII и XVIII вв., содержит данные двух чертежей: «старого чертежа всего Московского государства», составленного в 1600 г., и нового чертежа «полю», составленного в 1627 г. Источники обоих чертежей восходят к XVI в.; для нового чертежа источником послужила «старая разрядная роспись», составленная в 70-х годах XVI в., причем и новый чертеж и «старая разрядная роспись» составлены в целях обороны юга Московского государства от набегов татар; многочисленные источники «старого чертежа» — в основном русские и отчасти иностранные — также относятся к разным годам XVI в., преимущественно ко второй половине его; русские источники его — чертежи отдельных «порубежных» районов вызваны к жизни потребностями международных отношений Московского государства. «Старый чертеж» и новый чертеж «полю» имели разное назначение, а, следовательно, и разное содержание, но для обоих чертежей характерна исключительная точность, добросовестность, обилие подробностей, вследствие чего и Книга Большого Чертежа является ценнейшим сводом географических и отчасти этнографических данных, накопленных в Московском государстве в течение ряда веков и оформленных на рубеже XVI и XVII вв.

Книга Большого Чертежа ценна и как исторический памятник, свидетельствующий о высоком уровне и большом запасе географических сведений о Московском государстве и сопредельных с ним стран и о степени их изученности, и как исторический источник, заключающий в себе очень ценное географическое описание Московского государства, особенно отдельных районов его. Так, например, Книга Большого Чертежа содержит единственный по своей полноте перечень исчезнувших впоследствии татарских и других городков Сибири; то же можно сказать и о Кавказе.

Книга Большого Чертежа была широко использована в течение XVII в. разных чинов служилыми людьми «для государевой службы посылки»; на грани XVII и XVIII вв. начинается использование ее для научных работ отдельными учеными того времени и, наконец, во второй половине XVIII в. Татищев вводит ее в круг источников русской истории и с этого времени начинается широкое использование ее как историко-географического источника.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Н. Г. БЕРЕЖКОВ

О ХРОНОЛОГИИ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ ПО XIV ВЕК ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Исследование о хронологии русских летописей было предпринято автором настоящей статьи в связи с работой Института истории АН СССР по составлению многотомной «Истории СССР». Руководство Института и редакторский состав «Истории СССР» уделили большое внимание, в частности, тому, чтобы хронологическая сторона этого обширного коллективного труда стояла на должной высоте. Положение в области хронологии русской истории не является до сих пор вполне удовлетворительным. Многие исторические работы разных типов, и дореволюционные и современные, страдают хронологическими погрешностями, неточностями, несогласованностью датировок. Два основных условия необходимы, чтобы устранить это хронологическое неблагополучие в отношении того периода, для изучения которого главным источником служат летописи: во-первых, разработка тех общих вопросов древнерусского летосчисления, которые остаются недостаточно исследованными, преодоление отсталости этого участка исторических знаний, во-вторых, детальный, исчерпывающий хронологический (т. е. в отношении датировки событий) анализ основных памятников летописания, каждого в отдельности и в их сопоставлении. Хронологическая работа собственно для многотомника (проверка, уточнение, обоснование дат, составление хронологических таблиц) сопровождалась работой в обоих указанных направлениях.

Таково происхождение исследования о хронологии русских летописей. Законченное исследование охватывает время по XIV в. включительно. Работа состоит из общей части, постатейного хронологического комментария к летописям Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской I старшего извода, в сопоставлении с Симеоновской, Воскресенской и другими, и таблиц, графически изображающих результаты хронологического обследования, причем таблицы даны в двух вариантах: сокращенном, для общей ориентировки, и подробном. Настоящая статья излагает в основных чертах результаты исследования.

I

Система летосчисления определяется эрой и стилем (начало года). Общеизвестно, что в древней Руси была принята византийская эра лето

счисления. Недостаточно изученными остаются вопросы о стиле, о начале года.

Вопрос о том, начинался ли год весной или осенью, в отношении летописного летосчисления надо считать решенным. По XIV в. включительно нашим летописным годом был весенний, мартовский год.¹ Счет весенними годами определял все построение летописного рассказа, по весенним годам распределялись сообщения между статьями летописи. Обозначение годов по сентябрьскому стилю, по византийскому образцу, встречающееся в других памятниках древнерусской письменности, чуждо нашему летописанию за указанное время. Только в очень редких, единичных случаях можно установить, с большей или меньшей уверенностью, что на датировку летописью некоторых отдельных сообщений или, еще реже, на обозначение летописной статьи в целом оказал влияние сентябрьский стиль летосчисления того источника, по которому составлена данная летописная запись.

Вопрос о том, имел ли весенний год твердое или колеблющееся начало, выдвинут гипотезой Н. В. Степанова о *circa*-мартовском начале года.² Те летописные датировки, на которых она основана, переводятся на годы н. э. определенным образом, независимо от принятия или отклонения гипотезы. Надлежащий критический разбор гипотезы потребовал бы отдельного обширного этюда, и с ним можно повременить без ущерба для практики хронологической работы по летописям.

Вопрос о том, начинался ли наш весенний год полугодом позже византийского сентябрьского с таким же численно обозначением, или полугодом раньше, совершенно недостаточно разработан. Те особенности летописной хронологии, которые выдвигают этот вопрос, делают его спорным, обостряют его и дают ему в конце концов неожиданное решение, требуют тщательного, исчерпывающего изучения, — даже помимо научного интереса самого вопроса, — для всей практики хронологической

¹ В. И. Татищев. История российская, кн. 1, ч. 1, М., 1768, стр. 67. Он признает, что наши предки «употребляли» «по истории» (надо разуметь — в летописях) «древнее начало» года с весны, и полагает, что Нестор и его продолжатели «от дня пасхи год начинали». Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, прим. 50; т. IV, прим. 367; т. V, прим. 246; т. VI, прим. 618 и 621; о том же — во многих других примечаниях. И. Д. Беляев. Хронология Нестора и его продолжателей, «Чтения О. И. и Др. Р.», 1846, № 2 (6) (заседание 28 сентября). В. М. Ундольский. Исследование о значении вручелета в пасхалии... — «Временник Моск. О. И. и Др. Р.», кн. IV, 1849, стр. 58—68. М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, М., 1850, стр. 81—87, 104—105, 117—118, 133—134. В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, Киев, 1891, стр. 147—148. См. также разделы по вопросам древнерусской хронологии в курсах палеографии А. И. Соболевского (Славяно-русская палеография, изд. 2, СПб, 1908, стр. 104), В. Н. Щепкина (Учебник русской палеографии, М., 1913, стр. 141), Е. Ф. Карского (Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 221).

² Н. В. Степанов. Единичные счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям — «Чтения в О. И. и Др. Р.», 1909, кн. IV, стр. 33—54; Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века. «Известия Отделения русск. языка и слов. Академии Наук», т. XX, кн. 2, 1915, стр. 1—8.

работы по летописям, для правильной датировки событий за длительный период. В чем состоит вопрос?

Восточные славяне приняли, вместе с христианством, византийское летосчисление от С. М. («сотворения мира»), византийскую эру, но удержали свое исконное, дохристианское весеннее начало года, начинали год от С. М. мартом, а не сентябрем, как византийцы. Между мартовским годом и сентябрьским годом такого же численно обозначения мыслимо два отношения: или мартовский год начинался полугодом позже сентябрьского, был, как говорилось прежде в литературе, «моложе» сентябрьского (в литературе такой год называется просто мартовским, без какого-либо добавления), или — полугодом раньше сентябрьского, был «старше» сентябрьского; Н. В. Степанов назвал такой год ультрамартовским,³ и этот термин не заменен. Мартовское обозначение года одинаково с сентябрьским в марте — августе и единицей меньше сентябрьского в сентябре — феврале (когда идет уже следующий сентябрьский год); ультрамартовское обозначение превышает сентябрьское на единицу в марте — августе (когда идет еще предыдущий сентябрьский год) и совпадает с ним в сентябре — феврале; ультрамартовское обозначение на всем протяжении года единицей выше мартовского обозначения того же года.

Общеизвестно и прочно обосновано правило перевода сентябрьского года византийской эры на год н. э.: вычитание 5509 для сентября — декабря, вычитание 5508 для января — августа. Из отношения мартовского и ультрамартовского годов к сентябрьскому вытекает, что мартовский год должен переводиться на год н. э. вычитанием 5508 для марта — декабря, вычитанием 5507 для января — февраля; ультрамартовский — вычитанием 5509 для марта — декабря, вычитанием 5508 для января — февраля. Таким образом, для перевода года византийской эры на год н. э. надо вычитать иногда 5509, иногда 5508, иногда 5507, в зависимости от того, по какому стилю обозначен год и к каким месяцам относится сообщение. Таблица I показывает соотношение между сентябрьским, мартовским и ультрамартовским годами византийской эры и январским годом н. э. и способы перевода года византийской эры, при каждом из этих трех обозначений его, на год н. э. Таблица II изображает указанное соотношение и способы перевода на отдельном примере.

Как видно из сопоставления, мартовское обозначение года охватывает промежуток, лишь первой своей половиной совпадающий с промежуток, обозначаемым так же по сентябрьскому стилю; ультрамартовское — промежуток, лишь второй своей половиной совпадающий с промежуток, обозначаемым так же по сентябрьскому стилю, и вместе с тем на всем своем протяжении не совпадающий с промежуток, обозначаемым так же по мартовскому стилю, предшествующий ему. Один и тот же год византийской эры в источнике может обозначать один из трех

³ Н. В. Степанов. Единицы счета времени, стр. 65. Календарно-хронологические факторы, стр. 49—50.

разных годовых промежутков. Например, 6683 год может обозначать и промежуток с марта 1174 г. н. э. по февраль 1175 г., если год ультрамартовский; и промежуток с сентября 1174 г. по август 1175 г., если год сентябрьский; и промежуток с марта 1175 г. по февраль 1176 г., если год мартовский. Таким образом, 6683 год византийской эры надо понимать иногда как 1174 г., иногда как 1175 г., иногда как 1176 г. н. э.

Большая часть, львиная доля хронологических ошибок в исторических трудах за длительный период вызвана недоучетом этой тройственности возможного значения года византийской эры и особенно нераспознаванием ультрамартовского обозначения и мартовского. Этот недоучет, это нераспознавание влечет применение ненадлежащего способа перевода на год н. э.; а применение ненадлежащего способа перевода дает ложную дату.

Какими же весенними годами вели счет времен наши предки, какими годами помечали статьи летописцы — мартовскими или ультрамартовскими?

Историки издавна признавали, что древнерусский весенний год начинался позже сентябрьского. Так и переводились и переводятся летописные даты на годы н. э. Такое понимание древнерусского года оправдывается очень большим количеством летописных датировок. Попытка, связанная главным образом с именем Хавского, отстоять противоположное мнение, — что весенний год был, как говорилось, «старше» сентябрьского, начинался полугодом раньше него, — потерпела неудачу.

Вопрос об отношении весеннего, мартовского года к осеннему, сентябрьскому ставился в порядке взаимоисключающего противопоставления одного взгляда другому: или — или. Или древняя Русь знала мартовский год «младший» по отношению к сентябрьскому, или «старший» по отношению к нему; возможности иного решения вопроса не предполагалось. Историки, придерживавшиеся обычного представления, — что мартовский год был «моложе», — замечали, конечно, что в летописях многие статьи, целые группы статей, имеют обозначения года на единицу большие (как показывает анализ датировок), чем следовало бы при таком отношении мартовского года к сентябрьскому; замечали и то, что в разных летописях обозначения статей, соответствующих одна другой по содержанию, часто разнятся на единицу. Эти отступления от мартовского обозначения и эти расхождения в обозначении года сторонники господствующего взгляда считали и считают результатом ошибок летописцев, сводчиков и переписчиков. Погодин различал в Ипатьевском и Лаврентьевском списках чередующиеся промежутки: в одних список «верен» в обозначении годов, в других «уходит годом вперед», по ошибке проставляет годы единицей больше, чем надо бы, т. е. неверен в датировке событий.⁴ При совпадении обозначения года в разных летописях историки большей частью принимали дату за достоверную и переводили ее

⁴ М. П. Погодин. Указ. соч., т. IV, глава II — о хронологии в русских летописях.

Таблица I

УЛЬТРАМАРТОВСКИЙ		<div> <div> <div>апрель</div> <div>май</div> <div>июнь</div> <div>июль</div> <div>август</div> </div> <div> <div>сентябрь</div> <div>октябрь</div> <div>ноябрь</div> <div>декабрь</div> <div>январь</div> <div>февраль</div> <div>март</div> </div> </div>											
Перевод:		<div> <div> <div>N</div> <div>— 5509</div> </div> <div> <div>N + 1</div> <div>— 5508</div> </div> </div>											
СЕНТЯБРЬСКИЙ		<div> <div> <div>N</div> <div>— 5509</div> </div> <div> <div>N + 1</div> <div>— 5508</div> </div> </div>											
Перевод:		<div> <div> <div>N — 1</div> <div>— 5509</div> </div> <div> <div>N</div> <div>— 5508</div> </div> </div>											
МАРТОВСКИЙ		<div> <div> <div>N — 1</div> <div>— 5509</div> </div> <div> <div>N</div> <div>— 5508</div> </div> </div>											
Перевод:		<div> <div> <div>N — 5509</div> <div>— 5507</div> </div> <div> <div>N — 5508</div> <div>— 5507</div> </div> </div>											
ЯНВАРСКИЙ Н. Э.		<div> <div> <div>апрель</div> <div>февраль</div> <div>март</div> <div>апрель</div> <div>май</div> <div>июнь</div> <div>июль</div> <div>август</div> <div>сентябрь</div> <div>октябрь</div> <div>ноябрь</div> <div>декабрь</div> </div> <div> <div>январь</div> <div>февраль</div> <div>март</div> <div>апрель</div> <div>май</div> <div>июнь</div> <div>июль</div> <div>август</div> <div>сентябрь</div> <div>октябрь</div> <div>ноябрь</div> <div>декабрь</div> </div> </div>											

N ультрамартовский год

N сентябрьский год

N мартовский год

Таблица II

март	апрель	май	июнь	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683	6683
— 5509=1174	— 5508=1175	— 5507=1176	— 5506=1177	— 5505=1178	— 5504=1179	— 5503=1180	— 5502=1181	— 5501=1182	— 5500=1183	— 5499=1184	— 5498=1185	— 5497=1186	— 5496=1187	— 5495=1188	— 5494=1189	— 5493=1190	— 5492=1191	— 5491=1192	— 5490=1193
1174	1175	1176	1177	1178	1179	1180	1181	1182	1183	1184	1185	1186	1187	1188	1189	1190	1191	1192	1193

УЛЬТРАМАРТОВСКИЙ

Перевод:

СЕНТЯБРЬСКИЙ

Перевод:

МАРТОВСКИЙ

Перевод:

ЯНВАРСКИЙ Н. Э.

6683 ультрамартовский

6683 сентябрьский

6683 мартовский

на наш счет установленным для перевода мартовского года способом. При различном обозначении года в летописях историки, иногда мотивированно, иногда более или менее произвольно, принимали одно из обозначений за правильное, переводя его на год н. э. опять-таки указанным способом, а другое отклоняли как ошибочное; иногда осторожно признавали, что дата не может быть установлена с полной достоверностью вследствие разногласия источников. Оппоненты господствующему взгляду считали ошибками летописные датировки, оправдывающие господствующий взгляд, но не соответствующие их собственному взгляду.

По-новому поставил вопрос и выдвинул новое его решение Н. В. Степанов. Его статьи были написаны в конце первого — начале второго десятилетия нашего века.⁵ Признавая применение летописцами мартовского стиля, он отказался от признания ультрамартовских обозначений ошибками. Он увидел в них тоже стиль летосчисления. Он признал одновременное существование в древней Руси двух весенних стилей летосчисления — мартовского и ультрамартовского.

Н. В. Степанов — не историк (он был преподавателем математики и физики), и это очень отразилось на его работах. Критиковать Степанова — дело для историка нетрудное и в этом смысле неблагодарное. Но когда идея сосуществования в древней Руси двух весенних стилей летосчисления будет принята, она будет жить в исторической науке как идея, впервые выдвинутая математиком Н. В. Степановым.

При всех достоинствах, работы Н. В. Степанова, по многим своим особенностям — по ограниченности круга привлеченных летописей, по хронологической ограниченности, по односторонности и недостаточности методов, по совершенно недостаточной степени детальности обследования — могли положить только начало изучению вопроса в его новой постановке. Важность вопроса, важность тех хронологических явлений, которые объемлются этим вопросом, позволяла ожидать, что вскоре после появления работ не-историка Степанова историки продолжат его дело, шире поставят самый вопрос об ультрамартовском стиле, выдвинут такие его стороны, которых не касался Н. В. Степанов, на широком круге материалов и во всеоружии своих методов пересмотрят, расширят, уточнят и углубят результаты его изучений и определят свое отношение к основному положению Степанова по существу. Этого не произошло. Труды Степанова не привлекли в должной мере активного внимания деятелей исторической науки.

Настоящая работа не была задумана как продолжение работ именно Степанова. Тема и содержание работы и форма ее определились тем, что она была задумана как работа, практически полезная для историка при обращении к летописям как источнику. Подробно и с применением возможно широкого круга методов обследовать с хронологической

⁵ Кроме указанных — работа Н. В. Степанова «К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи» («Чтения в О. И. и Др. Р.», 1910, кн. IV)

стороны основные памятники летописания, каждый из них в отдельности и в их сопоставлении, включая те, которые совсем еще не подвергнуты специальному хронологическому изучению; облечь обследование в форму постатейного хронологического комментария; поставить в связь результаты обследования с историей летописания; привлечь результаты обследования к изучению вопросов древнерусского летосчисления — так, в основных чертах, наметилась программа работы.

Работа не была задумана как продолжение работ именно Н. В. Степанова, но как бы мы ни объясняли ультрамартовские датировки, ошибки ли они или стиль, они — явление, чрезвычайно распространенное в летописях и, по свойствам материала, не могли не занять (это будет видно из дальнейшего) очень большого места в хронологическом обследовании летописей. А при этом нельзя было остаться нейтральным и к вопросу о том, что же это: ошибки или стиль? — тем более, что определенное решение вопроса настойчиво подсказывалось изученным материалом. Таким образом, из вопросов летосчисления именно вопрос о сосуществовании в древней Руси двух весенних стилей летосчисления, о мартовском и ультрамартовском стилях стал стержневым вопросом исследования. В этом отношении работа примкнула к работам Степанова, продолжила их.

Приемы хронологического обследования летописей сводились к длинному ряду сопоставлений. Это прежде всего — сопоставление года летописной статьи с тем сочетанием обозначения дня месяца и дня недели, которое заключается в так называемой «полной» дате, если она имеется в статье; с местом года в индиктовом цикле, в солнечном цикле, в лунном цикле, если соответствующее указание имеется в статье (указаний на место года в високосном цикле не встречается); с точно установленной датой упоминаемого в статье астрономического явления.⁶ Это, далее, сопоставление сообщений обследуемой статьи между собой; обследуемой статьи с предыдущими и последующими статьями; обследуемой летописи с другими; летописных сообщений с сообщениями других источников.

Все приемы обследования применялись, понятно, в совокупности, во взаимосвязи, при взаимном контроле.

Обследование производилось по объективным признакам, даваемым обследуемыми летописями и памятниками, привлекаемыми к сопоставлению. Объективность признаков должна была обеспечить объективность результатов обследования; а объективность результатов обследования и есть то, что надобно для практики хронологической работы.

Вопрос о природе ультрамартовских обозначений, — о том, ошибки это или стиль, — вопросы истории летописной хронологии, неразрывно

⁶ Для использования летописных упоминаний об астрономических явлениях при изучении вопросов хронологии очень ценным пособием служат работа Д. О. Святого «Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения», «Известия отделения русск. языка и слов.», т. XX, кн. 1 и 2, 1915, и отдельно, П., 1915.

связанные с вопросами истории летописного текста и летописного дела вообще, ставились потом, после обследования, и решение их опиралось на результаты обследования.

II

Основной, наиболее общий результат, к которому в конечном итоге приводит хронологическое обследование каждой летописи, это — расчленение летописи на чередующиеся полосы с мартовскими и ультрамартовскими обозначениями статей. Чередование таких полос свойственно всем летописям. Все другие наблюдения хронологического порядка, и относящиеся к применению тех и других обозначений, и относящиеся к другим сторонам летописной датировки событий, укладываются в ту общую хронологическую картину данной летописи, которая создается этим чередованием полос того и другого обозначения.

Время, охватываемое Повестью временных лет и далее — не во всех летописях одинаково, это — во всех летописях — большая полоса мартовского счета годов.⁷

Статьи с ультрамартовскими обозначениями появляются впервые в самом начале второго десятилетия XII в. (строго говоря, — в последний год первого десятилетия) в Лаврентьевской летописи (то же — в Радзивиловской), сейчас же за Повестью временных лет силвестровой реакции: первая же статья после записи Сильвестра, статья под 6619 годом — ультрамартовская (о событии 1110 г.)⁸ Сначала это небольшие труппки ультрамартовских статей и отдельные ультрамартовские статьи, не нарушающие общего характера этой полосы как полосы мартовского обозначения годов.

⁷ Н. В. Степанов при обследовании Лаврентьевской летописи ошибочно отнес последние 15 статей силвестровой редакции Повести временных лет (под 6604—6618 годами) к «периоду» ультрамартовского стиля (Единицы счета времени, стр. 65; К вопросу о календаре, стр. 30, 32). Он не учел того, что в статье 6604 г. имеется несомненное искажение в названии месяца (назван июль вместо июня), счел эту статью за ультрамартовскую (т. е. излагающую события 1095/6 г.), а в связи с этим признал ультрамартовскими и следующие статьи. В действительности все указанные статьи — мартовские, они излагают события 1096/7—1110/1 годов (не 1095/6—1109/10). В работе об Ипатьевской летописи Н. В. Степанов правильно относит те же статьи Повести к «периоду» мартовского стиля (Календарно-хронологические факторы, стр. 47, 49), а о дате в статье 6604 г. делает оговорку (ошибочную), како «случайной ультрамартовской» дате. Статьи Повести, помеченные в Ипатьевской летописи 6563 и 6595 годами, сообщают о событиях мартовских 6562 и 6594 (1054/5 и 1086/7) годов, т. е. их обозначение в этой летописи единицей выше мартовского (этого Н. В. Степанов не отмечает); но такое обозначение эти статьи получили не раньше, чем в Киевском своде конца XII в., в Повести же они читались под 6562 и 6594 годами, т. е. под мартовскими (ср. Лаврентьевскую летопись).

⁸ В Новгородской I летописи две статьи с обозначениями, превышающими мартовское на единицу, встречаются раньше, именно — статьи под 6603 и 6617 годами (в них даны события 1094/5 и 1108/9 годов, не 1095/6 и 1109/10); но такие обозначения этих статей возникли в результате хронологических комбинаций сводчика, не связанных со счетом ультрамартовскими годами.

Затем ультрамартовские обозначения получают широкое распространение. Нет ни одной летописи, в которой не было бы отдельных статей с ультрамартовскими обозначениями, и нет ни одной летописи, в которой не было бы хоть одной полосы ультрамартовских обозначений. Мартовские обозначения численно вообще преобладают над ультрамартовскими, но преобладание не столь значительно. За то время, когда есть и те и другие обозначения, в Лаврентьевской летописи приходится в среднем на пять мартовских статей три ультрамартовских;⁹ в Симеоновской на восемь мартовских — пять ультрамартовских.¹⁰ В летописи Переяславля Суздальского (она известна только со статьи о 1137 и 1138 гг. до конца, по статью о 1213 г.) ультрамартовских обозначений больше, чем мартовских: на три мартовские статьи приходится четыре ультрамартовских.¹¹

В летописях наблюдается три способа перехода от мартовского обозначения статей к ультрамартовскому обозначению дальнейших статей. Во-первых, разбивка сообщений одного года между двумя статьями с

⁹ В Лаврентьевской летописи, в той ее части, которая следует за Повестью временных лет и сообщает о событиях с весны 1110/1 г. по июнь 1304/5 г., насчитывается 165 статей, из них 101 мартовская, 60 ультрамартовских (6619—6622, 6626, 6627, 6642—6646, 6679—6685, 6687, 6689—6711, 6713—6714, 6717, 6725, 6726, 6740, 6802—6813; помечаем здесь и те две статьи, 6713 и 6802, обозначенные которых не сохранилось, но принадлежность которых к числу ультрамартовских статей устанавливается сопоставлением со смежными сохранившимися статьями) и четыре с обозначением ниже мартовских (6648, 6767, 6791, 6792; из них обозначение статьи 6791 не сохранилось, но устанавливается сопоставлением со статьями 6792). Годы 6670, 6671, 6768, 6794, 6795 оставлены «пустыми». Статья под 6712 годом (о событиях 1203/4 г., т. е. ультрамартовская) пропущена (ср. летопись Переяславля Суздальского). Статьи под 6772—6790 годами (о событиях 1264/5—1282/3 гг.) и 6796—6801 годами (о событиях 1288/9—1292/3 годов) полностью утрачены.

¹⁰ В Симеоновской летописи за время с 1176/7 г. (с этого года известен погодный текст летописи) по 1306/7 г. (после него ультрамартовские обозначения встречаются редко) те промежутки, события которых даны в основном под мартовскими годами (с незначительными исключениями) составляют в общей сложности 81 год (1190—1206, 1230—1293), под ультрамартовскими — 50 лет (1176—1189, 1207—1229, 1294—1306). В своде, представленном Симеоновской летописью, обозначение предшествующих, не сохранившихся его статей, по статью под 6684 годом, несомненно, полностью или почти полностью совпадало с обозначением соответствующих статей Лаврентьевской (а также Радзивилловской) летописи (как совпадает обозначение дальнейших, сохранившихся статей, по статью под 6698 годом). Учитывая это, получаем, что всего в этом своде за время со второго десятилетия XII в. (т. е. после Повести временных лет) по первые годы XIV в. было около 130 мартовских статей и 67 ультрамартовских, т. е. отношение между числом статей той и другой категории было 2:1.

¹¹ Из общего числа 76 статей летописи Переяславля Суздальского (6646—6698 и 6700—6722; 6699 год в ней пропущен) имеют ультрамартовские обозначения 42 статьи (6646, 6679—6685, 6687, 6689—6698, 6700—6722), мартовские — 33 статьи, обозначение одной статьи (6648) — ниже мартовского. В Ипатьевской летописи с 1118/9 г. (т. е. после Повести временных лет третьей редакции) по 1198/9 г. (т. е. до Галицко-Волынской летописи) те промежутки, в которые летопись придерживается мартовских обозначений, составляют в общей сложности 46 лет (1118—1124, 1140—1156, 1177—1198), а те промежутки, в которые летопись следует ультрамартовскому счету годов или во всяком случае ориентируется на него, составляют 35 лет (1125—1139, 1157—1176).

последовательными годовыми обозначениями, из которых первое является по отношению к событиям данного года мартовским, а второе по отношению к событиям того же года — ультрамартовским. Например, Ипатьевская летопись излагает события 1141/2 — 1155/6 гг. под мартовскими обозначениями (6649—6663); события 1156/7 г. она разбивает на две статьи — под 6664 мартовским годом и 6665 ультрамартовским; и дальше, события 1157/8 г. и следующих годов дает под ультрамартовскими обозначениями (6666 и сл.). Во-вторых, дублирование сообщения, т. е. запись об одном и том же событии в двух смежных статьях, под двумя последовательными обозначениями года, из которых первое является мартовским, а второе — ультрамартовским обозначением того же года. Лаврентьевская летопись по статье о событиях 1110/1 г. (т. е. до конца Повести временных лет) придерживается мартовских обозначений года. О походе князей до Воиня весной 1110 г. она сообщает под 6618 мартовским годом. Сообщение о том же походе она повторяет в следующей статье под 6619 ультрамартовским годом и затем ближайшим статьям дает ультрамартовские же обозначения: события 1111/2—1113/4 гг. она излагает под 6620—6622 годами (не под 6619—6620). В-третьих, пропуск очередного обозначения года без соответствующего пропуска в самом содержании сообщений. Например, Симеоновская летопись излагает события 1200/1—1206/7 гг. под мартовскими обозначениями (6708—6714), а затем, опустив очередное обозначение года (6715), переходит к изложению событий 1207/8 г. и следующих годов под ультрамартовскими годами (6716 и сл.).

В летописях наблюдается также три способа перехода от ультрамартовского обозначения статей к мартовскому обозначению дальнейших статей. Во-первых, соединение в одной статье событий двух последовательных годов под таким обозначением, которое является ультрамартовским по отношению к первому из этих годов и мартовским по отношению ко второму. Например, Ипатьевская летопись излагает события 1125/6—1138/9 гг. под ультрамартовскими обозначениями (6634—6647); события 1139/40 и 1140/1 гг. она соединяет в одну статью (под 6648 годом) и затем события 1141/2 г. и следующих годов дает под мартовскими обозначениями (6649 и сл.). Во-вторых, пропуск сообщений о том или ином годе без нарушения непрерывности годовых обозначений. Симеоновская летопись излагает события 1295/6—1306/7 гг. под ультрамартовскими обозначениями (6804—6815); о событиях 1307/8 г. она ничего не сообщает, но пропуска в обозначении годов не делает и, таким образом, переходит к обозначению дальнейших статей, о событиях 1308/9 г. и следующих годов, мартовскими годами (6816 и сл.). В-третьих, повторение в очередной статье обозначения года, уже проставленного в предыдущей статье. Лаврентьевская летопись дает события 1205/6 г., как и предыдущих, под ультрамартовским обозначением (6714). Статью о событиях следующего 1206/7 г. она помечает таким же — численно — обозначением года, т. е. дает ей мартовское обозначение, и, таким

образом, переходит к обозначению статей о событиях 1207/8 г. и следующих годов мартовскими же годами (6715 и сл.).

Чередование мартовских и ультрамартовских полос не совпадает в разных летописях, причем все же ясно, что летописи Лаврентьевская, Переяславле-Суздальская, Радзивилловская, Симеоновская составляют в этом отношении, при некоторых различиях, одну семью, противопоставляемую с одной стороны Ипатьевской летописи, с другой стороны — Новгородской I.

XII в., кроме первого десятилетия, XIII в. и первые годы XIV в. — это время применения летописями и мартовских и ультрамартовских обозначений. Во второй половине первого десятилетия XIV в. ультрамартовские обозначения почти сразу исчезают. Только в первой половине 50-х годов этого века и затем в самом начале 70-х годов в Симеоновской летописи эпизодически вновь всплывают ультрамартовские обозначения; в Воскресенской летописи даны под ультрамартовскими обозначениями события конца 1339/40 г. и 1340/1 г. и затем 1372/3 г. XIV век, это — век восстановленного господства мартовских обозначений. XV век — это век постепенного восторжествования сентябрьских обозначений над мартовскими.

Кратко скажу об отдельных летописях.

В Ипатьевской летописи — до Галицко-Волынской летописи — пять полос: мартовская — Повесть временных лет и 9 статей за ней, до года смерти Мономаха (по статью о 1124 г.); ультрамартовская — по первый год княжения Всеволода Ольговича (по статью о 1139 г.); мартовская — до последнего года княжения Юрия (по статью о 1156 г.); ультрамартовская — по вокняжение Святослава Всеволодовича в Киеве (по статью о 1176 г.) и снова мартовская (по статью о 1198 г.).¹² Позднейшая произвольная хронологизация Галицко-Волынской летописи, первоначально связного рассказа, в Ипатьевском списке основанием для суждения о мартовском или же ультрамартовском обозначении годов служить не может.

В Лаврентьевской летописи — четыре полосы: мартовская — Повесть временных лет и 60 статей за ней, почти до смерти Глеба Юрьевича в Киеве (по статью о 1170 г.); ультрамартовская — по статью о 1205 г.; мартовская — до второго большого пробела в летописи, т. е. по статью о 1285 г.; и снова ультрамартовская (статьи о 1293—1304 гг.).

В Радзивилловской летописи — две полосы, совпадающие с двумя первыми полосами Лаврентьевской; этим летопись и оканчивается.

В летописи Переяславля Суздальского — две полосы, соответствующие двум первым полосам Лаврентьевской, Первая полоса, вообще сама летопись, известна только со статьи о 1137—1138 гг.; вторая поло-

¹² В южнорусском своде XIV в. события 1198 г. были даны под 6706 годом; так они и читаются в Хлебниковском списке. В Ипатьевском списке эта статья свода искусственно разбита на три — под 6706, 6707 и 6708 годами — несомненно, тем же лицом, которое произвело разбивку на годы идущего далее рассказа Галицко-Волынской летописи.

са — ультрамартовская — не оканчивается статьей о 1205 г., как в Лаврентьевской, а захватывает и следующие 8 статей, по статью о 1213 г., т. е. до конца летописи.

В Симеоновской летописи, по начало XIV в. — три полосы, соответствующие второй, третьей и четвертой полосам Лаврентьевской летописи: ультрамартовская — со статьи о 1176 г., чем и начинается погодный текст летописи; длится эта полоса не по статью о 1205 г., как в Лаврентьевской, а по статью о 1229 г.; затем — мартовская, по статью о 1294 г.; и снова ультрамартовская — по статью о 1306 г.

Меньше всего отступлений от мартовского стиля в обозначении статей наблюдается в Новгородской I летописи (как старшего, так и младшего изводов). Но и в ней, помимо отдельных ультрамартовских статей, имеется компактная группа статей о событиях семнадцати лет (с 1205/6 по 1221/2 г.), определяемая в целом как ультрамартовская. Статьи этой группы, кроме немногих, имеют обозначения годов частью ультрамартовские, частью превышающие ультрамартовские (на единицу, в одном случае на две), т. е. более близкие к ультрамартовским, чем к мартовским.

Расчленение летописи на чередующиеся полосы мартовских и ультрамартовских обозначений, это — верхний слой результатов хронологического обследования летописи. Обследованию свойственна (и должна была быть свойственна) резко выраженная практическая направленность. Оно должно быть полезным в практике хронологической работы по летописям и прежде всего должно обеспечить правильный перевод летописных дат на годы н. э. С этой стороны значение этого верхнего слоя результатов обследования заключается в том, что он дает общую ориентировку. Он полезен и необходим, если воспринимается с теми оговорками и ограничениями, которые составляют средний и нижний слой результатов обследования; вреден — если воспринимается без этих оговорок и ограничений.

Средний слой результатов обследования, это — результаты внутриполосного, внутригруппового обследования; это — выявление статей-исключений. Таковы, во-первых, статьи, обозначенные не по тому счету годов, который свойственен данной полосе, а по другому (такие статьи есть почти в каждой полосе);¹³ и, во-вторых, статьи с обозначениями, не соответствующими ни тому, ни другому счету — ни мартовскому, ни ультрамартовскому.¹⁴ Практическое значение исчерпывающего выявле-

¹³ В Лаврентьевской летописи, например, в ее первой, мартовской, полосе имеются ультрамартовские статьи 6619—6622, 6626—6627, 6642—6646 годов; во второй, ультрамартовской, полосе — мартовские статьи 6686, 6688 годов; в третьей, мартовской, полосе — ультрамартовские статьи 6717, 6725, 6726, 6740 годов.

¹⁴ В Лаврентьевской летописи, например, обозначение статей под 6648 и 6767 годами единицей не же мартовского (их содержание относится к 1141/2 и к 1260/1 гг., а не к 1140/1 и 1259/60 гг.). То же — в Ипатьевской обозначение статей 6686—6691 (в них изложены события 6687—6692 мартовских годов, т. е. 1179/80—1184/5 гг. н. э.). Обозначение статей 6676—6680 годов в Ипатьевской летописи единицей выше ультра-

ния статей-исключений первого рода и не только исчерпывающего выявления статей-исключений второго рода, но и точного определения, к какому году относится содержание каждой из них, не требует пояснений.

Нижний слой результатов обследования, это — результаты внутри-статейного обследования, обследования хронологически-составных статей, т. е. таких, в которых под одним годом, как события якобы одного года, даны события двух, иногда более чем двух годов: не только исчерпывающее выявление таких статей (это само собой разумеется), но и исчерпывающее вскрытие, с хронологической стороны, содержания каждой из них. Таких статей очень много во всех летописях; смешение под одним годом событий двух или нескольких годов дается в них в разнообразных комбинациях. Большей частью хронологически-составная статья, излагая события смежных годов, соблюдает в основном хронологическую последовательность, но далеко не всегда. Иногда, например, в статье идут события сначала одного года, потом следующего, потом опять того, с которого начата статья; или сначала даны события одного года, потом предыдущего и т. п.¹⁵ Практическое значение этого нижнего слоя результатов обследования опять-таки не требует пояснений.

Достижение результатов второго и третьего слоя требует, понятно,

мартовского (они дают события 6675—6679 ультрамартовских годов, т. е. 1166/7—1170/1 гг. н. э.), а обозначение статьи 6681 — двумя единицами выше ультрамартовского (ее основное содержание относится к 6679 ультрамартовскому году, т. е. к 1170/1 г. н. э.). В Новгородской I летописи обозначение статей 6717—6719 годов выше ультрамартовского единицей (они сообщают о событиях 6716—6718 ультрамартовских годов, т. е. 1207/8—1209/10 гг. н. э.), статьи 6720 — двумя единицами (ее сообщение относится к 6718 ультрамартовскому году, т. е. к 1217/8 г. н. э.).

¹⁵ О возникновении хронологически-составных статей в результате комбинации летописцами-сводчиками сообщений, заимствованных из разных источников, скажем дальше. Там же приведем примеры. Одна из причин появления статей, не ограничивающих своего содержания событиями одного года, частично захватывающих события смежного года, заключалась в том, что летописцы не всегда придерживались строго 1 марта как грани при распределении сообщений между статьями. Иногда летописец заканчивал статью событиями, имевшими место уже после февраля, т. е. в начале следующего года. Таковы, например, в Лаврентьевской летописи статьи 6604, 6611, 6646, 6657, 6658, 6685, 6716, 6733, 6745 годов, в Ипатьевской — 6604, 6611, 6629, 6654, 6656 годов, в Новгородской I — статьи 6656, 6668, 6674, 6675, 6676, 6738 годов, в Симеоновской за XIV в. — статьи 6839, 6856, 6862, 6884, 6896 годов. Иногда, — но это значительно реже, — летописец открывал очередную статью сообщениями о событиях, имевших место еще до марта того года, которым обозначена статья, т. е. еще в конце предыдущего года. Таковы в Лаврентьевской летописи статьи 6562, 6575, 6678, 6680 годов, в Ипатьевской — 6575, 6619, 6678, 6680 годов, в Новгородской I — 6711, 6773 годов. Отступления летописей от 1 марта как грани при распределении сообщений между статьями лежат в основе гипотезы Степанова о *сигсамартовском* начале древнерусского года, но, надо заметить, гипотеза эта далеко не покрывает всех случаев таких отступлений. Как отмечено выше, хронологически-составной статьей иногда бывает последняя статья в ультрамартовской группе. В этих случаях соединение в одной статье сообщений о двух последовательных годах служит способом перехода к мартовскому обозначению дальнейших статей. Таковы, например, в Лаврентьевской летописи статьи под 6622 и 6646 годами, в Ипатьевской — под 6648 годом, в Симеоновской — под 6738 годом.

в общей сложности гораздо больших усилий, чем первого. Результаты второго и третьего слоя занимают в работе в общей сложности много больше места, чем первого.

III

В работе дана аргументация в пользу того, что ультрамартовские обозначения годов — не ошибки, а стиль, дана в краткой, но все же более развернутой форме, чем у Степанова, с учетом и таких наблюдений, каких не мог делать и учитывать не-историк Степанов. Аргументация эта сводится к следующему.

Во-первых, многочисленность, массовость ультрамартовских обозначений. Если многочисленные ультрамартовские обозначения, охватывающие иногда подряд несколько десятилетий, проникали в летописи в результате чьих-то ошибок, то появились они, очевидно, не в первоначальных летописных записях, делавшихся по свежим следам событий, а возникли на последующих стадиях истории летописного текста, вследствие искажения кем-то первоначальных, правильных, мартовских обозначений. Однако и объяснение массовых ультрамартовских обозначений ошибками сводчиков или простых переписчиков представляется крайне неубедительным. Составление летописного свода было дело сложное. Бывали случаи, когда сводчик по тем или иным соображениям изменял обозначение года, читавшееся в источнике, и изменял неудачно, искажал дату. Но предположить, что сводчик, признав по какому-то недоразумению годы, проставленные в источнике, ошибочными, на протяжении длинного ряда статей по своим соображениям, без опоры в источниках, искажающе заменял одни обозначения другими, и так объяснять появление и широкое распространение ультрамартовских обозначений в летописях, — не значит ли это очень уж сильно и незаслуженно дискредитировать деятелей нашего летописания? Случалось, что переписчик летописного текста допускал ошибку в годе. Но мало вероятно, что описки были столь частыми, и совсем, конечно, невероятно, что описки распространялись на десятки годов подряд. Возникает настоятельная необходимость искать иное объяснение появлению и распространению ультрамартовских обозначений.

Во-вторых, односторонность отступлений летописей от мартовского стиля: они выражаются почти исключительно именно в ультрамартовских обозначениях, при крайней редкости отступлений в противоположном направлении (обозначение года единицей ниже мартовского), что было бы необъяснимо, если бы отступления вызывались ошибками.

В-третьих, самое направление этой односторонности: отступление делается как раз в том направлении, в каком его труднее было сделать «по ошибке», чем в противоположном. Летописец-сводчик мог все-таки скорее перейти «по ошибке» к проставлению годов единицей ниже тех, которые стояли в источнике (пропустив, например, по невниманию очередное обозначение года в источнике и соответственно «исправляя», т. е. понижая на единицу, обозначение дальнейших статей), чем к

проставлению повышенных обозначений годов (вставив, например, по недоразумению очередное обозначение года там, где его не было в источнике и не должно было быть, и соответственно повышая дальнейшие обозначения). А между тем, как сказано, отступления от мартовского обозначения годов в подавляющей массе сделаны во втором из этих направлений и лишь совсем немногие, единичные — в первом. Это с одной стороны. С другой стороны, для наблюдаемых отступлений от обозначений годов по мартовскому стилю показательно и то, что почти все они сделаны в том направлении — в ультрамартовском, — при котором частичное совпадение между примененным обозначением года и обозначением по византийскому сентябрьскому стилю сохранялось в той же мере, как и при мартовском обозначении (совпадение в течение шести месяцев), но не в противоположном направлении, при котором получался бы полный разрыв между примененным обозначением года и обозначением года по сентябрьскому стилю. Наблюдение это опять-таки говорит за то, что объяснение преобладающей массе отступлений от обозначения годов по мартовскому стилю надо искать не в ошибках, не в недоразумениях.

В-четвертых, четкая ограниченность явления во времени: отсутствие ультрамартовских обозначений до второго десятилетия XII в., обилие их в XII, XIII вв., в первые годы XIV в. и почти полное исчезновение их в начале этого века, отсутствие, за ничтожными исключениями, в дальнейшем, что опять-таки плохо вяжется с объяснением их ошибками. Представляется непонятным, почему летописцы и сводчики, обнаружив чрезвычайную склонность к таким «ошибкам» в датировке событий именно указанного промежутка, как-то сразу освобождаются от этой склонности в датировке дальнейших событий.

В-пятых, современность ультрамартовских обозначений записываемым событиям. Это представляется решающим аргументом.

Изучая ретроспективно ультрамартовскую группу статей, мы не только не можем уловить в истории летописного текста такого момента, когда бы прежние мартовские обозначения были искажающе повышены на единицу и таким образом превращены в ультрамартовские, — мы в ряде случаев приходим к прямому отрицанию того, что такой момент в истории летописного текста был, приходим к твердому убеждению в том, что обозначения были ультрамартовскими с самого начала, с первой записи современника о событиях, т. е. что ультрамартовские обозначения, как и мартовские, были свойственны первоначальным летописным записям. Под первоначальными разумею те записи, в которых события впервые заносились на страницы летописи, хотя бы эти записи и примыкали к ранее ведшемуся летописанию, продолжали его.

Из тех промежутков времени, статьи о которых в сохранившихся памятниках летописания северо-восточной Руси даны почти сплошь (с очень небольшими отступлениями) под ультрамартовскими годами, возьмем наиболее длительный: промежуток с последних месяцев 1170/1 г. (конец княжения Глеба в Киеве) по 1205/6 г. (вокняжение Константина Всеволодовича в Новгороде, смерть всеволодовой княгини

Марии) — 35 лет — в летописях Лаврентьевской и Радзивилловской (статьи под 6679—6714 годами) и по 1213/4 г. (вторичный поход Юрия на Константина к Ростову и примирение между ними) — 43 года — в летописи Переяславля Суздальского (статьи под 6679—6722 годами, т. е. до конца летописи). Обозначение статей по 1205/6 г. (этим годом оканчивается Радзивилловская и на этом же годе прекращается близость между Лаврентьевской и Переяславской) во всех трех летописях совершенно одинаково. Летописи эти дают возможность установить, как были обозначены статьи, излагавшие события указанного промежутка во владимирском своде 1212 г. при самом его составлении. Летопись Переяславля Суздальского (известная со статьи о 1137/8 и 1138/9 гг.) возникла в ближайшие годы после составления владимирского свода и представляет собой этот свод лишь слегка «опереяславленном» (по выражению М. Д. Приселкова) виде. К нему же восходит Радзивилловская летопись и — по статью о 1205/6 г. — Лаврентьевская. Представляется совершенно невероятным, чтобы в очень короткий промежуток между составлением владимирского свода и изготовлением летописи Переяславля Суздальского кто-то, оставив в неприкосновенности текст статей, искажающе заменил, и притом на значительном протяжении, только проставленные в них годы. И представляется столь же невероятным, чтобы в промежуток между возникновением летописи Переяславля Суздальского и написанием той ее рукописи, которая использована в летописях Лаврентьевской и Радзивилловской, а также той рукописи, по которой теперь известна летопись Переяславля Суздальского, кто-то, оставляя опять-таки неизменным текст летописи, только переименовал обозначение годов. Иными словами, представляется несомненным, что во владимирском своде годы были обозначены так, как они обозначены в летописи Переяславля Суздальского, и по статью о событиях 1205/6 г. включительно — в летописях Лаврентьевской и Радзивилловской. Во всяком случае, здесь *opus probandi* лежит не на том, кто утверждает такое именно обозначение годов во владимирском своде, а на том, кто выставил бы положение, что годы в этом своде были обозначены по-иному. Обоснование такого положения было бы, полагаем, задачей безнадежной.

Что же наблюдалось во владимирском своде 1212 г. в отношении мартовского и ультрамартовского обозначения статей? В большей части свода, кончая событиями 1170/1 г., статьи, кроме немногих, были помечены мартовскими годами. А статьи о событиях ближайших к составлению свода четырех с небольшим десятилетий, начиная со статьи о событиях конца 1170/1 г. (под 6679 годом), свод помечал ультрамартовскими годами. Своду 1212 г., составленному по смерти Всеволода, предшествовал владимирский же свод времени Всеволода. Отмеченная смена мартовских статей ультрамартовскими приходится на годы, описанные еще в этом всеволодовом своде. Нет оснований думать, что обозначение статей в последней части всеволодова свода изменено составителем свода 1212 г. Переход от мартовского обозначения статей, излагавших

давние события, к ультрамартовскому обозначению статей о событиях ближайшего времени был совершен еще автором всеволодова свода

Таким образом, в своде Всеволода, предшественнике свода 1212 г., и в самом своде 1212 г. ультрамартовские обозначения ясно выступают как обозначения, свойственные первоначальным (в указанном смысле) записям. Составитель всеволодова свода сохранил обозначения статей в первой, большей части свода вообще такими, какие были в источниках, т. е. мартовскими; а статьи с изложением событий ближайшего к составлению свода времени он систематически, из года в год, помечал годами, на единицу большими мартовских, т. е. ультрамартовскими. Его продолжатель, составитель свода 1212 г., излагая дальнейшие события, — крупные события, живые в памяти современников, в том числе и самого составителя свода, — также помечал статьи ультрамартовскими годами.

Почти сто лет спустя после владимирского свода 1212 г., в 1305 (приблизительно) году, возник свод, представленный Лаврентьевской летописью. Часть этого свода, следующая за последней из статей (о событиях 1205/6 г.), восходящих к своду 1212 г., имеет в основе источники с мартовским обозначением статей (в первую очередь — ростовское летописание) и воспроизводит это обозначение. Но и в этом своде, как в своде 1212 г., события ближайших к его составлению годов (1293—1304) все даны под ультрамартовскими годами (под 6802—6813, не 6801—6812).

Бывало иногда, что обозначения статей, в основном источнике свода мартовские; сводчик повышал на единицу, изменял на ультрамартовские. Так возникли ультрамартовские обозначения, читаемые в Лаврентьевской летописи, после Повести временных лет, статей о событиях 1110—1113, 1117—1118, 1133—1137 гг. (они даны под 6619—6622, 6626—6627, 6642—6646 годами, не под 6618—6621, 6625—6626, 6641—6645); в Ипатьевской — о событиях 1125—1139 гг. (они даны под 6634—6648 годами, не под 6633—6647). В Симеоновской летописи обозначения статей о событиях 1207—1229 гг. систематически повышены на единицу против обозначений в Лаврентьевской (в Лаврентьевской статьи даны под 6715—6737 годами, в Симеоновской — под 6716—6738 годами). Но в этих случаях изменение производилось не по произволу и не по невольной ошибке, а потому, что другой источник, которым располагал сводчик и которому он отдал в данном случае предпочтение, излагал события за тот же отрезок времени с самого начала под ультрамартовскими годами.

В некоторых местах нашей страны в течение длительного времени записи о недавних и современных событиях делались из года в год под ультрамартовскими годами. Ясно, годы проставлялись не по ошибке, не по недоразумению. Составители записей вели счет времен ультрамартовскими годами, придерживались ультрамартовского стиля.

О том, что наш весенний год должен возможно больше совпадать с

византийским сентябрьским годом такого же численно обозначения, вопроса не возникало, это ясно само собой. Он мог совпадать только одной своей половиной. Вопрос был в том, какой половиной он должен совпадать: весенней,— тогда вторая, осенняя половина относилась к византийскому году уже со следующим обозначением; или осенней,— тогда первая, весенняя половина относилась к византийскому году с предшествующим обозначением. Оба решения были по существу равноценны. Деятели летописания XI и начала XII в. держались первого понимания, применяли мартовский стиль. Во втором десятилетии XII в. проявляют себя в нашем летописании сторонники иного понимания. Появляется ультрамартовский стиль. В XII, XIII, начале XIV в. работают в летописании сторонники и того и другого стиля.

Вне летописания в течение всего этого времени, как и раньше, применялись и обозначения годов по сентябрьскому стилю, по византийскому образцу; насколько они были уже тогда распространены,— не исследовано. Таким образом, до второго десятилетия XII в. на Руси находили применение два стиля летосчисления: мартовский и сентябрьский, а в XII, XIII и начале XIV в.— три стиля: мартовский, ультрамартовский и сентябрьский. Надо заметить, что об ультрамартовском стиле мы можем пока говорить только как о явлении литературного порядка, как о стиле летописного летосчисления. Применялся ли он вне летописания,— вопрос пока открытый и очень трудный для исследования.

Мысль не сразу мирится с этой множественностью стилей летосчисления в древней Руси. И особенно, пожалуй, трудно она мирится с существованием мартовского и ультрамартовского стилей, с существованием такого порядка, при котором в одном месте страны текущий год обозначался по-одному, а в другом месте тогда же тот же текущий год обозначался по-иному, единицей выше. Это кажется очень уж странным, по крайней мере на первый взгляд. Но анализ источников настойчиво ведет и приводит к убеждению, что дело у нас обстояло именно так; а на помощь этому убеждению приходит аналогия с Западом.

При единстве эры летосчисления — дионисиевой эры — множественность стилей летосчисления в одной стране, в разных ее местах (а иногда и в одном месте), и довольно частая сменяемость стилей летосчисления в одном месте, это — черта, свойственная летосчислению стран Западной Европы на всем протяжении периода феодальной раздробленности и долгое время в период уже образования централизованных государств.¹⁶

¹⁶ A. Giry. *Manuel de diplomatique*, Paris, 1894, pp. 103—129; Fr. Rühl. *Chronologie des Mittelalters und der Neuzeit*, Berlin, 1897, SS. 23—42; F. K. Ginzel. *Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie*, t. III, Leipz. 1913, SS. 157—170. H. Grotfend. *Taschenbuch der Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit*, Hannover, 1922, SS. 11—14; H. Grotfend. *Abriss der Chronologie des deutschen Mittelalters und der Neuzeit* (Meisters Grundriss der Geschichtswissenschaft, Bd. I, Abt. 3) Leipz. und Berl., 1912, SS. 27—29.

Возьмем для примера Италию XII—XIV вв., тех веков, когда у нас было три стиля. Здесь мы находим одновременно: и сентябрьское начало года (на юге — большая часть Апулии и Калабрии, Неаполь), и рождественское начало (Милан, Генуя, Лукка, Падуя), и январское (Венеция и ее область — начало гражданского года; одно время — Неаполь), и первомартовское (Венеция — начало официального года), и благовещенское.¹⁷ При этом благовещенское начало существует в двух резко расходящихся вариантах. Флоренция начинала год с таким-то обозначением 25 марта после того, как год с таким же обозначением начался в местах, придерживавшихся иных начал года. Пиза начинала год 25 марта раньше, чем год с таким же обозначением начался где-либо в местах, придерживавшихся иных начал года. Иными словами, Пиза начинала год с очередным обозначением на год раньше, чем год с таким же обозначением начинала Флоренция. В Пизе обозначение года на всем его протяжении было единицей выше, чем во Флоренции. Когда во Флоренции шел 1174 год, в Пизе — не так уж далеко — шел 1175-й. И такое положение продолжалось долго, многие века.¹⁸ Здесь мы видим замечательную аналогию с нашим мартовским и ультрамартовским стилями. Даже, собственно, и названия эти в данном случае приложимы. В других местах, где применялось благовещенское начало года, как в Италии, так и вне ее, преобладал флорентийский тип этого стиля; но местами находил применение и пизанский тип.¹⁹

Один из примеров смены стилей и одновременного иногда применения двух-трех стилей дает папская канцелярия в Риме. В основном она сначала (приблизительно в середине X в.) сменила рождественский стиль на благовещенский стиль флорентийского типа, затем (приблизительно в конце второго десятилетия XIII в.) вернулась к рождественскому стилю. Но и при преимущественном употреблении благовещенского стиля флорентийского типа встречаются в ее документах и рождественский и благовещенский пизанский стили; и по возвращении к рождественскому стилю иногда вновь находит применение флорентийский стиль.²⁰

Множественность и сменяемость стилей видим в те века и в Германии (рождественский, благовещенский, пасхальный, январский)

¹⁷ О сентябрьском начале года в Италии см. A. Giry, pp. 108, 127; Fr. Rühl, S. 37, F. K. Ginzel, SS. 151, 253; о рождественском: A. Giry, pp. 109, 127; Fr. Rühl, S. 39; F. K. Ginzel, S. 167; о январском: A. Giry, pp. 106, 127; Fr. Rühl, SS. 25—26, 29; F. K. Ginzel, S. 159, 160; о первомартовском: A. Giry, pp. 106, 127; Fr. Rühl, S. 28; F. K. Ginzel, S. 160; о благовещенском: A. Giry, pp. 103—104, 107—108, 127; Fr. Rühl, SS. 29—30; F. K. Ginzel, S. 161.

¹⁸ Оба стиля были заменены январским в середине XVIII в. A. Giry, pp. 107—108; Fr. Rühl, S. 30; F. K. Ginzel, S. 161.

¹⁹ A. Giry, pp. 108, 126; Fr. Rühl, S. 30; F. K. Ginzel, SS. 162, 167.

²⁰ A. Giry, p. 126; Fr. Rühl, SS. 30, 39—40; F. K. Ginzel, SS. 162, 167—168.

и во Франции (пасхальный, благовещенский, рождественский, январский).²¹

Где появился у нас впервые ультрамартовский стиль?

Он появился во втором десятилетии XII в. где-то на юге, в каком-то центре, оказавшем значительное влияние на развитие нашего летописания, в частности киевского, но не в самом Киеве. Другим таким центром на юге стал в XII в. Переяславль Русский, и началось в нем летописание во втором десятилетии XII в.²² Летописей Переяславля Русского не сохранилось, мы судим о них по другим летописям. Нет данных о том, что тогда, в начале XII в., велось летописание еще где-нибудь в нашей стране, кроме Киева, Новгорода и Переяславля Русского. Во всяком случае, такого летописания, которое оказало бы значительное влияние на дальнейшее развитие нашего летописания, нигде больше тогда не велось. Предположение, что ультрамартовский стиль, поскольку он появился не в Киеве и не в Новгороде, был применен впервые именно в Переяславле Русском, возникает само собой. Совпадение времени появления ультрамартовского стиля со временем начала летописания в Переяславле Русском уже сообщает этому предположению известную убедительность. Изучение киевского и владимирского летописания приводит к заключению, что это было действительно так. Другого ответа пока нет.

Когда мы в южнорусском своде XIV в. (Ипатьевская летопись) доходим до статей, обозначение которых, в киевской летописи несомненно мартовское (как видно по Лаврентьевской летописи), было позже, под влиянием какого-то дополнительного источника, изменено на ультрамартовское, мы замечаем, что в статьях этой группы большое внимание уделено Переяславлю Русскому. Это статьи (под 6634—6648 годами) о смерти Владимира Мономаха, о княжениях его сыновей Мстислава и Ярополка (1125—1132—1139) и о первом годе княжения Всеволода Ольговича (1139). В первой же статье этой группы выступает в летописи впервые после Повести временных лет Ярополк Владимирович, севший после смерти отца и занятия киевского стола братом в Переяславле Русском,— выступает как предводитель переяславцев в блестящей победе над половцами. В рассказе о первых годах (1132—1135) княжения Ярополка в Киеве переяславскими отношениям уделено место в каждой статье (6641—6644). Рассказ о первом годе княжения Всеволода Ольговича в Киеве (1139) в значительной своей части отведен попытке Всеволода отнять у Андрея Переяславль (6648). Отсюда заключаем, что источник, который мог вызвать изменение мартовских обозначений на ультрамартовские, был источник, особо интересовав-

²¹ О Германии: А. Giry, pp. 123—124; Fr. Rühl, SS. 25, 31, 34—36, 36; F. K. Ginzell, SS. 158, 162—163, 166—168, о Франции: А. Giry, pp. 112—123; Fr. Rühl, SS. 30, 32—35, 38; F. K. Ginzell, SS. 158, 162, 165—167.

²² А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., М.—Л., 1938, стр. 17—18, 364; его же. Повесть временных лет, т. I. П., 1916, стр. XLV—XLVI; М. Д. Присялков История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 54, 66—68.

шийся делами Переяславля Русского, что это было летописание Переяславля Русского и что это летописание применяло ультрамартовский стиль.

При хронологическом обследовании статей владимирского свода 1212 г. (как мы знаем его по Лаврентьевской и Радзивилловской летописям и со статьи о 1137—1138 гг.— по летописи Переяславля Суздальского) мы обнаруживаем, что со статей о 70-х годах XII в. свод резко переходит от мартовского обозначения годов к ультрамартовскому. А историки летописания устанавливают, что в последней четверти XII в. владимирское летописание испытало сильное влияние летописания Переяславля Русского.²³ Таким образом, и с этой стороны мы приходим к заключению, что ультрамартовский стиль был свойственен летописанию Переяславля Русского.

Ультрамартовский стиль был применен у нас впервые в Переяславле Русском во втором десятилетии XII в. в записях, примыкавших к Повести временных лет силвестровой редакции, и применялся в переяславльском летописании в последующие десятилетия XII в.

Был ли ультрамартовский стиль стилем местного, русского происхождения, или же он был заимствован со стороны?

Н. В. Степанов, выдвигая положение, что ультрамартовские обозначения — не ошибки, а стиль, был очень заинтересован в том, чтобы подкрепить это положение ссылкой на то, что и за пределами нашей страны, в странах с византийской же эрой, существовал ультрамартовский стиль и что, возможно, он заимствован нами оттуда. Он, надо полагать, наводил справки, и, конечно, если бы они дали положительный результат, сказал бы об этом. Ничего такого в его работах нет, кроме разве упоминания о так называемой Пасхальной Хронике, византийском произведении 30-х годов VII в.²⁴ А называя ее, он замечает, что близость нашего ультрамартовского стиля к стилю этой Хроники — только случайное совпадение, что вряд ли можно предполагать тут заимствование, и в этом он, конечно, прав. Н. В. Степанов, собственно, совершенно определенно признает ультрамартовский стиль стилем местного, русского происхождения, делом наших книжников.²⁵ По всей вероятности, он прав. Но все же было бы неосторожно уже теперь, без дополнительных разысканий, считать вопрос о заимствовании решенным в отрицательном смысле окончательно. Влияние Запада в данном случае исключено различием эр летосчисления. То, что мы видим во Флоренции и Пизе, очень ценно для нас, но, конечно, только как аналогия, не более. Едва ли что дадут разведки в Византии с ее прочно установившимся сентябрьским

²³ А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды, стр. 17—18, 51—52; его же. Повесть временных лет, стр. XLVI—XLVIII; М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 66—71.

²⁴ Н. В. Степанов. Единицы счета времени, стр. 65—66; его же. Календарно-хронологический справочник, «Чтения в О. И. и Др. Р.», 1917, кн. I, стр. 12.

²⁵ Н. В. Степанов. Единицы счета времени, стр. 64—65; Календарно-хронологические факторы, стр. 50—52.

годом. Если искать, то искать надо прежде всего у южных славян. Не применялись ли у них иногда, помимо мартовских, также ультрамартовские обозначения годов? Если бы такие удалось обнаружить, это еще не решало бы, разумеется, вопроса о заимствовании нами, но послужило бы отправным пунктом для исследования вопроса.

Как шло распространение у нас ультрамартовского стиля как живого стиля, как стиля, применяемого в записях о недавних и современных событиях?

Во второй половине 50-х годов XII в. ультрамартовский стиль усваивается киевским летописанием.²⁶ Под ультрамартовскими годами велись там записи о конце княжения Юрия, о недолгом княжении Изяслава Давидовича (1157—1158), о княжении Ростислава Мстиславича (1159—1167) и дальше, кончая вокняжением Святослава Всеволодовича (лето 1176 г.). События этого двадцатилетнего промежутка киевская летопись излагала под 6665—6685 годами (не под 6664—6684). В южнорусском своде XIV в. (Ипатьевская летопись) в обозначении статей второй половины этого промежутка (со статьи о событиях 1166/7 г., под 6676 годом) наблюдаются большие неправильности; но все же ясно, что основной источник свода в изложении южнорусских событий XII в. — киевская летопись — придерживалась и в эту вторую половину означенного промежутка ультрамартовского обозначения статей. Ультрамартовский стиль удержался в киевском летописании не так долго. Записи о событиях 1177—1198 гг., о княжениях Святослава Всеволодовича и затем (с 1194 г.) Рюрика Ростиславича делались там уже снова под мартовскими годами.²⁷

С 70-х годов XII в. переходит к ультрамартовскому стилю, под прямым воздействием летописания Переяславля Русского, владимирское летописание. Здесь, в отличие от Киева, этот стиль прочно укореняется. По ультрамартовскому стилю ведется летописание во Владимире и в течение всего XIII в. и в первые годы XIV в.²⁸ Повсеместным стилем

²⁶ В Ипатьевской летописи первая ультрамартовская полоса охватывает промежуток с конца 1124/5 по 1139/40 г. (события этого промежутка даны под 6633—6648 годами), но сопоставление с Лаврентьевской летописью делает несомненным, что киевское летописание велось в эти годы еще по мартовскому стилю. Мартовские обозначения годов в Киевской летописи за этот промежуток были изменены на ультрамартовские позже, в южнорусском своде XIV в. (см. выше).

²⁷ В южнорусском своде XIV в. (Ипатьевская летопись) в обозначении статей, излагающих события пятилетия с 1179/80 по 1184/5 г., наблюдается ряд отступлений от мартовского стиля; эти отступления появились в результате неудачных «поправок», внесенных сводчиком в обозначение статей, читавшихся в его основном источнике — киевском своде конца XII в.

²⁸ Владимирские летописные записи за промежуток после составления свода 1212 г. и до 90-х годов XIII в. не сохранились в сколько-нибудь цельном виде. Нет оснований думать, что в этот промежуток владимирское летописание хотя бы на некоторое время отступило от усвоенного им ультрамартовского стиля. Свидетельством в пользу того, что оно продолжало придерживаться ультрамартовского стиля, служит наличие в Лаврентьевской летописи за это время, т. е. в ее «мартовской» полосе, нескольких статей с ультрамартовскими обозначениями, заимствованных, судя

летосчисления в северо-восточной Руси ультрамартовский стиль не становится, как и в Киевской. Ростовское летописание ведется в XIII в., как свидетельствует Лаврентьевская летопись, по мартовскому стилю. Есть некоторые основания думать, что по ультрамартовскому стилю велись летописные записи конца XIII — начала XIV в. в Твери.²⁹

Новгород вообще придерживался мартовского стиля, но наличие все же довольно значительного числа ультрамартовских статей за XIII и начало XIV в. в сохранившихся новгородских сводах заставляет предположить, что и в Новгороде временами делались летописные записи под ультрамартовскими годами. Вопрос этот должен быть выяснен при дальнейшем изучении истории новгородского летописания.

В начале XIV в. ультрамартовский стиль перестает применяться во Владимире, сменяется снова мартовским, и вообще перестает быть живым в указанном смысле стилем. Восстанавливается господство мартовского стиля. Только позднее, в том же веке, на рубеже 30-х и 40-х годов, затем в первой половине 50-х годов и в самом начале 70-х проявляют себя в московском летописании эпигоны ультрамартовского стиля.

IV

Переяславль Русский со второго десятилетия по 70-е годы XII в., Киев со второй половины 50-х годов по середину 70-х годов того же века, Владимир с 70-х годов XII в., в течение всего XIII в. и в первые годы XIV в., может быть, Тверь в конце XIII и начале XIV в.; вероятно, временами также Новгород в XIII и начале XIV в. — вот все, что мы можем назвать, когда говорим о применении ультрамартовского стиля как живого стиля в XII, XIII, начале XIV в. Перечень не длинный. И тем не менее ультрамартовский стиль, переходя в летописные своды и вступая в них в многообразные сочетания с мартовским, оказал громадное влияние на развитие летописной хронологии; эти сочетания двух стилей, постепенно нарастая и видоизменяясь, создали ту хронологию событий XII — начала XIV в., которую мы имеем теперь в сохранившихся памятниках летописания.

по содержанию, из владимирского источника, и ультрамартовская же датировка ею некоторых отдельных сообщений (включение сообщения в такую статью, обозначение которой по отношению к данному сообщению оказывается ультрамартовским). Другим свидетельством служит то обстоятельство, что в московском своде начала XV в. обозначения статей о событиях 1207/8—1229/30 гг., в Лаврентьевской летописи, в большинстве мартовские, были повышены на единицу (ср. Лавр. 6715—6737 гг. с Симеон. 6716—6738 гг.), очевидно — под влиянием источника, придерживавшегося ультрамартовского счета годов; а таким источником в данном случае можно признать только владимирские летописные записи.

²⁹ Статья о 1293/4—1301/2 гг. в Лаврентьевской летописи и о 1294/5—1306/7 гг. в Симеоновской, отличающиеся обилием тверских известий, все — ультрамартовские (Лавр. 6802—6810 гг., Симеон. 6803—6815 гг.). В них не проскользнуло ни одной такой датировки, которая позволяла бы думать, что источник тверских сообщений за это время следовал мартовскому счету годов.

Применение двух стилей летосчисления в первоначальных летописных записях, в записях о недавних и современных событиях, совершенно неизбежно вело к отсутствию единства стиля летосчисления в летописных сводах. Ни одного свода с единством стиля летосчисления нет.

Когда ранее ведшееся летописание продолжалось записями, помечавшимися годами по другому стилю (как это было, например, во Владимире в последней четверти XII в.), уже возникало летописное произведение со сменяющимся стилем летосчисления.

Другой причиной, вызывавшей появление в своде сочетаний обоих стилей, было привлечение к составлению свода нескольких источников с разными стилями летосчисления, а потом и таких источников, в которых уже в самих наблюдалась смена стилей, причем если такой источник был не один, то иногда — с неодинаковым чередованием стилей. Роль этой другой причины, главная вообще, была особенно велика, можно сказать, исключительна в образовании сложных и дробных сочетаний датировок по тому и другому стилю, именно она порождала случаи наибольшей хронологической запутанности.

В начале XIV в., как отмечено выше, ультрамартовский стиль почти совсем перестал применяться в записях о недавних и современных событиях. Восстановилось господство мартовского стиля. Поэтому и в летописных сводах статьи, излагающие события XIV в., кроме его начала, почти все помечены мартовскими годами; ультрамартовские статьи встречаются лишь в виде редкого исключения. На самом рубеже XIV и XV вв. появляются в летописях статьи, помеченные сентябрьскими годами; в течение XV в. мартовские обозначения статей постепенно вытесняются сентябрьскими.³⁰ В изложении же событий предшествующего времени — XII, XIII, начала XIV в. — ультрамартовские обозначения и во вновь составляемых сводах находили, разумеется, широкое применение. Из прежних сводов и мартовские и ультрамартовские обозначения переходят в новые и здесь, в зависимости от того, какие именно летописные источники и как использованы составителем данного свода, вступают между собой в новые сочетания.

Сохранившиеся памятники летописания дают обильнейший материал для суждения о том, как составитель летописного свода воспринимал хронологию своих источников; какие недоумения и затруднения возникали перед ним в связи с двойственностью стиля летосчисления источников; как сводчик понимал свою хронологическую задачу; как он выполнял эту задачу, т. е. в чем, собственно, заключалась его хронологическая работа; какие хронологические неудачи постигали сводчика в связи с двойственностью стиля летосчисления источников; к каким результатам приводила хронологическая работа сводчика; в каком отношении хронология свода оказывалась к хронологии его предшественников;

³⁰ В Симсоновской летописи первые сентябрьские статьи под 6907—6909 годами (о событиях 1398/9, 1399/400, 1400/1 сентябрьских годов), затем — под 6915 годом (о смерти митрополита Киприана 16 сентября, в начале 1406/7 сентябрьского года) и под 6917 годом (о событиях осени и зимы 1408/9 сентябрьского года).

как, в результате преемственной работы сводчиков, сложилась постепенно хронология, даваемая сохранившимися сводами.

Применение летописанием XII — начала XIV в. двух стилей летосчисления вносило большие осложнения в работу по составлению летописных сводов и в то время и позднее. В летописных источниках, которыми располагал составитель свода, были и мартовские обозначения годов и ультрамартовские; сочетание тех и других было в разных источниках не одинаково. Один и тот же годовой промежуток зачастую был помечен в разных источниках по-разному, вследствие различия стилей летосчисления; с другой стороны, по той же причине одно и то же обозначение года имело в разных источниках разное значение, относилось к двум разным годовым промежуткам. Разобраться в применении источниками разных стилей летосчисления, свести обозначения годов во вновь составляемом своде к одному стилю было бы для сводчика чрезвычайно сложной задачей. Нет признаков того, что составители сводов так подходили к своему материалу и своей работе. Замечая расхождения между источниками в обозначении годов, составители сводов, особенно сводов более поздних, воспринимали эти расхождения не как результат разности стилей летосчисления, а как разноречия по существу в датировке событий. Если на основании анализа сохранившихся сводов представить в основных чертах хронологическую работу сводчиков, то она выражалась в следующем.

Составитель свода, как правило, помечал статьи теми годами, которые стояли в его основном источнике для данного промежутка времени.

Если составитель свода продолжал работу своих предшественников записями о последующих событиях и если притом он придерживался иного стиля, в своде возникала смена одного стиля летосчисления другим. Так было, например, во владимирском своде времени Всеволода, предшественнике владимирского свода 1212 г.: со статьи о событиях конца 1170/1 г. мартовские обозначения годов сменялись в нем ультрамартовскими.

Если стиль обозначения годов в основном источнике свода менялся, он менялся и в своде. Во владимирском своде 1212 г. мартовские обозначения годов сменялись, начиная со статьи о событиях конца 1170/1 г., ультрамартовскими потому, что такая смена наблюдалась в его основном источнике — своде времени Всеволода.

Если составитель свода брал для дальнейшего изложения в качестве основного другой источник, с иным стилем летосчисления, это также меняло стиль обозначения статей в своде. В своде начала XIV в., представленном Лаврентьевской летописью, ультрамартовские обозначения статей сменяются, начиная со статьи о 1206/7 г., мартовскими в связи со сменой основного источника свода: по статье о 1205/6 г. таким источником было владимирское летописание, придерживавшееся (начиная с изложения событий 70-х годов XII в.) ультрамартовского стиля; основным источником следующих статей — ростовское летописание, придерживавшееся мартовского стиля.

Только в редких случаях обозначения статей, читавшиеся в основном источнике свода для данного промежутка времени, менялись составителем свода под влиянием другого источника. Киевская летопись излагала события 1125/6—1139/40 гг. под мартовскими годами (6633—6647), как и предыдущие и последующие; эти обозначения статей сохранялись, вероятно, и в киевском своде конца XII в.; южнорусский сводчик XIV в., включая киевский свод в свой труд, повысил обозначение указанных статей на единицу, т. е. превратил их в ультрамартовские (6634—6648), под влиянием другого источника — летописания Переяславля Русского, и такими мы их читаем теперь в Ипатьевской летописи. Владимирский свод начала XIV в. (Лаврентьевская летопись) излагал события 1207/8—1229/30 гг. под мартовскими годами (6715—6737), следуя в данном случае ростовскому летописанию. Составитель московского свода начала XV в. (сгоревшая Троицкая летопись), включая в свой труд владимирский свод, повысил обозначение указанных статей на единицу (6716—6738) опять-таки под влиянием дополнительного источника — владимирских же летописных записей, ведшихся по ультрамартовскому стилю, и такими они сохранились в Симеоновской летописи.

Способы, которые применялись сводчиками при переходе от мартовского обозначения статей к ультрамартовскому обозначению дальнейших статей и при переходе от ультрамартовского обозначения к мартовскому, указаны выше.

Как, под какими годами размещал сводчик в своем труде сообщения, заимствованные из дополнительных источников, — не из того, который служил ему основным для данной части свода? Единообразие в этом отношении не наблюдаем. В некоторых случаях сводчик помещал сообщение не под тот год, под каким оно читалось в источнике, а под другой (чаще всего — под смежный). Причиной такого переключения обыкновенно была явная хронологическая связь данного сообщения с теми сообщениями, которые в основном источнике читались под другим обозначением года. Иногда мотивы переключения остаются не вполне ясными, о них можно говорить лишь предположительно. В большинстве же случаев сводчик включал сообщение, заимствованное из дополнительного источника, в статью, имевшую такое же — численно — обозначение года, под каким сообщение читалось в источнике. Если счет годов основного и дополнительного источников на данном отрезке времени совпадал (т. е. если оба они придерживались мартовского стиля или оба — ультрамартовского), сообщение попадало в статью, сообщавшую о событиях того же года, к которому оно относилось. Если же дополнительный источник придерживался иного счета годов, чем основной, то сообщение, заимствованное из дополнительного источника, попадало в статью, излагавшую события не того года, к которому оно в действительности относилось, а или следующего года, или предшествующего.

Если основной источник, которому сводчик следовал в обозначении статей за данный промежуток, придерживался мартовского счета годов.

а дополнительный — ультрамартовского, то сообщение, заимствуемое из дополнительного источника, попадало в свод в статью, излагавшую события года, следовавшего за тем, к которому относилось это сообщение. Статья Лаврентьевской летописи под 6724 годом принадлежит к группе мартовских статей, составленных в основном по ростовскому летописанию. Она сообщает о ростовских событиях 1216/7 г. (смерть епископа Пахомия, закладка Константином монастыря в Ярославле, поставление Кирилла на ростовскую епископию). И в ней же дано сообщение, с владимирской окраской, об удалении Мстислава из Новгорода и о призвании новгородцами Ярослава Всеволодовича. Это события начала предшествующего 1215/6 г., т. е. 6723 мартовского. Во владимирском источнике сообщение читалось под 6724 ультрамартовским годом. Не учитывая разницы стилей летосчисления, сводчик включил сообщение в статью, имевшую такое же численно обозначение года, и, таким образом, это сообщение оказалось в окружении сообщений о событиях следующего года. Статьи под 6806—6809 годами Воскресенской летописи составлены по двум источникам: один (его надо признать основным) следовал мартовскому счету годов, т. е. излагал в этих статьях события 1298/9—1301/2 гг.; другой — ультрамартовскому счету, т. е. излагал в статьях под этими же годами события 1297/8—1300/1 гг. Сводчик, заимствуя сообщение из второго источника, помещал его в одну статью с сообщениями, читавшимися в первом источнике под таким же численно обозначением года; таким образом, сообщение, взятое из второго источника, попадало в статью, излагавшую — по первому источнику — события года, следовавшего за тем, к которому в действительности относилось это сообщение. Взятые из второго источника сообщения о пожаре княжого дворца в Твери и о засухе, относящиеся к 1297/8 г. (6806 ультрамартовскому), оказались в одной статье с сообщением о событии 1298/9 г. (6806 мартовского), взятым из первого источника (поход Федора Ростиславича к Смоленску); сообщ. со- о событиях 1298/9 г. (6807 ультрамартовского) из второго источника, о смерти Ярослава Пронского, рождение Дмитрия Михайловича) — в одной статье с сообщениями о событиях 1299/300 г. (6807 мартовского) из первого (смерть новгородского архиепископа Климента, поражение немцев Довмонтом у Пскова и пр.) и притом после этих сообщений; сообщения о событиях 1299/300 г. (6808 ультрамартовского) из второго источника (пожар в Новгороде, великие ветры, дожди и громы, поход Александра Глебовича к Дорогобужу) — в одной статье с сообщениями о событиях 1300/1 г. (6808 мартовского) из первого источника (поставление новгородского архиепископа Феоктиста, построение «немцами свейскими» города Венец земли); сообщения о событиях 1300/1 г. (6809 ультрамартовского) из второго источника (пожар Торжка, рождение Александра Михайловича Тверского, поход Даниила Московского на Рязань) — в одной статье с сообщениями о событиях 1301/2 г. (6809 мартовского) из первого источника (взятие Андреем «немецкого» города на Неве, буря в Ростове), причем сообщения, относившиеся к 1300/1 г., даны не

в начале статьи, а между сообщениями, относящимися к 1301/2 г. (одно) и после них, в конце статьи (два).

Если основной источник, определявший обозначение статей в своде на данном промежутке, придерживался ультрамартовского стиля, а дополнительный — мартовского, то сообщение, заимствованное из дополнительного источника, попадало в статью, излагавшую события года, предшествовавшего тому, к которому относилось это сообщение. Статья под 6666 годом в Ипатьевской летописи принадлежит к числу ультрамартовских, излагает южнорусские события 1157/8 г.; но в нее же сводчик включил владимирские сообщения, читавшиеся в другом его источнике под 6666 мартовским годом, т. е. относящиеся к 1158/9 г. Таким образом, сообщения о событиях 1158/9 г. в северо-восточной Руси (закладка Андреем церкви Богородицы во Владимире и новых городских стен, вступление Леона на ростовскую епископию) оказались в одной статье с сообщениями о событиях 1157/8 г. в южной Руси. То же мы находим и дальше: события 1159/60 г. (6667 мартовского) в северо-восточной Руси (смерть Бориса Юрьевича, изгнание епископа Леона) даны в начале статьи, сообщающей дальше о южнорусских делах 1158/9 г. (6667 ультрамартовского); владимирское сообщение (о смерти Ярослава Юрьевича) 1166/7 г. (6674 мартовского) включено в статью, излагающую южнорусские события 1165/7 г. (6674 ультрамартовского).

Если сводчик составлял всю статью не по основному, а по дополнительному источнику и помечал ее тем годом, который читался там, и если в этом источнике стиль летосчисления был иной, чем в основном, статья получала обозначение года, не совпадавшее по стилю с обозначениями, свойственными вообще статьям данной части свода. Владимирский свод 1212 г. придерживался со статьями о 70-х годах XII в. ультрамартовского счета годов, следуя своду времени Всеволода; но некоторые статьи в нем обозначены, в виде исключения, мартовскими годами, например статья под 6688 годом (о событиях 1180/1 г.). Объяснения надо искать в том, что они составлены по источнику с мартовским счетом годов. С такими же обозначениями эти статьи-исключения перешли затем и в Лаврентьевскую летопись. Статьи о событиях 1206/7 и следующих годов Лаврентьевская летопись обозначает мартовскими годами, следуя ростовскому летописанию. Но статьи о событиях 1208/9 и 1217/8 гг., принадлежащие к этой мартовской полосе, обозначены, в виде исключения, ультрамартовскими годами (6717 и 6726), по всей вероятности, потому, что содержание их заимствовано из источника с ультрамартовским счетом годов, из владимирского летописания.

Таким образом, порядок, в каком чередовались в своде группы статей и отдельные статьи с мартовскими и ультрамартовскими обозначениями, а также соединение в некоторых статьях сообщений, относящихся к разным годам, определялись в первую очередь составом источников свода, тем, какое применение находили в этих источниках

мартовский и ультрамартовский стили, и тем, как источники были использованы составителем свода. Двойственность стиля летосчисления источников вызывала появление сочетаний мартовских и ультрамартовских датировок в своде. Различием в составе источников и в использовании их вызывалось различие в сочетаниях тех и других датировок между разными сводами. Привлечение новых источников вызывало постепенное — от свода к своду — изменение и усложнение этих сочетаний в сводах одной генеалогической линии. Скрещивание разных или разошедшихся линий изменяло и усложняло эти сочетания в сводах, являвшихся плодом такого скрещивания.

В некоторых случаях, вообще говоря редких, статья получала в своде обозначение, не соответствующее ни мартовскому, ни ультрамартовскому стилю; иногда таких статей имеется несколько подряд. Такие обозначения, если не были простыми описками, возникали в результате неудачных хронологических комбинаций сводчика. Относительно того, какие соображения привели сводчика к проставлению такого обозначения, можно в каждом отдельном случае высказаться лишь предположительно. Для примера возьмем статьи под 6766 и 6767 годами Лаврентьевской летописи. В этих двух статьях изложены события трех мартовских годов: 6766 (1258/9), 6767 (1259/60), и 6768 (1260/1). События 6766 года (смерть Олега рязанского, поездка князей в Орду, возвращение Бориса и Глеба в Ростов) и 6767 года (татарская перепись в Новгороде) даны в одной статье, под 6766 годом, т. е. под таким обозначением года, которое является мартовским по отношению к первой части содержания статьи и единицей ниже мартовского по отношению ко второй части ее содержания; события начала 6768 года (приезд Александра, после татарской переписи, из Новгорода в Ростов) — под 6767 годом, т. е. под обозначением на единицу ниже мартовского. Чем вызвана эта неисправность? Несомненно, какой-то неисправностью в источнике, имевшейся ко времени составления статьи, вероятнее всего, тем, что в рукописи образовался дефект на месте обозначения года (6767) татарской переписи в Новгороде. Этот дефект ввел в заблуждение составителя статей, читаемых в Лаврентьевской летописи. Свой источник он понял так, что перепись в Новгороде была в том же году, что и события, изложенные под 6766 годом, и включил в своем труде сообщение о переписи в статью под этим годом. В связи с этим обозначение года прибытия Александра в Ростов (6768) он принял за ошибочное (так как по содержанию сообщения было ясно, что прибытие состоялось вскоре же после переписи, в начале следующего года) и «исправил» на 6767. Надо заметить, что составитель свода не распространил «исправления» на обозначения дальнейших статей. Очередной год — 6768 — он оставил «пустым», а обозначения дальнейших статей сохранил без изменений.

Как основные этапы процесса образования и усложнения сочетаний мартовских и ультрамартовских датировок в летописных сводах надо

назвать в южнорусском летописании — киевский свод конца XII в. и затем свод XIV в.; в новгородском летописании — свод 30-х годов XIV в.; в летописании северо-восточной Руси — владимирский свод времени Всеволода, владимирский же (по мнению М. Д. Приселкова — тверской) свод начала XIV в., московский свод начала XV в. и затем московские своды того же века, объединявшие летописание северо-восточной Руси с новгородским.

То, чем мы теперь располагаем в области летописания, это — своды и своды сводов. Главная масса хронологических запутанностей и расхождений в этих сводах за означенное время (XII, XIII, начало XIV в.) непосредственно восходит, как к своей причине, к существовавшей у нас тогда двойственности стиля летописного летосчисления. Некоторая доля косвенно восходит к той же причине, являясь результатом неудавшихся попыток сводчика (составителя ли того свода, который перед нами, или одного из его предшественников) справиться с теми недоразумениями и затруднениями, которые порождались двойственностью стиля летосчисления источников. Есть, конечно, запутанности и расхождения, вызванные и другими причинами.

Включение результатов специального хронологического обследования летописей в состав аргументации при обсуждении многочисленных и тонких спорных вопросов истории летописания — дело будущего. Если же результаты хронологического обследования сопоставить с теми результатами исследований по истории летописания, которые в настоящее время можно считать установленными и общепринятыми, то обнаруживается взаимное соответствие между результатами изучения того и другого порядка. Чередования и сочетания мартовских и ультрамартовских датировок в сохранившихся сводах, вскрываемые хронологическим обследованием, оказываются соответствующими тому, что историки летописания говорят об источниках данного свода; грани между полосами мартовского и ультрамартовского стилей в своде совпадают с границами между частями свода, возводимыми к разным основным источникам. Это взаимное соответствие не безразлично для историка летописания, потому что служит подтверждением правильности произведенного анализа; и оно важно для хронолога (исследователя хронологии), потому что позволяет ставить и решать вопрос о территориальном приурочении стилей.

Возьмем для примера Лаврентьевскую летопись. Концепции А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова относительно этой летописи, относительно степени текстуальной близости ее к своду начала XIV в. (владимирскому — по мнению А. А. Шахматова, тверскому — по мнению М. Д. Приселкова) и относительно самого этого свода различны. Но в них есть и общее, важное для нашей задачи; ограничимся этим общим. Текст Лаврентьевской летописи по статье о 1205 г. возводится в основном к нескольким последовательным владимирским сводам второй половины XII и начала XIII в. (включавшим и Повесть временных лет и примыкавшие к ней киевские записи). Историки летописания признают,

что владимирское летописание испытало при Всеволоде сильное влияние летописания Переяславля Русского; а хронологическое обследование показывает, что со статей о 70-х годах XII в., — с тех статей, составление которых надо относить ко времени Всеволода, — Лаврентьевская летопись меняет мартовское обозначение статей на ультрамартовское. Обнаруживаемая хронологическим обследованием смена стилей летоисчисления совпадает, таким образом, с важным этапом истории основного источника этой части Лаврентьевской летописи, устанавливаемым историками летописания. Дальнейший текст Лаврентьевской летописи — со статьи о 1206 г. — историки летописания возводят в основном, в отличие от предыдущей части летописи, к ростовскому летописанию; а хронологическое обследование обнаруживает, что начиная с этой статьи, в отличие от предыдущих, летопись проставляет годы снова по мартовскому стилю. И в данном случае, таким образом, результаты изучения летописного текста историками летописания и результаты хронологического обследования летописи находятся во взаимном соответствии. Заключительная часть Лаврентьевской летописи — статьи о 90-х годах XIII в. и первых годах XIV в. — восходят к владимирскому летописанию, по мнению А. А. Шахматова, к тверскому, по мнению М. Д. Приселкова, во всяком случае не к ростовскому; а хронологическое обследование обнаруживает, что статьи эти помечены, в отличие от предыдущих, ультрамартовскими годами. Таким образом, и здесь наблюдается соответствие результатов обследования летописного свода в отношении чередования стилей летоисчисления с результатами изучения свода в отношении его источников.

Подобное же соответствие обнаруживается при сопоставлении результатов хронологического обследования других летописей — Ипатьевской, Симеоновской, Воскресенской — с результатами исследований по вопросу об источниках этих летописей.

Как отражается обследование летописных сводов в отношении мартовских и ультрамартовских датировок на нашем суждении о степени достоверности летописной хронологии? Оно очень повышает ее оценку, оценку достоверности того, что дают нам летописи, при правильном понимании их хронологических показаний, для датировки событий. Громадное большинство тех летописных дат, которые признавались (и должны были признаваться) ошибочными при понимании их как дат мартовских, оказываются не вызывающими никаких сомнений при единственно правильном понимании их как дат ультрамартовских. В громадном большинстве расхождения между летописями в датировке событий оказываются мнимыми. Пора перестать воспринимать расхождение между летописями в обозначении года на единицу как разноречие в датировке события. Это в подавляющем большинстве случаев только два одинаково правильных обозначения одного года по разным стилям. Принято говорить, что смерть Андрея Боголюбского источники дати-

ругую одни 1174, другие 1175 годом. Никакой источник смерти Андрея ни 1174, ни 1175 годом, собственно, не датирует. Одни летописи датируют ее 6682 мартовским годом, — это наш 1174 год; другие — 6683 ультрамартовским годом — это наш тот же 1174 год. Разноречия тут не больше, чем между утверждением, что сегодня 28 марта и что сегодня 15 марта (по старому стилю).

Еще одно замечание. Так как хронологическое обследование летописей производилось по объективным признакам, вне зависимости от того, считать ли ультрамартовские датировки ошибками или стилем, то скептическое отношение к идее двойственности весенних стилей летосчисления в древней Руси и даже отклонение этой идеи, очевидно, не повлияет на результаты обследования и на использование их в практике хронологической работы. Оно не повлияет и на наши представления о процессе (или процессах) постепенного образования летописной хронологии в ее теперешнем виде, как мы пытаемся и будем пытаться восстановить и конкретизировать этот процесс, отправляясь от результатов обследования и постепенно идя вспять, от последующего к предыдущему. Мы только назовем тогда этот процесс не процессом возникновения ультрамартовского стиля, его распространения и сочетания с мартовским, а процессом возникновения хронологических ошибок, их распространения и сочетания с правильными датами. Пострадает репутация деятелей нашего летописания и пострадает в некотором смысле мы сами, поскольку вынуждены будем вернуться к этому старому, чрезвычайно неубедительному объяснению ультрамартовских датировок ошибками.

V

Обследование каждого из летописных сводов обнаруживает, что за время по XIV в. включительно годы обозначены в нем частью по мартовскому, частью по ультрамартовскому стилю. Возникает вопрос: как, когда, на каком этапе или на каких последовательных этапах истории текста данного свода сложилось то сочетание мартовских и ультрамартовских датировок, какое наблюдается в нем в его окончательном виде, в каком он дошел до нас? Изучение летописных памятников с этой стороны дало бы возможность восстановить подробную и конкретную историю распространения ультрамартовского стиля в нашем летописании. Такое изучение должно вестись, конечно, в теснейшей связи с изучением истории постепенного образования текста каждого свода; в сущности оно входит в состав изучения истории текста, является его обязательным элементом. Это благодарная задача для ряда тщательных, кропотливых специальных исследований. В настоящей главе предлагаем только очень краткий, в форме тезисов, предварительный очерк применения обоих стилей в нашем летописании, кончая двумя сводами первой половины XV в. (Московский свод начала века и Софийский временник).

Южнорусское летописание

1. Древнейшие памятники киевского летописания, включая Повесть временных лет, применяли мартовский стиль летосчисления.

2. Киевское летописание придерживалось мартовского стиля до второй половины 50-х годов XII в.

3. Ультрамартовский стиль был впервые применен во втором десятилетии XII в. в летописании Переяславля Русского, примыкавшем к Повести временных лет силвестровой редакции, и применялся им в последующие десятилетия.

4. Во второй половине 50-х годов XII в. киевское летописание также усвоило ультрамартовский стиль.

5. Не обнаружено данных, свидетельствующих о применении ультрамартовского стиля в летописании других южнорусских центров.

6. Со второй половины 70-х годов XII в. киевское летописание вернулось к мартовскому стилю.

7. Составитель киевского свода конца XII в. придерживался мартовского стиля; но ту часть киевской летописи за XII в., которая была датирована ультрамартовскими годами, он включил в свод без изменений датировки.

8. Хронологические трудности, возникавшие перед составителем южнорусского свода начала XIV в. (Ипатьевская летопись), сосредоточивались преимущественно на срединной части свода, на датировке событий за XII в., с 1118/9 по 1198/9 г., и вызывались главным образом (не исключительно) тем, что источники, которыми сводчик располагал для этого времени, применяли два стиля летосчисления — мартовский и ультрамартовский.

9. Датировка событий XII в. в южнорусском своде определялась в основном киевским летописанием. Отсюда наблюдаемая в своде смена стилей летосчисления: мартовского — ультрамартовским во второй половине 50-х годов XII в. и ультрамартовского — мартовским во второй половине 70-х годов.

10. Под влиянием летописания Переяславля Русского составитель свода повысил на единицу обозначения статей, излагавших события 1125/6—1139/40 гг., и тем самым изменил мартовскую датировку событий этого промежутка на ультрамартовскую.

11. Составитель свода включил в свой труд многочисленные заимствования из владимирского свода сообщений о событиях второй половины XII в. Чередование мартовских и ультрамартовских обозначений в этом источнике было иное, чем в киевском своде. В связи с этим южнорусскому сводчику XIV в. не всегда удалось уловить подлинное хронологическое соотношение между сообщениями того и другого источника. В этом одна из причин хронологических погрешностей в своде, в частности — неоднократно наблюдаемого в нем соединения в одной статье южнорусских сообщений данного года с сообщениями о событиях предшествующего или следующего года в северо-восточной Руси.

12. Попытки сводчика «исправить» датировку событий, дававшуюся источниками, привели к крупным неисправностям в датировке событий конца 60-х — начала 70-х и конца 70-х — начала 80-х годов XII в.

13. В качестве третьей части в южнорусский свод начала XIV в. была включена Галицко-Волынская летопись за XIII в. в виде связного рассказа без разбивки на годы, дополненная в немногих местах заимствованиями из других источников.

14. В Ипатьевском списке эта третья часть свода была искусственно разбита на годы (то же лицо разделило на статьи, под тремя последовательными годами, последнюю статью второй части свода, т. е. заключительную статью Киевского свода XII в.). Годы были расставлены более или менее произвольно, они значительно отступают от действительных дат событий, не соответствуя им ни по мартовскому, ни по ультрамартовскому стилю.

Летописание Северо-восточной Руси

1. Владимиро-суздальское летописание на начальном этапе (летописные записи времен Юрия Долгорукого, летописец времени Андрѣя Боголюбского) вело летосчисление по мартовскому стилю.

2. Начиная со свода времени Всеволода, владимирское летописание под влиянием летописания Переяславля Русского усвоило ультрамартовский стиль. Та часть свода, которая воспроизводила в основном более ранний владимирский же свод, сохранила вообще мартовское обозначение статей, но обозначение некоторых статей в ней было изменено на ультрамартовское. Статьи, продолжавшие этот старый владимирский свод и излагавшие события ближайшего к составлению нового свода времени, помечались годами по ультрамартовскому стилю.

3. Во владимирском своде 1212 г. статьи, продолжавшие всеволодов свод, были также помечены ультрамартовскими годами.

4. Переработка владимирского свода 1212 г., произведенная в скором времени в Переяславле Суздальском, в общем незначительная, сохранила без изменений обозначение статей.

5. Летописные записи во Владимире велись по ультрамартовскому же стилю и дальше, в XIII и в начале XIV в.

6. Есть основания думать, что по ультрамартовскому же стилю велись летописные записи в Твери в конце XIII и начале XIV в.

7. Ростовское летописание придерживалось мартовского стиля.

8. Во владимирском своде начала XIV в. (представленном Лаврентьевской летописью) мартовский стиль летосчисления сменялся со статьи о событиях конца 1170/1 г. ультрамартовским, так же, как это было во владимирских сводах конца XII — начала XIII в.

9. Статьи о событиях 1205/6 и следующих годов были помечены в своде мартовскими годами, так как в основу этой части свода было положено ростовское летописание, применявшее мартовский стиль.

10. Сам составитель свода начала XIV в. придерживался ультрамар-

товского стиля и события ближайшего к составлению свода времени, 90-х годов XIII в. и первых годов XIV в., изложил под ультрамартовскими годами.

11. Московский свод начала XV в. (сгоревшая Троицкая летопись, восстанавливаемая по Симеоновской летописи, по примечаниям Н. М. Карамзина и другим данным) в первой своей части, по 1304 г., был основан на своде начала XIV в. и очень близок к нему текстуально. В обозначении статей свод начала XV в. следовал своду начала XIV в., с некоторыми лишь отступлениями, и в нем наблюдалась такая же смена стилей летосчисления (мартовский — ультрамартовский — мартовский — ультрамартовский).

12. Под влиянием одного из дополнительных источников свод начала XV в. изменил ультрамартовские обозначения статей о событиях 90-х годов XII в. и первых годов XIII в. на мартовские, но произвел это изменение не вполне последовательно.

13. Существеннейшее отступление свода начала XV в. от свода начала XIV в. в обозначении статей было произведено под влиянием владимирских летописных записей о событиях со второй половины первого десятилетия по 20-е годы XIII в. — записей, не вошедших, кроме немногих, в свод начала XIV в. — и выразилось в том, что обозначения статей о событиях 1207/8—1229/30 гг. были повышены на единицу, т. е. превращены из мартовских в ультрамартовские. Изменение было произведено механически, сплошь по отношению ко всем статьям за этот промежуток; поэтому те статьи этой группы, которые в Лаврентьевской летописи были обозначены в виде исключения ультрамартовскими годами, получили в своде начала XV в. обозначение, на две единицы превышающее мартовское, т. е. не соответствующее ни мартовскому, ни ультрамартовскому стилю.

14. После статьи, соответствующей последней статье свода начала XIV в. (о 1304/5 г., под ультрамартовским обозначением), свод начала XV в. давал ультрамартовское же обозначение двум ближайшим статьям (о 1305/6 и 1306/7 гг.), а затем переходил к мартовскому стилю и придерживался его в основном до конца.

Новгородское летописание

1. Новгородское летописание XI—XIV вв. применяло мартовский стиль летосчисления.

2. В XIII и начале XIV в. господство мартовского стиля в новгородском летописании не было, повидимому, безраздельным, и временами в Новгороде составлялись летописные записи, помечавшиеся ультрамартовскими годами.

3. Статьи новгородского свода 30-х годов XIV в. (Новгородская I летопись старшего извода) были в преобладающем большинстве помечены мартовскими годами. Наблюдаемые в нем местами отклонения от

мартовского обозначения (некоторые статьи за XIII в., а также за второе десятилетие XIV в.) дают основание думать, что в числе его источников были летописные записи (новгородские же) с ультрамартовским обозначением годов.

4. Софийский временник (свод 30-х годов XV в.) в той части, которая восходит к начальному киевскому летописанию и к новгородскому своду 30-х годов XIV в., следовал в обозначении статей этим источникам. Дальнейшие статьи Софийский временник помечал мартовскими годами.

VI

В чем научное оправдание выполненной работы по детальному обследованию летописей в хронологическом отношении?

Прежде всего — вопросы летосчисления. Первый — о весеннем или же осеннем начале года. Давно признано, что летописный год до XV в. был весенний, но подтвердить это положение путем именно послетайного обзора летописей (а при таком обзоре подтверждение получалось само собой) и вместе с тем уяснить, в каком смысле приемлемы те оговорки, которые иногда делаются к этому положению, было все же не лишнее. Второй вопрос — о мартовском и ультрамартовском стилях. Об этом говорилось выше. Третий вопрос — о твердом или колеблющемся начале весеннего года, поставленный гипотезой Н. В. Степанова о *circa*-мартовском начале года. Те летописные датировки, которые дают материал для этой гипотезы и для ее критики, выявлены и зарегистрированы в работе в гораздо большем количестве, чем у Н. В. Степанова, по возможности исчерпывающе, и это поможет в дальнейшем составлению надлежащего критического разбора гипотезы.

Далее — вопросы истории летописания.

В трудах по истории летописания при анализе текстов чрезвычайно мало внимания уделяется признакам хронологического порядка, особенностям датировки событий анализируемым текстом; они почти игнорируются. А между тем эти признаки, когда они выявлены и установлены, и совершенно объективны и чрезвычайно показательны. Они обязательно должны быть учитываемы, быть введены в круг тех признаков, по которым производится анализ текста. Игнорирование признаков хронологического порядка не мешало большим успехам в исследовании истории летописания, достижению многого такого, что может считаться твердо установленным; но привлечение признаков хронологического порядка поможет дальнейшим успехам и, в частности, может быть, разрешению контраверз. Запас наблюдений, даваемый хронологическим обследованием летописей, может с этой стороны оказаться полезным при исследовании истории летописания. Хронологическое обследование вскрывает многочисленные и многообразные сочетания мартовских и ультрамартовских датировок. При работе в области истории летописания внимание к этим сочетаниям может помочь исследовательскому

расчленению текста, а такое расчленение часто служит исходным пунктом работы, да и в последующих ее стадиях играет не малую роль. Конечно, связь между обследованием летописной хронологии и исследованием истории летописания взаимная. История летописной хронологии есть часть истории летописания.

Затем — публикация летописей.

Давняя практика состоит в том, что на полях при статье проставляется год, механически, однообразно определяемый во всех случаях вычитанием 5508 из года статьи. Практика эта издавна вызывала сомнения и возражения, а теперь всеми, кажется, признается неудовлетворительной. Она, несомненно, сыграла роль, и, вероятно, не малую, в появлении ошибочных дат в исторических трудах. Чем она должна быть заменена, — вопрос достаточно сложный. И для решения этого вопроса, и для применения затем новых приемов хронологического обследования летописей необходимо.

Главное, на что рассчитана работа, это практическая полезность при переводе и оценке летописных дат, обеспечение правильной и точной датировки событий. Дело идет не о хронологических открытиях, не о введении новых, ранее не встречавшихся дат взамен принятых. Может быть, некоторое количество таких дат и обнаружится, преимущественно по истории отдельных княжений, но не в них дело. Дело идет в основном об устранении хронологической разногласицы, о том, чтобы из числа двух, иногда больше, дат, имеющих хождение, обосновать и утвердить в качестве правильной и обязательной одну. Результаты работы в этом смысле должны быть прежде всего реализованы и отчасти уже реализуются в трудах Института истории — в учебнике для исторических факультетов, в многотомной «Истории СССР» и пр., а через них даты утвердятся и в работах, не связанных по происхождению с Институтом. Но работа рассчитана не только на этот путь реализации ее результатов. Она рассчитана и на то, что работники исторической науки будут обращаться непосредственно к ней. Небезызвестно, что исследователь исторической темы не всегда обладает склонностью к хронологическим разысканиям и далеко не всегда располагает временем для них. В работе о хронологии летописей историк найдет уже выполненным тот хронологический анализ, который необходим, чтобы правильно перевести летописную дату на наш счет, оценить степень ее достоверности и, если она оказывается ошибочной, внести должную поправку. Разумеется, историк подойдет к этому анализу критически; но и в тех случаях, когда он с ним не согласится, собранные в работе данные, необходимые для анализа, позволят историку пересмотреть результаты предлагаемого анализа и вынести свое решение.

Кратко — о перспективах работы.

Первое — хронологическое обследование летописей и составление постатейных комментариев к ним должно быть распространено на XV—XVI вв. Второе — должно быть произведено хронологическое обследование не-летописных источников в отношении мартовского, сентябрь-

ского и ультрамартовского стилей. Третье — работа по составлению собственно хронологии событий. Составление пособий и справочников, необходимых для исторической, археографической и т. п. работы, называется теперь в числе очередных задач. В ряду их хронологическому справочнику принадлежит одно из первых мест, если не первое. Дополнительный том многотомника с хронологическими таблицами будет очень полезным справочным пособием для того круга читателей, на который рассчитан многотомник; но он не будет справочником указанного типа и назначения. В отношении того периода, который охвачен исследованием о хронологии летописей, большая подготовительная работа, необходимая для составления такого справочника, собственно, уже произведена. При хронологической работе для многотомника было невозможно ограничиться только теми датами, которые подлежали включению в хронологические таблицы дополнительного тома, или хотя бы теми — в несколько раз более многочисленными — датами, которые приводятся в тексте статей. Круг дат, обследованных, проверенных, уточненных, обоснованных в связи с работой над датами, включенными в многотомник, гораздо шире. Он более или менее близок к тому кругу, который должен войти в предполагаемый хронологический справочник; но, конечно, значительная работа остается еще впереди.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ СССР	ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
<p>А. Б. Беркевич. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. 3</p> <p>Е. Н. Кушева. Торговля Москвы в 30—40-х годах XVIII в. 44</p> <div style="border: 1px solid black; padding: 2px; display: inline-block; margin-bottom: 5px;"> А. И. Заозерский. </div> Александр Романович Воронцов 105 <p>М. В. Нечкина „Союз Спасения“. 137</p> <p style="text-align: center; margin-top: 10px;">ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ</p> <p>Ф. И. Нотович. Империалистические противоречия накануне первой мировой войны 185</p>	<p>Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. 251</p> <p>К. П. Сербина. Источники Книги Большого Чертежа 290</p> <p style="text-align: center; margin-top: 10px;">ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ</p> <p>Н. Г. Бережков. О хронологии русских летописей по XIV в. включительно 325</p>

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

Редактор издательства **Ц. М. Подгорная** Технический редактор **О. В. Замыкина**

А-06641	Издат. № 1298	Подп. в печать 28/VII 1947 г.	Формат бум. 70 × 108 ² / ₁₆
Печ. л. 22 ³ / ₄	Уч.-издат. л. 28.	Зак. 2812.	Тираж 7000

2-я типография Издательства Академии Наук СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10